

**ЗАРУБЕЖНЫЕ
ТРИЛЛЕР**

Том Кэлэси



КРЕМЛЕВСКОЙ

„САРАДИ-

НАЛ”

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МИР”

Annotation

Остросюжетный роман популярнейшего современного американского писателя Тома Клэнси, написанный в форме политического детектива о высокопоставленном советском офицере, завербованном ЦРУ. Роман из серии про Джека Райана.

- [Том Клэнси](#)
 -
 - [Пролог. Опасности: старые, новые и непреходящие](#)
 - [1. Прием делегации](#)
 - [2. «Чайный клипер»](#)
 - [3. Усталая рыжая лиса](#)
 - [4. Яркие звезды и быстрые корабли](#)
 - [5. Глаз змеи – лицо дракона](#)
 - [6. Один – если по земле](#)
 - [7. Катализаторы](#)
 - [8. Передача документа](#)
 - [9. Возможности](#)
 - [10. Оценка ущерба](#)
 - [11. Процедуры](#)
 - [12. Успех и неудача](#)
 - [13. Сопевцания](#)
 - [14. Перемены](#)
 - [15. Кульминация](#)
 - [16. Оценка ущерба](#)
 - [17. Заговор](#)
 - [18. Преимущества](#)
 - [19. Путешественники](#)
 - [20. Ключ судьбы](#)
 - [21. Ход ваетом](#)
 - [22. Активные меры](#)
 - [23. Самые лучшие планы](#)
 - [24. Правила игры](#)
 - [25. Сближение](#)

- [26. Черные операции](#)
 - [27. В полной тайне](#)
 - [Эпилог. Точка соприкосновения](#)
-



Том Клэнси

Кремлевский кардинал

*Любовь – над бурей поднятый маяк
Не меркнувший во мраке и тумане
Любовь – звезда, которую моряк
Определяет место в океане.*

У. Шекспир. Сонет 116

Посвящается полковнику Ф. Картеру Коббу и его жене

Пролог. Опасности: старые, новые и непреходящие

Его звали Лучником. Это было почетное прозвище, хотя его соотечественники перестали пользоваться луком и стрелами больше века назад, после того как познакомились с огнестрельным оружием. Это прозвище отражало отчасти непреходящую природу их борьбы. Первым западным завоевателем – именно так местные жители думали о них – был Александр Македонский. За ним последовало множество других. И все, в конце концов, потерпели неудачу. Жители Афганистана считали причиной своего упорного сопротивления веру в ислам, хотя неистребимая храбрость этих мужчин являлась такой же частью их национального наследия, как и темные глаза, в которых не было места жалости.

Лучник был одновременно молодым и очень старым человеком. В тех случаях, когда выдавалась такая возможность и ему хотелось вымыться в горном ручье, на его теле тридцатилетнего мужчины можно было видеть молодые мышцы. Такие мышцы позволяли их обладателю вскарабкаться на тысячу футов по крутому каменистому склону с той же легкостью, с какой он прежде шел за газетами к своему почтовому ящику.

Старыми были только его глаза. Афганцы – красивый народ, но правильные черты их лиц и светлая кожа постоянно подвержены ветру, солнцу и пыли, отчего люди часто кажутся старше своих лет. Лучник, однако, постарел не от ветра. Еще три года назад он был учителем математики, выпускник колледжа в стране, где большинство жителей считаются образованными, если они в состоянии читать святой Коран. Лучник женился молодым – таков тут обычай, – стал отцом двух детей. Однако его жена и дочь погибли от ракет, выпущенных Штурмовиком Су-24, а сын пропал. После того как советские штурмовики уничтожили до основания деревню, где жила его семья, сюда пришли их пехотные части. Они убили всех оставшихся в живых взрослых и увезли с собой для отправки в Советский Союз малолетних сирот. Там они получают образование и соответствующую подготовку. И все случилось из-за того, что его жена захотела показать внуков своей

матери, перед тем как та умрет, вспомнил Лучник, а также оттого, что советский патруль подвергся обстрелу в нескольких километрах от деревни. В тот день, когда ему стало известно об этом, – через неделю, после того как это произошло, – учитель алгебры и геометрии аккуратно сложил учебники на своем столе и ушел из маленького городка Газни в горы. Еще через неделю после наступления темноты он вернулся в город с тремя другими мужчинами и доказал, что он достойно несет древние традиции своего народа: они убили трех советских солдат и забрали их оружие. С тех пор он так и не расставался со своим первым «Калашниковым».

Но Лучником его прозвали не поэтому. Главарь небольшого отряда моджахедов – что означает «борющийся за свободу» – проявил незаурядную проницательность. Он не отнесся с презрением к новому воину, который провел молодость в стенах школы, овладевая чужеземными обычаями. Не винил главарь молодого учителя и в том, что тот слабо разбирался в религии. Когда он пришел в отряд, его знание ислама было крайне поверхностным, но главарь помнил, как текли слезы из глаз молодого бойца, когда имам учил его повиноваться воле Аллаха. Не прошло и месяца, как он стал самым безжалостным – и самым ловким – бойцом в отряде, наглядно демонстрируя, что выражает волю Божью. Именно его послал главарь в Пакистан, чтобы там, используя свои знания, он овладел ракетами класса «земля – воздух». Первыми зенитными ракетами, которыми снабдил моджахедов молчаливый серьезный человек из «Америкастана», были советские САМ-17, известные русским под названием «стрела». Эта первая переносная зенитная ракета была достаточно эффективной, только если ею пользовались с максимальной точностью. Таким мастерством владели всего несколько моджахедов. Лучшим среди них был учитель математики, и именно за успехи в стрельбе русскими «стрелами» бойцы отряда прозвали учителя Лучником.

Сейчас у него в руках была новая зенитная ракета, американский «Стингер», однако в его отряде все ракеты «земля – воздух» – и не только в отряде, во всей округе – называли просто «стрелами» – оружием Лучника. Он лежал на остром, как лезвие ножа, краю горного кряжа, в сотне метров ниже горного пика, и отсюда просматривал всю ледниковую долину. Рядом находился его наблюдатель Абдул. Это имя шло ему: Абдул означает помощник, а юноша нес на себе еще две

ракеты для пускового устройства Лучника и, что еще важнее, остротой глаз не уступал соколу. Эти глаза горели яростным пламенем. Абдул был сиротой.

Взгляд Лучника обшаривал горную местность, особенно хребты, и его выражение отражало тысячелетия войн. Серьезный человек, этот Лучник. Несмотря на свою приветливость, он редко улыбался, не проявил интереса, когда ему предложили новую невесту, и даже отказался разделить свое горе с недавно потерявшей мужа женщиной. В его жизни жила лишь одна страсть.

– Вот там, – тихо произнес Абдул и показал рукой.

– Вижу.

Бой в долине – не первый в этот день – шел уже тридцать минут, достаточное время для того, чтобы советские войска получили поддержку со стороны своих вертолетов с базы, расположенной в двадцати километрах за следующей горной грядой. Солнечные лучи отразились от носовой кабины вертолета Ми-24, и Лучник со своим помощником заметили его. Вертолет был еще в десяти милях от них, миновал высокий хребет. Еще выше над головой и далеко за пределами досягаемости «Стингера» описывал круги двухмоторный Антонов-26. Самолет был наполнен аппаратурой наблюдения и связи, с ее помощью и велось управление боем на земле и в воздухе. Но Лучник следил только за Ми-24, штурмовым вертолетом типа «Хайнд», снаряженным ракетами и пушками, которому уже сейчас передавал информация самолет управления боем.

Появление зенитных ракет «Стингер» оказалось неприятным сюрпризом для русских, и тактика их воздушной поддержки менялась каждый день, пока они пытались справиться с этой новой угрозой. Долина была глубокой и очень узкой. Для того чтобы пилот вертолета сумел нанести удар по афганским партизанам, ему нужно было лететь вдоль этой скалистой расщелины. Он предпочтет остаться на высоте не меньше тысячи метров, опасаясь, что на дне долины вместе со стрелками находится команда «Стингера». Лучник следил за тем, как приближался вертолет, все время менявший направление, пока пилот изучал обстановку и выбирал курс сближения. Как и ожидалось, пилот выбрал направление подлета с подветренной стороны, для того чтобы шум ротора достиг слуха афганцев на несколько секунд позже, что может сыграть решающую роль. Радиоприемник на борту самолета,

описывающего круги над головой, будет настроен на частоты, используемые моджахедами, чтобы русские услышали предостережение о приближении вертолета и могли определить место расположения «Стингера». У Абдула действительно был приемопередатчик, выключенный и спрятанный в складках одежды.

Лучник медленно поднял пусковое устройство и направил его двухэлементный прицел на приближающийся вертолет. Большим пальцем он сдвинул кнопку включения и прижал щеку к электропроводной планке. И тут же был вознагражден трелью системы наведения пускового устройства. Пилот оценил обстановку и принял решение. Для нанесения первого огневого удара вертолет устремился по дальней стороне ущелья немного за пределами досягаемости «Стингера». Нос вертолета был опущен вниз, и стрелок, сидящий впереди пилота и чуть ниже его, нацелился в то место, где шел бой. На дне долины появились облачка дыма. Советские войска пользовались минометами для указания цели, где находились их мучители, и вертолет чуть изменил курс. Наступил момент атаки. Из ракет, подвешенных под брюхом вертолета, вырвались языки пламени, и первый залп устремился вниз, к цели.

И вдруг со дна долины вверх начал стремительно подниматься дымовой след. Вертолет мгновенно бросился влево, уклоняясь от устремленной в небо струйки дыма, которая протянулась в стороне от него, но тем не менее указывала на находящуюся впереди опасность – по крайней мере так считал пилот. Руки Лучника сжали пусковое устройство. Вертолет соскальзывал теперь прямо к нему, и его силуэт увеличивался, выходил за пределы внутреннего кольца прицела. Теперь он был досягаем для «Стингера», Лучник нажал большим пальцем левой руки переднюю кнопку, «выпуская из клетки» ракетный снаряд и позволив инфракрасной головке наведения в первый раз засечь тепло, испускаемое турбинами Ми-24. Звук, доносящийся до слуха Лучника через скулу, прижатую к планке, изменился. Теперь ракетный снаряд вел цель. Пилот вертолета принял решение нанести удар по тому месту, откуда в него была запущена «зенитная ракета», и сместил винтокрылую машину еще больше влево, слегка развернув ее. При этом он, не отрывая тревожного взгляда от скалистого дна долины, откуда взлетела ракета, невольно развернул вертолет так, что его выхлопная труба оказалась направлена почти прямо на Лучника.

Ракетный снаряд в пусковом устройстве был от нетерпения, готовый устремиться к цели, но Лучник все еще выжидал. Он поставил себя на место пилота и пришел к выводу, что тот подлетит еще ближе, прежде чем откроет огонь по ненавистным афганцам. Так и случилось. Когда «Хайнд» оказался на расстоянии в тысячу метров. Лучник глубоко вздохнул, чуть приподнял прицел и прошептал короткую молитву мести, затем плавно нажал на спусковой крючок.

Труба пускового устройства дернулась у него в руках, когда «Стингер» покинул ее; ракета поднялась вверх, прежде чем опуститься в своем полете к цели. Острое зрение позволило Лучнику увидеть это, несмотря на почти невидимый след, который оставлял позади себя ракетный снаряд. «Стингер» выдвинул крошечные стабилизаторы, управляющие его полетом, и они повернулись на долю миллиметра, повинаясь приказу компьютера – электронного мозга, микросхемы размером с почтовую марку. Наблюдатель, находящийся высоко над ними в самолете Ан-26, успел заметить крошечное облако пыли и протянул руку к микрофону, чтобы предупредить пилота вертолета об опасности, но его рука едва коснулась пластика микрофона, как ракета попала в цель.

Снаряд влетел прямо внутрь одного из двигателей вертолета и взорвался. Винтокрылая машина мгновенно вышла из строя. Вал, ведущий к хвостовому ротору, перебило взрывом, и «Хайнд» начал резко разворачиваться влево. Пилот попытался перевести вертолет на режим авторотации, лихорадочно стараясь найти внизу ровное место для приземления, а тем временем стрелок передал по радио сигнал бедствия, призывая помощь. Пилот выключил двигатели, уменьшил угол установки лопастей, позволив несущему ротору свободно вращаться от потока воздуха, затем, не отрывая взгляда от крохотной площадки размером с теннисный корт, включил бортовую систему огнетушения. Подобно большинству летчиков, он больше всего боялся пожара, хотя скоро ему доведется понять совершенную ошибку.

Лучник наблюдал, как Ми-24 рухнул носом вниз на каменистый уступ в пятистах футах ниже места, где он расположился. К его изумлению, несмотря на то что вертолет развалился на части, пожара не случилось. Машина перекувыркнулась через нос, ее хвост описал в воздухе дугу, и вертолет замер, опрокинувшись на бок. Лучник

бросился вниз по склону, и Абдул последовал за ним. Через пять минут они подбежали к разбитой машине.

Пилот висел вниз головой, удерживаемый пристяжными ремнями, и пытался освободиться от них. Он испытывал нестерпимую боль, но понимал, что боль испытывают только живые. В этой новой модели вертолета система безопасности была отработана намного лучше, чем в предыдущих. С помощью этой системы и своего искусства ему удалось уцелеть при падении. Он заметил, что его стрелок оказался менее удачливым. Стрелок, сиденье которого находилось впереди, неподвижно висел на пристяжных ремнях со сломанной шеей. У пилота не было времени взглянуть повнимательней. Фонарь кабины разбился, и его металлическая рама превратилась в тюремную решетку для пилота. Механизм аварийного расцепления заело, а пиропатроны отказывались действовать. Он достал из наплечной кобуры пистолет и принялся расстреливать металлический каркас, звено за звеном. Пилот надеялся, что Ан-26 успел получить сигнал бедствия и спасательный вертолет уже летит на помощь. Аварийный радиопередатчик находился в кармане комбинезона, и он включит его, как только сумеет вылезти из своей разбитой машины. Пилот изрезал руки, отгибая части фонарного остова, чтобы выбраться. Он снова поблагодарил судьбу за то, что его жизнь не закончилась в столбе густого дыма, расстегнул ремни и вылез из вертолета на скалистый грунт.

Левая нога была сломана. Острый конец белой кости торчал из летного комбинезона; и хотя пилот не чувствовал боли из-за глубокого шока, вид сломанной ноги поверг его в ужас. Он сунул в кобуру разряженный пистолет и поднял лежащий рядом изогнутый металлический прут, чтобы опираться на него, как на трость. Нужно уйти отсюда, и как можно быстрее. Подпрыгивая на здоровой ноге, пилот приблизился к краю утеса и увидел тропинку, ведущую вниз. Понадобится пройти три километра, чтобы добраться до своих. Он приготовился к спуску, но услышал какой-то шум за спиной и обернулся. В мгновение ока надежда на спасение исчезла, и его охватила паника – пилот понял, что смерть в горящем вертолете была бы для него благом.

Лучник вознес благодарственную молитву Аллаху и достал кинжал из ножен.

От нее не так уж много и осталось, подумал Райан. Корпус был почти цел – по крайней мере снаружи, – однако отчетливо виднелись грубые швы сварки, не менее отчетливо, чем стежки на теле чудовища Франкенштейна. Удачное сравнение, молча подумал он. Эти вещи делаются руками человека, но когда-нибудь им не понадобится и часа, чтобы уничтожить своих создателей.

– Господи, просто удивительно, какими огромными они выглядят снаружи...

– И какими маленькими внутри? – спросил Марк. В его голосе звучала задумчивая грусть. Не так и давно капитан первого ранга Военно-Морского Флота СССР Марк Рамиус ввел свой корабль в этот самый сухой док. Его не было, когда техники ВМС США принялись рассекать подводную лодку, подобно тому как препарируют труп патологоанатомы, и извлекать из нее ядерные ракеты, атомный двигатель, гидролокаторы, бортовые компьютеры, аппаратуру связи, перископы и даже печки из камбуза. Все это подверглось самому тщательному анализу на различных базах, разбросанных по всей территории Соединенных Штатов. Он отсутствовал во время этой процедуры по собственной просьбе. Ненависть Рамиуса к советской системе не распространялась на построенные этой системой корабли. Он хорошо поплавал на этой подводной лодке – и «Красный Октябрь» спас ему жизнь.

Он спас и жизнь Райана. Джек провел пальцем по тонкому шраму на лбу – интересно, подумал он, смыл ли кто-нибудь его кровь с консоли перед постом рулевого?

– Меня удивило, что вы отказались сами вывести лодку в море, – заметил он, обращаясь к Рамиусу.

– Нет, – покачал головой Марк. – Я хочу всего лишь попрощаться с ней. Это был хороший корабль.

– Это верно, – тихо согласился Джек. Он взглянул в сторону левого борта, куда попала торпеда, выпущенная с «Альфы». Ремонтники наполовину заделали пробоину. Джек молча качнул головой. Действительно, хороший корабль – он спас меня, когда в него врезалась торпеда. Двое мужчин стояли и молча смотрели на

подводную лодку. Никто не нарушал их одиночества – матросы и морские пехотинцы окружали этот район с прошлого декабря.

Сухой док начал наполняться грязной водой из Элизабет-ривер, она с шумом врывалась в гигантский бетонный ящик. Сегодня ночью подводную лодку выведут в море. Шесть американских ударных подводных лодок уже сейчас установили карантин на участке океана к востоку от военно-морской базы США в Норфолке. Официально это объяснялось проведением маневров, в которых будут принимать участие надводные суда. Было девять часов вечера, на небе ни звездочки, ни луны. Для наполнения дока потребуется час. На борту лодки уже находится команда в тридцать человек. Они включают дизельные установки корабля и поведут его во второе и последнее плавание к глубоководной впадине к северу от Пуэрто-Рико. Там он будет погребен на глубине в двадцать пять тысяч футов.

Райан и Рамиус наблюдали за тем, как прибывающая вода затопила деревянные блоки, на которых покоился корпус подводной лодки, впервые почти за год смочила ее киль. Теперь вода поступала быстрее, поднимаясь от одной цифры, означающей глубину осадки, к другой. На палубе матросы в ярко-оранжевых спасательных жилетах готовились отдать четырнадцать тяжелых швартовочных тросов, намертво удерживающих лодку.

Сам корабль был спокоен. «Красный Октябрь» не приветствовал погружение в воду, свою родную стихию. Может быть, он знает, какая судьба его ждет, подумал Райан. Мысль была глупой, хотя он помнил, что тысячелетиями моряки одушевляли корабли, ца которых им приходилось плавать.

Наконец по корпусу лодки пробежала дрожь. Вода подняла ее с деревянных блоков. Послышались глухие толчки – их скорее ощущали, чем слышали, – по мере того как лодка всплывала, медленно, очень медленно, раскачиваясь на несколько дюймов.

Еще через несколько минут ожили дизельные установки, матросы палубной команды на «Красном Октябре» и на доке принялись отдавать и выбирать швартовы. Одновременно был снят огромный брезент, закрывающий торец дока, обращенный к морю, и все увидели туман над водой. Для предстоящей операции выбрали идеальные условия. Впрочем, лишь в таких условиях и было возможно проведение подобной операции. Флоту пришлось ждать подходящего

момента целых шесть недель, пока безлунная ночь не совпала с густым туманом, покрывающим Чесапикский залив в это время года. Когда был отдан последний швартовочный трос, офицер на мостике боевой рубки дал короткий сигнал.

– Походный порядок! – раздался его голос, и матрос на носу быстро опустил гюйс и сложил флагшток. Впервые Райан заметил, что гюйс был советским. Справедливо, подумал он, В кормовой части боевой рубки другой матрос поднял советский военно-морской флаг с красной звездой и эмблемой Краснознаменного Северного флота. Флот США, никогда не забывающий о традициях, салютовал человеку, командовавшему подводной лодкой.

Райан и Рамиус следили за тем, как «Красный Октябрь» начал двигаться своим ходом, два его бронзовых винта медленно вращались на обратном ходу, выводя подводную лодку на простор реки. Один из буксиров помог ей развернуться на север. Прошла еще минута, и она скрылась из виду, лишь низкий рев дизеля разносился по покрытой радужными пятнами нефти воде морской базы.

Марк высморкался и несколько раз мигнул. Когда он повернулся спиной к стене тумана, в котором исчезла подводная лодка, голос моряка был твердым и спокойным,

– Значит, Райан, они вызвали вас домой из Англии, чтобы присутствовать при прощальной церемонии?

– Нет, я прилетел уже несколько недель назад. Новая работа.

– Могу спросить, какая именно? – спросил Марк.

– Контроль над вооружениями. Мне поручена координация разведывательных аспектов при ведении переговоров. Вылетаем в январе.

– В Москву?

– Да, там состоится предварительное совещание – утверждение повестки дня и прочая техническая работа. А как вы?

– Комитет по новым техническим разработкам на Багамских островах. Солнце и песок. Смотрите, какой у меня загар. – Рамиус усмехнулся. – Каждые два-три месяца прилетаю в Вашингтон. И сейчас лечу обратно через пять часов. Мы работаем над проблемами уменьшения шума. – Еще одна улыбка. – Совершенно секретно.

– Отлично! Давайте поужинаем у меня дома. Я ведь приглашал вас тогда и все еще не выполнил своего обещания. – Джек вручил ему

визитную карточку. – Здесь указан номер моего телефона. Позвоните мне за несколько дней до вылета, и я обо всем договорюсь в управлении. – Райан знал, что Рамиус и его офицеры находятся под строжайшей охраной службы безопасности ЦРУ. Просто удивительно, подумал Джек, что до сих пор никто не узнал о происшедшем. Ни один представитель средств массовой информации ничего не пронюхал, и если безопасность обеспечивается действительно так эффективно, возможно, и русские ничего не подозревают о судьбе своей ракетной подводной лодки «Красный Октябрь». Сейчас она поворачивает на восток и проходит над туннелем Хэмптон-Роудс. Примерно через час после этого лодка погрузится и направится на юго-восток. Джек покачал головой.

Его печаль, связанная с судьбой субмарины, сдерживалась при мысли о ее предназначении. Он вспомнил свою реакцию, когда год назад вошел в ракетный отсек подводной лодки, первый раз оказавшись так близко к этим ужасным предметам. Джек соглашался с тем, что ядерное оружие сохранило мир на планете – если действительно можно назвать положение на земле миром, – но подобно большинству людей, задумывающихся над этим вопросом, он надеялся, что найдется какой-нибудь способ получше. Ну что ж, по крайней мере в мире станет одной атомной ракетной субмариной меньше, станет меньше на двадцать шесть баллистических ракет и сто восемьдесят две ядерные боеголовки. Со статистической точки зрения – не слишком много, сказал себе Райан.

И все– таки это начало.

В десяти тысячах миль к востоку и на высоте восьми тысяч футов над уровнем моря проблема заключалась в погоде, которая не соответствовала времени года. В Таджикской Советской Социалистической Республике ветер дул с юга, принося с собой влагу Индийского океана, падающую вниз в виде неприятной холодной измороси. Скоро наступит зима, настоящая зима, всегда приходящая рано в эти края, обычно сразу после раскаленного душного лета, и все, что сыплется с неба, будет холодным и белым.

Рабочими здесь были главным образом молодые усердные комсомольцы. Их привезли сюда, чтобы они оказали помощь в завершении строительства проекта, начатого в 1983 году. Один из них, аспирант Московского государственного университета, заканчивающий работу над диссертацией по физике, вытер мокрое от дождя лицо и выпрямился, чтобы расправить усталую спину. Разве так следует использовать многообещающего молодого инженера, подумал Морозов, Вместо того чтобы вести геодезические изыскания и таскать этот теодолит, он мог бы сейчас в лаборатории заниматься конструированием лазеров. Однако ему хотелось стать, наконец, полноправным членом КПСС, а главное – избежать службы в армии. Учеба в аспирантуре, откладывая призыв, вместе с активной комсомольской работой – на это возлагались немалые надежды.

– Ну что там у тебя? – Морозов обернулся и увидел одного из инженеров-строителей. Он вспомнил, это тот самый, что считал себя специалистом по бетонным работам.

– По моему мнению, точка выбрана правильно, товарищ инженер.

Пожилой инженер наклонился и посмотрел в объектив теодолита.

– Да, верно, – согласился он. – И слава Богу, это последняя точка. – Послышался далекий взрыв, и оба вздрогнули. Саперы из специальных подразделений Советской Армии взорвали еще одну выступающую скалу за пределами территории объекта, огороженного по периметру забором. Не обязательно быть военным, чтобы понять, для чего все это делается, подумал Морозов.

– А ты неплохо разбираешься в геодезических инструментах, молодой человек. Может быть, станешь инженером-строителем, как и я, а? Будешь строить подземные государственные объекты?

– Нет, товарищ инженер. Я занимаюсь физикой высоких энергий – главным образом лазером. – Они тоже приносят пользу государству, напомнил себе юноша.

Строитель хмыкнул и покачал головой.

– Тогда ты, возможно, снова приедешь сюда. Бог тебе в помощь.

– А это...

– Я ничего тебе не говорил, – прервал его инженер твердым голосом.

– Понимаю, – тихо ответил Морозов. – Я и сам подозревал это.

– На твоём месте я подумал бы, прежде чем высказывать эти подозрения, – бросил инженер и повернулся, оглядываясь по сторонам.

– Отсюда будет очень удобно наблюдать за звездами, – заметил Морозов, надеясь на соответствующий ответ.

– Откуда мне знать? – ответил инженер с многозначительной улыбкой. – Мне еще не приходилось встречаться с астрономами.

Морозов постарался скрыть улыбку. Значит, его догадка оказалась верной. Они только что рассчитали расположение шести точек для зеркал, находящихся на равном расстоянии от центральной точки в здании, охраняемом часовыми с автоматами. Подобная точность, знал Морозов, используется только в двух случаях: или для астрономических наблюдений, при которых усиливается свет, падающий на поверхность Земли из Космоса, или для другой цели, когда происходит концентрация света, уходящего в Космос с поверхности Земли. Молодой ученый пришел к выводу, что именно здесь произойдут интересные его события. Здесь, на вершине этой горы, будет изменен мир.

1. Прием делегации

На решение самых разных проблем была направлена масса усилий. Все знали об этом. Все, кто находился здесь, принимали в этом участие. Это нужно было всем. И тем не менее все тем или иным способом старались этому помешать. Для каждого из гостей, собравшихся в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца, двойственность была естественной частью натуры.

Здесь присутствовали главным образом русские и американцы, причем они составляли четыре категории.

К первой относились дипломаты и политические деятели. Их можно было достаточно легко узнать по хорошо сшитым костюмам и умению держаться, готовности улыбаться механическими улыбками роботов, а также по отличной дикции, даже после множества тостов. Здесь они были хозяевами, знали это и показывали всем своим поведением.

Вторая категория – военные. Нельзя вести переговоры по разоружению без участия людей, в чьих руках находится это оружие. Военные владеют оружием, ухаживают за ним, испытывают его, холят и лелеют и все время стараются убедить себя, что политики, под чьим контролем находятся сами военные, не дадут приказа пустить его в ход. Люди в военных мундирах стояли главным образом небольшими группами, объединенные по национальному признаку и роду войск, причем каждый держал в руке салфетку и наполненный до половины стакан, а его непроницаемый бесстрастный взгляд обшаривал зал словно в поисках опасности на незнакомом поле боя. А ведь это и было для них полем боя, бескровного сражения, способного превратиться в настоящие битвы, если политические деятели, руководящие действиями военных, утратят контроль над ситуацией, окажутся несдержанными, потеряют чувство перспективы – короче говоря, станут неспособными принять меры, направленные на то, чтобы избежать расточительной и ненужной траты молодых жизней. Военные все как один не доверяли никому, кроме друг друга, а в некоторых случаях полагались на своих противников в обмундировании другого цвета больше, чем на собственных шикарно

одетых хозяев. По крайней мере военным была известна позиция офицеров из армий потенциального противника, чего нельзя сказать о политических деятелях даже твоей собственной страны. Они тихо беседовали друг с другом, все время оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться, не прислушивается ли кто к их разговорам, иногда делали глоток из стакана и снова оглядывались. Они были жертвами, но одновременно и хищниками – похожими на свирепых псов, которых держали на поводках люди, считавшие себя властителями судеб.

Военным и в это было трудно поверить.

Репортеры и журналисты составляли третью категорию приглашенных. Их гоже было нетрудно отличить по одежде, всегда помятой от частых переездов, когда ее приходилось укладывать в чемоданы, слишком маленькие для всего их имущества. Им недоставало внешнего блеска и лоска политических деятелей и неизменных, словно приклеенных улыбок. Журналистов отличало детское любопытство, приправленное цинизмом беспутной жизни. Чаще всего они держали стаканы в левой руке, иногда вместе с маленьким блокнотом взамен бумажной салфетки, тогда как в правой находились наполовину спрятанные ручки. Они бродили по залу среди участников приема как хищные птицы. Хотя бы один из них сумеет найти кого-то, готового рассказать о ходе переговоров. Другие журналисты заметят это и подойдут, чтобы узнать суть дела. Сторонний наблюдатель мог легко оценить, насколько интересной является информация, по скорости, с которой репортеры переходили от одного источника к другому. В этом смысле американские и вообще западные репортеры отличались от их советских коллег, большей частью окружавших своих повелителей подобно преданным вассалам прошлого как для того, чтобы продемонстрировать лояльность партии, так и для того, чтобы защищать их от любопытства коллег по профессии из других стран. Но и те и другие представляли собой аудиторию в этом театральном действе.

Наконец к четвертой, невидимой, категории принадлежали те, кого нельзя было опознать каким-либо определенным способом. Этими людьми являлись разведчики и охотящиеся за ними сотрудники контрразведывательных служб. Их можно было отличить от сотрудников службы безопасности, следивших за всеми с подозрением, но жавшихся к стенкам зала, таких же невидимых, как

официанты,двигающиеся среди приглашенных с тяжелыми серебряными подносами, уставленными бокалами шампанского и хрустальными стаканами, изготовленными по заказу российского императорского дома Романовых. Некоторые из официантов тоже, разумеется, принадлежали к службе контрразведки. Им приходилось больше других ходить по залу, настороженно прислушиваясь к обрывкам разговоров, к слишком тихому голосу или, может быть, слову, не соответствующему духу официального приема. Их задача была непростой. Струнный квартет в углу исполнял камерную музыку, на которую, казалось, никто не обращал внимания, но и он относился к протоколу, связанному с дипломатическими приемами, и на его отсутствие тут же обратили бы внимание. Кроме того, уровень человеческого шума. В Георгиевском зале находилось больше ста человек, и каждый из них половину времени – по меньшей мере – говорил. Те, кто стоял недалеко от играющего квартета, были вынуждены повышать голос, чтобы их слышали. Шум, создающийся в результате всего этого, наполнял зал длиной в двести футов и шириной в шестьдесят пять, с паркетным полом и каменными оштукатуренными стенами, отражающими и усиливающими звуки до такой степени, что уровень шума, доносящегося со всех сторон, был бы болезненным для слуха ребенка. Разведчики пользовались шумом и своей невидимостью, чтобы превратиться в призраков на этом празднестве.

Но разведчики действительно присутствовали здесь. Все знали это. Любой житель Москвы с готовностью расскажет вам про шпионов. Если вы встречаетесь с иностранцем более или менее регулярно, будет благоразумно сообщить об этом. В случае если вы встретились с иностранцем случайно или всего один раз, а в это время мимо прошел сотрудник московской милиции – или армейский офицер с портфелем в руке, – вас окинут взглядом и обратят внимание. Может быть, мельком, а может быть, и нет. Со времени Сталина многое изменилось, разумеется, но Россия осталась Россией, и подозрительность по отношению к иностранцам и их поведению была намного старше любой идеологии.

Большинство присутствующих в зале думали об этом, не отдавая себе отчета, исключение составляли лишь те, кто являлся активным участником таких игр. Дипломаты и политики имели немалый опыт

при выборе слов, и в данный момент эта проблема их не слишком беспокоила. Для журналистов это было просто забавным, интересная игра, мало их затрагивающая, хотя каждый западный репортер знал, что он или она в силу уже самого факта своего присутствия рассматриваются советским правительством как шпионы. Больше всего об этом думали военные. Они понимали важность разведывательной информации, стремились к ней, ценили ее и презирали тех, кто добывал для них эту информацию, считая подобную работу грязной.

Кто здесь разведчики?

Конечно, в зале присутствовало несколько человек, не относящихся ни к одной из четырех категорий – или, наоборот, принадлежащих к нескольким из них.

– Ну, как вам понравилась Москва, доктор Райан? – спросил русский голос. Джек, рассматривавший великолепные часы с фигурой Святого Георгия, обернулся.

– Боюсь, она показалась мне холодной и мрачной, – ответил Райан, сделав глоток шампанского из своего бокала. – Правда, у нас было не так уж много возможностей осмотреть город. – И больше таких возможностей не представится, подумал он. Американская делегация провела в Советском Союзе чуть больше четырех дней и завтра вылетает домой, завершив техническое обсуждение предстоящей пленарной встречи.

– Очень жаль, – заметил Сергей Головкин.

– Это верно, – согласился Джек. – Если вся архитектура у вас столь хороша, мне хотелось бы провести несколько дней, наслаждаясь ею. У строителей этого дворца был превосходный вкус. – Он одобрительно кивнул, глядя на сверкающие белые стены, сводчатый потолок и украшающую их позолоту. Говоря по правде, Райан считал, что в украшении дворца строители зашли слишком далеко, но ему было известно, что русские как нация отличались тем, что, как правило, заходили слишком далеко во многом. Для русских, у которых редко чего было достаточно, понятие достатка означало обладание чем-то более значительным по сравнению с другими – желательно, чтобы у них было больше, чем у всех остальных. Райан считал такой подход доказательством комплекса национальной неполноценности и напомнил себе, что люди, считающие себя неполноценными,

испытывают патологическое стремление опровергнуть собственное представление о самих себе. Этот фактор доминировал во всех аспектах процесса разоружения, часто заменяя элементарную логику как основу для достижения соглашения.

– Декаданс династии Романовых, – отозвался Головко. – Все это добыто потом и кровью простых людей.

– Ну что ж, по крайней мере часть выжатых из них денег пошла на что-то прекрасное, безвредное и вечное, – улыбнулся Райан. – По моему мнению, куда лучше тратить деньги на это, чем на покупку страшного оружия, которое все равно через десять лет устареет. У меня появилась прекрасная мысль, Сергей Николаевич, Давайте направим средства, расходуемые на соперничество в военно-политической сфере, на создание прекрасного – вместо того чтобы тратить их на ядерное оружие.

– Значит, вы довольны достигнутыми результатами?

Снова обсуждение основного вопроса. Райан пожал плечами и повернулся, осматривая зал.

– Полагаю, что мы договорились о повестке дня. Теперь осталось, чтобы вот те парни у камина уладили детали.

Он взглянул на одну из огромных хрустальных люстр. Интересно, сколько понадобилось лет и человеческих усилий, чтобы изготовить ее; к тому же, как оказалось, не так просто подвесить что-то весом с небольшой автомобиль.

– И вы удовлетворены вопросом проверки выполнения соглашения?

Теперь в этом нет сомнения, с едва заметной улыбкой решил Райан. Головко служит в ГРУ. «Национальные технические средства» – термин, охватывающий разведывательные спутники и другие методы слежения за иностранными государствами, – в Америке находились главным образом в поле деятельности Центрального разведывательного управления, однако в Советском Союзе они принадлежали ГРУ – советской военной разведке. Несмотря на то что была достигнута предварительная договоренность о проведении инспекции на местах, основное бремя контроля за выполнением соглашения ляжет на разведывательные спутники, что входит в епархию Головко.

То, что Райан работает на ЦРУ, не составляло особого секрета. В этом не было необходимости – Райан не занимался оперативной деятельностью. Его включение в состав делегации по переговорам о разоружении было вполне логичным, поскольку в настоящее время ему было поручено наблюдение за некоторыми стратегическими системами вооружения в Советском Союзе. Для того чтобы подписать любой договор о сокращении вооружений, обе стороны должны прежде всего справиться с манией преследования, свойственной их собственным спецслужбам, и убедиться в том, что противная сторона не собирается выкидывать сколько-нибудь серьезные фокусы. Джек рассказал об этом главе делегации, ответственному за переговоры; правда, напомнил себе Райан, тот слушал не очень внимательно, вряд ли придавая этому особое значение.

– Проверка выполнения соглашения, – ответил Райан после недолгого размышления, – очень важный и технически сложный вопрос. Боюсь, что я недостаточно в нем разбираюсь. А что думают ваши специалисты о нашем предложении ограничить системы сухопутного базирования?

– Мы зависим от таких систем больше, чем вы, – заметил Головко. Теперь, когда речь зашла о сути советской позиции, его голос звучал сдержанно.

– Не понимаю, почему вы не придаете использованию подводных ракетносцев такой же важности, как мы.

– Как вы хорошо знаете, в первую очередь мы исходим из принципов надежности.

– Чепуха! Подводные лодки весьма надежны, – решил подначить его Джек, не сводя взгляда с часов. Часы были поистине великолепны. На них был изображен какой-то мужик, вручающий меч юноше, посылая его на битву. Ничего нового в таком замысле, подумал Джек. Старый козел благословляет мальчишку на бой и смерть.

– К сожалению, у нас имели место несколько происшествий с ними.

– Да, конечно, вы имеете в виду эту «Янки», затонувшую у Бермудских островов.

– Не только.

– Неужели? – Райан повернулся и посмотрел на собеседника, лишь с трудом удержавшись от улыбки.

– Прошу вас, доктор Райан, не принимайте меня за идиота. Вы знаете историю с «Красным Октябрем» не хуже меня.

– Как вы сказали называется эта лодка? Ах да, ракетоносец класса «Тайфун», потерявшийся у вас недалеко от Каролинских островов. В то время я был в Лондоне, так что подробности мне не известны.

– Теперь вы понимаете, что эти два инцидента являются подтверждением нашей точки зрения. Мы не можем полагаться на ракетоносцы подводного базирования в такой же степени, как вы.

– Да, пожалуй, – кивнул Райан. Вы не можете полагаться не только на подводные ракетоносцы, но и на их капитанов, подумал он, сохраняя бесстрастное выражение лица,

Головко никак не хотел успокоиться.

– Вы позволите мне задать откровенный вопрос? – спросил он.

– Конечно. При условии, что не будете рассчитывать на откровенный ответ, – усмехнулся Райан.

– Будут ли возражения против проекта договора со стороны вашего разведывательного сообщества?

– Ну вот, какой ответ вы рассчитываете получить от меня? – Райан сделал паузу. – А как отнесется к нему ваше разведывательное сообщество?

– Наши органы государственной безопасности поступают так, как им говорят, – заверил его Головко.

Это уж точно, подумал Райан.

– У нас в стране, если президент приходит к выводу, что договор отвечает государственным интересам, и считает, что сумеет провести его через сенат, мнение ЦРУ и Пентагона не имеет значения...

– Но ведь ваш военно-промышленный комплекс... – прервал Джека Головко.

– Боже мой, до чего вы любите твердить одно и то же. Сергей Николаевич, сами-то вы знаете, что дело обстоит совсем иначе.

И тут Райан вспомнил, что Головко принадлежит к военной разведке и может быть не знаком с истинным положением вещей, То, что Америка и Советский Союз далеко не всегда понимали друг друга, являлось одновременно забавным и исключительно опасным. Интересно, в который раз подумал Джек, пыталось ли разведывательное сообщество в Советском Союзе добиться согласия на снабжение правдивой информацией, как это делало теперь

Центральное разведывательное управление, или просто говорило своим хозяевам то, что им хотелось слышать, как нередко в прошлом делало ЦРУ. Последнее показалось ему более вероятным. Русские спецслужбы подвержены, без сомнения, политическому воздействию, так же как это имело место раньше в ЦРУ. К заслугам судьи Мура следует отнести то, что ЦРУ приложило массу усилий, чтобы положить этому конец. Но ведь судья Мур не стремился стать президентом и этим отличался от своих советских коллег. Один председатель КГБ уже сумел добраться до самой вершины и по крайней мере еще один пытался сделать это. По этой причине КГБ превратился в политический трамплин, а это влияет на объективность информации. Джек вздохнул и поднес к губам бокал. Разногласия, существующие между двумя странами, не закончатся после того, как будут ликвидированы ложные представления друг о друге, но по крайней мере ситуация станет более управляемой.

Может быть. Райан не мог не признать, что подобная панацея может оказаться такой же фальшивой, как и все остальные; в конце концов, ее еще никто не пробовал применить на практике.

– Вы не будете возражать, если я предложу кое-что?

– Нет, разумеется, – ответил Головко.

– Давайте прекратим разговор о делах. Уж лучше вы расскажете мне об этом зале, пока я лопью шампанское. – Райан пришел к выводу, что тем самым они сэкономят массу времени, составляя завтра сообщения о содержании состоявшегося разговора.

– Может быть, принести водки?

– Нет, спасибо, мне нравится эта шипучка. Это местное производство?

– Да, из Грузии, – с гордостью произнес Головко. – Мне грузинское шампанское нравится больше французского.

– Я с удовольствием прихватил бы с собой несколько бутылок, – согласился Райан.

– Положитесь на меня, – заметил Головко. В его смехе прозвучало удовольствие и ощущение власти. – Итак, о дворце. Он был закончен в 1849 году. Строительство обошлось в одиннадцать миллионов рублей – по тем временам огромная сумма. Это последний великий дворец, построенный в мире и, мне кажется, самый лучший...

Райан, конечно, не был единственным приглашенным, кто расхаживал по залу. Почти все члены американской делегации никогда раньше не были в Большом Кремлевском дворце. Их русские коллеги, уставшие от скучной обстановки приема, предложили им показать наиболее интересные достопримечательности и увели американцев. За ними пошли несколько сотрудников посольства, присматривая за порядком.

– Ну, Миша, как тебе нравятся американки? – спросил своего помощника министр обороны Язов.

– Те, что идут нам навстречу, достаточно привлекательны, товарищ маршал, – ответил полковник.

– Но они такие тощие... извини, Миша, я забыл, что твоя прекрасная Елена тоже была стройной. Хорошая она была женщина.

– Спасибо, что вспомнили о ней, Дмитрий Тимофеевич.

– Привет, полковник! – воскликнула одна из американок.

– Здравствуйте, миссис...

– Фоули. Мы встречались в ноябре на хоккейном матче.

– Вы знакомы? – спросил помощника маршал.

– Мой племянник – нет, мой внучатый племянник, Михаил, внук сестры Елены, – играет в детской команде, и меня пригласили на матч. Там я обнаружил, что в их команде играет империалист, – ответил полковник, приподняв бровь,

– Ваш сын хорошо играет в хоккей? – поинтересовался маршал Язов.

– Один из лучших нападающих в детской лиге и часто забивает, – произнесла миссис Фоули с гордостью.

– Великолепно! Тогда вы должны остаться у нас и ваш сын, когда вырастет, будет играть за ЦСКА. – На лице Язова появилась широкая улыбка. У него было уже четверо внуков. – А чем вы у нас занимаетесь?

– Мой муж работает в посольстве. Он вон там, беседует с репортерами – но самое главное в том, что мне удалось попасть наконец сюда. Я никогда не видела ничего подобного! – восторженно воскликнула женщина. По ее блестящим глазам было видно, что она успела выпить не один бокал. Наверно, шампанского, подумал министр. Американка явно должна была отдавать предпочтение этому напитку, но она выглядела достаточно привлекательно, да и к тому же

не пожалела сил и времени, чтобы овладеть русским языком, что необычно для американцев. – Пол здесь настолько красив, что даже ходить по нему жалко. У нас дома нет ничего подобного.

– Вам просто повезло – у вас не было царей, – ответил Язов, как и подобает ортодоксальному марксисту. – Как русский, однако, я должен признать, что у них был превосходный нюх на прекрасное.

– Я не видела вас на других играх, полковник, – заметила женщина, поворачиваясь к помощнику.

– У меня нет времени.

– Но вы приносите удачу! В тот вечер наша команда победила, а Эдди забил гол сам и еще один был забит с его подачи.

– А вот наш маленький Миша получил два раза по две минуты штрафа за игру высоко поднятой клюшкой, – улыбнулся полковник.

– Его назвали в честь тебя? – спросил маршал.

– Да.

– Когда мы встретились на матче, у вас не было вот этих орденов. – Миссис Фоули показала на три золотые звезды на груди полковника.

– Наверно, я просто не снял пальто...

– Он всегда носит эти звезды, – заверил американку маршал. – У нас принято всегда носить звезды Героя Советского Союза.

– Это что, эквивалент нашей медали Конгресса?

– Да, эти две награды примерно равны по значимости, – произнес Язов, подчеркивая величие своего помощника. – Полковник Филитов – единственный награжденный тремя звездами Героя за мужество в бою.

– Неужели? Разве можно быть награжденным три раза? За что?

– Я сражался с немцами, – коротко бросил полковник.

– Он убивал немцев, – еще короче и жестче ответил Язов. Когда Филитов стал одним из самых известных офицеров Красной Армии, маршал был всего лишь лейтенантом. – Миша – один из лучших танкистов,

Полковник Филитов даже покраснел.

– Я просто исполнял свой долг, подобно многим другим офицерам во время войны.

– Мой отец тоже был награжден за участие в войне. Он руководил отрядами при спасении военнопленных из концентрационных лагерей на Филиппинах. Не любил рассказывать об этом, но его наградили

многими медалями. А вы рассказываете своим детям об этих золотых звездах?

На мгновение лицо полковника словно окаменело. Вместо него на вопрос ответил Язов.

– Сыновья полковника Филитова погибли много лет назад.

– О-о! Ради Бога, полковник, извините меня, – воскликнула миссис Фоули совершенно искренне.

– С тех пор прошло много времени. – Полковник улыбнулся. – Я помню вашего сына по той игре. Хороший мальчик. Любите своих детей, дорогая, потому что они не вечно будут с вами. А теперь извините меня.

Филитов направился к туалету. Миссис Фоули взглянула на маршала. На ее лице отразилось отчаяние.

– Сэр, я чувствую себя так неловко...

– Вы не могли знать этого. Михаил Семенович потерял своих сыновей, одного за другим, в течение нескольких лет, а затем умерла его жена. Я познакомился с ней, когда был совсем молодым, – прелестная девушка, танцевала в балете Кировского театра. Большое горе, но мы, русские, привыкли к несчастьям. Хватит об этом. За какую команду играет ваш сын? – Интерес маршала Язова к хоккею был подогрев прелестным женским лицом.

Михаил Семенович быстро нашел туалет. Американцев и русских посылали, разумеется, в разные туалеты, и полковник Филитов оказался в одиночестве в комнате, которая раньше была личным ватерклозетом какого-то князя или, может быть, любовницы царя. Он вымыл руки и посмотрел в зеркало в позолоченной раме. Мозг его сверлила одна и та же мысль: опять новое задание. Полковник Филитов вздохнул и привел в порядок свой мундир. Минуту спустя он вернулся в зал.

– Прошу прощения, – извинился Райан. Повернувшись, он столкнулся с пожилым офицером в мундире. Головко сказал что-то по-русски, но Райан не понял. Офицер произнес несколько слов, обращаясь к Райану, что-то вежливое, и – направился, заметил Джек, к министру обороны.

– Кто это? – спросил Райан своего русского коллегу.

– Полковник, личный помощник министра, – ответил Головко.

– Староват для полковника, а?

– Он – герой войны. Мы не заставляем таких людей уходить на пенсию.

– Пожалуй, это справедливо, – согласился Джек и приготовился выслушать дальнейший рассказ об этой части зала. После того как тема Георгиевского зала истощилась, Головкин провел Джека в соседний, Владимирский, зал. Там он выразил надежду, что в следующий раз встретится с Райаном именно здесь. Владимирский зал, объяснил Головкин, служит местом подписания соглашений и договоров. Оба офицера разведки торжественно подняли бокалы в честь этого.

Прием закончился вскоре после полуночи. Райан сел в седьмой лимузин. По пути в посольство никто не разговаривал. Все участники приема приняли изрядное количество алкоголя, и вдобавок в автомобилях – по крайней мере в Москве – не принято обмениваться впечатлениями. Машины слишком легко оборудовать системами подслушивания. Два спутника Райана уснули, и сам он тоже едва не последовал их примеру. От сна его удержало лишь воспоминание о том, что через пять часов им предстояло вылетать из Москвы, поэтому он решил продержаться до вылета и тогда, усталый, он сумеет заснуть в самолете – искусство, которым Райан овладел совсем недавно. По приезде в посольство он переоделся и спустился в посольский буфет, чтобы выпить кофе, стимулирующее воздействие которого не даст ему уснуть в течение нескольких часов. Это время Райан решил использовать для подготовки отчета.

За эти четыре дня события развивались поразительно успешно. Даже, может быть, слишком успешно. Джек знал, что закон средних чисел в его профессии заключается в том, что иногда все идет хорошо, а иногда – плохо. Проект договора был готов и лежал на столе. Подобно всем проектам договоров, составленным в последние годы, он являлся для русских скорее инструментом ведения переговоров, чем основой, на которой они будут вестись. Подробности опубликованы в газетах, и некоторые члены конгресса уже выступили с заявлениями о

том, насколько благоприятны его условия и почему бы Соединенным Штатам просто не согласиться с ними?

Действительно, почему бы не согласиться? – с иронической улыбкой подумал Джек. Это была одна из причин. Другая... А была ли другая? Хороший вопрос. Так почему русские так резко изменили свою позицию? Есть доказательства, что генеральный секретарь Нармонов стремится сократить военные расходы, однако, несмотря на широко распространенное мнение, сокращения расходов на оборону не добьешься ядерным разоружением. Ядерные боеголовки обходятся очень дешево, если принять во внимание их мощность; они представляют собой весьма экономичный способ уничтожения людей. Несмотря на то что боеголовка и ее ракета-носитель стоят дорого, они несравнимо дешевле, чем равное им по разрушительной мощности число танков и артиллерийских орудий. Неужели Нармонов искренне хочет уменьшить опасность ядерной войны? Но угроза такой войны исходит не от ракет и боеголовок; как всегда, ее источником являются политические деятели и допущенные ими ошибки. Может быть, это всего лишь символ? Символы, напомнил себе Джек, создать Нармонову куда легче, чем наполнить их истинным содержанием. Но если это символ, на кого он нацелен?

Нармонов обладал талантом влиять на людей и личным обаянием – этим он был во многом обязан занимаемой им должности, но куда большее значение имела его незаурядная личность. Что он за человек? К чему стремится? Райан фыркнул и покачал головой. Все это не его дело. Группа специалистов ЦРУ изучала политическую уязвимость Нармонова прямо здесь, в Москве. У Джека задача была намного проще – разобраться в технических аспектах договора. Может быть, она и была проще, но пока ему не удалось найти ответы на собственные вопросы.

Головко уже сидел у себя в кабинете и набрасывал свои заметки. Райан, написал он, поддержит, хотя и неохотно, проект договора. Поскольку к мнению Райана прислушивался директор ЦРУ, это, по-видимому, означало, что Центральное разведывательное управление

тоже не будет возражать против договора. Головка положил ручку и потер глаза. Просыпаться с головой, тяжелой от похмелья, достаточно плохо, но когда тебе приходится совсем не спать и встречать утреннее похмелье с лучами рассвета, – это больше, чем можно требовать от советского офицера. Интересно, подумал он, почему его правительство вообще выдвинуло такое предложение и почему американцы так охотно на него согласились. Даже Райан, который далеко не глуп. Каков замысел американцев? Кто кого перехитрил?

В этом и заключался главный вопрос.

Он снова подумал о Райане, о беседе с ним, которую было поручено ему провести. Американец добился впечатляющих успехов для человека его лет – занимает должность, эквивалентную полковнику в КГБ или ГРУ, а ведь ему только тридцать пять. Почему он так стремительно продвигается по службе? Головка недоуменно пожал плечами. По-видимому, благодаря связям – это обстоятельство не менее важно в Вашингтоне, чем в Москве. Обладает личным мужеством – достаточно вспомнить дело с террористами, происшедшее почти пять лет назад. У него прочная семья, что имело большее значение для русских, чем считали их американские коллеги. Хорошая семья означала постоянство и твердость характера, а это в свою очередь влекло за собой уверенность в его действиях. Но самое главное, подумал Головка, Райан превосходный аналитик. Но тогда почему он не выступил против условий договора, более благоприятных для Советского Союза, чем для Америки? Неужели наша оценка не правильна? – написал Головка на листе бумаги. Вдруг американцам известно что-то неизвестное нам? Вот это действительно вопрос, хотя еще лучше сформулировать его по-иному: вдруг Райан знает что-то, чего не знает Головка? Полковник нахмурился и тут же напомнил себе, что ему известно что-то, о чем не подозревает Райан. По его лицу скользнула улыбка. Все это часть крупной игры, самой крупной в истории.

– Вы, должно быть, шли всю ночь.

Лучник кивнул и опустил на землю мешок, оттягивавший его плечи в течение пяти дней. Он весил почти столько же, сколько мешок Аблула. а юноша едва стоял на ногах, заметил оперативник ЦРУ. Они опустились на подушки.

– Выпейте что-нибудь, – предложил офицер. Его звали Эмилио Орtiz. Родословная офицера была настолько запутана, что он мог сойти за представителя почти любой белой расы. Ему тоже было тридцать лет. Мужчина среднего роста и телосложения, с мышцами пловца – благодаря им он завоевал стипендию в Калифорнийский университет, где проявил способности к языкам и стал лингвистом. Орtiz обладал не просто способностями – у него был редкий талант в этой области. После двух недель погружения в языковую среду он овладевал языком, акцентом, диалектом и мог сойти за местного жителя в любой стране мира. Вдобавок Орtiz отличался уважением к обычаям и традициям людей, с которыми ему приходилось работать. Это означало, что его предложение выпить что-нибудь не имело в виду напиток, содержащий алкоголь. В стакане был яблочный сок. Орtiz следил за тем, как афганец пил сок с деликатностью ценителя вин, пробуя новое бордо.

– Да благословит вас Аллах, – произнес Лучник, осушив стакан. То, что он не начал свой рассказ до тех пор, пока не выпил стакан сока, наглядно демонстрировало его самообладание. Орtiz видел усталость на лице Лучника, хотя тот ничем ее не показывал. В отличие от своего юного помощника Лучник, казалось, не поддавался человеческим слабостям. На самом деле это было не так, но Орtiz понимал, что силы, движущие им, подавляли человеческую природу.

Одеты оба были почти одинаково. Орtiz посмотрел на одежду Лучника и снова поразился сходству афганцев с индейцами из племени апачей. проживающих в Америке и Мексике. Один из предков Ортиза был офицером и служил вместе с Терразас, когда мексиканская армия победила наконец Викторю в горах Трес-Кастильос. Низкорослые афганцы тоже были ловкими и подвижными воинами. Они тоже использовали захваченных пленников для шумного развлечения, инструментами которого являлись их ножи. Орtiz взглянул на кинжал Лучника и подумал о том, для каких целей мог пользоваться им его хозяин. Впрочем, тут же поправился он, лучше не знать этого.

– Вы не хотели бы поесть? – спросил оперативник.

– С этим можно подождать, – ответил Лучник и протянул руку за своим мешком. Они с Абдулом привели с собой двух тяжело нагруженных верблюдов, но важные материалы хранились у него в мешке.

– Я выстрелил восемью ракетами, попал в шесть самолетов и вертолетов, но у одного самолета было два мотора, и ему удалось спастись. Из пяти, уничтоженных мной, два были вертолетами и три – истребителями-бомбардировщиками. Первый сбитый нами вертолет был новым видом «двадцать четвертого», о котором вы нам говорили. Вы оказались правы. На нем действительно было новое оборудование. Часть его я принес с собой. Вот оно.

Как странно, подумал Ортиз, что самые чувствительные приборы военных самолетов выдерживают удары, от которых гибнет команда. Ирония судьбы! Он наблюдал за тем, как Лучник достал из мешка шесть зеленых монтажных плат от лазерного искателя цели, входящего теперь в стандартное снаряжение Ми-24. Капитан армии США, который до сих пор молча стоял в тени, подошел, чтобы осмотреть их. Когда он наклонился над платами, у него дрожали руки.

– А вам не удалось снять и лазер? – спросил капитан на ломаном пушту.

– Он сильно поврежден, но мы его привезли. – Лучник повернулся. Абдул спал похрапывая. Лучник едва не улыбнулся, но тут же вспомнил, что и у него был сын.

Ортиза, однако, охватила печаль. Он знал, что это большая редкость – иметь под своим контролем моджахеда с таким образованием, как у Лучника. Он, наверно, был хорошим учителем, подумал Ортиз, но ему никогда больше не придется учить детей. Он уже никогда не станет тем, кем был раньше. Война изменила жизнь Лучника так же бесповоротно, как смерть. Сколько напрасных и бессмысленных потерь...

– Новые ракеты? – спросил Лучник.

– Я могу дать вам десять, причем это улучшенная модель с дополнительным радиусом действия в пятьсот метров. Кроме того, можете взять и дымовые ракеты.

Лучник серьезно кивнул, и уголки его рта шевельнулись – в прошлом это означало бы улыбку.

– Может быть, теперь я смогу попытаться сбивать транспортные самолеты. Дымовые ракеты действуют очень эффективно, мой друг. Всякий раз они гонят вертолеты оккупантов в нашу сторону. Враг еще не распознал нашу тактику.

Он сказал «тактику», заметил Ортиз, а не «уловку». Теперь он собирается сбивать транспортные самолеты, хочет одной ракетой уничтожить сотню русских. Боже мой, во что мы превратили этого человека? Офицер ЦРУ тряхнул головой. Это не его забота.

– Вы устали, мой друг. Отдохните. Потом поужинаем. Окажите честь моему дому и отдохните здесь.

– Это верно, – согласился Лучник. Уже через пару минут он спал.

Ортиз и капитан принялись сортировать принесенное им снаряжение. Помимо тех предметов, которые они видели раньше, здесь были списки радиокодов и инструкция по техническому обслуживанию лазерного оборудования вертолета Ми-24. К полудню Ортиз составил полный список и занялся подготовкой к отправке полученных материалов в посольство США; оттуда их немедленно доставят самолетом в Калифорнию для тщательного изучения.

Самолет ВВС США VC-137 взлетел точно по расписанию. Это был построенный по специальному заказу вариант почтенного Боинга-707. Буква "V" в марке самолета обозначала, что он предназначен для видных правительственных чиновников, и интерьер его подтверждал это. Джек улегся на диван и позволил усталости овладеть им. Через десять минут кто-то потряс его за плечо.

– Вас требует босс, – сообщил один из членов делегации.

– Неужели он никогда не спит? – проворчал Джек.

– Вы будете говорить мне об этом?

Эрнест Аллен располагался в самом роскошном помещении самолета, прямо над тем местом, где крылья стыковались с фюзеляжем. Внутри было шесть мягких вращающихся кресел. На столе стоял кофейник. Джек понял, что если сейчас он не выпьет чашку, то через десять минут усталость захлестнет его, а если выпьет,

то не сможет потом уснуть. Ничего не поделаешь, мне платят деньги не за то, что я сплю, подумал он и налил себе чашку кофе.

– Слушаю вас, сэр.

– Мы сумеем вести проверку выполнения договора? – Аллен не тратил времени даром.

– Я еще не знаю, – ответил Джек. – Это не просто проблема использования национальных технических средств. Контроль за уничтожением такого большого количества пусковых установок...

– Они согласны на определенное число инспекционных поездок, – заметил один из советников.

– Да, я знаю, – сказал Джек. – Вопрос заключается в следующем: имеет ли это какое-нибудь значение? – А второй вопрос, подумал Райан, состоит в том, чтобы узнать, почему они неожиданно согласились на то, что мы предлагали им больше тридцати лет...

– Что вы имеете в виду? – удивился советник.

– Русские потратили массу сил, времени и средств на разработку новых мобильных пусковых установок. А вдруг у них больше таких установок, чем нам известно? Вы считаете, нам удастся обнаружить несколько сотен передвижных установок?

– Но у нас на новых спутниках имеются радиолокационные установки наземного сканирования, разве...

– Русские знают об этом и могут укрыться от них, если захотят, в одну минуту. Нам известно, что наши авианосцы способны ускользнуть от русских разведывательных спутников, ведущих наблюдение за океаном. Если можно скрыть от радара корабль, стоит ли сомневаться, что сделать это с поездом будет еще легче, – напомнил Джек. Аллен прислушивался к разговору молча, давая возможность своему подчиненному до конца изложить проблему. Старая хитрая лиса, этот Эрн Аллен.

– Значит, ЦРУ советует не соглашаться с условиями договора – но, черт побери, они еще никогда не шли на такие огромные уступки!

– Великолепно. Это большая уступка. Все понимают это. Но перед тем как принять ее, было бы неплохо убедиться в том, что вдруг русские пошли на уступки, которые уже не имеют такого значения. Вдобавок есть и другие дополнительные соображения.

– Значит, вы будете возражать...

– Да ни против чего я не возражаю. Я просто говорю, что не следует спешить, нужно все получше обдумать, а не бросаться вперед в приступе эйфории.

– Но подготовленный ими проект договора настолько хорош, что в это трудно поверить! – Молодой советник этими словами подтвердил мнение Райана, хотя имел в виду нечто другое.

– Доктор Райан, – произнес Аллен, – если бы удалось уладить технические детали, как отнесетесь вы к договору?

– Сэр, с технической точки зрения, сокращение доставляемых к цели боеголовок на пятьдесят процентов не оказывает никакого воздействия на баланс стратегических сил. Это...

– Но утверждать такое – просто безумие! – возразил советник.

Джек протянул в его сторону руку, направив свой указательный палец в грудь собеседника подобно стволу пистолета.

– Допустим, у меня в руке пистолет, нацеленный на вас. Скажем, это «браунинг» калибра девять миллиметров. У него магазин с тринадцатью патронами. Я соглашаюсь убрать из магазина семь патронов, но у меня все еще в руке заряженный пистолет с шестью патронами, направленный вам в грудь, – неужели вы считаете себя в большей безопасности? – Райан улыбнулся, все еще держа нацеленный на собеседника «пистолет».

– Я лично так не считаю. А сейчас речь идет именно об этом. Если обе стороны уменьшат запас своих вооружений наполовину, у русских по-прежнему останется пять тысяч ядерных боеголовок, способных нанести удар по нашей стране. Подумайте о том, насколько огромна эта цифра! Заключенное соглашение всего лишь уменьшит количество раз, которыми убьют людей, – вместо пяти будет три. Разница между десятью тысячами боеголовок и пятью тысячами имеет значение только для экономии рублей. Вот когда разговор пойдет об уменьшении числа боеголовок до одной тысячи у каждой из сторон, вот тогда, может быть, я начну думать, что мы приближаемся к цели.

– По вашему мнению, возможно достигнуть предела в тысячу боеголовок?

– Нет, сэр. Иногда мне хочется, чтобы это стало возможным, хотя я слышал, что при доведении арсеналов каждой стороны до тысячи боеголовок возникает вероятность одержать победу в атомной войне –

если слово «победа» в таком контексте вообще уместно. – Джек пожал плечами и закончил:

– Сэр, если этот договор будет подписан, нужно иметь в виду, что он выглядит лучше, чем он есть на самом деле. Не исключено, что символическая ценность договора важна сама по себе; это обстоятельство следует иметь в виду, но оно за пределами моей компетенции. Экономия средств у каждой стороны будет реальной, но в общем-то незначительной, принимая во внимание расходы на военные нужды в целом. Обе стороны сохранят половину своих ядерных арсеналов – это означает, разумеется, самую лучшую и наиболее эффективную половину. Однако конечный результат ничуть не изменится; в случае атомной войны и та и другая сторона погибнут. Мне представляется,

что этот договор не уменьшит «угрозу войны», что бы, черт побери, ни значило это выражение. Для достижения этой цели нужно или полностью избавиться от проклятого ядерного оружия, или сделать так, чтобы оно не сработало. Если вас интересует мое мнение, то нужно начинать с последнего и затем переходить к первому, В этом случае мир станет более безопасным местом для людей – может стать.

– И это будет началом совершенно нового витка гонки вооружений.

– Сэр, эта гонка началась так давно, что в ней уже нет ничего нового.

2. «Чайный клипер»

– Поступают новые снимки Душанбе, – услышал по телефону Райан.

– Хорошо, сейчас подойду. – Джек встал, пересек вестибюль и вошел в кабинет своего шефа, адмирала Грира. Тот сидел, повернувшись спиной к сверкающему белому одеялу, покрывшему холмистую местность за окнами комплекса ЦРУ. Продолжалась очистка автомобильной стоянки, и даже пешеходную дорожку с перилами на уровне седьмого этажа покрывал десятидюймовый слой снега.

– Ну, что там у вас, Джек? – спросил адмирал.

– Душанбе. Неожиданно погода прояснилась. Вы просили предупредить вас.

Грир посмотрел на телевизионный монитор в углу кабинета. Его экран виднелся рядом с компьютерным терминалом, которым он отказывался пользоваться – по крайней мере при свидетелях, видящих, как он пытается печатать указательными пальцами, а когда повезет, то и большим. Адмирал мог распорядиться, чтобы изображения передавались ему в кабинет прямо со спутника в реальном времени, но с недавних пор избегал этого. Джек не знал почему.

– Ладно, пошли.

Райан открыл заместителю директора ЦРУ по разведке дверь, и они направились налево в конец коридора, где находились кабинеты руководящего персонала. Там был лифт, которым имели право пользоваться лишь несколько человек из высшего эшелона. Одним из преимуществ этого лифта было то, что его не приходилось долго ждать

– Пришел в себя после смены стольких часовых поясов? – спросил Грир. С момента возвращения Райана в Вашингтон прошли почти сутки.

– Вполне пришел, сэр. Перелеты на запад влияют на меня гораздо меньше. Вот когда летишь на восток, приходится намного труднее. – Боже, как хорошо снова ходить по твердой земле, подумал Джек.

Дверь лифта открылась, и они пересекли здание, направляясь к новой пристройке, где находилось Управление по анализу

изображений. Этот отдел принадлежал исключительно управлению разведки в отличие от Национального фотографического разведывательного центра, действующего под двойным подчинением – ЦРУ и разведуправления Министерства обороны – и обслуживающего все разведывательное сообщество.

Зрительный зал ничем не уступал Голливуду. В маленьком театре было около тридцати кресел, расположившихся перед огромным – двадцать на двадцать футов – проекционным экраном. В зале их ждал Арт Грэхем, возглавляющий управление.

– Вы пришли как раз вовремя. Сейчас начнется передача изображений в реальном времени. – Он поднял трубку телефона, связывающего зал с проекционной будкой, и что-то сказал. Экран тотчас осветился. Джек вспомнил, что сейчас этот процесс называется «вид сверху».

– Вот и говори после этого об удаче. Область высокого давления,двигающаяся из Сибири, резко повернула на юг и преградила распространение теплого фронта не хуже кирпичной стены. Условия наблюдения просто идеальны. Температура у поверхности земли около нуля и относительная влажность примерно такая же. – Грэхем усмехнулся. – Мы изменили траекторию полета нашей птички специально для того, чтобы воспользоваться удачным стечением обстоятельств. Спутник пройдет в пределах трех градусов от вертикали, и мне кажется, что русские не успели обратить на это внимание.

– Вот Душанбе, – У Джека перехватило дыхание, когда открылась панорама этой части Таджикистана. Первое изображение, появившееся на экране, передавалось одной из широкоугольных камер. Разведывательный спутник КН-14, находящийся на орбите, имел на борту одиннадцать телевизионных камер. Он был запущен всего три недели назад и являлся первым в новом поколении разведывательных спутников. Душанбе, существовавший короткое время под названием Сталинабад (вот уж осчастливили тогда местных жителей! – подумал Райан), был одним из древних городов, располагавшихся на древнем караванном пути. Афганистан находился меньше чем в сотне миль. Легендарный Самарканд Тамерлана был недалеко, на северо-западе... Может быть, по этим местам тысячу лет назад проезжала Шахразада. Удивительно, почему история складывается именно таким образом.

Одни и те же места и те же имена всплывают, похоже, из одного столетия в другое.

Однако в настоящее время ЦРУ проявляло интерес к Душанбе не из-за «шелкового пути».

На экране появилось изображение, передающееся камерой с высокой разрешающей способностью. Сначала она смотрела в глубокое ущелье, рассекающее горный хребет. По дну ущелья бурлила река, удерживаемая массивной, из бетона и камня плотиной гидроэлектростанции. Хотя электростанция находилась всего в пятидесяти километрах к юго-востоку от Душанбе, линии электропередач не обслуживали этот город с полумиллионным населением. Вместо этого высоковольтные линии тянулись к расположенной по соседству группе горных вершин.

– Смотрите, это напоминает основания для новых мачт ЛЭП, – заметил Райан.

– Идущих параллельно уже существующей линии, – согласился Грэхем. – Они устанавливают на гидроэлектростанции новые генераторы. Мы уже давно знали, что до сих пор станция вырабатывала только половину потенциальной мощности.

– Сколько времени потребуется, чтобы станция начала работать на полную мощность? – спросил Грир.

– Мне понадобится проконсультироваться с одним из наших экспертов. Чтобы протянуть провода, достаточно нескольких недель, а верхняя часть генераторного зала уже закончена. Думаю, основания для новых генераторов тоже готовы. Так что осталось всего лишь установить оборудование. Шесть месяцев, может быть, восемь – если погода помешает,

– Так быстро? – удивился Джек.

– Они перевели сюда специалистов со строительства двух других гидроэлектростанций, причем обе они были «ударными стройками». Кроме того – об этом не говорят вслух, – сюда перебазировали строительные батальоны с еще двух важных объектов. Русские знают, как концентрировать усилия, когда им этого хочется. Шесть или восемь месяцев – это осторожная оценка, доктор Райан. Может быть, станция будет введена в эксплуатацию быстрее, – закончил Грэхем.

– Какова будет ее мощность после завершения строительства?

– Вообще-то станция не очень большая. Вас интересует общая пиковая мощность, включая новые генераторы? Думаю, тысяча сто мегаватт.

– Огромная мощность, и вся направляется в эти горы, – пробормотал Райан.

В этот момент сменилось изображение на экране. Горная вершина, которую ЦРУ именовало «Моцарт», была не очень высока, но этот горный район являлся самым западным ответвлением Гималайских хребтов и по сравнению с высочайшими пиками казался ничтожным, К самой вершине горы вела дорога, проложенная с помощью взрывов – в СССР не существовало клуба «Сьерра», занимающегося охраной окружающей среды, – и там, где она заканчивалась, находилась посадочная площадка для вертолетов. Тут высаживали особо важных посетителей, прилетающих сюда с одного из двух аэропортов Душанбе. Всего у вершины было построено шестнадцать зданий. Одно из них представляло собой многоквартирный жилой лом, и вид, открывающийся из его окон, был, должно быть, фантастическим, хотя здание представляло собой типичный русский многоквартирный жилой дом, такой же привлекательный, как и казарма из шлакоблоков. Здание было построено шесть месяцев назад. Оно производило здесь странное впечатление, однако назначение его было совершенно ясным: здесь жили привилегированные люди, инженеры и ученые, обладающие такими знаниями и опытом, что государство сочло необходимым позаботиться о них и об их потребностях. Продовольствие сюда доставляли на грузовиках, а если плохая погода закрывала дорогу, – на вертолете. Еще одно из зданий было театром, третье – больницей. Телевизионные программы принимались через станцию спутниковой связи, расположенную рядом со зданием, в котором размещались магазины. Такая забота о нуждах граждан редко проявлялась в Советском Союзе. Лишь высокопоставленные партийные функционеры и специалисты, занятые на особо важных оборонных объектах, удостаивались подобного внимания. Это не был зимний лыжный курорт, что подчеркивало и ограждение с караульными вышками по периметру всего объекта – и то и другое было построено недавно. Военные объекты проще всего опознать по таким вышкам – русские прямо-таки одержимы их возведением. Три ряда заграждений,

каждое в десяти метрах от следующего. Пространство между первым и вторым забором обычно заминировано, а в пространстве между вторым и третьим выпускают сторожевых собак. Вышки располагались по внутреннему ограждению в двухстах метрах друг от друга. Солдаты, что несут охрану на этих вышках, размещаются в недавно законченных бетонных казармах, причем казармы тоже более удобные, чем принято в армии...

– Вы не могли бы увеличить изображение и показать нам одного из охранников? – спросил Джек.

Грэхем что-то произнес в телефонную трубку, и изображение снова изменилось. Один из техников уже занимался этим, проверяя калибровку камеры и погодные условия, так что удовлетворить просьбу Райана оказалось просто.

С помощью электронного увеличения камера, казалось, начала стремительно приближаться к поверхности. Двигающаяся точка превратилась в человеческую фигуру в шинели и меховой шапке. Мужчина прогуливал большую собаку неопределенной породы. Через плечо у него висел автомат Калашникова. От дыхания человека и собаки шел пар. Бессознательно Райан наклонился вперед, словно хотел получше рассмотреть изображение.

– Вам не кажется, что у него погоны зеленого цвета? – спросил он Грэхема.

– Да. Это войска КГБ, можно не сомневаться, – утвердительно кивнул тот.

– Так близко к Афганистану? – задумчиво произнес адмирал. – Им известно, что там находятся наши люди. Тогда уж наверняка проблемы безопасности воспринимаются на этом объекте очень серьезно.

– Да, но какой-то причине русским потребовались горные вершины именно в этом месте, – заметил Райан. – В семидесяти милях от них живут миллионы людей, считающих, что, убивая русских, они выполняют предначертание Аллаха. Значит, это место гораздо важнее, чем мы полагали до сих пор. Это не просто новый объект – тогда не было бы такой охраны, они не разместили бы его здесь и, уж конечно, не понадобилось бы искать для него место, где пришлось строить мощный источник электроэнергии да еще в такой близости от враждебно настроенных жителей. В настоящее время здесь могут

заниматься исследованиями и разработками, но у них, несомненно, для этого объекта далеко идущие планы.

– Какие именно?

– Может быть, они хотят заняться моими спутниками. – Арт Грэхем считал разведывательные спутники своими.

– Они не пощипывали их за последнее время? – спросил Джек.

– Нет, с тех пор как мы в апреле потрясли их клетку. На этот раз возобладал здравый смысл.

Это тянулось уже долго. Несколько раз за последние годы русские «пощипывали» американские разведывательные спутники и космические системы раннего обнаружения – на них фокусировали лучи лазеров или микроволновой энергии. Этого было достаточно, чтобы временно ослепить принимающие устройства, но недостаточно для серьезного ущерба. Почему русские делали это? Никто не мог дать определенный ответ на этот вопрос. Возможно, это была просто попытка посмотреть, как мыотреагируем, не поднимет ли шум командование американской обороны воздушного пространства – НОРАД, – что находится в глубине горы Шайенн, штат Колорадо? Попытка определить, насколько чувствительны спутники? А может, это демонстративный выпад, предупреждение о способности вывести их из строя? Или просто то, что британские друзья Джека называли пакостностью? Не просто определить, что на самом деле думают русские.

Разумеется, они всякий раз заявляли о своей непричастности. Когда один американский спутник оказался временно ослепленным над Сары-Шаганом, они сказали, что произошел пожар на газопроводе. То обстоятельство, что поблизости проходил лишь нефтепровод Чимкент – Павлодар, не привлекало внимания западной прессы.

Пролет спутника завершился, В соседней комнате на дюжине видеорекордеров перематывалась пленка, и теперь можно тщательно, не спеша изучить полную картину с изображениями, сделанными различными камерами.

– Давайте взглянем еще раз на «Моцарта», да и на гору «Бах», пожалуй, – распорядился адмирал Грир.

– Чертовски трудная поездка, – заметил Джек. Жилой и промышленный районы на «Моцарте» находились всего в километре от объекта на «Бахе», соседнем пике, но соединяющая их дорога

выглядела ужасной. Изображение объекта «Бах» появилось на экране. Здесь повторялась такая же система заграждений и сторожевых вышек, однако на этот раз расстояние между наружным ограждением по периметру объекта и следующим составляло не меньше двухсот метров. Поверхность выглядела как голая скала. Джек попытался понять, каким образом там устанавливают мины. А может быть, и не устанавливают, подумал он. Было очевидно, что с помощью бульдозеров и взрывов поверхность выровняли до такой степени, что она стала гладкой, словно бильярдный стол, без всяких намеков на укрытия. Со сторожевых вышек можно было вести огонь, как в тире.

– Они всерьез относятся к своей безопасности, правда? – тихо заметил Грэхем.

– Так вот что они охраняют... – произнес Райан.

Внутри пространства, окруженного тройным заграждением, находилось тринадцать зданий. На площади, равной примерно двум футбольным полям, – тоже выровненной – виднелись десять высеченных в скале круглых ям, образовавших две группы. Одна представляла собой шестиугольник, причем каждая из шести ям была футов тридцати в диаметре. Вторая группа из четырех ям образовывала ромб, эти ямы были чуть меньше, футов по двадцать пять в поперечнике. В каждой яме был установлен бетонный столб приблизительно пятнадцати футов в диаметре, заглубленный в скалу, и каждая яма уходила вглубь по крайней мере на сорок футов – определить глубину точнее по изображению на экране было невозможно. На вершине каждого столба виднелся металлический купол, состоящий, казалось, из серповидных сегментов.

– Они, по-видимому, раскрываются. Интересно, что находится внутри? – задал риторический вопрос Грэхем. Человек двести в Лэнгли знали про Душанбе, и каждый из них хотел выяснить, что скрывалось под этими металлическими куполами, установленными всего несколько месяцев назад.

– Адмирал, – произнес Райан, – мне нужно открыть новую область для изучения.

– Какую именно?

– «Чайный клипер».

– Ну у тебя и запросы! – фыркнул Грир. – Даже я не имею допуска к этой разработке.

Райан откинулся на спинку кресла.

– Адмирал, если они занимаются в Душанбе тем же, чем мы в проекте «Чайный клипер», нам обязательно нужно ознакомиться с подробностями. Каким образом мы узнаем, что следует искать, черт побери, если нам не объяснят, как выглядит одно из таких мест?

– Я уже давно говорил то же самое. – На лице заместителя директора ЦРУ по разведке появилась улыбка. – Служба безопасности возражает. Судье Муру придется обратиться за разрешением к президенту.

– Отлично. Он обратится к президенту. А что, если деятельность русских в районе Душанбе связана с только что сделанными ими предложениями по разоружению?

– Ты считаешь, что между ними есть связь?

– Кто знает? – Джек пожал плечами. – Но такое совпадение беспокоит меня.

– Хорошо, я поговорю с директором.

Два часа спустя Райан поехал домой. Он выехал в своем «Ягуаре XJS» на Джордж Вашингтон-Паркуэй. Машина была связана с одним из счастливых воспоминаний его службы в Англии. Джек настолько полюбил бархатную мощь двенадцати цилиндров двигателя, что дал отставку своему почтенному «Кролику», выпущенному «Фольксвагеном». Как всегда, он попытался выбросить из головы служебные проблемы, быстро набрал скорость, перейдя на высшую, пятую, передачу, и все свое внимание обратил на управление автомобилем.

– Что у тебя нового, Джеймс? – поинтересовался директор ЦРУ.

– По мнению Райана, усиление деятельности русских в районе объектов «Бах» и «Моцарт» может иметь отношение к переговорам по разоружению. Мне кажется, он прав. Райан хочет получить допуск к проекту «Чайный клипер». Я сказал, что тебе придется обратиться к президенту, – улыбнулся адмирал Грир.

– Хорошо, я дам ему письменное разрешение. Да и генералу Парксу это понравится больше. В конце недели у них запланировано полномасштабное испытание. Пусть Райан присутствует при нем. – Судья Мур устало улыбнулся. – А ты как считаешь?

– Думаю, что Джек сделал правильный вывод: Душанбе и «Чайный клипер» представляют собой аналогичные проекты. Между

ними немало сходства в основных деталях, больше того – слишком много для простого совпадения. Нам следует усилить внимание к Душанбе.

– Согласен. – Судья Мур повернулся и посмотрел в окно. И так, мир ждет новая перемена, подумал он. На это может потребоваться лет десять или даже больше, но мир изменится. Однако через десять лет решать эту проблему будут другие. Среди них, несомненно, окажется Райан. – Я отправлю его туда завтра. Может быть, нам повезет и с Душанбе. Фоули сумели сообщить «Кардиналу», что это место очень нас интересует.

– «Кардиналу»? Хорошо.

– Но если что-то случится...

– Господи, надеюсь, что он проявит осторожность, – кивнул Грир.

«После смерти Дмитрия Федоровича Министерство обороны уже не то, что раньше», – писал левой рукой в своем дневнике полковник Михаил Семенович Филитов. Он привык просыпаться рано и сейчас сидел за столетним дубовым столом, который его жена купила незадолго до смерти – когда это было? Тридцать лет назад, вспомнил Михаил Семенович. Тридцать лет исполнится в феврале. На мгновение он закрыл глаза. Тридцать лет.

Не проходило и дня, когда он не вспоминал бы свою Елену. Ее выцветшая от времени фотография в потускневшей серебряной рамке стояла перед ним на столе. Видно, у него не находилось времени почистить рамку, а приглашать домработницу он не захотел. На фотографии была молодая женщина со стройными мускулистыми ногами и руками, поднятыми над чуть склоненной набок головой. На круглом славянского типа лице играла широкая, приветливая улыбка, как нельзя лучше передававшая радость, которую испытывала Елена, танцуя в балете Кировского театра,

Полковник улыбнулся, вспомнив первое впечатление молодого командира, попавшего на спектакль в награду за то, что техническое состояние его танка было лучше всех других танков дивизии. Как им это удастся? Девушки стоят на кончиках пальцев, словно на

остроконечных ходулях! В детстве он расхаживал на ходулях, но как можно при этом танцевать, да еще так грациозно! И тут она улыбнулась красивому молодому командиру, сидевшему в первом ряду. На мгновение их взгляды встретились. Он подумал, что это просто мимолетное соприкосновение взглядов, но что-то изменилось в ее улыбке, и он понял, что в этот миг она улыбалась не залу, а только ему одному. Пуля, попавшая в сердце, произвела бы на него меньшее впечатление. Михаил Семенович не помнил, что было дальше, – до сего дня он не знал даже, что это был за балет. Он ерзал в кресле, соображая что же предпринять дальше. Лейтенант Филитов уже проявил себя многообещающим командиром-танкистом, и жесточайшие сталинские чистки командирского корпуса открывали ему широкую дорогу и давали огромные возможности. Он писал статьи по тактике танкового боя, участвовал в боевых маневрах и упрямо боролся против ложных «уроков» Испании с уверенностью человека, рожденного быть танкистом.

Но как поступить сейчас? – спрашивал он себя. В Красной Армии не обучали общению с балеринами. Это была не какая-то крестьянская девушка, так уставшая от работы в колхозе, что готова отдаться кому угодно, а особенно молодому командиру, который мог навсегда избавить ее от всех забот. Михаил Семенович все еще со стыдом вспоминал увлечения молодости – не то чтобы в то время он считал их чем-то постыдным, – когда звание лейтенанта помогало ему затаскивать в постель всякую понравившуюся ему девушку,

Но ведь я даже не знаю, как ее зовут, подумал он. Что же мне делать? И тут, разумеется, он приступил к решению этой проблемы, как к боевой операции. Едва закончился спектакль, он пробился в туалет, где вымыл лицо и руки, а остатки грязи из-под ногтей удалил перочинным ножиком. Пригладив короткую прическу, лейтенант, словно перед сном, окинул критическим взглядом свой мундир, стряхнул пыль, снял пушинки, затем, отойдя подальше от зеркала, убедился, что его сапоги начищены до блеска, как и полагается командиру. Он не заметил, что остальные находившиеся здесь мужчины наблюдают за ним с едва скрытыми улыбками, догадавшись, чем вызваны столь тщательные приготовления, и желая молодому танкисту удачи, хотя и чуть завидуя ему. Убедившись, что все в порядке, Миша вышел из театра и справился у швейцара, где

находится служебный вход, ведущий за кулисы. Это обошлось лейтенанту в один рубль. Вооружившись нужной информацией, он обошел здание театра и открыл дверь служебного входа. Там его встретил второй швейцар – бородатый старик в пиджаке с отличиями за службу революции на груди. Миша ожидал, что старик пойдет ему навстречу, как военный военному, но тут же убедился, что старый швейцар смотрит на балерин как на собственных дочерей и отнюдь не считает их девками на утеху молодым командирам. Миша подумал было о взятке, но верно оценил обстановку и не оскорбил старика предложением денег, как своднику. Вместо этого лейтенант рассказал швейцару, спокойно и искренне, что влюбился в балерину, имени которой не знает, и хочет только одного – встретиться с ней.

– Зачем? – холодно спросил старик.

– Отец, она мне улыбнулась, – ответил Миша с благоговейным трепетом.

– Значит, ты влюбился. – Эти слова прозвучали как обвинение, но в следующее мгновение на лице старого швейцара появилось задумчивое выражение. – И ты не знаешь, кто она?

– Она была вместе с другими балеринами, она не солистка. Как их называют – кордебалет! Я запомню ее лицо на всю жизнь. – Миша уже запомнил его.

Швейцар окинул командира внимательным взглядом. Лейтенант был статен и молот, и мундир сидел на нем как влитой. Этот молодец, подумал старик, явно не из самодовольных свиней из НКВД, от которых несет водкой – Он – армейский командир и к тому же красавец.

– Товарищ лейтенант, считайте, вам повезло. И знаете почему? Вам повезло – ведь и я когда-то был молодым, и хотя сейчас состарился, все еще помню те годы. Девушки начнут выходить из театра минут через десять. Становитесь вот сюда – и ни слова.

Ждать пришлось минут тридцать. Девушки выходили парами или группками по трое или четверо. Мимо спешили и танцовщики, и Миша подумал о них – что обычно думают военные о мужчинах, выступающих в балете. Он чувствовал себя оскорбленным из-за того, что такие мужчины держат за руки прелестных девушек, но овладел собой. Когда распахнулись двери, внезапный свет, выплеснувшийся в

почти полную темноту переулка, ослепил его, и Миша едва не упустил девушку, которая без грима выглядела совсем по-другому.

Он увидел ее лицо и попытался определить, принадлежит ли оно той самой балерине, с хладнокровием, превосходящим даже то самообладание, которое он потом проявил под огнем немецких пушек.

– Вы сидели в кресле номер двенадцать, – произнесла девушка еще до того, как молодой лейтенант собрался с духом и заговорил. Боже, промелькнула у него мысль, у нее есть голос!

– Да, товарищ балерина, – запинаясь, пробормотал он,

– Вам понравился спектакль, товарищ лейтенант? – с застенчивой и одновременно кокетливой улыбкой спросила она.

– Очень! – Что он еще мог ответить?

– Мы не так часто видим в первом ряду красивых молодых командиров, – заметила девушка.

– Меня премировали билетом в театр за образцовое исполнение своих обязанностей. Я – танкист, – с гордостью сказал он. Она назвала меня красивым!

– А у товарища танкиста есть имя?

– Да, я – лейтенант Михаил Семенович Филитов.

– А меня зовут Елена Макарова.

– Для такой тоненькой девушки сейчас очень холодно на улице. Поблизости нет ресторана?

– Ресторана? – Она рассмеялась. – Вы часто бываете в Москве?

– Моя дивизия расквартирована в тридцати километрах отсюда, но я редко приезжаю в город, – признался он,

– Товарищ лейтенант, даже в Москве мало ресторанов. Вы не хотите зайти ко мне домой?

– Д-да, конечно, – заикаясь, пробормотал он, и в это мгновение дверь снова открылась.

– Марта, – обратилась Елена к вышедшей из театра девушке, – нас будет сопровождать домой военный эскорт!

– Сейчас подойдут Таня и Роза, – заметила Марта.

Говоря по правде, Миша почувствовал облегчение. Понадобилось полчаса, чтобы добраться пешком до квартиры, – московское метро только строилось, и так поздно ночью лучше было идти, чем ждать трамвая.

Без театрального грима Елена выглядела намного прелестней. От холодного зимнего воздуха ее щеки приобрели естественный румянец. Девушка шла легким, уверенным шагом, приобретенным десятью годами напряженных тренировок. Она прямо-таки скользила по улице, едва касаясь тротуара, а он топал рядом в казавшихся особенно тяжелыми сапогах. Он чувствовал себя танком рядом с чистокровной лошадью и все боялся слишком приблизиться к ней, чтобы не наступить на ногу. В тот момент он еще не подозревал, какая сила скрывается за природной грацией девушки.

Ночь еще никогда не была для него такой радостной, хотя потом – в течение скольких лет? – двадцати, да, двадцати, у него было много таких ночей, пока они не кончились тридцать лет назад. Господи, подумал он, 14 июля в этом году мы праздновали бы пятидесятилетие нашей свадьбы. Господи. Он машинально вытер глаза платком.

Но его сознание не покидала цифра тридцать – тридцать лет. Эта мысль горела у него в сердце, и пальцы, сжимавшие ручку, побелели от напряжения. Его все еще не переставало изумлять, что любовь и ненависть могут так тесно переплетаться друг с другом. Он склонился над дневником...

Час спустя Михаил Семенович встал из-за письменного стола и прошел в спальню, где достал из шкафа и надел мундир полковника бронетанковых войск. Строго говоря, он был в отставке и вышел в отставку еще до того, как родились полковники, находящиеся сейчас на действительной службе. Однако работа в Министерстве обороны давала право на многие привилегии, а он к тому же являлся личным помощником министра. Три другие причины виднелись на левом борту его кителя – три золотые звезды на темно-красных лентах. Филитов был единственным военным в истории Советской Армии, ставшим трижды Героем Советского Союза на поле боя, награжденным за личное мужество перед лицом врага. Были и другие награжденные такими звездами, но чаще геройские звезды присваивались из политических соображений. Это хорошо было известно полковнику и оскорбляло его. Такую награду нельзя давать за работу в штабе и, уж конечно, ее не должен получать один партийный деятель из рук другого в качестве красивой безделушки. Звание Героя Советского Союза может получать только человек вроде него самого, считал полковник, который рисковал жизнью, проливал кровь – и часто

умирал – за Родину. Он вспоминал об этом всякий раз, когда надевал мундир. Под натальной рубашкой скрывались шрамы, полученные в бою, когда немецкий броневой снаряд 88-миллиметрового калибра пробил броню его танка и вызвал загорание боезапаса. Несмотря на пылающий танк и горящую на теле одежду, он навел пушку и выстрелил в последний раз, уничтожив врага. За этот подвиг его наградили третьей Золотой Звездой. В результате Михаил Семенович сохранил всего лишь ограниченную подвижность правой руки. Тогда, несмотря на ранение, он продолжал вести в бой то, что осталось от его полка после битвы на Курской дуге. Если бы он выбросился из танка вместе с остальным экипажем или согласился на эвакуацию в тыл, как настаивал полковой хирург, то, возможно, выздоровел бы полностью, однако он знал, что должен сделать ответный выстрел и не мог оставить своих подчиненных на поле боя. В результате он сделал этот выстрел и горел в танке. Если бы не тяжелое ранение, он мог бы стать генералом, а может, и маршалом, подумал полковник. Впрочем, какая разница? Филитов был слишком практичным человеком, жившим в реальном мире, и не раздумывал над тем, что могло бы произойти. Ведь, продолжай он воевать, его могли бы и убить. После ранения он смог проводить больше времени с Еленой. Она почти каждый день приходила в институт, в ожоговое отделение. Сначала она была в ужасе при виде того, как пострадало его тело, затем стала гордиться его ранами, как гордился ими сам Филитов. Никто не мог усомниться в том, что ее муж выполнил свой долг перед Родиной.

Но теперь ему предстоит выполнить свой долг перед Еленой.

Филитов вышел из квартиры и направился к лифту, держа в правой руке кожаный портфель. Носить портфель – вот и все, на что была способна эта сторона его тела. Старушка-лифтер, как обычно, приветствовала его. Она была одного возраста с полковником – вдова сержанта, служившего в полку Филитова. Сержант тоже был награжден Золотой Звездой, и полковник лично прикрепил ее к его груди.

– Как ваша новая внучка? – поинтересовался полковник.

– Ну просто ангелочек, – ответила старушка.

Филитов улыбнулся, отчасти на восторг бабушки – разве бывают безобразные младенцы? – а отчасти потому, что такие слова сумели пережить семьдесят лет «научного социализма».

На улице его ждал автомобиль. Шофер был недавно призван в армию, только что закончил школу сержантского состава и школу водителей. Он вытянулся и, приложив руку к виску, приветствовал полковника, а другой рукой открыл дверцу машины.

– Здравия желаю, товарищ полковник.

– Доброе утро, сержант Жданов, – ответил Филитов. Большинство офицеров его ранга просто буркнули бы в ответ что-то нечленораздельное, но Филитов был боевым офицером, и секрет его успеха на поле боя был связан с постоянной заботой о благополучии подчиненных. Мало кто из офицеров понимал, как это важно, напомнил он себе. А жаль.

В машине было тепло – шофер четверть часа назад включил обогреватель на полную мощность. Филитов становился все более чувствительным к холоду – верный признак старости. Недавно ему пришлось провести несколько недель в больнице с воспалением легких – третий раз за последние пять лет. Он знал, что наступит день, когда его отвезут в больницу в последний раз, но старался не задумываться над этим. Он обманывал смерть слишком часто, чтобы бояться ее. Жизнь постоянно приходит и уходит, каждую мимолетную секунду. Заметит ли он, когда наступит эта последняя секунда? Может быть, ему будет все равно?

Шофер остановил машину перед зданием Министерства обороны еще до того, как полковник нашел ответ на этот вопрос.

Райан не сомневался теперь, что пробыл на государственной службе достаточно долго. Он научился, ну если не любить полеты на самолете, то по крайней мере ценить их преимущества. Сейчас он находился всего в четырех часах лета от Вашингтона. Сюда его доставил небольшой реактивный самолет ВВС «С-21 Лиэрджет» под управлением женщины-летчика, капитана по званию, походившей на выпускницу средней школы.

Ты стареешь, Джек, подумал он. На объект, находящийся на горной вершине, Райан прилетел из аэропорта на вертолете, чувствуя себя на такой высоте достаточно неуютно. Никогда раньше ему не

приходилось бывать в штате Нью-Мексико, Горные пики здесь были голыми, без признаков растительности, а воздух казался настолько разреженным, что ему приходилось часто дышать, но небо было настолько чистым, что на мгновение он вообразил себя в эту безоблачную холодную ночь астронавтом, глядящим на немигающие звезды.

– Хотите кофе, сэр? – спросил сержант. Он передал Райану стаканчик от термоса. От горячей жидкости в стылой темноте ночи, едва освещенной серпом молодой луны, поднимался пар.

– Спасибо. – Райан отхлебнул кофе и оглянулся по сторонам. Всего лишь несколько огней виднелось в темноте. За соседним горным хребтом могло находиться поселение; он видел где-то вдалеке сияние огней Санта-Фе, однако не брался определить расстояние до них. Райан знал, что горная вершина, на которой он стоит, возвышается на одиннадцать тысяч футов над уровнем моря (этот уровень находился во многих сотнях миль отсюда), а ночью все расстояния кажутся обманчивыми. Все вокруг казалось прекрасным, за исключением холода. Его пальцы, сжимающие пластмассовый стаканчик, ооченели. Он пожалел, что забыл дома теплые перчатки.

– Семнадцать минут, – послышался чей-то голос. Системы действуют нормально. Слежение ведется автоматически. До ПС восемь минут.

– ПС? – спросил Райан и тут же понял, что его голос звучит как-то странно. Было так холодно, что щеки совсем онемели.

– Поступление сигнала, – объяснил майор.

– Вы живете поблизости?

– Сорок миль отсюда, вон там. – Он указал куда-то рукой. – По местным стандартам совсем рядом. – Бруклинский акцент майора выдал причину ответа.

Именно этот офицер со степенью доктора из Университета Нью-Йорка в Стоуни-Брук и является виной всему происходящему, напомнил себе Райан. Майор, которому исполнилось только двадцать девять лет, ничуть не походил на офицера, тем более на боевого офицера. В Швейцарии его сравнивали бы с гномом – ростом едва ли пять футов семь дюймов, очень, почти болезненно, худой, с угреватым костлявым лицом. Сейчас его глубоко посаженные

глаза были устремлены на ту часть горизонта, где вот-вот пролетит корабль многоразового использования «Дискавери». Райан подумал о документах, которые он прочитал по пути сюда, и вспомнил, что этот майор вряд ли знал, в какой цвет окрашены стены его гостиной. По сути дела он жил в Лос-Аламосской национальной лаборатории, прозванной ее сотрудниками «Горой». Он был первым в классе в Уэст-Пойнте и уже через два года защитил докторскую диссертацию по физике высоких энергий. Эта диссертация проходила под грифом «Совершенно секретно». Джек прочитал ее и не понял, зачем она была засекречена, – хотя и он сам защищал диссертацию, исследование майора объемом в двести страниц казалось ему написанным на каком-то непонятном языке. Про Алана Грегори уже ходили легенды, его сравнивали со Стивеном Хоукином из Кембриджа и Фримэном Дайсоном из Принстона. Впрочем, его имя было мало кому известно. Интересно, подумал Джек, неужели кому-то пришла в голову мысль засекретить и это?

– Вы готовы, майор Грегори? – спросил генерал-лейтенант ВВС. В голосе генерала звучало уважение. Действительно, Грегори не был рядовым майором.

На лице Грегори появилась нервная улыбка.

– Да, сэр. – Майор вытер потные ладони – несмотря на пятнадцатиградусный холод – о брюки своего мундира. Райан с удовлетворением отметил, что молодой офицер не лишен эмоций.

– Вы женаты? – спросил его Райан. В досье Грегори об этом ничего не говорилось.

– Обручен, сэр. Она – доктор, работает в лазерной оптике, на «Горе». Свадьба назначена на третье июня. – В голосе майора зазвучали резкие нотки.

– Поздравляю. Семья физиков, а? – усмехнулся Джек.

– Да, сэр. – Майор Грегори пристально смотрел на юго-западный сектор горизонта.

– Поступление сигнала! – воскликнул кто-то позади них. – Мы приняли сигнал.

– Всем надеть защитные очки! – донеслось из металлических громкоговорителей. – Всем надеть защитные очки!

Джек подышал на руки, прежде чем достать из кармана очки из пластмассы – Его заранее предупредили, что очки нужно хранить в

теплом месте – И все-таки они стали настолько холодными, что Джек заметил разницу в температуре. Надев защитные очки, он почувствовал себя слепым. Звезды и луна исчезли.

– Началось слежение! Мы ведем их – «Дискавери» установил канал с поверхностью – Все системы функционируют нормально.

– Поступление сигнала! – объявил другой голос. – Начинаем последовательность запросов... ведем первую цель... включены автоматические огневые контуры.

Все происходило беззвучно, и нельзя было понять, что происходит. Райан ничего не заметил – или все-таки заметил? У него создалось мимолетное впечатление... чего? Может быть, просто показалось? Он услышал, как стоящий рядом майор облегченно вздохнул.

– Операция закончена, – послышалось из громкоговорителя. Джек сорвал защитные очки.

– И это все? – Так что же он все-таки увидел? Что у них только что произошло? Неужели он так отстал от современной военной технологии, что, даже после того как ему объяснили суть происходящего, не понял, что случилось у него перед глазами?

– Свет лазера увидеть практически невозможно, – объяснил майор Грегори. – На такой высоте нет пыли и влажность воздуха настолько незначительна, что лазерному лучу не от чего отражаться.

– Тогда зачем понадобились защитные очки?

Молодой офицер улыбнулся.

– Видите ли, если вдруг над головой пролетит птица и коснется луча, вспышка может оказаться весьма ослепительной, и тогда глаза пострадают.

В двухстах милях над ними «Дискавери» продолжал полет в сторону горизонта. Шаттл останется на орбите еще трое суток, выполняя «текущие научные исследования», – на этот раз, как сообщили прессе, занимаясь изучением океана, проводя секретные исследования для военно-морского флота. В течение нескольких недель газеты гадали о цели запуска «Дискавери». Его полет, писали они, имеет какое-то отношение к слежению с орбиты за подводными ракетносцами. Нет лучшего способа сохранить тайну, как спрятать ее под покровом другой «тайны». Всякий раз, когда задавали вопрос о

цели запуска корабля многоразового использования, сотрудник ВМС, отвечающий за связь с прессой, отвечал: «Без комментариев».

– Все прошло успешно? – спросил Джек. Он поднял взгляд к небу, но не смог различить точку света, которая являлась космическим кораблем, стоившим миллиарды долларов.

– Сейчас увидим. – Майор повернулся и пошел к автофургону, окрашенному в маскировочный цвет, который стоял в нескольких ярдах от них. За ним последовал генерал с тремя звездами на погонах, замыкал шествие Райан.

Внутри фургона температура была намного выше, где-то около нуля. Сержант перематывал видеоленту.

– Где находились цели? – спросил Джек. – Эти данные не приводились в переданных мне документах,

– Примерно сорок пять градусов южной широты и тридцать западной долготы, – ответил генерал. Майор устроился перед телевизионным экраном.

– Это значит, в районе Фолклендских островов, не так ли? Почему выбрали именно это место?

– Вообще-то ближе к острову Святого Георгия. Это тихое, незаметное, отдаленное место, и расстояние примерно соответствует предъявленным требованиям.

Райан знал, что у русских на расстоянии трех тысяч миль от острова нет возможности для сбора разведывательной информации. Испытание системы «Чайный клипер» проводилось точно в тот момент, когда все советские разведывательные спутники находились за видимым горизонтом. Наконец, дальность действия равнялась расстоянию до пусковых установок советских баллистических ракет, расположенных вдоль главной железной дороги страны, протянувшейся с востока на запад.

– Готово! – объявил сержант.

Видеоизображение было далеко не идеальным – наблюдение велось на уровне моря, а точнее, с палубы корабля технического слежения «Обзервейшн Айленд», возвращавшегося после испытательных запусков баллистических ракет «Трайидент» в Индийском океане. Рядом с этим телевизионным экраном находился другой, передающий изображение с радиолокационной установки слежения за ракетными снарядами корабля «Кобра Джуди». На обоих

экранах виднелись четыре объекта, вытянувшиеся в чуть неровную линию. В нижнем правом углу экрана велся отсчет времени до трех цифр после десятичного знака, причем эти цифры менялись с такой быстротой, словно отсчитывали результат скоростного спуска на лыжах.

– Попал! – Одна из точек исчезла во вспышке зеленого света.

– Мимо! – Следующая точка осталась невредимой.

– Мимо! – Джек нахмурился. Он ожидал увидеть едва ли не лучи света, пересекающие небо, но такое бывает только в кино. В космическом пространстве нет частиц, которые делали бы пролетающие импульсы энергии видимыми.

– Попал! – Исчезла вторая точка.

– Попал! – Осталась всего одна.

– Мимо.

– Мимо. – Последняя отказывается сдаваться, подумал Райан.

– Попал! – И все-таки ей не удалось уцелеть. Время, затраченное на уничтожение целей, – одна секунда и восемьдесят шесть тысячных.

– Пятьдесят процентов, – тихо заметил майор Грегори. – И регулировалась автоматически. – Молодой офицер удержался от торжествующей улыбки, но в уголках глаз виднелась радость от успеха. – Наша система действует.

– Каков размер целей? – спросил Райан.

– Три метра. Сферические шары, разумеется. – Грегори быстро терял контроль над собой. Он походил теперь на мальчишку, неожиданно получившего рождественский подарок.

– Такой же диаметр, как у советской баллистической ракеты СС-18.

– Примерно. – Это ответил генерал.

– Где находится другое зеркало?

– На высоте десяти тысяч километров, в данный момент над островом Вознесения. Официально это метеорологический спутник, не сумевший выйти на заданную орбиту. – Генерал улыбнулся,

– Я не знал, что вы можете засылать его так далеко.

Майор Грегори хихикнул.

– Мы тоже не знали этого.

– Таким образом вы посылаете луч отсюда к зеркалу шаттла, затем он идет от «Дискавери» к другому зеркалу над экватором и

оттуда к цели?

– Совершенно верно, – ответил генерал.

– А ваша система наведения размещена на другом спутнике?

– Да, – с неохотой произнес генерал. Джек провел в уме вычисления.

– Значит, вы можете различать цели размером в три метра на расстоянии в десять тысяч километров. Я ничего не знал о такой точности. Как это делается?

– Вам это знать не обязательно, – холодно ответил генерал.

– Четыре попадания и четыре промаха – восемь залпов меньше чем за две секунды, и майор сказал, что точность системы наведения саморегулируется в случае промахов. Ну хорошо, если бы целями были ракеты СС-18, запущенные в районе острова Святого Георгия, ваши залпы уничтожили бы их?

– Нет, наверно, – признался Грегори. – Лазерный излучатель обладает мощностью всего в пять мегаджоулей. Вы знаете, что такое джоуль?

– Перед тем как лететь сюда, я перелистал свой учебник физики, еще из колледжа. Джоуль – это единица измерения энергии, равная одному ньютон-метру за секунду, или семь десятых фут/фунтов энергии с какой-то мелочью, правильно? Значит, мега-джоуль, или миллион джоулей, – это... семьсот тысяч фут/фунтов. Прибегая к более понятным единицам...

– Один мегаджоуль равен, грубо говоря, динамитной шашке. Таким образом, мы доставили к цели заряд в пять динамитных шашек. Количество переданной энергии соответствует килограмму взрывчатки, однако физическое воздействие точно сравнить с этим нельзя.

– Итак, вы говорите мне, что лазерный луч на самом деле не прожигает цель – он производит скорее ударный эффект. – Райан исчерпал свои технические знания до предела.

– Мы называем это «ударным шоком», – заметил генерал. – Но в общем вы правы. Поток энергии ударяет в цель за несколько миллионных долей секунды, намного быстрее пули.

– Значит, все эти басни, что я слышал относительно высокой степени полировки корпуса ракеты или ее вращения, чтобы предупредить сгорание при попадании лазерного луча...

Майор Грегори снова хихикнул.

– Да, меня это тоже позабавило. Балерина может сколько угодно крутить пируэты перед дулом ружья – это не принесет никакой пользы. Дело в том, что излучаемая энергия должна куда-то уйти и это может произойти лишь через корпус ракеты. Этот корпус наполнен различными жидкостями – почти все птички русских работают на жидком топливе, верно? Гидростатического улара вполне достаточно для того, чтобы разорвать баки, находящиеся под давлением, и тогда – бум! – нет больше ракеты. – Майор улыбнулся, словно он рассказывал о том, как обманул своего учителя в школе.

– Хорошо, это понятно. Теперь мне нужно выяснить, как действует вся система.

– Послушайте, доктор Райан... – начал генерал, но Джек прервал его.

– Генерал, у меня допуск к проекту «Чайный клипер». Вы знаете об этом, так что прекратите заниматься глупостями.

Майор Грегори вопросительно взглянул на генерала. Тот кивнул.

– Сэр, в нашем распоряжении пять лазеров, излучающих импульсы энергии по одному мегаджоулю каждый...

– Где они?

– Вы стоите прямо на одном из них, сэр. Остальные четыре укрыты вокруг этой горной вершины. Они излучают энергию импульсами, конечно. Каждый выстреливает импульс в миллион джоулей за несколько микросекунд – несколько миллионных долей секунды.

– И они перезаряжаются за...

– Сорок шесть сотых секунды. Иными словами, мы можем нанести по цели двадцать ударов в секунду.

– Но вы не делаете этого.

– У нас не возникало такой необходимости, сэр, – ответил Грегори. – Нас ограничивают в настоящее время программные средства системы наведения. Сейчас этим занимаются. Целью данного испытания было оценить, насколько эффективной стала эта часть программного обеспечения. Нам известно, что лазеры, находящиеся в нашем распоряжении уже три года, действуют. Лазерные лучи концентрируются на зеркале, расположенном в пятидесяти метрах, вон там, – он указал рукой, – и сливаются в единый луч.

– Но они должны быть – я хочу сказать, лучи должны точно совпадать друг с другом, правда?

– В технике это называется «настроенный по фазе лазер». Все лучи должны идеально согласовываться по фазе, – ответил Грегори.

– Как же вы добиваетесь этого, черт побери? – Райан задумался. – Можете не отвечать на этот вопрос, я все равно, наверно, не пойму. Итак, лучи попадают на нижнее зеркало, расположенное на земле...

– Это – специальное зеркало. Оно состоит из тысяч сегментов, и каждый сегмент управляется пьезоэлектрическим кристаллом. Такая система называется «регулируемой оптикой». Мы посылаем на зеркало запрашивающий луч – на то зеркало, которое находится на корабле многоцветного использования, – и получаем информацию о преломлении сигнала в атмосфере. То, как атмосфера изгибает луч, анализируется компьютером. Затем зеркало регулируется в соответствии с этой поправкой и мы посылаем настоящий залп. Зеркало на шаттле тоже сконструировано на основе регулируемой оптики. Оно принимает луч, фокусирует его и посылает дальше на зеркало, находящееся на спутнике «Летающее облако», а вот это зеркало окончательно фокусирует луч на цели. И тогда – бум!

– Неужели все так просто? – Райан покачал головой. Какое простое решение проблемы, на которую за предыдущие девятнадцать лет было потрачено сорок миллиардов долларов, ушедших на фундаментальные исследования в двадцати разных отраслях науки, – и все для того, чтобы провести вот этот короткий тест.

– Вообще-то нам придется отрегулировать несколько небольших деталей, – признал Грегори. На эти небольшие детали потребуется еще пять лет, а то и больше, и ни он и никто другой не знал – и не беспокоился, – сколько дополнительных миллиардов. Сейчас для майора имело значение лишь одно – цель оказалась достижимой. Проект «Чайный клипер» больше не был журавлем в небе, особенно после успешного завершения сегодняшних испытаний.

– И вы тот парень, который сделал прорыв в разработке системы наведения на цель. Именно вам удалось найти способ заставить луч представлять данные для своего собственного наведения.

– Что-то вроде этого, – ответил вместо Грегори генерал. – Доктор Райан, эта часть проекта проходит под таким уровнем секретности, что дальнейшее обсуждение без письменного допуска вестись не будет.

– Генерал, я приехал сюда, чтобы оценить проект «Чайный клипер» для его сравнения с советскими исследованиями, ведущимися в этой же сфере. Если вы хотите, чтобы наши агенты сообщили вам, что происходит у русских, мне необходимо знать, черт побери, что искать!

Ответа на такое заявление не последовало. Джек пожал плечами, сунул руку в карман и вручил генералу конверт. Майор Грегори недоуменно наблюдал за происходящим.

– И даже теперь вы не удовлетворены, – заметил Райан, после того как генерал прочитал документ и сложил его.

– Нет, сэр, я не удовлетворен.

Голос Райана стал холоднее ночи на горной вершине штата Нью-Мексико.

– Генерал, когда я служил в корпусе морской пехоты, от меня не требовали, чтобы мне нравились приказы, и хотели всего лишь одного – чтобы я их выполнял. – Это едва не вывело генерала из себя, поэтому Джек добавил:

– Поверьте, сэр. я ведь на вашей стороне.

– Продолжайте, майор Грегори, – произнес наконец генерал Парке.

– Я назвал алгоритм «Танец с веером», – начал Грегори. Несмотря на раздражение, генерал с трудом удержался от улыбки. Грегори вряд ли знал что-нибудь про Салли Рэнд.

– Это все? – снова сказал Райан, после того как молодой офицер закончил рассказ. Он знал, что каждый эксперт по компьютерам, занятый в проекте «Чайный клипер», задавал себе, должно быть, один и тот же вопрос: «Почему я не подумал об этом!» – Немудрено, что все считают Грегори гением. Он сделал важнейшее открытие в лазерной технологии, когда готовился к защите докторской диссертации в Стоуни-Брук, а затем последовало еще одно открытие, тоже огромного значения, на этот раз в области программирования. – Но ведь это как просто!

– Да, сэр, но потребовалось больше двух лет на разработку практического применения и понадобился компьютер Крей-2 для ведения вычислений с достаточной быстротой, позволяющей продвигаться вперед. Нам нужно поработать еще немного, но после того как мы проанализируем, почему сегодняшние испытания не

прошли еще лучше, – скажем, четыре или пять месяцев – и все будет в порядке.

– А каким окажется следующий шаг?

– Конструирование лазера мощностью в пять мегаджоулей. Над этим уже работает группа специалистов, и она близка к успеху. После этого мы объединим в одну систему двадцать таких лазеров и сможем послать импульс в сто мегаджоулей двадцать раз в секунду и попадем в любую цель, по нашему желанию. Энергия удара составит тогда примерно двадцать или тридцать килограммов взрывчатки.

– И это уничтожит любую ракету, кто бы ее ни запустил...

– Да, сэр. – Майор Грегори улыбнулся.

– Значит, вы говорите мне, что ваша система – «Чайный клипер» – действует.

– Мы убедились в правильности структуры нашей системы, – поправил генерал Райана. – Прошло немало времени, потрачены огромные усилия с того момента, как мы начали изучение этой системы. Пять лет назад нам предстояло преодолеть одиннадцать препятствий. Сейчас осталось три технических препятствия. Еще через пять лет не останется ни одного. Вот тогда можно начать разворачивать систему.

– Стратегические последствия... – начал Райан и замолчал. – Бог мой!

– Да, это изменит мир, – согласился генерал.

– Вы знаете, что русские занимаются аналогичными исследованиями в Душанбе?

– Да, сэр, – ответил майор Грегори. – Не исключено, что им известно то, что неизвестно нам.

Райан кивнул. Грегори был настолько умен, что понимал – кто-то может оказаться еще умнее. Да, парень очень сообразителен.

– Господа, в моем вертолете остался портфель. Вы не могли бы послать кого-нибудь за ним? Там фотографии, сделанные со спутника. Думаю, они покажутся вам интересными.

– Когда были сделаны эти снимки? – спросил генерал через пять минут после того, как взглянул на фотографии.

– Пару дней назад, – ответил Райан.

Майор Грегори минуту-другую рассматривал снимки.

– Понятно, перед нами две установки несколько иного рода. Это так называемая «рассеянная система». Шестиугольная установка – там, где находятся шесть столбов, – это излучатель. Здание в центре предназначено, по-видимому, для размещения шести лазеров. Эти столбы представляют собой оптически устойчивые основания для зеркал. Лучи лазеров выходят из здания, отражаются от зеркал, которые контролируются компьютером и концентрируют луч на цели.

– Что вы имеете в виду под оптически устойчивым основанием?

– Дело в том, что зеркала должны управляться с высокой степенью точности, сэр, – сообщил Грегори Райану. – Изолируя их от окружающего грунта, вы устраняете вибрацию, которая может возникнуть, если поблизости пройдет человек или проедет автомобиль. Стоит сдвинуть зеркала на крошечную частицу световой частоты лазера, и вы не получите результат, к которому стремитесь. Здесь у нас применяются основания с гасителями толчков для повышения фактора изоляции от окружающего пространства. Такие системы начали применяться сначала на подводных лодках. Понимаете? А вот эта установка в форме ромба... ну конечно. Это приемник.

– Что? – Райан снова уперся в каменную стену непонимания.

– Предположим, что вам нужно сделать особенно хороший снимок чего-то. Я имею в виду по-настоящему идеальный снимок. Вы используете лазер в качестве стробоскопического фонаря.

– Но почему здесь четыре зеркала?

– Проще и дешевле изготовить четыре маленьких зеркала вместо одного большого, – объяснил Грегори. – Гм... Интересно, а вдруг они пытаются создать голографическое изображение? Если им действительно удастся замкнуть по фазе осветительные лучи... теоретически это возможно. Тут существует пара проблем, усложняющих достижение этой цели, но русские предпочитают полагаться на грубую силу... Черт возьми! – У майора засияли глаза. – Ну до чего интересная идея! Я подумаю об этом.

– Вы утверждаете, что они построили все это лишь для того, чтобы фотографировать наши спутники? – недоуменно спросил Райан.

– Нет, сэр. Эти установки могут использоваться для фотографирования, в этом нет сомнения. Такое объяснение станет великолепным прикрытием. А система, способная снять изображение спутника на геоцентрической орбите, может вывести из строя спутник, находящийся на низкой орбите. Если представить себе, что эти четыре зеркала являются телескопом, не забудьте, что телескопом можно пользоваться как объективом для фотоаппарата или частью прицела для стрельбы. Они станут также чертовски эффективной системой наведения. Какова мощность энергии, подающейся в' эту горную лабораторию?

Райан положил перед Грегори фотографию.

– В настоящее время эта гидроэлектростанция вырабатывает примерно пятьсот мегаватт. Но...

– Они тянут вторую линию электропередач, – заметил Грегори. – Зачем?

– Здание электростанции двухэтажное – под таким углом этого не видно. Похоже, что в эксплуатацию вводится верхняя часть. В результате пиковая мощность возрастет до тысячи ста мегаватт.

– Сколько поступает в лабораторию?

– Мы называем ее «Бах». Сюда подается около ста мегаватт. Все остальное идет для энергоснабжения «Моцарта», городка, который вырос на соседней вершине. Так что русские удваивают подачу электроэнергии.

– Больше чем удваивают, сэр, – поправил его Грегори. – Если они не собираются намного увеличить размеры этого городка, почему не предположить, что вся добавочная энергия поступает к лазерам?

У Райана едва не перехватило дыхание. Почему я не подумал об этом, черт побери? – мысленно упрекнул он себя.

– Я имею в виду, – продолжал Грегори, – что это составит пятьсот мегаватт дополнительной мощности. Бог мой, а вдруг им удалось добиться прорыва? Скажите, насколько трудно выяснить, чем они занимаются?

– А вы взгляните на снимки и сразу поймете, трудно или нет проникнуть на территорию, – сказал Райан.

– Да. – Грегори посмотрел на него. – Было бы неплохо узнать, сколько энергии содержится в импульсах, излучаемых их лазерами. Когда было построено это место, сэр?

– Примерно четыре года назад, и строительство еще не закончено, А вот «Моцарт» появился недавно. До последнего времени рабочие размещались вот в этих бараках и зданиях материально-технического обеспечения. Мы заметили, когда началось строительство многоквартирного жилого дома одновременно с ограждением по периметру объекта. Как только русские начинают проявлять заботу о работающих на объектах, можно делать вывод, что этому объекту придается особое значение. Если же его окружает ограждение со сторожевыми вышками, он принадлежит военным-

– Как вы узнали об этом? – спросил Грегори.

– Случайно. ЦРУ обновляло метеорологические данные по Советскому Союзу, и один из техников решил провести компьютерный анализ выбора наиболее благоприятных мест для астрономических наблюдений на его территории. Этот район оказался в их числе. За последние месяцы там стояла необычно облачная погода, однако в среднем над горами почти всегда безоблачное небо. То же самое относится к Сары-Шаган, Семипалатинску и еще одному новому объекту, Сторожевому. – Райан достал еще несколько фотографий. Грегори внимательно посмотрел на них.

– Русские не теряют времени даром.

– Доброе утро, Миша, – произнес маршал Советского Союза Дмитрий Тимофеевич Язов.

– И вам того же желаю, товарищ маршал, – ответил полковник Филитов.

Сержант помог министру обороны снять шинель, а другой принес поднос с чайным прибором. Как только Филитов открыл свой портфель, сержанты вышли из кабинета.

– Итак, Миша, чем мне предстоит заниматься сегодня? – спросил Язов, наливая две чашки чая. За окнами здания Совета министров было все еще темно. Внутренний периметр стен Кремля был залит

яркими лучами прожекторов, и часовые то появлялись в их свете, то снова исчезали в тени.

– Вам предстоит напряженный день, Дмитрий Тимофеевич, – ответил полковник. Язова не сравнить с Дмитрием Устиновым, но Филитов был вынужден признать, что министр работает с утра до позднего вечера, как и подобает кадровому офицеру. Маршал Язов, как и Филитов, был танкистом. Хотя они никогда не встречались во время войны, оба слышали друг о друге. Филитов отлично проявил себя на поле боя – критики заявляли, что в душе он остался старомодным кавалеристом, хотя Филитов ненавидел лошадей, – тогда как Язов быстро завоевал репутацию блестящего штабиста и организатора, и активного члена партии, разумеется. Язов в первую очередь был членом партии, иначе ему никогда бы не удалось стать маршалом. – У вас назначена встреча с представителями экспериментальной станции, находящейся в Таджикистане.

– А-а, «Яркая звезда». Совершенно верно, сегодня они должны представить отчет, верно?

– Ученые, – презрительно фыркнул полковник. – Они не разбираются в настоящем оружии, даже если его засунут им в задницу.

– Прошло время копий и сабель, Михаил Семенович, – усмехнулся Язов. Действительно, снова подумал полковник, маршал не отличается таким интеллектом, каким обладал Устинов, но он не был и таким дураком, как его предшественник на посту министра Сергей Соколов. Недостаток технических знаний компенсировался у него необыкновенным природным инстинктом, позволяющим маршалу оценить достоинства нового вооружения, и редкой способностью чувствовать настроения солдат и офицеров Советской Армии, – Их изобретения могут быть использованы для целей обороны с необычайной эффективностью.

– Да, конечно. Мне только хотелось бы, чтобы проектом руководил настоящий офицер, а не всякая там рассеянная профессура, что не от мира сего.

– Но генерал Покрышкин...

– Он был летчиком-истребителем. Я имею в виду настоящего армейского офицера, товарищ маршал. Летчики склонны поддерживать любое изобретение, на котором достаточное количество приборов и кнопок. К тому же за последнее время Покрышкин провел

больше времени в университетах, чем за штурвалом. Ему не позволяют летать. Покрышкин перестал быть офицером уже десять лет назад. Теперь он превратился в снабженца для ученых чародеев. – Не говоря о том, что он создает там свою собственную маленькую империю, но пока не будем говорить об этом, сохраним на будущее, подумал полковник.

– Хочешь получить новое назначение, Миша? – с лукавой улыбкой поинтересовался Язов.

– Только не туда! – засмеялся Филитов и тут же снова стал серьезным. – Я имею в виду, Дмитрий Тимофеевич, что текущий отчет о деятельности «Яркой звезды» искажен тем, что у нас нет на месте настоящего офицера, понимающего трудности боевых действий, знающего, каким должно быть настоящее оружие.

Министр обороны задумчиво кивнул.

– Да, я разделяю твою точку зрения. Ученые мыслят категориями «приборов», а не «вооружений», это верно. Меня смущает сложность этого проекта.

– Сколько движущихся деталей у этой новой установки?

– Не имею представления – тысячи, наверно.

– Устройство превращается в оружие лишь после того, как им уверенно овладевает рядовой солдат, – ну если не рядовой, то по крайней мере старший лейтенант. Поручалось ли кому-нибудь – не из числа сотрудников «Яркой звезды» – провести изучение надежности проекта? – спросил Филитов.

– Насколько я помню – нет.

– Вот видите, Дмитрий Тимофеевич. – Филитов взял подстаканник. – Вам не кажется, что этим может заинтересоваться Политбюро? До сих пор они были готовы финансировать экспериментальный проект, но... – полковник сделал глоток, – представители «Яркой звезды» будут просить у вас средства для преобразования проекта из экспериментального в действующий, а ведь никто не проводил независимой оценки его эффективности.

– Каким образом, по-твоему, следует провести такую оценку?

– Как вы сами понимаете, я не могу сделать этого. Я слишком стар и недостаточно образован, но у нас в министерстве немало молодых умных полковников, особенно в войсках связи. Строго говоря, это не строевые офицеры, но они являются кадровыми военными и обладают

достаточными знаниями, чтобы разобраться во всех электронных чудесах. Разумеется, товарищ маршал, я всего лишь высказал предложение. – Больше Филитов не настаивал. Он заронил зерно идеи в голову министра. Манипулировать Язовым было гораздо легче, чем Устиновым.

– Ты обнаружил какие-нибудь недостатки в работе Челябинского танкового завода? – спросил Язов.

Ортиз наблюдал за Лучником, поднимающимся вверх по горному склону в полумиле от него. Два человека и два верблюда. Их, наверно, не примут за отряд партизан, как это могло произойти с группой в двадцать или больше человек. Впрочем, теперь это не играло роли. Русские сейчас достигли такой степени отчаяния, что атаквали почти все, что двигалось по земле.

– Как хочется выпить пива, – заметил капитан.

Ортиз повернулся к нему.

– Капитан, мне удастся успешно работать с этими людьми, потому что я живу точно так же, как живут они. Я уважаю их обычаи и соблюдаю законы. Это значит – ни капли алкоголя, не есть свинины, не трогать их женщин.

– Чепуха, – фыркнул офицер. – Эти невежественные дикари...

Ортиз тут же прервал его,

– Капитан, если я еще раз услышу, как вы говорите что-то подобное или даже думаете вслух, это будет ваш последний день здесь. Эти люди работают на нас. Они приносят нам информацию и детали, которые мы не можем достать больше нигде. Поэтому вы будете, повторяю, будете обращаться с ними с уважением, которого они заслуживают. Вам это понятно?

– Понятно, сэр. – Господи, подумал офицер, да этот парень сам превратился в туземца.

3. Усталая рыжая лиса

– То, чем они занимаются, производит большое впечатление, – Джек зевнул, – если понимаешь ведущиеся там исследования. – Он вернулся на базу Эндрюз тем же самолетом, который доставил его в Лос-Аламос, и теперь ему отчаянно хотелось спать. Сколько раз ему приходилось летать по свету, а он так и не научился переносить смену часовых поясов. – Этот молодой парень – Грегори – чертовски умен. Ему понадобилось две секунды, чтобы понять, что представляет собой установка на «Бахе», и его оценка совпала с мнением Национального центра фоторазведки чуть ли не слово в слово. Разница заключалась лишь в том, что дешифровальщикам фотографий, работающим в центре, понадобилось четыре месяца и они представили три письменных доклада, прежде чем докопались до истины.

– Ты полагаешь, что его нужно включить в состав группы, занимающейся экспертным анализом?

– Сэр, это все равно что спрашивать, нужны ли хирурги в операционной. Да, между прочим, он хочет, чтобы мы заслали когонибудь на место расположения установки «Бах». – Райан поднял взгляд к небу.

Адмирал Грир едва не выронил чашку.

– Этот парень, видно, посмотрелся фильмов про ниндзя.

– По крайней мере приятно знать, что кто-то верит в наши возможности, – усмехнулся Джек и серьезным тоном продолжил:

– Как бы то ни было, Грегори хотелось бы узнать, не удалось ли русским добиться прорыва в мощности лазерного импульса – извините, сейчас они употребляют термин «энергия выходного сигнала». По его мнению, почти вся мощность, вырабатываемая новыми генераторами на гидроэлектростанции, будет направляться на систему «Бах».

Грир пристально взглянул на Джека,

– Это наводит меня на печальные мысли. По-твоему, он прав?

– У русских немало превосходных ученых, работающих с лазерами. Академик Басов, например, награжден Нобелевской премией и с тех пор занимается разработкой лазерного оружия вместе

с Евгением Велиховым, известным борцом за мир, да и директор Лазерного института – сын Дмитрия Устинова, можете себе представить. Объект «Бах» почти точно представляет собой установку, действующую по принципу лазера «рассеянной системы». Нам не мешало бы узнать, какой тип лазера применяют русские – он может быть газовой-динамическим, на свободных электронах, химическим. По мнению Грегори, их лазер действует на основе принципа свободных электронов, но это всего лишь догадка. Он привел цифры, подтверждающие преимущество размещения лазерной установки на вершине горы, где лазер находится за пределами половины земной атмосферы, и нам известно, какая мощность требуется русским для достижения результатов, к которым они стремятся. Он пообещал произвести обратные расчеты для оценки общей мощности установки. Результаты будут слегка занижены. Принимая во внимание то, что сказал Грегори, и завершение строительства жилого здания на «Моцарте», следует предположить, что этот объект скоро войдет в строй. Там будут произведены испытания и оценка полученных результатов, а через два-три года он сможет действовать на полную мощность. Если все произойдет именно так, то скоро в распоряжении русских может оказаться лазер, способный запросто выводить из строя наши спутники. Возможно, это последует в результате «мягкого удара», по словам майора, – будут сожжены камеры и фотоэлектрические элементы, находящиеся на спутнике. Зато следующий шаг...

– Это верно. Мы действительно втянулись в гонку.

– Есть ли надежда, что Риттер и его оперативники сумеют найти кого-нибудь, работающего внутри объекта «Бах»?

– Думаю, нам следует обсудить такую возможность, – уклончиво ответил Грир и изменил тему. – Ты выглядишь изрядно потрепанным.

Райан сразу понял, что имеет в виду заместитель директора по разведке: ему не следует интересоваться подробностями оперативной деятельности ЦРУ. Теперь он мог говорить, как подобает обычному человеку.

– Я действительно устал от всех этих перелетов. Если не возражаете, сэр, мне хотелось бы отдохнуть во второй половине дня.

– Хорошо. Увидимся завтра. Но вот что, Джек, мне звонили из Комиссии по ценным бумагам и биржевым операциям.

– А-а... – Джек склонил голову. – Я совсем забыл про это. Они говорили со мной перед самым вылетом в Москву.

– В чем там у тебя дело?

– Это связано с одной из компаний, акции которой принадлежат мне. Ее руководители под расследованием за использование конфиденциальной информации. Я приобрел акции одновременно с ними, и Комиссия интересуется, почему я решил совершить эту покупку именно в тот момент.

– Ну и как это произошло? – спросил Грир. В ЦРУ случалось немало скандалов, и адмиралу не хотелось, чтобы один из них затронул его ближайшего помощника-

– Я получил частным образом информацию, что эта компания представляет интерес, и проверил переданные мне сведения. Сразу обнаружил, что ее руководители скупают свои же, проданные раньше акции. Увидев это, я тоже начал скупать акции этой компании. В этом нет ничего незаконного, босс. Все документы хранятся у меня дома. Я записывал все операции на компьютере – теперь, когда стал работать здесь, перестал им пользоваться, – и у меня печатные копии всех документов. Я не нарушил никаких законов и могу доказать это.

– Постарайся уладить все за несколько дней, – посоветовал Грир.

– Обязательно займусь этим, сэр.

Через пять минут Джек сидел в своем автомобиле. На этот раз он верулся домой в Перегрин-Клифф, затратив на дорогу меньше времени, чем обычно, – всего пятьдесят минут вместо семидесяти пяти. Кэти была на работе, как всегда, а дети в школе – Сэлли в Сент-Мэри, а Джек в детском саду. Войдя в кухню, Райан налил себе стакан молока, выпил его, поднялся в спальню, сбросил ботинки и улегся на кровать, даже не подумав снять брюки.

Полковник Геннадий Иосифович Бондаренко из войск связи сидел напротив Михаила Семеновича, выпрямившись и расправив плечи, как и подобает молодому офицеру, добившемуся высокого звания. Он ничем не показал, что испытывает благоговейный страх перед полковником Филитовым, который по возрасту вполне годился ему в

отцы и о прошлых подвигах которого по Министерству обороны ходили легенды. Вот, значит, какой он, старый воин, принимавший участие почти во всех танковых сражениях на протяжении первых двух лет Великой Отечественной войны. В лице Филитова он видел силу и упрямство, которые не смогли стереть возраст и усталость, заметил неподвижную правую руку и вспомнил рассказ о том, как это случилось. Про старого полковника говорили, что он все еще выезжал на танковые заводы в сопровождении нескольких сослуживцев из своего прежнего полка, чтобы убедиться в качестве выпускаемых боевых машин и проверить, насколько острыми остались его суровые синие глаза, может ли он все еще попасть в цель на полигоне, сидя в танке на месте стрелка. Говоря по правде, Бондаренко испытывал трепет перед старым солдатом, трепет и гордость за то, что носит такой же мундир.

– Прибыл по вашему приказанию, товарищ полковник, – доложил он.

– В вашем досье написано, что вы хорошо разбираетесь в разных электронных премудростях, Геннадий Иосифович. – Филитов показал на папку, лежащую на его столе.

– Это моя работа, товарищ полковник. – Бондаренко не просто «хорошо» разбирался в электронике, и Филитов знал это. Молодой полковник принимал участие в разработке лазерных дальномеров и их применении в полевых условиях. Более того, до недавнего времени он работал над использованием лазеров вместо радиосвязи для переговоров, защищенных от прослушивания, в зоне боевых действий.

– То, что мы сейчас будем обсуждать, проходит под грифом «Государственная тайна». – Молодой полковник кивнул в знак того, что понимает важность предстоящего разговора, и Филитов продолжил:

– В течение последних нескольких лет Министерство обороны финансировало особо секретный исследовательский проект под названием «Яркая звезда» – название проекта тоже является секретным, разумеется. Главной целью проекта было получение высококачественных фотографий космических спутников, запускаемых на Западе, хотя, после того как лазерные установки, используемые для этого, начнут действовать на полную мощность, они смогут ослеплять спутники – в случае если такие действия будут

признаны политически целесообразными. Проект осуществляется учеными из Академии наук, а во главе стоит бывший летчик-истребитель из войск ПВО – к сожалению, подобные объекты находятся в подчинении сил противовоздушной обороны. Я предпочел бы, чтобы им руководил настоящий военный, но... – Михаил Семенович пожал плечами и указал на потолок.

Бондаренко улыбнулся в ответ и кивнул. Ничего не поделаешь, политика, молча согласились оба. Немудрено, что мы ничего не можем добиться.

– Министр поручает вам отправиться туда и произвести оценку военного потенциала объекта, особенно с точки зрения надежности. Перед тем как ввести в эксплуатацию этот объект, мы должны убедиться, что все эти хитроумные механизмы не откажут в тот момент, когда понадобятся нам больше всего.

Бондаренко снова кивнул. Мысли у него в голове проносились со скоростью курьерского поезда. Ему дается поручение редкой, исключительной важности. Его отчет поступит непосредственно к министру обороны через личного помощника маршала, которому Язов доверяет больше всех. Если он успешно справится с заданием, в его личном деле появится отметка о выполнении поручения самого министра – Это гарантирует молодому полковнику генеральские звезды, более комфортабельную квартиру для его семьи, хорошее образование для детей и тому подобное – все привилегии, к которым он стремился столько лет.

– Товарищ полковник, а на объекте знают о моем приезде?

Филитов насмешливо мотнул головой.

– С каких это пор Советская Армия действует таким образом? Это мы решаем, когда будут проводиться инспекционные поездки! Нет, Геннадий Иосифович, если нам нужно сделать оценку надежности объекта, обслуживающий персонал необходимо заставить врасплох. Я подготовил письмо за подписью самого маршала Язова. Вы возьмете его с собой. Этого будет достаточно, чтобы охрана пропустила вас на территорию объекта, – «Яркую звезду» охраняют войска КГБ, – холодно заметил полковник. – У вас будут полномочия на свободный доступ повсюду. В случае если возникнут малейшие затруднения, немедленно сообщите мне. Меня всегда найдут по этому телефону. Даже когда я уезжаю в баню, мой шофер приедет и сообщит мне.

– Насколько детальной должна быть проведенная мной инспекция, товарищ полковник?

– Достаточно детальной, чтобы старый неграмотный танкист вроде меня мог разобраться во всех электронных чудесах, – ответил Михаил Семенович, даже не улыбнувшись. – Вы сами-то сумеете понять, чем они там занимаются?

– Если не сумею, то сразу сообщу вам об этом, товарищ полковник. – Это был очень хороший ответ, подумал Филитов. Бондаренко далеко пойдет.

– Отлично, Геннадий Иосифович. Меня куда больше устраивает офицер, который честно признается в том, что он не понимает, вместо того чтобы пытаться произвести на меня впечатление кучей вонючего дерьма взамен надежной информации. – Бондаренко сразу понял, что имел в виду помощник министра. По министерству ходили слухи, что ковер в его кабинете был багрово-красным от крови офицеров, пытавшихся произвести ложное впечатление на этого старого танкиста. – Когда вы намереваетесь ехать?

– Это большой объект?

– Да. Там работают четыреста ученых и инженеров и примерно человек шестьсот обслуживающего персонала. Вы можете потратить неделю на изучение обстановки. В данном случае тщательность имеет большее значение, чем скорость.

– В таком случае я захвачу с собой еще один мундир. Через два часа выезжаю.

– Превосходно.частливого пути, – Полковник Филитов уже раскрыл очередную папку.

Как и обычно, Михаил Семенович задержался на службе чуть дольше своего начальника. Полковник запер в сейфе свои документы и сдал остальные рассыльному, который отвез их на тележке в секретный отдел, находившийся в нескольких метрах по центральному коридору. При этом рассыльный передал Филитову записку, в которой говорилось, что полковник Бондаренко вылетел в Душанбе рейсом 17.30 Аэрофлота и что его тут же отвезут из аэропорта на объект

«Яркая звезда». Филитов решил поощрить Бондаренко и поблагодарить его за проявленную находчивость. Молодой полковник входил в штат Главного инспекционного управления министерства и потому мог отправиться специальным рейсом прямо на военный аэродром Душанбе, однако служба безопасности на «Яркой звезде» несомненно располагала своими людьми на военном аэродроме, и они тут же сообщат на объект о прибытии спецрейса. А поскольку Бондаренко вылетел гражданским рейсом из Москвы, его скорее всего ошибочно примут за того, кем являются полковники в столице, – за мальчика на посылках. Это обстоятельство раздражало Филитова, Человек, который потратил столько сил и добился должности командира полка – а это ключевая должность в каждой армии, – не должен быть на побегушках у своего генерала. Однако Михаил Семенович знал, что именно так обстоит дело в любом военном штабе. По крайней мере Бондаренко представится возможность помериться силами с этими бездельниками в Таджикистане.

Филитов встал и снял с вешалки шинель. Затем, держа портфель в почти бесполезной правой руке, вышел из кабинета. Его секретарь, прапорщик, тут же позвонил вниз, чтобы машину полковника подогнали к подъезду. Когда полковник появился на крыльце, она уже стояла наготове.

Сорок минут спустя Филитов был дома и в домашней одежде. Был включен телевизор, передававший что-то бессмысленное – по-видимому, взятое на Западе. Михаил Семенович сидел в одиночестве за кухонным столом. Перед ним, рядом с едой, стояла открытая бутылка водки. Вечерами он ел колбасу с черным хлебом и соленые огурцы – эта пища мало чем отличалась от того, чем он питался со своими людьми на фронте два поколения назад. Он знал, что его желудок лучше справляется с грубой пищей, чем с изысканной гастрономией, – это обстоятельство изрядно озадачило больничный персонал, когда полковник лежал в госпитале с воспалением легких. Выпив водки, он закусил ее огурцом и хлебом с колбасой и через полупрозрачные шторы посмотрел в окно. На улицах Москвы ярко светились фонари и повсюду виднелись бесчисленные желтые прямоугольники квартирных окон.

Ему вспоминались запахи прошлого. Он чувствовал запах доброй русской земли, острый приятный аромат луговой травы вместе с

вонью дизельного топлива и всепобеждающий острый запах артиллерийского пороха из танковых пушек, настолько прочно впитывающийся в ткань комбинезона, что не пропадал даже после множества стирок. Для танкиста это были запахи поля битвы, эти запахи и отвратительный смрад горящих танков и сгорающих в них экипажей. Не глядя на стол, он отрезал кусок колбасы и отправил его в рот на острие ножа. Не отрываясь, он смотрел в окно, словно на экран телевизора, и видел огромный далекий горизонт при заходе солнца и столбы дыма, поднимающегося вверх на фоне зеленого и синего, оранжевого и коричневого. Затем он сунул в рот кусок грубого черного хлеба. И тут, как всегда по вечерам перед тем, как полковник Филитов совершал предательство, его окружили призраки прошлого.

– Мы показали им, правда, товарищ капитан? – спросил усталый голос.

– И все-таки нам придется отступить, ефрейтор, – ответил его собственный голос. – Но мы действительно показали этим ублюдкам, что не стоит связываться с нашими Т-34. Ты украл буханку хорошего хлеба, ефрейтор.

– Украл? Что вы, товарищ капитан, когда защищаешь этих крестьян, очень хочется есть, верно?

– И не меньше хочется пить? – был следующий вопрос капитана.

– Совершенно верно, командир. – Ефрейтор усмехнулся. Откуда-то сзади появилась бутылка. Это была не водка, произведенная на государственном заводе, а самогон, который гнали из зерна местные жители, хорошо знакомый Филитову алкогольный напиток. Каждый настоящий русский уверяет, что любит вкус самогона, хотя, если есть под рукой водка, предпочитает ее. И все-таки в этот момент его душа хотела именно самогона, здесь, на русской земле, с остатками своей танковой части, защищающей колхоз от приближающегося авангарда танков Гудериана.

Они снова перейдут в наступление завтра утром, спокойно подумал водитель.

– И мы подобьем еще несколько вражеских танков, окрашенных в серый цвет слизняков, – произнес заряжающий. '

А после этого отступим на десяток километров, хотел сказать, но удержался Филитов, всего на десять километров, если нам повезет и если штаб полка сумеет справиться с обстановкой лучше, чем сегодня.

Как бы то ни было, этот колхоз окажется в тылу немецких войск еще до того, как завтра зайдет солнце. Мы снова отдадим врагу участок нашей земли.

Михаилу Семеновичу не хотелось об этом думать. Он тщательно вытер руки, прежде чем расстегнуть карман гимнастерки. Пора подумать о душе.

– Какая красивая, – заметил ефрейтор, глядя в сотый раз через плечо своего капитана на фотографию, как всегда, с завистью. – Красивая, как хрустальная ваза. А какой у вас хороший сын. Вам так повезло, товарищ капитан, что он похож на мать. Ваша жена такая маленькая, как мог у нее родиться такой большой сын?

Только Богу известно, был его бессознательный ответ. Как странно, что после нескольких дней войны даже самые твердокаменные атеисты зывали к имени Бога. И даже комиссары, что вызывало тихое веселье у солдат.

Я вернусь к тебе, пообещал он, глядя на фотографию. Я вернусь к тебе домой. Пройду через всю немецкую армию, через огонь ада, но вернусь к тебе, Блена.

И тут принесли почту, редкое событие на фронте. Там было только одно письмо для капитана Филитова, но по тонкой бумаге и по изящному почерку он понял, насколько оно важно. Он вскрыл конверт острием своего боевого ножа и, несмотря на спешку, очень осторожно, стараясь не запачкать слова любви руками в смазке от своего боевого танка, достал листки. Через несколько мгновений он вскочил на ноги и издал радостный крик, подняв голову к сумеречному небу.

– Весной я снова стану отцом! – Это произошло, по-видимому, в последнюю ночь его отпуска, за три недели до того, как началось это кровавое безумие...

– Меня это ничуть не удивляет, – шутливо заметил ефрейтор, – принимая во внимание то, как мы сегодня отодрали немцев. Такой мужчина во главе нашего подразделения! Может быть, нашего капитана лучше всего использовать в качестве племенного производителя?

– Ты ведешь себя некультурно, ефрейтор Романов. Я – женатый человек,

– Тогда, может, вместо товарища капитана использовать для этой цели меня? – выразил надежду ефрейтор и снова передал бутылку

своему командиру. – За еще одного хорошего сына, товарищ капитан, и за здоровье вашей красавицы жены. – В глазах юного солдата сверкнули слезы радости и одновременно печали – он знал, что лишь самое невероятное стечение обстоятельств позволит и ему стать отцом. Но он никогда не скажет об этом вслух. Да, Романов был хорошим солдатом и надежным товарищем, способным командовать собственным танком.

И Романов получил свой танк, вспомнил Михаил Семенович, глядя на панораму Москвы. Во время сражения под Вязьмой он прикрыл корпусом этого танка выведенную из строя «тридцатьчетверку» капитана Филитова от мчавшегося вперед немецкого «Т-IV», спас жизнь командира, а его собственная закончилась в оранжево-красном пламени взрыва. Алексей Ильич Романов, ефрейтор Красной Армии, был награжден за этот подвиг орденом Красного Знамени. Неужели, подумал старый полковник, этот орден стал достаточным утешением его матери за смерть голубоглазого веснушчатого сына?

Бутылка водки на столе опустела на три четверти, и Михаил Семенович, как это случалось уже не раз, плакал в одиночестве своей кухни.

Сколько их погибло...

Эти подонки из штаба Верховного Главнокомандующего!

Романов убит под Вязьмой. Иваненко погиб, защищая Москву. Лейтенант Абашин под Харьковом – красивый молодой поэт, такой впечатлительный, с душой и сердцем льва, погиб, возглавив пятую контратаку, но сумел очистить путь для Филитова, которому удалось спасти остатки своего полка и вывести его к переправе через Донец в самую последнюю минуту,

И его Елена, самая последняя жертва... Все они погибли не от руки врага, но из-за обмана и равнодушной жестокости их собственной родины...

Михаил Семенович запрокинул голову и вылил в рот остатки водки. Нет, не родины. Родина не предает своих детей. Это бесчеловечные ублюдки, которые...

Он встал и пошел спотыкаясь в спальню, не выключив свет в гостиной. Часы на тумбочке показывали без четверти десять, и где-то в далеком уголке его мозга промелькнула утешительная мысль, что он

сумеет проспать девять часов и придет в себя после того насилия, которому он подвергал то, что когда-то было крепким жилистым телом, сумевшим вынести ужасающее напряжение бесконечных боев и даже привыкшим к ним. Однако тот стресс, который переживал сейчас старый полковник, не шел ни в какое сравнение с напряжением танковых сражений, походившим по сравнению с ним на каникулы. Глубоко в подсознании старого полковника таилась ликующая мысль – скоро все это кончится и тогда к нему придет покой.

Полчаса спустя по улице проехал автомобиль. Сидевшая за рулем женщина везла домой своего сына после хоккейного матча. Она повернула голову, взглянула вверх и заметила, что в интересующих ее окнах горит свет, а шторы полузадернуты.

Воздух здесь был разреженным. Бондаренко встал в пять утра, как всегда, надел тренировочный костюм и спустился в лифте из квартиры для почетных гостей на десятом этаже жилого здания. На мгновение это удивило его – лифт действовал. Значит, технический персонал ездит на объект круглые сутки. Отлично, подумал полковник.

Он вышел на улицу с полотенцем, обмотанным вокруг шеи, взглянул на часы, нахмурился и начал утреннюю пробежку. В Москве у него была отмерена привычная дистанция вокруг жилых кварталов, а тут он не знал, когда закончатся пять километров. Ничего не поделаешь, этого следовало ожидать. Сначала Бондаренко побежал на восток. Перед ним открылась захватывающая панорама. Скоро взойдет солнце, раньше чем в Москве, потому что объект находился заметно восточнее, и остроконечные горные пики были залиты красным – подобно зубам дракона, подумал он и улыбнулся. Его младший сын любил рисовать драконов.

Рейс, которым он прилетел в Душанбе, закончился фантастической картиной. Полная луна освещала серебряным сиянием пески Каракумов, проносящиеся под самолетом, а затем песчаная пустыня внезапно кончилась, словно уперлась в стену, построенную богами. На расстоянии в три градуса долготы поверхность изменилась от плоской равнины, расположенной на высоте трехсот метров, до

гигантских, уходящих в небо пятикилометровых горных вершин. С высоты, на которой находился объект «Яркая звезда», Бондаренко видел зарево от огней Душанбе, километрах в семидесяти к северо-западу. Две реки – Кафирниган и Сурхандарья – протекали рядом с полумиллионным городом, и полковник, подобно человеку прилетевшему в другой мир, с удивлением подумал, почему этот город возник именно здесь, какие силы древней истории заставили его расти между двумя реками, стекающими с гор. Место, несомненно, казалось не слишком гостеприимным, но, может быть, длинные караваны бактрийских верблюдов останавливались здесь на отдых, или тут пролегал перекресток караванных путей, или... Бондаренко выбросил эти мысли из головы. Он понимал, что просто затягивает начало утренних упражнений, достал и повязал на рот и нос хирургическую марлевую маску, чтобы не нахвататься холодного воздуха, затем начал глубокие приседания – следовало потянуть мышцы ног, прежде чем начать бег в спокойном неторопливом ритме.

И тут же Бондаренко заметил, что дышать труднее обычного. Высота, разумеется. Ничего не поделаешь, придется немного сократить дистанцию. Жилое здание уже осталось позади, и он взглянул налево, на строение, мимо которого пробежал. Судя по плану объекта, тут размещались мастерские по изготовлению и ремонту оптических и других приборов.

– Стой! – внезапно послышался резкий оклик часового.

Бондаренко остановился, раздраженно бормоча проклятья. Ему не нравилось, когда прерывали его утреннюю пробежку. Особенно если ее прерывал кто-то с зелеными погонами войск КГБ. Черт бы их побрал, подумал он, шпионы, бандиты – изображают из себя солдат.

– В чем дело сержант?

– Ваши документы, товарищ. Я не знаю, кто вы.

К счастью, жена Бондаренко предусмотрительно пришила несколько карманов на тренировочный костюм фирмы «Найк», который ей удалось купить на черном рынке в Москве, – подарок к дню его рождения. Бондаренко передал сержанту документы, продолжая бег на месте.

– Когда вы прибыли на объект, товарищ полковник? – спросил сержант. – И чем вы занимаетесь так рано утром?

– Где ваш офицер? – ответил Бондаренко вопросом на вопрос.

– В главном караульном помещении, у ворот, вон там, – сержант показал направление. – Четыреста метров отсюда.

– Тогда следуйте со мной, сержант, и мы поговорим с ним. Полковник Советской Армии не обязан отчитываться перед сержантом. Вперед, пробежка вам тоже не повредит. – И он побежал в сторону караульного помещения.

Сержанту было всего лет двадцать, но на нем была тяжелая шинель, он нес автомат и пояс с боеприпасами. Через двести метров Геннадий услышал позади тяжелое дыхание.

– Вот здесь, товарищ полковник, – с трудом выговорил юноша спустя минуту.

– Вы слишком много курите, сержант, – упрекнул его Бондаренко.

– Что здесь происходит, черт побери? – спросил лейтенант КГБ, который сидел за письменным столом в караульном помещении.

– Ваш сержант задержал меня. Я – полковник Бондаренко. совершаю утреннюю пробежку.

– В тренировочном костюме, сделанном на Западе?

– Какое вам дело, что на мне надето во время пробежки? – Ну и дурак, подумал полковник, неужели шпионы бегают по утрам?

– Полковник, я дежурный офицер безопасности на этом объекте. Я не знаю вас, и мое начальство не предупредило меня о вашем присутствии здесь.

Геннадий достал из другого кармана выданный ему специальный пропуск вместе со своим удостоверением личности.

– Я представитель Министерства обороны. Цель моего приезда вас не касается. Меня прислал сюда лично маршал Советского Союза Язов. Если у вас есть еще вопросы, позвоните ему вот по этому телефону.

Лейтенант КГБ скрупулезно изучил предъявленные ему документы, чтобы удостовериться, что полковник Бондаренко именно тот, за кого выдает себя.

– Извините меня, товарищ полковник, но у нас приказ относиться к вопросам безопасности очень серьезно. Кроме того, необычно видеть человека в западной одежде, совершающего пробежку на рассвете.

– Насколько я понимаю, для ваших солдат совершать пробежки вообще крайне необычно, – сухо заметил Бондаренко.

– Здесь, на горной вершине, недостаточно места для поддержания соответствующего режима физической подготовки, товарищ полковник.

– Вот как? – Бондаренко улыбнулся и достал из кармана записную книжку с карандашом. – Вы утверждаете, что весьма серьезно относитесь к вопросам безопасности, но не занимаетесь физической подготовкой своего личного состава. Благодарю вас за предоставленную информацию, товарищ лейтенант. Я подниму этот вопрос при встрече с командиром вашего подразделения. Мне можно идти?

– Вообще-то мне приказано сопровождать всех официальных гостей.

– Превосходно. Люблю совершать пробежки в компании. Прошу вас присоединиться ко мне, товарищ лейтенант.

Офицер КГБ попал в ловушку и отдавал себе отчет в этом. Пять минут спустя он задыхался как рыба, выброшенная на берег.

– Как, по-вашему, откуда исходит главная угроза безопасности объекта? – спросил Бондаренко со злорадством, потому что не снижал темпа бега.

– Граница с Афганистаном находится вон там, в ста одиннадцати километрах, – произнес лейтенант, хватая ртом воздух. – Время от времени они совершают бандитские рейды на советскую территорию, как вы, наверно, слышали.

– У них есть связь с местными жителями?

– Пока нам не удалось установить этого, но опасность существует. Местное население состоит главным образом из мусульман.

Лейтенант закашлялся, и Бондаренко остановился.

– Когда воздух такой холодный, как сейчас, я установил, что марлевая маска на лице помогает легче дышать, – сказал Геннадий. – При этом воздух, прежде чем попадает в легкие, несколько согревается. А сейчас распрямитесь и дышите глубже, товарищ лейтенант. Если вы действительно хотите серьезно заботиться о безопасности объекта, вам и вашим солдатам следует уделять больше внимания физической подготовке. Уверяю вас, что афганцы чертовски выносливы. Две зимы назад я провел некоторое время с подразделением спецназа, которое преследовало их по полудюжине крутых вершин. Мы так их и не поймали. – Зато афганцы поймали нас,

вспомнил Бондаренко, но промолчал. Он никогда не забудет ту засаду...

– А вертолеты?

– Они не всегда могут летать при плохой погоде, мой юный друг, к тому же в моем случае мы пытались проверить, можем ли мы тоже воевать в этих горах,

– Ну что ж, мы, разумеется, каждый день высылаем патрули.

По манере говорить Бондаренко заподозрил что-то и пообещал себе проверить это.

– Сколько мы пробежали?

– Два километра.

– Действительно, из-за высоты здесь это труднее. Поворачиваем обратно.

Восход солнца был впечатляющим зрелищем. Пылающий шар поднялся из-за безымянной вершины на востоке, и его свет залил ближайšie склоны, прогоняя темноту в глубокие, вырытые ледниками, ущелья. Проникнуть на объект нелегко, подумал Бондаренко, даже для бесчеловечных варваров – моджахедов. Сторожевые вышки расположены правильно, со знанием дела, поля обстрела с них открываются на несколько километров. Охрана не пользуется прожекторами – приходится думать и об удобствах проживающих здесь гражданских лиц, – однако приборы ночного видения вообще отвечают требованиям безопасности намного лучше, и полковник не сомневался, что охрана КГБ оснащена ими, К тому же – он пожал плечами – его прислали сюда не для проверки безопасности объекта, хотя Бондаренко и воспользовался этим предлогом, чтобы подразнить службу охраны, составленную из войск КГБ.

– Вы не могли бы сказать мне, как вам удалось приобрести этот тренировочный костюм? – спросил лейтенант, как только отдышался.

– А вы женаты, товарищ лейтенант?

– Да, товарищ полковник.

– Лично я никогда не допрашиваю жену по поводу того, где она покупает подарки к моему дню рождения. Правда, я не чекист. – Бондаренко несколько раз глубоко присел, чтобы продемонстрировать, что он все-таки лучше физически подготовлен.

– Товарищ полковник, хотя мы с вами выполняем разные обязанности, мы оба служим Советскому Союзу. Я – молодой неопытный офицер, и вы уже продемонстрировали это весьма убедительно. Что меня серьезно беспокоит, так это ненужное соперничество между армией и КГБ.

Бондаренко повернулся и посмотрел на лейтенанта.

– А вы неглупый молодой человек, лейтенант. Надеюсь, когда у вас на погонах появятся генеральские звезды, вы будете придерживаться такой же точки зрения.

Он оставил лейтенанта у караульного помещения и быстрым шагом направился к жилому дому, спеша добраться до теплого помещения прежде, чем утренний ветер превратит в лед капли пота на шее. Бондаренко вошел в подъезд и поднялся на лифте к себе в комнату. Его ничуть не удивило, что так рано утром горячей воды не было. Полковник принял холодный душ, прогнавший остатки сна, побрился и оделся, затем отправился в столовую завтракать.

В министерство ему нужно было приехать в девять часов, а баня с парным отделением находилась по пути. За много лет Филитов убедился, что нет ничего лучше парной бани, когда нужно избавиться от похмелья и прочистить мозги. И немудрено – практика у него была предостаточной. Водитель-сержант отвез полковника в Санлуновские бани, рядом с Кузнецким мостом, в шести кварталах от Кремля. В любом случае это была обычная Филитовская процедура – каждую неделю по средам утром он посещал парилку. Даже ранним утром он оказался в бане не один. Несколько других посетителей – занимавших, по-видимому, тоже видное положение – поднимались по широким мраморным ступенькам на второй этаж первого класса бани (разумеется, официальное название отделения первого класса было другим), поскольку тысячи москвичей страдали той же болезнью, что и полковник, и прибегали к аналогичному методу лечения. Были тут и посетительницы, Михаил Семенович попытался представить себе, как выглядит женское отделение и чем оно отличается от того, в которое направляется он сам. Это показалось ему странным. Он посещает

Сандуновские бани с 1943 года, с того самого момента, как получил назначение в министерство, и ему ни разу не представился случай заглянуть в женское отделение. Ну и ладно, для этого он уже слишком стар.

Раздеваясь, он чувствовал тяжесть в голове и знал, что глаза у него красные. Повесив в шкафчик мундир, полковник взял из толстой кипы, лежащей на скамейке, махровое полотенце и березовый веник, несколько раз глубоко вдохнул прохладный сухой воздух предбанника и затем открыл дверь, ведущую в парное помещение. Когда-то весь был мраморный пол, но теперь его почти весь заменили оранжевыми плитками. Михаил Семенович помнил время, когда пол в парилке был еще мраморным. Двое голых мужчин лет пятидесяти спорили о чем-то, скорее всего о политике. Он слышал хриплые голоса, заглушаемые шипением пара из груды камней в центре отделения. Всего, кроме них, насчитал еще пять мужчин. Они сидели на полках с опущенными головами. Каждый переносил

последствия похмелья в стоическом одиночестве. Он выбрал место в переднем ряду и тоже сел.

– Доброе утро, товарищ полковник, – услышал он голос рядом, в пяти метрах.

– И вам желаю того же, товарищ академик, – приветствовал Михаил Семенович знакомого завсегда парной бани. Филитов сжал в руках березовый веник, ожидая, когда на теле выступит пот. Ждать пришлось недолго – температура в парилке достигала ста сорока градусов по Фаренгейту. Он медленно, как поступают опытные люди, вдыхал горячий влажный воздух. Аспирин, который Михаил Семенович принял с утренним чаем, начал действовать, хотя он все еще испытывал тяжесть в голове и полости носа пока по-прежнему оставались отеками. Он принялся бить себя веником по спине, словно стараясь изгнать ядовитые вещества из своего тела.

– Как поживает сегодня герой Сталинграда? – не унимался академик.

– Примерно так же, как и гений министерства образования, – проворчал Филитов и услышал в ответ вымученный смех. Он так и не мог запомнить его имя... Илья Владимирович... а дальше? Только кретин может смеяться, когда тебя мучает похмелье. Однажды академик признался, что пьет из-за своей жены. Ты пьешь, чтобы

чувствовать себя свободным от нее, верно? – подумал полковник. Хвастаешь тем, что спишь со своей секретаршей, а вот я продал бы душу дьяволу за один взгляд на лицо Елены. И на лица моих сыновей, напомнил он себе. Двух моих красивых, мужественных сыновей. Такие вещи приходят в голову в подобное утро.

– Во вчерашней «Правде» писали о переговорах по разоружению, – снова послышался голос академика. – Можно рассчитывать на успех?

– Не имею представления, – ответил Филитов.

В парилку вошел банщик – молодой человек лет двадцати пяти, невысокий. Он сосчитал сидящих на полках.

– Кто-нибудь хочет выпить? – спросил он. Спиртное было категорически запрещено в бане, но, как считает каждый русский, вкус водки от этого только улучшается.

– Нет! – послышался хор голосов. Этим утром никому не хотелось опохмелиться, с некоторым удивлением заметил Михаил Семенович. Да, конечно, середина недели. В субботнее утро все будет совсем по-другому.

– Хорошо, – ответил банщик, направляясь к двери. – В предбаннике лежат свежие полотенца, и мы отремонтировали установку для нагрева воды в бассейне. Поплавать – совсем неплохо для вашего тела, товарищи. Не забывайте упражнять мышцы, которые вы сейчас прожариваете, и весь день будете чувствовать себя свежими как огурчики.

Филитов поднял голову. Значит, банщик является новым связным.

– Ну почему у них хорошее настроение в такое утро? – проворчал мужчина в углу.

– У парня хорошее настроение, потому что он не старый пьяный козел! – послышался чей-то ответ. Раздался смех.

– Еще пять лет назад я переносил водку куда лучше, – продолжал мрачный голос, доносящийся из угла. – Уверю вас, качество спиртного ухудшается с каждым годом.

– Вместе с твоей печенью, товарищ! – поддел его сосед.

– Как ужасно становиться старым. – Михаил Семенович повернулся и посмотрел на говорившего. Это был мужчина едва достигший пятидесяти, с отвисшим животом цвета мертвой рыбы, который курил сигарету – еще одно нарушение правил.

– Еще ужаснее не стареть, но вы, молодежь, забыли об этом! – автоматически ответил он, и сам удивился собственному ответу. Головы сидящих в парилке повернулись в его сторону, увидели шрамы от ожогов на груди и спине. Даже те из них, кто не знал, кем является Михаил Семенович Филитов, поняли, что с этим мужчиной лучше не связываться. Он молча просидел еще десять минут, прежде чем выйти из парного отделения.

Банщик стоял у двери парилки, когда Филитов вышел в предбанник. Полковник передал ему березовый веник и полотенце, затем направился в душевую, где принял холодный душ. Десять минут спустя он стал уже другим человеком. Боль в голове и подавленное настроение, вызванное похмельем, исчезли вместе с испытанным им стрессом. Он быстро оделся и спустился по лестнице к подъезду, где его ждал автомобиль. Сержант обратил внимание на легкость его шагов и изумился целительной силе парной бани. Неужели есть что-то волшебное в том, что люди сидят в такой жаре и варятся в ней, подумал молодой солдат.

Банщику предстояло выполнить новое поручение. Несколько минут спустя он снова зашел в парную и узнал, что два клиента передумали. Он тут же вышел из здания бани через заднюю дверь и направился в маленькое заведение, приемщик которого зарабатывал продажей водки налево куда больше, чем химчисткой. Банщик вернулся от него с поллитровой бутылкой водки, на которой не было импозантной наклейки – первоклассная «Столичная» шла только на экспорт и для избранных, – но которая стоила вдвое дороже, чем в магазине. Введение строгих запретов на продажу алкоголя привело к возникновению совершенно нового – и крайне выгодного – черного рынка. Кроме того, банщик оставил в химчистке маленькую кассету с фотопленкой, полученную им вместе с березовым веником. Со своей стороны банщик испытывал облегчение. Это было его первое задание. Имени человека, передавшего ему кассету, он не знал и произнес условную фразу с естественным страхом, опасаясь, что эта часть шпионской сети ЦРУ оказалась давно известной контрразведывательной службе КГБ – наводящему страх Второму главному управлению. Он уже лишился права на жизнь и знал об этом. Но ему хотелось предпринять что-то, загладить чем-то все то, что он видел за год, проведенный в Афганистане, исправить поступки,

которые его заставили там совершать. На мгновение он подумал о том, кем был этот старый мужчина, весь в шрамах, и тут же напомнил себе, что личность человека, передавшего ему кассету, – не его дело.

Химчистка, приемщик которой получил кассету, обслуживала главным образом иностранцев – журналистов, бизнесменов, дипломатов и изредка русских, которые хотели сберечь одежду, приобретенную ими за границей. Одна из клиенток получила в химчистке английское пальто, заплатила три рубля и ушла. Пройдя два квартала к ближайшей станции метро, женщина спустилась по эскалатору и села на поезд Ждановско-Краснопресненской линии, помеченной на карте города пурпурной линией. Вагоны были переполнены, и никто не обратил внимания на то, что она передала кассету. Говоря по правде, она сама не видела лица этого человека. В свою очередь, он сошел на следующей станции, «Пушкинской», и по подземному переходу прошел на станцию «Горьковская». Следующая передача кассеты произошла через десять минут, на этот раз ее получил американец, направлявшийся в свое посольство этим утром позднее обычного, поскольку накануне допоздна задержался на дипломатическом приеме.

Американца звали Эд Фоули, и он служил пресс-атташе в посольстве США на улице Чайковского. Он и его жена, Мэри-Пэт, тоже агент ЦРУ, жили в Москве вот уже почти четыре года, и оба предвкушали, что скоро уедут из этого серого мрачного города, покинут его раз и навсегда. У них было двое детей, которые вот уже длительное время находились вдали от «хот доге» и игры в бейсбол.

Это не означало, однако, что их пребывание в Москве не было успешным. Русские знали, что у ЦРУ имеется несколько разведывательных групп, состоящих из мужа и жены. Такие группы успешно занимаются оперативной работой, но русские с трудом воспринимают вероятность того, что разведчики могут брать с собой и детей. В тщательной разработке нуждается и прикрытие оперативников. Перед тем как перейти на работу в Государственный департамент, Эл Фоули был репортером в «Нью-Йорк тайме». Служба в Госдепе соблазнила его, потому что, объяснил он, жалованье примерно одинаковое, а полицейский репортер никогда не выезжает дальше Ютики в штате Нью-Йорк. Его жена обычно оставалась дома с детьми, хотя иногда заменяла преподавателей, когда возникала такая

необходимость, в англо-американской школе на Ленинском проспекте в доме 78 и часто ездила с ними на вечерние представления. Ее старший сын играл в детской хоккейной команде, и сотрудники КГБ, сопровождавшие их в разъездах по городу, писали в своих отчетах, что Эдвард Фоули-младший отлично для семилетнего мальчишки играет на месте крайнего нападающего. Единственное, что вызывало раздражение советского правительства, – это излишний интерес Фоули-старшего к проблеме уличной преступности в Москве, которая, несмотря на заметный рост, все-таки никак не могла сравниться с масштабом преступности, о которой писал в Нью-Йорке Эд Фоули. Впрочем, это только доказывало, что американский пресс-атташе – относительно безобидный человек. Он был слишком любопытен, чтобы оказаться сотрудником разведывательной службы, ведь разведчики, в конце концов, прилагали все усилия, чтобы не выделяться.

Оставшиеся несколько кварталов от станции метро Фоули прошел пешком. При входе в сурово-чинное здание посольства он вежливо кивнул милиционеру, затем сержанту морской пехоты и поднялся в свой кабинет. Кабинетом его можно было назвать с большой натяжкой. Здание посольства описывалось в официальном докладе Государственного департамента как «переполненное и нуждающееся в ремонте». Автор этого доклада, наверно, и обгоревший остов многоквартирного жилого дома в Южном Бронксе описал бы как здание, «нуждающееся в незначительной перестройке», подумал Фоули. Во время недавней реконструкции помещения посольства из кладовой и встроенного шкафа для хранения метел и тряпок, используемых при уборке коридоров, удалось выделить кабинет пресс-атташе. В результате получилась комната в десять квадратных метров. Шкаф использовался, однако, для проявления фотопленок и печатания фотографий, почему в этой комнате всегда размещался один из сотрудников ЦРУ, хотя в качестве кабинета резидента ЦРУ она использовалась впервые.

Тридцатитрехлетний высокий и худой ирландец из Куинса, Фоули обладал потрясающим интеллектом, исключительно медленной частотой сердцебиения и бесстрастным лицом игрока в покер. Последнее качество помогло ему закончить католический колледж Святого Креста. На последнем курсе колледжа его завербовали в ЦРУ.

После окончания учебы Фоули проработал четыре года в газете «Нью-Йорк таймс», чтобы создать себе надежную легенду. В редакции его помнили как неплохого, хотя и несколько ленивого репортера, исправно предоставлявшего удовлетворительные материалы, но не хватающего звезд с неба. Редактор не расстроился, узнав, что Фоули уходит на государственную службу, поскольку теперь освобождалось место для молодого выпускника факультета журналистики Колумбийского университета, обладающего нюхом на новости и бьющей через край энергией. Корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» в Москве описывал Эда в своих письмах в редакцию и в разговорах со знакомыми как человека с посредственными способностями, да и скучного к тому же. Благодаря этому о нем сложилось впечатление, о котором мечтают все разведчики: «Фоули? Он недостаточно умен для шпиона». По этой и некоторым другим причинам ему доверили связь с самым плодовитым, глубоко законспирированным агентом ЦРУ, работавшим на американскую спецслужбу очень долгое время, под кодовым именем «Кардинал», полковником Михаилом Семеновичем Филитовым. Даже это кодовое имя хранилось в такой глубокой тайне, что всего пять человек в ЦРУ знали, что «Кардинал» означает нечто большее, чем просто высокопоставленный церковный деятель в красной сутане.

Сведения, поступающие от «Кардинала», проходили под грифом "Специальная разведывательная информация, исключительно для лиц с допуском «дельта». Во всем правительстве США всего шесть человек были допущены к информации «дельта». Каждый месяц кодовое наименование такой информации менялось. В этом месяце она проходила под наименованием «атлас», и знакомиться с нею имели право еще двадцать человек. Но даже под специальным, меняющимся ежемесячно кодовым названием информация обязательно перефразировалась и подвергалась некоторой интерпретации, прежде чем выходила за пределы тех шести человек, которые составляли группу «дельта».

Фоули достал кассету из кармана и заперся в темной комнате. Он настолько хорошо владел процессом проявления, что мог заниматься им пьяным и в полусонном состоянии. Между прочим, несколько раз так и случалось. Не прошло и шести минут, как работа была закончена и Фоули привел комнату в порядок. Его бывший редактор был бы

крайне изумлен аккуратностью, проявленной в Москве молодым репортером.

Далее он следовал процедуре, разработанной почти тридцать лет назад. Фоули осмотрел шесть проявленных кадров с помощью увеличительного стекла, которым пользуются для изучения слайдов, сделанных 35-миллиметровой камерой. Через несколько секунд он запомнил каждый кадр и начал печатать перевод на своей портативной пишущей машинке. Это была механическая машинка с настолько изношенной лентой, что прочитать что-нибудь по ней было невозможно никому, даже КГБ. Подобно большинству репортеров, Фоули печатал плохо. Ему то и дело приходилось перебивать допущенные опечатки. Бумага, на которой он печатал, была обработана специальным химическим составом, и пользоваться резинкой он не мог. Фоули понадобилось почти два часа, чтобы напечатать перевод. Закончив работу, он еще раз убедился в том, что ничего не пропустил и не сделал серьезных грамматических ошибок. Убедившись в правильности сделанного им перевода, с трепетом, который так и не сумел побороть за все это время, он смял пленку, положил комочек в металлическую пепельницу, поднес к нему спичку, и единственное доказательство существования «Кардинала» превратилось в пепел. Затем Фоули выкурил сигару, чтобы скрыть характерный запах горелого целлулоида, сложил и сунул в карман листы бумаги с напечатанным на пишущей машинке текстом и пошел по лестнице вверх, в посольский центр связи. Там он набросал невинно выглядящее донесение в почтовый ящик 4108, Государственный департамент, Вашингтон: «В ответ на ваш запрос от 29 декабря сообщаю, что отчет по текущим расходам выслан диппочтой. Фоули». Как пресс-атташе, ему часто приходилось оплачивать счета за выпивку в барах со своими бывшими коллегами, глядящими на него свысока. Фоули ничуть на них не обижался за это. В результате ему приходилось писать множество финансовых отчетов о мелких расходах и посылать их для оплаты чиновникам в «Туманное болото», как принято именовать американскую столицу. Его немало забавляло то, что братья по перу прямо-таки из кожи вон лезли, чтобы сделать его прикрытие поубедительнее.

После этого Фоули отправился на поиски дипкурьера посольства. Хотя мало кто знал об этом, этот аспект деятельности посольства США

в Москве не менялся с тридцатых годов – здесь всегда находился курьер Госдепартамента, готовый при необходимости выехать с дипломатической почтой в Вашингтон, хотя теперь у него были и другие обязанности. Кроме того, курьер был одним из четырех сотрудников посольства, который знал, в каком правительственном агентстве действительно работает Фоули. Отставной уорент-офицер, он был награжден Крестом за боевые заслуги и имел четыре медали «Пурпурное сердце» за ранения во время эвакуации пострадавших с поля боя во Вьетнаме. Когда он улыбался, эта улыбка была в точности, как у русских, – она раздвигала его губы, но никогда не отражалась в глазах.

– Ты не хотел бы слетать домой сегодня вечером? – спросил Фоули.

Глаза курьера вспыхнули от радости.

– Лететь в Америку, когда в воскресенье розыгрыш Суперклуба по футболу? Шутить! Когда зайти к тебе? Часа в четыре?

– Да. – Фоули закрыл дверь и вернулся к себе в кабинет. Курьер позвонил в аэропорт и заказал билет на самолет компании «Бритиш эйруэйз», вылетающий в Хитроу в 17.40.

Разница во времени между Вашингтоном и Москвой фактически гарантировала, что донесения Фоули поступали в Государственный департамент ранним утром. В шесть утра сотрудник ЦРУ вошел в почтовое отделение Государственного департамента, забрал конверты из дюжины почтовых ящиков и поехал в Лэнгли. Он был старшим офицером в Управлении полевых операций, но больше не мог принимать в них участие из-за ранения, полученного в Будапеште, – уличный хулиган повредил там ему череп, за что разъяренные венгерские полицейские упрятали уголовника на пять лет в тюрьму. Если бы тамошняя полиция знала, кем является американец в действительности, подумал бывший оперативник, хулигана наградили бы орденом. Офицер доставил пакеты в соответствующие отделы и затем отправился в свой кабинет.

Когда Боб Риттер приехал в Лэнгли в 7.25, донесение Фоули лежало у него на столе. Риттер был заместителем директора ЦРУ по оперативной работе. Его епархия, известная как Оперативное управление, охватывала всех сотрудников ЦРУ, занятых оперативной деятельностью, и всех иностранных граждан, завербованных ими в качестве тайных агентов. Донесение, поступившее из Москвы – как правило, оттуда поступало не одно, а несколько, но это было самым важным, – тут же попало в его личный сейф, и Риттер приготовился к инструктажу, проводимому ежедневно в 8.00 ночным дежурным офицером.

– Заходите, открыто, – откликнулся сидящий в своем кабинете Фоули, услышав стук в дверь. В комнату вошел курьер.

– Самолет отправляется через час. Нужно спешить.

Фоули выдвинул ящик стола и достал оттуда предмет, похожий на дорогой серебряный портсигар. Он передал его курьеру, и тот осторожно положил предмет в нагрудный карман пиджака. Внутри портсигара были сложены напечатанные Фоули страницы, и там же находилось крошечное пиротехническое устройство. В случае если портсигар пытались открыть не так, как следовало, или он подвергся резкому толчку – скажем, падению на пол, – пиротехническое устройство срабатывало и легковоспламеняющаяся бумага внутри мгновенно превращалась в пепел. При этом мог загореться и костюм курьера, чем объяснялась та осторожность, с которой он опустил «портсигар» в карман пиджака.

– Я вернусь, наверно, во вторник утром. Прихватить что-нибудь для вас, мистер Фоули?

– Я слышал, что появился новый выпуск книги «Дальняя сторона»...

Курьер рассмеялся.

– Хорошо, проверю. Расплатимся, когда вернусь обратно.

– Желаю удачи, Огги.

Один из водителей посольства отвез Огги Джианнини в аэропорт Шереметьево, расположенный в девятнадцати милях от Москвы.

Курьер, обладающий дипломатическим паспортом, который позволял ему не проходить через таможенную и службу безопасности аэропорта, поднялся прямо в самолет «Бритиш эйруэйз», вылетающий в Хитроу. Там он разместился у правого борта самолета, в первом классе. Сумку с дипломатической почтой курьер положил на кресло у окна, а сам сел рядом. Рейсы из Москвы отправлялись обычно полупустыми, и кресло слева от Джаннини тоже оказалось незанятым. «Боинг» двинулся с места точно по расписанию. Командир самолета объявил по трансляции предполагаемую продолжительность полета и место назначения, и авиалайнер покатил, набирая скорость, по взлетной полосе. В тот момент, когда колеса самолета оторвались от советской земли, все сто пятьдесят пассажиров, как это случалось нередко, дружно зааплодировали. Это всегда забавляло курьера. Он достал из кармана книгу и начал читать. Во время полета он не мог, разумеется, ни пить, ни спать, а поужинать решил на следующем рейсе, когда вылетит из Лондона. И все-таки стюардессе удалось уговорить его выпить чашку кофе.

Три часа спустя «Боинг-747» коснулся посадочной площадки в Хитроу. И здесь Джаннини прошел мимо таможни. Человек, проводивший в воздухе больше времени, чем пилоты пассажирских авиалайнеров, он имел доступ к залам ожидания первого класса, все еще существующим в большинстве аэропортов мира. Здесь курьер прождал еще час вылета «Боинга-747», направляющегося в международный аэропорт Даллеса в Вашингтоне.

Высоко над просторами Атлантики он с удовольствием поужинал блюдами кухни «Панам» и посмотрел фильм, которого раньше не видел, что случалось с ним очень редко. К тому моменту, когда Джаннини перевернул последнюю страницу книги, самолет заходил на посадку. Курьер провел рукой по лицу и попытался вспомнить, сколько времени сейчас в Вашингтоне. Через пятнадцать минут он сел в ничем не примечательный «форд» с правительственными номерами, и машина помчалась на юго-восток. Курьер расположился впереди, рядом с водителем, потому что там можно было вытянуть ноги.

– Как перелет? – спросил водитель.

– Как всегда: ску-у-у-чный, – проворчал Джаннини. С другой стороны, полеты на пассажирских авиалайнерах были куда лучше полетов на санитарном вертолете в центральном посольстве Вьетнама.

Правительство платило ему двадцать тысяч долларов в год за то, что он сидел в самолетах и читал книги, а это вместе с армейской пенсией обеспечивало Джианнини вполне приличную жизнь. Джианнини никогда не задумывался над тем, что он перевозит в дипломатической почте или в металлической коробке, хранящейся в кармане пиджака. К тому же он знал, что задумываться над этим не имеет смысла. Мир мало изменился за прошедшие годы.

– Коробка у вас? – спросил мужчина, сидящий на заднем сиденье автомобиля.

– Да. – Джианнини достал ее из кармана и передал назад, бережно удерживая двумя руками. Сотрудник ЦРУ принял ее – тоже двумя руками – и уложил в ящик, устланный пенорезиной. Он служил в отделе технического обслуживания, входившем в состав Научно-технического управления ЦРУ. Этот отдел занимался самыми разнообразными делами. Данный сотрудник, к примеру, был экспертом по минам-ловушкам и вообще по взрывным устройствам. Приехав в Лэнгли, он поднялся на лифте в кабинет Риттера, открыл портсигар у него на столе, затем вернулся в свой кабинет, не посмотрев на содержимое.

Риттер подошел к копировальному аппарату «Ксерокс», установленному прямо у него в кабинете, снял несколько копий с легковоспламеняющихся листков бумаги и сжег их. Это не было мерой безопасности, скорее он сделал это из предосторожности: Риттеру никак не улыбалось хранить у себя в кабинете пачку легковоспламеняющейся бумаги. Еще не закончив снятие копий, он принялся читать страницы. Как всегда, в конце первого абзаца его голова начала двигаться из стороны в сторону. Затем заместитель директора по оперативной работе подошел к столу и нажал кнопку прямой связи с кабинетом директора.

– Ты занят? Птичка совершила посадку.

– Заходи ко мне, – тут же ответил судья Артур Мур. Не могло быть ничего более важного, чем информация, полученная от «Кардинала».

Выйдя из своего кабинета, Риттер по дороге захватил адмирала Грира, и они вошли вдвоем в просторный кабинет директора ЦРУ,

– Этим мужиком нельзя не восхищаться, – сказал Риттер, раздавая копии полученного донесения. – Ему удалось убедить маршала Язова в необходимости послать полковника на объект «Бах», чтобы тот провел

там оценку надежности проекта. Этот полковник Бондаренко должен через неделю представить свой доклад, причем в общепонятных выражениях, чтобы министр мог разобраться в том, как действует вся система, и доложить на Политбюро. Естественно, Язов поручил своему помощнику действовать в качестве доверенного связного, так что доклад Бондаренко поступит сначала к нему.

– Этот молодой парень, с которым встречался Райан – по-моему, его зовут Грегори, – хотел, чтобы мы заслали в Душанбе своего человека, – усмехнулся Грир. – Райан сказал ему, что это невозможно.

– Очень хорошо, – заметил Риттер. – Все знают, что Оперативное управление ни на что не способно. – Все ЦРУ по какой-то странной причине гордилось тем, что газетными сенсациями становились только его неудачи. Оперативное управление особенно стремилось создать такое впечатление, и средства массовой информации активно помогали ему в этом. Когда КГБ случалось наломать дров, эта информация никогда не привлекала такого внимания, как неудачи ЦРУ, и создавшейся картине, так часто подкрепляемой средствами массовой информации, широко верили даже в русском разведывательном сообществе. Редко кому приходило в голову, что утечка информации происходит преднамеренно.

– Мне бы хотелось, чтобы кто-нибудь взял на себя объяснить «Кардиналу», – серьезно произнес судья Мур, – что бывают старые шпионы и смелые шпионы, но очень мало старых и смелых одновременно.

– Он – очень осторожный человек, босс, – напомнил Риттер.

– Да, я знаю. – Директор ЦРУ посмотрел на страницы перед собой.

"После смерти Дмитрия Федоровича Министерство обороны уже не такое, как раньше, – читал судья Мур. – Иногда я пытаюсь понять, рассматривает ли маршал Язов эти новые технологические достижения достаточно серьезно, но с кем я могу поделиться своими опасениями? Поверит ли мне КГБ? Я должен привести в порядок свои мысли. Да, необходимо привести свои мысли в порядок, прежде чем выступить с какими-нибудь обвинениями. Но в этом случае я нарушу существующие правила безопасности..."

Однако разве есть у меня выбор? Если я не буду обоснованно записывать свои опасения, кто примет меня всерьез? Непросто

заставить себя нарушить основное правило секретности, но безопасность государства превыше всего и превыше таких правил. Она должна быть именно такой."

Подобно тому как эпические поэмы Гомера начинались с обращения к Музе, послания «Кардинала» неизбежно начинались с такого вступления. Такая идея была разработана в конце шестидесятых годов. Донесения «Кардинала» начинались как копии его личного дневника. Русские обожают вести дневники. Каждый раз, когда полковник Филитов делал очередную запись, она звучала как крик его души, выражала его личную обеспокоенность решениями, принимаемыми в Министерстве обороны. Иногда он писал о своих опасениях, касающихся безопасности определенного проекта или тактико-технических данных нового танка или самолета. В каждом случае подробно рассматривались эксплуатационные качества нового средства вооружения или достоинства и недостатки принятого решения, но всегда внимание обращалось на якобы существующие бюрократические проблемы внутри министерства. Если когда-нибудь в квартире Филитова произведут обыск, сразу будет обнаружен его дневник, лежащий в легкодоступном месте, а не спрятанный, как это делают шпионы, и хотя тут же выяснится, что он несомненно нарушал правила секретности и получит за это выговор, по крайней мере у него будет надежда защитить себя. Таким был замысел.

«Когда я получу доклад Бондаренко, пройдет неделя или две, прежде чем я смогу попытаться уговорить министра, что этот проект является исключительно важным для нашей родины», – заканчивалась запись.

– Итак, похоже, им действительно удалось добиться прорыва в уровне мощности лазерного импульса, – сказал Риттер.

– Сейчас используется термин «энергия выходного сигнала», – поправил его Грир, – Во всяком случае так сказал мне Джек. Да, новости не слишком благоприятные.

– Как всегда, у тебя, Джеймс, острый нюх на детали, – заметил Риттер. – Господи, а что если им удастся первыми достигнуть желаемого результата?

– Это еще не будет концом света. Не забудьте, что понадобится десять лет для развертывания системы, даже после того как сама концепция подвергнется успешному испытанию, а им до этого еще

далеко, – напомнил директор ЦРУ. – Пока еще небеса не рухнули. Более того, это может даже сыграть нам на руку, верно, Джеймс?

– Если «Кардинал» сумеет переслать нам достаточно точное описание достигнутого ими прорыва и мы сможем воспользоваться им, то да. В большинстве направлений мы продвинулись дальше русских, – ответил заместитель директора по разведке. – Эта информация понадобится Райану для своего доклада.

– Но у него нет к ней допуска! – запротестовал Риттер.

– В прошлом ему разрешали ознакомиться со сведениями по каналу «дельта», – заметил Грир.

– Один раз. Только один раз и то по необходимости... согласен, для дилетанта он действовал очень успешно. Джеймс, в этом донесении нет ничего, чем он мог бы воспользоваться, за исключением того, что теперь у нас есть основания подозревать, что русские добились прорыва в мощности лазерного импульса – или энергии выходного сигнала? – и к тому же этот молодой парень Грегори уже заподозрил это. Передай Райану, что это подозрение подтвердилось на основании информации, полученной из других источников. Артур, ты можешь сообщить президенту, что у русских что-то происходит, но нам понадобится несколько недель для получения более точных сведений. Думаю, нам не следует выходить пока за эти пределы.

– Мне это кажется разумным, – согласился судья Мур. Грир отступил без дальнейших споров.

Возник соблазн подчеркнуть, что это – наиболее важное задание «Кардинала», но такое заявление было бы слишком драматичным для любого из трех руководителей ЦРУ, и к тому же на протяжении ряда лет «Кардинал» снабжал ЦРУ исключительно ценной информацией. После того как заместители вышли из кабинета, директор ЦРУ еще раз перечитал донесение. К его концу Фоули прибавил, что, после того как Мэри-Пэт сообщила «Кардиналу» о новом задании – причем в присутствии маршала Язова, – Райан буквально столкнулся с Филитовым. Судья Мур изумленно покачал головой. Ну что за пара, эти Фоули! И как поразительно, что Райан вступил, так сказать, в контакт с полковником Филитовым. Мур снова покачал головой. Действительно, безумный мир.

4. Яркие звезды и быстрые корабли

Джек не поинтересовался, что за «источник» подтвердил подозрения майора Грегори. Полевые операции относились к сфере, которой он – по большей части успешно – старался не интересоваться. Важность представляло лишь то, что эта информация по степени надежности была отнесена к категории «класс-1» – это по недавно принятой в ЦРУ системе оценки надежности цифрами от 1 до 5 вместо применявшихся ранее букв А-Е. Несомненно, это был результат напряженной шестимесячной работы какого-то заместителя помощника какого-то начальника, получившего образование в Школе деловой администрации Гарвардского университета.

– А как относительно конкретной технической информации?

– Когда эти данные поступят, я сообщу тебе, – ответил Грир.

– У меня осталось всего две недели для этого, босс, – напомнил ему Райан. Крайние сроки никогда не вызывают восторга, особенно если документ готовится для президента.

– Смутно припоминаю, что где-то читал об этом, – сухо заметил адмирал. – Из Агентства по контролю за вооружениями и разоружением мне тоже каждый день звонят и просят побыстрее представить этот проклятый документ. Придется, Джек, послать к ним тебя, чтобы ты лично проинструктировал этих ребят.

Райан поморщился. Весь смысл подготовляемого им документа – оценки позиции страны на основе разведанных – заключался в том, чтобы подготовить делегацию для следующего этапа переговоров по разоружению. Он требовался и агентству, разумеется, с тем, чтобы они знали, чего можно добиваться и в чем уступить, не рискуя безопасностью нации. На плечи Райана навалился изрядный дополнительный груз, но, как любил повторять ему адмирал Грир, Джек лучше всего проявлял себя, когда его загоняли в угол. Может быть, стоит, подумал Джек, когда-нибудь наломать дров – просто чтобы опровергнуть это представление.

– Когда отправляться?

– Я еще не принял решения,

– Но меня предупредят хотя бы за пару дней?

– Посмотрим.

Как ни странно, майор Грегори находился дома. Уже одно это являлось достаточно необычным, но еще более странным было другое: майор получил день отдыха. Притом он пальцем не шевельнул, чтобы добиться свободного дня. Генерал пришел к выводу, что постоянная работа уменьшает эффективность деятельности ученого и сокращает его отдачу. К тому же он заметил, что непрерывный труд уже сказывается на майоре. Генералу не пришло в голову, что Грегори может работать и дома.

– Неужели ты никогда не остановишься? – спросила Кэнди.

– А чем еще прикажешь заниматься для отдыха? – улыбнулся он, поднимая голову от клавиатуры компьютера.

Поселок, где жил ученый, назывался Маунтин-Вью – Горный вид. Автор названия не отличался особой оригинальностью. В этой части страны существовал лишь один способ не видеть гор – это закрыть глаза. У Грегори дома был собственный персональный компьютер – самый совершенный «Хьюлетт-Паккард», предоставленный ему проектом, и время от времени он занимался здесь программированием. Разумеется, ему приходилось следить за уровнем секретности работы, осуществляемой дома, хотя он часто шутил, что не обладает допуском к работе, которой сам и занимается. Впрочем, подобная ситуация нередко встречалась внутри правительственных агентств и учреждений.

Доктор Кэндас Лонг со своим ростом в пять футов десять дюймов была выше своего жениха, стройная, с короткой темной прической. Зубы у нее были слегка неровными – в детстве она категорически отказалась от металлических шинок, а ее очки были даже более выпуклыми, чем у Грегори.

Девушка была не просто стройной, а скорее худощавой подобно многим ученым, она часто настолько увлекалась своей работой, что забывала о еде. Впервые они встретились на семинаре для докторантов в Колумбийском университете. Кэнди была специалистом по оптической физике, точнее по зеркалам с регулируемой оптикой.

Именно в этой области она реализовала увлечение всей своей жизни – астрономию. Проживая на высокогорье штата Нью-Мексико, она сумела заниматься астрономическими наблюдениями с помощью телескопа «Мид», который приобрела за пять тысяч долларов, и даже иногда пользовалась инструментами проекта, чтобы заглянуть в звездное небо, так как, подчеркивала она, это единственный надежный метод их калибровки. Кэнди не проявляла особого интереса к увлечению Элана проблемами противоракетной обороны, зато не сомневалась в том, что разрабатываемые ими инструменты могут использоваться «по-настоящему» в интересующей ее области.

В данный момент на них мало что было надето. Они отдавали себе отчет в том, что их никак не отнесешь к образцам мужской и женской красоты, однако молодые люди, как это часто случается, пробуждали друг в друге чувства, которые сочли бы невозможными их более привлекательные однокашники, учившиеся вместе с ними в колледже.

– Чем ты сейчас занимаешься? – спросила она.

– Мне не дают покоя совершенные нами промахи, Я считаю, что проблема заключается в коде управления зеркалами.

– Вот как? – Это она занималась регулируемыи зеркалами. – Ты уверен, что ошибка таится не в программном обеспечении?

– Да, уверен, – кивнул Элан. – В лаборатории у меня хранятся показания, считанные с приборов «Летающего облака». Фокусировка осуществлялась превосходно, но не там, где ей следовало находиться.

– Сколько тебе потребуется времени на корректировку?

– Пара недель. – Он посмотрел нахмурившись на экран компьютера, затем выключил его. – Ну его к черту. Если генерал узнает, что я занимаюсь этим, он больше не пустит меня на объект.

– Именно это я все время и твердила тебе. – Она обняла его сзади за шею, Элан откинулся назад, положив голову между ее грудями. А ведь они выглядят совсем неплохо, подумал он. То, что девушки настолько привлекательны, стало для Элана Грегори поразительным открытием. В средней школе у него случались свидания, однако в Уэст-Пойнте и затем в Стоуни-Брук он вел монашеское существование, посвящая все время учебе, моделированию и лабораторным экспериментам. Когда Элан встретил Кэнди, его привлекли к ней ее представления о формах зеркал, однако за кофе в

студенческом союзе он обратил внимание – с несколько клинической точки зрения, – что девушка была, ну в общем привлекательной, вдобавок к тому, что здорово разбиралась в оптической физике. То

обстоятельство, что проблемы, обсуждавшиеся ими в постели, вряд ли были понятны даже одному проценту населения Америки, не относилось к делу. Для них эти проблемы являлись не менее интересными, чем то, чем они занимались в постели, – или почти такими же интересными. И здесь они посвящали немалое время экспериментам и, как и надлежало поступать способным ученым, приобрели учебные пособия – именно так они думали о купленных книгах, – чтобы исследовать все возможности. Как всегда, открыв для себя новую сферу исследований, они с головой окунулись в этот волнующий мир.

Грегори поднял руки, обхватил голову доктора Лонг и прижал ее губы к своим.

- Что-то у меня пропало желание работать.
- А ведь приятно получить свободный день, правда?
- Может быть, мне удастся добиться такого же на будущей неделе...

Борис Филиппович Морозов вышел из автобуса через час после заката. Его вместе с четырнадцатью молодыми инженерами и техниками, недавно направленными для работы на «Яркой звезде» – хотя в то время название проекта ему не было даже известно, – встретили в аэропорту Душанбе сотрудники КГБ, которые самым тщательным образом проверили их документы, сравнили лица с фотографиями и усадили в автобус. Во время поездки капитан КГБ прочитал им лекцию о необходимости соблюдения правил безопасности, причем говорил настолько серьезно, что привлек внимание всех прибывших. Им запрещалось обсуждать служебные вопросы за пределами места работы, писать о том, чем они занимаются и где. Адресованные им письма будут поступать на почтовый ящик в Новосибирске, в тысяче миль отсюда. Капитан не сказал ни слова о том, что их письма будут читать офицеры службы

безопасности на объекте, это подразумевалось само собой. Морозов решил, что не будет запечатывать конверты со своими письмами, – если его родные заметят, что конверты вскрывают и заклеивают снова, это может беспокоить их. К тому же ему было нечего скрывать. Чтобы получить допуск, разрешающий работу на этом объекте, Морозову потребовалось всего четыре месяца. Сотрудники КГБ, которые вели проверку, сочли его прошлое безукоризненным, и шесть бесед, проводившихся с ним, закончились в результате на дружеской ноте,

И здесь лекция капитана завершилась шуткой. Он описал, что можно делать в свободное время, чем заниматься, напомнил, что каждые две недели проводятся партийные собрания, и Морозов решил регулярно посещать их, насколько позволит его работа. Вопрос жилья все еще не был окончательно решен. Пока Морозова и остальных прибывших разместят в общежитии – раньше это были казармы для строительных батальонов, выравнивавших площадку при сооружении главных объектов с помощью взрывов. Там не будет тесно, сказал капитан, там имеются зал для игр, библиотека и даже телескоп на крыше для астрономических наблюдений – только что создали небольшой клуб любителей астрономии. Каждый час ходят автобусы в жилой городок, где есть кино, кафе и пивной бар. На базе проживает ровно тридцать одна незамужняя женщина, сказал в заключение капитан, но с одной из них он обручен, и «если кто-то из вас попытается ухаживать за ней, его ждет немедленный расстрел!» В ответ раздался взрыв хохота. Действительно, редко попадаются офицеры КГБ с чувством юмора,

Когда автобус въехал через ворота на территорию объекта, уже стемнело, и все испытывали усталость. Общежитие ничуть не разочаровало Морозова. Все койки оказались двухэтажными. Ему выделили место на верхней койке в углу. На стене висело объявление, требовавшее соблюдения тишины в общежитии, поскольку работать приходилось круглые сутки в три смены. Молодой инженер с удовольствием переоделся и лег спать. На первый месяц его распределили в отдел направленных прикладных систем, а когда завершится период ознакомления с объектом, он получит постоянное назначение. Уже засыпая, Морозов думал о том, что могут означать «направленные прикладные системы».

Достоинство микроавтобусов заключалось в том, что они имеются у многих, да и сторонний наблюдатель не может рассмотреть, что находится внутри, подумал Джек, когда маленький белый фургон въехал под навес рядом с его домом. За рулем сидел, разумеется, сотрудник ЦРУ, а рядом с ним охранник из службы безопасности. Он вышел из машины и осмотрелся, прежде чем отодвинуть дверцу на правой стороне. Оттуда показалось знакомое лицо.

– Привет, Марк, – произнес Райан.

– Значит, это и есть дом шпиона! – Капитан первого ранга ВМФ СССР (в отставке) Марк Александрович Рамиус уже говорил по-английски достаточно свободно, хотя, подобно многим русским эмигрантам, часто забывал об артиклях, – Впрочем, нет – дом рулевого!

Джек улыбнулся и покачал головой.

– Марк, нам нельзя говорить об этом.

– Твоя семья не знает?

– Никто не знает. Но ты можешь не беспокоиться. Моя семья уехала.

– Понимаю. – Марк Рамиус последовал за Джеком внутрь дома. По своему паспорту, карточке социального страхования и водительскому удостоверению, выданному штатом Виргиния, он был теперь Марк Рамсеем. Еще одно доказательство оригинального мышления ЦРУ, подумал Джек. Впрочем, нет, такой шаг вполне разумен – люди должны хорошо помнить свои имена. Джек обратил внимание на то, что бывший советский офицер выглядит более подтянутым – теперь в его пище меньше крахмала. А какой загар! Когда они встретились в первый раз, в носовом спасательном отсеке подводного ракетносца «Красный Октябрь», Марк – теперь Марк – выглядел болезненно бледным, как и подобает офицеру-подводнику. А теперь он походил на рекламу «Клуба Средиземноморья».

– У тебя усталое лицо, – заметил новоиспеченный Марк Рамсей.

– Беспреданно приходится летать из одного места в другое. Ну, как тебе нравится на Багамах?

– Видишь, какой у меня загар, да? Белый песок, солнце, каждый день тепло. Как на Кубе, когда я был там, только здесь люди

поприятней.

– Значит, ты занят в АЦИОПФ?

– Да, но говорить об этом не имею права, – ответил Марк. Они обменялись понимающими взглядами. АЦИОПФ – Атлантический центр по испытаниям и оценке подводного флота – представлял собой испытательный полигон Военно-Морского Флота США, где люди и корабли участвовали в маневрах, именуемых мини-войнами. Все происходящее там находилось, конечно, за завесой секретности. Военно-морской флот крайне ревностно относился к своим подводным операциям. Таким образом, Марк занимался там разработкой тактики действий флота, несомненно, играя роль советского командира при маневрах, читая лекции и обучая американских офицеров. На советском флоте Рамиуса называли «профессором», так что самое важное оставалось неизменным.

– Не рассказывай никому об этом, но они позволили мне в течение недели исполнять роль капитана американской подводной лодки – настоящий капитан разрешил мне поступать так, как я считаю нужным, понимаешь? И я потопил «Форрестол»! Да! Потопил авианосец «Форрестол»! Мной гордились бы на Краснознаменном Северном флоте, правда?

Джек рассмеялся.

– И как отреагировало на это флотское начальство?

– Капитан подводной лодки и я напились от радости, а вот командир «Форрестола» очень рассердился, но он оказался неплохим парнем. На будущей неделе он приедет к нам и мы обсудим маневры. Он узнает от нас кое-что, и это пойдет на пользу всем. – Рамиус замолчал. – Где твоя семья?

– Кэти поехала проведать отца. Мы с ним не слишком ладим.

– Потому что ты шпион?

– Нет, по личным причинам. Выпьешь что-нибудь?

– Было бы неплохо пива. – Пока Джек находился на кухне, Рамиус огляделся по сторонам. Потолок дома, как в церкви, возвышался на добрых пятнадцать футов – пять метров, подумал он – над роскошным ворсовым ковром. Все в доме говорило о деньгах, потраченных, чтобы сделать его удобным. Когда Райан вернулся, лицо Рамиуса было мрачным.

– Райан, я не дурак, – строго произнес он, – ЦРУ не платит своим сотрудникам такое жалованье-

– А ты знаком с биржей? – усмехнувшись, спросил Райан.

– Да, я вложил туда часть своих денег, – Все офицеры «Красного Октября» имели достаточно денег, вложенных в разные акции, так что они вполне могли не работать.

– Так вот, я заработал там много денег, решил уйти оттуда и заняться чем-нибудь другим.

Для капитана Рамиуса такая идея показалась совершенно новой.

– У тебя нет – как это говорится? – алчности? Ты не стремишься получить побольше денег?

– А сколько их нужно одному человеку? – задал риторический вопрос Райан. Капитан задумчиво кивнул. – Позволь расспросить тебя кое о чем.

– А, опять дела! – засмеялся Марк. – Вот об этом ты не забыл!

– Раньше, когда мы беседовали с тобой, ты упомянул о проводившихся маневрах, в которых с твоей лодки была запущена ракета и в ответ ракетой же выстрелили в тебя.

– Да, это было давно – в 1981 году... в апреле, да, двадцатого апреля, В то время я командовал подводным ракетноносцем класса «дельта» и мы произвели запуск двух ракет из Белого моря – одну в Охотское море и другую в Сары-Шаган. Мы испытываем ракеты на подводных лодках, конечно, но также проводим испытания системы противоракетной обороны и радиолокационных систем – они имитируют запуск ракеты в мою подводную лодку.

– Но ты сказал, что это закончилось неудачей.

Марк кивнул.

– Наши ракеты с подводной лодки летели превосходно. Радиолокатор на Сары-Шаган тоже действовал, но слишком медленно для перехвата. Они сказали, что дело в компьютере. Потом я слышал, что они устанавливают новый компьютер. Третья часть маневров едва не оказалась успешной.

– Противоракетная часть. Мы узнали об этом впервые, – заметил Райан. – А как в действительности проводилось испытание?

– Они не запускают наземную ракету, разумеется, – произнес Марк и поднял палец. – Они делают вот это – ты понимаешь смысл испытания? Русские не так глупы, как ты думаешь. Ты знаешь,

конечно, что вся советская граница перекрыта радиолокационными системами. На них видят запуск ракеты и тут же вычисляют, где находится подводная лодка, – это очень просто. Затем сообщают в штаб стратегических ракетных войск. Для этой цели у стратегических ракетных войск постоянно находится в готовности полк со старыми ракетами. Они были готовы нанести ракетный удар через три минуты после того, как увидели на экране наш запуск. – На мгновение он сделал паузу. – А разве у вас в Америке по-другому?

– Насколько я знаю, нет. Однако наши ракеты запускаются с гораздо большего расстояния.

– Правда, но все-таки для русских совсем неплохо, видишь.

– Насколько надежна эта система?

Рамиус пожал плечами.

– Не слишком надежна. Проблема состоит в том, насколько бдителен личный состав, насколько они подготовлены. Во время – как это говорится? – во время кризиса, да? Во время кризиса все наготове, и такая система может иногда действовать успешно. Но каждый раз, когда система работает хорошо, много бомб не взрывается на территории Советского Союза. Даже в одном случае будут спасены сто тысяч граждан. Для советского руководства это очень важно. Еще сто тысяч рабов будут трудиться после окончания войны, – добавил он, чтобы продемонстрировать свое презрение к правительству бывшей родины. – У вас в Америке есть что-то похожее?

– Насколько мне известно – нет, – признался Райан.

Рамиус покачал головой.

– Нам дают такой приказ. После запуска ракет мы ныряем на большую глубину и уходим на предельной скорости по прямой в любом направлении.

– В данный момент я стараюсь выяснить, насколько большой интерес проявляет советское правительство к нашим исследованиям в области СОИ.

– Интерес? – Рамиус фыркнул. – Двадцать миллионов русских погибло во время Великой Отечественной войны. Неужели ты думаешь, что они хотят повторения этого? Уверяю тебя, русские лучше разбираются в этом, чем американцы, – нам преподали более жестокие уроки и мы многому научились. Когда-нибудь я расскажу тебе о моем

родном городе – он был полностью уничтожен. Да, мы очень хорошо научились и знаем, как защищать Родину.

Это еще одно, что следует помнить относительно русских, напомнил себе Райан. Не то чтобы у них была особенно хорошая память, просто с ними случалось такое, что забыть это невозможно. Ожидать от русских, что они забудут свои потери во второй мировой войне, – это все равно что просить евреев выбросить из памяти события Холокоста и так же неразумно.

Итак, чуть больше трех лет назад русские провели крупные маневры по противоракетной обороне с запускаемыми с подводных лодок баллистическими ракетами. Радарная система обнаружения и слежения за ракетами функционировала успешно, но из-за компьютерного обеспечения потерпела неудачу. Это очень важно. Но...

– Причина, по которой компьютер действовал недостаточно хорошо...

– Это все, что я знаю. Мне известно, что испытание проводилось честно.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Джек.

– Первоначальный приказ, который мы получили, состоял в том, что запуск ракет должен быть произведен из заранее известной точки. Однако этот приказ отменили в тот момент, когда лодка вышла из гавани. Поступила шифровка под грифом «Только для капитана, особо секретно», подписанная адъютантом министра обороны. По-моему, полковником. Не помню его имя. Да, приказ министра, но подписал его полковник. Он потребовал, чтобы испытание было – как это вы называете?

– Спонтанным?

– Нет, не спонтанным. Настоящее испытание должно проводиться неожиданно. Поэтому в соответствии с приказом я направился в другую точку и произвел запуск в иное время. У нас на борту находился генерал из войск ПВО, и когда он узнал о новом приказе, то едва не сошел с ума. Ужасно рассердился, но что это за испытание, если в нем нет элемента неожиданности? Американские подводные ракетоносцы не звонят нам по телефону и не сообщают, когда будет нанесен ракетный удар. Готовность необходимо соблюдать постоянно, – произнес в заключение Рамиус.

– Мы ничего не знали о вашем прибытии, – сухо заметил генерал Покрышкин.

Полковник Бондаренко постарался, чтобы лицо его осталось бесстрастным. Несмотря на то что у него было письменное распоряжение министра обороны, а также на его принадлежность к другому роду войск, он имел дело с генералом, у которого были свои покровители в Центральном Комитете. Но и генералу следовало соблюдать осторожность. Бондаренко был одет в свой лучший, сшитый на заказ мундир, с несколькими рядами наградных планок, в том числе двух орденов за храбрость, проявленную во время боев в Афганистане, и также специальным значком, который носили старшие офицеры – сотрудники Генерального штаба.

– Товарищ генерал, я сожалею, что неожиданным приездом обеспокоил вас, но я выполняю приказ министра.

– Ничего страшного, – ответил Покрышкин с широкой улыбкой и сделал жест в сторону серебряного подноса. – Хотите чаю?

– Спасибо, с удовольствием.

Не вызывая ординарца, генерал сам налил две чашки чая.

– Я вижу у вас орден Красного Знамени, Это за Афганистан?

– Да, товарищ генерал. Я пробыл там некоторое время.

– И за что вас наградили?

– Меня прикомандировали к подразделению спецназа в качестве наблюдателя. Мы преследовали группу бандитов. К сожалению, они оказались хитрее, чем рассчитывал командир подразделения, и в результате он допустил, что нас заманили в ловушку. Половина личного состава погибла или вышла из строя, включая командира. – Его наградой за беспечность была смерть, подумал Бондаренко. – Я принял на себя командование и вызвал помощь. Бандиты сумели скрыться, прежде чем мы успели задействовать крупные силы, но на поле боя они оставили восемь трупов.

– Каким образом специалист по связи оказался...

– Я вызвался сам, У нас были трудности с тактическими системами связи, и я решил выяснить ситуацию лично. Вообще-то я не боевой офицер, товарищ генерал, но есть вещи, которые необходимо познать на практике. Это еще одна причина для беспокойства,

возникшего у меня в отношении вашего объекта. Здесь мы находимся в опасной близости к афганской границе, и ваша служба безопасности... не то чтобы расхлябанная, но излишне самоуверенная.

Покрышкин кивнул, соглашаясь с этой точкой зрения.

– Вы, несомненно, уже обратили внимание, что охрану здесь несут войска КГБ. Строго говоря, они не находятся под моим командованием, хотя и подчинены мне. Что касается предупреждения о возможном нападении, у меня договоренность с авиацией. Их школа воздушной разведки пользуется расположенными здесь долинами для обучения летчиков. Мой приятель во Фрунзе организовал наблюдение с воздуха за всем этим районом. Если кто-нибудь захочет приблизиться к нам со стороны Афганистана, на это придется потратить немало времени, и мы узнаем об опасности задолго до того, как моджахеды подойдут к объекту.

Бондаренко выслушал генерала с одобрением. Неважно, чем занимался теперь бывший летчик-истребитель – снабжением ученых или нет, но Покрышкин не забыл о суровой действительности, как это нередко случается с генералами,

– Итак, Геннадий Иосифович, что конкретно вас интересует здесь? – спросил генерал. Теперь, когда оба офицера убедились в высокой степени профессионализма каждого, отношения улучшились.

– Министру требуется оценка эффективности и надежности вашей системы.

– Вы разбираетесь в лазерах? – приподнял брови Покрышкин.

– Знаком с прикладными системами. Я работал в группе академика Горемыкина, когда разрабатывались лазерные линии связи.

– Вот как? Мы тоже пользуемся такими линиями.

– Я не знал об этом.

– Да, пользуемся. Они установлены у нас на сторожевых вышках, и с их помощью осуществляется связь между лабораториями и цехами. Это намного проще, чем тянуть телефонные линии, и гарантирует от подслушивания. Ваше изобретение оказалось очень полезным, Геннадий Иосифович. Ну что ж, вы, разумеется, знакомы с назначением этого объекта.

– Да, товарищ генерал. Насколько успешно вы продвигаетесь к цели?

– Через три дня предстоит решающее испытание всей системы.

– Неужели? – Бондаренко почувствовал изумление.

– Мы получили разрешение на проведение этого испытания только вчера. По-видимому, в министерство еще не успели сообщить. Вы сможете остаться и присутствовать при испытании?

– Ничего лучше и не придумаешь.

– Отлично. – Генерал Покрышкин встал – – Поехали, я познакомлю вас со своими кудесниками.

Небо было чистым, голубым и таким глубоким, каким оно кажется, только если смотришь на него, поднявшись выше большей части атмосферы. Бондаренко с удивлением увидел, что генерал сам садится за руль автомобиля УАЗ-469 – советского эквивалента джипа.

– Можете не спрашивать меня, полковник. Я сам вожу машину, потому что здесь у нас нет места для лишнего персонала и к тому же я был летчиком-истребителем. Зачем рисковать жизнью, полагаясь на какого-то безбородого мальчишку, едва научившегося переключать скорости? Вам нравятся местные дороги?

– Ничуть не нравятся... – Бондаренко не успел кончить, как генерал включил мотор и устремился вниз по горному склону. Дорога была едва пяти метров шириной, причем с правой стороны, там, где сидел полковник, скала уходила отвесно вниз.

– Это что – попробовали бы ездить здесь, когда дороги покрыты льдом! – засмеялся генерал. – Последнее время нам везло с погодой. Прошлой осенью две недели подряд шли дожди, что в этом районе крайне редко, – вообще-то муссоны оставляют всю влагу в Индии, зато зима оказалась на удивление сухой и безоблачной, – Дорога выровнялась, и он переключил передачу. С противоположной стороны навстречу выскочил грузовик, и Бондаренко едва удержался, чтобы не съезжиться от страха, – колеса джипа запрыгали по гравию на самом краю пропасти. Покрышкин явно посмеивался над ним, но этого следовало ожидать. Грузовик промчался мимо на расстоянии меньше метра, и генерал снова повел машину по середине асфальтированной дороги. Впереди показался подъем, и он опять переключил скорости.

– У нас на объекте даже нет места для настоящего кабинета – по крайней мере для меня, – заметил Покрышкин. – Приоритет во всем отдается ученым.

Сегодня утром, когда Бондаренко совершал утреннюю пробежку, он видел только одну сторожевую вышку в жилом районе объекта, а

сейчас, после того как джип поднялся на последние метры, перед ним открылся весь объект «Яркая звезда».

Им пришлось проехать через три контрольно-пропускных пункта, и на каждом генерал Покрышкин останавливался и предъявлял пропуск.

– А сторожевые вышки? – спросил Бондаренко.

– Автоматчики находятся на каждой из них круглые сутки, так что чекистам достается. Мне пришлось установить на вышках электрические нагреватели, – усмехнулся генерал. – Впрочем, в нашем распоряжении столько электроэнергии, что мы не знаем, что с ней делать. Раньше между двумя рядами заграждений выпускались сторожевые собаки, но от них пришлось отказаться. Пару недель назад несколько собак замерзли насмерть. Я на них не слишком-то и рассчитывал. У нас еще осталось несколько, но они ходят с охранниками. Думаю, совсем убрать их с объекта.

– Но...

– Их приходится кормить, – объяснил Покрышкин. – Как только начинает идти снег, пищу приходится доставлять сюда на вертолетах. Чтобы сторожевые собаки хорошо работали, им надо мясо. А вы понимаете, как падает моральное состояние на объекте, когда собак кормят мясом, в то время как ученым мяса не хватает? С собаками слишком много хлопот. Командир подразделения войск КГБ согласен со мной. Он пытается получить разрешение на то, чтобы вообще избавиться от них. На каждой вышке у нас установлены приборы ночного видения. С их помощью мы заметим " приближающегося нарушителя задолго до того, как собака услышит его или почувствует запах.

– Насколько велика охрана объекта?

– Усиленная стрелковая рота, сто шестнадцать солдат и офицеров под командованием подполковника. Постоянно несут охрану – круглые сутки – не меньше двадцати человек. Половина здесь, вторая половина на соседней горе. На этом объекте, например, по два человека на каждой вышке и еще четыре в составе группы, непрерывно патрулирующей по территории. Кроме того, конечно, охранники на каждом КПП. Безопасность объекта обеспечена, полковник. Усиленная стрелковая рота с тяжелым вооружением на горной вершине – мы, конечно, в октябре прошлого года провели учения: группа «спецназа»

попыталась взять штурмом объект. По мнению наблюдателей, все спецназовцы погибли еще до того, как добрались на расстояние в четыреста метров от наружного ограждения. Один из них, между прочим, чуть не погиб на самом деле. Какой-то зеленый лейтенант едва не упал с обрыва. – Покрышкин повернулся к Бондаренко. – Теперь вы удовлетворены?

– Да, товарищ генерал. Извините меня за излишнюю осторожность – такой у меня характер.

– Вы получили эти красивые ленточки на мундире не за трусость, – с одобрением улыбнулся генерал. – Я всегда готов выслушать свежие идеи. Если у вас есть предложения, моя дверь всегда открыта.

Бондаренко решил, что генерал Покрышкин ему нравится. Начальник объекта «Яркая звезда» находился далеко от Москвы и не вел себя как высокомерный осел. Кроме того, в отличие от большинства генералов Покрышкин не видел над своей головой нимба, когда брился. Не исключено, что этот объект действительно находится в умелых руках. Филитов останется доволен.

– Я чувствую себя как мышь, на которую с высоты смотрит коршун, – признался Абдул.

– Вот и веди себя как мышь, – наставительно заметил Лучник. – Оставайся в тени.

Он поднял голову и посмотрел на летящий Ан-26. Самолет находился на высоте пяти тысяч метров, и рев его турбин был едва слышен. Очень жаль, подумал Лучник, он за пределами досягаемости ракеты «земля-воздух». Некоторым ракетчикам-моджахедам удавалось сбивать «Антоновых», но Лучнику пока не везло. При точном попадании в Ан-26 можно сразу убить сорок русских. Кроме того, русские научились пользоваться самолетами такого типа, переоборудованными из транспортных, для наблюдения за поверхностью, что затрудняло действия моджахедов.

Два афганца шли по узкой тропе вдоль горного склона, и солнечные лучи до них еще не добрались, хотя почти вся долина была

уже залита ярким светом, сияющим с безоблачного неба. На берегу узкой речки виднелись развалины деревни, подвергшейся бомбовому удару – Раньше, до того момента, когда прилетели высотные бомбардировщики, здесь жило человек двести. Отчетливо можно было разобрать неровные линии воронок, протянувшиеся на два или три километра. Фугасные бомбы, взрываясь, маршировали вдоль долины, и те жители, которые не погибли при бомбардировке, ушли в Пакистан, оставив позади лишь пустоту. Не осталось пищи, которой могли бы поделиться с борцами за свободу, не уцелела даже мечеть, чтобы помолиться в ней. Где-то в глубине души Лучник пытался понять, почему война должна быть такой жестокой. Одно дело, когда люди воюют друг с другом; в этом таилась честь и гордость, временами разделяемая с достойным противником. Но русские вели иную войну. А ведь они называют нас варварами...

Сколько кануло в прошлое. То, чем он был когда-то, надежды на будущее, которые раньше лелеял, вся его прошлая жизнь отступала все дальше и дальше с каждым уходящим днем. Казалось, он думал о них только во сне, а когда просыпался, мечты о мирной безмятежной жизни ускользали от него, подобно утреннему туману. Но даже эти мечты теперь рассеивались. Он все еще мог видеть лицо жены, дочери, сына, но эти лица становились похожими на фотографии – плоские, безжизненные, жестокие воспоминания о времени, которому не суждено вернуться. Но по крайней мере они придавали целенаправленность его жизни. Когда у него появлялась жалость к своим жертвам, когда возникали сомнения в том, действительно ли одобряет Аллах его поступки – особенно те, что вызывали сначала у него тошноту, – он мог на мгновение закрыть глаза и напомнить себе, почему вопли умирающего русского казались ему такими же приятными, как страстные стоны жены.

– Улетает от нас, – заметил Абдул.

Лучник повернулся и посмотрел. Солнечные лучи отражались от вертикального стабилизатора самолета, исчезающего за дальними хребтами. Даже если бы он находился на вершине скалистого пика, Ан-26 все равно был бы слишком высоко. Русские совсем не дураки. Они не спускаются ниже, чем это вызывается необходимостью. Если ему действительно захочется сбить один из таких самолетов, придется подобраться поближе к аэродрому... или, может быть, разработать

новую тактику. Вот это хорошая мысль. Продолжая двигаться по бесконечной каменистой тропе, Лучник начал обдумывать детали.

– А все будет работать нормально? – спросил Морозов.

– В этом и заключается цель испытания – убедиться в том, что все работает нормально, – терпеливо объяснил старший инженер. Он вспомнил время, когда сам был молодым и нетерпеливым. У Морозова превосходные задатки. Из его документов, присланных университетом, это было очевидно. Сын заводского рабочего из Киева, своим незаурядным умом и напряженной работой Морозов добился поступления в самый престижный университет страны, где блестяще проявил себя; завоевав высшие оценки, он был даже освобожден от службы в армии – редкий случай для молодого человека без политических связей.

– Значит, это и есть новое оптическое покрытие... – Морозов смотрел на зеркало с расстояния в несколько сантиметров. Оба инженера были в комбинезонах и матерчатых масках с перчатками на руках, чтобы не повредить отражательную поверхность зеркала номер четыре.

– Как ты сам догадался, это один из элементов испытания. – Старший инженер повернулся. – Все готово!

– Уходите, – послышался голос техника.

Они поднялись по лестнице, прикрепленной к стороне бетонного столба, затем перешагнули через пространство, отделяющее столб от бетонного кольца, окружающего яму-

– Очень глубоко, – заметил молодой инженер.

– Да, требуется определить, насколько эффективны принятые нами меры по гашению вибрации. – Это беспокоило старшего инженера. Он услышал шум мотора джипа, обернулся и увидел, что начальник объекта ведет в здание, где размещаются лазеры, какого-то незнакомца. Еще один гость из Москвы, решил он. Как мы сумеем чего-то добиться, если эти партийные бюрократы все время стоят у нас за спиной?

– Ты встречался с генералом Покрышкиным? – спросил он Морозова.

– Нет. Что он за человек?

– Мне попадались начальники похуже. Как и большинство, он считает, что самое главное в установке – это лазеры. Урок номер один, Борис Филиппович: самое важное – это зеркала. Зеркала и компьютеры. Лазеры бесполезны, если мы не в состоянии сконцентрировать их энергию на определенной точке в пространстве.

Выслушав этот урок, Морозов понял, какая именно часть проекта находится под контролем старшего инженера, однако молодой человек уже знал: успех зависит от идеальной работы всей системы. Всего один плохо отрегулированный элемент превратит самую дорогую аппаратуру в Советском Союзе в бесполезный набор любопытных игрушек.

5. Глаз змеи – лицо дракона

У модифицированного «Боинга-767» было два наименования. Первоначально его назвали «Воздушная оптическая платформа», а теперь он получил имя «Кобра-Белл», что по крайней мере звучало лучше. По сути дела самолет представлял собой всего лишь платформу для такого большого инфракрасного телескопа, что он едва помещался в его широкофюзеляжном корпусе. Инженерам, разумеется, пришлось пойти на ухищрения, и у фюзеляжа ближе к хвосту, сразу за кабиной пилотов, появился неуклюжий горб, протянувшийся на половину длины самолета. В результате «Боинг-767» стал действительно походить на змею, которая только что проглотила нечто большое, не проходящее в желудок.

Однако еще более поразительным в этом самолете было то, что на вертикальном стабилизаторе красовалась надпись «Армия США», Это обстоятельство, приводившее в ярость ВВС, объяснялось необычайным упрямством армии, которая даже в семидесятые годы не прекратила работу над противоракетной обороной, и ее ученые, продолжавшие заниматься такими исследованиями в качестве своего «хобби», изобрели инфракрасные датчики для ВОП, получившей теперь название «Кобра-Белл».

Но сейчас она была составной частью исследовательской программы ВВС и действовала под общим наименованием «Кобра». «Кобра-Белл» работала совместно с радиолокационной системой «Кобра-Дэйн» на острове Шемья и часто совершала полеты вместе с самолетом, называемым «Кобра-Болл» – модифицированным «Боингом-707», – потому что наименование «Кобра» являлось кодовым для целой группы систем, назначением которых было слежение за советскими баллистическими ракетами. Армия испытывала самодовольство по поводу того, что ВВС нуждались в ее помощи, хотя и ревностно следила за продолжающимися попытками украсть у нее исследовательскую программу.

Экипаж «Кобры-Белл» не спеша проверял готовность систем перед вылетом, поскольку у него было достаточно времени. Члены экипажа набирались из служащих компании «Боинг». Пока армия

успешно отражала все попытки ВВС укомплектовать экипаж самолета из своих специалистов. Второй пилот, ранее служивший в ВВС, водил пальцем по списку того, что подлежало проверке; бесстрастным голосом, лишенным каких-либо эмоций, он называл очередной пункт, а первый пилот и бортмеханик/штурман, двигая рычажки и нажимая на кнопки, смотрели на показания приборов – в воздухе не должно быть места случайностям.

В предстоящем полете больше всего тревожила погода. Шемья, один из самых западных Алеутских островов, – маленький, примерно четыре мили на две, он поднимается над уровнем синевато-серого моря всего на двести тридцать восемь футов. То, что считается обычной летной погодой на Алеутских островах, закрыло бы большинство уважающих себя аэропортов, а при плохой погоде на Шемье экипаж «Боинга» предпочел бы пользоваться железной дорогой. На базе было широко распространено мнение, что единственная причина, по которой русские запускают свои испытательные межконтинентальные баллистические ракеты в район Охотского моря,

заключается в том, чтобы предельно отравить жизнь американцам, следящим за этими испытаниями. Но сегодня погода была относительно хорошей, видимость почти до дальнего конца взлетной полосы, где синие огни казались окутанными туманными шарами. Как и большинство летчиков, пилот «Кобры-Белл» предпочитал дневные полеты, однако зимой их здесь практически не бывает. Впрочем, стоит ли жаловаться, подумал он: облака на высоте не меньше полутора тысяч футов и пока нет дождя. Немало трудностей вызывал и ветер, дувший под углом к взлетной полосе, однако он никогда не дует так, как этого хочется летчику, – или, что более точно, строители взлетной полосы не знали, что ветер влияет на успешный взлет самолетов, а то и просто им было на это наплевать.

– Диспетчерская Шемьи, это Чарли Браво, готовы выруливать.

– Чарли Браво, начинайте рулежку. Направление ветра – два-пять-ноль, скорость – пятнадцать узлов. – На башне управления сочли излишним передать, что «Кобра-Белл» – первая в очереди на взлет. В данный момент «Боинг-767» был единственным самолетом на базе. Вообще-то ему надлежало сейчас для проверки снаряжения

находиться в Калифорнии, но всего двадцать часов назад было получено указание срочно перебазироваться на Шемью.

– Ясно. Чарли Браво вырубивает. – Еще через десять минут «Боинг» начал разбег, готовясь к тому, что должно было стать еще одним полетом, ничем не отличающимся от предыдущих.

Спустя двадцать минут после взлета ВОП достигла крейсерской высоты в 45 тысяч футов. Полет проходил гладко, как это хорошо знакомо авиапассажирам, однако вместо того, чтобы братья за коктейли и просматривать меню предстоящего ужина, люди, находящиеся на борту самолета, уже давно отстегнули ремни безопасности и принялись за работу.

Им предстояло включить приборы, подготовить компьютеры к повторному циклу и установить голосовые каналы связи. «Кобра-Белл» был оборудован всеми системами связи, известными науке, и у него на борту был бы даже экстрасенс, если бы соответствующая программа Министерства обороны – а такая существовала – развивалась так же успешно, как на это первоначально рассчитывали. Возглавлял летающую лабораторию артиллерист со степенью магистра астрономии – подумать только! – которую он получил в Техасском университете. Раньше он командовал батареей зенитных ракет «Пэтриот» в Германии. Тогда как большинство людей, глядя вверх на самолеты, мечтали стать летчиками, его интерес сводился единственно к тому, чтобы как можно успешнее их сбивать. Такое же чувство испытывал он и по отношению к баллистическим ракетам. Он принимал участие в разработке модифицированной установки ракет «Пэтриот», способной перехватывать и уничтожать не только советские самолеты, но и ракеты. В результате он в совершенстве овладел приборами для слежения за баллистическими ракетами во время полета.

Сейчас в руках у полковника была телефаксная распечатка, которой надлежало руководствоваться при проведении операции. В распечатке, поступившей из штаб-квартиры Разведывательного управления Министерства обороны в Вашингтоне, говорилось, что через четыре часа шестнадцать минут русские проведут пробный запуск межконтинентальной баллистической ракеты СС-25. В документе не было сказано, каким образом удалось добыть эту информацию, хотя полковник знал, что ее получили не из газеты

«Известия». Задачей «Кобры-Белл» было контролировать запуск, перехватывать телеметрические данные, передаваемые приборами, находящимися внутри ракеты, и, самое главное, фотографировать разделяющиеся боеголовки. Собранные данные позднее подвергнутся тщательному анализу, с целью определить, как функционируют установки и аппаратура ракеты и, что особенно важно и больше всего интересовало Вашингтон, какова точность наведения боеголовок на цель.

Поскольку полковник являлся руководителем предстоящей операции, дел у него было не так уж много. На его контрольной панели светилось множество цветных лампочек, отражающих состояние различных бортовых систем. Поскольку ВОП представляла собой относительно новое добавление к списку летающих исследовательских лабораторий Министерства обороны, все приборы, инструменты и системы функционировали вполне удовлетворительно. В данный момент бездействовал лишь запасной канал передачи данных, и над его ремонтом работал техник, обещавший ввести канал в строй. Полковник налил себе чашку кофе. Ему стоило немалого напряжения делать вид, что его интересует происходящее вокруг, тогда как на самом деле решительно нечем было заняться, однако, если он начнет явно скучать, это послужит дурным примером для подчиненных. Он расстегнул небольшой карман на рукаве летного комбинезона и достал леденец. Сладости все-таки не так вредны для организма, как курение, которым он увлекался в бытность лейтенантом, зато, как не уставал напоминать ему зубной врач базы, плохо действовали на зубы. В течение пяти минут полковник посасывал леденец, потом пришел к выводу, что необходимо как-то продемонстрировать свой интерес к происходящему на борту. Он отстегнул ремни, встал из кресла командира и прошел в кабину экипажа.

– Доброе утро, ребята. – Сейчас было 00.04 по Гринвичу или 12.04 местного времени.

– Доброе утро, полковник, – ответил за весь экипаж первый пилот. – Как там у вас, все в порядке, сэр?

– Пока полный порядок. Какова погода в районе патрулирования?

– Сплошная облачность на высоте от двенадцати до пятнадцати тысяч, – ответила штурман, показывая на спутниковую фотографию. – Направление ветра три-два-пять, скорость – тридцать узлов. Бортовые

навигационные системы действуют синхронно с системой слежения на Шемье, – добавила она. Обычно в кабине «Боинга-767» находились два офицера летного состава, но это в прошлом. После того как русские сбили корейский «Боинг», совершавший рейс «КАЛ-007», все самолеты, пролетающие над западной частью Тихого океана, особенно тщательно следили за своими навигационными приборами. «Кобре-Белл» приходилось вести себя вдвойне внимательно; русские ненавидели все воздушные платформы, занятые сбором разведывательной информации. Американцы не приближались к советской границе ближе чем на пятьдесят миль и даже старались находиться подалеже от зоны советской противовоздушной обороны, и тем не менее русские дважды послали перехватчики, облетавшие «Кобру-Белл» лишь для того, чтобы продемонстрировать свое неудовольствие.

– Ничего страшного, мы не собираемся слишком уж приближаться к советской границе, – заметил полковник. Он склонился вперед между двумя пилотами и посмотрел по сторонам. Оба турбовентиляторных двигателя работали отлично. Вообще-то для полетов над океаном полковник предпочитал четырехмоторные самолеты, но выбирать не приходилось. Штурман удивленно подняла брови, и полковник, извиняясь, похлопал ее по плечу. Пора уходить.

– Сколько времени осталось до района наблюдения?

– Три часа семнадцать минут, сэр, И три часа тридцать девять минут до начала барражирования вокруг выбранной точки.

– Пожалуй, у меня есть время немного подремать, – произнес полковник, выходя из кабины. Он закрыл дверь и, минуя телескоп, направился в хвост к главной каюте. Почему экипажи летчиков так чертовски молоды? Не иначе они думают сейчас, что мне просто необходимо поспать, и даже не замечают, как я страдаю от безделья.

Летчики в носовой кабине переглянулись. Неужели старый козел думает, что мы не справимся тут без него? Они поудобнее устроились в креслах и, пока автопилот управлял «Коброй-Белл», не отрывали глаз от горизонта – не покажутся ли где мигающие огоньки какого-нибудь самолета.

Морозов был в белом лабораторном халате с приколотым к груди пропуском и ничем не отличался от остальных сотрудников лаборатории. Он все еще проходил испытательный срок, и его участие в работе группы, занимающейся регулировкой зеркал, было скорее всего временным, однако теперь он уже понимал, насколько важна эта часть проекта. В Москве он занимался лазерами и отлично проявил себя в работе с экспериментальными образцами, но ему никогда не приходило в голову, что, после того как из лазера вырывается мощный энергетический импульс, установка еще только начинает действовать. К тому же ученые, работающие на объекте «Яркая звезда», уже добились максимального уровня энергии выходного сигнала, излучаемого лазером.

– Повторный цикл, – произнес старший инженер в микрофон, прикрепленный на груди.

Сейчас они проверяли калибровку системы с помощью слежения за далекой звездой, причем какой – не имело значения. Для каждого нового испытания регулировки зеркал выбиралась – наугад – новая звезда.

– А ведь наша установка могла бы стать чертовски хорошим телескопом, не так ли? – заметил инженер, глядя на экран монитора.

– Вас беспокоила стабильность системы. Почему?

– Как вы сами понимаете, нам требуется исключительно высокая точность. До сих пор действие всей системы ни разу не подвергалось испытанию. При слежении за звездами трудностей не возникало, но...

– Он пожал плечами. – Наша программа еще слишком молода – вроде вас,

– Почему бы вам не воспользоваться радиолокатором, чтобы выбрать спутник и следить за ним?

– Хороший вопрос! – Старший инженер улыбнулся. – Я сам задавал его себе. Нам это запрещено – имеет какое-то отношение к соглашениям по ограничению вооружений или еще какой-то ерунде. Пока, как сообщили нам, придется удовлетвориться координатами целей, которые поступают по наземной связи. Не следует пытаться отыскивать цели самостоятельно. Чепуха какая-то! – заключил он.

Морозов откинулся на спинку кресла и огляделся. На противоположной стороне зала чем-то усиленно занималась группа контроля за лазерами. За ними неотступно следовали военные в

мундирах, которые то и дело шепотом обменивались впечатлениями. Молодой инженер взглянул на часы – шестьдесят три минуты до начала испытания. Один за другим техники выходили из зала, направляясь в туалет. Сам он не испытывал такой необходимости, равно как и его начальник, который наконец заявил, что удовлетворен готовностью зеркал, и перевел систему в режим ожидания.

Над Индийским океаном на высоте 22 300 миль на геосинхронной орбите, не отклоняясь от заранее выбранной точки с определенными координатами, висел американский спутник Программы оборонной поддержки. Находящийся на нем гигантский телескоп Шмидта с рефлекторной системой фокусировки лучей, изобретенной французским астрономом Кассегреном, был постоянно направлен на Советский Союз. В задачу телескопа входило немедленное сообщение о запуске русских баллистических ракет в сторону Соединенных Штатов. Информация передавалась на землю через релейную станцию в Элис-Спрингс, Австралия, а затем на различные станции на территории США. В данный момент условия для наблюдения были превосходными. Почти все видимое полушарие Земли оказалось погруженным в темноту, а на холодной зимней поверхности планеты легко выделялись даже небольшие источники теплового излучения.

Техники, следившие за поступлением информации со спутника на станции в Саннивейл, штат Калифорния, обычно забавлялись, подсчитывая промышленные предприятия Советского Союза. Вон сталелитейный завод имени Ленина в Казани, а это большой нефтеперерабатывающий завод на окраине Москвы, вон там...

– Внимание! – послышался голос сержанта. – Замечен всплеск тепловой энергии в Плесецке. Похоже, что с испытательного полигона межконтинентальных баллистических ракет произведен очередной запуск.

Майор, возглавлявший этим вечером дежурную смену, тут же позвонил по телефону в «Хрустальный дворец» – штаб-квартиру Объединенной системы противовоздушной обороны североамериканского континента, НОРАД, расположенную в недрах

горы Шай-енн, штат Колорадо, чтобы убедиться, не пропустили ли там запуск и как ведется прием телеметрии. Разумеется, там все уже знали.

Значит, именно об этом запуске шла речь, отметил про себя майор.

На глазах техников дежурной смены яркий хвост пламени, выплескивающийся из дюз ракеты, начал склоняться к востоку – межконтинентальная ракета выходила на баллистическую траекторию, в честь которой и получила свое название. Майор помнил наизусть технико-тактические данные всех советских ракет. Если это СС-25, то первая ступень должна отделиться... вот сейчас.

И в это мгновение экран телевизионного монитора оказался залитым яркой вспышкой пламени – там расцвел огненный шар диаметром в шестьсот ярдов. Телекамера, находящаяся на орбите, словно мигнула на мгновение, меняя свою чувствительность, после того как ее датчики оказались ослепленными внезапным взрывом тепловой энергии. Через три секунды камера уже наблюдала за облаком раскаленных обломков, по крутой траектории опускающихся к Земле.

– Похоже, ракета взорвалась, – сделал совершенно излишнее замечание сержант. – Ничего не поделаешь, Иван, снова вставай за чертежную доску.

– Да, им так и не удалось решить проблему второй ступени, – добавил майор. Он попытался представить, в чем заключалась эта проблема, но вообще-то ему было безразлично. Русские поспешили с производством СС-25 и для большей мобильности даже начали разворачивать их монтаж на железнодорожных платформах, но эта птичка, летающая на твердом топливе, никак не хотела подчиняться. Майора это ничуть не расстраивало. Стоит немного снизить степень надежности, и использование ракет становилось рискованным делом. И эта недостаточная надежность все еще оставалась лучшей гарантией мира.

– «Хрустальный дворец», по нашим оценкам, запуск потерпел неудачу на пятьдесят седьмой секунде. «Кобра-Белл» находится на позиции?

– Да, – ответил офицер на другом конце телефонного канала. – Сейчас мы их отзовем.

– Ясно. Спокойной ночи, Джефф.

Десять минут спустя руководитель операции на борту «Кобры-Белл» принял приказ о возвращении на базу, подтвердил его получение и выключил радиоканал. Посмотрев на часы, полковник вздохнул – ему не хотелось возвращаться на Шемя, Капитан. под началом которого находилось оборудование, предложил использовать оставшееся свободное время для калибровки приборов. Полковник подумал и дал согласие. Самолет и его экипаж лишь недавно вступили в строй, так что практика была нужна всем. Систему наблюдательных камер перевели в режим слежения за движущимися объектами. Компьютер, регистрировавший все источники энергии, обнаруженные телескопом, принялся искать лишь двигающиеся цели. Техники, сидящие у телевизионных экранов, следили за тем, как индикатор слежения за движущимися целями быстро исключил из числа наблюдаемых объектов звезды и принялся разыскивать немногочисленные низколетящие спутники и частицы космического мусора, оставленного на орбите. Система наблюдательных камер была настолько чувствительна, что могла обнаружить тепло человеческого тела на расстоянии в тысячу миль, и потому скоро у них появился широкий выбор целей. Камера начинала вести одну цель за другой и заносила их фотографические изображения в цифровой код на ленту компьютера. Несмотря на то что это делалось главным образом для практики, полученные данные будут автоматически передаваться в НОРАД, обновляя собой список предметов, летающих по орбите вокруг планеты.

– Вам удалось добиться поистине потрясающего успеха в мощности выходного сигнала, – тихо произнес полковник Бондаренко.

– Да, – согласился генерал Покрышкин. – Просто удивительно, как все происходит, правда? Один из моих мудрецов замечает что-то и упоминает в разговоре с другим, тот говорит еще с одним, который в свою очередь рассказывает третьему, и затем все это возвращается к тому, кто все это и начал. Здесь у нас собрались лучшие умы страны, а

все равно процесс научного открытия протекает так же отстало – словно рассеянный мужик: пока не споткнется о камень на дороге, его и не увидит! Странно все это, Геннадий Иосифович, но в то же время я не встречал ничего более волнующего с тех пор, как получил знак летчика. Здесь меняется судьба мира. Теперь, после тридцати лет напряженной работы, нам удалось создать основу системы, которая сможет защитить родину от вражеских ракет.

Про себя Бондаренко подумал, что это явное преувеличение, но после проведенного испытания будет видно, насколько оно явно. И все-таки, решил он, Покрышкин прямо-таки идеальный человек для своей должности. Бывший летчик-истребитель оказался настоящим гением, когда потребовалось направлять усилия ученых и инженеров, многие из которых отличались самолюбием силы боевого танка, только куда более уязвимым. Когда требовалось настаивать, генерал настаивал, но, если возникала необходимость в убеждении, он убеждал и уговаривал, Покрышкин был попеременно отцом, братом и дядей для всех них. Чтобы добиться такого, требовалось большое русское сердце. Полковник пришел к выводу, что командиров летчиков-истребителей отлично готовят для ТЭКОЕ! должности, а генерал Покрышкин оказался прямо-таки блестящим командиром. Так трудно найти равновесие между силой и убеждением, а вот для него это стало простым и естественным, словно дыхание. Бондаренко внимательно следил за тем, как делает это генерал. Не исключено, что такими уроками полковник сумеет воспользоваться и сам.

Центр управления размещался в стороне от здания, в котором находились лазеры, и был слишком мал для того количества персонала, что работало в нем. Здесь было свыше сотни специалистов – одних докторов физико-математических наук более шестидесяти, – и даже техники обладали столь высокой квалификацией, что могли преподавать в любом университете Советского Союза. Люди сидели или стояли, склонившись над панелями управления. Многие курили, и кондиционеры, необходимые для охлаждения компьютеров, изо всех сил старались поддерживать чистоту воздуха. Многочисленные циферблаты показывали время в различных часовых поясах: гринвичское, по которому следили за спутниками, местное время и, конечно, московское. На табло высвечивались точные координаты спутника-цели, «Космоса-1810», по международной нумерации 1986-

102А. Его запустили с космодрома в Тайратаме 26 декабря 1986 года, и он все еще находился на орбите, потому что не подчинился команде снизиться вместе с находящейся на борту пленкой. По данным телеметрии было видно, что его электрические системы все еще функционируют, хотя орбита постепенно становится все более низкой. В настоящее время перигей спутника – самая низкая точка орбиты – составлял 180 километров. Сейчас «Космос-1810» как раз приближался к перигею прямо над «Яркой звездой».

– Включить питание! – подал команду старший инженер по системе внутренней связи. – Последняя проверка систем.

– Камеры слежения функционируют нормально, – доложил один из техников. Его голос, доносящийся из настенных динамиков, наполнил зал. – Криогенные потоки – в норме.

– Система зеркал осуществляет слежение в автоматическом режиме, – сообщил инженер, сидящий рядом с Морозовым. Молодой специалист, съехав на самый край кресла, не отрывал глаз от телевизионного экрана, пока еще пустого.

– Компьютерная синхронизация – в автоматическом режиме, – послышался голос третьего.

Бондаренко глотал чай, стараясь сохранять спокойствие, хотя и безуспешно – Ему всегда хотелось присутствовать при запуске ракеты на космодроме, но устроить это никак не удавалось. А здесь царил такая же атмосфера. Волнение заполняло зал подобно электричеству. Окружающие его люди и аппараты объединились в единое целое, ждущее своей кульминации. Слышались голоса специалистов, один за другим сообщавших о собственной готовности и готовности аппаратуры.

Наконец послышалось:

– Все лазерные системы находятся под нагрузкой и готовы к действию.

– Мы готовы к залпу. – заключил старший инженер.

Взоры всех присутствующих устремились вправо, туда, где инженеры, отвечающие за камеры слежения, направили свои инструменты на северо-западный сектор горизонта. И вот появилась белая точка. Она двигалась вверх по черному куполу ночного неба...

– Захват цели!

Инженер рядом с Морозовым поднял руки над контрольной панелью, чтобы случайно не коснуться какой-нибудь кнопки. Загорались и гасли слова «автоматический режим».

В двух сотнях метров вокруг здания с размещенными в нем лазерами шесть зеркал поворачивались вокруг горизонтальной и вертикальной осей, с идеальной синхронностью ведя цель, поднимающуюся над изломанным горным горизонтом. На соседней вершине им вторили еще четыре зеркала наводящей антенны. По всей территории объекта заревели сирены, и вращающиеся сигнальные огни предупреждали всех, кто находился вне помещения, о необходимости отвернуться от источника лазерного излучения.

На экране монитора рядом с контрольной панелью старшего инженера виднелась фотография «Космоса-1810». Чтобы исключить всякую ошибку, он и еще трое сотрудников должны были визуально опознать цель.

– Это «Космос-1810», – пояснил полковнику капитан «Кобры Белл». – Вышедший из строя разведывательный спутник. У него, должно быть, отказало тормозное устройство, и он не вернулся по команде на Землю. Сейчас он находится на орбите постепенного снижения, ему осталось месяца четыре. Все еще передает стандартную телеметрическую информацию. Ничего важного, насколько нам удалось установить, просто сообщает русским, что пока функционирует на орбите.

– У него, по-видимому, все еще действуют солнечные батареи, – заметил полковник. Тепло, излучаемое спутником, поступало от внутреннего источника.

– Да. Не понимаю, почему они просто не отключат их... Как бы то ни было, температура на борту составляет... примерно пятнадцать градусов Цельсия. На таком холодном фоне это нетрудно определить. При солнечном свете в результате повышения температуры от солнечных лучей нам бы не удалось различить нагрев от внутреннего теплового источника.

Зеркала излучающей лазерной антенны вели спутник медленно, однако их движение было заметно на всех шести экранах, следящих за ними. Лазерный луч низкой мощности отразился от одного зеркала и прыгнул к цели... Помимо проверки наведения он передал изображение с очень высокой разрешающей способностью на монитор старшего инженера, руководящего операцией. Цель была опознана. Старший инженер повернул ключ, разблокировав таким образом всю систему. С этого момента «Яркая звезда» вышла из-под контроля людей, теперь она повиновалась лишь командам, поступающим с главного компьютера объекта.

– Замкнулись на цели, – заметил Морозов, обращаясь к своему начальнику.

Старший инженер согласно кивнул. Показания на его панели управления свидетельствовали, что расстояние до спутника быстро уменьшалось – спутник двигался к объекту, мчался по орбите к своей гибели со скоростью 18 тысяч миль в час. На экране виднелось изображение вытянутой капли, она светилась от внутреннего света на фоне неба, лишенного термальной энергии. Вот капля оказалась в самом центре прицельной сетки, подобно белому овалу на мушке винтовки.

Они, разумеется, ничего не слышали. Здание, в котором размещались лазеры, было превосходно изолировано, и оттуда не донеслось ни единого жука и не последовало изменения температуры. Да и на уровне земной поверхности ничего не было видно. Однако в центре управления сотня людей, наблюдая за телевизионными экранами, одновременно сжали кулаки.

– Какого черта! – воскликнул капитан. Изображение «Космоса-1810» внезапно стало невероятно ярким, подобно Солнцу, Компьютер мгновенно отреагировал на вспышку и уменьшил свою чувствительность, но на протяжении нескольких мгновений не сумел проследить за изменением температуры цели.

– Что могло случиться... Сэр, это не внутренний источник энергии. – Капитан ввел команду, и на экране появилась цифровая считка температуры спутника. Инфракрасное излучение представляет собой функцию в четвертой степени, таким образом тепло, излучаемое предметом, является квадратом квадрата его температуры. – Сэр, температура спутника прыгнула с пятнадцати градусов Цельсия до... похоже, до тысячи восьмисот градусов меньше чем за две секунды. И продолжает расти... нет, падает... снова растет. Скорость увеличения неравномерна, почти как... вот теперь падает. Что за чертовщина?

Сидящий слева от капитана полковник принялся нажимать клавиши на панели связи, приводя в действие спутниковый связной канал, соединяющий «Кобру-Белл» со штабом НОРАД в горе Шайенн и надежно защищенный от прослушивания. Когда он заговорил, это был бесстрастный голос кадрового военного, который не меняется даже в самых крайних ситуациях. Полковник ничуть не сомневался в том, что только что видел.

– «Хрустальный дворец», говорит «Кобра-Белл». Приготовьтесь к получению экстренного сообщения.

– Готовы, передавайте.

– Только что наблюдали вспышку исключительной яркости. Повторяю, ведем слежение за вспышкой исключительной яркости. «Кобра-Белл» объявляет ситуацию «Дропшот». Подтвердите получение. – Он повернулся к капитану – лицо его было бледным как бумага.

Старший дежурный офицер в штабе НОРАД был вынужден потратить несколько мгновений, пытаясь вспомнить, что такое «Дропшот». Через пару секунд он выдохнул в микрофон на груди:

– Господи! – а затем уже заговорил:

– «Кобра-Белл», подтверждаем получение кода «Дропшот». Оставайтесь на связи, пока мы здесь начнем действовать. Господи! – снова произнес он и повернулся к своему помощнику:

– Передайте состояние тревоги по коду «Дропшот» в Национальный военный командный центр и предупредите, чтобы

готовились к получению конкретной информации. Найдите полковника Уэлча и немедленно вызовите его сюда. – После этого дежурный офицер снял трубку и нажал кнопку телефона, соединяющего его с высшим начальством – главнокомандующим Объединенными силами противовоздушной обороны американского континента – НОРАД.

– Да, – послышался хриплый голос.

– Генерал, докладывает полковник Хенриксен. «Кобра-Белл» объявила состояние тревоги «Дропшот». Передали, что только что наблюдали вспышку исключительной силы.

– Вы сообщили в НВКЦ?

– Да, сэр, и вызвали Дуга Уэлча.

– Получили конкретные данные?

– Они будут получены, когда вы прибудете сюда.

– Хорошо, полковник. Выезжаю. Пошлите самолет на Шемьго, чтобы доставить к вам этого армейского офицера.

Полковник на борту «Кобры-Белл» только что приказал своему офицеру связи передать все полученные данные по цифровому каналу в НОРАД и в Саннивейл. Это было осуществлено меньше чем за пять минут. Затем руководитель операции распорядился, чтобы летный экипаж повернул самолет на аэродром в Шемье. На борту оставалось достаточно горючего еще на пару часов патрулирования, однако полковник пришел к выводу, что сегодня ничего больше не произойдет. Вполне достаточно и того, что уже случилось. Полковнику удивительно повезло: он только что увидел зрелище, которое удавалось наблюдать всего нескольким людям за всю историю человечества. Он присутствовал при изменении мира и в отличие от большинства людей понял значение этого. Какую честь оказала ему судьба, подумал полковник, но лучше бы этого не видеть.

– Капитан, это удалось им раньше нас.

Боже милосердный!

Джек Райан как раз готовился выехать с транспортной развязки на шоссе 1-495, когда услышал жужжание телефона.

– Слушаю.

– Вы нам срочно нужны.

– Еду.

Раздался щелчок, и связь прервалась. Джек выехал с «клеверного листа», остался у правого края шоссе и снова пересек транспортную развязку, оказавшись теперь на Вашингтонской кольцевой дороге, ведущей обратно в Лэнгли. Вот так всегда. Он решил уехать сразу после обеда, чтобы встретиться с представителями Комиссии по ценным бумагам и биржевым операциям. Оказалось, директора компании сумели доказать свою невиновность, что снимало, таким образом, всякое подозрение и с него – или должно было снять, если бы следователи комиссии приняли решение навсегда закрыть это дело. Райан надеялся после этой встречи поехать домой и больше не возвращаться сегодня в ЦРУ. Теперь, развернувшись на шоссе, он ехал обратно в Лэнгли, недовольный и раздраженный, пытаясь догадаться, какая неприятность ждет его там.

Майор Грегори и трое операторов стояли у доски, обсуждая программу регулировки зеркал, когда в комнату вошел сержант.

– Майор, вас просят к телефону.

– Я занят; передайте, чтобы позвонили позже.

– Это генерал Паркс, сэр.

– Голос моего хозяина, – проворчал Эл Грегори, Он бросил мел ближайшему из своих помощников и вышел из комнаты. Через минуту майор поднял телефонную трубку.

– За вами вылетел вертолет. – произнес генерал, не теряя времени на любезности.

– Сэр, мы пытаемся найти...

– На базе ВВС в Кертланде вас ждет «Лиэрджет». У нас слишком мало времени, чтобы ждать пассажирского рейса. Багаж вам не понадобится. Отправляйтесь немедленно, майор!

– Слушаюсь, сэр.

– Так что же случилось? – спросил Морозов. Старший инженер сидел перед панелью управления, расстроено глядя на экран монитора.

– Термальное рассеивание. Черт побери! Мне казалось, что мы справились с этой проблемой.

Маломощный лазер, находящийся на другом конце зала, вел фотографирование цели. Моноцветное изображение походило на черно-белую фотографию, сделанную с близкого расстояния, однако то, что должно было казаться черным, стало вместо этого темно-бордовым. Техник, ведающий телевизионной аппаратурой, переключил изображение на полиэкранное, чтобы сравнить внешний вид спутника до начала операции и после ее завершения.

– Никаких отверстий, – мрачно заметил Покрышкин.

– Ну и что? – изумленно возразил Бондаренко. – Боже мой, но ведь вы расплавили спутник! Он выглядит так, словно его окунули в жидкую сталь! – И действительно, спутник выглядел именно так. То, что раньше было плоскими поверхностями, искорежилось от огромной тепловой энергии, все еще выделяемой спутником в окружающее пространство. Солнечные батареи, отходящие от корпуса спутника и предназначенные для поглощения световой энергии, сгорели, казалось, полностью. При более внимательном рассмотрении стало очевидно, что весь корпус спутника перекосялся от сокрушительного теплового удара.

Покрышкин кивнул, но мрачное выражение не исчезло с его лица.

– Мы рассчитывали пробить отверстие через его корпус. Вели бы это нам удалось, создалось бы впечатление, что спутник столкнулся с обломком космического мусора, находящегося на орбите. Мы стремились именно к такой концентрации тепловой энергии.

– Но ведь теперь вы можете уничтожить любой американский спутник – какой пожелаете!

– Объект «Яркая звезда» создан не для уничтожения спутников, полковник. Мы уже давно способны осуществить эту задачу.

И тут Бондаренко понял, что имел в виду генерал. Вообще-то «Яркая звезда» предназначалась именно для уничтожения спутников, однако прорыв в мощности энергетического импульса, оправдавший

финансирование строительства объекта, превысил ожидания на четыре порядка, и Покрышкину захотелось одним махом перешагнуть через два этапа: продемонстрировать способность уничтожать спутники и одновременно показать, что возможно создание системы, на основе которой следует развернуть противоракетную оборону. Он оказался честолюбивым человеком, хотя и не в обычном смысле слова.

Бондаренко отбросил эту мысль и задумался о другом. В чем причина неудачи? По-видимому, действительно в термальном рассеивании. Лазерные лучи, прорываясь через воздух, передают в виде тепла какую-то часть своей энергии окружающей атмосфере. Это будоражит воздух, искажает оптическую ось луча, заставляет его передвигаться по цели и даже сходиться с нее и одновременно делает луч шире его намеченного диаметра.

И несмотря на все это, лазерный луч оказался достаточно мощным, чтобы расплавить металл на расстоянии ста восьмидесяти километров! – напомнил себе полковник. Это нельзя назвать неудачей. Это гигантский прыжок вперед, в направлении совершенно новой технологии.

– Система не пострадала? – спросил генерал у руководителя проекта.

– Нет, в противном случае мы не получили бы последующего изображения. По-видимому, предпринятые нами меры, направленные на компенсацию за счет атмосферного искажения, достаточны для маломощного луча, передающего нам изображение цели, но не для высокоэнергетического лазерного импульса. Мы добились лишь половины успеха, товарищ генерал.

– Да. – Покрышкин потер глаза и заговорил более твердо. – Товарищи, сегодня мы показали, что добились громадного прогресса, но необходимо сделать еще очень многое.

– А это моя область, – произнес сосед Морозова. – Но мы заставим эту сволочь покориться!

– Вам не понадобится еще один специалист для работы в вашей группе?

– Здесь нужно разбираться и в оптической физике – физике регулируемых зеркал, – и в компьютерах. Вы действительно в этом разбираетесь?

– Это вы уж сами решайте. Когда начинаем?

– Завтра. Телеметристам понадобится не меньше двенадцати часов, чтобы обработать полученную информацию. А сейчас я следующим же автобусом отправляюсь к себе домой и пропущу пару стаканчиков. Семья вернется только через неделю. Не хотите присоединиться?

– Что это, по-вашему? – спросил Абдул.

Они едва успели подняться на вершину хребта, когда пронесся метеор. По крайней мере на первый взгляд это походило на яркий огненный след промчавшегося метеора. Однако в небе повисла тонкая золотая нить,двигающаяся вверх, – она поднималась очень быстро, но все-таки ее можно было различить.

Тонкая золотая нить, подумал Лучник. Казалось, светился сам воздух. Что может заставить воздух светиться? На мгновение он забыл, где находится и чем занят, и вспомнил о физике, которую учил в университете. Тепло. Лишь тепло может заставить воздух светиться. Когда метеор падает вниз, его трение о воздух... но эта линия не могла быть следом упавшего метеора. Даже если поднимающаяся вверх нить была оптическим обманом, просто иллюзией – с глазами такое случается, – золотая нить висела в небе почти пять секунд, может быть, даже дольше. Трудно измерить умом отрезок времени. Гм... Внезапно он сел и достал записную книжку. Ее вручил ему сотрудник ЦРУ и попросил вести запись происходящих событий. Действительно, полезная вещь; раньше это как-то не приходило ему в голову. Лучник записал день, время, место и приблизительное направление. Через несколько дней он вернется в Пакистан, и, может быть, это покажется интересным для сотрудника ЦРУ.

6. Один – если по земле

Когда он приехал, уже стемнело. Водитель Грегори свернул с Джордж Вашингтон-паркуэй ко входу в Пентагон со стороны Молла. Охранник поднял шлагбаум, пропуская ничем не выделяющийся «форд» – в этом году Пентагон покупал «форды», – который въехал на пандус, обогнул горстку припаркованных автомобилей и высадил майора у ступенек прямо позади стоящего здесь автобуса. Грегори был достаточно хорошо знаком с дальнейшей процедурой: он показал охраннику пропуск, прошел через металлодетектор, затем по коридору, увешанному флагами штатов, мимо кафе и, миновав наклонный спуск, оказался в пассаже со множеством магазинчиков, освещенном и украшенном под темницу двенадцатого века. Говоря по правде, во время учебы в школе Грегори увлекался играми в замки, темницы и населявших их драконов и еще при первом приезде в этот мрачный пятигранник убедился, что его строители черпали свое вдохновение из подобных игр.

Управление стратегической оборонной инициативы размещалось под торговым помещением Пентагона (вход в управление находился прямо под кондитерским магазином) и занимало пространство длиной в тысячу футов. Раньше здесь была стоянка для автобусов и такси, но затем появление террористов и популярных среди них автомобилей, снаряженных взрывчаткой, убедило Министерство обороны, что размещать автомобили под самым кольцом "Е" не очень разумно. Таким образом, эта часть огромного здания представляла собой самое новое и надежно защищенное помещение Пентагона, где размещалось самое новое и наименее защищенное его управление. Оказавшись у входа, Грегори достал свой второй пропуск, показал его четырем охранникам из службы безопасности, затем приложил к настенной панели. Электронное устройство сняло с пропуска электромагнитный код, проверило его правильность и пришло к заключению, что майор может войти. Он прошел через вестибюль к двойным стеклянным дверям и улыбнулся секретарше генерала Паркса. Она кивнула в ответ, но ей не нравилось задерживаться так поздно и было не до улыбок.

В плохом настроении пребывал и генерал-лейтенант Билл Паркс. В его просторном кабинете находились письменный стол, низкий столик для кофе и дружеских бесед и длинный стол для совещаний. Стены украшали фотографии в рамках, на которых были запечатлены различные виды деятельности в космосе вместе с многочисленными реальными и воображаемыми космическими аппаратами и... видами вооружений. Вообще-то Парке был добродушным человеком. Бывший летчик-испытатель, он достиг таких высот, что на его месте ожидали видеть притворно улыбающегося карьериста, тогда как Парке вел монашеский образ жизни, а его застенчивая улыбка внушала полное доверие. На рубашке с короткими рукавами не было никаких планок его многочисленных наград, а виднелся только знак летчика. Генералу не требовалось производить впечатление – его заслуги и без того были известны. Парке был одним из самых умных людей на правительственной службе и уж точно входил в первую десятку, а может быть, был даже самым умным. Грегори обратил внимание, что в кабинете присутствуют и другие посетители.

– Мы встречаемся снова, майор, – повернулся Райан к Грегори. В руках он держал папку страниц в двести толщиной – половину из них Райан уже просмотрел.

Грегори вытянулся – для генерала Паркса – и доложил, что прибыл, как приказано.

– Как перелет?

– Превосходный. Сэр, автомат с прохладительными напитками на прежнем месте? У меня пересохло во рту.

Паркс усмехнулся.

– Бегите, майор, спешка не так и велика.

– Этот парень просто не может не нравиться, – произнес генерал, когда дверь за Грегори закрылась.

– Интересно, знает ли его мамочка, чем он занимается после школьных занятий? – засмеялся Райан и тут же снова стал серьезным. – Он еще ничего не видел из этого?

– Нет, у нас не было времени, да и полковник с «Кобры-Белл» появится здесь только часов через пять.

Джек кивнул. Именно поэтому единственными представителями ЦРУ в кабинете генерала Паркса были Арт Грэхем из группы слежения за спутниками и он сам. Все остальные хорошенько выспятся, пока

они двое будут готовить материалы для полного брифинга, проводимого завтра утром. Парке тоже мог бы уехать и поручить работу своим ученым, но не таков он был – Чем больше Райан узнавал его, тем больше генерал нравился ему. Парке обладал главным качеством руководителя – он владел даром предвидения, и Райан был согласен с его предвидением. Это был кадровый военный, ненавидящий ядерное оружие. Вообще-то ничего необычного в этом не было – кадровые военные любят порядок, а ядерное оружие делает мир очень неаккуратным местом. Немало армейских офицеров, моряков и летчиков, поступились чувством собственного достоинства и построили свою карьеру, приняв оружие, которое, как они надеялись, никогда не будет использовано в бою. А вот Парке потратил последние десять лет жизни, стараясь уничтожить ядерную угрозу. Джеку нравились люди, готовые плыть против течения. Моральная храбрость была куда более редким товаром, чем физическая, и среди военных это соответствовало истине ничуть не в меньшей степени, чем среди других профессий.

Грегори вернулся в кабинет с банкой «кока-колы», которую он взял из автомата, стоящего в коридоре. Ему не нравился кофе, особенно когда предстояла серьезная работа.

– Итак, сэр, в чем дело?

– Мы получили видеопленку с «Кобры-Белл». Им предстояло следить за пробным запуском советской межконтинентальной баллистической ракеты. Советская птичка, СС-25, взорвалась вскоре после старта, однако руководитель операции, находившийся на борту «Кобры-Белл», решил остаться на позиции и поиграть со своими игрушками. И вот что он увидел.

Генерал Паркс нажал на кнопку дистанционного управления.

– Это «Космос-1810», – сказал Арт Грэхем, передавая фотографию. – Советский разведывательный спутник, который вышел из строя.

– На экране инфракрасное изображение, верно? – спросил Грегори и сделал глоток «кока-колы». – Господи!

То, что было только что крошечной белой точкой, разрослось во взорвавшуюся звезду, как в научно-фантастическом фильме. Но здесь не было никакой фантастики. Изображение изменилось, потому что его воспроизведение, находящееся под контролем компьютера,

старалось успеть за энергетической вспышкой. В нижней части экрана появились цифры – зарегистрированная температура раскаленного спутника. Через несколько секунд изображение начало затухать, и компьютеру снова пришлось перестроиться, чтобы продолжать слежение за «Космосом».

На мгновение по экрану побежали помехи, затем сформировалось новое изображение.

– Это уже спустя девяносто минут. Одна из последующих орбит спутника проходила над Гавайскими островами, – пояснил Грэхем. – Там у нас находятся камеры для наблюдения за русскими спутниками. Посмотрите на переданный вам снимок.

– Это снимки «до» и «после», верно? – взгляд Грегори метнулся с одного изображения на другое. – Солнечные панели исчезли... Боже! Из какого материала сделан корпус спутника?

– Главным образом из алюминия, – ответил Грэхем. – Русские стремятся к более прочным конструкциям, чем мы. Внутренний каркас может быть изготовлен из стали, но скорее из титана или магния.

– Значит, спутник состоит из материала, наиболее благоприятного для передачи термальной энергии, – заметил Грегори. – Они уничтожили свою птичку. Нагрев оказался настолько высоким, что сгорели солнечные панели и, возможно, выведены из строя электрические системы внутри. На какой высоте пролетал спутник?

– Сто восемьдесят километров.

– Сары-Шаган или это новое место, о котором говорил мне мистер Райан?

– Душанбе, – кивнул Джек. – Новый объект.

– Но ведь дополнительные линии электропередач еще не протянуты.

– Верно, – согласился Грэхем. – Тогда они смогут увеличить мощность энергетического импульса по крайней мере вдвое по сравнению с тем, что мы сейчас наблюдали. Или на это рассчитывают. – Он говорил тоном человека, узнавшего, что его близкий родственник неизлечимо болен.

– Покажите еще раз первую запись, пожалуйста, – произнес Грегори. Несмотря на вежливый тон, это звучало почти как приказ. Джек заметил, что генерал Парке тут же исполнил просьбу молодого офицера.

Просмотр продолжался еще пятнадцать минут. Все это время Грегори стоял всего в трех футах от монитора и не отрываясь смотрел на экран. Последние три минуты видеозапись прокручивали кадр за кадром, и после каждого майор делал пометки. Наконец он удовлетворенно кивнул.

– Через полчаса я могу сообщить мощность выходного сигнала, но уже сейчас ясно, что у них возникло немало трудностей.

– Рассеивание, – сказал генерал Парке.

– Да, и проблемы с точностью наведения на цель, сэр. По крайней мере мне так кажется. Мне понадобится время для работы и хороший калькулятор. Боюсь, я оставил свой на работе, – смущенно признался он. Рядом с сигнальным устройством на его поясе виднелся пустой футляр. Грэхем передал майору свой калькулятор, очень дорогой «Хьюлетт-Паккард».

– Как относительно мощности? – спросил Райан.

– Мне понадобится некоторое время, чтобы рассчитать это с достаточной степенью уверенности, – произнес Грегори, словно разговаривая с умственно отсталым ребенком. – Пока могу предположить, что мощность их лазера превосходит нашу по меньшей мере в восемь раз. Где бы я мог расположиться, чтобы мне не мешали? – повернулся он к Парксу. – Можно занять буфетную? – Генерал кивнул, и молодой офицер вышел из кабинета.

– В восемь раз... – пробормотал Арт Грэхем. – Боже мой, они смогут сжечь все наши спутники Программы оборонного обеспечения. И уж можно не сомневаться, что им не составит труда вывести из строя спутники связи. Ну что ж, у нас есть способы защитить их...

Райан чувствовал, что не может понять суть разговора. Он специализировался по истории и экономике и еще не овладел языком физических наук.

– Три года, – вздохнул генерал Парке, наливая кофе. – Опережают нас по крайней мере на три года...

– Но только по мощности выходного сигнала, – заметил Грэхем.

Джек смотрел то на одного, то на другого, понимая их обеспокоенность, хотя причина ее ускользала от него. Грегори вернулся через двадцать минут.

– По моим расчетам, пиковая мощность их выходного сигнала от двадцати пяти до тридцати миллионов ватт, – сообщил он. – Если

предположить, что луч сконцентрирован излучением шести лазеров, значит, этого достаточно, правда? От русских требуется всего лишь разместить их поблизости друг от друга и направить на одну цель.

– Это плохие новости. Хорошо лишь то, что у них, несомненно, возникли серьезные трудности с проблемой термального рассеивания. Им удалось сконцентрировать пиковую мощность на цели в течение всего лишь нескольких первых тысячных долей секунды. Затем лазерный пучок начал рассеиваться. Средняя мощность их выходного сигнала составила от семи до девяти мегаватт. К тому же, вдобавок к рассеиванию у них, похоже, возникла проблема наведения на цель. Или основания зеркал недостаточно хорошо защищены от сотрясений, или они не могут ввести поправки на отклонение земной оси при вращении. А может быть, и то и другое. Какой бы ни была причина, они испытывают затруднения с наведением на цель с точностью, превышающей три дуговых секунды. Это означает, что для геоцентрического спутника точность будет составлять плюс или минус двести сорок метров – разумеется, такая цель стационарная и фактор перемещения может и помогать и мешать.

– Что вы имеете в виду? – спросил Райан с недоумением.

– Видите ли, с одной стороны, вы ведете движущуюся цель, а спутники, находящиеся на низкой орбите, движутся очень быстро, примерно восемь тысяч метров в секунду, это при том, что в одном дуговом градусе тысяча четыреста метров, так что ваша цель перемещается на пять градусов в секунду. Пока понятно? Термическое рассеивание означает, что лазерный луч передает атмосфере значительное количество энергии. Поскольку вы ведете пролетающий спутник с большой скоростью, при каждом импульсе приходится пробивать в атмосфере новую дыру. Но для того чтобы рассеивание стало в значительной мере влиять на лазерный луч, требуется время – это идет вам на пользу. С другой стороны, раз при прицеливании возникают трудности из-за отклонения земной оси при вращении, как только вы меняете точку прицеливания, добавляется новая переменная в геометрическую структуру наведения, и это намного ухудшает положение вещей. Стреляя по относительно неподвижной цели – вроде спутника связи, – вы упрощаете проблему прицеливания, однако лазерный луч движется по одной и той же оси термического

рассеивания до тех пор, пока почти вся энергия выходного сигнала не израсходуется на нагревание воздуха. Теперь вы меня понимаете?

Райан согласно кивнул, хотя ум его снова достиг предела своих возможностей. Он с трудом понимал слова молодого офицера, а та информация, которую стремился передать Грегори, находилась в области ему совершенно незнакомой. Тут вмешался Грэхем.

– По-вашему, у нас нет никаких оснований для беспокойства?

– Нет, сэр. Если мощность выходного сигнала достаточно велика, вы всегда сумеете найти способ донести ее до цели. Ведь нам-то это удалось. Как раз это и является самым простым.

– Как я уже вам объяснял, – произнес старший инженер, обращаясь к Морозову, – проблема заключается не в том, чтобы выпустить мощный лазерный импульс, это достаточно просто, а в том, чтобы донести всю эту энергию до цели.

– Ваш компьютер не в состоянии ввести необходимые поправки, вызываемые... чем они вызываются?

– Судя по всему, причина зависит от комбинации целого ряда явлений. Сегодня мы займемся проверкой полученных данных. Главная причина? Скорее всего в программировании поправок за счет искажения луча при прохождении через атмосферу. Раньше нам казалось, что мы можем внести поправки в процесс наведения и это устранил рассеивание. Оказалось, этого недостаточно. Три года теоретических исследований понадобилось для проведения вчерашних испытаний. Моих исследований. И все тщетно. – Он уставился на горизонт и нахмурился. Операция, которой подвергся его больной ребенок, не увенчалась полным успехом, но, по мнению врачей, можно было надеяться на улучшение.

– Значит, увеличение мощности выходного сигнала явилось результатом этого? – спросил Бондаренко.

– Да. Двое наших молодых научных сотрудников – ему всего тридцать два года, а ей – двадцать восемь – разработали способ увеличения диаметра лазерной полости. Однако нам все еще нужно улучшить управление центрирующих магнитов, – ответил Покрышкин.

Полковник кивнул. Идея лазера на свободных электронах, разработкой которого занимались и русские и американцы, заключалась в том, что его можно было «настраивать» подобно радиопередатчику, выбирая частоту световых колебаний, на которой происходила передача лазерного луча – по крайней мере теоретически. На практике, однако, наибольшая мощность выходного сигнала всегда находилась в пределах близких частот световых колебаний – и в данном случае частота была выбрана не правильно. Если бы им удалось во время вчерашних испытаний лишь немного изменить частоту колебаний, при которой лазерный луч с большей легкостью проникал бы через атмосферу, термальное рассеивание можно было бы уменьшить по крайней мере наполовину. Но для достижения этой цели требовалось более точно управлять магнитами со сверхпроводимой обмоткой. Эти магниты наводили осциллирующее магнитное поле сквозь заряженные электроны в генерирующем резонаторе. К сожалению, открытие, в результате которого стало возможным увеличить размеры полости, оказало неожиданное воздействие на способность управлять потоком магнитного поля. Пока теоретически объяснить это явление не удалось, и многие видные ученые считали, что причиной его является какое-то еще обнаруженное свойство конструкции магнитов. Ведущие инженеры со своей стороны утверждали, что недостаток таится именно в теоретическом обосновании, потому что магниты действовали именно так, как следовало. Аргументы, которыми обменивались оппоненты в конференц-зале, были горячими, но одновременно дружескими. Здесь присутствовало немало талантливых людей, старающихся доискаться до истинной причины происшедшего, – они стремились к научной истине, не зависящей от мнения людей.

Бондаренко поспешно записывал детали аргументов, хотя голова у него шла кругом. Он считал себя знающим специалистом по лазерной технике – в конце концов, он помог в создании совершенно новой сферы применения лазеров, – однако, глядя на проделываемую здесь

работу, сравнивал себя с младенцем, бродящим по университетской лаборатории и изумляющимся красивым огонькам вокруг. Итак, записал он, главный прорыв заключается в конструкции лазерной полости. Он привел к колоссальному увеличению мощности выходного сигнала и был сделан за столом в кафетерии, когда инженер и физик натолкнулись на научную истину. Полковник чуть улыбнулся. Вообще-то слово, которое использовали два молодых специалиста было «правда», что в русском языке является синонимом слова «истина». Действительно, это слово все шире распространялось по «Яркой звезде», и Бондаренко задумался над тем, не подсмеиваются ли ученые над властями. Но ведь это правильно, говорили они об очевидном факте. Значит, это правда?

Ну и что ж, напомнил он себе, одно было по крайней мере достаточно верным. Эти двое – Бондаренко уже наслышан был об этой паре – объединили усилия и сумели добиться колоссального увеличения мощности лазера. Остальное придет, подумал он. Так бывает всегда.

– Таким образом, решение проблемы заключается, по-видимому, в компьютерном контроле как магнитного поля, так и расположения зеркал.

– Совершенно верно, полковник, – согласился Покрышкин. – Кроме того, нам понадобится дополнительное финансирование и поддержка – тогда мы сумеем преодолеть эти трудности. Сообщите в Москву, что самая важная часть работы уже завершена и испытание прошло достаточно успешно.

– Хорошо, товарищ генерал, вы убедили меня.

– Нет, товарищ полковник. Просто вы оказались достаточно умным, чтобы увидеть правду! – Они засмеялись, обмениваясь рукопожатием. Бондаренко спешил теперь вернуться в Москву. Давно прошло то время, когда советский офицер боялся стать вестником плохих новостей, однако сообщение о хороших новостях всегда благоприятно сказывается на карьере.

– Они не могут пользоваться регулируемой оптикой, – заметил генерал Паркс. – Но мне хотелось бы знать, какое оптическое покрытие они применяют.

– Я уже второй раз слышу про оптическое покрытие. – Райан встал и прошелся вокруг стола, чтобы размять ноги. – Что может быть такого важного в зеркале? Это ведь стеклянное зеркало, не так ли?

– Нет, не стеклянное – обычное зеркало не выдержало бы такого потока энергии. Сейчас мы используем медь или молибден, – объяснил Грегори. – У стеклянного зеркала отражательная поверхность позади, тогда как у наших зеркал она впереди, а сзади находится система охлаждения.

– Вот как? – Тебе следовало бы повнимательней относиться к лекциям по естественным наукам в бытность в Бостонском колледже, Джек.

– Свет не отражается от голой поверхности металла, – заметил Грэхем. Теперь Райану стало ясно, что в кабинете всего один тупица – и именно ему предстоит составлять документ о позиции страны на основе разведывательной информации – Он отражается от оптического покрытия. В случаях когда требуется по-настоящему большая точность, – для астрономического телескопа, например, – покрытие, нанесенное на наружную поверхность зеркала, выглядит вроде бензиновой пленки на луже.

– Тогда зачем вообще пользоваться металлом? – возразил Райан.

– Металл необходим для того, чтобы отражающая поверхность была как можно холоднее, – ответил майор. – Между прочим, мы стараемся уйти от применения металлических поверхностей. Проект «УРНМИТ»: ускоренная разработка новых материалов и технологий. Мы надеемся, что наше следующее зеркало будет алмазным.

– Что?

– Искусственный алмаз делается из чистого C12 – это изотоп обычного углерода, и он является для нас идеальным материалом. Наибольшая трудность заключается в поглощении энергии, – продолжал Грегори. – Если поверхность поглощает много света, тепловая энергия может сорвать покрытие со стекла, и тогда зеркало просто взрывается. Однажды я видел, как взорвалось полуметровое зеркало – звук был настолько громким" словно Бог щелкнул пальцами. Используя алмаз – изотоп углерода C12, – мы получаем материал,

который является почти сверхпроводником тепла. Он позволяет увеличить плотность энергии и пользоваться меньшим по размеру зеркалом. «Дженерал электрик» совсем недавно научилась изготавливать алмазы ювелирного качества из C12. Кэнди уже работает над процессом изготовления зеркала из искусственного алмаза.

Райан перелистал тридцать страниц своих записей, затем потер глаза.

– Майор, думаю, генерал не будет возражать, если вы проедете со мной в Лэнгли. Мне нужно, чтобы вы поговорили с нашими парнями из научно-технического управления, а также посмотрели на все материалы, полученные нами о советском проекте. Не возражаете, сэр? – спросил он Паркса.

Генерал кивнул.

Райан и Грегори вышли вместе. Оказалось, что необходимо предъявить пропуска и при выходе. Произошла смена охраны, но и новые парни проверяли всех не менее серьезно. Взглянув на «ягуар» Джека, стоящий на парковочной площадке, майор заметил, что автомобиль «клевый». Неужели это слово все еще употребляется? – удивился Джек.

– Каким образом морской пехотинец стал сотрудником ЦРУ? – спросил Грегори, с восхищением разглядывая кожаный интерьер машины. – И откуда у него деньги на все это?

– Меня пригласили. До этого я преподавал историю в Аннаполисе. – Да еще стал знаменитым сэром Джоном Райаном. Впрочем, вряд ли мое имя упоминается в учебниках по физике квантовых генераторов.

– Где вы учились?

– Стал бакалавром в Бостонском колледже, а докторскую защищал прямо здесь, на противоположном берегу, в Джорджтауне.

– Вы не говорили, что имеете степень доктора, – заметил майор.

– Это в другой области, – засмеялся Райан. – Я с трудом следил за тем, что вы объясняли, однако мне в свою очередь придется разъяснить, о чем идет речь... ну, тем, кто ведет переговоры по ограничению вооружений. Последние шесть месяцев я работал в составе делегации, занимался разведывательными аспектами. – В ответ он услышал недовольное ворчание:

– Эти парни хотят лишить меня работы. Они намереваются уступить русским.

– Им тоже приходится выполнять свои обязанности, – возразил Джек. – Мне понадобится ваша помощь – я должен убедить их, что вы занимаетесь важной работой.

– Русские считают это важным.

– Да, действительно, разве мы только что не убедились в этом?

Бондаренко сошел с самолета и с удовольствием увидел, что его встречает служебный автомобиль из войск ПВО. Генерал Покрышкин позвонил в Москву и предупредил штаб о его прилете. Был уже вечер, рабочий день закончился, и полковник распорядился, чтобы водитель отвез его домой. Завтра он напишет отчет и представит его полковнику Филитову, а позднее, может быть, лично доложит министру. Уже дома, сидя за стаканом водки, Бондаренко задал себе вопрос, а не попытался ли генерал Покрышкин обвести его вокруг пальца, создать у него ложное впечатление относительного успеха, достигнутого на объекте «Яркая звезда». Вряд ли, решил он. Генерал проделал огромную работу, продемонстрировав ему все достоинства программы и способности персонала, занятого на объекте. Это не могло быть «показухой». Они не могли фальсифицировать результаты испытания и не скрывали недостатки при его разборе. Они просят об одном: чтобы им оказали помощь. Нет, Покрышкин – человек, обладающий даром предвидения, готовый поставить на карту свою карьеру. Что еще можно требовать от руководителя? Если он занимался здесь строительством своей маленькой империи, то империя того заслуживала.

Метод, выбранный для передачи материалов, был одновременно уникальным и очень простым. Универсам представлял собой самый обычный торговый центр, в котором размещалось девяносто три

магазинчика плюс еще пять кинотеатров с небольшими экранами. Здесь находилось шесть обувных магазинов и три ювелирных. Отдавая должное духу Запада, в торговом центре был магазин спортивных товаров со стендом, уставленным охотничьими «винчестерами», – такое нечасто увидишь на востоке страны. Тут же размещались три магазина мужской одежды и семь, торгующих женской. Один из последних примыкал к оружейной лавке.

Это вполне устраивало хозяйку магазина «Листья Евы», поскольку там, где продавали оружие, устанавливалась дорогая и надежная система охранной сигнализации; в результате, принимая во внимание и охранников торгового центра, она могла позволить себе держать в магазине немало модных товаров, не тратя слишком много денег на страховку. Магазин становился на ноги с немалым трудом – модные платья из Парижа, Рима и Нью-Йорка не сразу находили спрос к западу от Миссисипи, за исключением, может быть, Тихоокеанского побережья. Однако ученые, работавшие здесь, приехали с обоих побережий и придерживались своего прежнего образа жизни.

Энн вошла в магазин. Хозяйка знала, что ей легко угодить и вообще она хорошая клиентка. Ростом ровно шесть футов, она примеряла одежду лишь для того, чтобы увидеть, как в ней выглядит. Ей никогда не требовалось ничего переделывать, что облегчало жизнь для всех, и хозяйка магазина делала пятипроцентную скидку на все, что она покупала. Кроме того, что все на ней прекрасно сидело, Энн тратила много денег – всегда не меньше двухсот долларов при каждом посещении магазина. Она была постоянной покупательницей и всегда приезжала через шесть недель. Хозяйка не знала, чем Энн занимается, хотя женщина походила на врача и соответственно себя вела – аккуратная как в одежде, так и в поведении. Странно, но она неизменно расплачивалась наличными, и еще и поэтому получала дополнительную скидку – ведь компании, выпускающие кредитные карточки, брали определенный процент со стоимости проданных товаров в качестве гарантии за уплату. Так что хозяйке поступала компенсация в сумме пяти процентов – даже чуть больше. Очень жаль, что не все ее покупательницы походили на Энн. У нее были томные карие глаза и каштановые волосы, падающие на плечи и чуть волнистые, и стройная и изящная фигура. Ее отличала еще одна странная черта – Энн, казалось, никогда не пользовалась духами;

поэтому хозяйка магазина и принимала ее за врача; по этой причине и по тому, когда она приезжала в магазин – всякий раз в то время дня, когда здесь было мало посетителей, – словно она могла сама распорядиться своим временем. Так, по-видимому, и было, да и одевалась она как врач. Это нравилось хозяйке магазина. В движениях Энн ощущалась уверенность и целеустремленность.

На этот раз Энн выбрала жакет и юбку одного цвета и направилась к примерочной в дальнем углу магазина. Хотя его хозяйка не обращала на это внимания, Энн всегда пользовалась одной и той же кабинкой. Войдя внутрь, она расстегнула юбку и блузку, но прежде чем примерить новый костюм, протянула руку под гладкую деревянную скамейку, на которую садились посетительницы, и взяла кассету с микропленкой, оставленную здесь накануне вечером и прикрепленную клейкой лентой. Кассета тут же исчезла в сумочке. Лишь после этого она надела новую юбку и блузку и прошла перед зеркалами.

Как только американские женщины носят такое барахло? – обратилась Таня Бизарина к своему улыбающемуся отражению. Она была капитаном в управлении "С" Первого главного управления КГБ (известного также как «внешняя разведка»), но посылала информацию в управление "Т", занимающееся научным шпионажем совместно с Государственным комитетом по науке и технике. Подобно Эдварду Фоули, ей был доверен всего один агент. Кодовое имя агента – Ливия.

Костюм стоил двести семьдесят три доллара, и капитан Бизарина расплатилась за покупку наличными. Она напомнила себе, что при следующем визите в магазин нужно приехать в нем, несмотря на то, как безвкусно он выглядит.

– Заходите снова, Энн, – пригласила ее хозяйка магазина. В Санта-Фе Бизарину знали только под этим именем. Капитан государственной безопасности обернулась и помахала рукой. Хозяйка, несмотря на всю свою глупость, была неплохой женщиной. Подобно любому хорошему разведчику, капитан Бизарина выглядела самой обыкновенной женщиной, и ее поведение тоже ничем не выделялось. Это означало, что в здешнем районе следовало одеваться не слишком модно, ездить в приличном, но достаточно скромном автомобиле и вести жизнь деловой женщины – комфортабельную, но без намека на богатство. В этом смысле работать в Америке было несложно. Если у вас был

соответствующий стиль жизни, никого не интересовало, где вы его приобрели. Пересечь границу оказалось до смешного просто. Она потратила столько времени, отрабатывая легенду, готовя документы, точно соответствующие тем, что требовались в Америке, а пограничная охрана всего лишь заставила собаку обнюхать машину в поисках наркотиков – Бизарина проехала через границу из Мексики в Эль-Пассо – и, улыбнувшись, разрешила ей ехать дальше. Полумать только, усмехнулась она теперь, восемь месяцев спустя, а я-то волновалась.

Через сорок минут после посещения магазина она вернулась домой, как всегда убедившись, что за ней нет слежки, и, войдя в дом, тут же проявила пленку и сделала отпечатки – не совсем так, как это сделал Фоули, но разница была так незначительна, что они казались идентичными. Перед нею оказались снимки секретных правительственных документов. Бизарина вложила пленку в миниатюрный проектор и направила изображение на белую стену спальни. Она получила техническое образование, что явилось одной из причин, почему задание пало на нее, и знала, как оценить важность полученной информации. На этот раз Бизарина не сомневалась, что руководство останется довольным.

На следующее утро она передала полученные сведения, и пленки пересекли границу, направляясь в Мексику в грузовом трейлере, шофер которого занимался дальними перевозками в концерне с конторой в Остине. Он доставлял буровое оборудование для нефтяной компании. К концу дня все будет в посольстве СССР в Мехико. А еще через день – на Кубе, откуда прямым рейсом Аэрофлота отправится в Москву.

7. Катализаторы

– Итак, полковник, какова ваша оценка? – спросил Филитов.

– «Яркая звезда» является, на мой взгляд, самой важной программой в Советском Союзе, – уверенно заявил Бондаренко и передал Филитову сорок страниц рукописного текста. – Это первый черновик моего отчета. Я подготовил его во время рейса, в самолете. Завтра будет готов перепечатанный отчет, но мне казалось, что вам будет интересно...

– Вы совершенно правы. Насколько мне известно, там провели испытание...

– Тридцать шесть часов назад. Я присутствовал при этом, и мне разрешили осмотреть оборудование до испытания и после него. Сам объект и его персонал произвели на меня глубокое впечатление. Если позволите высказать свою точку зрения, генерал Покрышкин – выдающийся военный и идеальный человек для должности руководителя проекта «Яркая звезда». Он отнюдь не карьерист, в этом нет никакого сомнения, скорее мыслящий офицер, причем один из лучших. Руководить такими видными учеными на горной вершине совсем не просто...

Филитов кивнул и что-то проворчал, соглашаясь с Бондаренко.

– Мне приходилось работать с учеными. Вы утверждаете, что они работают там, как в военной организации?

– Нет, товарищ полковник, однако Покрышкин нашел способ удовлетворять их потребности и получать взамен соответствующую отдачу. Там, на объекте, все испытывают ощущение... своего предназначения, что ли. Такое редко встречается даже среди офицеров. Поверьте, Михаил Семенович, я говорю это по зрелом размышлении, взвесив все происшедшее. Все стороны деятельности в рамках этой программы произвели на меня глубокое впечатление. Думаю, что такая же атмосфера царит и на объектах, связанных с космической программой. Мне доводилось слышать об этом, но, поскольку я не бывал на полигонах, сделать определенный вывод затрудняюсь.

– А сама система?

– «Яркая звезда» еще не стала оружием. Им нужно устранить технические трудности. Генерал Покрышкин указал на них и подробно разъяснил, в чем они заключаются – В данный момент это всего лишь экспериментальная программа, однако они уже добились колоссального прорыва вперед. Через несколько лет это будет оружием огромной потенциальной мощи.

– Какие средства им потребуются? – спросил Филитов.

– Трудно определить даже приблизительно, – пожал плечами Бондаренко. – Средства понадобятся большие, однако наиболее дорогая часть программы – фаза исследований и разработок – уже завершена. Сами производственные расходы должны быть меньше, чем следует ожидать, – я имею в виду производство самого оружия. Оценить затраты на вспомогательное оборудование, радиолокаторы и разведывательные спутники я не могу. В любом случае это не входило в мое задание. – К тому же, подобно всем кадровым военным, Бондаренко интересовала не стоимость, а эффективность вооружений.

– Насколько надежна система?

– Есть определенные трудности, но разрешимые. Лазерные установки сложны по своему устройству и нуждаются в тщательном обслуживании. Но если построить больше, чем требуется для работы, мы сумеем легко пропускать их через цикл технического оборудования и одновременно всегда иметь в готовности необходимое количество. Говоря по правде, именно такой метод предложил старший инженер проекта.

– Значит, им удалось решить проблему мощности выходного сигнала?

– В моем черновике все это описывается в общих чертах. В окончательном варианте я сделаю это подробнее.

– Значит, даже мне будет понятно? – улыбнулся Филитов.

– Товарищ полковник, – серьезно, без тени улыбки, заметил Бондаренко, – я знаю, что вы разбираетесь в технике гораздо лучше, чем делаете вид. Увеличение мощности импульса, его теоретическое обоснование, достаточно просто. Гораздо сложнее технические и производственные детали, но их тоже можно понять исходя из новой структуры лазерной полости. Как это произошло с первой атомной бомбой – после того как были разработаны теоретические основы, технические детали постепенно развивались и совершенствовались.

– Отлично. Вы сумеете представить свой отчет завтра?

– Да, товарищ полковник.

Филитов встал, и Бондаренко поднялся из-за стола вместе с ним.

– Сегодня я прочитаю черновик. Принесите мне текст вашего окончательного доклада, и я буду изучать его во время уик-энда. На будущей неделе доложим министру.

Поистине неисповедимы пути Аллаха, подумал Лучник. Как ему ни хотелось сбить советский транспортный самолет, пришлось вернуться в родной Газни на берегу реки. Со дня, когда он покинул Пакистан, прошла всего неделя. Буря, бушевавшая на протяжении нескольких дней, вынудила советские самолеты оставаться на аэродромах, и потому он сумел двигаться очень быстро. Лучник прибыл на базу своего отряда с новым запасом зенитных ракет и узнал, что главарь отряда готовится напасть на советский аэродром, расположенный поблизости от города. Суровая зима была трудной для всех, и неверные поручили наружную охрану афганским солдатам, находящимся на службе у предателей в Кабуле. Русские не подозревали, однако, что майор, командир батальона, несущего охрану по наружному периметру авиабазы, был предан местным моджахедам. Когда пробьет нужный час, афганские солдаты снимут свои посты и дадут возможность трем сотням партизан напасть прямо на советский лагерь.

Наступление должно было вестись быстро и решительно. Бойцы за свободу разделились на три роты, по сотне моджахедов в каждой. Все три роты начнут штурм одновременно; главарь понимал важность тактического резерва, но у него было слишком мало солдат, и фронт протянулся на слишком большое расстояние. Ему пришлось рисковать, но и он и его люди с 1980 года рисковали много раз. Если снова придется рискнуть, разве это так уж важно? Как всегда, главарь будет находиться в самом опасном месте, и Лучник – рядом с ним. Они устремятся к аэродрому и ненавистным самолетам с наветренной стороны. Русские попытаются поднять свои машины при первом же сигнале тревоги как для того, чтобы спасти их, так и для того, чтобы

обеспечить себя поддержкой с воздуха. Лучник посмотрел в бинокль на четыре вертолета Ми-24. У всех четырех под короткими, словно обрубленными крыльями висел полный боекомплект ракет. В распоряжении моджахедов был всего один миномет, который мог нанести по ним удар на земле. Поэтому Лучник будет находиться позади цепи нападающих, обеспечивая поддержку. У него не было времени для ловушки с помощью дымовой ракеты, однако ночью это вряд ли принесло какой-либо успех.

В сотне ярдов от наступающей цепи партизан главарь встретил на заранее намеченном месте майора афганской армии. Они обнялись и вознесли хвалу Аллаху. Блудный сын вернулся в колыбель ислама. Майор доложил, что два из его трех ротных командиров согласились действовать в соответствии с планом, однако командир третьей роты остался верен русским. Преданный моджахедам сержант через несколько минут убьет этого офицера и откроет его сектор для отхода после завершения операции. Стоящие вокруг партизаны стыли на ледящем ветру. Когда сержант выполнит задание, он даст сигнал ракетой.

Советский капитан и афганский лейтенант были друзьями, что изумляло их, когда они задумывались над этим. Правда, советский офицер старался уважать местные обычаи, а его афганский друг верил, что марксизм-ленинизм прокладывает дорогу в будущее. Что угодно будет лучше, чем вражда между племенами и кровная месть, господствовавшие в этой несчастной стране на протяжении всей ее истории. Молодого афганца рано заметили как многообещающего кандидата для идеологической обработки, вывезли на самолете в Советский Союз, где он увидел, как там хорошо живется – по сравнению с Афганистаном, особенно поразила его сфера здравоохранения. Отец лейтенанта умер пятнадцать лет назад, сломав руку, в результате заражения крови, а поскольку он никогда не пользовался благосклонностью вождя племени, то его юный сын провел отнюдь не идиллическую молодость.

Оба офицера смотрели сейчас на карту и решали, как патрулировать местность на будущей неделе. Вести патрулирование было необходимо, чтобы помешать бандитам-моджахедам приближаться к авиабазе. Сегодня патрулированием занималась вторая рота.

В командный бункер вошел сержант с телеграммой в руке. Когда он увидел двух офицеров вместо одного, на лице его не отразилось удивления. Лево́й рукой он передал конверт с радиограммой афганскому лейтенанту, в правой сжимал рукоятку ножа с лезвием, спрятанным в рукаве гимнастерки, сшитой по русскому образцу. Сержант смотрел только на офицера, которого ему поручили убить, и старался сохранить спокойствие, почувствовав пристальный взгляд русского капитана. Наконец, русский отвернулся и взглянул в амбразуру бункера. Почти в то же мгновение афганский лейтенант бросил радиограмму на карту и продиктовал ответ.

Внезапно русский повернул голову. Что-то встревожило его, он понял, что что-то здесь не так еще до того, как осознал причину. И тут он увидел, как рука сержанта стремительным движением взметнулась к горлу его друга. Советский капитан бросился к своему автомату, а афганский офицер откинулся назад, уклоняясь от удара. Ему повезло лишь потому, что нож на мгновение запутался в слишком длинном рукаве гимнастерки. Выругавшись, сержант освободил нож и рванулся вперед, нанося режущий удар по животу. Лейтенант вскрикнул от боли, но сумел схватить руку сержанта, прежде чем лезвие успело вонзиться глубоко в тело. Их лица были настолько близко, что каждый чувствовал дыхание другого. Одно лицо было слишком потрясено случившимся, чтобы выразить испуг, а другое казалось слишком разъяренным. В конце концов жизнь лейтенанта спас излишне длинный рукав сержантской гимнастерки – русский капитан щелкнул предохранителем своего автомата и очередь из десяти пуль прошла бок убийцы. Сержант упал без единого звука. Лейтенант поднес к лицу окровавленную руку. Капитан подал сигнал тревоги.

Характерный металлический стрекот автомата Калашникова донесся в четырехстах метрах от того места, где ждали сигнала моджахеды. Одна и та же мысль охватила всех – план нарушен. К сожалению, они не подумали о том, чтобы подготовить альтернативный план. Слева от них позиция, занятая третьей ротой, осветилась вспышками автоматных очередей. Солдаты стреляли

просто так, в никуда, – перед ними не было партизан, однако грохот выстрелов не мог не встревожить русских солдат, занимавших позиции в трехстах метрах отсюда. Поскольку иного выхода не было, главарь отряда послал вперед своих людей, вместе с которыми бросились почти двести афганских солдат, для которых переход на сторону бывшего противника явился облегчением. Это дополнительное подкрепление не могло внести решающего изменения в ход боя, как это можно было ожидать. У новых моджахедов не было тяжелого стрелкового оружия, за исключением нескольких пулеметов со своими расчетами, а единственный миномет никак не могли установить.

Лучник выругался, заметив, что на аэродроме, в трех километрах отсюда, погасли огни. Их заменили мелькающие точки электрических фонариков – это экипажи бежали к своим машинам. Через мгновение яркие осветительные ракеты, спускающиеся на парашютах, превратили ночь в день. Сильный юго-восточный ветер сдувал их в сторону, но взамен появлялись новые. Лучнику не оставалось ничего другого, кроме как включить свое пусковое устройство. Он видел вертолеты... и один транспортный самолет Ан-26. Лево́й рукой Лучник поднес к глазам бинокль: двухмоторный самолет с высоким расположением крыльев сидел на аэродроме, подобно спящей птице на незащищенном гнезде. К нему тоже бежали люди. Лучник снова направил бинокль в сторону вертолетов.

Первым взлетел Ми-24. Лопасты его несущего ротора рассекали разреженный воздух, он боролся с завывающим ветром, отчаянно стараясь набрать высоту. В это мгновение внутри аэродромного периметра начали вспыхивать разрывы мин. Зажигательная мина, снаряженная фосфором, упала рядом с другим «Хайндом», ее раскаленная белая вспышка воспламенила топливо в баках вертолета, и экипаж в панике стал выбрасываться на поле; у одного из пилотов загорелся комбинезон. Они едва успели отбежать от пылающего вертолета, как он взорвался, прихватив с собой еще один «Хайнд», стоящий рядом. Последнему вертолету удалось взлететь. Он исчез с потушенными огнями в темноте ночи, раскачиваясь от порывов ветра. Оба уцелевших вертолета вернутся – Лучник не сомневался в этом, – но моджахедам удалось уничтожить остальные два прямо на аэродроме, и он не ожидал такого успеха.

Зато остальная часть операции развивалась неудачно. Мины падали перед наступающими партизанами. Лучник отчетливо видел вспышки автоматных очередей и разрывы гранат. Сквозь их грохот доносились и другие звуки боя: крики людей, идущих в атаку, стоны раненых. Отсюда трудно было отличить крики русских от воплей афганцев, но это не интересовало Лучника. Ему не понадобилось напоминать Абдулу о необходимости смотреть в небо в поисках вертолетов с выключенными ходовыми огнями. Он попытался воспользоваться прибором наведения в своем пусковом устройстве, чтобы обнаружить невидимое тепло вертолетных турбин, но безуспешно. Тогда Лучник снова стал смотреть на единственный самолет, все еще стоявший на аэродроме. Возле него рвались мины, но экипаж уже включил двигатели, и крылатая машина сдвинулась с места. Лучник прикинул направление ветра и пришел к выводу, что самолет обязательно попытается взлететь навстречу ему, а затем повернет в самую безопасную сторону аэродрома. В разреженном воздухе набрать высоту будет нелегко, и, когда пилот повернет свою машину после взлета, он уберет закрылки, уменьшив таким образом подъемную силу, но увеличив скорость. Лучник хлопнул Абдула по плечу и побежал налево. Через сотню метров он остановился и снова посмотрел на советский транспортный самолет, который набирал скорость, осыпаясь фонтанами черной грязи, подпрыгивая на неровном замерзшем грунте.

Лучник замер, чтобы зенитная ракета могла взглянуть на цель, и тут же устройство наведения защебетало, ощутив тепло, исходящее от горячих двигателей самолета на фоне холодной безлунной ночи.

– Взлетная скорость! – крикнул второй пилот, стараясь перекричать шум боя и рев двигателей. Его глаза не отрывались от приборной панели, пока первый пилот все свое внимание сконцентрировал на том, чтобы удержать самолет на прямой. – Подъем!

Первый пилот взял рычаг на себя. Нос самолета поднялся вверх, и Ан-26 в последний раз подпрыгнул на замерзшей грунтовой дорожке и

оторвался от нее. Второй пилот мгновенно убрал шасси, чтобы уменьшить сопротивление воздуха и дать возможность самолету быстрее набрать скорость. Пилот наклонил самолет вправо, делая плавный поворот и уходя от того, что сверху казалось наибольшим скоплением огня из стрелкового оружия. Набрав высоту, он полетел на север, в сторону Кабула. Сидящий позади пилотов штурман не смотрел на карты. Его задача заключалась в том, чтобы каждые пять секунд выпускать осветительные ракеты, снабженные парашютами. Это делалось не для освещения поля боя, хотя и выглядело со стороны таким образом. Назначением осветительных ракет было обмануть зенитные ракеты, выпущенные с поверхности и снабженные устройствами инфракрасного наведения. В наставлении говорилось, что выпускать ракеты нужно каждые пять секунд.

Лучник тщательно следил, как запускаются ракеты. Он слышал изменения в звучании устройства наведения всякий раз, когда очередной парашют с висящим под ним грузиком вылетал из люка самолета и осветительный состав вспыхивал, заливая все вокруг ослепительным сиянием. Афганцу нужно было вести левый двигатель самолета и точно рассчитать момент пуска ракеты, если он надеялся поразить цель. Он уже рассчитал в уме ближайшую точку пролета Ан-2б – примерно девятьсот метров, – и как раз перед тем как достигнуть этой точки, из грузового отсека вылетело очередное осветительное устройство. Через секунду искатель зенитной ракеты вернулся к нормальному тону захвата цели, и Лучник нажал на спусковой крючок.

Как всегда, когда пусковое устройство дернулось в его руках, Лучник испытал чувство ни с чем не сравнимого наслаждения, близкого к сексуальному. Ему казалось, что звуки боя, кипящего вокруг, стихли и все внимание сконцентрировалось лишь на стремительно удаляющейся точке желтого пламени.

Штурман едва успел выбрать очередное осветительное устройство, как «Стингер» ударил в левый двигатель. Его первой мыслью было негодование – в наставлении напутали! Бортмеханик не испытывал подобных сомнений – автоматическим движением он нажал на кнопку аварийного выключения левой турбины. Этим было перекрыто поступление топлива к двигателю, выключено его электроснабжение, винт переведен в режим свободного вращения, и одновременно сработала система пожаротушения. Пилот надавил ногой на педаль руля управления, стараясь компенсировать занос влево, вызванный потерей тяги на одном двигателе, и тут же опустил нос самолета. Это был опасный маневр, но нужно было сделать выбор между скоростью и набором высоты, и пилот решил, что скорость сейчас важнее. Бортмеханик доложил, что топливный бак левого крыла пробит, но до Кабула всего сто километров. И тут он услышал тревожный возглас:

- Левый мотор горит!
- Включить систему пожаротушения!
- Система включена! Двигатель полностью изолирован.

Пилот с трудом победил искушение оглянуться по сторонам. Самолет находился на высоте всего ста метров, и сейчас было опасно отвлекаться от главного – от пилотирования самолета. Уголкем глаза летчик увидел вспышку оранжевого пламени, но заставил себя не обращать на это внимания. Он взглянул на горизонт, затем на указатель скорости, альтиметр и снова на горизонт.

– Теряем высоту, – услышал он голос второго пилота.

– Опустить закрылки на десять градусов, – распорядился летчик. Он решил, что скорость самолета достаточно велика, чтобы пойти на такой риск. Второй пилот опустил руку, выдвигая закрылки, и тем самым обрек на гибель и самолет и всех его пассажиров.

Взрыв зенитной ракеты повредил гидравлические шланги, управляющие левыми закрылками. От увеличенного давления, необходимого для перемещения закрылков, шланги разорвались, и закрылки на левом крыле самопроизвольно втянулись. Утрата подъемной силы с одной стороны едва не перевернула самолет, но пилот сумел выровнять его. Слишком много неприятностей происходило одновременно. Самолет начал терять высоту, и пилот завопил, требуя от бортмеханика увеличения мощности оставшегося

правого двигателя, число оборотов которого перешло далеко за красную черту – Он еще надеялся спасти самолет, но даже удержать его в воздухе было уже почти невозможно, и летчик понял, что они снижаются слишком быстро в разреженной атмосфере. Нужно совершить посадку. В последнее мгновение летчик включил посадочные прожекторы, чтобы найти ровную поверхность, но увидел перед собой лишь беспорядочное нагромождение скал. Последним сознательным усилием он направил свою «птичку» между двумя самыми большими валунами, и за секунду до того момента, когда самолет врезался в камни, у летчика вырвался крик – но это был возглас не отчаяния, а ярости,

В первое мгновение Лучнику показалось, что самолету удастся спастись. Взрыв «Стингера» у левого двигателя был отчетливо виден, но в течение нескольких секунд ничего больше не происходило. Затем за самолетом потянулся огненный хвост, и Лучник понял, что его цель смертельно ранена. Еще через тридцать секунд он увидел взрыв на земле, километрах в десяти, примерно в том направлении, куда планировался отход их отряда. Еще до рассвета он посмотрит, чего сумел добиться. Но сейчас Лучник повернулся в обратную сторону, услышав стрекочущий звук вертолета над головой. Абдул уже отбросил в сторону использованную пусковую установку и прикрепил прибор захвата цели и наведения к новой ракетной трубе, причем проделал это с быстротой и сноровкой, похвальной даже для хорошо обученного солдата. Он передал Лучнику новый «Стингер», и стрелок поднял голову вверх, разыскивая очередную цель.

Лучник не знал, что штурм авиабазы Газни терпел неудачу. Командир советского подразделения, охранявшего базу, мгновенно отреагировал на звуки стрельбы – третья рота афганского батальона продолжала вести бесполезный огонь по отсутствующему врагу, и советский капитан никак не мог исправить положение, – и русские заняли оборонительные позиции за две лихорадочные минуты, полные страха. Теперь перед афганскими партизанами находился готовый к обороне армейский батальон, укрывшийся в бетонных бункерах и

снабженный тяжелым оружием. Губительный пулеметный огонь остановил продвижение афганских партизан в двухстах метрах от позиций советских войск. Командир моджахедов и перешедший на их сторону майор попытались поднять своих людей в атаку личным примером. По их рядам пронесся свирепый вопль, но вскочивший во весь рост командир попал прямо под трассирующие пули, замер на мгновение и был отброшен в сторону подобно тряпичной кукле. Как часто случается с плохо обученными бойцами, потеря командира подорвала наступательный дух атакующих. Слух о его гибели разнесся по цепям еще до того, как командиры подразделений были уведомлены об этом по радио, и моджахеды тут же начали отступать, беспорядочно отстреливаясь. Командир советского батальона понял, что бандиты обратились в бегство, но не стал их преследовать. Для этого у него были вертолеты.

Лучник осознал, что произошло нечто страшное, когда русские минометы начали выпускать осветительные снаряды в другом направлении. Один из вертолетов уже наносил ракетные удары по моджахедам и обстреливал их из пулеметов, но Лучник не мог отыскать его в ночном небе. Затем он услышал крики своих товарищей – это были не яростные вопли идущих в атаку, а панические крики отступающих. Лучник сосредоточился и обратил все внимание на свое оружие. Теперь его помощь понадобится, как никогда раньше. Он приказал Абдулу установить запасное устройство наведения на еще одну пусковую трубу. Юноша сделал это меньше чем за минуту.

– Вон! – показал Абдул. – Справа.

– Вижу.

Серия линейных вспышек рассекла небо – это «Хайнд» стрелял из своих ракетных установок. Лучник навел пусковое устройство на место, откуда летели ракеты, и услышал в ответ щебетанье захвата – устройство наведения обнаружило цель. Он не мог определить расстояние до русского вертолета – ночью вообще дистанции обманчивы, – но приходилось рисковать. Лучник подождал, пока звук

захвата цели не приобрел постоянный тон, и выстрелил второй «Стингер» за эту ночь.

Летчик вертолета заметил момент запуска. Он висел в сотне метров над осветительными ракетами, спускающимися на своих парашютах, и, увидев вспышку, нырнул вниз, скрывшись между ними. Маневр оказался успешным. Ракетный снаряд потерял цель и пролетел мимо вертолета на расстоянии всего тридцати метров. Летчик немедленно развернул вертолет и приказал стрелку выпустить залп из десяти ракет в направлении полета «Стингера».

Лучник упал за скалу, с которой выпустил ракету. Ракетные снаряды с вертолета взорвались в сотне метров от его позиции. Значит, теперь начнется схватка один на один... а этот летчик оказался искусным противником – Лучник протянул руку за вторым «Стингером». Он всегда рассчитывал на то, что когда-нибудь столкнется с подобной ситуацией.

Однако, когда он взглянул на небо, вертолет исчез. Где он?

Летчик изменил шаг ротора ручкой управления и вместе с ветром отлетел в сторону, как его учили, чтобы замаскировать шум винта, находясь на подветренной стороне от афганца. Затем он связался по радио с командованием батальона и попросил обстрелять этот сектор осветительными снарядами. Просьбу выполнили почти мгновенно – русские хотели прикончить как можно больше афганских ракетчиков. Пока второй вертолет преследовал отступающих моджахедов, обстреливая их ракетами и поливая пулеметным огнем. летчик этого вертолета решил выследить ракетчика, обеспечивающего поддержку бандитов. Несмотря на опасность, он жаждал встречи с ракетчиком, которого считал своим личным врагом. Он удерживался на расстоянии, превышающем дальность прицельной стрельбы «Стингера», и ждал, когда осветительные ракеты превратят ночь в день.

Лучник снова пользовался устройством наведения для поисков вражеского вертолета. Такой метод был малоэффективен, но Лучник знал, что Ми-24 находится в том секторе, где его можно обнаружить, зная тактику использования советских вертолетов. Два раза ему удавалось услышать щебетание искателя, и оба раза афганец терял вертолет, который метался из стороны в сторону, менял высоту и маневрировал, стараясь сделать задачу ракетчика неосуществимой. Да, этот летчик опытен и искусен, одобрительно подумал он, поэтому его

гибель принесет настоящее удовлетворение. С неба спускались яркие осветительные ракеты на парашютах, но Лучник знал, что чередование света и тени не позволит его обнаружить, пока он неподвижен.

– Вижу движение, – доложил стрелок вертолета. – В направлении на десять часов.

– Там его не может быть, – ответил пилот. Он подал вправо ручку управления шагом ротора, соскальзывая горизонтально и обшаривая взглядом местность внизу. Русским удалось захватить несколько «Стингеров», и они провели с ними серию испытаний, определив их скорость, дальность действия и чувствительность при наведении на цель. Летчик полагал, что находится по крайней мере в трехстах метрах от ракетчика, за пределами радиуса действия ракеты, и если по нему будет произведен выстрел, он использует траекторию полета «Стингера», чтобы определить местонахождение ракетчика, и успеет подлететь к нему еще до того, как афганец приготовится к следующему выстрелу.

– Приготовь дымовую ракету, – приказал Лучник.

У юноши была с собой лишь одна дымовая ракета. Она представляла собой пластиковую трубку с направляющими плоскостями, больше походившую на игрушку. Такие ракеты были разработаны для подготовки летчиков американских ВВС, чтобы создавать впечатление боевой обстановки, чтобы люди могли испытать весь ужас положения, когда в тебя летит зенитная ракета – Дымовая ракета стоила всего шесть долларов, и все, на что она была способна, – это пролететь в течение нескольких секунд по относительно прямой траектории, оставляя за собой дымовой след. Их передали моджахедам всего лишь как средство пугать советских летчиков, когда у партизан кончаются ракеты «земля-воздух», однако Лучник нашел для них настоящее применение. Абдул пробежал метров сто в сторону и установил ракету на стартовой установке, сделанной из простой стальной проволоки. Затем юноша вернулся к своему хозяину, разматывая тонкий провод, с помощью которого производился запуск.

– Ну, русский, где ты? – спросил Лучник у ночи.

– Что-то впереди двигалось, я уверен в этом, – произнес стрелок на борту вертолета.

– Ну что ж, посмотрим. – Пилот включил свою систему управления огнем и выпустил две ракеты. Они взорвались в двух

километрах, далеко справа от позиции Лучника.

– Пуск! – крикнул Лучник. Он засек место, откуда вылетели ракеты русских, и направил туда устройство наведения. Тепловой искатель сразу защебетал.

Пилот Ми– 24 съежился, увидев язык пламени летящей ракеты, но, прежде чем он успел предпринять маневр, стало ясно, что ракета пролетит мимо. Она была запущена недалеко от того места, куда ударили две его ракеты.

– Вот ты где! – торжествуяще воскликнул он. Стрелок тут же принялся поливать место запуска пулеметным огнем.

Лучник видел поток траассирующих пуль, слышал, как они бьют по камням справа от него. Да, это был хороший летчик. Он едва не попал в цель, но, открыв огонь, поставил себя в идеальное положение для ответного выстрела. И тут же афганец запустил свой третий «Стингер» за эту ночь.

– Смотрите, их двое! – крикнул стрелок по системе внутренней связи.

Пилот уже бросил свою машину вниз и в сторону, однако на этот раз у него не было прикрытия из осветительных ракет. «Стингер» попал в одну из лопастей вертолета и взорвался. Винтокрылая машина рухнула вниз как камень. Пилоту удалось замедлить падение, но удар оказался все-таки сильным. Каким-то чудом она не загорелась. Через мгновение у окна кабины появились вооруженные люди. Один из них, заметил пилот, был капитаном советской армии.

– Что с вами, товарищ?

– Спина... – застонал пилот.

Лучник уже вскочил из-за укрытия и побежал. Сегодня ночью он слишком много испытывал благосклонность Аллаха. Оба ракетчика, оставив использованные ракетные трубы, старались теперь догнать отступающих партизан. Если бы советские солдаты начали преследование, их могли бы догнать, однако командир батальона оставил своих солдат в укрытии, а единственный уцелевший вертолет совершал облет авиабазы. Через полчаса Лучник узнал, что командир отряда убит. Когда рассветет, советские самолеты настигнут моджахедов на открытом пространстве, и потому афганцам нужно было как можно быстрее укрыться в горах. Но сначала следовало выполнить еще одно дело. Лучник взял с собой Абдула и еще трех

партизан, и они отправились к месту падения сбитого им самолета. За «Стингеры», которые поставляли им американцы, приходилось платить, – ценой были осмотр каждого сбитого самолета или вертолета и поиски снаряжения и материалов, представляющих интерес для ЦРУ.

Полковник Филитов закончил запись в дневнике. Как заметил Бондаренко, его знание военной техники были намного глубже, чем можно было предположить на основании полученного им образования. Проведя больше сорока лет в высших эшелонах Министерства обороны, Михаил Семенович научился очень многому в самых разных областях – от костюмов противохимической защиты до средств шифрования линии связи и... до лазеров. То есть он не всегда так, как ему хотелось бы, разбирался в теоретических вопросах, но зато мог описать применяющееся оборудование не хуже собирающих его инженеров. Ему понадобилось четыре часа для того, чтобы занести все это в свой дневник. Эту информацию необходимо теперь передать по соответствующему адресу. Последствия могут оказаться слишком ужасными.

Проблема системы стратегической обороны заключалась всего лишь в том, что ни одна система вооружения не являлась «наступательной» или «оборонительной» сама по себе. Назначение каждого оружия, подобно женской красоте, зависит от того, какими глазами на него смотришь или в какую сторону его направляешь, а на протяжении человеческой истории успех при ведении боевых действий всегда решался соответствующим балансом наступательных и оборонительных элементов.

Советская ядерная стратегия, думал Михаил Семенович, была куда разумнее западной. Русские стратеги не считали ядерную войну невыносимой. Их учили прагматическому подходу: эта проблема, хотя и являлась сложной, все-таки имела свое решение, пусть и не идеальное. В отличие от многих западных мыслителей они признавали, что живут в неидеальном мире. Со времен кубинского ракетного кризиса 1962 года, события, в результате которого погиб человек, завербованный Филитова, – полковник Олег Пеньковский, – советская стратегия

основывалась на простой фразе: «Ограничение понесенного урона». Дело в том, что проблема заключалась не в том, чтобы уничтожить врага с помощью ядерного оружия. Нет, при использовании ядерного оружия вопрос стоял скорее так: не следует уничтожать так много, чтобы не осталось ничего, о чем можно вести переговоры на этапе «прекращения военных действий». Умы советских стратегов занимала мысль о том, чтобы не допустить уничтожения Советского Союза ядерным оружием врага. Потеряв по двадцать миллионов человек в каждой из двух мировых войн, русские испытали достаточно и больше не хотели таких испытаний.

Задача была не простой, однако причина, по которой она стала необходимой, была в равной степени политической и технической. Марксизм-ленинизм рассматривает историю как процесс: не простой набор событий, происшедших в прошлом, а научное выражение социальной эволюции, которая найдет – должна найти – свою кульминацию в общем признании всего человечества, что марксизм-ленинизм является идеальным учением для переустройства человеческого общества. Убежденный марксист, таким образом, верил в окончательное торжество своей идеи не менее твердо, чем христианин, еврей или мусульманин верит в потустороннюю жизнь. И подобно тому как религиозные сообщества на протяжении всей истории убедительно продемонстрировали готовность распространять свою веру огнем и мечом, так и долг марксиста заключался в том, чтобы как можно быстрее превратить предвидение в реальность.

Трудность решения такой проблемы заключалась, разумеется, в том, что далеко не все люди мира разделяли марксистско-ленинскую точку зрения на историю. Коммунистическая доктрина объясняла это происками реакционных сил империализма, капитализма, буржуазии и других представителей пантеона врагов, сопротивление которых было легко предсказуемо, тогда как их тактика всякий раз непредсказуемо менялась. Подобно азартному игроку, заранее приготовившему крапленые карты, коммунисты «знали», что обязательно победят, но, так же как это случается с азартным игроком, в минуты отчаяния они неохотно признавали, что везение – или, пользуясь научным языком, непредвиденная случайность – может изменить ситуацию. У западных демократий отсутствовал должный научный подход к решению

мировых проблем и потому отсутствовал общий, объединяющий их дух, что делало их поведение непредсказуемым.

Именно по этой причине, больше чем по любой другой, Восток боялся Запада. С того самого момента, когда Ленин захватил власть в России – и переименовал ее в Советский Союз, – коммунистическое правительство тратило миллиарды на шпионаж в западных странах. Главной целью советской разведки, как и разведывательных служб всех остальных стран, было предсказать поведение противника – в данном случае стран Запада.

Однако, несмотря на бесчисленные тактические успехи, основная проблема оставалась нерешенной: снова и снова советское правительство не правильно истолковывало намерения и действия западных стран. В ядерный век непредсказуемость могла значить, что психически неуравновешенный американский президент – или, хотя и в меньшей степени, французский или английский глава государства – мог положить конец существованию Советского Союза и таким образом на несколько поколений отодвинуть неизбежное торжество мирового социализма. Для русских первая опасность являлась более серьезной, поскольку ни один русский не хотел, чтобы в мире восторжествовал социализм под китайским руководством. Наибольшую угрозу марксизму-ленинизму представлял западный ядерный арсенал; основной задачей советской военной машины была нейтрализация этой опасности. Однако в отличие от Запада русские не рассматривали предотвращение использования этого арсенала просто как предотвращение войны. Поскольку русские считали Запад политически непредсказуемым, по их мнению, недостаточно было соглашения о недопущении использования западного ядерного арсенала. Они считали необходимым ликвидировать или по крайней мере ослабить его на случай, если разногласия зайдут дальше простых слов.

Ядерный арсенал Советского Союза был рассчитан именно на решение этой задачи. Нетрудно уничтожить города противника с миллионами их жителей, а вот уничтожить вражеские ядерные ракеты намного труднее. Для уничтожения американских ракет понадобилось несколько поколений исключительно точных – и невероятно дорогих – баллистических ракет, таких, как СС-18, единственным назначением которых было превратить в радиоактивную пыль американские

«Минетмены», а также базы стратегических бомбардировщиков и подводных ракетоносцев. Почти все эти цели – за исключением авиационных баз – находились вдали от населенных пунктов;

соответственно ядерный удар, целью которого являлось устранить угрозу со стороны Запада, не обязательно приведет к мировой катастрофе. В то же самое время у американцев недостаточно точных ядерных боеголовок для того, чтобы таким же образом вывести из строя советские ракетные базы. Следовательно, у русских было преимущество – они могли нанести удар, нацеленный против ядерных баз, а не против людей.

Однако и у русских было слабое место. Оно касалось ядерных ракет морского базирования. Больше половины всех американских боеголовок размещалось на атомных подводных лодках. Командование американского военно-морского флота считало, что советские подводные лодки не способны следить за американскими ракетоносцами. Это было не совсем верно. Русским удавалось следить за ними ровно три раза за двадцать семь лет, причем не дольше четырех часов. Несмотря на целое поколение работы советского ВМФ, никто не решался предсказать, что когда-нибудь удастся достичь успеха в этой области. Сами американцы признавались, что не в состоянии «садиться на хвост» собственным подводным ракетоносцам. С другой стороны, они в состоянии были следить за советскими подводными ракетоносцами, и по этой причине русские никогда не размещали в море больше весьма незначительной части своего ядерного арсенала и до недавнего времени ни одна из сторон не имела возможности разместить на подводных ракетоносцах достаточно точные ракеты, способные нанести удар по ядерным базам.

Ситуация, однако, снова менялась. Американцы создали новое техническое чудо. Скоро на подводных ракетоносцах будут размещаться ядерные ракеты «Трайидент D-5», способные уничтожить стартовые установки баллистических ракет Советского Союза, Возникла угроза советской стратегии, напоминающая зеркальное отражение их собственного потенциала, хотя вся американская система основывалась на критически важных спутниках Глобальной сети определения координат, без которых американские подводные лодки не сумеют достаточно точно определить свою позицию и потому не смогут нанести точный удар по укрепленным установкам запуска

баллистических ракет. Запутанная логика ядерного баланса снова оборачивалась в противоположную сторону – так происходило по крайней мере один раз на протяжении жизни каждого поколения.

Уже в самом начале было признано, что ракеты являются наступательным оружием, способным одновременно выполнять и оборонительные функции, что способность уничтожить противника представляет собой классический метод как предотвращения войны, так и достижения своих целей мирным путем. То обстоятельство, что такая мощь, находящаяся в распоряжении обеих сторон, преобразила исторически доказанную формулу одностороннего устрашения в двустороннее сдерживание, сделало, однако, подобное решение проблемы не слишком приятным.

Ядерное сдерживание – это предотвращение войны угрозой взаимной катастрофы. По сути дела обе стороны заявили друг другу: если вы убьете наше незащищенное гражданское население, мы убьем ваше. Оборона больше не являлась защитой собственного общества, она превратилась в угрозу бессмысленного насилия над обществом противника. Михаил Семенович нахмурился. Ни одно племя дикарей никогда не формулировало подобную мысль, потому что даже самые дикие варвары были для этого слишком цивилизованными, но такое произошло с самыми цивилизованными нациями мира, придумавшими или, что более точно, натолкнувшимися на такую идею. Несмотря на то что, по утверждению многих, система сдерживания оправдывала себя, она означала, что Советский Союз – и Запад – жили под постоянной угрозой оружия, нацеленного им в сердце, с пальцем на спусковом крючке. Никто не считал подобную ситуацию удовлетворительной, но русские нашли, как им казалось, неплохой выход из трудного положения, а именно: создали стратегический арсенал, способный в значительной степени ослабить противника, если это понадобится в результате возникшего мирового столкновения. Располагая возможностью уничтожить значительную часть американского ядерного арсенала, русские оказались в выгодном положении: они смогут диктовать условия ядерной войны. Таким образом они сделали первый шаг к победе, и с советской точки зрения отрицание Западом того, что «победа» в атомной войне вообще возможна, стало первым шагом к поражению Запада. Теоретики обеих сторон всегда признавали неудовлетворительную природу всей

ядерной проблемы, однако и, не поднимая лишнего шума, старались решить ее другими способами.

Еще в начале пятидесятых годов и Америка и Советский Союз приступили к исследованиям в области противоракетной обороны, причем Советские занимались этими работами в районе Сары-Шаган, в юго-западной части Сибири. Реально действующая советская система ПРО была подготовлена к развертыванию в конце шестидесятых годов, но появление многоцелевых самонаводящихся боеголовок свело на нет все усилия последних пятнадцати лет – причем для обеих сторон. Борьба между наступательным и оборонительным оружием всегда склонялась в пользу первого.

Но все это в прошлом. Появление лазерного оружия и других высокоэнергетических систем, управляемых быстродействующими компьютерами, стало качественным броском в совершенно новую стратегическую ситуацию. Эффективная система защиты от американского ядерного оружия, гласил доклад Бондаренко, стала реальностью. И что это может значить?

Это значит, что атомное уравнение вернется теперь к классическому балансу наступательного и оборонительного оружия, что оба элемента могут стать частью единой стратегии. Кадровые военные считали это более удовлетворительной системой, если говорить абстрактно – в конце концов, кому хочется войти в историю как величайшему убийце? – однако сейчас начинали возникать угрожающие тактические осложнения. Выгодная ситуация и ситуация неблагоприятная; маневр и контрманевр. Американская система защиты от стратегического нападения может свести на нет всю ядерную мощь Советского Союза. Если американцы сумеют развернуть стратегическую оборону, при которой советские ракеты СС-18 окажутся не в состоянии поразить шахты с размещенными там ракетами наземного базирования, русские лишатся возможности превентивного удара, на который они рассчитывали, чтобы ущерб, нанесенный родине, оказался как можно меньшим. А это значит, что миллиарды, потраченные на ракетную программу, окажутся выброшенными на ветер.

Но это еще не все. Подобно тому как щит римского легионера рассматривался варварскими племенами в качестве оружия, позволяющего римлянину безнаказанно наносить удары мечом, так и

теперь стратегическую оборонную инициативу могут счесть щитом, из-за которого враг сможет нанести первый сокрушительный удар и затем использовать оборону, чтобы защититься от последующего ответного удара.

Такая точка зрения являлась, разумеется, упрощенной. Не существует достаточно надежной оборонительной системы, и даже если такая защита окажется действенной, Михаил Семенович не сомневался, что политические деятели сумеют найти способ использовать ее с наименьшей эффективностью – На политиков в этом смысле всегда можно положиться. Действенная система стратегической обороны всего лишь добавит новый элемент неуверенности к ядерному уравнению. Маловероятно, что любая страна сумеет уничтожить все направленные на нее ракеты, а гибель такого «небольшого» количества людей, как двадцать миллионов, явится слишком уж ужасной даже для советского руководства. С другой стороны, и не столь уж надежная стратегическая оборона может уничтожить достаточное число боеголовок, подорвав саму идею использования ядерного оружия лишь против военных баз.

Если первыми получат такую систему русские, более слабый арсенал ядерного оружия Америки, способного нанести удар по военным базам, будет отражен с большей легкостью, чем советское оружие аналогичного назначения, и стратегическая ситуация, ради которой русские трудились тридцать лет, останется неизменной. В распоряжении советского правительства окажется все самое лучшее, к чему можно стремиться: намного больше баллистических ракет точного наведения, способных уничтожить американские ракеты, и щит, чтобы ослабить силу ответного удара по советским запасным ракетным базам. Одновременно американские ракеты морского базирования будут нейтрализованы в результате уничтожения спутников Глобальной сети определения координат, без которых американские подводные ракетносцы сохраняют способность уничтожать города, но лишатся точности, необходимой для нанесения удара по русским пусковым установкам в шахтах.

Полковник Михаил Семенович Филитов представил себе стандартную с советской точки зрения ситуацию. Где-то в мире возникает кризисное противостояние (наиболее вероятным регионом для этого считался Ближний Восток, потому что никто не мог

предсказать, что там может произойти), и когда Москва начинает принимать меры для стабилизации обстановки. Запад вмешивается – как всегда глупо и неуклюже – и начинает поднимать в прессе вопрос о возможной ядерной конфронтации. Разведывательные службы молниеносно информируют Москву, что угроза ядерного удара реальна. Баллистические ракеты СС-18, входящие в состав Стратегических ракетных сил, секретным приказом приводятся в состояние боевой готовности вместе с новыми наземными установками лазерного оружия. Пока пустоголовые дипломаты из Министерства иностранных дел – военные всегда с презрением относятся к своим коллегам из дипломатического корпуса – пытаются уладить отношения, Запад начинает угрожать и перемещать войска, может быть, совершит нападение на соединение советского флота, чтобы продемонстрировать свою решимость, вне сомнения, пойдет на мобилизацию армий стран НАТО, создавая опасность вторжения в Восточную Европу. По всему миру разразится паника. И вот когда вопли Запада достигнут кульминации, ракетные силы получают приказ на запуск, и триста баллистических ракет СС-18 поднимутся со стартовых установок, причем на каждую шахту американских «Минетменов» будет нацелено по три боеголовки. Следом произойдет запуск менее мощных ракет, направленных против авиабаз и мест базирования подводных лодок, для того чтобы до предела уменьшить попутные потери – русские не захотят ухудшать ситуацию. Одновременно советские лазеры выведут из строя максимальное количество американских разведывательных и навигационных спутников, не затрагивая спутники связи – это будет рассчитано как демонстрация «добрых» намерений. Американцы не сумеют нанести ответный удар до того момента, как советские боеголовки обрушатся на выбранные цели. (Это не могло не беспокоить Михаила Семеновича, но информация, поступающая из КГБ и ГРУ, гласила, что существуют серьезные недостатки в американской командной системе, да и психологические факторы следует принять во внимание.) Не исключено, что американцы будут держать в резерве баллистические ракеты на подводных ракетносцах и произведут запуск уцелевших «Минитменов», нацелив их на советские ракетные шахты, но, по расчетам, после первого советского удара уцелеет не более двухсот или трехсот американских ядерных боеголовок наземного

базирования, и к тому же многие из них выведут из строя уже пустые пусковые шахты, да и система противоракетной обороны собьет большинство американских ракет, нацеленных на Советский Союз.

По истечении первого часа американцы поймут, что эффективность их баллистических ракет, размещенных на подводных лодках, резко ослаблена. Тщательно разработанные и сформулированные послания будут непрерывно поступать по «горячей линии» из Москвы в Вашингтон. Их содержание будет преследовать одну цель: «МЫ НЕ ДОЛЖНЫ ДОПУСТИТЬ ДАЛЬНЕЙШЕГО УНИЧТОЖЕНИЯ». И тогда, по всей видимости, американцы остановятся и задумаются. Это критически важная часть плана: заставить людей остановиться и задуматься. Атака на города может произойти в результате внезапного порыва или в приступе ярости, но не по трезвом размышлении.

Филитова не беспокоило, что каждая сторона будет рассматривать свою систему ПРО как главную причину для нанесения первого удара. В критической ситуации, однако, существование систем противоракетной обороны уменьшит опасения, мешающие запуску, – если у противника нет такой системы обороны. Таким образом, будет намного лучше, если системы ПРО будут у обеих сторон. Это сделает возможность первого удара намного менее вероятной, и потому мир станет более безопасным местом. Помешать созданию оборонительных систем сейчас невозможно. С таким же успехом можно пытаться остановить океанский прилив. Старому офицеру пришлось по душе, что межконтинентальные ракеты, несущие такие разрушения и настолько противоречащие этике войны, будут, наконец, нейтрализованы и что смерть снова будет постигать вооруженных людей на поле битвы, где ей и место...

Ну что ж, подумал он, ты устал и сейчас слишком поздно для таких глубоких мыслей. Филитов решил, что закончит доклад, после того как получит данные из окончательного текста отчета Бондаренко, сфотографирует его и передаст пленку своему связнику.

8. Передача документа

Лучник нашел место падения самолета перед самым рассветом. С ним было десять партизан и Абдул. Теперь нужно было действовать как можно быстрее. Едва солнце поднимется над горизонтом, у места катастрофы появятся русские. Лучник осмотрел с соседнего холма место катастрофы. При падении были сорваны оба крыла, а фюзеляж продолжал скользить по плавному склону, кувыркаясь и разбиваясь на части, из которых сейчас можно было узнать лишь хвостовое оперение. Он не знал – и не мог знать, – что даже для этого потребовалось незаурядное мастерство блестящего пилота, что лишь чудо позволило ему сохранить контроль над практически неуправляемым самолетом до последнего мгновения. Лучник сделал знак своим людям и быстро направился к самой большой части фюзеляжа. Там он распорядился, чтобы они начали поиски оружия, затем собрали документы, любые документы. Сам он в сопровождении Абдула пошел к тому, что осталось от хвостовой части самолета.

Как всегда, сцена катастрофы выглядела противоречиво. Часть тел была изуродована до неузнаваемости, тогда как другие внешне выглядели целыми, и смерть наступила от внутренней травмы. Эти тела казались спящими, погруженными в странный мир покоя. Они начали коченеть, но еще не замерзли, несмотря на низкую температуру. Лучник насчитал в хвостовой секции самолета шесть трупов. Все были русскими офицерами в военной форме. На одном были погоны капитана КГБ. Ремни все еще удерживали его в кресле. Розовая пена покрывала губы. Капитан, должно быть, не погиб во время катастрофы, кашлял кровью, подумал Лучник. Пинком он перевернул тело и увидел, что к левой руке цепью прикреплен кейс. Это выглядело многообещающе. Лучник наклонился над телом капитана, чтобы выяснить, удастся ли снять без особых хлопот наручник, но его надежда не оправдалась. Пожав плечами, Лучник достал нож – придется отрезать кисть. Он повернул руку поудобнее и поднес лезвие... Рука дернулась, и от пронзительного крика афганец вздрогнул. Неужели капитан все еще жив? Лучник наклонился к лицу русского, и кровавая пена брызнула вверх, когда тело капитана

дернулось в спазме мучительного кашля. Голубые глаза русского были открыты, в них отражались шок и ужас боли. Губы двигались, но слов не было слышно.

– Проверь, нет ли еще живых, – распорядился Лучник, обращаясь к своему помощнику, затем снова повернулся к капитану КГБ и произнес на пушту:

– Привет, русский. – Он помахал ножом в нескольких сантиметрах от его лица.

Капитан снова закашлялся. Теперь он полностью пришел в себя и испытывал мучительную боль. Лучник обыскал его и не нашел оружия. Когда руки афганца касались тела русского офицера, он извивался в агонии. По-видимому, переломаны ребра, хотя руки и ноги казались целыми. Капитан с трудом произнес несколько слов. Лучник понимал по-русски, но не сумел разобрать, что говорит раненый. Впрочем, понять его было нетрудно – мольба офицера была очевидной, хотя Лучнику потребовалось почти полминуты, чтобы догадаться.

– Не убивай меня...

Поняв, о чем просит капитан. Лучник продолжил обыск. Он нашел бумажник офицера и осмотрел содержимое. Фотографии, обнаруженные афганцем, заставили его изменить первоначальное намерение. У русского была жена – невысокая, с темными волосами и круглым лицом. Она не казалась красивой, хотя обладала привлекательной улыбкой. Это была улыбка женщины, адресованная мужчине, которого она любила, и тогда ее лицо освещалось светом, когда-то знакомым и Лучнику. Однако внимание афганца привлекли две другие фотографии. У русского офицера был сын. Первый снимок был сделан, по-видимому, достаточно давно – маленький мальчик двух лет, с кудрявыми волосами и лукавой улыбкой. Нельзя ненавидеть ребенка, даже если это сын русского офицера КГБ. А вот следующая фотография мальчика была настолько странной, что сходство между ними казалось крайне отдаленным. Волосы исчезли, лицо обтянуто кожей... какой-то странно прозрачной, словно страницы старинного Корана. Ребенок умирал. Сколько лет ему на этой фотографии? – подумал Лучник. Три года, может быть, четыре? Умиравший ребенок, на лице которого виднелась улыбка боли, любви и мужества. Но

почему Аллах изливает свой гнев на маленьких детей? Лучник повернул фотографию к офицеру.

– Твой сын? – спросил он по-русски.

– Умер. Рак, – объяснил раненый, затем увидел, что бандит не понял его. – Долго болел. – На мгновение по лицу русского Промелькнула маска горя, сменившая боль. Это мгновение спасло ему жизнь. С изумлением капитан КГБ увидел, что бандит убрал нож, но его страдания были настолько мучительны, что он не смог как-то отреагировать на это.

Нет, я не покараю эту женщину еще одной смертью, решил Лучник. Эта мысль поразила его самого. Казалось, голос самого Аллаха напомнил ему, что среди человеческих добродетелей милосердие уступает лишь одной вере. Этого было бы недостаточно. потому что партизан трудно убедить строкой из Корана, но тут Лучник обнаружил в кармане брюк офицера связку ключей. Одним из них он открыл замок наручников, другим – замок кейса. Внутри находилось множество документов, на каждом из которых виднелась надпись «Секретно». Это русское слово было хорошо знакомо Лучнику.

– Мой друг, – обратился он на пушту к раненому капитану, – тебе придется поговорить с моим знакомым. Если ты не умрешь по дороге, – добавил он.

– Это действительно настолько серьезно? – спросил президент.

– Потенциально – весьма, – ответил судья Мур. – Мне хотелось бы привести с собой несколько человек, способных подробно объяснить суть дела.

– Разве оценкой ситуации занимается не Райан?

– Он будет одним из этих людей. Кроме того, придет майор Грегори, о котором вы уже слышали.

Президент перелистнул настольный календарь.

– Могу выделить вам сорок пять минут. Будьте здесь в одиннадцать.

– Ясно, сэр, ровно в одиннадцать. – Судья Мур положил телефонную трубку и нажал на кнопку, вызывая секретаршу. –

Пришлите ко мне доктора Райана.

Через минуту Джек вошел в кабинет директора ЦРУ. Он даже не успел сесть.

– Встречаемся с боссом в одиннадцать. Насколько подготовлен ваш материал?

– Вряд ли я сумею объяснить физические аспекты, но с этим вполне справится Грегори. Сейчас он беседует с адмиралом и мистером Риттером. Генерал Паркс тоже будет присутствовать?

– Да.

– Понятно. Какой иллюстративный материал нужно захватить с собой?

Судья Мур ненадолго задумался.

– Не следует брать слишком много – это только собьет его с толку. Захватите пару спутниковых фотографий и приготовьте хорошую диаграмму. Вы действительно придаете этому такое значение?

– В данный момент трудно представить, чтобы это могло нам серьезно угрожать, но потенциально очень опасно. А уж воздействие на переговоры по сокращению вооружений вообще оценить невозможно. Я не думаю, что существует прямая связь...

– Нет, не существует, мы уверены в этом. – Директор ЦРУ сделал паузу и поморщился. – По крайней мере мы так считаем.

– Судья, вокруг этого вопроса происходят события, с которыми меня никто не познакомил.

– Откуда тебе это известно, сынок? – добродушно поинтересовался Мур.

– Почти всю прошлую пятницу я потратил, просматривая старые материалы, касающиеся советской противоракетной обороны. Еще в 1981 году они проводили крупное испытание с использованием установки на полигоне, размещенном в Сары-Шаган. Нам очень многое известно об этом испытании – мы знаем, например, что параметры предстоящего запуска были изменены по приказу кого-то в Министерстве обороны. Этот приказ составили в Москве и доставили фельдъегерской связью шкиперу подводного ракетносца, с которого запустили баллистические ракеты, – Марк Рамиусу. Он рассказал мне свою сторону происшедшего. На основании этого и кое-чего еще, попадавшегося мне раньше, я пришел к выводу, что в советском

Министерстве обороны у нас есть свой агент, причем занимающий очень высокий пост.

Джек на мгновение заколебался, затем решил, что нужно ознакомить директора ЦРУ со своими догадками.

– Когда «Красный Октябрь» перешел к нам, вы показали мне сообщение, поступившее от источника, тоже находящегося в Министерстве обороны и глубоко законспирированного; кодовое название на папке, насколько я помню, было «Ива». Только еще один раз мне довелось видеть папку с таким же кодовым названием, причем по совершенно иному вопросу, хотя тоже связанному с обороной. Отсюда я сделал вывод, что кодовое название источника часто и регулярно меняется. Так поступают лишь с очень ценными агентами, и если я не имею допуска к таким материалам – ну что ж, мне остается лишь сделать вывод, что этим источником очень дорожат. Всего две недели назад вы сообщили мне, что оценка Грегори, касающаяся объекта в Душанбе, подтверждена «из других источников», сэр. – Джек улыбнулся. – Вы платите мне, судья, за то, что я сравниваю полученные материалы и даю им соответствующую оценку. Я не собираюсь обижаться на то, что меня не допускают к материалам, о которых мне не следует знать, но мне начинает казаться, что происходят события, связанные с тем, чем я занимаюсь. Если вы хотите, сэр, чтобы я объяснил президенту создавшуюся ситуацию, необходимо, чтобы я владел всей необходимой информацией.

– Садитесь, доктор Райан. – Судье Муру даже не пришло в голову спрашивать Джека, обсуждал ли он с кем-нибудь свои догадки. Может быть, пришел час прибавить еще одного человека к крошечному братству людей, имеющих право знакомиться с информацией, поступающей по каналу «дельта»? На лице директора ЦРУ появилась лукавая улыбка.

– Вы с ним встречались, – сказал он и напомнил Райану обстоятельства встречи.

Джек откинулся на спинку кресла и закрыл глаза – Прошло несколько мгновений, и в памяти всплыло лицо старого полковника.

– Боже мой. Значит он передал нам эту информацию... Но сумеем ли мы воспользоваться ею?

– Он и раньше снабжал нас техническими данными. Почти всегда они оказывались полезными.

– Мы скажем об этом президенту? – спросил Джек.

– Нет, Причем по его просьбе, не по нашей. Некоторое время назад он сказал, что его не интересуют подробности тайных операций, только их результаты. Президент похож на многих политических деятелей – ему приходится много говорить. По крайней мере он оказался достаточно умным, чтобы это понять. Нам доводилось терять агентов из-за того, что президенты говорили слишком много, а некоторые конгрессмены...

– И когда вы ожидаете эту информацию?

– Скоро. Может, на этой неделе, а может, – недели через три...

– И если все пройдет успешно, мы сможем взять то, что известно русским, и прибавить к тому, что известно нам... – Райан посмотрел в окно на голые ветви деревьев. – С самого первого момента, когда я оказался здесь, я задавал себе один и тот же вопрос – по крайней мере раз в день: что наиболее удивительное в нашем управлении – то, что нам известно, или то, о чем мы ничего не знаем?

Судья Мур согласно кивнул.

– В этом и заключается игра, доктор Райан. Приготовьте материалы для предстоящего брифинга. И никаких ссылок на нашего друга. Если возникнет необходимость, я сам займусь этим.

Джек вернулся в свой кабинет, изумленно качая головой. В прошлом он уже подозревал, что допущен к делам, о которых не знает президент. Теперь подозрение превратилось в уверенность. Он задал себе вопрос, хорошо ли это, и признался, что не уверен в ответе. Но наибольшее впечатление на Райана произвела важность агента и поступающих от него сведений. Подобные прецеденты случались и в прошлом. Блестящий разведчик Рихард Зорге, работавший в Японии в 1941 году, предостережениям которого отказался верить Сталин. Олег Пеньковский, переславший на Запад информацию о действиях советских военных, которая помогла предотвратить ядерную войну во время Кубинского ракетного кризиса. И вот теперь новый агент. Джек не задумывался над тем, что он был единственным в ЦРУ, видевшим агента в лицо, но не знакомым с его именем и кодовой кличкой. Ему также не приходило в голову, что судья Мур не знал в лицо «Кардинала», на протяжении многих лет избегал взгляда на его фотографию по причинам, которые не смог бы объяснить даже своим заместителям.

Зазвонил телефон, из-под одеяла к трубке протянулась рука.

– Алло... – слышался заспанный голос.

– Доброе утро, Кэнди, – произнес Эл Грегори, он все еще находился в Лэнгли.

В двух тысячах миль от него доктор Кэндис Лонг повернулась в постели и взглянула на часы.

– Ты где, в аэропорту?

– Нет, все еще в Вашингтоне, милая. Если повезет, сегодня к вечеру вернусь домой, – он говорил усталым голосом.

– Что там у тебя происходит? – спросила она.

– Видишь ли, тут провели испытание, и мне нужно объяснить кое-кому, что это значит.

– Понятно. Позвони, когда вылетаешь обратно, Эл. Я приеду в аэропорт и встречу тебя. – Кэнди Лонг все еще не очнулась от сна и не поняла, что жених, отвечая на ее вопрос, нарушил правила безопасности.

– Хорошо. Люблю тебя, милая.

– И я тоже. – Она положила трубку и взглянула на часы, Можно поспать еще час. Кэнди решила, что поедет на работу с подругой. Эл, вылетая на запад, оставил свою машину на объекте, и она возьмет ее, когда поедет встречать его в аэропорт.

Райан посадил майора Грегори в свой автомобиль. Судья Мур поехал вместе с генералом Парксом в лимузине директора ЦРУ.

– Помните, я задавал вам вопрос: у нас есть надежда узнать о том, чем занимаются русские в Душанбе?

Джек заколебался, прежде чем ответить, затем понял, что Грегори все равно узнает об этом в Овальном кабинете.

– У нас есть источники, выясняющие сейчас, каким образом русские сумели увеличить мощность выходного сигнала.

– Хотелось бы мне знать, как это вам удастся, – заметил майор.

– А вот это вам ни к чему. Положитесь на меня. – На мгновение Райан отвел взгляд от движущегося впереди транспорта. – Если вам будет известно подобное и вы случайно проговоритесь, погибнут люди. Такое уже случалось. Русские относятся к шпионам очень жестоко. У нас все еще рассказывают случай, когда они кремировали одного – я имею в виду, его отправили в печь крематория живым.

– Бросьте! Никто не бывает настолько...

– Майор, наступит день, когда вам придется выйти из своей лаборатории и узнать, каким ужасным бывает мир. Пять лет назад была сделана попытка убить мою жену и ребенка. Убийцам пришлось пролететь три тысячи миль, чтобы совершить такую попытку, но это их не остановило.

– Ах, да! Вы именно тот, который...

– Старая история, майор. – Джек устал рассказывать о происшедшем.

– Как же все это произошло, сэр? Я хочу сказать, вы были в бою, в вас стреляли...

– Уверяю вас, тогда мне было совсем не смешно. – Джек едва не засмеялся от выбора выражения. – Пришлось действовать, вот и все. Или вы убиваете врага, или он убивает вас. Если повезет, сохраняете самообладание до тех пор, пока не исчезнет опасность.

– Тогда в лаборатории вы сказали, что служили в корпусе морской пехоты...

– Да, опыт пригодился. По крайней мере когда-то меня пытались чему-то научить. – В то время вы еще ходили в школу, подумал Джек, но не произнес этого. Хватит разговоров. – Вам приходилось встречаться с президентом?

– Нет, сэр.

– Называйте меня Джек, хорошо? Президент – неплохой парень, умеет слушать и задает разумные вопросы. Пусть вас не обманывает его сонный взгляд. Мне кажется, он поступает так, чтобы обмануть политиков.

– А их действительно легко обмануть? – поинтересовался Грегори.

Райан рассмеялся.

– Некоторых – да. На встрече у президента будет присутствовать руководитель делегации на переговорах по ограничению вооружений

дядя Эрни, Эрнест Аллен. Профессиональный дипломат старой школы. Получил образование в Дартмуте и Йельском университете. Вот он – умен по-настоящему.

– Это он считает, что нужно отдать за бесценок мою работу. Зачем он нужен президенту?

– Эрни знает, как вести переговоры с русскими, и он настоящий профессионал. Он не допускает, чтобы его личные чувства мешали работе. Откровенно говоря, я не имею представления, что он думает по всем этим вопросам. Понимаете, это походит на отношения с врачами. Хирургу совершенно не обязательно испытывать к вам теплые чувства – он просто лечит вас. Что касается мистера Аллена, так вот он знает, что нужно сидеть и слушать всю эту чепуху, которая связана с переговорами. Вот ведь вас этому никогда не учили? – Джек покачал головой и улыбнулся, глядя на проносящиеся мимо машины. – Всем почему-то кажется, что переговоры представляют собой нечто интересное, сенсационное. Это вовсе не так. Уверяю вас, я никогда не видел ничего более скучного. Обе стороны говорят одно и то же часами, они повторяют свою точку зрения каждые пятнадцать или двадцать минут, весь день, много дней подряд. Затем проходит неделя, та или иная сторона вносит небольшое изменение в свою позицию и снова начинает повторять его часами. Тогда другая сторона связывается со своей столицей, тоже вносит крошечное изменение и твердит это изменение во время переговоров. Так продолжается неделями, месяцами, даже годами. Но дядя Эрни в таких вещах настоящий дока. Ему это нравится. Лично я после недели такой работы был бы готов начать войну, лишь бы покончить с переговорами, – еще один смешок, – не повторяйте никому мои слова. Наблюдать этот процесс не интереснее, чем смотреть, как сохнет краска на стене, все это скучно и утомительно, но зато важно и далеко не каждый в состоянии хорошо справиться с такой работой. Эрни – сухой и раздражительный старик, но превосходно разбирается в своем деле и всегда добивается успеха.

– По мнению генерала Паркса, в результате этих переговоров нас лишат работы.

– Черт побери, майор, поговорите с Алленом сами. И мне было бы интересно узнать, чем кончатся переговоры. – Джек свернул с Пенсильвания-авеню следом за лимузином, в котором ехал директор

ЦРУ. Еще через пять минут Райан вместе с Грегори сидел в приемной Западного крыла Белого дома под копией знаменитой картины «Джордж Вашингтон переправляется через Делавар», пока судья Мур беседовал с Джеффри Пелтом, советником президента по национальной безопасности. В это время сам президент заканчивал совещание с министром торговли. Наконец появился агент Секретной службы и повел их по коридорам,

Как это случается с телевизионными студиями, Овальный кабинет был меньше, чем ожидалось. Райана и Грегори подвели к небольшому дивану у северной стены, но они пока не сели, потому что президент все еще стоял у своего стола. Райан заметил, что Грегори казался бледнее обычного, и вспомнил, как сам впервые оказался здесь. Даже те, кто привык бывать в Белом доме, откровенно признавались, что атмосфера Овального кабинета и сконцентрированная в нем власть наводили на них страх.

– Привет, Джек! – Президент подошел к Райану и пожал ему руку. – А вы, должно быть, и есть тот самый знаменитый майор Грегори.

– Да, сэр. – Грегори едва не задохнулся, и ему пришлось кашлянуть, чтобы прочистить горло. – То есть, господин президент, я действительно Грегори.

– Чувствуйте себя как дома и садитесь. Хотите кофе? – Он сделал жест в сторону подноса, стоящего на столике в углу кабинета – У Грегори широко открылись глаза, когда президент налил ему чашку. Райан с трудом подавил улыбку. Человек, сумевший придать президентству могущество императорской власти – как бы это ни называли, – был прямо-таки гением, когда требовалось, чтобы гости чувствовали себя непринужденно. Или старался, тут же поправил себя Джек. Процедура с чашкой кофе часто заставляла их чувствовать себя совсем неловко, и это, может быть, тоже не было случайным. – Я много слышал о вас и вашей работе, майор. Генерал утверждает, что вы его самая яркая звезда. – Генерал Парке неловко шевельнулся в кресле. Президент сел рядом с Джеффом Пелтом.

– Ну, за работу, – произнес он.

Райан открыл свою папку, достал из нее фотографию и положил на низенький столик. Рядом с ней легла диаграмма.

– Это, господин президент, спутниковая фотография того, что мы называем объектами «Бах» и «Моцарт». Они расположены на вершине горы к юго-востоку от Душанбе, в Таджикистане, примерно в семидесяти милях от афганской границы. Сама гора около семи тысяч семисот футов высотой. Мы наблюдали за этими объектами на протяжении последних двух лет. А вот это, – рядом с первой фотографией легла вторая – Сары-Шаган. В течение тридцати лет русские ведут здесь разработку системы противоракетной обороны. По нашему мнению, вот эти сооружения представляют собой полигон, где испытывается лазерное оружие. У нас есть информация о том, что на этом полигоне русским два года назад удалось добиться колоссального прорыва по части мощности лазерного оружия. Затем объект «Бах» был перестроен для размещения лазерной установки. На прошлой неделе они провели там, как нам представляется, испытание этой установки на полную мощность. Вот эта антенна из шести датчиков представляет собой лазерный излучатель.

– И они уничтожили отсюда спутник? – спросил Джефф Пелт.

– Да, сэр, – ответил майор Грегори. – Мы называем это «сбили». По спутнику был нанесен удар такой мощности, что поглощенной им энергии оказалось достаточно, чтобы расплавить часть корпуса и полностью уничтожить солнечные батареи.

– А мы не можем сделать такого же? – спросил президент у Грегори.

– Нет, сэр. Мощность выходного сигнала у нас значительно меньше.

– Но почему русские опередили нас? Разве мы выделяем недостаточно средств для разработки лазерного оружия, генерал?

Из– за недавних событий Парке чувствовал себя неловко, однако его голос звучал бесстрастно:

– И русские тоже, господин президент. Благодаря своим успехам в области термоядерного синтеза они резко продвинулись вперед. Русские вкладывали огромные средства в физику высоких

энергий, стараясь создать термоядерные реакторы. Примерно пятнадцать лет назад эти усилия начали совмещать с разработкой противоракетной обороны. Потратив столько сил и времени на фундаментальные исследования, можно рассчитывать на соответствующую отдачу, и отдача у русских получилась огромной.

Они изобрели радиочастотный четырехполосник – мы пользуемся им в наших экспериментах с лучами нейтральных частиц. Они изобрели «Токомак», использующий принцип магнитной термоизоляции высокотемпературной плазмы, – мы скопировали эту установку в Принстоне, – и они же изобрели «Гиротрон». Вот три крупнейших прорыва в физике высоких энергий, о которых нам известно. Мы использовали кое-что в наших исследованиях по стратегической оборонной инициативе, и можно не сомневаться, что и русские нашли методы практического применения своих собственных достижений.

– О'кей, что мы знаем о проведенном русскими испытании?

Снова пришла очередь Грегори.

– Сэр, нам известно, что лазерный импульс имел своим источником Душанбе, потому что два других полигона с мощными лазерными установками – Сары-Шаган и Семипалатинск – находились за видимым горизонтом, то есть они не могли оттуда увидеть спутник. Нам также известно, что это не был инфракрасный лазер – в противном случае луч был бы замечен датчиками на самолете «Кобра-Белл». По моему мнению, для этой установки используется лазер на свободных электронах...

– Совершенно верно, – послышался голос судьи Мура, – наши источники подтвердили это.

– Именно с таким лазером мы работаем на объекте «Чайный клипер». Нам представляется, что он обладает наибольшим потенциалом для использования в качестве оружия.

– Разрешите поинтересоваться, майор, почему вы так считаете? – спросил президент.

– Эффективность создания мощного импульса, сэр. Лазерный пучок образуется в потоке свободных электронов – это значит, что они не соединены с атомами, как при обычных условиях, – в пустоте. Мы используем линейный ускоритель для создания потока электронов и посылаем его в полость, по оси которой направлен луч маломощного лазера. Замысел заключается в том, чтобы можно было использовать электромагниты для придания электронам колебания поперек направления их движения. В результате мы получаем световой луч, совпадающий с частотой колебаний сдерживающих магнитов, – это значит, что можно настраивать частоту, сэр, как в радио. Изменяя энергию луча, вы получаете возможность выбрать именно ту световую

частоту, которую производите. Затем можно снова вернуть электроны обратно в линейный ускоритель и еще раз направить их в лазерную полость. Поскольку электрон уже обладает высокой энергией, вы приобретаете здесь огромную мощность. Короче говоря, сэр, теоретически можно выбросить в качестве лазерного импульса сорок процентов энергии от того ее количества, которое вы загнали в лазерное устройство. Если удастся достигнуть этого с достаточно высокой степенью надежности, вы получаете возможность уничтожить все, что находится в пределах вашей видимости, – когда мы говорим о высокоэнергетических уровнях, сэр, мы пользуемся относительными величинами. По сравнению с тем количеством электроэнергии, которое требуется нашей стране для приготовления пищи, количество энергии, нужное для системы лазерной обороны, просто ничтожно. Фокус заключается в том, чтобы заставить ее работать для нужной нам цели. Вот этого мы еще не сумели добиться.

– А почему? – Теперь президент заинтересовался проблемой по-настоящему и даже слегка наклонился вперед.

– Мы все еще учимся, постигая то, как действует лазер, сэр. Основная проблема в лазерной полости – именно там энергия покидает электроны и превращается в световой луч. До сих пор нам еще не удалось сделать эту полость широкой. При слишком узкой полости у нас получается настолько высокая плотность мощности, что она сжигает оптическое покрытие как на самой плоскости, так и на зеркалах, используемых для направления луча в нужную сторону.

– Но ведь русским удалось решить эту проблему. Как, по-вашему, они сумели этого добиться?

– Я знаю, что мы пытаемся сделать сами. Концентрируя энергию в лазерном луче, мы забираем энергию от электронов, и они становятся менее напряженными энергетически, так? Это означает, что нам приходится сужать магнитное поле, сдерживающее их, – и не забудьте, что в то же самое время нельзя прекращать колебательное действие самого поля. Вот в этом нам пока не удалось разобраться. Русские, возможно, сумели понять это и сделали прорыв на основе исследований энергии термоядерного синтеза. Все методы получения энергий путем управляемой термоядерной реакции основываются на использовании магнитного поля для удержания огромной массы высокоэнергетической плазмы – в принципе это то же самое, что мы

пытаемся сделать со свободными электронами. Основная часть фундаментальных исследований в этой области физики осуществлена в России, сэр. Они опережают нас, потому что использовали больше средств и времени в наиболее важном месте.

– Хорошо, майор, благодарю вас. – Президент повернулся к судье Муру. – А какова точка зрения ЦРУ, Артур?

– Ну что ж, мы не собираемся оспаривать точку зрения майора Грегори – он только что потратил целый день, проводя брифинг с сотрудниками нашего научно-технического управления. Нам удалось получить подтверждение, что русские располагают шестью лазерами на свободных электронах, которые размещаются на этом объекте. Им удалось добиться прорыва в мощности лазерного импульса. и сейчас мы стараемся узнать, в чем конкретно заключается этот прорыв.

– И вы сумеете сделать это? – спросил генерал Парке.

– Я сказал, что мы стараемся, генерал. Если нам здорово повезет, то к концу месяца получим ответ.

– Ну хорошо, мы знаем, что они могут построить очень мощный лазер, – сказал президент. – Следующий вопрос: это является оружием?

– Нет, наверно, господин президент, – ответил генерал Парке. – По крайней мере – пока нет, У русских по-прежнему немало проблем с термальным рассеиванием, потому что им не удалось скопировать нашу регулируемую оптику. Они получили огромное количество новейшей технологии с Запада, но ее получить им до сих пор не удалось. До тех пор пока у них в руках не будет регулируемой оптики, они не смогут использовать наземный лазер так, как используем его мы, то есть отражать луч от находящегося на орбите зеркала к отдаленной цели. Но то, что сейчас имеется в их распоряжении, может, по-видимому, нанести огромный ущерб спутнику на низкой орбите. Разумеется, существуют способы защиты спутников от этого, но все сводится к тому же старому соревнованию между мощной броней и еще более мощной боеголовкой, В конце концов победу одерживает боеголовка.

– Именно поэтому мы и должны провести переговоры, чтобы положить конец вооружениям, – впервые заговорил Эрни Аллен. Генерал Паркс взглянул на него с нескрываемым раздражением, – Господин президент, сейчас мы услышали намек – всего лишь намек –

на то, насколько опасным может быть такое оружие, какой дестабилизирующий эффект оно может оказать. Даже если рассматривать объект в Душанбе в качестве оружия, направленного против спутников, вообразите возникающие последствия для проверки выполнения условий договора о сокращении вооружений, да и для сбора, разведывательных данных вообще. Если мы не попытаемся остановить дальнейшее совершенствование этих средств сейчас, мы окажемся втянутыми в гущу хаоса.

– Нельзя остановить прогресс, – заметил Парке.

– Прогресс? – презрительно фыркнул Аллен. – Черт возьми, сейчас перед нами на столе лежит проект соглашения об ограничении вооружений наполовину. Вот это прогресс, генерал. Во время проведенного вами испытания над Южной Атлантикой половина ваших импульсов не попала в цель – с помощью нашего соглашения я тоже могу устранить половину ракет.

Райану показалось, что генерал собирается вскочить со своего кресла, но вместо этого Парке скрылся за маской интеллектуала.

– Мистер Аллен, это было первое испытание нашей экспериментальной установки, и мы поразили половину целей. Более того, на все ушло менее секунды. Майор Грегори решит проблему наведения к лету – верно, сынок?

– Так точно, сэр! – воскликнул Грегори. – Нам нужно всего лишь изменить – частично изменить – код.

– Хорошо. Если люди судьи Мура сумеют сообщить нам, как русским удалось добиться увеличения мощности своих лазеров, мы располагаем системой уже проверенной и готовой. Через два-три года в нашем распоряжении окажется окончательно усовершенствованная система – и тогда мы сможем серьезно задуматься над ее развертыванием.

– А если русские начнут сбивать ваши зеркала, находящиеся в космическом пространстве? – сухо поинтересовался Аллен. – В вашем распоряжении окажется лучшая лазерная система наземного базирования, но защитить она сумеет только штат Нью-Мексико,

– Сначала им придется найти их, а это гораздо более серьезная задача, чем это вам кажется. Мы сумеем разместить зеркала очень высоко, от трехсот миль до тысячи, использовать технологию «стеле», которая делает их «невидимыми» для радиолокаторов. В отношении

зеркал это осуществимо в отличие от большинства спутников. Зеркала будут относительно маленькими и легкими. Это значит, что мы сможем развернуть в космосе их большое количество. Вы представляете себе, насколько велико космическое пространство и сколько тысяч обломков космического мусора обращается вокруг Земли? Русским не удастся сбить все наши зеркала, – уверенно закончил Парке.

– Джек, ты виделся с русскими. Каково твое мнение? – обратился президент к Райану.

– Господин президент, мы боремся сейчас с навязчивой идеей русских о необходимости защитить свою страну от нападения извне. Они потратили на работы в этой области тридцать лет и огромные средства. Еще в бытность президента Джонсона Косыгин сказал: «Обороняться – морально, нападать – безнравственно». Это говорил русский, а не просто коммунист. Если уж быть откровенным, с этим трудно не согласиться. Если мы окажемся втянутыми в новый виток гонки, по крайней мере это будет гонка оборонительных вооружений, а не наступательных. Согласитесь, трудно убить лазером миллион гражданских лиц, – заметил Райан.

– Но это изменит весь баланс сил, – возразил Эрнест Аллен.

– Баланс сил, существующий в настоящее время, может быть, и достаточно стабилен, но все-таки в своей основе безумен, – пожал плечами Райан.

– Однако он действует. Он поддерживает мир.

– Мистер Аллен, мир, который основывается на балансе сил, представляет собой непрерывный кризис. Вы утверждаете, что можете сократить арсеналы вооружений наполовину – ну и что? Можно сократить советские ядерные силы на две трети, и все-таки у них останется достаточно боеголовок, чтобы превратить Америку в крематорий. То же самое относится и к нашему арсеналу. Как я сказал вам во время полета из Москвы, проект договора о сокращении вооружений, рассматриваемый сейчас, – всего лишь космический. Он никому не гарантирует дополнительной безопасности. Это соглашение – всего лишь символ, может быть, очень важный, но только символ без какого-либо реального содержания.

– Ну, я в этом не уверен, – заметил генерал Парке. – Если вы сократите количество целей, которые мне предстоит уничтожить,

наполовину, я ничего не буду иметь против,

Аллен бросил на него раздраженный взгляд.

– Если нам удастся выяснить, что русские делают что-то по-иному, мы сможем воспользоваться этим? – спросил президент.

– Если ЦРУ представит нам информацию, которую мы сможем использовать. Как ваше мнение, майор? – Парке повернул голову в сторону Грегори.

– В этом случае у нас будет система оружия, которую мы сможем продемонстрировать уже через три года и получим возможность развернуть через пять-десять лет после этого, – произнес Грегори.

– Создается впечатление, что вы уверены в этом, – заметил президент.

– Да, сэр, я уверен. Как это происходило с программой «Аполлон», сэр. Речь идет не о создании новой науки, а скорее о том, как использовать технологию, уже имеющуюся в нашем распоряжении. Останется только вопрос, так сказать, сборки болтов и гаек,

– Вы – очень уверенный в себе молодой человек, – заметил Аллен профессорским тоном.

– Да, сэр, я уверен в себе. Мне кажется, что это нам по силам. Вы знаете, мистер Аллен, ваши задачи не так уж отличаются от наших. Вы хотите избавиться от ядерных боеголовок – и мы тоже. Может быть, мы сможем помочь вам, сэр.

Точно в цель! – подумал Райан, поспешно скрывая улыбку. Послышался едва слышный стук в дверь. Президент взглянул на часы.

– Нам придется закончить на этом. Мне нужно обсудить с министром юстиции вопросы борьбы с наркотиками. Благодарю всех за плодотворное обсуждение. – Он последний раз взглянул на фотографию Душанбе и встал. Остальные последовали его примеру и вышли один за другим через дверь, скрытую в белой, гладко оштукатуренной стене.

– А ведь это было умное замечание, малыш, – негромко заметил Райан, обращаясь к Грегори.

Кэнди Лонг подошла к ожидавшему ее у дома автомобилю. За рулем сидела подруга, с которой они учились в Колумбийском университете, доктор Беатрис Тауссиг, тоже занимавшаяся оптической физикой. Они дружили еще со студенческой скамьи. Беатрис была более броской, чем Кэнди. Она лихо ездила на «Ниссане 300Z», спортивной машине, и могла доказать это немалым количеством штрафов за нарушение правил уличного движения. Тем не менее автомобиль вполне гармонировал с ее одеждой, прической и особенно нагло-презрительным отношением к мужчинам, отшвыривающим их словно тряпичные куклы.

– Доброе утро, Беа. – Кэнди Лонг скользнула в машину и пристегнула ремни еще до того, как захлопнула дверцу. При езде с подругой Беатрис это было просто необходимо – хотя сама хозяйка демонстративно не пристегивалась.

– Плохо спала, Кэнди? – Этим утром на Беатрис был строгий, хотя и не совсем мужского покроя, костюм и шелковый шарф на шее. Доктору Лонг трудно было понять смысл всего этого: когда проводишь весь день одетой в дешевый белый лабораторный халат, кого интересует то, что находится под ним, разве что Эла, но его интересовало еще и то, что скрывалось под тем, что было под тем... подумала она про себя и улыбнулась.

– Я сплю лучше, когда он дома,

– А куда он уехал? – спросила Тауссиг.

– В Вашингтон, – Кэнди широко зевнула. Раннее солнце бросало тени на дорогу перед автомобилем.

– Зачем? – Беатрис переключила скорость и стремительно вылетела с боковой дороги на шоссе, Кэнди почувствовала, как ее прижало к ремням безопасности. Почему ее подруга считает необходимым так водить машину? Это совсем не гранпри «Монако».

– Он сказал, что кто-то провел испытание и теперь ему нужно объяснить кому-то подробности.

– Гм-м... – Беатрис посмотрела в зеркало заднего обзора и продолжала гнать на третьей скорости, шныряя в оживленном транспортном потоке часа пик. Она мастерски выбрала момент и втиснулась в пространство всего на десять футов длиннее ее «Нисана». Сзади послышался раздраженный гудок водителя, которого она подсекла. Беатрис только улыбнулась. Одновременно та часть ее мозга,

которая не была занята управлением, отметила, что испытание, о котором говорил Эл, проводилось не в Америке. К тому же проводится не так много испытаний, по поводу которых требуются объяснения этого отвратительного ублюдка. Беа не понимала, что интересного нашла Кэнди в Эле Грегори. Любовь, говорила она себе, слепа, а также глуха и глупа – в особенности глупа. Бедная простушка Кэнди Лонг, она могла бы найти себе куда более привлекательного компаньона – или компаньонку. Если бы только Беа удалось жить с Кэнди в одной комнате в университетском общежитии... если бы только она могла дать ей понять... – Когда возвращается Эл?

– Может быть, сегодня вечером. Он обещал позвонить. Я поеду в его автомобиле. Он оставил его у лаборатории.

– Не забудь, прежде чем садиться в машину, положить полотенце на сиденье, – хихикнула Тауссиг. Грегори ездил в «Шевроле ситейшн». Именно такой автомобиль и подходит ублюдку, подумала Беатрис. Машина была забита целлофановыми обертками от «чизбургеров», и Грегори мыл свою машину раз в год, независимо от того, нуждалась она в этом или нет. Беатрис попыталась представить себе, как он ведет себя в постели, но тут же подавила эту мысль. Только не так рано утром, не сразу после завтрака. Мысль о ее подруге, живущей с таким мужчиной... кожа у Тауссиг покрылась мурашками. Кэнди так наивна, так невинна... так глупа, ко всему прочему. Хотя, может быть, еще и одумается... Надежда пока не потеряна.

– Как продвигается работа над твоим алмазным зеркалом?

– Проект «УРНМИТ»? Подожди еще год, и тогда узнаем что-то определенное. Жаль, что ты больше не работаешь в моей группе, – заметила доктор Лонг.

– В административной группе у меня доступ к более широкому спектру деятельности, – ответила Беа с поразительной честностью. – К тому же я знаю, что далеко не так умна, как ты.

– Зато красивее, – задумчиво произнесла Кэнди.

Беа повернулась и взглянула на подругу. Да, надежда еще не потеряна.

Михаил Семенович прочитал доклад к четырем часам. Бондаренко объяснил, что задержка была связана с занятостью машинисток, допущенных к совершенно секретным материалам. В докладе была сорок одна страница, включая диаграммы. Молодой полковник выполнил свое обещание, заметил Филитов. Он не пожалел времени и изложил все технические моменты четко и ясно. Всю прошлую неделю Михаил Семенович потратил на чтение материалов о лазерах, которые сумел найти в папках. Хотя он не так и понимал принципы их действия, его тренированная память запомнила все технические детали. Филитов чувствовал себя чем-то вроде попугая. Он мог повторять слова, не понимая их значения. Ну и ладно, этого достаточно.

Он читал медленно, запоминая текст по мере продвижения. Несмотря на деревенский выговор и грубые выражения, ум старого полковника был гораздо острее, чем думал Бондаренко. Но казалось, что и этого не требовалось. Наиболее важная часть открытия выглядела достаточно просто: речь шла не об увеличении генерирующего резонатора, а о том, чтобы его форма соответствовала магнитному полю. При соответствующей форме размеры резонатора можно было увеличивать почти бесконечно, и новым ограничивающим фактором становилась часть устройства, работающая на сверхпроводниках, управляющих магнитными импульсами. Полковник вздохнул. Запад опять опередил Советский Союз. У русских не было соответствующих материалов. Поэтому, как всегда, КГБ добыл их на Западе, на этот раз переправив через Чехословакию и Швецию. Неужели мы никогда не научимся изготавливать все сами?

В заключительной части доклада говорилось, что оставалась еще одна проблема, связанная с оптическими и компьютерными системами. Придется выяснить, что делают наши разведслужбы по этому вопросу, подумал Филитов. Наконец он потратил двадцать минут на изучение чертежей нового лазера. После того как он понял, что может закрыть глаза и вспомнить каждую подробность, воспроизвести в памяти малейшую деталь, полковник положил доклад полковника Бондаренко обратно в папку. Филитов посмотрел на часы и нажал кнопку, вызывая секретаря. Через несколько секунд в дверях появился прапорщик.

– Слушаю, товарищ полковник.

– Отнесите вот это в секретную часть – раздел 5, совершенно секретный. Да, где мешок для сжигания сегодняшних документов?

– У меня, товарищ полковник.

– Принесите его.

Прапорщик вышел в приемную и мгновение спустя вернулся с холщовым мешком, ежедневно наполняемым документами, предназначенными для уничтожения в специальном помещении. Михаил Семенович взял мешок и начал бросать в него секретные материалы.

– Можете отправляться. Я отнесу мешок по пути к машине.

– Спасибо, товарищ полковник.

– Вы немало потрудились сегодня, Юрий Ильич. До свидания.

Когда за прапорщиком закрылась дверь, Филитов достал пачку дополнительных страниц, представляющих собой документы, не имеющие отношения к министерству. Почти каждую неделю он сам относил мешок с документами, предназначенными для сжигания, в отведенное для этого помещение. Прапорщик, занимающийся у Филитова канцелярской работой, считал, что полковник делал это по доброте сердечной и еще потому, что среди документов могли оказаться особо секретные материалы. Как бы то ни было, этот обычай установился задолго до того, как он начал работать в канцелярии полковника, и служба безопасности относилась к этому, как к самому будничному явлению. Через три минуты, по пути к ожидающему его автомобилю, Михаил Семенович вошел в подвальное помещение, где уничтожались документы. Молодой сержант приветствовал его, как собственного дедушку, и тут же открыл дверцу печи. У него на глазах герой Сталинграда поставил на пол свой портфель, искалеченной рукой открыл мешок и поднял его здоровой рукой, вывалив примерно с килограмм секретных документов в пылающую пасть газовой печи, расположенной в подвале Министерства обороны. Сержант не имел представления, что помогает старому офицеру уничтожить доказательства государственной измены. Полковник расписался в журнале, засвидетельствовав, что уничтожил документы своего отдела. Затем он дружески кивнул молодому сержанту, повесил мешок на отведенный для него крючок и направился к служебному автомобилю, ожидавшему у подъезда.

Сегодня призраки снова навесвят его, Михаил Семенович знал это, а завтра он поедет в парную баню, и еще один пакет со сведениями отправится на Запад, По пути к квартире шофер остановил машину у специального закрытого продовольственного магазина, посещать который могли только избранные, советская элита. Здесь не было очередей. Михаил Семенович купил колбасу, буханку черного хлеба и пол-литра водки – лучшей, «Столичной». В качестве дружеского жеста он даже прихватил бутылку и для своего шофера. Для молодого сержанта бутылка «Столичной» была лучше денег.

Пятнадцать минут спустя, войдя в свою квартиру, Михаил Семенович извлек дневник из ящика письменного стола и прежде всего начертил в нем схему, приложенную к докладу полковника Бондаренко. Каждые несколько минут он поднимал глаза на фотографию жены в серебряной рамке. В основном окончательный вариант доклада мало отличался от рукописного черновика, представленного ему первоначально. Пришлось написать всего десять страниц, тщательно занося в дневник критически важные формулировки. Отчеты «Кардинала» всегда были образцом краткости и четкости – результат написанных им бесчисленных оперативных директив. Закончив с дневником, он надел перчатки и прошел в кухню. На обратной стороне западногерманского холодильника была прикреплена на магнитах маленькая камера. Несмотря на перчатки, Михаил Семенович без труда обращался с ней. Ему потребовалась лишь минута, чтобы сфотографировать новые страницы дневника, после чего он перемотал пленку и достал из камеры кассету, которую положил в карман. Затем, по-прежнему не снимая перчаток, он убрал камеру в тайник, подошел к окну и соответствующим образом раздвинул шторы. Он был очень осторожным человеком. При внимательном осмотре наружной двери, ведущей в его квартиру, будут обнаружены царапины вокруг замка, убедительно демонстрирующие, что его открывал отмычкой настоящий эксперт. Вообще-то эти царапины могли быть сделаны кем угодно. Когда подтвердится, что его доклад находится в Вашингтоне – это покажут черные отпечатки шин на определенном участке обочины, – Михаил Семенович вырвет страницы из дневника, принесет их в кармане в министерство, положит в мешок и лично уничтожит в печи. Двадцать лет назад

газовая печь для сожжения лишних секретных документов была установлена в подвале министерского здания под его наблюдением,

Закончив работу, полковник Михаил Семенович Филитов снова посмотрел на фотографию Елены и спросил ее, правильно ли он поступил. Но Блена только улыбалась, глядя на него, как всегда. Миновало столько лет, подумал он, а прошедшее все еще тревожит меня. Он покачал головой. Дальше последовала заключительная часть ритуала. Михаил Семенович ел хлеб и колбасу вместе со своими давно погибшими товарищами времен Великой Отечественной войны, но не мог заставить себя спросить тех, кто погиб, защищая Родину, оправдывают ли они его измену. Ему казалось, что старые товарищи поймут его даже лучше, чем Елена, но все-таки не решался спросить их. Выпитая бутылка водки тоже не давала никакого ответа, но по крайней мере от спиртного призраки куда-то исчезли. Он с трудом встал из-за стола и вскоре после десяти часов повалился в постель, не выключая света в гостиной.

Едва пробило одиннадцать, по широкому бульвару, на который выходили окна квартиры Филитова, проехал автомобиль, и голубые глаза мужчины, сидящего за рулем, посмотрели на освещенные окна. На этот раз в машине сидел Эд Фоули. Его внимательный взгляд проверил положение штор. По пути домой Эд оставил еще один тайный знак. Проверять их будет московский рабочий, занимающийся уборкой мусора. Все эти знаки были незаметными – вроде пометки мелом на фонарном столбе, но все вместе они дадут команду группе, занятой передачей информации, находиться завтра на предписанных им местах. На рассвете еще один сотрудник ЦРУ, работающий в американском посольстве в Москве, осмотрит оставленные ночью знаки, и в случае сигнала тревоги сам Фоули распорядится отменить намеченную операцию.

Хотя его работа была весьма напряженной, кое-какие ее аспекты, связанные с ней, казались Эду Фоули забавными. Так, русские сами облегчили его задачу, поселив «Кардинала» в здании, выходящем на оживленный бульвар. Далее, так феноменально запутав ситуацию с новым зданием американского посольства, они лишили его сотрудников возможности жить в специально отведенном им доме и вынудили, тем самым самого Фоули или его жену каждый вечер проезжать по этому бульвару. Наконец, русские с такой радостью

приняли их старшего сына в свою хоккейную команду. Вот без этого он будет скучать после отъезда отсюда, подумал Фоули, вылезая из машины. Теперь детский хоккей нравился ему больше бейсбола. Ну что ж, остается играть в футбол, решил Эд. Ему не хотелось, чтобы его сын играл в американский футбол. Слишком много детей получали тяжелые травмы в этой игре, да и мальчик был невысоким. Но все это в будущем, а Эду нужно беспокоиться в первую очередь о настоящем.

Разговаривать в квартире следует с большой осторожностью, тщательно выбирая слова. Каждая комната в каждой квартире, занятой американцами, содержит больше микрофонов, чем муравьев в муравейнике, однако на протяжении этих лет Эд и Мэри-Пэт привыкли жить в прослушиваемой квартире и даже шутили над этим. Войдя в прихожую и повесив пальто, Эд поцеловал жену и одновременно пощекотал ей ухо. Она хихикнула, поняв скрытый смысл этого жеста, хотя оба смертельно устали от постоянного напряжения, связанного с выполняемой ими работой. Еще несколько месяцев, и они уедут, так что ждать осталось недолго.

– Как прошел прием? – спросила Мэри-Пэт ради всеслышающих микрофонов.

– Как всегда – скучища, – прозвучал стандартный ответ.

9. Возможности

Беатрис Тауссиг не написала отчет, хотя оговорка, сделанная Кэнди, и показалась ей достаточно важной. Беатрис имела допуск почти ко всему, что происходило в Лос-Аламосской национальной лаборатории, но ей никто не говорил о незапланированном испытании, и хотя кое-какая работа, связанная со стратегической оборонной инициативой проводилась в Европе и Японии, участия Грегори в качестве переводчика для этой работы не требовалось. Следовательно, испытание проводилось в России и, если маленького ублюдка ради этого вывезли самолетом в Вашингтон – он, вспомнила Беа, оставил свой автомобиль рядом с лабораторией, значит, за ним прислали вертолет, – не иначе это было связано с чем-то важным. Доктор Тауссиг не любила Грегори, но ничуть не сомневалась в качестве его мозгов. Интересно, подумала она, что это было за испытание, но Беа не обладала допуском к тому, чем занимались русские, и это дисциплинировало ее любопытство. То, чем она занималась, было опасным.

Но ведь это и делает жизнь интересной, правда? На лице ее появилась улыбка.

– Троих не хватает. – Русские, находящиеся за оцеплением из афганских солдат, осматривали каждый обломок сбитого Ан-26. Слова принадлежали майору КГБ. Ему не приходилось раньше осматривать место катастрофы самолета, и лишь благодаря холодному ветру, дующему прямо в лицо, он сумел удержать съеденный утром завтрак.

– Один из них – ваш? – Пехотный капитан Советской Армии, еще совсем недавно служивший советником при командире батальона марионеточной афганской армии, огляделся по сторонам, проверяя, насколько надежно его солдаты охраняют периметр места падения самолета. С его желудком все было в порядке. Величайшим шоком в его жизни была попытка распороть живот находившемуся рядом

афганскому другу, и капитан думал о том, выдержит ли тот срочную операцию.

– Да, мы не можем его найти. – Фюзеляж самолета раскололся на несколько частей. Пассажиры, сидевшие в передней части, оказались залиты авиационным топливом при ударе о землю и обгорели настолько, что опознать их было невозможно. И все-таки солдаты собрали останки почти всех мертвых пассажиров. Всех, кроме троих, и теперь судебно-медицинским экспертам предстоит определить, кто погиб и кого не удалось обнаружить. Обычно к жертвам авиакатастроф не относились с таким вниманием – формально сбитый Ан-26 принадлежал Аэрофлоту и не был самолетом ВВС, – однако в данном случае к опознанию погибших приложили максимальные усилия. Исчезнувший капитан служил в Девятом управлении КГБ и совершал инспекционную поездку по этому району, проверяя личный состав и охрану определенных секретных объектов. У него находились в высшей степени секретные документы, но, что было еще более важно, капитан знал многих сотрудников КГБ и чем они занимались. Документы, находившиеся при нем, могли погибнуть при пожаре – удалось обнаружить остатки нескольких кейсов, сожженных до пепла, – но пока не будет подтверждена смерть самого капитана, в центре, в Москве, будет немало недовольных.

– У него осталась семья – точнее, вдова. Сын умер месяц назад, насколько мне это известно. По-видимому, от рака, – негромко заметил майор КГБ.

– Надеюсь, о его жене позаботятся должным образом, – произнес капитан.

– Да, у нас существует отдел, который занимается такими делами. А они не могли унести его с собой?

– Трудно сказать. По крайней мере мы знаем, что они были здесь. Афганцы всегда грабят сбитые самолеты, стараясь найти оружие. А вот документы? – Капитан пожал плечами. – Мы воюем с неграмотными дикарями, товарищ майор – Сомневаюсь, что они могут проявлять интерес к каким-либо документам. Они могли узнать по форме, что он офицер КГБ, и унести тело, чтобы изуродовать его. Вы даже не представляете, что они делают с пленными.

– Варвары, – пробормотал майор КГБ. – Сбивать невооруженный авиалайнер! – Он посмотрел по сторонам, «Лояльные» афганские

солдаты – вот уж излишне оптимистическое название для них, проворчал он, – укладывали тела и останки в резиновые мешки, которые будут отправлены на вертолете в Газни, а оттуда в Москву для опознания. – А если они унесли с собой тело моего офицера?

– В этом случае мы никогда его не найдем. Вероятность остается, конечно, но самая малая. Всякий раз, когда увидим кружащих над чем-то стервятников, будем высылать к этому месту вертолет, но... – Капитан покачал головой. – Вероятнее всего, товарищ майор, что его тело уже у вас. Потребуется время, чтобы подтвердить это.

– Бедняга. Он ведь даже не оперативник – работал в штабе. Да и район не его, просто офицер; кому принадлежала эта территория, попал в больницу с воспалением желчного пузыря, вот он и вызвался взять на себя его обязанности в дополнение к своим.

– А где он обычно работал?

– В Таджикистане. Думаю, он решил, что лишняя нагрузка отвлечет его от личных проблем.

– Как чувствует себя, русский? – спросил пленного Лучник. Моджахеды не могли обеспечить раненого какой-нибудь медицинской помощью. Ближайшая группа медиков – французские врачи и медицинские сестры – находились в пещере недалеко от Хазан-Хель. Сейчас туда направлялись те раненые афганцы, которые могли передвигаться. Что касается тяжело раненных... им ничем помочь не могли. У партизан был достаточный запас болеутоляющих лекарств, в том числе ампулы морфия швейцарского производства, его вводили умирающим, чтобы облегчить их страдания, В некоторых случаях морфий облегчал им переход в мир иной, однако тех, кто подавал надежды на выздоровление, укладывали на носилки и несли на юго-восток, к пакистанской границе. Те, кому удавалось вынести шестидесятимильный переход, получали настоящую медицинскую помощь в чем-то похожем на больницу, рядом с заброшенным ныне аэродромом в Мирам-Шахе. Лучник вел туда свою группу. Ему удалось убедить партизан, что захваченный русский принесет им больше пользы живым, чем мертвым, и что американцы хорошо вознаградят

их за офицера русской секретной полиции с его документами. Лишь один глава племени мог успешно выступить против таких аргументов, но он погиб во время боя. Моджахеды поспешно похоронили его тело в соответствии с обычаями их веры. И сейчас он был уже в раю. Теперь отряд возглавлял Лучник – как самый опытный и преданный воин.

Кто бы мог сказать, глядя в его ледяные глаза и прислушиваясь к холодным словам, что впервые за три года в его сердце найдется место жалости? Даже он сам испытывал удивление. Почему в его голову пришли такие мысли? Или это воля Аллаха? Не иначе, решил он. Кто еще мог помещать мне убить русского?

– Больно, – послышался наконец шепот раненого, однако милосердие Лучника не распространялось так далеко. Моджахеды несли морфий лишь для своих раненых. Убедившись, что за ними никто не наблюдает, Лучник передал капитану КГБ фотографии его близких. На мгновение его взгляд смягчился. Русский офицер посмотрел на афганца с удивлением, преодолевшим даже боль. Здоровой рукой он взял фотографии и прижал их к груди. На лице капитана отразилась благодарность вместе с изумлением. Он подумал о своем умершем сыне и собственной судьбе. Худшее, что может случиться с ним, пронеслось сквозь туман вновь нахлынувшей боли, – это то, что он присоединится к своему ребенку, где бы тот ни находился. Афганцы уже не смогут причинить ему больших страданий, чем те, которые он пережил как душой, так и телом. Капитан достиг того мгновения, когда боль превратилась в наркотик, агония стала знакомой, даже приятной. Он слышал, что такое возможно, но не верил рассказам.

Он по– прежнему не мог мыслить достаточно четко. В охватившем его сумеречном состоянии капитан не мог понять, почему все еще жив. В Москве он слышал о том, как афганцы обращаются с пленными... Но ведь именно поэтому ты и вызвался на это задание в дополнение к собственным обязанностям, напомнил он себе. Сейчас капитан думал о предстоящей участи и о том, как навлек ее на себя,

Ты не должен умирать, Валерий, ты должен жить. У тебя есть жена, и она уже достаточно страдали, подумал он. Даже сейчас ей так больно... Мысль исчезла, словно по собственной воле. Капитан сунул фотографии в грудной карман и отдался накатывающейся тьме, теряя

сознание, пока его тело боролось за жизнь. Он не пришел в себя, когда его привязали к доске и положили на повозку. Лучник повел свой отряд дальше.

Михаил Семенович проснулся от звуков битвы, разрывающих голову. На улице было все еще темно – до рассвета оставалось немало времени, – и первым действием старого полковника было пройти в туалет, сполоснуть лицо холодной водой и проглотить три таблетки аспирина. Его тело содрогнулось в приступе рвоты, но в желудке было пусто – показалась только горькая желчь. Михаил Семенович выпрямился и посмотрел в зеркало, чтобы убедиться в том, как отразилась измена на Герое Советского Союза. Он, разумеется, не мог – не хотел – прекращать свою деятельность, но... посмотри, Миша, что делается с тобой. Когда-то ясные голубые глаза стали красными и безжизненными, румяное лицо – серым, как у трупа, складки кожи свисают вниз, а седая щетина скрывает черты лица, которое когда-то называли красивым. Он вытянул правую руку – шрамы, как всегда, стягивали ее, походили на пластик. Ничего не поделаешь. Михаил Семенович сполоснул рот и пошел в кухню готовить кофе.

По крайней мере у него еще остался хороший кофе, купленный в магазине, доступ в который открыт только «номенклатуре», и сделанная на Западе кофеварка, чтобы готовить его. Старик задумался: а не стоит ли что-нибудь поесть, затем решил ограничиться одним кофе. Всегда можно пожевать хлеб в кабинете. Через три минуты кофе был готов. Он выпил чашку, не обращая внимания на то, как горячая жидкость обжигает рот и горло, затем снял трубку телефона и вызвал машину. Ему нужно было выехать из дома пораньше, и, хотя он не сказал, что собирается заехать в баню, сержант, сидящий у телефона на автобазе Министерства обороны, догадался об этом.

Двадцать минут спустя Михаил Семенович появился на улице. Его глаза слезились, и он болезненно щурился от холодного северо-западного ветра, пытавшегося загнать старого офицера обратно в подъезд. Водитель-сержант едва было не подбежал к полковнику, чтобы поддержать его, но Филитов чуть наклонился, сопротивляясь

невидимой руке природы, и сел в машину, как всегда, словно залезая перед боем в свой старый Т-34.

– В баню, товарищ полковник? – спросил водитель, садясь за руль.

– Ты продал водку, которую я тебе дал?

– Да, конечно, товарищ полковник, – ответил молодой сержант.

– Молодец. Это куда полезнее, чем ее пить. Едем в баню и побыстрее – с притворной суровостью произнес полковник, – может быть, мне удастся выжить.

– Если уж у немцев не получилось убить вас, товарищ полковник, сомневаюсь, что несколько капель хорошей русской водки могут вам повредить, – весело заметил водитель.

Михаил Семенович засмеялся и даже острую боль в голове воспринял с юмором. Сержант и внешне походил на ефрейтора Романова.

– А вам не хочется стать офицером?

– Нет, спасибо, товарищ полковник, я надеюсь закончить университет. Мой отец химик, и мне хочется пойти по его стопам.

– Вашему отцу повезло, сержант. Ну, поехали.

Через десять минут автомобиль остановился перед Сандуновскими банями. Сержант открыл дверцу для полковника, затем поставил машину в месте, где стоянка запрещалась, но откуда был виден выход. Он закурил сигарету и открыл книгу. Такая служба ему нравилась, по крайней мере это куда лучше, чем ковылять по колено в грязи в составе мотострелковой роты. Сержант взглянул на часы. Старик выйдет из бани примерно через час. Бедняга, подумал про него сержант, он так одинок. Почему герою войны пришлось столько пережить?

Внутри бани процедура была отработана настолько, что старый полковник мог бы проделать все и во сне. Раздевшись, он прихватил полотенце, тапочки и березовый веник и направился в парилку. Сегодня он появился здесь раньше обычного, и завсегдатаи еще не пришли. Это его устраивало. Он плеснул воду на раскаленные кирпичи, сел на полку и принялся терпеливо ждать, когда пар выгонит похмелье из его больной головы. В разных углах парилки сидели еще три клиента. Он узнал двух, но не был знаком с ними, да и разговаривать никому не хотелось. Михаил Семенович тоже

предпочитал оставаться в одиночестве. Ему было больно даже открывать рот, и аспирин почему-то никак не действовал этим утром.

Прошло еще пятнадцать минут, и пот ручьями стекал по белому телу Филитова. Он поднял голову, увидел банщика, услышал обычное объявление относительно выпивки – никто не выразил желаний, – а также сообщение о пользе плавания в бассейне. Казалось, что для банщика такая фраза была самой обычной, однако ее скрытое значение звучало по-другому: «все в порядке. Я готов к приему информации». Вместо ответа Филитов подчеркнул размашистым жестом, привычным для пожилых людей, вытер пот со лба. Это означало: «сейчас». Банщик вышел. Михаил Семенович начал медленно считать до трехсот. Когда он добрался до двухсот пятидесяти семи, один из соратников-алкоголиков, сидевших в парилке, встал и вышел. Полковник обратил на это внимание, но не проявил никакого беспокойства. У него была слишком большая практика. Досчитав до трехсот, он встал, с трудом разогнув коленные суставы, и молча вышел из парилки.

В раздевалке воздух был намного холоднее, но Михаил Семенович тут же увидел, что второй мужчина еще не ушел. Он стоял и о чем-то разговаривал с банщиком. Филитов терпеливо ждал, когда банщик обратит на него внимание. Наконец молодой человек заметил его, направился к нему, полковник сделал несколько шагов навстречу, поскользнулся на выбитой плитке и едва не упал. Инстинктивно он вытянул вперед здоровую руку. Банщик подхватил его – или по крайней мере попытался подхватить. Березовый веник упал на пол.

Молодой человек быстро поднял веник и помог Михаилу Семеновичу встать. Через несколько секунд он снабдил его свежим сухим полотенцем для душа и усадил на скамью.

– Вы не ушиблись, товарищ? – послышался голос с другого конца раздевалки.

– Нет, спасибо. Старые колени и этот неровный старый пол. Никак не могут отремонтировать...

– А следовало бы. Пошли, я провожу вас в душ, – предложил мужчина. Лет сорока, он ничем не отличался от других посетителей бани, за исключением красных глаз. Еще один пьяница, сразу определил Филитов. – Значит, вы были на войне?

– Да, в бронетанковых войсках. Последний снаряд из немецкого танка накрыл меня, но я успел прикончить его, в битве на Курской дуге.

– Мой отец воевал там – он служил в Седьмой гвардейской армии под командованием Конева.

– Я был на другом фланге – Вторая танковая армия, у Константина Рокоссовского. Это был мой последний бой.

– Понятно, почему, товарищ...

– Филитов, Михаил Семенович, полковник бронетанковых войск.

– Меня зовут Климентий Владимирович Ватутин, но я не военный герой. Очень рад нашему знакомству, товарищ полковник.

– Приятно, когда к старому солдату проявляют уважение.

Отец Ватутина действительно принимал участие в Курской битве, но в качестве начальника политотдела. Он ушел в отставку полковником НКВД, и сын последовал по стопам отца, служил теперь в той же организации, переименованной в КГБ.

Через двадцать минут полковник ехал на службу, а банщик выскользнул через заднюю дверь и вошел в химчистку. Пришлось вызвать приемщика из мастерской, где он занимался насосом. В качестве меры элементарной предосторожности мужчина, принявший из руки банщика кассету, не знал – по крайней мере так считалось – ни его имени, ни места работы. Он сунул кассету в карман, передал банщику три пол-литровых бутылки водки и вернулся к своим обязанностям. Его сердце колотилось, как всегда в эти дни. Приемщик с удовольствием думал о том, что его прикрытие, скрывавшее настоящую службу в качестве агента американской разведки, приносило немалую пользу в денежном отношении. Левая торговля спиртным обеспечивала ему хороший доход в «сертификатных» рублях, на которые можно было покупать западные товары и отличные продукты в валютных магазинах. С другой стороны, подумал он, насколько велико напряжение при выполнении каждого задания. Он подошел к умывальнику и начал смывать масло с рук – только что закончил ремонт насоса. Вот уже шесть месяцев приемщик химчистки обеспечивал связь, теперь его работа близилась к концу, хотя он и не знал этого. Им по-прежнему будут пользоваться для передачи информации, но уже не для «Кардинала». Найдет себе другую работу и банщик, и эта линия связи, состоящая из незаметных агентов,

исчезнет, и даже всевидящее око Второго главного управления КГБ – контрразведки – не сможет обнаружить никаких следов. Таковы были планы.

Спустя пятнадцать минут в химчистку вошла постоянная клиентка с одним из своих английских пальто. Это был «акваскутум» с отстегивающейся подкладкой. Как всегда, она попросила отнестись особенно внимательно к ее вещи, проявить максимальную осторожность при чистке, и приемщик, как обычно, кивнул и сказал, что это самая лучшая химчистка во всем Советском Союзе. Правда, у него не было печатных бланков, и ему пришлось выписать квитанцию от руки в трех экземплярах на копировальной бумаге. Один экземпляр он приколол булавкой к пальто, другой положил в ящик, а третий... Но сначала приемщик проверил, не оставила ли женщина что-то в карманах,

– Гражданка, вы забыли мелочь. Я вам очень благодарен, но лишние деньги нам не нужны. – Он вернул ей несколько монет, квитанцию и кое-что еще. Все так просто. Ведь никто не заглядывает в карманы – как на Западе.

– О-о, вы такой честный человек, – произнесла женщина с каким-то странным формализмом, принятым в Советском Союзе. – До свидания, товарищ.

– До свидания, – отозвался приемщик. – Следующий, пожалуйста!

Женщина – ее звали Светлана – направилась, как всегда, к станции метро. У нее было достаточно времени, и она шла не спеша, готовая ко всяким трудностям при передаче кассеты. Как всегда, московские улицы были полны спешащих, никогда не улыбающихся людей, многие из которых с завистью поглядывали на ее заграничное пальто. У Светланы было немало самой разной одежды, привезенной из-за рубежа, куда она часто ездила в командировки, что составляло часть ее работы в Госплане, советском департаменте, занимающемся планированием экономики. В Англии ее завербовала Британская разведывательная служба. Ее услугами пользовались при передаче информации от «Кардинала», потому что у ЦРУ в Советском Союзе было не так уж много своих агентов, и ей всегда поручалась передача сведений в средней части цепочки и никогда ни на одном из ее концов. Кроме того, она передавала Западу свою информацию, но эта информация не представляла особого интереса, и ее редкие услуги в

качестве курьера были вообще-то намного полезнее, чем передаваемые ею сведения по экономике, которыми она так гордилась. Сотрудники британской разведки, под руководством которых она работала, не говорили ей об этом, разумеется; каждый шпион считает, что в его – или ее – распоряжении находится жизненно важная информация, необходимая для Запада. Это делало игру только более интересной, и, несмотря на идеологические (или иные) мотивы, шпионы рассматривали свое занятие как исключительно интересную игру, поскольку, занимаясь ею, им удается водить за нос могущественные организации в собственных странах. Светлане действительно нравилось существование на краю жизни и смерти, хотя она не понимала причины этого. Кроме того, она считала, что ее отец, занимающий очень высокое положение в партийной иерархии – он был одним из самых влиятельных членов Центрального Комитета партии, – сможет защитить ее, если возникнет такая необходимость. В конце концов, разве не благодаря его влиянию ей разрешают ездить на Запад два или три раза в год? Ее отец, по мнению Светланы, был напыщенным и высокопарным человеком, но она – его единственный ребенок, мать единственного внука, и вся его жизнь обращалась вокруг нее.

Светлана спустилась на станцию «Кузнецкий мост» в тот момент, когда от перрона поезд только отошел. Всегда трудно точно рассчитать время. В часы пик поезд в московском метро ходят каждые тридцать секунд. Светлана взглянула на часы и снова оказалось, что ее расчет точен. Человек, которому она должна передать кассету, прибудет следующим поездом. Она пошла по платформе к тому месту, где будет находиться передняя дверь второго вагона поезда, чтобы первой оказаться внутри. В этом ей помогла одежда. Ее часто принимали за иностранку, а москвичи относились к иностранцам с уважением, словно к благородному сословию – или к серьезно больным. Ей не пришлось долго ждать. Скоро послышался грохот приближающегося поезда. Головы людей, поящих на перроне, как всегда, повернулись в его сторону, из туннеля показались яркие огни, и сводчатый зал станции наполнился визгом тормозов. Двери открылись, и из вагона хлынул поток пассажиров. Затем Светлана вошла внутрь и сделала несколько шагов в глубь вагона. Там она подняла руку, схватилась за металлический поручень над головой – сиденья были заняты и ни один

из мужчин даже не подумал уступить ей место – и повернулась лицом в сторону движения поезда. Ее левая рука со снятой перчаткой была в кармане пальто.

Светлана еще ни разу не видела лица мужчины, с которым встречалась в вагоне метро, но знала, что мужчина видит ее. Кем бы он ни был, стройная фигура Светланы ему нравилась. Она догадалась об этом по его сигналу опознания. В битком набитом вагоне из-под газеты «Известия» появлялась мужская рука, гладила ее по левой ягодице, а на этот раз она на мгновение остановилась и чуть стиснула... Это было что-то новое, и Светлана с трудом удержалась от желания взглянуть на мужчину. А вдруг он хороший любовник? Она не возражала бы против еще одного. Ее бывший муж был таким... нет. Лучше не смотреть, так более романтично, в русском стиле думать о мужчине, лица которого она никогда не видела, но который находит ее красивой и желанной. Светлана держала кассету между большим и указательным пальцами, ожидая, когда поезд через две минуты остановится на станции «Пушкинская». Ее глаза были закрыты, а на губах играла едва заметная улыбка – она мечтала о внешности и мужских достоинствах связника, рука которого ласкала ее ягодицу. Подобная сцена привела бы в ужас руководящего ею сотрудника британской разведки, но сама Светлана не подавала признаков волнения.

Поезд начал останавливаться. Пассажиры встали и вместе с теми, кто стоял, столпились у выхода. Светлана достала руку из кармана. Кассета была скользкой – от влаги или от какого-то вещества, используемого при химчистке, она не знала. Мужская рука покинула ее бедро, последний раз нежно скользнула по нему и поднялась, чтобы принять в ладонь крохотный металлический цилиндр.

Пожилая женщина, стоящая позади нее, неожиданно споткнулась и толкнула связника, рука которого выбила кассету из пальцев Светланы. На мгновение она не осознала происшедшего, но тут поезд остановился, и мужчина упал на колени, пытаясь схватить кассету. Светлана посмотрела вниз скорее с изумлением, чем с ужасом – мужчина оказался лысым, а венчик волос над ушами был седым – оказывается ее связник был стариком! В следующую секунду он схватил кассету и вскочил на ноги. Старый, подумала она, но такой живой, и тут обратила внимание на его римский профиль и очертания

крепкой челюсти – да, он, по-видимому, отличный любовник и, наверно, терпеливый, что еще лучше. Связник выскочил из вагона, и Светлана выбросила его из головы. Она не заметила, что какой-то мужчина, сидевший с левой стороны вагона, успел вскочить и, растолкав входящих пассажиров, выбежать следом за мгновение до того, как закрылись двери.

Мужчину звали Борис, и он направлялся домой отсыпаться после ночного дежурства в здании КГБ. Обычно Борис по пути домой читал газету «Советский спорт», но сегодня он забыл купить ее в киоске и сейчас случайно заметил на грязном черном полу вагона метро предмет, который мог быть только кассетой, причем слишком маленькой для обычного фотоаппарата. Он не заметил момента передачи и не видел, кто выронил ее. Борис заключил, что кассету выронил мужчина лет пятидесяти, и обратил внимание на то, с какой ловкостью тот сумел подхватить ее с пола. Успев выскочить из вагона, он понял, что стал свидетелем передачи кассеты, но был слишком удивлен, чтобы отреагировать должным образом, слишком удивлен и слишком устал после долгого ночного дежурства.

Раньше Борис был оперативником и работал в Испании, но у него случился сердечный приступ, его отправили домой и сделали дежурным офицером в отделе. По своему званию он был майором. Борис считал, что за проделанную в прошлом работу заслужил звание полковника, но в этот момент его мысли касались совершенно иного. Он быстро окинул взглядом платформу, пытаясь увидеть седого мужчину в коричневом пальто. Вон он! Борис быстро пошел следом, чувствуя, как у него покалывает в левой стороне груди. Однако он не обратил на это внимания. Несколько лет назад он бросил курить, и врач в медсанчасти заметил, что изменений к худшему у него нет. Сейчас он был уже в пяти метрах от мужчины и решил не приближаться. Самое главное – терпение. Борис последовал за седым мужчиной по переходу на станцию «Горьковская» и на платформу. Теперь положение стало щекотливым. Платформа была запружена людьми, спешащими на работу, и он потерял визуальный контакт с преследуемым. Низкорослый сотрудник КГБ не мог наблюдать за седым мужчиной в толпе. Может быть, пойти на риск и сблизиться еще больше? Но это значит, что придется проталкиваться через толпу... и привлекать к себе внимание. Это опасно.

Борис получил, разумеется, соответствующую подготовку, но с тех пор прошло больше двадцати лет, и теперь он лихорадочно пытался вспомнить, что предписывали наставления в таких случаях. Он был знаком с тем, как следует вести себя при подобных операциях, как опознать себя при встрече со связником и как избавиться от преследования, но Борис был все-таки сотрудником Первого главного управления, а слежка относилась к профессии сыщиков из Второго главного управления и не входила в число его навыков. Как же мне поступить? – билось у него в голове. Ведь ему представилась такая сказочная возможность! Сотрудники разведки, вполне естественно, ненавидели своих коллег из контрразведки, и превзойти одного из них в его собственной профессии... А вдруг это всего лишь тренировка? Может быть, он станет предметом насмешек и оскорблений со стороны сотрудника «Двойки», следящего сейчас за коллегой-связником? Что же делать? Борис оглянулся вокруг, надеясь увидеть контрразведчика, преследующего курьера. Он, разумеется, не узнает его в лицо, но может распознать сигнал «уйди, ты мешаешь». Он смутно припомнил такой сигнал – Но нет, никакого сигнала. Время уходит, нужно принимать решение. Несмотря на холод, царящий на станции, Борис чувствовал, как струйки пота стекают по телу. Боль в груди усилилась и усложнила стоящую перед ним дилемму. Он знал, что на всех станциях московского метро находились тайные телефоны, каждый офицер КГБ умел пользоваться ими, но Борис понимал, что он не имеет на то времени.

Иного выхода нет – он должен преследовать мужчину, придется рискнуть. В конце концов он был опытным офицером-оперативником и сделал все, чтобы заметить сигнал, означающий, что он мешает работе. Сотрудники «Двойки» могут выругать его, но Борис знал, что руководство Первого главного управления придет на выручку. Все, решение принято, и даже боль в груди отступила. И все-таки нужно установить с мужчиной визуальный контакт. Майор начал проталкиваться через толпу, слыша ругань и недовольное ворчание, и натолкнулся, наконец, на группу рабочих, которые что-то обсуждали. Борис вытянул шею, пытаясь увидеть... Вот он, все еще на платформе и смотрит направо. Грохот приближающегося поезда вызвал у Бориса вздох облегчения.

Он стоял на перроне, стараясь не смотреть на преследуемого, услышал, как с шипеньем открылись двери поезда, затем шум выходящих пассажиров и шарканье ног входящих в вагон.

Борис повернулся, наконец, и, к своему ужасу, увидел, что вагон полон! Седой мужчина был внутри, а двери забиты людьми, пытающимися протиснуться дальше. Офицер КГБ побежал к соседней двери и успел вскочить в вагон, прежде чем двери закрылись. Несмотря на эту удачу, Борис понял, что привлек, наверно, к себе внимание, но теперь было уже поздно. Поезд начал набирать скорость, и он принялся проталкиваться вперед. Пассажиры не могли не заметить его странное поведение. Он увидел, что кто-то поправил шляпу, а несколько человек перевернули страницы газет – любой из этих жестов мог быть сигналом, предостерегающим об опасности.

Один из жестов действительно предостерегал курьера об опасности. Эд Фоули уже отворачивался в сторону, поправив очки правой рукой в перчатке, сжимавшей перчатку с левой руки. Связник тут же взглянул вперед и начал обдумывать маневр ухода. Фоули рассчитывал собственные движения. Связник прежде всего избавится от кассеты, вытащив пленку из цилиндрика и подвергнув ее воздействию света. После этого он выбросит кассету в ближайшую урну. Насколько Эд помнил, такое случалось дважды, и в обоих случаях курьеру удавалось избежать ареста. Связники хорошо подготовлены и знают, как поступать, сказал себе он. «Кардинала» предупредят о неудаче, он заснимет еще одну кассету и... но такого еще никогда не происходило за время пребывания Фоули в Москве, и сейчас ему понадобилось напряжение всех внутренних сил, чтобы сохранить бесстрастное выражение лица – Связник неподвижно застыл на месте. Он сошел на следующей станции. В конце концов он не сделал ничего необычного, ничего такого, что могло бы показаться со стороны необычным. Он скажет, что нашел этот странный предмет – вы говорите, что это кассета с пленкой, товарищ? – с высывающейся из него пластиковой лентой на полу вагона и подобрал, чтобы выбросить в урну, разве не нужно следить за чистотой в метро? Опустив руку в карман, мужчина пытался вытащить пленку из кассеты. Тот, кто производил съемку, всегда оставлял торчащими несколько миллиметров, чтобы можно было выдернуть пленку и засветить. По крайней мере так ему говорили при инструктаже. Но

кассета была скользкой, и он никак не мог схватиться за край пленки. Поезд остановился, и связник вышел на перрон. Он не знал, кто следит за ним. Ему было известно лишь одно – он получил сигнал об опасности, передача отменяется, и в соответствии с этим сигналом он обязан уничтожить пленку. Однако никогда раньше ему не приходилось делать этого – Мужчина старался не смотреть по сторонам, вместе со всей толпой, направляясь к выходу. Что касается Фоули, он даже не смотрел в окно вагона. Напряжение было почти сверхчеловеческим, но он заставил себя сохранять спокойствие, больше всего опасаясь подвергнуть опасности жизнь связного.

Курьер стоял сейчас на ступеньке движущегося вверх эскалатора. Еще несколько секунд, и он окажется на улице. Там он найдет переулок, чтобы засветить пленку, и решетку канализации, куда бросит кассету вместе с сигаретой, которую только что сунул в рот. Всего лишь одно ловкое движение – и, даже если его арестуют после этого, не окажется никаких улик, а его объяснение, которое он повторял ежедневно и помнил наизусть, может сбить КГБ с толку. Теперь его шпионская карьера закончилась, в этом он отдавал себе отчет и даже изумился охватившей его волне облегчения, словно погрузился в теплую ванну.

Холодный воздух послужил напоминанием о реальности, но солнце уже вставало, и небо было поразительно голубым и чистым. Он повернул направо и пошел к узкому переулку в половине квартала от метро, а также, канализационной решетке, которой он воспользуется. К этому моменту сигарета будет уже выкурена – это еще один трюк, в котором он практиковался. Теперь нужно только вытянуть пленку из кассеты и засветить ее на солнце... Черт побери. Мужчина снял вторую перчатку и потер руки, затем зацепил край пленки ногтями. Наконец-то! Он смял вытянутую пленку, сунул кассету обратно в карман и...

– Одну минуту, товарищ. – Карие глаза окликнувшего были настороже, и крепкая рука стиснула кисть связного, все еще держащего кассету в кармане. Его другая рука была опущена в карман пальто. – Покажите, что вы держите в руке.

– Что вам от меня нужно? – негодуяюще произнес курьер. – В чем дело?

Правая рука незнакомца шевельнулась в кармане.

– Я – человек, который застрелит вас прямо на улице, если вы откажитесь показать, что держите в руке. Меня зовут Борис Чурбанов, и я майор КГБ. – Чурбанов тут же понял, что его звание скоро изменится. Глядя на выражение лица седого мужчины, можно было предположить, что Борис вот-вот станет полковником.

Через десять минут Фоули сидел у себя в кабинете. Он послал одного из своих людей – женщину – проверить сигнал, гласящий, что связной успешно отделался от кассеты. Он все еще надеялся, что его страхи оказались напрасными, что он проявил излишнюю осторожность и мужчина, поспешно вскочивший в вагон, всего лишь обычный служащий, боящийся опоздать на работу. Но... но лицо этого мужчины выглядело лицом профессионала. Фоули не мог сказать почему, но теперь он не сомневался. Он положил руки на стол и несколько минут смотрел на них, обдумывая ситуацию.

В чем причина ошибки? – спросил он себя. И в этом он тоже получил хорошую подготовку, его научили анализировать свои действия шаг за шагом, стараться найти недостатки, ошибки... Может быть, за ним следили? Да, конечно, часто он замечал за собой слежку подобно всем американцам, работающим в посольстве. Обычно на хвост ему садился мужчина, которого он мысленно окрестил Джорджем. Но Джордж появлялся не слишком часто. Русские ни в чем не подозревали Фоули – в этом он был уверен. Эта мысль тут же застряла у него в голове. Когда занимаешься разведывательной деятельностью, уверенность в чем угодно – самый верный путь к катастрофе. Вот почему он никогда не нарушал профессиональных привычек, никогда не отступал от процедур, усвоенных им во время подготовки в Кэмп-Пири, что на реке Йорк в Виргинии, и общепринятых тогда во всем мире.

Ну что ж. Следующее, что ему надлежало сделать, было предопределено. Фоули прошел в центр связи и послал телекс в Туманную Долину. Этот телекс, впрочем, был адресован в почтовый ящик, куда поступали сообщения, всегда говорящие о чем-то экстраординарном. Не прошло и минуты после получения его в

Вашингтоне, как дежурный офицер выехал из Лэнгли в Госдепартамент за текстом. Формулировка телекса звучала невинно – в отличие от содержания: «НЕПРИЯТНОСТИ ПО КАНАЛУ „КАРДИНАЛ“. ПОЛНАЯ ИНФОРМАЦИЯ СЛЕДУЕТ».

Его отвезли не на площадь Дзержинского. Штаб-квартира Комитета госбезопасности, в течение столь длительного времени служившая тюрьмой, местом заключения и пыток для всех, кто попадал сюда, превратилась теперь исключительно в служебное здание, поскольку, в полном соответствии с законом Паркинсона, управление расширялось до тех пор, пока не заняло все свободное место. Теперь допросы проводились в Лефортовской тюрьме, за квартал от кинотеатра «Спутник». Места там было достаточно.

Он сидел в комнате один. Меблировкой служили стол и три стула. Связному и в голову не пришло оказать сопротивление, и даже сейчас он не понял, что если бы бросился бежать или попробовал сопротивляться арестовавшему его мужчине, то мог бы скрыться и остаться на свободе. Дело не в том, что у майора Чурбанова был пистолет – на самом деле оружия у него не было, – но просто русские, не знающие, что такое свобода, часто не представляют себе, что за нее можно активно бороться. Связной увидел конец жизни и воспринял это с фатализмом. Он не был лишен чувства страха, но боялся лишь того, что предстояло. Разве можно бороться с судьбой, сказал он себе,

– Итак, Чурбанов, что у вас произошло? – задал вопрос капитан Второго главного управления КГБ, офицер лет тридцати.

– Поручите кому-нибудь проявить вот это, – майор передал ему кассету. – По моему мнению, этот человек – связник. – Чурбанов описал, что он видел и как поступил. Он не сказал капитану, что сам перемотал пленку обратно в кассету. – Я заметил его чисто случайно, – закончил он свой рассказ.

– Я даже не подозревал, что сотрудники ПГУ знают, как это делается, товарищ майор. Здорово вы его скрутили!

– Сначала я испугался, что по ошибке прервал одну из ваших операций, и потому...

– В этом случае вы сейчас все уже поняли бы. Необходимо составить полный отчет о случившемся. Пройдите с сержантом, он проводит вас к стенографистке. А я пока вызову группу, которая выслушает вас и задаст все необходимые вопросы. На это потребуется время. Если хотите, можете позвонить жене.

– Прежде всего пленка, – настаивал Чурбанов.

– Да, конечно. Я сам отнесу ее в лабораторию. Идите с сержантом, я подойду к вам через десять минут.

Лаборатория находилась в противоположном крыле тюрьмы. У Второго главного управления имелся там небольшой отдел, потому что «Двойка» вела в Лефортово немало дел. Капитан пришел туда в удачный момент: все задания были уже выполнены и обработка пленки началась немедленно. Ожидая, когда проявят пленку, капитан позвонил своему полковнику. Пока невозможно было разобраться в том, что удалось раскопать майору из ПГУ, но казалось почти несомненным, что это связано со шпионажем, а подобные случаи всегда считались исключительно важными. Капитан покачал головой. Подумать только, старый боевой конь и к тому же бывший оперативник натолкнулся на такое.

– Все, готово. – Техник вышел из фотолаборатории. Он проявил пленку и сделал один отпечаток, он был все еще влажный. Техник вернул капитану проявленную пленку в кассете, уложенной в маленький конверт из плотной бумаги. – Пленка была засвечена и затем снова перемотана в кассету. Мне удалось спасти лишь часть одного кадра. Очень интересно, но я не имею представления, о чем там идет речь.

– А остальное?

– Ничего нельзя сделать. После того как светочувствительный слой экспонирован при дневном свете, изображения, содержащиеся на нем, полностью уничтожены.

Капитан тем временем смотрел на увеличенный отпечаток единственного частично сохранившегося кадра. Это была какая-то диаграмма с заглавием печатными буквами. Слова в верхней части диаграммы гласили: "Комплекс I объекта «Яркая звезда», а еще одна надпись «Лазерная антенна». Капитан выругался и выбежал из комнаты.

Когда он вернулся, майор Чурбанов пил чай с группой, ведущей допрос. Атмосфера была дружеской. Теперь она станет совсем сердечной.

– Товарищ майор, возможно, вам удалось обнаружить что-то исключительной важности, – произнес капитан.

– Служу Советскому Союзу, – ответил майор звучным голосом. Это был идеальный ответ – именно так рекомендовала отвечать партия. Не исключено, что ему удастся из майоров сразу стать полковником, минуя промежуточное звание подполковника...

– Ну-ка покажите, – протянул руку начальник группы расследования, полковник по званию, и внимательно осмотрел единственный отпечаток. – Это все?

– Остальная пленка засвечена.

Полковник хмыкнул. Это затруднит работу, но не составляет непреодолимых трудностей. Диаграммы будет достаточно, чтобы опознать объект, где бы он ни находился. Судя по аккуратности, диаграмму чертила женщина, и скорее всего молодая. Полковник задумался, повернувшись к окну.

– Эту информацию нужно передать на самый верх, и как можно быстрее. Я ничего не знаю про упомянутый здесь объект, но он, должно быть, является совершенно секретным. Вы, товарищи, начинайте беседу с майором, а мне нужно кое-кому позвонить. Капитан, отнесите кассету в лабораторию для снятия отпечатков пальцев...

– Товарищ полковник, я касался ее голыми руками, – произнес Чурбанов извиняющимся голосом.

– Тут нет вашей вины, товарищ майор, ваша бдительность заслуживает высшей похвалы, – великодушно отозвался полковник. – И все-таки проверьте отпечатки пальцев.

– Как быть со шпионом? – спросил капитан. – Кто будет его допрашивать?

– Для этого нам понадобится опытный специалист. Я знаю такого. – Полковник встал. – Я позвоню ему.

За ним следили несколько пар глаз, оценивая его лицо, интеллектуальный потенциал, решительность, способность выдержать допрос. Связной по-прежнему сидел один в комнате. У него забрали, разумеется, шнурки от ботинок, пояс, сигареты и все остальное, что он мог использовать как оружие против себя или в качестве успокоительного средства. Он не в состоянии был определить, сколько времени, а отсутствие никотина заставляло его нервничать все больше. Оглядевшись по сторонам, он увидел зеркало – вообще-то оно было зеркалом лишь с одной стороны, с другой являлось слегка затемненным стеклом, – но связной этого не знал. Комната была полностью изолирована от внешних звуков, чтобы лишить его возможности мерять время даже шагами людей, что проходили снаружи. Несколько раз он чувствовал жалобы голодного желудка, но хранил полное молчание. Наконец дверь открылась.

Мужчина, вошедший в комнату, был в превосходно сшитом гражданском костюме. Ему было лет сорок. В руке он держал несколько листов бумаги. Мужчина обошел стол, не глядя на связного, пока не сел. Когда он, наконец, поднял глаза на арестованного, его взгляд был равнодушным, словно он рассматривал в зоопарке заморского зверя. Связной попытался ответить ему таким же бесстрастным взглядом, но потерпел неудачу. Следователь уже знал, что его задача окажется не из трудных. После пятнадцати лет допросов он научился определять это с первого взгляда.

– У вас есть выбор, – произнес следователь после минутного молчания. Голос его не был жестким, всего лишь равнодушным. – Приговор может оказаться очень строгим или, наоборот, мягким – все зависит от вас. Вы предали Родину. Не буду говорить, как поступают с предателями. Если хотите жить, то расскажете мне сегодня, сейчас, все, что вам известно. Если же откажетесь, мы узнаем все равно, но тогда вы умрете. Говорите сегодня, и мы сохраним вам жизнь.

– Вы все равно убьете меня.

– Нет. Если вы пойдете нам навстречу, окажете содействие – сегодня – в худшем случае вас приговорят к длительному сроку тюремного заключения в лагере особого режима. Не исключено, что мы прибегнем к вашей помощи, чтобы арестовать и других шпионов. Тогда вас будут содержать в лагере обычного режима и срок заключения станет короче – Но, чтобы добиться этого, вы должны

помочь нам сегодня. Сейчас я объясню, почему это так важно для нас. Если вы вернетесь к нормальной жизни немедленно, те, на кого вы работаете, могут не заметить, что вы были под арестом, и продолжат пользоваться вашими услугами. В результате вы поможете нам арестовать их за шпионаж против Советского Союза. Вам придется выступать в суде в качестве свидетеля обвинения, и государство отнесется к вам со снисхождением. Кроме того, для государства полезно публично продемонстрировать милосердие. Но, чтобы такое произошло, чтобы вы могли спасти свою жизнь и доказали, что раскаиваетесь в совершенных вами преступлениях, вы должны начать сотрудничать с нами сегодня. – Голос следователя стих и стал еще мягче.

Товарищ, мне не доставляет никакого удовольствия причинять боль людям, но, если потребуются, я отдам такой приказ без малейших колебаний. Вы не сможете противостоять нам. Это выше человеческих сил. Неважно, насколько вы мужественны, ваше тело имеет свои пределы. И мое тоже. Тело каждого человека не в состоянии противостоять методам допроса. Это всего лишь вопрос времени. Но вы должны понять, что время имеет для нас значение лишь в течение нескольких следующих часов. После этого в нашем распоряжении окажется неограниченное время. Человек с молотком в состоянии сокрушить самый твердый камень. Избавьте себя от боли, товарищ. Спасите свою жизнь, – закончил следователь, глядя в глаза связного одновременно печально и решительно.

Следователь понял, что одержал победу. Это сразу видно по глазам. Непокорные, стойкие не отводят взгляд. Они смотрят тебе прямо в глаза или, чаще, на стену над твоей головой, а вот особенно смелые, приняв окончательное решение, устремляют взгляд в какую-то одну точку и словно набираются от этого сил. Этот же вел себя по-другому. Его взгляд пробежал по комнате, словно пытаясь найти выход и не находя его. Но ведь следователь с самого начала не считал его твердым орешком. Может быть, еще один жест...

– Не хотите закурить? – Следователь достал из кармана пачку сигарет и вытряхнул одну на стол.

Связной протянул руку и взял ее, подняв тем самым флаг капитуляции.

10. Оценка ущерба

– Итак, что нам известно? – спросил судья Мур.

В Лэнгли было чуть больше шести утра, рассвет еще не наступил, и панорама, открывающаяся за окнами, соответствовала мрачному настроению директора ЦРУ и двух его заместителей.

– Кто-то следил за курьером номер четыре, – ответил Риттер. Заместитель директора ЦРУ по оперативной работе перелистал лежащие перед ним документы. – Фоули успел заметить слежку и подал сигнал, отменяющий проведение операции, перед самым моментом передачи. Судя по всему, гэбист не видел его лица и пошел за агентом. Фоули утверждает, что гэбист выглядел неуклюжим – это показалось ему странным, но он решил положиться на свой инстинкт – в прошлом это всегда его выручало. Вернувшись к себе, он послал сотрудника проверить сигнал, говорящий, что агенту удалось отделаться от слежки, но сигнала не было. Придется исходить из того, что агент провален и кассета в руках контрразведки, по крайней мере пока не поступят иные сведения. Фоули прервал этот – канал связи. «Кардиналу» сообщили, чтобы он никогда не пользовался тем связным, которому передал кассету. Сейчас я собираюсь приказать Эду, чтобы он информировал «Кардинала» о том, что переданные им сведения всего лишь затерялись в пути, не стоит беспокоить его сигналом тревоги.

– Но почему? – спросил адмирал Грир, и на этот вопрос ответил директор ЦРУ:

– Дело в том, что кассета содержала исключительно важную информацию, Джеймс. Если мы подадим знак тревоги, он может... черт побери, да ведь мы сами сказали ему, если случится нечто подобное, уничтожить все, что может изобличить его. А вдруг он потом не сможет восстановить уничтоженную информацию? Она так нужна нам.

– И к тому же русским понадобится приложить немало усилий, чтобы выйти на его след, – продолжил Риттер. – Я отдам приказ Фоули, и он попросит «Кардинала» восстановить информацию, содержащуюся на кассете, и переслать ее нам. А затем пусть

«Кардинал» уходит из России раз и навсегда. Он расплатился с нами и заслужил награду. Как только получим информацию, тут же пошлем экстренный сигнал и, если нам повезет, напугаем его так, что он захочет уехать.

– Как мы собираемся вывезти его? – спросил судья Мур.

– Морем, северным путем, – ответил заместитель директора по оперативной работе.

– Ты как думаешь, Джеймс? – обратился к заместителю по разведке судья Мур.

– Разумное решение. Понадобится время на подготовку, дней десять-четырнадцать.

– Тогда принимайся за работу прямо сегодня. Свяжись с Пентагоном и запроси их. Потребуй, чтобы они дали нам хорошего офицера.

– Да, конечно, – согласился адмирал и улыбнулся. – Я знаю, о ком просить.

– Хорошо, я пошлю туда нашего человека. На этот раз им будет мистер Кларк, – сказал Риттер, и присутствующие согласно кивнули. Кларк снискал себе легендарную репутацию в оперативном управлении. Если был хоть какой-нибудь шанс добиться успеха, даже самый малый, посылали мистера Кларка.

– Хорошо, отправьте шифровку Фоули, – заключил судья Мур. – Я сообщу об этом президенту. – Судя по выражению лица, ничего приятного директор ЦРУ от предстоящего разговора не ожидал.

– Ни один агент не может действовать вечно. «Кардинал» раза в три превзошел самые смелые ожидания, – покачал головой Риттер. – Упомяни и это в разговоре с президентом.

– Обязательно. Ну, господа, за работу.

Адмирал Грир немедленно пошел к себе в кабинет. Еще не было семи, когда он позвонил в Пентагон, в управление заместителя начальника морских операций, ведавшего подводными боевыми действиями. Первым вопросом после того, как он сообщил свое имя и должность, было:

– Где сейчас «Даллас»?

Капитан первого ранга Манкузо тоже был уже на службе. Его последнее плавание на подводной лодке «Даллас» начнется через пять часов. На высшей точке прилива она выйдет в море. В кормовой части лодки механики уже приводили в действие ядерный реактор. Пока помощник занимался подготовкой, капитан первого ранга еще раз просматривал план предстоящего задания. В последний раз он поведет свой корабль на север. Этот термин в американском и британском военно-морском флоте означал Баренцево море, район базирования советского флота. Оказавшись там, корабль приступит к тому, что в военно-морском флоте официально именовалось «океанографическими исследованиями» – в случае с «Далласом» это значило, что подводная лодка проведет как можно больше времени, преследуя советские подводные ракетноносцы. Нелегкая задача, но Манкузо умело справлялся с ней и даже однажды сумел взглянуть на русский ракетноносец ближе всех других американских подлодок. Разумеется, он не говорил об этом ни с кем, даже со шкиперами подлодок. Его второй орден «За безупречную службу», которым он был награжден за эту операцию, был засекреченным, и Манкузо не носил его; и хотя о награждении этим орденом упоминалось в конфиденциальном разделе его досье, текст самого приказа отсутствовал. Но все это осталось в прошлом, а Манкузо был человеком, постоянно заглядывающим в будущее. Если уж предстояло совершить заключительное плавание, пусть это будет на север. Зазвонил телефон.

– Командир слушает, – произнес он, сняв трубку.

– Барт, говорит Майк Уильямсон, – послышался голос командующего Второй группы подводных лодок. – Зайди ко мне, прямо сейчас.

– Иду, сэр. – Манкузо положил трубку, полный удивления. Минуту спустя он поднялся по трапу, сошел с лодки и направился по асфальтовой набережной реки к ждавшему его автомобилю адмирала. Еще через четыре минуты он вошел в кабинет командующего Второй группы.

– Поступил приказ, меняющий твое задание, – заявил контрадмирал Уильямсон, как только закрылась дверь кабинета.

– А что случилось?

– Твой «Даллас» перебрасывается с максимальной скоростью в Фаслейн. Там тебя встретят. Это все, что мне известно, но приказ поступил из Управления начальника морских операций через командующего подводными силами Атлантического флота всего за тридцать секунд. – Никаких других объяснений от Уильямсона не требовалось. Сомневаться не приходилось: предстояло выполнить какое-то сложное и опасное задание. «Далласу» часто приходилось выполнять такие задания. Правда, подобные приказы поступали к Манкузо, но ведь он, в конце концов, и представлял собой «Даллас».

– Моя гидролокационная группа недостаточно сильна, – произнес капитан первого ранга. – У меня хорошие молодые матросы, но главный старшина, руководитель группы, сейчас в госпитале. Если задание особенно опасное...

– Кто тебе нужен? – спросил адмирал Уильямсон, и Манкузо ответил на его вопрос. – О'кей, я сейчас же займусь этим. Тебе понадобится пять суток хода до Шотландии, и за это время я что-нибудь придумаю. Гони свою лодку полным ходом, Барт.

– Будет исполнено, сэр. – Манкузо вышел из кабинета. Подробности операции он узнает после прибытия в Фаслейн.

– Как чувствуешь себя, русский? – спросил Лучник.

Капитану было лучше. В течение двух предыдущих дней он не сомневался, что умрет. Теперь появилась слабая надежда. Неизвестно, была она напрасной или нет, но раньше такой надежды – даже ее слабого проблеска – не возникало. Чуркин подумал, а вдруг в его жизни наступит будущее, и тут же понял, что именно этого ему и следует бояться. Страх. Он совсем забыл о нем. За короткий отрезок времени он дважды смотрел в лицо смерти. Один раз это произошло в падающем горящем самолете, обрушившемся на землю, и тогда капитан понял, что наступил момент смерти; затем он выплыл из ее объятий и увидел, как над ним склонился афганский бандит с ножом в руке, понял, что смерть вернулась снова, и вдруг она замерла и исчезла. Почему? Этот бандит, афганец со странным взглядом, одновременно жестоким и мягким, безжалостным и полным

сострадания, оставил ему жизнь. Почему? Теперь у Чуркина было время и силы, чтобы задать этот вопрос, но они не отвечали на него.

Чуркин чувствовал, что его на чем-то везут, он лежит на какой-то стальной поверхности. Может быть, в кузове грузовика? Нет, над головой была какая-то плоская крыша, тоже сделанная из стали – Где я? Снаружи, по-видимому, темно. Через амбразуры не было видно света – ну конечно, он внутри бронированной машины пехоты! Откуда эта БМП у бандитов? Где они сумели...

Его везут в Пакистан! Там его передадут... американцам? И едва возникшая надежда снова превратилась в отчаяние. Он закашлялся, и изо рта хлынула свежая кровь.

Что касается самого Лучника, он чувствовал себя превосходно. Его группа встретилась с другой, направлявшейся в Пакистан на двух советских боевых машинах пехоты БТР-60, и встретившиеся им моджахеды с радостью согласились погрузить на бэтээры раненых из его группы. Лучник был хорошо известен среди партизан, и иметь в составе отряда ракетчика с американскими «Стингерами» для защиты от нападения с воздуха – вдруг из-за хребта покажутся русские вертолеты – было совсем неплохо. Правда, опасность нападения русских была невелика. Ночи стали длинными, погода резко ухудшилась, и моджахеды двигались со скоростью пятнадцать километров по равнине и не меньше пяти там, где попадались скалистые места. Уже через час они окажутся у границы, и этот участок был занят моджахедами. Партизаны начали успокаиваться. Скоро они могут провести неделю в относительной безопасности, а американцы, как всегда, щедро заплатят за привезенные ими советские приборы и документы. На этот раз у них были приборы ночного видения, которыми водитель БТР-60 пользовался, пробираясь ночью по горным дорогам. За это моджахеды могут получить от американцев ракеты, мины, несколько пулеметов и медикаменты.

Для афганских партизан события развивались благоприятно, Говорили даже, что русские могут принять решение о выводе войск. Теперь они больше не стремились к ведению наземных боевых действий против моджахедов. Русские пользовались своими пехотными подразделениями лишь для того, чтобы установить контакт с афганцами, и тут же вызывали вертолеты для атак с воздуха и артиллерию. Если не считать несколько особенно отчаянных групп

русских десантников и подразделений спецназа, которые вызывали страх и ненависть у афганцев, моджахеды считали, что сумели достичь морального превосходства на поле боя – что объяснялось, разумеется, их борьбой за святое дело. Некоторые афганские командиры даже вели разговоры о военной победе над русскими, и эти чувства передались рядовым воинам. В конце концов, им хотелось чего-то иного, кроме продолжения священной войны против русских.

Оба БТР– 60 достигли границы в полночь. Дальше ехать было проще. Дорога, ведущая в глубь Пакистана, охранялась афганскими бойцами. Водители бронетранспортеров увеличили скорость и даже испытывали удовольствие, управляя мощными машинами. Еще через три часа они въехали в Мирам-Шах. Лучник первым сошел с бронетранспортера, наблюдая за тем, как из него выносят русского капитана и раненых моджахедов.

Эмилио Орtiz уже ждал его с яблочным соком. Увидев, что Лучник несет русского офицера, он остолбенел от удивления.

– Мой друг, кого вы на этот раз привезли мне?

– Он тяжело ранен, но вот кто он. – И Лучник передал сотруднику ЦРУ погон капитана и кейс, который раньше был прикован к руке русского офицера наручником. – Этот портфель был у него с собой.

– Черт побери! – выпалил Орtiz по-английски. Он увидел запекшуюся кровь у рта русского офицера и понял, что физическое состояние пленного внушает серьезные опасения, но... какой улов! Понадобилась еще минута, пока американец шел следом за капитаном, которого нес в полевой госпиталь афганский ракетчик, и в голову сотрудника ЦРУ пришел вопрос: а что делать с раненым русским, черт побери?

Персонал полевого госпиталя и здесь состоял главным образом из французских медиков, среди которых было несколько итальянцев и шведов. Орtiz был знаком со многими и подозревал, что некоторые из них регулярно информируют DGSE – французскую внешнюю разведку. Но самое главное заключалось в том, что это были отличные врачи и медицинские сестры. Афганцы тоже знали об этом и защищали их, словно пророков самого Аллаха. Хирург, ведущий операции после предварительной обработки раненых, положил русского на операционный стол третьим. Медсестра помогала ему, и Лучник ушел, оставив Абдула следить за происходящим. Он потратил

на русского офицера столько сил, привез его издалека совсем не для того, чтобы капитана умертвили на операционном столе. Он и Ортиз отошли в сторону, чтобы поговорить.

– Я слышал, что произошло в Газни, – сказал сотрудник ЦРУ.

– Такова воля Аллаха. Что касается русского – у него дома умер сын. Я не мог убить его. Может быть, в тот день у меня не было сил больше убивать. – Лучник тяжело вздохнул. – Вам пригодится этот русский?

– Документы в его кейсе очень важные. – Ортиз уже перелистал секретные материалы. – Мой друг, ты даже не знаешь, что тебе удалось совершить. А теперь поговорим о двух прошедших неделях-

Лучник рассказал Ортизу о событиях двух последних недель до заката. Он достал свой дневник и говорил обо всем подробно, освещая все детали, и замолкал лишь тогда, когда Ортиз менял кассету в магнитофоне.

– Вы видели на небе луч света, верно?

– Да... он показался мне очень странным, – ответил Лучник, потирая глаза.

– Офицер, которого вы привезли сюда, вылетал на самолете в то место, откуда показался луч. Вот план объекта.

– Где это, что это за объект?

– Не знаю, но расположен он всего в сотне километров от афганской границы. Я могу показать это место на карте. Сколько времени вы собираетесь пробыть в Пакистане?

– С неделю, пожалуй, – ответил Лучник.

– Мне нужно сообщить обо всем своему начальству. Не исключено, что они захотят встретиться с вами. Мой друг, вы заслужили очень щедрую награду. Составьте список всего, что вам требуется, и включите в этот список как можно больше оружия и припасов.

– А что будет с русским?

– Мы допросим его, конечно. Если он выживет.

Связной шел по Лазовскому переулку, ожидая встречи с человеком, которому должен был передать кассету, и испытывал одновременно самые противоречивые чувства. Он поверил следователю и потому во второй половине дня взял кусок мела и сделал соответствующую отметку в соответствующем месте. Он знал, что опоздал на пять часов, однако надеялся, что опоздание будут объяснять тем, что ему пришлось скрываться от преследования. Связной не обманул офицера КГБ, который допрашивал его, не черкнул знак тревоги – вместо этого он сделал отметку, означавшую «все в порядке, готов к передаче». Нет, сейчас связной вел слишком опасную игру и не мог рисковать, предупреждая сотрудника ЦРУ, что работает под контролем контрразведки. Вот и сейчас он шел по тротуару, надеясь, что кто-нибудь придет на условное место встречи.

Он не знал, однако, что сотрудник ЦРУ, с которым должна была состояться встреча, сидел в американском посольстве и в течение нескольких недель не будет показываться в этом районе Москвы. По крайней мере на протяжении такого времени не планировалось встречаться со связником. Канал связи «Кардинала» больше не существовал и, с точки зрения Центрального разведывательного управления, не будет восстановлен.

– Мне кажется, что мы напрасно тратим время, – произнес следователь. Он сидел у окна квартиры, выходящего на Лазовский переулок, вместе с еще одним старшим офицером Второго главного управления. У окна рядом расположился другой сотрудник «Двойки» с фотоаппаратом наготове. Сегодня утром следователь узнал, что за объект эта «Яркая звезда», и генерал, стоящий во главе Второго главного управления, отдал распоряжение, чтобы расследование велось с максимальной тщательностью и быстротой, не жалея ни средств, ни сил. Лишь теперь стало ясно, какую колоссальную по важности утечку информации обнаружил этот неудачник из ПГУ, которому давно пора было отправляться на пенсию.

– Вы думаете, что он нас обманул?

– Нет. Он сразу сломался – впрочем, сломать его оказалось не так уж легко. Но он все-таки сломался, – уверенно заявил следователь. – По моему мнению, мы выпустили его на улицу слишком поздно. Это значит, что они все знают и ликвидировали канал связи.

– Но что могло произойти – я имею в виду с их точки зрения? Ведь причина могла оказаться самой банальной.

– Это верно, – кивнул следователь. – Но теперь нам известно, что информация, заснятая на кассете, являлась исключительно важной и секретной. Следовательно, источник, от которого получена эта информация, занимает ответственную должность, и потому они предприняли все меры предосторожности для его защиты. Отныне придется поработать как следует – самый простой способ, на который мы надеялись, не оправдал себя.

– Значит, забираем его с улицы?

– Да.

К связному тут же подъехал автомобиль, открылась дверца, он сел в машину, и лишь после этого остальные сотрудники КГБ направились к своей машине.

Через тридцать минут все снова собрались в Лефортовской тюрьме. Лицо следователя было печальным.

– Скажите, почему вы солгали нам? – спросил он, обращаясь к связному.

– Но я говорил правду! Я поступил именно так, как мне предписывалось. Может быть, я сделал это слишком поздно, но ведь и об этом я вас предупреждал.

– А знак, который вы оставили в условном месте, он ведь означал, что вас арестовали, правда?

– Нет! – В голосе связника звучала паника. – Я ведь и это вам объяснил.

– Понимаете, дело в том, что мы не можем отличить одну пометку, сделанную мелом, от другой. Если бы вам захотелось обмануть нас, мы были бы не в силах помешать этому. – Следователь наклонился вперед. – Вы можете обмануть нас – один раз, может быть, два. Но обманывать нас все время вам не удастся. – Он замолчал, давая связному время понять всю серьезность скрытой угрозы. Как просто допрашивать слабых духом, подумал он. Сначала дай понять, что у них осталась надежда, затем отбери ее; снова покажи, что надежда не

исчезла окончательно, и тут же продемонстрируй, как легко лишить их этой надежды. Вверх и вниз, вверх и вниз – до тех пор, пока они не перестанут понимать, что есть что, а поскольку лишаются таким образом собственных чувств, эти чувства поступают в ваше распоряжение, и вы можете поступать с ними как вам заблагорассудится.

– Итак, начнем снова. Женщина, которую вы встретили в метро, – кто она?

– Я не знаю ее имени. Ей за тридцать, но выглядит моложе. Светлые волосы, стройная и привлекательная. Всегда хорошо одевается, ходит на иностранку, но не иностранка.

– Одевается как иностранка – как именно?

– На ней обычно пальто, купленное на Западе. Это видно по ткани и покрою. Как я уже говорил, она привлекательная, и она...

– Продолжайте... – сказал следователь.

– Наш пароль заключается в том, что я кладу ладонь ей на ягодицу. По-моему, это ей нравится. Она часто прижимается к моей руке.

Следователь раньше не слышал эту подробность и тут же пришел к выводу, что связной говорит правду. Подобные детали трудно придумать сразу, и к тому же это соответствовало ее характеру. Женщины-агенты обычно ищут приключений. Эта женщина не профессионал, по крайней мере настоящий профессионал не стал бы так себя вести. А это означало скорее всего, почти наверняка, что она – русская;

– Сколько раз вы встречались с ней в метро таким образом?

– Всего пять. Это никогда не происходило в один и тот же день недели, встречи не были регулярными, но всякий раз мы встречались во втором вагоне одного и того же поезда.

– А мужчина, которому вы должны были передать кассету?

– Я не видел его лица, то есть не видел все лицо. Он всегда стоял, держась рукой за поручень, так что лицо скрывала находящаяся между нами рука. Иногда я видел часть его лица, но не все. По-моему, он иностранец, но не знаю, из какой страны.

– Вы встречались с ним пять раз и ни разу не видели его лица! – рявкнул следователь и грохнул кулаком по столу. – Вы что, за дурака меня принимаете?

Связной съежился и быстро продолжил:

– На нем всегда были очки, сделанные на Западе, я уверен. Обычно носит шляпу. Кроме того, у него в руке сложенная газета «Известия», всегда «Известия». Он закрывается рукой и газетой, поэтому невозможно увидеть больше четверти его лица. Сигналом к передаче служит то, что он чуть разворачивает газету, словно читает продолжение статьи, и затем отворачивается, закрывая ею лицо.

– Напомните мне, как происходила передача.

– Когда поезд останавливается, он проходит вперед, как будто готовится сойти на следующей станции. Пакет находится у меня в руке, и он берет его сзади, когда я выхожу из вагона.

– Итак, вы знаете ее в лицо, но она вашего лица не видела. Он знает вас в лицо, но вы не видели его лица... – Точно такой же метод передачи, как и тот, которым пользуется связной при получении пакета или кассеты. Ловко задумано, но почему они пользуются одним и тем же методом дважды на одном и том же канале связи? КГБ, разумеется, тоже использует такой метод, но он сложнее других, особенно в московском метро в часы пик, когда все лихорадочно спешат и всюду толпы людей. Следователь начал понимать, что самый простой и наиболее распространенный метод передачи материалов – «почтовый ящик» – не используется в этом канале связи. Это тоже казалось ему странным. Ведь в каждом канале должен быть по крайней мере один «почтовый ящик» – в противном случае КГБ может арестовать всех связников... впрочем...

Сотрудники Второго главного управления уже пытались выйти на источник передаваемой информации, но тут приходится проявлять особую осторожность – всегда существует опасность, что шпион (или шпионка?) является сотрудником службы безопасности. Вообще-то именно такая должность как нельзя лучше устраивает шпиона, поскольку она дает доступ к любой информации да еще заранее предупреждает о готовящихся контрразведывательных операциях. Такое случалось в прошлом – расследование утечки сведений насторожило шпиона, причем об этом стало известно лишь спустя несколько лет после прекращения расследования. Кроме того, смущало и другое: на единственном сохранившемся кадре было изображение диаграммы, но не настоящей, а сделанной от руки...

Неужели «почтовые ящики» отсутствуют именно из-за того, что передаются сведения, написанные от руки? Выходит, шпиона можно опознать по почерку? Но какой глупый способ передачи информации...

Однако в самих сведениях нет ничего глупого, не так ли? Нет, конечно, и ничего случайного – Если даже вся техника передачи информации по этому каналу связи кажется странной, тем не менее в ней присутствует почерк настоящего профессионала. Во всем этом скрывался какой-то иной смысл, нечто такое, что следователь еще не мог распознать.

– Завтра мы с вами прокатимся на метро.

Полковник Филитов проснулся утром без головной боли, обычно раскалывающей череп, словно отбойными молотками. Это было уже приятно и необычно. На этот раз его утренняя процедура мало чем отличалась от вчерашней, всего лишь отсутствовала головная боль и не понадобилась поездка в баню. Он заглянул в ящик стола, после того как оделся, – там, в дальнем углу, был спрятан его дневник. Михаил Семенович надеялся, что, как и следовало, сумеет сегодня уничтожить его. Он даже приготовил взамен тетрадь – еще свежую и без единой записи. Накануне он слышал разговоры, где упоминались новые сведения о лазерах, да и на будущей неделе к нему поступит доклад по ракетным системам.

Опустившись на сиденье автомобиля и откинувшись на спинку, полковник внимательней обычного стал смотреть в окно по пути на службу. Несмотря на ранний час на улице было много грузовиков, и один из них закрыл тот участок бордюрного камня на краю тротуара, который он хотел видеть. На этом месте один из сотрудников Фоули успел нанести сигнал «информация утеряна», но Михаил Семенович не узнал этого. Он почувствовал раздражение, что не смог посмотреть на место, где должен быть знак, однако его донесения редко пропадали, и это не пробудило у него беспокойства. Ничего страшного, решил он, место для знака «передача прошла успешно» выбрано так, что его хорошо видно. Полковник Филитов устроился

поудобнее, приближаясь к условному месту... Вот оно. Он повернул голову, стараясь увидеть знак, но... его не было. Странно. Неужели в том месте, что закрыл грузовик, был оставлен для него тревожный сигнал? Придется проверить по пути домой, уже вечером. За много лет его работы на ЦРУ терялось несколько донесений, но ни разу Михаил Семенович не видел сигнала опасности, не слышал по телефону незнакомого голоса, спрашивающего Сергея. – что значило «немедленно покинуть квартиру». По-видимому, и на этот раз нет угрозы, всего лишь что-то не сработало. Чепуха. Полковник успокоился и начал обдумывать, что предстоит сделать сегодня в министерстве.

На этот раз метро было подготовлено должным образом. Целая сотня сотрудников Второго главного управления находилась в этом районе – большинство в штатском, подобно рядовым москвичам, а некоторые выглядели как служащие метрополитена. Эти «служащие» находились у «черных», секретных, телефонных аппаратов, установленных на электрических щитах на всех станциях метро. Следователь и арестованный связной ездили взад и вперед по «пурпурной» и «зеленой» линиям, надеясь встретить хорошо одетую женщину в пальто западного образца. Ежедневно метро перевозит миллионы людей, но офицеры контрразведки не сомневались в успехе – на них работало время и они знали к тому же одну из характерных черт этой женщины – она была искательницей приключений. Вполне возможно, что у нее не хватило внутренней дисциплины и она была не в состоянии разделить свою личную, повседневную жизнь и выполнение тайных заданий. Такое не раз случалось в прошлом. Сотрудники службы безопасности твердо придерживались мнения, которое разделяли их коллеги во всех спецслужбах мира, что люди, ведущие шпионскую деятельность против собственной родины, имеют и другие серьезные недостатки в своем характере. Несмотря на присущую им хитрость, такие предатели рано или поздно сами способствуют своему разоблачению.

И сотрудники «Двойки» оказались правы – по крайней мере в данном случае. Светлана вышла на платформу станции метро со свертком в коричневой бумаге. Связной узнал ее сначала по прическе, самой обычной, но ее выделяло что-то неуловимое в манере держать голову, что заставило его поднять руку, чтобы указать на женщину пальцем, но руку тут же с силой опустили вниз. Она повернулась, и полковник КГБ увидел ее лицо. Он сразу заметил, что женщина выглядит спокойной и уверенной в себе, выделяясь этим среди остальных москвичей, демонстрировавших мрачную апатию, свойственную горожанам. Первым впечатлением от нее была радость жизни, стремление наслаждаться ею – ничего, подумал следователь, это быстро пройдет.

Он произнес несколько слов в крохотный микрофон, и, когда Светлана вошла в вагон следующего поезда, ее уже сопровождал сотрудник «Двойки» с маленьким микрофоном в ухе, похожим на слуховой аппарат для глухих. На станции, с которой она только что уехала, принялись за работу офицеры у «черных» телефонов – они предупреждали агентов управления на каждой станции этой линии метро. Когда Светлана вышла из вагона, ее сопровождала уже целая команда «топтунов», следовавших за ней по длинному эскалатору и дальше на улицу. Там стоял наготове автомобиль, и к слежке подключилась новая группа сотрудников «Двойки». По крайней мере два агента постоянно сохраняли визуальный контакт с нею, а те, что шли рядом, все время менялись. Они следовали за Светланой к зданию Госплана на проспекте Маркса, напротив гостиницы «Москва». Женщина даже не подозревала, что за ней следят, и не пыталась оглянуться, чтобы убедиться в этом. Не прошло и получаса, как были проявлены два десятка фотографий Светланы. Их предъявили арестованному связному, и тот сразу, без малейших колебаний опознал ее.

После этого процедура стала более осторожной. Дежурный в проходной назвал сотруднику КГБ ее фамилию, офицер предупредил его о необходимости хранить все в полной тайне – Узнав имя и фамилию, уже к обеду сумели полностью установить личность женщины, и следователь, ведущий дело, с ужасом узнал, что Светлана Ванеева – дочь одного из высших членов ЦК. Это могло привести к осложнениям. Полковник тут же собрал новые фотографии, снова

допросил арестованного, но связной безошибочно опознал Светлану среди снимков шести похожих женщин. Член семьи столь высокопоставленного партийного функционера – лучше бы не связываться с таким делом. Но ее опознали без малейших колебаний, и она подозревалась в измене родине в таком важном расследовании. Полковник Ватутин отправился посоветоваться с начальником управления.

Дальше были предприняты осторожные шаги. Хотя на Западе Комитет государственной безопасности считается всемогущим, на самом деле он всегда подчиняется партийному аппарату; даже для КГБ требовалось разрешение, чтобы арестовать члена семьи такого высокопоставленного руководителя. Начальник Второго главного управления отправился на верхний этаж к председателю КГБ. Через полчаса он вернулся в свой кабинет.

– Можете задержать ее.

– Но секретарь ЦК...

– С ним не говорили, – ответил генерал.

– Тогда как...

– Действуйте в соответствии с этим приказом. – Ватутин взял из рук генерала лист бумаги, подписанный лично председателем КГБ.

– Товарищ Ванеева?

Она подняла голову и увидела человека в штатском – Госплан был, разумеется, гражданским департаментом, – который смотрел на нее каким-то странным взглядом.

– Да. Я вас слушаю.

– Меня зовут Клементий Владимирович Ватутин. Я капитан московской милиции. Нам нужно, чтобы вы проехали с нами. – Следователь впился в нее пристальным взглядом, надеясь увидеть, как она отреагирует на его слова, но лицо женщины не изменилось и осталось таким же бесстрастным.

– Зачем? – спросила она.

– Мы надеемся, что вы поможете нам опознать одного человека. Мне очень жаль, но здесь я не могу вдаваться в подробности, –

произнес Ватутин извиняющимся тоном.

– Это надолго?

– Всего на пару часов. Потом вас отвезут домой.

– Хорошо. Сейчас у меня нет срочной работы. – Светлана Ванеева встала из-за стола. По ее взгляду было видно, что она относится к Ватутину с высокомерным презрением. Московская милиция не принадлежала к числу тех организаций, которые уважали, а звание простого капитана для человека его возраста демонстрировало неудачника. Спустя минуту она надела пальто, взяла коричневый сверток, и они направились к выходу. По крайней мере этот капитан проявляет должное уважение – вежливо открывает двери, пропускает ее вперед. Светлана исходила из того, что капитан Ватутин знает, кто она или, вернее, кто ее отец.

У подъезда их ждал автомобиль. Едва они сели в него и захлопнули дверцы, как машина тронулась с места, Светлану удивил маршрут, по которому они ехали, но она поняла, куда ее везут, лишь после того, как машина пересекла Хохловскую площадь.

– Значит, мы едем не в Министерство внутренних дел? – спросила она.

– Нет, мы едем в Лефортово, – небрежно бросил Ватутин.

– Но...

– Мне не хотелось беспокоить вас на работе, понимаете. Вообще-то я полковник Ватутин из Второго главного управления КГБ. – Светлана вздрогнула, но тут же взяла себя в руки.

– И кого мне нужно опознать?

У нее действительно хорошие нервы, подумал Ватутин. Ну что ж, тем интереснее будет работать с ней. Полковник был предан партии, но эта преданность не распространялась на высших партийных чиновников. К тому же он ненавидел коррупцию едва ли не больше, чем измену родине-

– Простая формальность – к ужину вас отвезут домой.

– Но моя дочь...

– За ней заедет один из моих сотрудников. Если процедура затянется, ваш отец не будет против, если девочку привезут к нему домой?

На лице молодой женщины появилась улыбка.

– Ну что вы. Папа души в ней не чает.

– Думаю, нам не потребуется столько времени, – заметил Ватутин, глядя на проносящиеся мимо дома. Через несколько минут автомобиль въехал в ворота Лефортовской тюрьмы. Полковник помог ей выйти из машины, и сержант распахнул перед ними дверь. Дай надежду, затем заberi ее. Полковник вежливо взял женщину под руку.

– Мой кабинет находится чуть дальше по этому коридору. Насколько мне известно, вы часто выезжаете за границу.

– Да, это входит в мои обязанности. – Чувствовалось, что она насторожилась, но ничуть не больше любого другого человека, которому задан этот вопрос в подобном месте.

– Я знаю. Ваш отдел занимается текстилем. – Ватутин открыл дверь и жестом пригласил ее войти.

– Это она! – послышался голос. Светлана Ватутина замерла – словно окаменела. Полковник снова взял ее под руку и подвел к стулу.

– Садитесь, – предложил он.

– Что это значит? – прошептала она, почувствовав наконец тревогу.

– Мы арестовали этого мужчину с копиями секретных государственных документов. Он сказал, что получил их от вас, – произнес Ватутин, опускаясь в свое кресло за столом.

Ванеева повернулась и взглянула на связного.

– Лицо этого человека мне совершенно незнакомо! – воскликнула она негодуя. – Совершенно!

– Да, – сухо бросил Ватутин, – это тоже мне известно.

– Что... – женщина запнулась, не зная, что сказать дальше. – Но тогда я ничего не понимаю.

– Вас хорошо подготовили. Наш общий друг утверждает, что он подавал сигнал передачи, поглаживая вас рукой по ягодице.

Ванеева обернулась и взглянула на своего обвинителя.

– Ах ты говноед! И этот... этот кретин смеет говорить такое! – Она захлебнулась от ярости. – Этот... импотент! Чепуха!

– Значит, вы отрицаете обвинение? – спросил Ватутин. Да, подумал он, как будет приятно сломать ее...

– Разумеется! Я – советская гражданка! Член партии! Мой отец...

– Мне известно, кто ваш отец.

– Я все расскажу ему, полковник Ватутин, и если вы посмеете угрожать мне...

– Мы не угрожаем вам, товарищ Ванеева, мы всего лишь просим помочь нам. Почему вы вчера ехали в метро? Я знаю, что у вас есть собственная машина.

– Я часто езжу в метро. Это проще, чем водить машину, а вчера мне нужно было зайти в химчистку. – Она подняла с пола коричневый пакет. – Вот. Я оставила пальто в химчистке. Там трудно найти место для парковки, приходится идти от машины целый квартал, а потом возвращаться, чтобы ехать дальше. Поэтому я поехала в подземке. То же самое и сегодня, чтобы забрать пальто из химчистки. Можете там проверить.

– И вы не передавали вот это нашему другу? – Ватутин держал в руке кассету.

– Я даже не знаю, что это такое.

– Да, конечно, – согласился полковник Ватутин и покачал головой. – Ну что ж, ничего не поделаешь. – Он нажал на кнопку на своем аппарате внутренней связи. Через мгновение открылась боковая дверь в стене. Вошли трое. Ватутин показал рукой на Светлану. – Подготовьте ее.

Нельзя сказать, что женщину охватила паника, – скорее она просто не верила в происходящее. Светлана попыталась вскочить со стула, однако двое мужчин схватили ее за плечи и усадили обратно. Третий закатил рукав ее платья и воткнул ей в руку иглу шприца прежде, чем она успела закричать.

– Вы не имеете права, – произнесла она. – Вы не имеете...

– Ошибаетесь, имеем, – вздохнул Ватутин. – Сколько времени? – спросил он у врача.

– Это усыпит ее по крайней мере на пару часов, – ответил врач, затем вместе с двумя санитарями поднял Ванееву со стула. Ватутин обошел стол и взял пакет. – Она будет готова для вас, как только я закончу медицинский осмотр, но, мне кажется, никаких трудностей не возникнет. В ее досье из поликлиники Госплана, где она состоит на учете, сказано, что нет никаких отклонений от нормы.

– Превосходно. Я спущусь к вам сразу после обеда. – Он показал рукой на второго арестованного. – Заберите его. Мне он больше не понадобится.

– Товарищ полковник, но я... – начал связной, и тут же Ватутин прервал его.

– Не смейте никогда называть меня «товарищ». – Замечание полковника прозвучало особенно резко из-за того, что он произнес его совсем равнодушно.

Полковник Бондаренко теперь возглавлял отдел лазерного оружия в Министерстве обороны. Он был назначен на эту должность по приказу самого министра, маршала Язова, по рекомендации, конечно, полковника Филитова.

– Итак, полковник, у вас есть для меня новости? – спросил маршал.

– Ребята из Комитета госбезопасности передали нам некоторые схемы зеркала с регулируемой оптикой. – Он протянул присутствующим в кабинете два комплекта чертежей.

– А мы сами не можем изготовить такое? – спросил Филитов.

– Это весьма хитроумная конструкция, а, как говорится в сопроводительной записке, в стадии проектирования находится еще более совершенная модель. Особенно интересно, что в ней требуется меньшее количество сервоприводов...

– Меньшее количество чего? – спросил Язов.

– Сервоприводы – это механизмы, меняющие контуры зеркала. Уменьшая их число, мы снижаем нагрузку на компьютерную систему, управляющую комплексом зеркал. Зеркало, которым пользуются сейчас американцы, – вот оно – требует обслуживания исключительно мощного суперкомпьютера, изготовить который нам пока не удастся. Для управления проектируемым зеркалом потребуется всего четверть компьютерной мощности. Это позволяет пользоваться менее мощным компьютером для управления комплексом зеркал, и программа намного упрощается. – Бондаренко наклонился вперед, – Товарищ маршал, в моем первом докладе указывалось, что одной из главных трудностей в реализации проекта «Яркая звезда» является система компьютерного обеспечения. Даже если нам удастся создать такое зеркало с регулируемой оптикой, мы не сможем использовать его с максимальной эффективностью из-за того, что не располагаем соответствующей системой компьютерного и программного

обеспечения. Нам понадобится эта система, когда мы получим нужное зеркало.

– Но пока у нас нет чертежей нового зеркала? – спросил Язов.

– Совершенно верно, пока нет. КГБ занимается этой проблемой.

– Нам не удастся даже скопировать эти датчики, – проворчал Филитов. – Мы получили спецификации и чертежи несколько месяцев назад, и ни одно предприятие не сумело их изготовить.

– Время и деньги, товарищ полковник, – с упреком заметил Бондаренко. Он уже научился чувствовать себя уверенно в высших коридорах власти.

– Финансирование, – фыркнул Язов. – Всегда все упирается в финансирование. Мы могли бы построить неуязвимый танк, если бы у нас было достаточно денег, могли бы догнать Запад в технологии подводных лодок. Каждый любимый проект каждого академика в Советском Союзе обеспечит нам абсолютное оружие – только дайте достаточно денег. К сожалению, для всех для них денег не наберешься. Вот в этом нам удалось догнать Запад – хотя бы в этом!

– Товарищ маршал, – произнес Бондаренко, обращаясь к министру обороны. – Я являюсь кадровым военным на протяжении уже двадцати лет. Мне доводилось служить в штабах батальонов и дивизий, принимать участие в рукопашных схватках. Я всегда служил в Советской Армии и только в ней. Проект «Яркая звезда» принадлежит другому роду войск. Несмотря на это, я утверждаю, товарищ маршал, что, если понадобится, нужно урезать финансирование строительства танков, кораблей и самолетов, для того чтобы завершить ввод в строй «Яркой звезды». В нашем распоряжении достаточно обычного оружия, чтобы остановить агрессию со стороны НАТО, но мы не в силах помешать вражеским ракетам уничтожить нашу страну. – Он замолчал и затем произнес извиняющимся голосом:

– Прошу прощения за то, что так откровенно выразил свою точку зрения.

– Вам платят за то, что вы думаете, – заметил Филитов. – Товарищ маршал, я согласен с точкой зрения этого молодого офицера.

– Михаил Семенович, неужели мои полковники замышляют дворцовый переворот? – На лице Язова появилась улыбка, что было крайне редким явлением. – Бондаренко, в стенах этого кабинета я требую, чтобы вы говорили мне все, что считаете нужным. И если вам

удалось убедить этого старого кавалериста, что научно-фантастический проект, о котором вы говорите, заслуживает внимания, значит, мне следует серьезно задуматься над ним. Итак, вы считаете, что на этом проекте нужно сосредоточить самое пристальное внимание?

– Товарищ маршал, мы должны отнести данную программу к числу важнейших. Для ее завершения потребуется проведение некоторых фундаментальных исследований, и, по моему мнению, финансирование их должно быть резко увеличено. – Бондаренко сумел не зайти слишком далеко и дать определенный ответ на вопрос маршала. Такой вопрос носит политическую окраску, и не какому-то полковнику совать нос в подобные проблемы. «Кардиналу» пришла мысль, что он все-таки недооценил этого умного молодого полковника.

– Учащается сердцебиение, – произнес врач почти три часа спустя. – Начинаем отсчет времени, пациентка пришла в сознание. – Его слова записывались на непрерывно движущуюся магнитную ленту.

Светлана не сознавала, когда кончился ее сон и началось бодрствование. Для большинства людей эта граница весьма туманна, особенно если отсутствует сигнал пробуждения в виде раннего солнечного света. Ее лишили возможности почувствовать какой-либо сигнал. Первым сознательным ощущением Светланы Ванеевой было недоумение. Где я? – спросила она себя, спустя пятнадцать минут. Исчезающие последствия сильнодействующего снотворного оставили ее, но взамен приятного расслабления от сна, лишённого сновидений, новых ощущений не появилось. Она словно... парила?

Светлана попыталась шевельнуться, но... не смогла! Ее тело было предельно расслаблено, каждый квадратный сантиметр его поверхности покоился на чем-то, в результате ни один мускул не испытывал ни малейшего напряжения. Еще никогда в жизни ей не приходилось испытывать такое удовольствие, такое радостное чувство релаксации. Где я?

Она ничего не видела, но и это казалось чем-то странным. Светлана будто парила в каком-то... нет, не черном... сером

окружении... словно внутри ночного облака, отражающего огни Москвы, невыразительного и бесцветного, аморфного, но обладающего какой-то... структурой. Было совершенно, сверхъестественно тихо, она не слышала никаких звуков – ни отдаленного шума двигающегося транспорта, ни хлопанья дверьми, ни журчания воды в трубах...

Она повернула голову, но вид не изменился – такое же серое аморфное пространство, словно находишься внутри облака, или в вате, или... Светлана сделала глубокий вдох. У воздуха не было запаха, он не казался сухим или влажным, не ощущалась даже температура. Она заговорила... совершенно невероятно, она не услышала ни звука. Где я?

Светлана начала изучать окружающий мир более внимательно. На это потребовалось полчаса. Она старалась держать себя в руках, постоянно напоминала себе, что нужно сохранять спокойствие, не волноваться. Это не что иное, как сон. С ней не может случиться ничего плохого – только не с ней. Настоящий страх еще не охватил ее, но она ощущала его приближение. Светлана собрала в кулак всю свою волю и попыталась не подпускать его к себе. Нужно исследовать, что меня окружает, подумала она. Ее взгляд метнулся влево, вправо. Вокруг царил не совсем полная темнота, хотя свет ниоткуда не проникал. Она ощущала кисти рук, но они находились в стороне от бедер, и ей никак не удавалось прижать их к телу, хотя она и пыталась сделать это в течение, как ей казалось, нескольких часов. То же самое было и с ногами. Светлана попробовала сжать правую руку в кулак... но даже не смогла заставить пальцы соприкоснуться друг с другом.

Ее дыхание участилось. Она чувствовала, как воздух проникает ей в легкие и выходит из них, но не ощущала ничего больше. Закрыв глаза, она погрузилась в полную темноту. Так где же я?

Нужно двигаться, приказала она себе, больше двигаться. Она повернулась, надеясь почувствовать сопротивление, стараясь воспользоваться органами осязания, ощутить что-то вне своего тела. И не почувствовала ничего, кроме парения в каком-то облаке. Было невозможно сказать, с какой стороны исходит сила тяготения – снизу или сверху, справа или слева. Ощущения были совершенно одинаковыми. Светлана крикнула изо всех сил, надеясь услышать себя,

убедиться хотя бы, что она существует. Все, что донеслось в ответ, – это отдаленное исчезающее эхо.

И тут ее охватила настоящая паника.

– Отсчет времени – двенадцать минут пятнадцать секунд, – произнес врач, и его слова запечатлелись на магнитной пленке. Кабина управления находилась на высоте пяти метров над бассейном. – Частота сердцебиения увеличивается, достигла ста сорока, частота дыхания – сорок два в минуту, наступает фаза острой тревоги. – Он посмотрел на Ватутина. – Быстрее обычного. Чем умнее и образованнее человек...

– ...тем больше его потребность в ощущениях от окружающего мира, – проворчал полковник. Он читал описание процедуры, но все-таки относился к ней скептически. Процедура была совершенно новой и требовала участия квалифицированного медицинского персонала, тогда как в прошлом полковник Ватутин обходился без посторонней помощи.

– Частота сердечных сокращений достигла, по-видимому, максимума при ста семидесяти семи. Никаких серьезных отклонений.

– Каким образом вы заглушаете ее речь? – спросил Ватутин.

– Я пользуюсь новой техникой – это электронное устройство, воспроизводящее ее голос и повторяющее его с полным рассогласованием по фазе. В результате звуки голоса почти предельно нейтрализуются, словно она кричит в пустоте. Нам понадобилось два года, чтобы усовершенствовать такую технику. – Врач улыбнулся. Подобно Ватутину, он гордился своей работой, и теперь у него появилась возможность оправдать годы напряженного труда, заменив существующие методы чем-то новым, более совершенным, созданием его разума.

Светлана находилась на грани гипервентиляции, но врач изменил состав газа, поступающего в ее легкие. Сейчас следовало крайне внимательно следить за состоянием ее организма. При этой технике допроса не оставалось никаких следов на теле, никаких шрамов, ни малейших признаков пытки – более того, это вообще нельзя было

назвать пыткой. По крайней мере физической пыткой. Единственным недостатком этого метода – метода полной изоляции организма от окружающих ощущений – было то, что ужас, испытываемый человеком, мог вызвать тахикардию и... смерть.

– Вот это уже лучше, – заметил врач, глядя на дисплей с ЭКГ. – Частота сердечных сокращений стабилизировалась на уровне ста тридцати восьми. Она испытывает нервное возбуждение, но в остальном ее состояние стабильно.

Паника не помогла. Несмотря на то что сознание по-прежнему лихорадочно искало выход, тело Светланы инстинктивно боялось причинить себе вред. Она старалась овладеть собой и тут почувствовала, как ее охватывает странное спокойствие.

Я жива или мертва? Она напрягла память, стараясь привлечь на помощь все, что происходило с ней в прошлом, и... ничего. Но...

Какой– то звук.

Что это?

Тук– тук, тук-тук... Что это за звук?

Это бьется сердце!

Ее глаза были по-прежнему открыты, она искала в пустоте источник звука. Там есть что-то, если ей удастся найти. Ум Светланы старался найти это что-то. Нужно добраться до него. Если бы только удалось добраться...

Но она не могла вырваться из окружающего... Светлана не могла даже описать, из чего ей нужно вырваться. Она снова начала двигаться. И снова поняла, что вокруг нет ничего осязаемого.

Лишь теперь она почувствовала свое полное одиночество. Весь ее организм, изолированный от окружающей среды, изголодавшийся по ощущениям, требовал каких-то посторонних раздражений – световых, мышечных, звуковых, – каких угодно! Нервные центры ее мозга искали питание для себя и находили только пустоту.

Что, если я умерла? – спросила она себя.

Если такое происходит, когда ты умираешь... Небытие? И тут же возникла еще более тревожная мысль: неужели это – ад?

Но рядом было что-то. Этот звук. Она сконцентрировала на этом все внимание и тут же обнаружила, что чем напряженнее прислушивалась, тем труднее было слышать этот звук. Казалось, будто она пытается схватить облачко дыма – вот оно, перед тобой, пока ты не трогаешь его, – но ей нужно, обязательно нужно схватить это облачко.

И она приложила все силы. Светлана зажмурила глаза и сосредоточилась на ритмичном биении человеческого сердца, и в результате заметила, что звук исчез из ее органов чувств. Он затихал и затихал вдали, пока не остался только в воображении, а потом и это растаяло тоже.

Она застонала – или подумала, что застонала. Ей не было слышно почти ничего. Почему она не слышит, когда говорит?

Неужели я умерла? Важность этого вопроса требовала ответа, но сам ответ был слишком ужасным, чтобы выразить его даже в мыслях. Не может быть, чтобы я не могла предпринять чего-нибудь... но хватит ли у нее смелости? Да!

Светлана Ванеева изо всех сил прикусила язык и почувствовала солоноватый привкус крови.

Я жива! – воскликнула она про себя. Ощущение триумфа владело ею, казалось Светлане, длительное время. Но даже длительному времени приходит конец.

Тогда где я? Меня похоронили... Закопали заживо?
ПОХОРОНИЛИ ЖИВОЙ!

– Снова увеличивается частота сердцебиения. По-видимому, наступает вторая фаза тревоги, – заметил врач, чтобы зафиксировать этот момент на магнитной ленте. Как все-таки жаль, подумал он. Врач ассистировал при подготовке тела. Очень привлекательная женщина, ее гладкий живот лишь чуть тронут следами материнства. Затем они покрыли ее тело маслом и надели на нее специально изготовленный «мокрый» костюм, подобный тем, которыми пользуются воднолыжники, из резины «номекс» высшего качества, такой легкой, что сухим костюм едва ощущался на теле, а намекнув, не ощущался совсем. Даже вода в бассейне была особого состава, со значительным

содержанием солей, так что находящееся в ней тело обладало нейтральной плавучестью. Движения Светланы в бассейне перевернули ее на живот, но она не заметила этого. Единственная опасность заключалась в том, что она могла запутать воздушные шланги, однако в бассейне находилась пара ныряльщиков, которым было поручено следить за этим, ни в коем случае не касаясь ее тела и не допуская, чтобы его касались шланги. Практически труднее всего приходилось ныряльщикам.

Врач посмотрел на полковника Ватутина с самодовольной улыбкой. На совершенствование этой самой секретной части того крыла Лефортовской тюрьмы, где велись допросы, было потрачено несколько лет. Бассейн длиной в десять метров и глубиной в пять, специальная соленая вода в нем, изготовленные по спецзаказу из резины «номекс» костюмы, несколько лет экспериментов для проверки теоретических расчетов – все это было направлено на то, чтобы разработать технику допросов во всех отношениях более совершенную, чем старинные методы, которыми КГБ пользовался с момента победы революции. И все испытания прошли успешно, за исключением одного – человек скончался в результате сердечного приступа в момент острой тревоги... Показатели физического состояния пациентки на дисплее снова изменились.

– Вот, началось. Похоже, наступила вторая фаза. Время – один час шесть минут. – Он повернулся к Ватутину. – Обычно эта фаза затягивается надолго. Посмотрим, насколько продолжительной она будет у этой пациентки.

Ватутину показалось, что врач походит на ребенка, увлеченного сложной и жестокой игрой; как ни хотелось ему выяснить, что знает арестованная, в душе он испытывал ужас от того, что происходило перед его глазами. Неужели это от страха – а вдруг когда-нибудь эту технику допроса будут пробовать на нем...

Тело Светланы расслабленно распласталось в воде. Напряжение от непрерывных часов страха истощило ее. Теперь из груди вырывалось неглубокое частое дыхание, как у женщины, готовящейся

к родам. Даже тело предало Светлану, и сознание пыталось покинуть тело и искать спасения самостоятельно. Ей казалось, что сознание отделилось от бесполезного мешка плоти и ее дух, внутренняя сущность, душа или что там еще, отрешенно парил, одинокий и свободный. Однако свобода была не меньшим проклятием, чем все происшедшее ранее.

Сейчас она могла двигаться свободно, видеть окружающее пространство, но вокруг была пустота. Светлане казалось, будто она плывет или летит в трехмерном пространстве, границ которого она не видела. Она чувствовала, что ее руки и ноги двигаются безо всяких усилий, но когда она попыталась взглянуть на них, то обнаружила, что они находятся за пределами ее поля зрения. Светлана чувствовала, что они двигаются... но их не было. Часть ее сознания, все еще способная мыслить рационально, убеждала, что это всего лишь иллюзия, что она плывет навстречу своей гибели – но ведь даже это лучше одиночества, правда?

Так продолжалось целую вечность. Наиболее приятным было отсутствие усталости в невидимых частях тела. Она прогнала мрачные предчувствия и наслаждалась свободой, ощущением того, что видит пространство вокруг себя. И увеличила скорость. Ей казалось, что впереди более яркое пространство, чем оставшееся позади. Если там свет, то она найдет его, а свет будет спасением. Бессознательно она вспоминала, какое наслаждение испытывала в детстве, плавая в воде, очень давно... наверно, лет пятнадцать назад?

Светлана была чемпионкой школы в подводном плавании, ей удавалось на одном дыхании проплыть намного больше остальных. От этих воспоминаний она почувствовала себя совсем юной, юной и бойкой, прелестнее и лучше одетой, чем окружающие ее дети. На лице Светланы появилась ангельская улыбка, и она не обратила внимания на тревожные сигналы все еще бодрствующей части рассудка, предупреждающей ее о надвигающейся опасности.

Она плыла вперед, казалось, много дней и недель, все время к яркому пространству впереди. Ей понадобилось еще несколько дней, чтобы понять – пространство вокруг нее не становится светлее, но она пренебрегла последним предостережением угасающего рассудка. Она стала прилагать больше усилий и впервые почувствовала усталость. Однако пренебрегла и этим. Ей нужно воспользоваться своей

свободой, твердила она, ей нужно выяснить, где она находится, или, что еще лучше, выбраться из этого ужасного места.

Ее сознание покинуло тело, отделилось от него и, когда поднялось на достаточную высоту, взглянуло вниз на отдаленную плывущую фигуру. Даже с такой большой высоты оно не могло разглядеть границ этого огромного аморфного мира, но видело далеко внизу крошечную фигурку, которая плыла вперед, одинокая в пустоте, в тщетных усилиях двигая призрачными руками и ногами.

Отчаянный крик, донесшийся из динамика на стене, едва не выбросил полковника Ватутина из кресла. Немцам, наверно, доводилось слышать такие крики, крики жертв в лагерях смерти, когда за ними закрывались двери и в камеру начинали поступать ядовитые газы. Но этот крик был куда страшнее. Полковнику приходилось присутствовать при казнях, он видел пытки, слышал вопли боли, ярости и отчаяния, но он впервые слышал крик души, приговоренной к страданиям, превосходящим мучения в аду.

– Вот... это означает начало третьей фазы.

– Что?

– Видите ли, – объяснил врач, – человек – общественное животное. Наше сознание и органы чувств предназначены для жизни, при которой мы непрерывно получаем импульсы, позволяющие нам реагировать как на наше окружение, так и на действия других людей. Стоит лишить человека компании других людей, лишить его внешних раздражений, и сознание остается наедине с собой, полностью изолированное от окружающего мира. Мы обладаем обширной информацией, подтверждающей эти теоретические выводы. Возьмите этих идиотов на Западе, которые пускаются в кругосветные плавания в одиночку. Очень многие из них сходят с ума, а некоторые просто исчезают – по-видимому, кончают с собой. Даже тем, кому удается уцелеть, кто ежедневно пользуется радио для связи с остальным миром, – даже им часто требуются врачи, наблюдающие за ними и предупреждающие психологическую опасность одиночества. А ведь эти люди видят окружающую их морскую поверхность, видят свои

яхты, чувствуют движение волн. Бели лишит их всего этого... – Врач покачал головой. – Они продержатся не больше трех суток. Здесь, как вы видите, мы полностью изолируем людей от внешних раздражений, от окружающего мира.

– А сколько удалось продержаться тут самому стойкому?

– Восемнадцать часов – это был доброволец, молодой оперативник из Первого главного управления. Единственная трудность в том, что пациент не может понять, что с ним происходит. Это меняет конечный результат. Они ломаются, разумеется, но все-таки не до конца-

Ватутин с облегчением вздохнул – Это была первая хорошая новость, услышанная им здесь.

– А сколько еще продержится эта?

Врач всего лишь взглянул на часы и улыбнулся. Ватутина охватил приступ ненависти к нему, но он овладел собой и отогнал это чувство. Он понимал, что этот врач, этот «целитель» делает всего лишь то же самое, чем занимался он сам на протяжении многих лет, причем добивается результатов намного быстрее и без видимых повреждений, которые могли бы поставить государство в неловкое положение на открытых – по требованию общественности – процессах, проводимых КГБ с очевидной неохотой. К тому же такой метод допроса имел еще одно достоинство, о котором даже не подозревал врач, приступая к работе над этой программой...

– Итак... в чем заключается третья фаза?

Светлана увидела, что они плавают вокруг ее тела. Она попыталась предупредить тело об этом, но тогда пришлось бы вернуться в него, и на это она не осмелилась. Вообще-то она не видела, кто это, знала только, что какие-то тени, хищные тени снуют вокруг ее тела. Одна из них приблизилась и тут же свернула в сторону, затем снова рванулась к нему. И Светлана последовала ее примеру. Она пыталась бороться, но что-то тянуло ее к телу, которое скоро должно погибнуть. Она вошла внутрь тела в последний момент. И потребовала от своих рук и ног, чтобы они двигались побыстрее, но сзади уже

приблизилась хищная тень. Челюсти широко открылись, охватили все ее тело и медленно сомкнулись вокруг нее. Последнее, что она увидела, – это свет, к которому она плыла, – этот свет, осознала она наконец, никогда не существовал. Она понимала всю тщетность своего протеста, и все-таки он сорвался с ее губ.

– Нет! – Она не слышала, разумеется, своего крика.

Теперь она была обречена на возвращение в свое бесполезное тело, в эту серую массу перед глазами и к этим конечностям, двигающимся без всякой цели. Каким-то образом она понимала, что ее воображение пыталось защитить ее – и потерпело полную неудачу. Но отключить воображение было выше ее сил, и теперь его усилия сконцентрировались на уничтожении. Она рыдала, рыдала, не издавая ни единого звука. Ужас, который она сейчас испытывала, был намного хуже простой паники. По крайней мере в панике таился выход, отрицание того, перед чем она находилась, возможность укрыться внутри самой себя. Но здесь не было самой себя. Она присутствовала при собственной смерти, видела, как это случилось. У нее больше не было настоящего и, уж конечно, отсутствовало будущее. Все, что у нее осталось, – это прошлое, и ее воображение выбирало из него только самое худшее...

– Да, мы вступили в заключительную фазу, – сказал врач. Он поднял телефонную трубку и приказал принести чай. – Все прошло легче, чем я ожидал. Ее психологический профиль в точности соответствовал рассчитанному.

– Но ведь она пока еще ничего нам не рассказала, – возразил Ватутин.

– Расскажет.

Перед Светланой проносились все совершенные ею грехи. Это помогало понять, что происходит. Она находилась в аду,

существование которого отрицало государство, и ее ждало наказание за проступки. Так и должно быть. И она обязана помочь. Она должна снова стать свидетельницей всех своих проступков и понять, какое зло исходило от них. Ей придется принять участие в суде, проходящем внутри ее сознания. Рыдания не прекращались. Слезы текли сутками, и она следила за тем, как совершала поступки, которые не следовало совершать. Каждое нарушение в ее жизни проходило перед ней в самых красочных деталях. Особенно те проступки, которые она совершила за последние два года... Почему-то она не сомневалась, что именно из-за них здесь и оказалась. Она наблюдала за тем, как предавала родину. Сначала полушутливое заигрывание в Лондоне, тайные встречи с серьезными людьми, предупреждения о необходимости не быть такой легкомысленной и затем все те случаи, когда она пользовалась именем своего влиятельного отца и проходила через таможню, высокомерно глядя на ее сотрудников, наслаждаясь игрой и испытывая удовольствие от самых гнусных преступлений. Ее стоны начали повторяться, снова и снова она твердила, сама того не замечая: «Я виновата...»

– Теперь самое трудное. – Врач надел наушники с укрепленным перед лицом микрофоном. Ему пришлось отрегулировать звук на панели управления.
– Светлана, – прошептал он в микрофон.

Сначала она не слышала этого, и понадобилось время, прежде чем ее органы чувств ощутили чей-то плач.
– Светлана, – звал ее тихий голос. Или это всего лишь воображение?
Она повернула голову, стараясь увидеть, откуда доносится еле слышный шепот.

– Светлана... – снова услышала она и затаила дыхание, стараясь не двигаться, но тело снова предало ее. Сердце забилося как пойманная птица, и шум крови в ушах заглушил голос – если это был голос. Она издала стон отчаяния – неужели голос всего лишь один из кошмаров, неужели все станет еще хуже... а вдруг есть какая-то надежда?...

– Светлана... – чуть громче шепота, можно различить эмоциональный настрой. Голос был таким печальным, таким разочарованным. – Светлана, что ты натворила?

– Нет, нет, я не... – произнесла она, заикаясь, все еще не слыша собственного голоса, доносящегося из могилы. Наступила тишина. Прошел, казалось, час, и она истерически крикнула:

– Умоляю, вернись ко мне!

– Светлана, – наконец послышался тот же голос, – что же ты натворила...

– Я так виновата... – проговорила она, захлебываясь от рыданий.

– Что же ты натворила? – снова спросил голос. – Ты знаешь человека, который передал тебе кассету?

– Да! – ответила она и рассказала все.

– Отсчет времени – одиннадцать часов сорок одна минута. Операция закончена. – Врач выключил магнитофон, затем несколько раз мигнул освещением в бассейне. Один из ныряльщиков махнул рукой, давая понять, что увидел, и воткнул иглу шприца в руку Ванеевой. Ее тело ослабло, и Светлану извлекли из бассейна. Врач спустился из кабины управления и подошел к ней – С нее уже сняли резиновый костюм, и она лежала на каталке. Врач сел рядом с находящейся без сознания женщиной, взял ее руку, и санитар ввел ей стимулирующий препарат. Какая прелестная

женщина, подумал врач и жестом скомандовал, чтобы санитар вышел из помещения, оставив их наедине. Ее дыхание участилось.

– Здравствуй, Светлана, – произнес он самым мягким голосом. Голубые глаза открылись, увидели лампы на потолке и стенах, затем она повернула голову к нему.

Он понимал, что растягивает удовольствие, но ему пришлось заниматься этим делом всю ночь и утро, и это, наверно, являлось самым важным этапом его программы. Обнаженная женщина буквально прыгнула с каталки ему в объятия и едва не задушила его. И совсем не потому, что он такой уж привлекательный мужчина, врач понимал это, просто он был человеком, а ей сейчас больше всего хотелось коснуться человека. Ее тело было все еще скользким от масла, и слезы залили белый халат. Никогда больше она не совершит преступления против государства после того, как пережила все это. Как жаль, что ей придется так долго пробыть в тюрьме. Такое расточительство, подумал он, осматривая ее. Впрочем, может быть, он сумеет что-нибудь предпринять, как-то помочь ей. Через десять минут ее снова усыпили, и врач оставил помещение.

– Я ввел ей версед. Это новое наркотическое средство, полученное нами с Запада, оно вызывает амнезию – полную потерю памяти.

– Почему именно этот препарат? – спросил Ватутин.

– Мне хотелось предоставить вам более широкие возможности, товарищ полковник. Проснувшись, она не будет помнить почти ничего. Версед действует подобно скополамину, только еще более эффективен. Она не будет помнить ничего конкретного, а все происшедшее будет казаться ей страшным сном. Версед к тому же является гипнотическим средством. Например, я могу внушить ей, что она забудет все происшедшее, но никогда не станет больше предавать государство. Существует примерно восьмидесятипроцентная вероятность, что ни одно из этих внушений не будет нарушено.

– Вы шутите!

– Товарищ полковник, в соответствии с разработанной мною техникой она наказала себя намного жестче, чем могло бы сделать это государство. Теперь она испытывает более глубокое сожаление за совершенные ею проступки, раскаивается намного глубже и искреннее, чем если бы ее повели на расстрел. Разве вы не читали книгу Оруэлла «1984»? Когда он писал ее, события, там описанные, были фантазией, но при современной технологии это стало нам вполне по силам. Фокус заключается в том, чтобы сломить человека не внешним воздействием, а изнутри.

– Вы хотите сказать, что теперь мы можем заставить ее работать на нас?...

11. Процедуры

– Нам не удастся спасти его. – Орtiz привлек к лечению русского офицера врача из американского посольства, армейского хирурга. настоящая работа которого заключалась в лечении раненых афганцев. Выяснилось, что у Чуркина были слишком повреждены легкие и они не выдержали пневмонии, развившейся во время транспортировки из Афганистана – – Скорее всего он не продержится и суток. Мне очень жаль, но болезнь зашла слишком далеко. Если бы лечение началось на день раньше, мы, возможно, спасли бы его, но теперь... – Врач сокрушенно покачал головой. – Теперь ему нужен священник, хотя и это, боюсь, напрасная трата времени.

– Он может говорить?

– С трудом. Но все-таки попытайтесь. Не думаю, что при его положении это причинит ему лишний вред. Он сохранит сознание еще несколько часов, затем начнется угасание.

– Спасибо, что попытались помочь ему, доктор, – сказал Орtiz. Он с трудом удержался от вздоха облегчения и тут же почувствовал стыд. Но все-таки, что он делал бы с живым русским контрразведчиком? Вернул его обратно? Или обменял на кого-нибудь? Интересно, зачем вообще Лучник решил доставить его сюда? Ладно, стоит попытаться, подумал он, и вошел в комнату.

Спустя два часа Орtiz вышел из палаты, где лежал русский, сел в машину и поехал в посольство. В буфете там продавалось пиво. Он составил отчет, послал его в Лэнгли, а потом пять часов кряду просидел в одиночестве за столом в углу буфета, вставая лишь за новыми порциями выпивки. К вечеру Орtiz напился до мрачного бесчувствия.

Эд Фоули не мог позволить себе такой роскоши. Три дня назад исчез один из его связных. Другая ушла из Госплана и вернулась назад через двое суток. А сегодня утром его человек из химчистки позвонил и сказал, что заболел. Фоули послал предостережение парню, работающему банщиком, но не знал, получил ли тот его. Каналу связи с «Кардиналом» угрожали не просто неприятности, а настоящее бедствие. Светлану Ванееву решили использовать в качестве курьера

лишь потому, что она могла рассчитывать на определенную степень неприкосновенности со стороны КГБ, и Фоули надеялся, что после ее ареста – если такой вообще случится – пройдет несколько дней и он успеет предупредить об этом остальных. Из Лэнгли поступило сообщение о предстоящей эвакуации «Кардинала», но Эд все еще не передал его, считая, что не стоит беспокоить человека, пока не будет завершена подготовка. После получения сигнала о предстоящей эвакуации полковнику Филитову не составит труда придумать предлог для командировки в штаб Ленинградского военного округа – он выезжал туда каждые полгода, – и его вывезут оттуда.

Если не произойдет ничего непредвиденного, напомнил себе Фоуди. Насколько ему известно, такое осуществляли всего дважды, и тогда это завершилось успешно... Но разве можно гарантировать успех? Нет, конечно. И ему и жене нужно уехать, отдохнуть после такого напряжения. Предполагалось, что их следующим местом работы станет «ферма» на Йорк-ривер – там они будут преподавать и обучать курсантов тонкостям работы разведчика. Однако эти мысли никак не помогали ему в данной ситуации.

Может быть, лучше все-таки предупредить «Кардинала» об опасности, тогда он будет вести себя осторожнее – но при этом он может принять решение уничтожить хранящиеся у него сведения, которые отчаянно требовали в Лэнгли, а в данных условиях эти сведения имели первостепенное значение. Филитов знал и понимал это по крайней мере не хуже самого Фоули. Но ведь агенты представляют собой не просто источник информации, не так ли?

Оперативники – такие, как Фоули и его жена, – должны были рассматривать агентов как ценный материал, но в то же время их использование было недолговременным, одноразовым. Сотрудникам ЦРУ рекомендовалось не поддерживать с ними близких отношений, если возможно вести себя дружески, но в случае необходимости не проявлять ни малейшей жалости. Относиться к ним как к детям – снисходительно, но требовать дисциплины. Однако агенты не были детьми. «Кардинал» был старше отца Эда Фоули и служил агентом ЦРУ в то время, когда сам Эд пошел в первый класс! Разве мог он не проявить лояльность по отношению к Филитову? Конечно, не мог. Фоули был обязан защитить его.

Но как?

Действия контрразведчиков часто мало отличаются от работы полицейских, и в результате полковник Ватутин разбирался в методах расследования ничуть не хуже лучших сыщиков из Московского уголовного розыска. Светлана выдала ему приемщика химчистки, и после пары дней поверхностной слежки полковник решил арестовать его и допросить. На этот раз столь утонченные методы, как бассейн и психологическая ломка, не применялись, – Ватутин все еще не слишком доверял новой методике. Ему было неприятно, что Ванеевой позволили остаться на свободе – остаться на свободе после того, как она изменила родине и работала на ее врагов! Но кому-то захотелось использовать дочь как рычаг давления на отца, влиятельного члена ЦК. К тому же все это не касалось полковника Ватутина, Сейчас он располагал описанием, словесным портретом еще одного связного в этой бесконечной цепи.

Больше всего, однако, Ватутина раздражало ощущение, будто он встречался с этим молодым человеком! Приемщик из химчистки рассказал полковнику, что, по его мнению, этот парень работает в бане, и словесный портрет в точности соответствовал внешности банщика, с которым Ватутин не раз беседовал. Хотя Ватутин и понимал, что такое поведение не профессионально, но пришел в ярость, вспомнив, что утром сам лицом к лицу встретился с предателем и не распознал его.

Как звали того полковника? – внезапно задал себе вопрос Ватутин. Того самого, что споткнулся и чуть было не упал? Филитов – Михаил Филитов? Личный помощник министра обороны маршала Язова?

Похмелье, должно быть, тогда было особенно тяжелым, раз я не догадался, с кем встретился в бане! Ведь это был Филитов, герой Сталинграда, танкист, уничтожавший немцев, когда сам горел в танке. Михаил Филитов, трижды Герой Советского Союза... Наверняка это был он. Но разве он мог...

Нет, это невозможно, подумал полковник Ватутин.

Ничего невозможного нет, уж это Ватутин понимал лучше многих. Он выбросил из головы все лишние проблемы и задумался, стараясь рассуждать холодно и логично. На пользу расследованию было то, что в штаб-квартире КГБ на площади Дзержинского хранились досье на

всех советских граждан, хоть чем-то выделявшихся из рядовых. Отыскать личное дело полковника Филитова оказалось совсем просто.

Через пятнадцать минут перед ним лежала толстая папка. Ватутин сразу понял, что по сути дела почти ничего не знает о Филитове. Как часто случается с героями войны, их подвиги, совершенные на протяжении нескольких коротких минут, отражались затем на всей их жизни. Однако жизнь не бывает такой простой. Ватутин принялся читать.

Досье не освещало особенно подробно военный период жизни полковника Филитова, хотя в нем содержались все сведения о его подвигах, включая тексты указов о награждении. Занимая должность личного помощника при трех министрах обороны, Михаил Семенович подвергался самой тщательной проверке со стороны органов безопасности. Эти документы оказались в полном порядке. Ватутин перешел к следующему разделу.

Он с удивлением увидел, что Филитов имел отношение к знаменитому делу Пеньковского. Олег Пеньковский был старшим офицером в ГРУ – Главном разведывательном управлении, советской военной разведке. Он был завербован англичанами, затем работал под совместным контролем ЦРУ и «Интелледженс сервис». Пеньковский предал свою страну более всех остальных агентов, работавших на Запад. Верхом его измены было то, что он сообщил Западу уровень готовности – или, точнее, недостаточной подготовки. Ракетных сил стратегического назначения во время Кубинского кризиса. В результате американский президент Кеннеди сумел принудить Хрущева вывести ракеты, которые по его необдуманному приказу были размещены на этом жалком острове. Однако непонятная преданность Пеньковского своим иностранным хозяевам заставила его пойти на огромный риск, чтобы передать эти данные, а шпион не должен рисковать слишком часто. Он уже находился под подозрением. Это обычно становилось очевидным, когда противник начинал вести себя слишком уверенно, словно был осведомлен обо всем, но... первым, кто предоставил в распоряжение контрразведки доказательства измены Пеньковского, оказался Филитов.

Неужели Филитов разоблачил Пеньковского? Это изумило Ватутина. К этому моменту расследование продвинулось уже достаточно далеко. Постоянная слежка за Пеньковским установила,

что тот совершает некоторые необычные поступки, включая пользование по крайней мере одним тайным «почтовым ящиком», но... Ватутин покачал головой: какие странные совпадения происходят в контрразведке! Филитов приехал к одному из руководителей службы безопасности и сообщил, что у него состоялся странный разговор с этим полковником из ГРУ, его знакомым. Вообще-то, сказал Филитов, этот разговор мог быть и совсем невинным, но у него возникло инстинктивное подозрение, и он решил, что обязан доложить о нем. Следуя указаниям КГБ, полковник Филитов продолжал сохранять приятельские отношения с Пеньковским, и следующий разговор был уже не столь невинным. К этому моменту доказательств вины Пеньковского оказалось уже вполне достаточно, и дополнительные доказательства вообще-то и не требовались, хотя все почувствовали себя благодаря этому как-то лучше...

Совпадение действительно было странным, подумал Ватутин, но вряд ли оно бросало тень подозрения на Филитова. В той части досье, где говорилось о его личной жизни, указывалось, что он – вдовец. Здесь же приложена была фотография жены, и Ватутин долго не мог оторвать от нее восхищенных глаз. Рядом находилась свадебная фотография, и полковник из «Двойки» с улыбкой заметил, что старый боевой конь был когда-то молодым и весьма привлекательным. Следующая страница – сведения о двух сыновьях, и одного и другого нет в живых. Это привлекло внимание Ватутина, Один родился незадолго до войны, второй – вскоре после ее начала. Но умерли они не во время войны... Когда же? Он перелистнул несколько страниц.

Старший погиб в Венгрии, увидел Ватутин. Благодаря политической благонадежности его забрали из военного училища вместе с многими другими курсантами и послали на подавление контрреволюции 1956 года. Юноша был в экипаже танка – пошел по стопам отца – и погиб, когда танк подбили. Ничего не поделаешь, солдаты вынуждены рисковать жизнью. Его отец рисковал своей, в этом нельзя сомневаться. Второй сын – тоже танкист, заметил Ватутин, – погиб, когда взорвался казенник орудия в его танке Т-55. Недостаточный контроль за качеством на заводе, это всегда было проклятьем советской промышленности, В результате взрыва погиб весь экипаж танка... А когда умерла жена Филитова? В июле следующего года. Смерть сыновей разбила ей сердце, по всей

видимости, что бы ни говорилось в медицинском свидетельстве. Приложенные к досье Филитова фотографии показывали, что оба сына были образцовыми представителями советской молодежи. Все надежды и мечты Филитова умерли вместе с ними, подумал Ватутин, а затем он потерял и жену.

Очень жаль, Михаил Семенович. По-видимому, ты использовал все везение, отведенное твоему роду, на войну против немцев, и остальным трем членам твоей семьи пришлось расплачиваться за это. Печально, что человек, сделавший так много, остался...

Но достаточно ли этого для того, чтобы предать родину? Ватутин посмотрел в окно своего кабинета. Там простиралась площадь, и ряды автомобилей огибали статую Феликса Дзержинского, что стояла посреди ее, «Железный Феликс», основатель Чека. Полуполяк-полуеврей с маленькой бородкой и безжалостным умом, Дзержинский отразил первые попытки Запада подорвать Советский Союз. Он стоял спиной к зданию КГБ, и остряки утверждали, что Феликс осужден на вечное одиночество.

Ну, Феликс, что бы ты посоветовал мне сейчас? Ватутин и сам знал ответ на этот вопрос. Дзержинский приказал бы немедленно арестовать полковника Филитова и подвергнуть его безжалостному допросу – В то время было достаточно даже малейшего подозрения, и кто знает, сколько невинных мужчин и женщин погибло безо всякой причины? Теперь все изменилось. Теперь даже КГБ оказался вынужденным соблюдать определенные правила. Больше нельзя хватать людей прямо на улицах и пытками добиваться у них признания. И это намного лучше, подумал Ватутин. КГБ – это организация профессионалов. Сейчас, чтобы добиться успеха, им приходится работать более напряженно, а для этого требовались хорошо подготовленные офицеры, способные решать серьезные задачи...

Зазвонил телефон.

– Поднимайтесь ко мне. Через десять минут нам предстоит докладывать председателю. – Щелчок опущенной трубки.

Штаб– квартира КГБ представляет собой старое здание, построенное в начале века для страховой компании «Россия». Его стены облицованы гранитом ржавого цвета, а внутренняя обстановка, высокие потолки, огромные двери отражают атмосферу времени, в

котором оно было построено. В длинных коридорах с ковровыми дорожками было тусклое освещение -не полагалось слишком пристально всматриваться в лица проходящих по ним людей. Тут попадалось много офицеров в военной форме – это сотрудники Третьего главного управления, ведущего наблюдение за вооруженными силами. Но что было особенно характерно для здания, так это тишина. Сотрудники, идя по коридору, смотрели перед собой с бесстрастным выражением на лицах и сжатыми губами, опасаясь по чистой случайности выдать один из миллионов секретов, наполнявших этот дом.

Кабинет председателя Комитета госбезопасности тоже выходил окнами на площадь, хотя отсюда открывался намного более красивый вид, чем из кабинета полковника Ватутина. Секретарь в штатском встал из-за стола и провел двух посетителей мимо пары сотрудников службы безопасности, которые постоянно находились по углам приемной. Ватутин сделал глубокий вдох, переступая порог открывшейся перед ним двери.

Николай Герасимов занимал пост председателя КГБ четвертый год. Он был не профессиональным разведчиком, а партийным функционером и провел пятнадцать лет в аппарате ЦК. Затем Герасимов получил назначение на не самый ответственный пост в Пятом главном управлении КГБ, занимавшемся диссидентами. Здесь он проявил себя с лучшей стороны, справился с работой, часто весьма деликатной, и начал продвигаться по служебной лестнице, пока десять лет назад не стал первым заместителем председателя комитета. Находясь на этом посту, Герасимов овладел административными аспектами внешней разведки и достаточно успешно справлялся со своими обязанностями, завоевав уважение профессиональных разведчиков инстинктивным пониманием обстановки. И все-таки он оставался прежде всего партийным деятелем, в результате чего и стал председателем. В пятьдесят три года он был все еще молод для такого ответственного поста, а внешне выглядел еще моложе. На его моложавом лице отсутствовали морщины от обдумывания неудач, и он уверенно смотрел в будущее, ожидая дальнейшего продвижения к вершинам власти. Для человека, уже являющегося членом Политбюро и членом Совета обороны, дальнейшее продвижение означало лишь одно: он считал себя кандидатом на самый высокий пост в стране –

должность Генерального секретаря ЦК КПСС. Находясь на посту, где его рука сжимала «меч и щит» партии (это являлось официальным гербом КГБ), он знал все, что можно было знать о своих возможных соперниках. О честолюбии председателя, хотя никогда не проявлявшемся открыто, шепотом говорили в штаб-квартире КГБ, и немало дальновидных молодых офицеров ежедневно прилагали массу усилий, стараясь связать свою судьбу с восходящей звездой председателя Герасимова. Обаятельный человек, заметил Ватутин. Он даже встал из-за своего массивного дубового стола, когда посетители вошли к нему в кабинет, и жестом предложил им сесть в кресла рядом с собой. Ватутин был человеком, умело контролирующим свои мысли и эмоции; помимо этого он был слишком честным человеком, и обаяние председателя не оказало на него никакого воздействия.

Герасимов поднял папку.

– Полковник Ватутин, я прочитал доклад о возглавляемом вами следствии. Прекрасная работа. Не могли бы вы рассказать о том, что сделано за последнее время?

– Конечно, товарищ председатель, В настоящее время мы ведем розыск некоего Эдуарда Васильевича Алтунина. Он работает банщиком в Сандуновских банях. В результате допроса приемщика из химчистки нам стало известно, что Алтунин является следующим звеном в канале связи. К сожалению, он исчез тридцать шесть часов назад, но к концу недели мы надеемся отыскать его.

– Я и сам хожу в Сандуновские бани, – заметил Герасимов с иронией. Ватутин не замедлил добавить в свою очередь:

– Я тоже, товарищ председатель. Мне даже довелось видеть этого молодого человека. Я узнал его по фотографии в составляемом нами деле. Он служил ефрейтором в роте артиллерийско-технического обеспечения в Афганистане. В его личном деле, затребованном нами из Министерства обороны, говорится, что он возражал против использования некоторых видов оружия, тех, что мы применяли, чтобы заставить местное население отказаться от помощи бандитам. – Ватутин имел в виду взрывные устройства, замаскированные под игрушки, которые подбирали дети. – Политрук роты написал об Алтуanine доклад, однако уже после первого устного предупреждения тот замолчал и закончил службу в Афганистане без дальнейших инцидентов. Доклад ротного политрука подшит к его досье, и потому

Алтунина не взяли на завод и ему пришлось переходить с одной неквалифицированной работы на другую. Те, с кем он работал, говорят о нем, как о ничем не примечательном человеке, хотя и весьма молчаливом. Именно таким, разумеется, и должен быть вражеский агент. Он не рассказывал о своих неприятностях в Афганистане, даже когда выпивал. Его квартира находится под наблюдением, равно как и все его родственники и знакомые. Если нам не удастся быстро отыскать его, сомнений в шпионской деятельности Алтунина не останется. Но я не сомневаюсь, что мы отыщем его и я сам буду вести допрос.

Герасимов задумчиво кивнул.

– Мне стало известно, что для допроса Ванеевой была использована новая техника. Насколько успешно она действует?

– Весьма успешно. В данном случае методика оправдала себя, но должен признаться, что я испытываю определенные опасения по поводу освобождения Ванеевой.

– Это я распорядился освободить ее, если вам не сообщили об этом, – небрежно произнес Герасимов. – Принимая во внимание рекомендации врача, а также необходимость проявить крайнюю осторожность в отношении Ванеевой, я пришел к заключению, что можно пойти на такой риск. Надеюсь, вы не станете отрицать, что к этому делу не следует привлекать лишнее внимание? Никто ведь не снимает с нее обвинения в шпионаже.

Да, конечно, подумал Ватутин, и вы сможете использовать дочь, чтобы шантажировать отца, не так ли? Ее позор – это и его позор, а какой отец захочет увидеть своего единственного ребенка в ГУЛАГе?

– Совершенно верно, товарищ председатель, дело весьма щекотливое и станет еще более запутанным, – Ватутин тщательно выбирал слова.

– Продолжайте.

– В тот раз, когда я видел этого Алтунина, он стоял рядом с Михаилом Семеновичем Филитовым.

– Вы имеете в виду полковника Филитова, помощника маршала Язова, – Михаила Филитова?

– Да, товарищ председатель. Сегодня утром я внимательно прочитал его личное дело.

– И к какому выводу пришли? – вопрос задал начальник Ватутина.

– Ничего конкретного. Правда, я не знал, что он принимал участие в разоблачении Пеньковского... – Ватутин замолчал, и впервые на его лице отразилась нерешительность.

– Что-то вас беспокоит, полковник, – заметил Герасимов. – Что именно?

– Филитов появился в деле Пеньковского вскоре после смерти второго сына и жены. – Ватутин пожал плечами, – Странное совпадение.

– Разве Филитов не стал первым свидетелем против Пеньковского? – спросил начальник Второго главного управления. Он сам принимал участие, хотя и косвенное, в этом расследовании.

– Вот именно, – кивнул Ватутин, – но это произошло уже после того, как мы начали следить за шпионом. – Он сделал еще одну паузу. – Как я уже сказал, совпадение весьма странное. Сейчас мы разыскиваем человека, который, как мы подозреваем, работал связным и принимал участие в передаче сведений, касающихся оборонных секретов. Я видел его рядом с высокопоставленным сотрудником Министерства обороны, и этот сотрудник имел отношение к аналогичному делу почти тридцать лет назад. С другой стороны, именно Филитов был первым, кто сообщил о своих подозрениях относительно Пеньковского, он герой войны... и потерял всех своих членов семьи в результате неудачного стечения обстоятельств... – Ватутин впервые соединил все свои мысли в одно целое.

– А был ли раньше хотя бы намек на подозрение в отношении Филитова? – спросил председатель КГБ.

– Нет. Трудно представить себе более впечатляющий послужной список. Филитов был единственным ближайшим помощником покойного министра обороны Устинова, служил с ним на протяжении всей его карьеры и после его смерти остался в Министерстве обороны. Сейчас он исполняет роль генерального инспектора при министре обороны, выполняет его личные поручения.

– Да, я знаю, – ответил Герасимов. – Я получил запрос за подписью Язова. Он просит, чтобы мы прислали ему наше досье по работе американцев в области стратегической оборонной инициативы. Когда я позвонил ему, министр сказал, что полковник Филитов и Бондаренко собирают информацию для подробного доклада, который он собирается представить на Политбюро. Кодовое название,

обнаруженное вами на сохранившемся кадре фотопленки, было «Яркая звезда»?

– Да, товарищ председатель.

– Тогда у нас выявилось три совпадения, Ватутин, – заметил Герасимов. – Что вы предлагаете?

У Ватутина уже был готов ответ на этот вопрос.

– Я считаю необходимым организовать слежку за Филитовым. Может быть, и за Бондаренко.

– Согласен. Действуйте, но с максимальной осторожностью. – Герасимов закрыл папку. – Ваш отчет превосходно составлен, и, по моему мнению, ваш следовательский инстинкт по-прежнему не изменяет вам, полковник. Держите меня в курсе. Будете докладывать мне три раза в неделю, начиная с сегодняшнего дня и до завершения расследования. Генерал, – повернулся он к начальнику «Двойки», – позаботьтесь о том, чтобы полковнику была предоставлена вся необходимая помощь. Можете запрашивать поддержку в любом управлении комитета. Если возникнут затруднения, прошу сразу же информировать меня. Думаю, можно не сомневаться, что утечка информации происходит на самом высоком уровне в Министерстве обороны. Далее: допуск к этому расследованию ограничен нами тремя. Никто – повторяю – никто больше не будет с ним ознакомлен – Кто знает, где сумели внедрить своих агентов американцы? Ватутин, проведите это расследование успешно, и к лету вы получите генеральские погоны. Но, – он предостерегающе поднял палец, – мне хотелось бы, чтобы вы прекратили пить, пока не завершите это дело. Вам понадобится ясная голова.

– Слушаюсь, товарищ председатель.

Когда Ватутин со своим начальником вышли из кабинета, коридор был почти пуст.

– А как относительно Ванеевой? – вполголоса спросил Ватутин.

– Все из-за ее отца, разумеется. Генеральный секретарь Нармонов на будущей неделе сообщит о его избрании в состав Политбюро, – ответил генерал бесстрастным голосом.

И, уж конечно, будет неплохо, когда в Политбюро окажется еще один человек, на поддержку которого может рассчитывать председатель КГБ, подумал Ватутин. Неужели Герасимов готовится предпринять решительные действия?

– Не забудьте, что он сказал относительно выпивки, – напомнил генерал. – До меня доходят слухи, что последнее время вы часто прикладываетесь к бутылке. По вопросу пагубного влияния алкоголя генеральный секретарь и наш председатель придерживаются единой точки зрения. Надеюсь, вы знаете об этом?

– Да, товарищ генерал, – ответил Ватутин. Разумеется, это единственный вопрос, по которому их точки зрения совпадают. Подобно каждому настоящему русскому, Ватутин считал, что водка является такой же важной частью жизни, как воздух. Ему пришло в голову, что именно благодаря тяжелому похмелью он отправился в баню тем утром и потому стал свидетелем странного совпадения, когда банщик Алтунин помог встать поскользнувшемуся полковнику Филитову, но Ватутин решил не напоминать об этой иронии судьбы своему начальнику. Вернувшись вскоре в свой кабинет, Ватутин положил перед собой блокнот и начал составлять план слежки за двумя полковниками Советской Армии.

Грегори вернулся домой обычным рейсовым самолетом с пересадкой в Канзас-Сити, где ему пришлось ждать два часа. Он спал почти все время рейса и, сойдя с самолета, направился прямо к выходу – у него не было багажа. Невеста ждала его у дверей.

– Как тебе понравился Вашингтон? – спросила она после приветственного поцелуя.

– Там ничего не меняется. Меня возили из одного места в другое. По их мнению, ученые могут не спать. – На пути к машине он взял ее за руку.

– Зачем тебя вызывали? – поинтересовалась Кэнди, когда они вышли из здания аэропорта.

– Русские провели крупное испытание, – ответил Грегори и оглянулся вокруг. Вообще-то он нарушил правила сохранения государственной тайны, но разве Кэнди не была членом команды? – Они сбили спутник – с помощью наземного лазера, размещенного в Душанбе. Все, что осталось от спутника, походило на пластмассовую модель, которую поместили в микроволновую печь.

– Плохо, – заметила доктор Лонг.

– Это уж точно, – согласился доктор Грегори. – Но у них возникли трудности с оптикой – рассеивание луча и его колебание. Не приходится сомневаться, что у них нет никого, кто вроде тебя способен создавать зеркала. А вот специалисты по лазерам у них, по-видимому, хорошие.

– Насколько хорошие?

– Настолько, что сумели сделать такое, что нам не пришло в голову, – проворчал Эл, направляясь к своему «шеви». – Садись за руль, я еще не пришел в себя после полета.

– Мы сможем разобраться в этом? – спросила Кэнди, отпирая дверцу.

– Рано или поздно. – Доктор Грегори не стал вдаваться в подробности, даже разговаривая с невестой.

Кэнди забралась в машину и открыла правую переднюю дверцу. Как только Эл устроился на сиденье и пристегнулся ремнями безопасности, он тут же приподнял крышку «бардачка» и достал бисквит. У него всегда хранился здесь запас «Твинки». Бисквит был черствоват, но Эл не обращал внимания на такие мелочи. Иногда Кэнди задумывалась, а не объяснялась ли его любовь к ней тем, что ее имя напоминало ему о дешевых сладостях.

– Как продвигается работа над новым зеркалом? – спросил он, откусив половинку бисквита.

– У Марва возникла новая мысль, и сейчас мы ею занимаемся. Он считает, что вместо того, чтобы утолщать слой отражающего покрытия, его нужно сделать тоньше. На будущей неделе собираемся попробовать.

– Для такого старика, как Марв, у него немало свежих идей, – заметил Эл. Марву Грину исполнилось сорок два года.

– Его секретарша тоже считает Марва большим оригиналом, – рассмеялась Кэнди.

– Не надо было ему связываться с женщинами, с которыми вместе работает, – совершенно серьезно заметил Грегори и лишь спустя мгновение поморщился, поняв смысл собственных слов.

– Ты прав, милый. – Она повернулась к Элу, и оба улыбнулись. – Ты очень устал?

– Нет, я выспался во время перелета.

– Отлично.

Перед тем как обнять ее, Грегори смял обертку и бросил ее на пол, где она присоединилась к нескольким десяткам других. Ему приходилось часто летать, но Кэнди знала, как помочь Элу преодолеть влияние смены часовых поясов.

– Ну как, Джек? – спросил адмирал Грир.

– Меня не покидает тревога, – признался Райан. – Мы оказались свидетелями испытания, проведенного русскими, по чистой случайности. Они все рассчитали блестяще. Все наши разведывательные спутники находились за пределами оптического горизонта. Они полагали, что мы не узнаем о проведенном испытании – ничего удивительного, поскольку русские нарушили договор о запрещении ПРО. Впрочем, это всего лишь техническое нарушение, – пожал плечами Джек. – Все зависит от того, как истолковывать текст договора. Существуют два метода толкования его – «строгое» и «свободное». Если бы мы совершили нечто подобное, сенат сошел бы с ума.

– Им не понравился бы и тест, свидетелем которого ты был, – заметил адмирал. Очень мало людей знали о том, насколько далеко продвинулась работа в «Чайном клипере». Программа была «черной». Более закрытых программ, чем совершенно секретная «черная» программа, просто не бывает.

– Может быть. Но ведь мы испытываем систему наведения, а не настоящее оружие.

– А русские испытывали свою систему, чтобы убедиться в том, представляет ли она собой космическое оружие, – усмехнулся Грир и покачал головой. – Это походит на метафизические рассуждения. Сколько лазеров может уместиться на острие булавки?

– Не сомневаюсь, что Эрни Аллен мог бы ответить на этот вопрос. – По лицу Джека пробежала улыбка. Он во многом был не согласен с Алленом, но этот человек не мог не вызывать уважение. – Надеюсь, что наш друг в Москве сумеет снабдить нас необходимой информацией.

12. Успех и неудача

При организации слежки за всяким подозреваемым необходимо установить, как он – или она – проводит свой обычный день, и лишь после этого станет ясно, что требуется предпринять. Чем более одинок человек или его деятельность, тем труднее следить за ним, причем так, чтобы он не заметил слежки. Так, например, сотрудники КГБ, выделенные для наблюдения за полковником Бондаренко, уже успели невзлюбить его всей душой. По их мнению, его ежедневные пробежки представляли собой идеальную маскировку для шпиона. Он бежал совершенно один по московским улицам, которые в столь ранний час были почти пустыми – настолько пустыми, что все, кто находился в это время на улице, были несомненно знакомы ему в лицо, и он сразу заметил бы любые отклонения от обычной картины. Пока он бежал вокруг кварталов жилых районов Москвы, три сотрудника «Двойки», которым было предписано не спускать с него глаз, теряли визуальный контакт с ним не меньше пяти раз. Укрыться можно было лишь за редкими, лишенными листвы деревьями, так как башни многоэтажных жилых домов походили здесь на надгробные памятники, одиноко стоящие посреди открытого пространства. В любой из этих пяти моментов Бондаренко мог остановиться и забрать что-то из скрытого «почтового ящика» или оставить собственное донесение. Все это было тем более неприятно потому, что репутация этого полковника Советской Армии была безупречной и чистой, как только что выпавший снег; впрочем, именно такое прикрытие и стремится создать себе агент вражеской разведки, ведя деятельность, направленную на подрыв оборонной мощи государства.

Его снова заметили, когда он огибал угол здания, направляясь домой. Ноги полковника Бондаренко двигались энергично, в холодном воздухе виднелись крохотные облачка пара, вырывающегося изо рта. Старший группы пришел к выводу, что понадобится не менее полудюжины «топтунов» только для того, чтобы

следить за полковником во время его утренней пробежки. К тому же придется прибывать на место по крайней мере за час до того, как субъект выйдет из подъезда, и страдать от пронизывающего холода

московского рассвета. Сотрудники «Двойки» придерживались мнения, что их службу крайне недооценивают.

За несколько километров другая группа «топтунов» была очень довольна своим субъектом. В этом случае удалось заполучить квартиру на восьмом этаже здания на противоположной стороне улицы – дипломат, живущий в этой квартире, находился за границей. Пара телеобъективов была направлена на окна квартиры полковника Филитова, а он принадлежал к числу тех, кто никогда не опускает шторы и вообще далек от мысли хотя бы как-то их поправить. Они следили за тем, как он занимается своими утренними делами подобно человеку слишком много выпившему накануне. Это обстоятельство было хорошо знакомо сотрудникам «Двойки», наблюдавшим за полковником из удобной и теплой квартиры напротив.

Михаил Семенович занимал достаточно высокий пост в Министерстве обороны, чтобы иметь право на служебную машину с водителем. Оказалось несложно заменить сержанта, обычно обслуживающего его, и усадить на место водителя румяного парня, только что закончившего школу контрразведки КГБ. Подслушивающее устройство, подключенное к телефону Филитова, записало его просьбу прислать автомобиль раньше обычного.

Эд Фоули тоже вышел из своей квартиры раньше обычного. На этот раз его отвозила жена, а дети разместились на заднем сиденье. В досье КГБ с немалым удивлением отмечалось, что обычно машина находится в распоряжении жены, которая ездила с детьми и вообще встречалась с женами других западных дипломатов. В советской семье автомобиль всегда принадлежал мужу, распоряжавшемуся им по собственному усмотрению. По крайней мере на этот раз, отметили сотрудники КГБ, она не заставила мужа ехать на метро – весьма благородно с ее стороны. Милиционер на посту у въезда в дипломатический квартал – все знали, что он служит в КГБ, – заметил время выезда автомобиля и кто в нем сидел. Вообще-то сегодня эта машина выехала необычно рано, и охранник оглянулся по сторонам, чтобы убедиться, успел ли приехать сотрудник, которому нередко

поручалось следить за семьей Фоули. На этот раз «хвост» отсутствовал. Постоянное наблюдение требовалось за более «важными» американцами.

У Эда Фоули была русская меховая шапка, а его пальто было достаточно старым и поношенным, так что не выглядело слишком уж заграничным. Несколько выделялся шерстяной шарф, обмотанный вокруг шеи, который закрывал горло и галстук в косую полоску. Русские охранники, знавшие его в лицо, обратили внимание на то, что для Фоули, как и для большинства иностранцев, русская погода была сурова – всех их она стригла под одну гребенку. Если вы хотели пережить русскую зиму, вам очень скоро приходилось одеваться и вести себя подобно русским – даже в походе, когда наклоняешься вперед, словно все время смотришь под ноги.

Сначала высадили у школы детей. Мэри-Пэт Фоули умело управляла машиной, каждые три-четыре секунды поглядывая в зеркало заднего обзора. Вообще-то ездить было нетрудно, особенно по сравнению с американскими городами. Хотя русские водители временами вели себя совершенно непредсказуемо, машин на улицах было не так уж много, и Мэри-Пэт, научившаяся водить машину в Нью-Йорке, здесь могла справиться почти с любой ситуацией. Как часто бывает с водителями, привыкшими ежедневно ездить по городу, ее маршрут состоял из множества поворотов, когда она проезжала по переулку и узким улочкам, чтобы избежать места скопления автомобилей и ежедневно сберегать несколько минут за счет лишних литра-другого бензина.

Повернув за угол, она мгновенно затормозила у обочины, и ее муж вышел из машины. Когда он хлопнул дверцей, машина уже тронулась с места, хотя и не слишком быстро, по направлению к соседнему въезду в квартал. На этот раз сердце у Эда Фоули билось очень часто. Такую операцию в прошлом он проделывал лишь однажды, и она отнюдь не нравилась ему. Войдя в подъезд, он направился не к лифту, а стремительно побежал по лестнице на восьмой этаж, поглядывая на часы.

Эд не мог понять, каким образом его жена проделывала все это. Его мужское самолюбие явно ущемляло, что она управляла машиной намного лучше и точнее его и останавливала автомобиль в нужном месте с точностью плюс-минус пять секунд. На подъем у него было

ровно две минуты, и Фоули успел взбежать на восьмой этаж на несколько секунд раньше. Он окинул взглядом коридор. Они такие удобные, эти коридоры, особенно длинные и прямые в высотных жилых домах. Здесь негде спрятаться людям с фотоаппаратами, чтобы заснять момент передачи, да и расположение всегда одно и то же: в середине лифты, а по обеим сторонам – пожарные лестницы. Эд быстро пошел по коридору, мимо лифтов, направляясь к дальнему концу. Сейчас он мог легко проверить время по ударам своего сердца. В двадцати ярдах перед ним открылась дверь, и в коридор вышел мужчина в армейской форме. Он повернулся, запер дверь квартиры, взял портфель и пошел навстречу Фиули. Находишься в коридоре посторонний, он удивился бы. что ни один из мужчин не отклонился в сторону, уступая дорогу другому.

Через мгновение все закончилось. Рука Фоули скользнула по руке «Кардинала», приняла кассету, а в руке полковника оказался крошечный клочок бумаги. Эду показалось, что в глазах агента мелькнуло раздражение, но не более, даже не последовало обычного: «Извините, товарищ». Офицер, не останавливаясь, пошел к лифту, а Фоули продолжал идти к лестнице и, не торопясь, спустился вниз.

Полковник Филитов вышел из подъезда точно в тот момент, как этого ожидали наблюдавшие за ним. Сержант, стоявший у открытой дверцы машины, заметил, что полковник что-то жует – по-видимому, у него что-то застряло между зубами.

- Здравия желаю, товарищ полковник.
 - Где Жданов? – спросил Филитов, опускаясь на сиденье машины.
 - Заболел. Врачи думают, что у него аппендицит.
- В ответ сержант услышал недовольное ворчание старого офицера:
- Поехали, нечего ждать. Я хочу успеть в парилку.

Фоули вышел из задней двери дома через минуту и миновал два квартала, направляясь к соседней улице. Он подошел к обочине, и тут же перед ним остановилась машина, за рулем которой сидела его жена. Эд открыл дверцу, сел рядом с ней, и автомобиль тронулся, едва успев остановиться. Оба перевели дух. Машина поехала в сторону посольства.

– Чем ты будешь сегодня заниматься? – спросила она, все еще поглядывая в зеркало.

– Обычными делами, – прозвучал усталый ответ.

Михаил Семенович уже вошел в парную. Он обратил внимание на отсутствие банщика и на появление нескольких незнакомых лиц. Значит, вот чем объяснялся специальный метод передачи сегодня утром, подумал он. Его лицо оставалось бесстрастным, когда он обменивался приветствиями со знакомыми завсегдатаями бани. Жаль, что у него кончилась фотопленка. К тому же он получил предупреждение от Фоули. Значит, за ним снова установили слежку. Ничего страшного – каждые несколько лет какому-нибудь офицеру службы безопасности попадает вожжа под хвост и начинается проверка всех руководящих сотрудников Министерства обороны. ЦРУ заметило это и прервало обычный канал связи. Было забавно, подумал он, видеть выражение лица этого молодого парня в коридоре. Так мало осталось людей, знающих на личном опыте, что такое боевая обстановка. Люди так легко поддаются испугу. Только в бою можно научиться, чего следует бояться, а на что не обращать внимания, сказал себе Филитов.

В раздевалке, за дверями парной, сотрудник «Двойки» обыскивал одежду Филитова. В это же время в автомобиле осматривали его портфель. В обоих случаях процедура была одинаковой – быстрой и тщательной.

Обыск в квартире Филитова велся под руководством самого Ватутина. Здесь работой занимались эксперты, на руках у которых были тонкие резиновые перчатки, как у хирургов, и они провели немало времени, стараясь обнаружить специальные знаки,

оставленные хозяином. Это могла быть крошка хлеба, обрывок бумаги или даже человеческий волос, положенный в такое место, что его исчезновение продемонстрирует хозяину квартиры, что здесь в его отсутствие кто-то был. Сотрудники, которые вели обыск, сделали множество фотографий, тут же отправленных в фотолабораторию, и затем приступили к делу. Почти сразу был обнаружен дневник. Ватутин наклонился и посмотрел на самую обычную толстую тетрадь, лежавшую в верхнем ящике стола, – он хотел убедиться, что ее расположение не было помечено каким-нибудь тайным образом. Через пару минут он взял дневник и принялся читать.

Полковник Ватутин был раздражен. Прошлой ночью он плохо спал. Подобно большинству регулярно пьющих людей, ему требовалось несколько стаканов спиртного перед сном, чтобы заснуть, да и волнение, связанное с расследованием, явилось дополнительным источником раздражительности, так что в результате он ворочался всю ночь. Его лицо показывало все это достаточно красноречиво, так что подчиненные предпочитали молчать.

– Фотоаппарат, – коротко бросил он. Подошел сотрудник и начал делать снимки страниц дневника, которые переворачивал Ватутин.

– Кто-то пытался открыть замок на входной двери квартиры отмычкой, – доложил майор. – Отчетливо видны царапины вокруг замочной скважины. Если мы разберем замок, думаю, обнаружим царапины и на сувальдах. По-видимому, кто-то сумел проникнуть в квартиру.

– То, что они искали, – у меня в руках, – раздраженно бросил Ватутин. Сотрудники, работавшие в квартире, повернулись к нему. Техник, занимавшийся холодильником, снял переднюю панель, заглянул под нее и поставил на место. – Этот сукин сын ведет дневник, черт побери! Неужели никто больше не желает соблюдать инструкции о правилах секретности делопроизводства?

Теперь ему все стало ясно. Полковник Филитов пользовался личным дневником при подготовке официальных документов руководству. Кто-то каким-то образом узнал об этом и проник в квартиру, чтобы сфотографировать страницы, содержащие...

Насколько это вероятно? – спросил себя Ватутин. Настолько же, как и объяснение поступков человека, записывающего у себя в дневнике основное содержание секретных документов, когда он с

неменьшей легкостью мог бы переписать их у себя за столом в Министерстве обороны.

Обыск продолжался два часа, и, когда сотрудники «Двойки» ушли из квартиры – по одному или парами, – все осталось в точности как раньше.

Вернувшись к себе в кабинет, Ватутин внимательно прочитал сфотографированные записи в дневнике полковника Филитова – во время обыска в квартире он всего лишь пробежал их глазами. Кадр из перехваченной пленки в точности соответствовал странице в начале дневника. Ватутин потратил час, просматривая фотографии страниц. Содержащиеся в дневнике сведения сами по себе производили большое впечатление. Филитов весьма подробно описал проект «Яркая звезда». По правде говоря, объяснения старого полковника выглядели более четкими и доходчивыми, чем та информация о проекте, которую Ватутин получил для ведения расследования. Среди дневниковых записей содержались замечания полковника Бондаренко относительно безопасности объекта и несколько жалоб на недостаточное внимание, уделяемое проекту в министерстве. Было очевидно, что оба полковника с огромным энтузиазмом относились к «Яркой звезде», и Ватутин уже встал на их сторону. Однако министр Язов, прочитав он в дневнике дальше, еще не принял решения. Следовали жалобы на недостаточное финансирование проекта – ну, это старая песня, правда?

Ватутин не сомневался, что полковник Филитов нарушил правила хранения государственной тайны, записав у себя дома содержание совершенно секретных документов. Для любого служащего министерства, занимавшего невысокий или даже средний по значению пост, такое нарушение было достаточно серьезным, чтобы его уволили с работы и отдали под суд, однако Филитов по степени допуска и значимости своей должности не уступал министру обороны. а Ватутин хорошо знал, что высокопоставленные чиновники рассматривали необходимость соблюдения государственных тайн как неудобство, мешающее им должным образом заботиться об интересах государства, причем самих себя они считали высшими судьями в этом отношении. Интересно, подумал Ватутин, неужели и в других странах так же относятся к сохранению государственных тайн? Одно было очевидно: перед тем как он или любой другой сотрудник КГБ обвинит Филитова в разглашении государственной тайны или в чем-нибудь еще,

потребуется более серьезные доказательства. Даже если Филитов и является иностранным агентом... А почему я ищу предлог, чтобы не согласиться с этим? – подумал Ватутин и тут же вспомнил пребывание в квартире полковника и фотографии на стенах. Там висели буквально сотни снимков: Филитов с биноклем на башне своего Т-34; Филитов и его экипаж в снегах Сталинграда; Филитов и члены экипажа возле немецкого танка с пробоинами в бортовой броне... Филитов на постели в госпитале, а сам Сталин прикалывает третью Звезду Героя к его подушке, причем рядом стоят прелестная жена Филитова и двое детей. Все это напоминает о жизни героя и патриота.

В прежнее время это не имело бы никакого значения, напомнил себе Ватутин. Тогда все были у нас на подозрении.

Царапины на замке могли быть сделаны кем угодно. Ватутин поспешил заключить, что это – дело рук исчезнувшего банщика из Сандуновских бань. Бывший механик, занимавшийся артиллерийским вооружением, он наверняка сумел бы открыть любой замок. А что, если это всего лишь совпадение?

Но если Филитов действительно вражеский агент, почему бы ему не сфотографировать секретные бумаги самому? Являясь помощником министра обороны, он может потребовать, чтобы ему доставили любые документы, а пронести миниатюрную камеру в министерство не составит труда.

Но получи мы пленку с фотографией такого документа, Филитов был бы уже в Лефортовской тюрьме...

А что, если он проявил хитрость? Что, если он хочет, чтобы мы думали, что кто-то тайно фотографирует сведения, содержащиеся в его дневнике? Я могу собрать всю информацию, имеющуюся сейчас в моем распоряжении, и отправиться с ней в Министерство обороны, но ведь мы можем обвинить его лишь в нарушении правил секретного делопроизводства, принятых в министерстве, а если он ответит, что привык работать дома, и признает, что нарушил правила, а министр возьмет его под защиту – станет ли министр защищать Филитова?

Да, конечно, Ватутин не сомневался в этом. Во-первых, Михаил Семенович является его ближайшим помощником и заслуженным кадровым офицером. Во-вторых, армия всегда сплачивает свои ряды, когда требуется защитить одного из ее офицеров от КГБ. Эти сукины дети ненавидят нас больше, чем Запад, Советская армия навсегда

запомнила конец тридцатых годов, когда Сталин воспользовался службой безопасности, чтобы устранить почти весь высший командный состав, и в результате немецкая армия едва не захватила Москву – Нет, если мы явимся к ним лишь с тем, чем располагаем сейчас, они только отмахнутся и начнут собственное расследование силами ГРУ.

Интересно, сколько отклонений от нормы и странных совпадений встретится нам во время этого расследования? – подумал полковник Ватутин.

Фоули думал о том же, сидя в своей камере в нескольких милях от кабинета Ватутина. Он проявил пленку и теперь просматривал ее. На этот раз он с раздражением заметил, что у «Кардинала» кончилась пленка и ему не удалось воспроизвести документ целиком. Тем не менее, судя по тем кадрам, которые имелись в его распоряжении, было ясно, что у КГБ имелся свой агент в американском проекте, носившем название «Чайный клипер». Судя по всему, Филитов пришел к выводу, что для американцев сообщение об агенте КГБ, внедренном в их секретный проект, составит больший интерес, чем информация о том, чем занимаются русские ученые, и, прочитав полученную информацию, Фоули был склонен согласиться с ним. Ясно. Он передаст «Кардиналу» свежую пленку, получит от него полный текст документа и затем сообщит ему, что наступило время уходить. Эвакуация Филитова произойдет не раньше чем через десять дней. У него еще немало времени, сказал себе Фоули, чувствуя одновременно, как по спине бегут холодные мурашки, говорящие о совсем противоположном.

Теперь подумаем о следующем шаге. Как передать кассеты с пленкой «Кардиналу»? Прежний канал связи уничтожен, и потребуется несколько недель, чтобы создать новый. Эду не хотелось идти на риск прямого контакта еще раз.

Неприятности должны были случиться, он знал это. Конечно, все шло гладко на протяжении нескольких лет. пока он поддерживал, связь с этим агентом, но рано или поздно проблемы возникают. Редкая

случайность, сказал он себе. В конце концов, игральные кости обязательно подведут. Когда его впервые послали сюда и он познакомился с историей деятельности «Кардинала», его поразило, что этот агент сумел продержаться так долго, отказался от трех предложений вывезти его на Запад. Сколько можно испытывать судьбу? Не иначе, старик пришел к заключению, что он непобедим. Гордыня овладевает теми, кого боги хотят уничтожить, подумал Фоули.

Он отбросил эти мысли и продолжил работу. К вечеру на Запад вылетит курьер с новым докладом «Кардинала».

- Он находится в пути, – сообщил Риттер директору ЦРУ.
- Слава Богу. – На лице судьи Мура появилась улыбка. – А теперь давай сделаем все, чтобы вытащить его оттуда.
- Кларк проходит инструктаж. Завтра он вылетает в Англию и днем позже встречается подводную лодку.
- Еще один парень испытывает благоволение судьбы, – заметил судья Мур.
- Лучше их у нас нет, – ответил Риттер.

– Для того чтобы предпринять какие-то шаги, у нас недостаточно доказательств, – сказал Ватутин председателю КГБ, после того как ознакомил его с результатами слежки и обыска. – Я подключил к операции еще несколько сотрудников. Мы также установили подслушивающие устройства в квартире Филитова...

- А что с тем другим полковником?
- Бондаренко? Нам не удалось произвести обыск у него в квартире. Жена Бондаренко не работает и весь день находится дома. Сегодня мы узнали, что каждое утро он совершает пробежки, и потому нам пришлось усилить группу наблюдения еще несколькими сотрудниками. Вся информация о нем, которую нам удалось получить,

сводится к тому, что Бондаренко характеризуется с наилучшей стороны, более того, у него образцовая репутация и немалое честолюбие. В настоящее время он назначен официальным представителем министерства в проекте «Яркая звезда» и, как вы увидели из записей в дневнике, самым активным образом его поддерживает.

– Ваше мнение о нем? – Председатель задавал вопросы отрывистым, но не угрожающим голосом. Просто он был занятым человеком и экономил время.

– До настоящего момента у нас нет оснований для малейших подозрений. Он получил боевые награды за службу в Афганистане; там он возглавил отряд спецназа, попавший в засаду, и сумел отразить настойчивые атаки бандитов. Будучи в командировке на объекте «Яркая звезда», Бондаренко упрекал подразделение войск КГБ, которое несет там охрану, за недостаточную бдительность, но в своем официальном отчете, представленном в министерстве, он объяснил причины, и к ним трудно придаться.

– Какие меры приняты? – спросил Герасимов.

– Офицер, посланный туда для проверки, погиб при авиационной катастрофе в Афганистане – Мне сказали, что на днях направляют другого офицера.

– Как дела с банщиком?

– Продолжаем поиски. Пока безрезультатно. Наши люди находятся повсюду: в аэропортах, на вокзалах, на станциях. При любых изменениях в деле я сразу доложу вам.

– Очень хорошо. Можете идти, полковник. – Герасимов склонился над бумагами на столе.

После того как Вагутин вышел из кабинета, председатель Комитета госбезопасности позволил себе улыбнуться. Поразительно, как удачно все складывается. Решающим моментом оказалось дело Ванеевой. Не так часто удается раскрыть шпионскую группу, действующую в Москве, и, когда такое происходит, прежде всего задается вопрос: почему для этого потребовалось столько времени? В этом вопросе вместо поздравлений звучит упрек. На этот раз такого не случится. Нет, не случится, потому что отец Ванеевой вот-вот будет назначен членом Политбюро. А генеральный секретарь Нармонов считает, что Ванеев останется преданным ему, человеку, который

продвинул его на самый верх. Нармонов со своими мечтами о сокращении вооружений, ослаблении контроля партии над жизнью страны, «либерализацией» всего завещанного партии... Герасимов изменит все это.

Добиться этого будет, разумеется, непросто. У Герасимова было всего три надежных сторонника в Политбюро, но среди них – Александров, партийный идеолог, которого Нармонов не смог убрать из прежнего состава, несмотря на то что Александров возражал против изменения генеральной линии. А теперь у Герасимова появился новый союзник, совершенно неизвестный Нармонову. С другой стороны, у генерального секретаря поддержка армии.

И все это следствие поступка Матиаса Руста, немецкого парня, сумевшего посадить свою арендованную «Сесну» на Красной площади. Нармонов проявил себя хитрым политиком. Руст прилетел в Советский Союз в День пограничника – совпадение, которое он не сумел объяснить, – и Нармонов лишил КГБ возможности провести настоящий допрос воздушного хулигана! Герасимов все еще испытывал раздражение по этому поводу. Молодой немец отправился в полет в тот единственный день в году, когда все пограничные войска КГБ, насчитывающие огромное количество стражей границы, напиваются до потери сознания. Вот почему он перелетел через Финский залив и никто не сумел обнаружить его. Затем легкий самолет упустили войска ПВО, и юноша совершил посадку прямо перед собором Василия Блаженного!

После этого генеральный секретарь Нармонов быстро взялся за дело: результатом бурного заседания Политбюро, на котором Герасимов не смог высказать свои возражения, опасаясь поставить под удар самого себя, были уволены в отставку командующий войсками ПВО и министр обороны маршал Соколов. Новый министр обороны, маршал Д. Т. Язов, был ставленником Нармонова. Ничтожество, ло того находившееся на низшей ступени среди высших военачальников, человек, не сумевший заслужить выдвижение и полагавшийся на поддержку генерального секретаря. В результате наиболее уязвимая брешь в обороне Нармонова оказалась прикрытой. Ситуация осложнялась тем, что Язов все еще не сумел полностью утвердиться на своем посту и нуждался в поддержке опытных офицеров вроде полковника Филитова.

А Вагутин считает, что это всего лишь контрразведывательная операция, проворчал про себя Герасимов.

Меры безопасности вокруг сведений, получаемых от «Кардинала», не позволяли Фоули сообщить о высланном докладе обычным путем. Даже одноразовые шифры, теоретически совершенно неподдающиеся расшифровке, в данном случае были запрещены. Таким образом, краткое резюме на первой странице, предшествующее последнему докладу, предупреждало сообщество, обладающее допуском «дельта», что высланные данные были не совсем те, что ожидались.

Когда Боб Риттер понял это, его словно выбросило из кресла. Он взял сделанные ксерокопии и, прежде чем отправиться в кабинет директора ЦРУ, уничтожил оригинал. Грир и Райан были уже там.

– У него кончилась пленка, – произнес заместитель директора ЦРУ по оперативной работе, как только за ним закрылась дверь.

– Что? – спросил судья Мур,

– Появилась новая информация. Судя по всему, у наших коллег из КГБ есть агент, внедренный в проект «Чайный клипер», только что передавший им сведения о нашей работе над новым типом зеркала, и «Кардинал» решил, что это более важно. На все у него не хватало пленки, и он уделил основное внимание деятельности КГБ в «Чайном клипере». В результате мы получили всего половину данных по их лазерной установке.

– Половины может оказаться достаточно, – заметил Райан. На лице Риттера появилась гримаса раздражения. Ему совсем не понравилось, что Райан теперь имел доступ к информации по каналу «дельта».

– Он обсуждает в своем докладе последствия изменений в типе зеркала, но ничего не говорит о самих изменениях.

– Мы в состоянии опознать источник утечки информации с нашей стороны? – спросил адмирал Грир.

– Может быть. Это человек, непосредственно занимающийся зеркалами. Нужно немедленно известить об этом Паркса. Райан, вы

были там. Как ваше мнение?

– Испытание, на котором я присутствовал, подтвердило надежность действия зеркал и программного обеспечения регулируемой оптики. Если русским удастся скопировать наши достижения – ведь мы знаем, что лазерная система действует у них идеально... – На мгновение он замолчал. – Господа, последствия могут оказаться катастрофическими. Если русским удастся добиться успеха первыми, все критерии, связанные с переговорами по сокращению вооружений, окажутся устаревшими, и мы столкнемся с ухудшающейся стратегической ситуацией. Разумеется, пройдет несколько лет, прежде чем проблема проявится во всей своей полноте, но...

– Если нашему агенту удастся заполучить свежую кассету, черт бы ее побрал, мы сами сумеем сделать бросок вперед, – заметил замести гель директора ЦРУ по оперативной работе. – Есть и хорошие новости. Этот полковник Бондаренко, которого «Кардинал» выбрал для руководства отделом лазерного оружия, будет регулярно информировать его о ходе работ. А вот плохие новости...

– Не будем пока заниматься ими, – прервал его судья Мур. Взглядом он предупредил Риттера, что Райану не обязательно знать все подробности, и заместитель директора кивнул в знак согласия. – Джек, ты сказал, что у тебя есть что-то еще?

– В ближайшие дни последует новое назначение в состав Политбюро – новым членом станет Илья Аркадьевич Ванеев. Ему шестьдесят три года, вдовец. Имеет дочь, Светлану, которая работает в Госплане, разведена, с одним ребенком. Ванеев считается честным человеком – по русским стандартам, откровенным и прямым. Насколько нам известно, компрометирующих сведений о нем нет. Он занимает этот пост, являясь членом Центрального Комитета. Именно Ванеев занимался там сельским хозяйством, после того как Нармонов стал генеральным секретарем, и вроде бы успешно справлялся с работой. Говорят, что он – человек Нармонова. Это означает, что у генерального секретаря теперь поддержка четырех членов Политбюро – на одного больше, чем у фракции Александрова, и потому... – Увидев расстроенные лица остальных троих присутствующих, Райан замолчал. – В чем дело? – спросил он наконец.

– Дочь Ванеева завербована людьми сэра Базиля, – сообщил ему судья Мур,

– Немедленно прервите все контакты, – решительно заявил Райан. – Конечно, было бы неплохо иметь такой источник информации, но подобный скандал может поставить Нармонова в сложное положение. Пусть остается несколько лет в запасе. В дальнейшем можно снова подключить ее к работе, однако пока ни в коем случае не касайтесь ее.

– Это может оказаться не так просто, – бросил Риттер и прекратил обсуждение этой темы. – Как идет работа над оценкой ситуации?

– Закончил вчера.

– Учтите, доклад предназначен для президента и нескольких его сотрудников, так что допуск крайне ограничен,

– Согласен. Я могу отдать текст в печать сегодня после обеда. Я больше не нужен?...

Судья Мур кивнул, и Райан вышел из кабинета. Директор ЦРУ смотрел ему вслед и заговорил лишь после того, как дверь закрылась.

– Я пока еще никому об этом не говорил, но президент снова обеспокоен тем, насколько прочной является позиция Нармонова. По мнению Эрни Аллена, недавние перемены в повелении советской стороны указывают на ослабление поддержки Нармонова внутри страны, и он убедил босса, что сейчас не следует оказывать давление на русских по некоторым вопросам. Так что, если мы сейчас вывезем из России «Кардинала», это может оказать, скажем так, неблагоприятное воздействие на политическую ситуацию.

– Если его арестуют, неблагоприятное воздействие окажется ничуть не меньшим, – напомнил Риттер. – Не говоря уже о несколько пагубном влиянии на нашего агента. Артур, они вышли на его след. Не исключено, что им уже удалось добраться до дочери Ванеева...

– Она вернулась на работу в Госплан, – сказал заместитель директора ЦРУ по разведке.

– Да, конечно, а вот наш человек из химчистки исчез. Они, по-видимому, сумели арестовать и сломать Ванееву, – настаивал Риттер. – Нужно вывезти его наконец. Мы не можем оставить «Кардинала» висеть, как белье на веревке. Это наш долг перед ним, Артур.

– Я не могу дать согласие на эвакуацию без разрешения президента.

Чувствовалось, что Риттер готов взорваться.

– Тогда получи это разрешение! Наплевать на политику – в данном случае нужно отбросить в сторону политические соображения. Помимо всего прочего, Артур, не следует забывать, что у этого дела есть еще и практическая сторона. Если мы бросим своего агента и не шевельнем пальцем, чтобы помочь ему, об этом станет известно – черт побери, яа русские снимут об этом телесериал и будут показывать на весь свет! В конечном итоге это обойдется нам куда дороже, чем временная политическая выгода!

– Одну минуту, – вмешался Грир, – если им удалось сломать дочь этого партийного чиновника, почему она вернулась на работу?

– Может быть, и здесь замешана политика? – задумчиво сказал судья Мур. – Ты полагаешь, что КГБ не решится тронуть семью этого Ванеева?

– Герасимов принадлежит к числу противников Нармонова, – фыркнул Риттер, – и разве он упустит возможность помешать человеку Нармонова занять место в Политбюро? Это действительно похоже на политику, но несколько иного рода. Скорее всего наш друг Александров сумел привлечь этого Ванеева на свою сторону, а Нармонов еще не подозревает об этом.

– Итак, ты считаешь, что они сломали ее, но отпустили, чтобы использовать дочь как средство давления на отца? – спросил судья Мур. – Похоже на правду. Но у нас нет доказательств.

– Александров слишком стар, чтобы стремиться занять пост генерального секретаря, да и вообще секретари по идеологии обычно не занимают высший пост – куда интереснее «делать королей». Любимчик Александрова – Герасимов, а мы знаем, что у него достаточно честолюбия на то, чтобы его короновали как императора Николая Третьего.

– Боб, но ты только что упомянул еще одну причину, по которой не следует сейчас раскачивать лодку. – Адмирал Грир отпил кофе. – Мне тоже не нравится оставлять там Филитова. А нельзя ли посоветовать ему затаиться на время? На мой взгляд, при создавшейся сейчас ситуации он может опровергнуть все обвинения, которые могут быть выдвинуты против него.

– Нет, Джеймс, – выразительно покачал головой Риттер. – Разве мы можем дать ему команду затаиться, в то время как нам требуется

вторая половина его доклада? Если он пойдет на риск ради того, чтобы переправить ее нам, несмотря на усиленное к нему внимание, мы не имеем права оставить его на произвол судьбы. Это было бы не правильно: "Вспомните, что сделал для нас этот человек на протяжении всех лет. – Риттер продолжал спорить еще несколько минут, демонстрируя отчаянную преданность своим людям, которая отличала его еще с тех пор, когда он молодым офицером разведки руководил действиями агентов. Хотя с агентами часто обращались как с детьми – их поддерживали, ободряли и нередко наказывали, – они действительно становились вашими собственными детьми и в случае возникновения опасности нуждались в защите.

Судья Мур закончил, наконец, затянувшуюся дискуссию:

– Мне понятны твои доводы, Боб, но все равно потребуется согласие президента. Это выходит за пределы обычной полевой операции.

Риттер не сдавался.

– Но мы уже подготовились к операции, и наши люди находятся на месте.

– Согласен, однако она начнется только после команды президента.

Погода в Фаслейне была отвратительной, однако в это время года такое не было необычным. Когда "Далласу, поднялся на поверхность, сильный ветер с моря засыпал побережье Шотландии пеленой мокрого снега. Манкузо занял место на вершине рубки и окинул взглядом скалистые горы на горизонте. Он только что закончил стремительный бросок через Атлантический океан, промчавшись под водой со средней скоростью в тридцать один узел – развить более высокую скорость на длительное время было просто рискованно, не говоря уже об опасности подхода к побережью в погруженном положении намного ближе, чем ему хотелось бы. Ничего не поделаешь, ему платят за то, что он выполняет приказы, и никого не волнует, нравятся ли ему эти приказы.

По морской поверхности катились пятнадцатифутовые волны, и подводная лодка раскачивалась на них, двигаясь вперед двенадцатиузловым ходом. Волны набегали на округлый нос и, разбиваясь о вертикальный утес рубки, отбрасывали тучи брызг. Даже штормовая одежда не помогала, и через несколько минут шкипер промок до костей и замерз – К «Далласу» подошел буксир британского военно-морского флота и завел трос с левого борта. Трос натянулся, и подлодку повели в лох. Тем временем Манкузо успел справиться с качкой. Одним из его профессиональных секретов являлось то, что капитан первого ранга был подвержен морской болезни. На вершине боевой рубки он чувствовал себя лучше, зато те, кто находился внутри цилиндрического корпуса лодки, жалели теперь, что с таким удовольствием ели обильный обед, поданный несколько часов назад.

Меньше чем через час «Даллас» оказался под прикрытием скал и развернулся, приближаясь к причалам, где стояли американские и английские подводные лодки. После поворота начал помогать ветер, прижимавший синевато-серый корпус лодки к пирсу. На берегу их уже ждали люди, укрывшиеся от пронизывающего ветра в нескольких автомобилях. Палубная команда субмарины перебросила на причал и закрепила швартовы. Как только на пирс перебросили сходни, Манкузо спустился к себе в каюту.

Первым к нему зашел капитан третьего ранга. Манкузо ожидал, что его встретит офицер-подводник, но на мундире капитана третьего ранга отсутствовали все знаки отличия – значит, он из разведывательного управления.

– Как прошло плавание? – спросил офицер.

– Тихо и спокойно, – нетерпеливо бросил Манкузо. Хватт обмениваться любезностями, принимайтесь за дело, подумал он.

– Вы отплываете через три часа. Вот приказ о проведении операции. – И офицер передал капитану первого ранга конверт из плотной бумаги с сургучными печатями. На передней стороне конверта указывалось, когда шкиперу надлежит вскрыть его. Несмотря на то что Манкузо не раз видел подобные запечатанные конверты в кино, ему, как командиру подводной лодки, был вручен впервые такой пакет. Предполагалось, что при получении пакета можно обсудить предстоящую операцию с вручающим. На этот раз все было иначе, Манкузо расписался в получении инструкций, запер конверт в своем

сейфе под наблюдением сотрудника спецслужбы и проводил его к трапу.

Дерьмо, заметил капитан про себя. Теперь настала очередь принимать гостей.

Их было двое, оба в штатском. Первый соскользнул через люк, по которому спускали внутрь лодки торпеды, с ловкостью опытного моряка, и Манкузо быстро понял почему.

– Привет, шкипер!

– Джоунси, как ты оказался здесь, черт побери?

– Адмирал Уиллингтон поставил меня перед выбором: или меня призывают для прохождения временной службы, или я добровольно приму участие в походе в качестве гражданского технического специалиста. Я выбрал второе – лучше платят. – Джоунс понизил голос. – А это мистер Кларк. Он почти не разговаривает.

Действительно, Кларк предпочитал молчать. Манкузо выделил ему свободную койку в каюте механика. Приняв свой багаж, который опустили через люк, Кларк вошел в выделенную ему каюту и закрыл за собой дверь.

– Куда мне уложить свое барахло? – спросил Джоунс.

– В козлином закутке есть свободная койка, – ответил Манкузо.

– Отлично. К тому же старшинский состав питается лучше офицеров.

– Как дела в университете?

– Еще один семестр до получения степени магистра. Меня уже прощупывают некоторые подрядчики, работающие на ВМФ. Кроме того, я обручен. – Джоунс достал бумажник и показал капитану фотографию невесты. – Ее зовут Ким, она работает в библиотеке.

– Поздравляю, мистер Джоунс.

– Спасибо, шкипер. Адмирал сказал, что мои услуги вам понадобятся. Я все объяснил Ким, и она поняла. Ее отец служит в армии. Итак, что стряслось? Какая-нибудь специальная операция, и без меня вам никак не обойтись, верно? – Термин «специальная операция» был эвфемизмом, который мог обозначать что угодно, причем большей частью самое опасное.

– Не знаю. Меня еще не поставили в известность.

– Ну что ж. еще раз прокатимся «на север» – не так уж плохо, – заметил Джоунс. – Говоря по правде, я соскучился по таким

операциям,

Вообще– то Манкузо полагал, что вряд ли их путь лежит на север, но воздержался от ответа. Джоунс отправился в корму, чтобы устроиться на отведенном ему месте. Манкузо пошел в каюту механика.

– Мистер Кларк?

– Да, сэр. – Кларк повесил свой пиджак, под которым была рубашка с короткими рукавами. По мнению капитана, ему было за сорок. На первый взгляд он не выделялся ничем особенным – ростом чуть выше шести футов, подтянутый, но затем Манкузо заметил, что у него нет обычной жировой прослойки вокруг поясницы, так характерной для сорокалетних мужчин, а плечи шире, чем казались на высоком теле. И со второго взгляда капитан заметил недостающее звено в кроссворде – едва заметная под густыми черными волосами на предплечье татуировка: красный тюлень с широкой дерзкой усмешкой.

– Я был знаком с парнем – у него была такая же татуировка, Офицер – сейчас он в Шестой группе.

– Это было давно, капитан. Я не должен говорить об этом.

– Что за операция нам предстоит?

– Сэр, в вашем оперативном приказе содержатся...

– Исполните мою маленькую прихоть. – За улыбкой на лице Манкузо скрывалось требование. – Мы только что убрали трап.

– Нужно забрать кое-кого на борт.

Боже мой! Манкузо бесстрастно кивнул.

– Понадобится дополнительная помощь в проведении операции?

– Нет, сэр. Все проведу я со своим снаряжением.

– Хорошо. Подробности обсудим после отплытия. Питаться будете в кают-компании – спускаетесь по трапу, несколько футов в направлении кормы по правому борту. И еще: вопрос времени имеет значение?

– Нет, пожалуй, если вы не возражаете против того, чтобы подождать. Некоторые подробности операции пока не решены до конца – это все, что я могу сказать вам, капитан. Извините, но я выполняю приказ, как и вы.

– Правильно. Ваша койка – верхняя. Если хотите, можете отсыпаться.

– Спасибо, сэр. – Кларк смотрел вслед уходящему капитану, но не улыбнулся, пока не закрылась дверь каюты. Ему еще не приходилось бывать на атомных подводных лодках класса «Лос-Анджелес». Большинство разведывательных операций проводилось с участием меньших по размерам маневренных лодок типа «Стерджен». Кларку всегда выделялась одна и та же койка – верхняя в каюте механика, единственная свободная на борту подлодки. Как всегда, возникла трудность с укладкой снаряжения, но Кларк знал все тонкости и справился с проблемой. Закончив с этим, он забрался на койку. Он устал за время перелета и хотел отдохнуть несколько часов. Койка, как обычно, прижималась к изогнутому корпусу субмарины. Ему казалось, что он находится в гробу с приоткрытой крышкой.

– Американцами можно восхищаться – у них поразительная изобретательность, – заметил Морозов. Последние недели на объекте вблизи Душанбе пришлось потрудиться. Сразу после завершения испытания – точнее, сразу после отъезда гостя из Москвы – два из шести лазеров разморозили и разобрали для технического обслуживания и обнаружили, что их оптика обгорела, причем сильно. Значит, все еще не решены проблемы с оптическим покрытием. Скорее всего, заметил руководитель группы, все дело в недостаточном контроле качества, и передал решение проблемы другой группе инженеров, а сам, вместе со своими специалистами, занялся куда более интересным делом: им доставили данные по американским зеркалам, о которых они слышали уже несколько лет.

– Эта идея возникла у астронома. Он хотел создать способ звездного фотографирования, при котором получающиеся фотографии не будут страдать от «мерцания» звезд. Никто не сказал ему, что это невозможно, поэтому он взялся за работу и создал такой метод. Общее представление о подобном методе у меня было, но я не знал деталей. Вы правы, молодой человек. Этот метод действительно остроумен, настолько остроумен, что оказался нам не под силу, – проворчал старший инженер, перелистывая страницы и глядя на компьютерные спецификации. – У нас нет ничего, что могло бы помочь скопировать

подобные характеристики. Даже создание датчиков – я не уверен, что мы в состоянии изготовить хотя бы их.

– Американцы строят телескоп...

– Да, я знаю. На Гавайских островах. Но строящийся телескоп по своим техническим характеристикам намного уступает вот этому. Американцы сделали огромный скачок вперед, который еще не стал достоянием широкого научного сообщества. Обратите внимание на дату на диаграмме. Не исключено, что такое устройство уже вошло в строй. – Он покачал головой. – Они опередили нас.

– Тебе придется уйти отсюда.

– Да, Спасибо, что ты укрывал меня так долго, – Благодарность Эдуарда Васильевича Алтунина была искренней. Ему предоставили место на полу, чтобы спать, и теплую пищу, которая поддерживала его силы, пока он строил дальнейшие планы-

Или пытался строить. Алтунин даже не осознавал полностью трудности, с которыми столкнулся. На Западе он без труда приобрел бы другую одежду, парик, с помощью которого замаскировал бы цвет волос, и театральный грим с указанием, как им пользоваться, чтобы изменить внешность. На Западе он мог бы спрятаться на заднем сиденье автомобиля и за четыре часа проехал бы двести миль. В Москве Алтунин был лишен таких возможностей. Сотрудники КГБ уже наверняка произвели обыск в его квартире и знали, как он одет, знали его цвет волос и черты лица. Но даже им не был известен его маленький круг друзей по совместной службе в Афганистане, потому что он никогда не говорил о них.

Друзья предложили ему другое пальто, но оно не подошло Алтунину, и ему не хотелось подвергать своих друзей дальнейшей опасности. Он помнил наизусть свою легенду: скрывался с группой преступников в нескольких кварталах отсюда. Среди того, что почти никому не известно на Западе, является криминогенная ситуация в Москве. Она приняла угрожающие размеры и все ухудшалась. Несмотря на то что уровень преступности в этом городе еще не догнал американские мегаполисы такого же размера, в Москве существуют

целые районы, где ночью ходить рискованно. Но поскольку иностранцы редко посещают их, а уличные преступники редко пристают к иностранцам – это сразу получает жестокий отпор со стороны московской милиции, – мало кто знал об этом.

Алтунин вышел на мрачную, плохо освещенную улицу Трофимова, рядом с Москва-рекой. Он изумлялся собственной глупости. Алтунин всегда говорил себе, что, если ему понадобится скрыться из города, он сделает это на грузовой барже. Его отец всю жизнь работал на баржах, и Эдуард знал такие места на них, где его никогда не найдут, – но сейчас зима, река покрыта льдом, и баржи стоят на приколе. Такое мне даже в голову не пришло! – раздраженно подумал Алтунин.

Впрочем, какой смысл теперь расстраиваться из-за этого, напомнил он себе. Есть и другие способы улизнуть из Москвы. Автозавод, где делают «Москвичи», находится всего в километре, а поезда ходят круглый год. Он попытается спрягаться в товарном вагоне с автомобильными деталями, причем выберет поезд, направляющийся на юг. Если повезет, он может оказаться в Грузии, где никто не будет внимательно разглядывать его поддельные документы. В Советском Союзе легко исчезнуть, подумал Алтунин, в конце концов, разве трудно затеряться среди двухсот восьмидесяти миллионов жителей? Здесь постоянно кто-то теряет или случайно портит свои документы. Он тем не менее отдавал себе отчет в том, что подобными мыслями просто старается подбодрить себя.

Но остановиться теперь Алтунин не мог. Это началось в Афганистане и вряд ли вообще когда-нибудь прекратится.

Сначала ему удавалось выбрасывать такие мысли из головы. В Афганистане он был ефрейтором и служил в роте артиллерийско-технического обеспечения. Ему поручили заниматься тем, что в Советской Армии носит мягкое название «устройство для борьбы с террористами». Их разбрасывали с воздуха, или, гораздо чаще, солдаты, производящие облаву в афганской деревне, оставляли эти «устройства», покидая населенный пункт. Некоторые из этих устройств выглядели как типичные русские матрешки-неваляшки, некоторые походили на авторучку или какой-то еще невинно выглядящий предмет. Взрослые быстро познакомились с губительной силой таких вещей, но детям свойственны как любопытство, так и

неспособность учиться на ошибках других. Скоро стало ясно, что дети подбирают что угодно, и производство взрывающихся матрешек резко сократилось, хотя одно осталось неизменным: любая интересная вещь, вроде бы просто валяющаяся на земле, содержит сто граммов взрывчатки и взрывается в руках у любопытных. Алтунину было поручено собирать такие взрывные устройства и учить солдат обращению с ними.

Алтунин сперва не придавал этому значения. Это его работа, приказ поступил от командования; русские вообще не склонны ни по своему характеру, ни по воспитанию оспаривать приказы. К тому же работа была легкой и неопасной. Ему не приходилось носить автомат и действовать в районах, где за каждым углом скрывались бандиты. Опасность угрожала ему только на кабульских базарах и там он всегда старался ходить вместе с группой в пять или больше человек. Но один раз во время такого посещения базара он увидел ребенка – мальчика или девочку, не понял, – чья правая рука превратилась в култышку, а мать ребенка смотрела на него и других русских солдат взглядом, который невозможно забыть. Алтунин слышал рассказы и том, как афганские бандиты с особенным удовольствием заживо сдирают кожу с пленных летчиков, и о том, что их женщины часто сами справляются с таким делом. Ему казалось, что подобное поведение является наглядным доказательством варварства этого примитивного народа – но ведь ребенок не может считаться примитивным. Марксизм учит этому. Возьмите любого ребенка, и под соответствующим руководством, пройдя соответствующее обучение, ребенок на всю жизнь станет коммунистом. Но только не этот ребенок. Он запомнил это в тот холодный ноябрьский день два года назад. Рана полностью зажила, и ребенок даже улыбался – он был еще слишком мал и не знал, что, искалечен на всю жизнь. А вот мать знала и понимала – ее ребенок понес такое жестокое наказание... только за то, что родился. Теперь легкая и неопасная работа не была больше такой приятной. Всякий раз, когда Алтунин вставлял на место взрывное устройство, он видел искалеченную ручку маленького ребенка. Ему стали сниться кошмары. Водка и даже гашиш не смогли избавить его от страшных видений. Не помогли и беседы со своими коллегами-техниками – правда, из-за них ему пришлось выдержать гнев ротного замполита. Действительно, у него нелегкая работа, согласился замполит, но она

необходима для того, чтобы потери стали менее серьезными. Жаловаться бессмысленно, потому что единственным результатом будет перевод ефрейтора Алтунина в стрелковую роту, где он сможет лично убедиться в необходимости таких жестких мер.

Теперь Алтунин понимал, что ему следовало потребовать перевода в стрелковую роту, и испытывал ненависть к себе за проявленную тогда трусость. Служба в пехоте могла бы восстановить у него чувство собственного достоинства, могла бы многое изменить, подумал Алтунин, но в тот момент он сделал иной выбор, и ныне говорить об этом не имело смысла. В конце концов, единственное, чего он добился, – пометка в его досье, которая останется с ним на протяжении всей жизни.

И вот теперь он пытался искупить свою вину. Алтунин говорил себе, что это, может быть, ему уже удалось, а сейчас, если повезет, если очень повезет, он сумеет исчезнуть и тогда, возможно, забудет о страшных игрушках, которые готовил во время той кошмарной войны. Это была единственная мысль, занимавшая его в эту холодную, мрачную ночь.

Алтунин пошел на север, стараясь держаться в тени, избегая освещенных участков на тротуарах. Рабочие, возвращающиеся домой после окончания смены на автозаводе имени Ленинского комсомола, заполнили улицы, но, когда он пришел на железнодорожную станцию, там было уже пусто. Повалил снег, и видимость уменьшилась до сотни метров. Вокруг каждой лампы, светящейся над стоящими грузовыми вагонами, роилось облачко белых снежинок. По-видимому, здесь готовится к отправке состав, может быть, на юг, решил Алтунин. Маневровые локомотивы двигались взад и вперед; переводя вагоны с одной ветки на другую. Он подождал несколько минут, укрывшись в тени вагона, стараясь убедиться, что разбирается в происходящем. Ветер усилился, ему стало холодно, и он оглянулся по сторонам в поисках более удобного места для наблюдения. Да, метрах в пятидесяти стояло несколько вагонов, откуда ему будет лучше следить за формированием состава. У одного из этих вагонов дверь была сдвинута – очень кстати, подумал он, нужно осмотреть механизм, запирающий дверь, если он хочет проникнуть в закрытый вагон. Алтунин направился к вагону, опустив голову, чтобы укрыться от ледящего ветра. Под ногами хрустел снег, слышались гудки

маневровых локомотивов. Ему казалось, что это звуки приветствия, что теперь его жизнь изменится и наступит, может быть, что-то похожее на свободу.

Он с удивлением увидел, что в вагоне находятся трое мужчин. Двое держали в руках коробки с запасными автодетальями. Третий стоял с пустыми руками, но тут же, сунув руку в карман, достал нож.

Алтунин попытался что-то сказать, объяснить, что ему безразлично, что они крадут детали для продажи на черном рынке. Его это совсем не интересовало, но, прежде чем он успел произнести хотя бы слово, мужчина прыгнул из вагона прямо на него. Алтунин упал на спину и ударился затылком о рельс. Он не потерял сознание, просто был ошеломлен неожиданным нападением и на мгновение утратил дар речи. Все произошло так быстро, что он не успел даже испугаться. Мужчина, сбивший его с ног, обернулся и что-то спросил. Алтунин не разобрал ответа, однако тот был коротким и резким. Он все еще пытался понять, что происходит, когда мужчина повернулся к нему и молниеносным движением перерезал ему горло. Алтунин не почувствовал боли. Он хотел объяснить... что его не интересует... Из вагона спрыгнул еще один мужчина и замер с двумя коробками в руках, глядя на него испуганным взглядом, и Алтунину это показалось странным – ведь умирал-то не он...

Через два часа маневровый локомотив не успел вовремя остановиться, хотя машинист заметил на рельсах странный предмет, занесенный снегом. Увидев, что он переехал человека, машинист вызвал диспетчера.

13. Совещания

– Прекрасная работа, – заметил Ватутин. – Мерзавцы! – Они нарушили правило, подумал он. Это правило было неписанным, но тем не менее твердым: ЦРУ не убивает советских граждан в СССР, а КГБ не убивает американцев или даже русских, попросивших политическое убежище, в Соединенных Штатах. Насколько было известно Ватутину, правило никогда не нарушалось ни одной из сторон – по крайней мере демонстративно. Оно являлось разумным, потому что задача разведывательных служб заключается в сборе разведанных; если сотрудники КГБ и ЦРУ примутся убивать людей, неминуемо последуют ответные меры, а затем контрмеры, и не останется времени для выполнения основной задачи. Вот почему деятельность разведывательных служб была цивилизованной и предсказуемой. В странах третьего мира руководствовались, разумеется, иными правилами, но в Советском Союзе и в Америке это правило строго соблюдалось.

По крайней мере до этого момента – если только они не хотят уверить меня, что этот бедняга убит преступниками, кравшими автомобильные детали! Ватутину пришла в голову мысль: а не привлекло ли ЦРУ к «мокрой» работе местную преступную группировку? Он давно подозревал, что американцы пользуются советскими преступниками для выполнения заданий, слишком грязных для нежных рук американских разведчиков. Строго говоря, это не будет нарушением правил игры, правда? Интересно, а прибегают ли сотрудники ПГУ к помощи преступников...

Сейчас, однако, ему было известно лишь то, что очередное звено в цепи связанных лежало мертвым у его ног и с его смертью исчезла последняя надежда Ватутина связать перехваченный микрофильм с американским шпионом в Министерстве обороны. Полковник вспомнил, что ему известно еще одно: через шесть часов он должен сообщить о случившемся председателю КГБ. Господи, как хочется выпить! Ватутин покачал головой и посмотрел вниз, на то, что осталось от подозреваемого. Шел такой густой снег, что крови больше не было видно,

– Знаете, если бы они более тщательно положили тело на рельсы, мы могли бы, пожалуй, поддаться на хитрость и списать все на несчастный случай, – заметил стоящий рядом сотрудник КГБ. Несмотря на ужасные повреждения, причиненные телу колесами локомотива, было очевидно, что горло Алтунина перерезали профессиональным ударом ножа с узким и острым лезвием. По мнению врача, прибывшего на место происшествия, смерть наступила не больше чем через минуту. Следов борьбы не удалось обнаружить. Руки жертвы – предателя – не были порезаны или повреждены. Следовательно, он не оказал сопротивления тому, кто его убил. Вывод: Алтунин, по-видимому, знал убийцу. А может быть, это все-таки был американец?

– Прежде всего я хочу, – сказал Ватутин, – чтобы выяснили, кто из американцев отсутствовал в своих квартирах между шестью и одиннадцатью часами вечера. – Он повернулся. – Доктор!

– Слушаю, товарищ полковник.

– Еще раз уточните время смерти.

– Судя по температуре основных частей трупа, смерть наступила в период от девяти вечера до полуночи. Скорее чуть раньше, по моему мнению, но холод и сильный снегопад затрудняют расчеты. – Не говоря уже о том, что осталось от тела, подумал он, но промолчал.

Ватутин взглянул на своего помощника.

– Относительно тех, кто отсутствовал в своих квартирах, выясните, кто, где, когда и почему.

– Может быть, усилить слежку за всеми иностранцами? – высказал свою мысль вслух помощник Ватутина.

– За разрешением придется обратиться лично к председателю, но я подумаю об этом. Поговорите с представителем милиции, возглавляющим следственную группу. Все должно быть максимально засекречено. Нам совсем не надо, чтобы толпа неуклюжих милиционеров все запутала,

– Понятно, товарищ полковник. Милиция заинтересована лишь в том, чтобы обнаружить, куда исчезли украденные детали, – недовольно проворчал сотрудник КГБ, Черт бы побрал эту перестройку" – теперь все превращаются в капиталистов!

Ватутин подошел к машинисту локомотива, сидевшему у себя в кабине.

– Холодно, правда?

Смысл слов машинист понял сразу.

– Это верно, товарищ. Может быть, пара глотков согреет вас?

– Наверняка, товарищ машинист.

– Буду рад помочь, товарищ полковник. – Машинист достал небольшую бутылку.

Когда машинист увидел, что на место происшествия прибыли сотрудники КГБ, он решил, что все кончено. Но полковник оказался вполне приличным человеком, его сотрудники занимались своими делами, задавали разумные вопросы, и машинист успокоился – до тех пор, пока не понял, что его могут наказать за употребление спиртного во время работы. Он следил за тем, как полковник сделал огромный глоток и вернул бутылку.

– Спасибо, – сказал Ватутин и скрылся за снеговой завесой.

Когда приехал председатель КГБ, полковник Ватутин ждал его в приемной. Про Герасимова говорили, что он серьезно относится к работе, всегда приезжает к половине восьмого. Он вошел в дверь, когда часы показывали семь двадцать пять, и сделал знак полковнику, приглашая его в кабинет.

– Как дела?

– Алтунина убили вчера поздним вечером на грузовой станции рядом с автозаводом Ленинского комсомола. У него перерезано горло, а тело оставили на рельсах, и его переехал маневровый локомотив.

– Вы уверены, что это Алтунин? – нахмурился Герасимов.

– Да, его точно опознали. Я сам видел его лицо. Труп обнаружили рядом с вагоном, дверь которого была взломана, а из вагона похищены автомобильные детали.

– Ага, он там столкнулся с бандой спекулянтов, торгующих ворованными деталями на черном рынке, и, к счастью для шпионов, его убили?

– По крайней мере все сделано, чтобы создать именно такое впечатление, товарищ председатель, – кивнул полковник Ватутин. – Такое совпадение кажется мне неубедительным, но у нас нет

доказательств, указывающих на что-либо иное. Мы продолжаем расследование. Сейчас ведется проверка всех сослуживцев Алтунина по Афганистану, которые проживают в том районе, но у меня мало надежд, что это как-нибудь нам поможет,

Герасимов распорядился, чтобы принесли чай. Тут же появился его секретарь, и Ватутин понял, что так у председателя КГБ начинается каждое утро. Судя по всему, он воспринял сообщение о смерти Алтунина гораздо спокойнее, чем ожидал полковник. Хотя раньше Герасимов и был партийным функционером, теперь он вел себя как настоящий профессионал.

– Итак, в настоящее время у нас имеются трое связных, признавшихся в том, что они передавали документы, и еще один, опознанный нами связной, который, к сожалению, мертв. Последний был замечен в тот момент, когда стоял рядом с личным помощником министра обороны, а один из связных – один из тех трех, кто живы, – считает, что передавал донесения иностранцу, но не может его опознать. Короче говоря, у нас есть среднее звено канала связи, но отсутствуют оба его конца.

– Совершенно верно, товарищ председатель. Мы продолжаем следить за двумя полковниками из Министерства обороны. Кроме того, предлагаю усилить наблюдение за сотрудниками американского посольства.

Герасимов кивнул.

– Согласен, Сейчас у меня начинается утреннее совещание. Действуйте, Ватутин. Мы должны довести это расследование до конца. После того как вы перестали пить, у вас совершенно другой вид.

– Я и чувствую себя намного лучше, – признался полковник.

– Отлично. – Герасимов встал, и вместе с ним встал полковник. – Вы действительно считаете, что наши коллеги из ЦРУ убили собственного агента?

– Смерть Алтунина устраивала их лучше всего. Я понимаю, что это является нарушением нашего соглашения относительно действий в своих странах, но...

– Но мы имеем, по-видимому, дело со шпионом, занимающим очень высокую должность, и они, несомненно, прилагают все усилия, чтобы не допустить его разоблачения. Да, я понимаю это. И вы прилагайте побольше усилий, Ватутин, – снова повторил Герасимов.

Фоули тоже сидел в своем кабинете. Перед ним на столе лежали три кассеты, предназначенные для «Кардинала». Проблема заключалась в том, как передать ему эти чертовы штуки. В разведывательной деятельности переплеталось множество взаимосвязанных противоречий, причем некоторые из них были чертовски запуганными, а некоторые настолько опасными, что иногда он жалел, что покинул «Нью-Йорк таймс». Однако полученные им распоряжения были такими простыми, что с ними мог справиться один из его детей. Эта мысль действительно не раз приходила ему в голову. Не то чтобы он серьезно рассматривал ее, но бывали моменты, когда он, выпив пару стаканов, давал волю воображению и представлял себе, что Эдди-младший, взяв кусок мела, сделает определенную пометку в определенном месте. Время от времени сотрудники посольства прогуливаются по Москве и совершают поступки, несколько отличные от общепринятых. Летом, например, они носят цветок в петлице и вдруг убирают его безо всяких видимых причин, а офицеры КГБ, следящие за ними, беспокойно оглядываются по сторонам в поисках человека, которому адресован этот «сигнал». Некоторые дипломаты круглый год бродят по улицам и фотографируют самые обычные уличные сценки. Вообще-то им никто не говорит, что этим не следует заниматься. Часть служащих посольства просто ведут себя, как диктует им их эксцентричный характер, – и этого достаточно, чтобы привести в отчаяние русских «топтунов». Для сотрудника контрразведки что угодно может выглядеть как секретный знак: опущенный солнцезащитный козырек в автомобиле, оставленный на переднем сиденье пакет, соответствующим образом повернутые колеса припаркованного автомобиля. В результате всех этих мер, часть которых осуществлялась намеренно, а часть – чисто случайно, сотрудники «Двойки» были вынуждены носиться по всей Москве, расследуя загадки, которых просто не существовало. В этом американцы превосходили русских – те действовали слишком однообразно, подчиняясь полной регламентации, и не могли руководствоваться инстинктом и воображением. Таким образом, жизнь «топтунов» из Второго главного управления становилась предельно несчастной.

Зато их было много тысяч, тогда как американцев, служащих в посольстве (включая членов их семей), – всего семьсот.

И все– таки Фоули пока не придумал, как передать кассеты. Он не понимал, почему «Кардинал» наотрез отказывался пользоваться «почтовыми ящиками». В данном случае это был идеальный метод. «Почтовым ящиком» мог стать любой предмет, выглядящий как обычный камень или что-то еще такое же обычное и невинное. В предмете делалась полость, в которую и вкладывалась вещь, подлежащая передаче. В Москве -городе, построенном главным образом из кирпича, – наиболее популярным материалом для «почтовых ящиков» были кирпичи, которые часто из-за плохого качества и недостаточной квалификации рабочих плохо держались в стенах, но вообще для тайных «почтовых ящиков» годилось очень многое, разнообразие здесь было бесконечным.

В то же время методов передачи кассет из рук в руки было не так много и все зависело от идеально точного расчета. Ну что ж, управление поручило ему эту работу совсем не потому, что она была легкой. Идти на повторный риск он не мог. Может быть, поручит это жене...

– Ну кто может быть источником утечки информации? – спросил Парке у своего начальника службы безопасности.

– Любой из примерно сотни наших сотрудников, – ответил тот.

– Теперь задача облегчается, – сухо заметил Пит Уэкстон, инспектор из отдела контрразведки ФБР. – Подозревать приходится всего сотню.

– Это кто-то из ученых или чья-то секретарша, а может быть, кто-то из бюджетного управления – я имею в виду причастного к программе. Да еще в округе Колумбия человек двадцать, кто обладает допуском к «Чайному клиперу» и имеет доступ к этим документам, – но все это весьма высокопоставленные лица. – Начальник службы безопасности проекта звездных войн, СОИ, был капитаном первого ранга военно-морского флота, хотя и одевался в штатское. – Вероятнее

всего, человек, которого мы ищем, находится на объекте «Чайного клипера» на Западе.

– А они почти все ученые и не старше сорока, – произнес Уэкстон и закрыл глаза. Вот именно, ученые, живущие в своих компьютерах и воспринимающие весь мир как гигантскую видеоигру. Трудность общения с учеными, особенно с молодыми учеными, заключалась просто в том, что они жили в своем мире, разительно отличном от того, который понимает и ощущает служба безопасности. В их понимании прогресс зависит от свободного обмена информацией и идеями. Это люди, которых волнует все новое, которые говорят об этом между собой, бессознательно ища содружество, содействующее ускоренному развитию идей, возникающих, подобно сорнякам, в беспорядочном духовном мире лабораторий. Для сотрудника службы безопасности идеальным является мир, в котором никто ни с кем не разговаривает. При этом, правда, исчезает необходимость в службе безопасности, потому что в таком мире не возникает ничего ценного. Установить необходимый баланс между двумя крайностями было почти невозможно, и потому сотрудники службы безопасности неизменно оказывались между молотом и наковальней, становясь объектом всеобщей ненависти.

– Как относительно внутренней безопасности секретных документов проекта? – спросил Уэкстон.

– Вы имеете в виду «ловушки для канареек»?

– О чем вы говорите, черт побери? – поинтересовался генерал Парке.

– Все эти документы печатаются на текстовых процессорах. С помощью процессоров можно внести в текст каждого экземпляра крошечные изменения. Таким образом мы можем следить за каждой копией каждого важного документа и выяснить, из какого экземпляра произошла утечка информации, – объяснил капитан. – Но мы делаем это очень редко – такая операция требует слишком много времени.

– ЦРУ располагает компьютерной подпрограммой, осуществляющей это автоматически. Она называется «Спукскрайб» или как-то вроде того. Допуск к ней строго ограничен, но, если обратиться с такой просьбой, вам разрешат ею воспользоваться.

– Очень любезно с их стороны, – проворчал Парке. – В данном случае это будет иметь какое-нибудь значение?

– Сейчас – нет, но не следует пренебрегать ни одним методом, – пояснил капитан, обращаясь к своему начальнику. – Я слышал об этой программе. Ею нельзя воспользоваться при работе с научными документами – язык их слишком точен. Даже если переставить запятую с одного места на другое, это может резко изменить смысл того, что там говорится.

– Это при условии, что читающий сумеет разобраться в написанном, – грустно покачал головой Уэкстон. – Впрочем, не приходится сомневаться, что русские сумели. – Он уже думал о том, что понадобится в этом случае – может быть, придется привлечь сотни сотрудников. Но на них сразу обратят внимание. Окружение, в котором они будут работать, слишком мало, чтобы поглотить их всех незамеченными.

Можно было предпринять и другой очевидный шаг – ограничить доступ к информации по экспериментам с зеркалами, но в этом случае возникала вероятность того, что шпион почувствует опасность и будет настороже. Уэкстон не мог понять, почему он не захотел заниматься делами попроще – вроде расследования убийств или борьбы с мафией – Но сам генерал Парке привлек его к охране проекта «Чайный клипер» и лично проинструктировал Уэкстона. Это ответственное задание, и никто лучше Уэкстона не справится с ним. Он не сомневался в этом: так сказал ему директор ФБР Джейкобс.

Первым заметил это Бондаренко. Уже на протяжении нескольких дней во время утренней пробежки его не оставляло это странное чувство. Оно никогда не покидало полковника, но после трехмесячного

пребывания в Афганистане это шестое чувство расцвело в нем пышным цветом и из скрытого, латентного, превратилось в активное, действующее. Бондаренко знал, что с него не сводят глаз. Но кто? – пытался понять он.

За ним следили настоящие профессионалы, он не сомневался в этом. По его мнению, их было пять или даже больше. Значит, это русские... Да, скорее всего. Нельзя быть в этом уверенным. Полковник

Бондаренко пробежал первый километр и решил провести небольшой эксперимент. Он изменил маршрут и в том месте, где обычно поворачивал налево, повернул направо. Теперь он пробежит мимо нового многоэтажного дома с недавно вставленными стеклами в окнах первого этажа, Бондаренко усмехнулся про себя, но его правая рука бессознательно опустилась к бедру, нащупывая табельный пистолет. Усмешка тут же исчезла, когда он осознал, чем занимается правая рука, и на смену пришло разочарование – обороняться ему предстояло голыми руками. Он неплохо владел и этим, но пистолет действует дальше рук или ног. Это не было страхом, даже не походило на страх, но Бондаренко был военным, привыкшим к ограничениям и правилам собственного мира.

Он повернул голову, глядя на отражение в стекле. В сотне метров позади находился мужчина, он держал руку у лица, словно что-то говорил в миниатюрный приемопередатчик. Любопытно. Бондаренко повернул обратно и сделал несколько шагов, но к тому моменту, когда он снова взглянул в сторону мужчины, рука того была уже опущена вниз, и он шел, не обращая, казалось, никакого внимания на бегущего офицера. Бондаренко снова повернулся и возобновил пробежку. По лицу промелькнула холодная усмешка. Ему удалось подтвердить свои подозрения. Но в чем их причина? Бондаренко пообещал себе, что узнает это не позже чем через час после прибытия на службу.

Спустя тридцать минут он вернулся домой, принял душ, оделся и, читая утреннюю газету – это неизменно была «Красная звезда», ежедневная военная газета, – налил большую чашку чаю. В квартире звучала музыка, передаваемая по радио, жена готовила детей к школе. Бондаренко не слышал ни музыки, ни разговоров детей, и его взгляд всего лишь пробежал по заголовкам. Кто они? – неотступно стучало в голове. Почему за мной следят? Неужели меня в чем-то подозревают? Если подозревают, то в чем?

– Доброе утро, Геннадий Иосифович, – произнес Филитов, входя в свой кабинет.

– Доброе утро, товарищ полковник, – ответил Бондаренко.

– Зовите меня просто Михаил Семенович, – улыбнулся Филитов. – При таком развитии событий вы скоро станете командовать мной, стариком. Итак, в чем дело?

– За мной следят. Я заметил это сегодня утром во время пробежки.

– Вот как? – Филитов повернулся. – Вы уверены?

– Когда за вами следят, у вас появляется ощущение... Вы и сами, наверно, испытывали такое, Михаил Семенович! – произнес молодой полковник.

Но он ошибался. Инстинкты подвели Филитова, и он ничего не замечал до настоящего момента. Лишь теперь он вспомнил, что банщик в «Сандунах» так и не вышел на работу. Неужели сигнал тревоги означал нечто большее, чем обычная проверка службой безопасности? Тень беспокойства пробежала по лицу Филитова, но в следующее мгновение он овладел собой.

– Значит, и вы что-то заметили? – спросил Бондаренко.

– А! – Небрежный взмах рукой, ироническая улыбка. – Пусть следят. Они увидят, что наблюдать за старым полковником еще скучнее, чем интересоваться любовными похождениями Александра. – Анекдоты о главном идеологе Политбюро становились популярным времяпрепровождением в Министерстве обороны. А уж не признак ли это того, подумал Филитов, что генеральный секретарь Нармонов собирается от него избавиться?

Они ели по-афгански – каждый брал пищу пальцами из общей тарелки. Американцы организовали настоящий банкет для своих афганских друзей. Лучник сидел на почетном месте, а справа от него располагался Ортиз, исполнявший обязанности переводчика. Здесь присутствовали также четверо высокопоставленных сотрудников ЦРУ. По мнению Лучника, все это выглядело излишне театральным, но, по-видимому, его сообщение о луче света в небе было действительно важным, Ортиз начал торжество обычными официальными поздравлениями.

– Это для меня слишком большая честь, – смутился Лучник.

– Нет, – возразил через Ортиза самый высокопоставленный из сотрудников ЦРУ, прибывший из Вашингтона – Ваше мастерство и мужество хорошо нам известны, и даже среди ваших солдат говорят о них. Мы испытываем чувство стыда из-за того, что передаем вам лишь ту скудную помощь, которая прислана нашим правительством.

– Мы боремся за свою родину, – с достоинством ответил Лучник. – С помощью Аллаха она вернется к нам. Очень хорошо, что верующие всего мира объединились против безбожников, но отвоевывать родину мы должны своими руками, а не вашими.

Он даже не подозревает, подумал Ортиз, что его используют в совершенно иных целях.

– А теперь скажите, – продолжал Лучник, – для чего вы приехали издалека и хотите поговорить с таким скромным воином, как я?

– Мы хотим спросить вас о луче света, который вы увидели в небе.

На лице Лучника появилось недоуменное выражение. Он был удивлен. Ему казалось, что его будут расспрашивать о том, как действуют зенитные ракеты.

– Это был всего лишь свет – действительно, очень странный. Похожий на след метеора, однако он поднимался в небо, а не спускался вниз. – Афганец описал картину, которую видел, очень подробно, указав точное время и место, где находился в тот момент, направление луча и то, как он прорезал небо.

– Вы не видели, во что он попал? Что-нибудь еще было в небе?

– Попал? Я не понимаю. Это был всего лишь луч.

К нему обратился другой гость:

– Мне говорили, что вы были учителем математики. Вы знаете, что такое лазер?

Лучник задумался, и на его лице появилось новое выражение.

– Да, я читал о них, когда учился в университете. Я... – Он отпил сока из стоящего перед ним стакана. – Я кое-что знаю о лазерах. Они выбрасывают световой луч и используются главным образом для измерения расстояний при геодезических работах. Мне не доводилось видеть лазеры, я всего лишь читал о них.

– Вы наблюдали испытание лазерного оружия.

– Какова его цель?

– Это нам неизвестно. Испытание, которое вы видели, состояло в уничтожении спутника на орбите с помощью лазерной системы. Это значит...

– Я знаю про спутники. Разве можно использовать для этого лазер?

– Наша страна тоже работает над этой проблемой, но, по-видимому, русским удалось опередить нас.

Это признание изумило Лучника. Разве Америка не опережает всех в мире в области техники? Разве «Стингер» не является доказательством этого? Неужели этим людям понадобилось пролететь двенадцать тысяч миль только потому, что он увидел в небе луч света?

– Вас пугает этот лазер?

– Нас он очень интересует, – ответил старший американец. – В некоторых документах, переданных вами, указывается место, где находится этот объект. Раньше мы не знали об этом и потому вдвойне в долгу у вас.

– Теперь это интересует и меня. У вас есть карта?

– Эмилио? – Сотрудник ЦРУ повернулся к Ортизу, и тот достал карту и чертеж.

– Этот объект начали строить в 1983 году. Нас удивило, что русские решили строить такой важный объект вплотную к границе с Афганистаном.

– В 1983 году они еще надеялись одержать победу, – произнес Лучник мрачно. Его возмущала сама мысль, что у русских была такая надежда, и он воспринимал это как оскорбление. Лучник посмотрел на карту, запомнил расположение объекта: вершина горы, почти полностью окруженная излуциной реки Вахш – Он сразу понял, почему выбор русских пал именно на это место – всего в нескольких километрах находилась Нурекская ГЭС. Лучник разбирался в лазерах лучше, чем дал понять американцам. Он знал, что они собой представляют и как действуют. Ему было известно, что их луч может оказаться опасным, может ослепить...

Но уничтожить спутник, находящийся в сотнях километров от земной поверхности, в космосе, выше, чем летают самолеты... Какой же ущерб могут причинить эти лучи людям на поверхности земли... Может быть, эти лазеры построены так близко от его страны с другой целью...

– Значит, вы увидели только свет? А нет ли каких-нибудь рассказов об этом месте, о странных лучах в небе?

Лучник покачал головой.

– Нет, я видел этот луч всего один раз. Американцы обменялись разочарованными взглядами.

– Ну что ж, это не так уж важно. Мне поручено передать вам благодарность нашего правительства. Три груженные машины с оружием поступят в ваше распоряжение. Если вам нужно что-нибудь еще, говорите, и мы постараемся вам помочь.

Лучник благодарно кивнул. Он рассчитывал на крупное вознаграждение за русского офицера, затем тот умер, и надежда исчезла. Но эти люди приехали сюда не из-за русского – их интересовали документы и луч света в небе – Неужели это место в Таджикистане настолько важно, что смерть русского офицера рассматривалась как обычное событие? Неужели американцы и впрямь боятся светового луча?

А если боятся даже они, как должен чувствовать себя он?

– Нет, Артур, мне это совсем не нравится, – неуверенно ответил президент. Судья Мур продолжал настаивать.

– Господин президент, мы знаем о политических трудностях, с которыми столкнулся Нармонов. Исчезновение нашего агента окажет ничуть не большее влияние на политическую ситуацию в России, чем его арест сотрудниками КГБ, скорее всего это событие окажет даже меньшее воздействие. В конце концов, зачем КГБ поднимать шум, если они дали ему ускользнуть, – подчеркнул директор ЦРУ.

– И все-таки риск слишком велик, – заметил Джеффри Пелт. – С Нармоновым у нас возникла историческая возможность – он искренне стремится изменить господствующую в России систему. Да ведь это ваши люди занимались оценкой сложившейся там ситуации.

Но у нас был уже такой шанс – и мы его упустили, во время администрации Кеннеди, подумал судья Мур. Хрущева свергли, и наступило двадцатилетие правления партийных чиновников. Вы

опасаетесь, что больше нам не выпадет такой благоприятной возможности. Ну что ж, подобная точка зрения оправдана, признал он.

– Джефф, на положение, в котором находится Нармонов, в равной степени повлияют как эвакуация нашего агента, так и его арест...

– Но если его уже раскрыли, почему медлят с арестом? – спросил Пелт. – Что, если ты придаешь всему этому слишком большое значение?

– Этот человек работал на нас больше тридцати лет – подумай только, больше тридцати лет! Представляешь, какой опасности он подвергался, какие сведения мы от него получали? Можешь ли ты представить себе то разочарование, которое испытывал он, когда мы не следовали его советам? Подумай, что значит жить в течение тридцати лет под страхом смертной казни! Если мы оставим его на произвол судьбы, какова цена свободе в нашей стране? – в голосе Мура звучала непоколебимая решительность. Президент был человеком, которого всегда могли поколебать доводы, основанные на принципах справедливости.

– А вдруг в результате этого мы окажем содействие свержению Нармонова? – раздраженно бросил Пелт. – Что, если к власти придет клика Александрова и вернуться прежние времена – снова напряженность в отношениях между нашими странами, новая гонка вооружения? Сумеет ли мы объяснить американскому народу, что принесли в жертву такой шанс ради жизни одного человека?

– Начать с того, что никто не узнает об этом, если сообщение о происшедшем не просочится в средства массовой информации, – холодно ответил директор ЦРУ. – Русские не захотят оповещать мир об этом, и вам это хорошо известно. Во-вторых, сумеем ли мы объяснить, что выбросили этого человека за ненадобностью подобно использованной бумажной салфетке, обрекли его на смерть?

– Но и об этом никто не узнает, если все останется в тайне. – В голосе советника президента по национальной безопасности звучал лед.

Президент шевельнулся. Его первой мыслью было отложить эвакуацию. Как объяснить то или другое? Они обсуждали сейчас наиболее оптимальный способ не допустить, чтобы самому главному противнику их страны был нанесен ущерб. Но ведь мы никогда не сможем сказать об этом публично, подумал он. Если я заявлю, что

Россия – наш противник, газеты придут в ярость. У русских имеются тысячи ядерных боеголовок, нацеленных на нас, и мы не должны задевать их за живое...

Он вспомнил те две встречи, когда беседовал с Андреем Ильичом Нармоновым, генеральным секретарем Коммунистической партии Советского Союза, с глазу на глаз. Он моложе меня, подумал президент. Их первые переговоры были осторожными, каждый прощупывал своего собеседника, стараясь найти как слабые, так и сильные стороны друг друга, а также возможные точки соприкосновения на пути к компромиссам и поискам общего языка. Действительно, Нармонов – это человек, заглядывающий в будущее, стремящийся, по-видимому, изменить государственную систему России...

Но пойдет ли это нам на пользу? Что, если ему удастся провести децентрализацию экономики, разбудить рыночные силы, предоставить им немного свободы – не слишком много, но достаточно, чтобы экономика пришла в движение? Многие предупреждали его о такой возможности: вообразите страну с политическими устремлениями Советского Союза, опирающуюся на экономику, способную обеспечить гражданский и военный секторы высококачественной продукцией. Вдруг это заставит русский народ снова поверить в свою государственную систему, пробудит у них чувство предназначения, которое существовало в тридцатые годы? Перед нами может оказаться более опасный противник, чем когда-либо раньше.

С другой стороны, ему объяснили, что не существует такого понятия, как немного свободы, – спросите об этом Дювалье в Гаити, Маркса на Филиппинах или призрак шаха Ирана Мохаммеда Реза Пехлеви. Инерция событий может вывести Советский Союз из политического средневековья в эру общественной мысли двадцатого века. Для этого может потребоваться поколение, может быть два, но что, если страна начнет превращаться во что-то, напоминающее либеральное государство? Существует еще один урок истории: либеральные демократии не воюют друг с другом.

Ну и выбор мне предстоит сделать, подумал президент. Меня могут запомнить как полного идиота, вернувшего мир к временам холодной войны со всем ее мрачным величием, или как безнадежного оптимиста, надеявшегося укротить леопарда, превратив его в

домашнее животное, и обнаружившего в конце концов, что у хищника выросли еще более мощные и острые клыки. Боже мой, спохватился он, глядя на своих собеседников, да ведь я думаю не об успехе, а всего лишь о последствиях неудачи!

Это та сфера, в которой Америка и Россия напоминают друг друга – наши послевоенные правительства не сумели оправдать ожидания своих народов, не так ли? Вот я – президент, от меня ожидают, что я должен знать, что правильно, а что – нет. Именно поэтому народ избрал меня. Именно за это мне платят. Господи, если бы только люди знали, какие мы обманщики! Мы не обсуждаем, как нам добиться успеха. Мы говорим о том, откуда может просочиться сообщение о неудаче, которую мы потерпели в осуществлении своей политики. Прямо здесь, в Овальном кабинете Белого дома, мы пытаемся выяснить, кого винить в неудачном исходе операции, о проведении которой даже еще не приняли решение.

– Кому известно обо всем этом?

Судья Мур развел руки.

– Адмиралу Гриру, Бобу Риттеру и мне – в ЦРУ. Несколько оперативников знают о готовящейся операции – нам пришлось сообщить им. Однако с политическими аспектами они не знакомы и никогда не узнают о них. Это их не касается. Если не считать оперативников, только мы трое в ЦРУ представляем себе полную картину. А теперь в нее посвящены вы, сэр, и доктор Пелт. Всего пять человек.

– Ну вот, а мы начали уже говорить об утечке информации! Черт побери! – выругался президент с поразительной страстью. – Каким образом мы сумели так запутать столь простую ситуацию?

Все пришли в себя. Обычно так и происходит, после того как президент прибегает к ругательствам. Он взглянул на судью Мура, своего главного советника по вопросам разведки, и на доктора Пелта, своего советника по национальной безопасности. Один из них просил сохранить жизнь человеку, преданно и в течение длительного времени служившего Америке, потому что иначе ему угрожала смерть; другой внимательным и холодным взглядом оценил все аспекты *realpolitik* и пришел к выводу, что возникшая историческая возможность важнее жизни любого человека.

– Итак, Артур, ты утверждаешь, что этот агент – я не хочу знать его имени – снабжал нас жизненно важной информацией на протяжении тридцати лет, включая сведения по этому лазерному проекту, разработанному русскими; по твоему мнению, ему угрожает опасность, и наступил момент, когда нужно пойти на риск и вывезти его из России, так как мы находимся перед ним в моральном долгу.

– Да, господин президент.

– А ты, Джефф, считаешь, что сейчас крайне неудачный момент для этого, что обнаружение утечки информации на таком высоком уровне может нанести вред политической позиции Нармонова, даже подорвать ее, и тогда к власти придет правительство, относящееся к нам более враждебно?

– Да, господин президент.

– А если этот человек погибнет, потому что мы отказались ему помочь?

– В этом случае мы утратим ценную информацию, – ответил судья Мур. – Возможно, его гибель и не окажет сколько-нибудь заметного влияния на положение Нармонова. Но самое главное – мы предадим человека, служившего нам верой и правдой на протяжении тридцати лет.

– А ты, Джефф, ты будешь спокойно спать ночью после этого? – спросил президент своего советника по национальной безопасности.

– Да, сэр, я буду спокойно спать ночью. Не скажу, что меня не будет мучить совесть, но я смогу спать. Мы уже заключили с Нармоновым договор об ограничении ядерных ракет средней дальности, и сейчас есть возможность перейти к ограничению стратегических вооружений.

Я вроде как снова стал судьей, подумал президент. Здесь передо мной два адвоката, каждый полностью убежденный в своей правоте. Интересно, остались бы их принципы столь же твердыми, находишься ли они на моем месте, если бы им приходилось принимать решение?

Но ведь их не выбирали на пост президента.

Этот агент служил Соединенным Штатам еще в то время, когда я был младшим прокурором и разбирал в ночном суде дела задержанных проституток,

Нармонов может стать лучшей возможностью для установления мира на планете Бог знает за сколько лет.

Президент встал и подошел к окну, расположенному позади его письменного стола. Оконные стекла были очень толстыми – чтобы защитить обитателя кабинета от пуль убийц. Но кто защитит президента от ошибок при выполнении его служебных обязанностей? Он взглянул на южную лужайку, но не нашел ответа и повернулся назад.

– Не знаю. Артур, можешь развернуть свои силы и подготовиться к эвакуации, но ты должен обещать мне, что не предпримешь никаких шагов без моего одобрения. Никаких ошибок, никакой инициативы – в общем, никаких действий без моего четкого и ясного разрешения. Мне понадобится время, чтобы тщательно все обдумать. Ведь у нас есть время, не так ли?

– Да, сэр. Потребуется еще несколько дней, прежде чем мои люди займут исходное положение.

– Я сообщу тебе о своем решении. – Он пожал руки посетителям и проводил их взглядом, пока они не покинули кабинет. Оставалось пять минут до приема следующего посетителя, и он зашел в туалетную комнату, примыкающую к кабинету. Интересно, подумал он, таится ли какой-то скрытый символизм в том, что он умывает руки, или ему просто захотелось найти повод, чтобы посмотреть на себя в зеркало? А ведь тебя считают человеком, способным ответить на все вопросы, даже чертовски трудные, услышал он от своего отражения. Ты даже не знаешь, зачем пришел сюда! Президент улыбнулся при этой мысли. Это было забавно. настолько забавно, что понять его смогли бы всего несколько человек.

– Так что же мне передать Фоули, черт побери? – раздраженно спросил через двадцать минут Риттер.

– Возьми себя в руки, Боб, – предупредил его судья Мур. – Он обдумывает ситуацию. Нам все равно не требуется немедленное решение, а ответ типа «может быть» куда лучше, чем просто «нет».

– Извини, Артур. Это все – черт побери, я ведь пытался убедить его выехать раньше. Мы не должны, не имеем права бросать этого человека на произвол судьбы.

– Не сомневаюсь, что президент не примет окончательного решения до того, как я поговорю с ним еще раз. А пока передай Фоули, чтобы он продолжал операцию. Кроме того, мне нужно еще раз изучить проблему политической уязвимости Нармонова. У меня сложилось впечатление, что Александрову недолго осталось занимать пост члена Политбюро – Он слишком стар, чтобы стать генеральным секретарем. Политбюро не пойдет на замену относительно молодого человека стариком после того парада похорон, который произошел у них несколько лет назад. Кто же тогда явится кандидатом на место Нармонова. если его сместят?

– Герасимов, – тут же ответил Риттер. – Есть еще два человека, стремящиеся занять этот пост, но лишь один Герасимов достаточно честолюбив. Честолюбив, безжалостен и поразительно ловок. Партийному аппарату он нравится потому, что так хорошо решил проблему диссидентов. Но если он захочет сделать решительный шаг, то ему придется предпринять его в самое ближайшее время. Как только будет заключен договор об ограничении вооружений, Нармонов приобретет огромный престиж и вместе с ним немалое политическое влияние. Если Александров не проявит осторожность, его тут же вытеснят из Политбюро, и Нармонов укрепит свою позицию до такой степени, что в течение нескольких лет ему не придется отстаивать пост генерального секретаря.

– Для этого потребуется не меньше пяти лет, – слышался голос адмирала Грира, впервые вступившего в разговор. – У него может не оказаться этих пяти лет. Мы получили сведения, что Александров действительно может утратить место в Политбюро. Если это не просто слух, он может попытаться ускорить события и попробует перехватить инициативу.

Судья Мур взглянул на потолок.

– Да уж точно, легче иметь дело с сукиными сынами, если можно заранее предсказать, что они предпримут. – С другой стороны, подумал он, и они не могут догадаться, что мы предпримем.

– Не падай духом. Артур, – подбодрил его Грир. – Если бы мир был разумным местом, всем нам пришлось бы искать себе честную работу.

14. Перемены

Проход через Каттегат – непростое дело для подводной лодки, и он усложняется вдвойне, когда требуется осуществить его скрытно. Здесь малые глубины и двигаться в погруженном состоянии нельзя. Фарватеры сложны для прохода даже при дневном свете, а ночью становятся вообще труднопроходимыми, им же приходилось двигаться без помощи местного лоцмана. Плавание было тайным, так что о лоцмане не могло быть и речи.

Манкузо не сходил с мостика. Внизу у прокладочного столика потел штурман, а главный старшина сидел у перископа и называл пеленги на различные береговые ориентиры. Они даже не могли воспользоваться радиолокационными приборами для навигации, но перископ был оборудован усилителем изображения, который не превращал ночь в день, хотя в нем темная беззвездная ночь казалась сумерками. Это оказалось прямо-таки подарком судьбы при низкой облачности и мокром снеге, настолько ограничивающих видимость, что низкий темный корпус субмарины класса «688» было почти невозможно заметить с берега. Датский военно-морской флот знал о проходе американской подлодки через Каттегат и выслал несколько небольших надводных кораблей, чтобы отгонять любопытных – правда, таковых не оказалось, – и, если не считать эти суда, «Даллас» был в одиночестве.

– Судно слева по носу, – донесся голос впередсмотрящего.

– Вижу, – тут же ответил Манкузо. Он держал в руках прибор ночного видения с пистолетной рукояткой и сразу заметил контейнеровоз средних размеров. Вероятнее всего, подумал он, это корабль одной из стран Восточного блока. В течение минуты были закончены расчеты курса и скорости идущего навстречу судна, и стало ясно, что при расхождении наименьшее расстояние между двумя кораблями составит семьсот ярдов. Капитан выругался и отдал приказ.

На «Далласе» были включены ходовые огни – на этом настояли датчане. Вращающийся желтый фонарь над мачтовым огнем ясно указывал на то, что это – подводная лодка. На корме матрос спустил американский флаг и поднял взамен датский.

– Всем выглядеть по-скандинавски, – с кривой усмешкой распорядился Манкузо.

– Я-я, капитэн, – усмехнулся в темноте младший лейтенант. Ему придется нелегко – он был чернокожим. – Курс медленно меняется на корму. Насколько я вижу, сэр, он не меняет направления движения. Смотрите...

– Да, уже заметил, – произнес Манкузо. Два датских корабля устремились вперед, чтобы оказаться между контейнеровозом и «Далласом». Манкузо надеялся, что это решит проблему. Ночью все кошки серы, и подводная лодка, плывущая на поверхности, походит на... подводную лодку на поверхности – черный силуэт с вертикальной боевой рубкой.

– По-моему, это польское судно, – заметил лейтенант. – Да, вижу окраску трубы.

Корабли сближались со скоростью полумили в минуту. Манкузо медленно поворачивался, не спуская прибора с мостика польского судна. Там не было заметно ничего необычного. Разумеется, три часа ночи. Вахта на мостике обращала главное внимание на управление судном в сложных условиях, и ее интерес к субмарине ничем не отличался от его интереса к польскому судну – ради Бога, не столкнись со мной, идиот. Корабли разошлись удивительно быстро, и теперь Манкузо видел кормовые огни контейнеровоза. Ему пришло в голову, что датчане правильно сделали, настояв, чтобы «Даллас» шел с включенными ходовыми огнями. Темный силуэт на поверхности моря привлек бы куда больше внимания.

Час спустя они вошли в само Балтийское море, двигаясь по курсу ноль-шесть-пять по наиболее глубокой воде. «Даллас» направлялся на восток. Манкузо пригласил штурмана к себе в каюту, и они вместе проложили оптимальный маршрут подхода к наиболее безопасному месту на советском побережье. Когда они закончили, к ним присоединился мистер Кларк, и все трое обсудили самую ответственную часть предстоящей операции.

Если бы они жили в идеальном мире, уныло подумал Ватутин, сотрудники КГБ обратились бы со своими подозрениями к министру обороны, и тот с готовностью пошел бы навстречу службе безопасности, ведущей расследование. Однако они жили отнюдь не в идеальном мире. Вдобавок к трениям, существовавшим между армией и КГБ, о которых полковник Ватутин знал и потому не сомневался в позиции министра обороны, маршал Язов принадлежал к числу сторонников генерального секретаря и был хорошо знаком с разногласиями между Герасимовым и Нармоновым. Нет, министр обороны или тут же поручит все расследование собственной службе безопасности, или воспользуется своим политическим влиянием, чтобы совсем закрыть это дело, опасаясь, что КГБ скомпрометирует его тем, что ближайшим помощником у него служит предатель, и поставит под удар самого Нармонова.

Если Нармонова свергнут, лучшее, на что может рассчитывать маршал Язов, – это на должность заместителя министра по кадрам, но скорее всего после падения покровителя последует унизительная отставка. Даже если генеральному секретарю удастся пережить такой кризис, министра обороны, приютившего шпиона, принесут в жертву, сделают козлом отпущения – подобно тому как не так давно произошло с маршалом Соколовым. Так что разве есть у Язова выбор?

Министр обороны обладал, кроме того, даром предвидения. Под прикрытием объявленной генеральным секретарем политики перестройки маршал Язов надеялся, используя свое знание офицерского корпуса, реорганизовать Советскую Армию – скорее всего перевести вооруженные силы страны на профессиональную основу. Нармонов заявил, что его целью является спасение советской экономики, однако такая не менее важная политическая фигура, как Александров, верховный жрец марксизма-ленинизма, обвинил его в том, что он подрывает чистоту самой партии. Язов стремился перестроить военную систему страны снизу доверху. В результате, подумал Ватутин, армия станет преданной лично Нармонову.

Это не могло не беспокоить. С давних пор партия пользовалась органами госбезопасности, чтобы держать военных под своим контролем. В конце концов, оружие сосредоточено в руках военных, и если они осознают свою мощь и почувствуют, как ослабевает над ними контроль партии... Эта мысль была слишком болезненной.

Представить себе армию преданной исключительно генеральному секретарю, а не партии, было Ватутину еще более неприятно, поскольку в результате изменится положение КГБ в советском обществе. В этом случае генеральный секретарь окажется выше всяческого контроля. Опираясь на военных, он сможет подчинить себе КГБ и использовать службу безопасности, чтобы «перестроить» всю партию. У него появится мощь нового Сталина.

Почему это я начал задумываться над этим? – спросил себя Ватутин. Я – офицер контрразведки, а не партийный теоретик. На протяжении всей своей жизни полковник Ватутин избегал крупных проблем, встающих перед его страной. Он полагался на своих руководителей, принимающих важные решения, которые поручали ему решать конкретные вопросы. Но этому пришел конец. Став доверенным лицом председателя КГБ Герасимова, он неразрывно связал свою судьбу с его судьбой. И это произошло так легко! Все случилось буквально за сутки. Чтобы получить генеральские звезды, надо, чтобы тебя заметили, подумал Ватутин с саркастической улыбкой. А ведь ты всегда стремился выдвинуться, оказаться на виду. Итак, Климентий Владимирович, ты добился своего. Теперь смотри, куда это привело тебя!

Это привело тебя в самый центр борьбы за власть между председателем КГБ и самим генеральным секретарем.

Вообще– то все очень забавно, подумал он. В ситуации не будет ничего смешного, если Герасимов допустит просчет, но ирония судьбы заключалась в том, что стоит председателю КГБ оказаться свергнутым, как либеральный дух, уже укрепившийся при Нармонове, защитит Ватутина – в конце концов, он всего лишь выполнял задание вышестоящего руководства. Вряд ли его арестуют и, уж конечно, не расстреляют, как это могло произойти раньше. Правда, его карьера завершится в каком-нибудь Омском областном управлении или в еще более отдаленном месте, и он никогда не вернется в Московский центр.

Впрочем, это тоже не так уж и плохо, подумал он. С другой стороны, если Герасимов добьется успеха, кем станет он, полковник Ватутин? Может быть, возглавит «Двойку»? Вот это будет очень даже здорово.

А ты еще искренне верил, что сможешь сделать карьеру, не занимаясь политикой! Но теперь больше выбора не было. При малейшей попытке выйти из игры его ждет позорный конец. Он понимал, что попал в ловушку. Единственное спасение – выполнить порученное ему задание как можно лучше.

Размышления кончились, и он снова вернулся к полученным отчетам. Ватутин знал, что к полковнику Бондаренко нет ни малейших претензий, он вне подозрений. Его личное дело изучили до мельчайших подробностей и не обнаружили ничего, что наложило бы тень на блестящего офицера и настоящего патриота. Да, вражеский агент – это Филитов, подумал полковник. Как ни безумна на первый взгляд эта мысль, предателем является легендарный герой.

Но как, черт побери, это доказать? Без помощи Министерства обороны трудно даже провести нормальное расследование! В этом еще одна загвоздка. Если он потерпит неудачу в проведении расследования, то Герасимов неблагосклонно отнесется к его дальнейшему продвижению по службе, а расследованию мешают политические ограничения, наложенные самим председателем. Ватутин вспомнил, как его в свое время едва не обошли с присвоением звания майора, останься он капитаном – и теперь не было бы никаких проблем.

Самое странное – Ватутину не приходило в голову, что все его трудности проистекают из политического честолюбия председателя КГБ.

Наконец полковник вызвал к себе в кабинет старших офицеров, руководящих следственными группами. Они прибыли через несколько минут.

– Что нового по Филитову? – спросил он.

– За ним следят наши лучшие люди, – сообщил руководитель группы «топтунов». – Шесть человек круглосуточно находятся поблизости. Мы постоянно меняем их, чтобы не примелькались. Установлены телевизионные мониторы, наблюдающие за ситуацией вокруг квартала, в котором он проживает, и каждую ночь полдюжины сотрудников проверяют ленты. Усилено наблюдение за подозреваемыми американскими и английскими агентами, а также за дипломатами этих стран. Наши люди работают на пределе своих возможностей, и возникает опасность их обнаружения, но у нас нет другого выхода. Единственная новость, о которой мне стало известно,

заключается в том, что Филитов, оказывается, иногда разговаривает во сне – насколько нам удалось разобрать, он обращается к кому-то по фамилии Романов. Смысл его слов настолько искажен, что остальное мы не поняли, но с записью

сейчас работает лингвист-патолог, и нам, возможно, что-нибудь станет известно. Как бы то ни было, Филитов обложен так, что и перднуть не сможет без того, чтобы мы не услышали. Единственное, на что мы не рискнули пойти, – это на установление непрерывного визуального контакта, потому что для этого пришлось бы разместить наших людей в непосредственной близости от него. Каждый день, поворачивая за угол или входя в магазин, он исчезает из нашего поля зрения на время от пяти до пятнадцати секунд – этого достаточно, чтобы успеть передать донесение связному или опустить его в тайный «почтовый ящик». Тут я ничего не могу поделать – вы можете распорядиться еще более усилить наблюдение, но при этом возникнет опасность насторожить Филитова.

Ватутин кивнул. Даже у самой лучшей слежки есть свои недостатки.

– Да, вот одна любопытная вещь, – заметил майор, руководящий другой группой. – Мне сообщили об этом только вчера. Примерно раз в неделю Филитов сам относит мешок с документами, подлежащими уничтожению, в подвал, где установлена специальная печь. Эта процедура стала настолько обыденной, что сержант, обслуживающий печь в подвале, забыл рассказать нам о ней до вчерашнего вечера. Совсем молодой мальчик, он сам пришел к нам, чтобы сообщить об этом, – во время увольнения, в штатском. Сообразительный парень. Оказывается, именно Филитов много лет назад руководил установкой этой печи для уничтожения секретных документов, необходимость в которых отпадала. Я лично проверил чертежи – самая обычная газовая печь, ничем не отличается от той установки, которой пользуемся и мы, вот и все. Говоря по правде, необычно в подозреваемом только то, что его должны были уволить в отставку много лет назад.

– Как обстоят дела с расследованием убийства Алтунина? – повернулся Ватутин к следующему офицеру.

Тот открыл блокнот.

– Нам так и не удалось выяснить, где он скрывался до момента смерти. Может быть, он где-то прятался в одиночку или его укрывали

друзья, которых нам не удалось обнаружить. Нет никакой связи между его смертью и перемещениями иностранцев. На нем не было обнаружено ничего подозрительного, кроме фальшивых документов, изготовленных самым кустарным образом. Впрочем, для приграничных республик они могли сойти за подлинные. Если Алтунина убили по приказу ЦРУ, то операция проведена прямо-таки идеально. Ни малейшей зацепки.

– Ваше мнение?

– Дело Алтунина безнадежно, – ответил майор. – Его следует закрыть. Кое-что нужно проверить, но рассчитывать на благоприятный исход не приходится. – Он сделал паузу. – Товарищ полковник...

– Слушаю вас.

– По моему мнению, смерть Алтунина – простая случайность. Мне представляется, что это всего лишь обыкновенное убийство: он попытался скрыться из Москвы и выбрал неудачный момент, чтобы спрятаться в железнодорожном вагоне. У меня нет никаких доказательств, но я инстинктивно чувствую, что все произошло именно так.

Ватутин задумался. Требуется немалое мужество, чтобы сотрудник Второго главного управления утверждал, что расследуемое им преступление не имеет никакого отношения к контрразведке.

– Вы действительно убеждены в этом?

– У нас никогда не будет полной уверенности, товарищ полковник, но если Алтунина убили по приказу ЦРУ, почему не избавились каким-то образом от тела или, если они пытались воспользоваться его смертью, чтобы помешать расследованию деятельности своего высокопоставленного агента, почему не подбросили доказательств, ведущих следствие в тупик? Как раз этого и следовало ожидать при таких обстоятельствах.

– Да, мы поступили бы именно так. Разумно. Тем не менее проверьте все возможные варианты.

– Обязательно, товарищ полковник. На это потребуется от четырех до шести дней.

– Что-нибудь еще? – спросил Ватутин. Присутствующие отрицательно покачали головами. – Хорошо, возвращайтесь к своим группам, товарищи.

Я сделаю это во время хоккейного матча, решила Мэри-Пэт Фоули. На нем будет присутствовать «Кардинал», которого предупредили об этом звонком из телефона-автомата – якобы набранным по ошибке номером. Я сама передам ему пакет. В сумочке у Мэри-Пэт лежали три кассеты, передать их можно при простом рукопожатии. Ее сын играл в хоккейной команде младшей юношеской лиги, так же как и внук Филитова, и она присутствовала на каждом матче. Если бы по какой-то причине Мэри-Пэт пропустила матч, это сочли бы необычным, а русские любят, когда все протекает раз навсегда заведенным образом. Она знала, что за ней следят. Повидимому, слежку за иностранцами ужесточили, однако «тень», следовавшая за ней, была не такой уж эффективной – по крайней мере за ней следил один и тот же мужчина, и Мэри-Пэт видела его лицо каждый день.

Мэри Патриция Камински-Фоули относилась к числу типично американских семей, генеалогия которых – весьма запутанная – уходила во тьму веков, причем некоторые подробности не попали в анкетные данные. Ее дед при дворе последнего императора России учил наследника престола Алексея Романова верховой езде, что было совсем непросто, поскольку мальчик страдал гемофилией и требовалась чрезвычайная осторожность. Это было вершиной его карьеры, которая ничем другим не выделялась. Дед Мэри-Пэт не сумел выдвинуться как армейский офицер, хотя покровительство двора помогло ему стать полковником. В результате его полк потерпел сокрушительное поражение при Танненберге, а сам командир попал в плен к немцам и потому остался жив, когда к власти в России пришли большевики. Узнав, что его жена погибла во время революционных беспорядков, последовавших после первой мировой войны, он не вернулся в Россию, поселился в конце концов в пригороде Нью-Йорка, основал небольшое предприятие и снова женился. Он умер в преклонном возрасте девяноста семи лет от роду, пережив даже свою вторую жену, которая была моложе его на двадцать лет, и Мэри-Пэт на всю жизнь запомнила его несвязные рассказы о России. Поступив в колледж, где ее специальностью была история, она, конечно, узнала, как все обстояло на самом деле. Ей стало известно, что император

Николай Романов оказался плохим правителем, а его двор был насквозь продажным и коррумпированным, Но она навсегда запомнила, как плакал ее дед, рассказывая о расстреле большевиками царевича Алексея – смелого и решительного мальчика – и всей царской семьи, о том, как их всех убили, словно бродячих собак. Эта история, слышанная Мэри-Пэт сотни раз, создала у нее представление о Советском Союзе, которое оказались не в силах стереть годы обучения в колледже или требования политического реализма. Ее отношение к правительству, управляющему страной, где родился и жил ее дед, оказалось навсегда оформившимся под влиянием убийства Николая II, его жены и пятерых детей. Рассудок, говорила она себе, когда задумывалась над этим, не имеет ничего общего с человеческими чувствами.

Работа в Москве, направленная против того же правительства, стала для нее величайшим наслаждением. Она нравилась Мэри-Пэт даже больше, чем ее мужу, которого она встретила во время учебы в Колумбийском университете. Эд начал работать в ЦРУ, потому что она еще в детстве решила работать там. Он блестяще проявил себя, Мэри-Пэт знала это, у него оказались отличные способности, но ему не доставало страсти, которую вкладывала в работу она. Не хватало у него и генов. Мэри-Пэт овладела русским языком на коленях своего деда – богатым и элегантным русским языком, столь отличным от современного, испорченного и засоренного за десятилетия советской власти, – но, что еще важнее, она понимала русский народ так, как никогда нельзя понять с помощью книг. Ей были знакомы и понятны грусть, составляющая неотъемлемую часть русского характера, поразительная откровенность и полная открытость души русских людей, заметная лишь очень близким друзьям и скрытая под внешней замкнутостью и даже враждебностью. Используя свои способности и понимание русских, Мэри-Пэт сумела завербовать пять осведомленных агентов – всего лишь на одного меньше рекорда, установленного одним из ее предшественников. В оперативном управлении ЦРУ ее иногда называли «супердевушкой». Это прозвище ей не нравилось – в конце концов, Мэри-Пэт была матерью двух детей со следами материнства на теле, доказывающими это. Она посмотрела на себя в зеркало и улыбнулась. Тебе многого удалось добиться, милая, сказала она себе. Дедушка гордился бы тобой.

Однако самое лучшее заключалось в другом: ни у кого не было ни малейших оснований заподозрить ее. Мэри-Пэт поправила свою одежду. В Москве считалось, что западные женщины обращают больше внимания на одежду, чем западные мужчины. Мэри-Пэт всегда старалась выглядеть излишне хорошо одетой. Впечатление, которое ей хотелось произвести на окружающих, было тщательно обдуманно и воплощалось с крайней последовательностью. Образованная, но неглубокая, красивая лишь на первый взгляд, хорошая мать, но не более, склонная к демонстрации эмоций, что вообще свойственно женщинам, приехавшим с Запада, но такую не воспринимают всерьез. Всегда спешащая, готовая заменить заболевшего учителя в школе, не пропускающая дипломатические приемы, постоянно расхаживающая по улицам подобно вечной туристке, Мэри-Пэт идеально соответствовала сложившемуся в Советском Союзе образу пустоголовой американки. Она еще раз улыбнулась своему отражению: если бы только эти идиоты знали...

Эдди нетерпеливо ждал мать в гостиной, вода хоккейной клюшкой по ковру в унылых узорах. Муж сидел перед телевизором. Он поцеловал жену и посоветовал сыну играть пожестче – Эд-старший болел за команду «Рейнджерс» еще до того, как научился читать.

Какая все-таки жалость, думала Мэри-Пэт, спускаясь в лифте. У Эдди здесь немало хороших друзей, но было бы ошибкой устанавливать слишком тесные узы с русскими. Ведь при этом можно забыть, что они живут в стране, являющейся врагом Америки. Ее беспокоило, что здесь ему внушают те же самые мысли, которые в свое время внушили ей, только диаметрально противоположные. Ну ничего, это нетрудно исправить, сказала себе Мэри-Пэт. Дома у нее хранилась фотография царевича Алексея с собственноручной надписью, в которой он благодарил своего любимого учителя. От нее требовалось лишь одно – рассказать Эдди, как умер наследник русского престола.

Как всегда, они доехали до спортивного зала быстро и без происшествий. Эдди становился все нетерпеливее по мере приближения матча. Вместе с еще одним мальчиком по числу заброшенных шайб он находился на третьем месте в лиге, отставая всего на шесть очков от центра нападения команды, с которой им предстояло сегодня играть, и Эдди хотелось продемонстрировать

«иванам», что американцы могут победить русских в их любимой игре.

Площадка, отведенная для стоянки автомобилей, была забита до отказа, и это удивило Мэри-Пэт, но площадка была маленькой, а хоккей стал почти религией в Советском Союзе. Этот матч должен был решить, кто выходит в финальную группу чемпионата, и потому сюда приехало так много зрителей. Мэри-Пэт такая ситуация была лишь на руку. Едва машина остановилась и она поставила ее на ручной тормоз, как Эдди распахнул дверцу, схватил сумку и, стоя рядом, буквально перебирал ногами, пока мать запирала автомобиль. И все же мальчик заставил себя идти рядом с ней и, только войдя внутрь здания, устремился в раздевалку.

Мэри-Пэт направилась в зал. Она, разумеется, заранее знала, где будет сидеть. Хотя русские неохотно располагались рядом с иностранцами в общественных местах, во время хоккейных матчей действуют иные правила. С ней поздоровались родители нескольких других игроков, и Мэри-Пэт ответила на приветствия -театрально широким жестом и излишне широкой улыбкой. Улучив момент, она посмотрела на часы.

– Вот уже пару лет я не бывал на матчах юношеских команд, – заметил маршал Язов, выходя из служебного автомобиля.

– Я тоже редко бываю на них, но моя невестка сказала, что предстоящий матч очень ответственный, и маленький Миша очень просил, чтобы я приехал, – усмехнулся Филитов. – Мальчишки считают, что я приношу им удачу, – может быть, вы тоже принесете им удачу, товарищ маршал.

– Приятно делать что-то необычное, – согласился Язов с притворной серьезностью. – Министерство никуда не денется – завтра мы найдем его на прежнем месте. Я ведь играл в хоккей, когда был мальчишкой.

– Вот как? Я не знал этого. И как у вас получалось?

– Я был защитником, и остальные мальчишки говорили, что я грубо играю. – Министр обороны усмехнулся и сделал знак,

приглашая своих телохранителей проходить вперед.

– Там, где я вырос, не было катка, да и, говоря по правде, в детстве я был очень неуклюжим, – засмеялся Филитов. – Танки стали моим призванием, и немудрено – они предназначены для разрушения.

– Эта команда действительно сильная?

– Юношеский хоккей нравится мне больше взрослого, – ответил полковник. – Они играют – играют с кипучей энергией, с большим воодушевлением. А может быть, мне, просто нравится, когда дети веселятся.

– Это верно.

Вокруг катка было мало сидячих мест – к тому же, кто из настоящих любителей хоккея согласится сидеть? Маршал Язов и полковник Филитов нашли удобное место недалеко от группы родителей, чьи дети сегодня играли. Армейские шинели и сверкающие погоны помогли им протиснуться поближе к бортику, откуда открывался вид на каток. Четыре телохранителя стояли рядом, стараясь не следить за игрой. Их не тревожила безопасность министра, потому что он решил поехать на матч совершенно неожиданно.

С самого начала игра протекала очень интересно. Центр нападения команды противника оказался очень юрким, умело держал шайбу и искусно катался на коньках. Команду хозяев – в ней играли американец и внук Филитова – оттеснили в зону и зажали там почти на весь первый период. Но маленький Миша проявил себя агрессивным защитником, а американец сумел перехватить шайбу, пройти к воротам противника и забросить – но тут ее в блестящем броске поймал вратарь, вызвав возгласы одобрения со стороны болельщиков обеих команд. Русские, хотя и отчаянно болеют за своих, тем не менее не лишены духа справедливости и умеют ценить мастерство противника. Первый период закончился со счетом ноль:ноль.

– Очень жаль, – заметил Филитов, когда болельщики устремились к туалетам.

– Отличный перехват, – согласился Язов, – но и вратарь сыграл великолепно. Нужно бы узнать его фамилию – пусть тренеры ЦСКА обратят на него внимание. Михаил Семенович, спасибо, что пригласил меня. Я уже начал забывать, какими интересными бывают юношеские игры.

– Интересно, о чем они говорят? – спросил офицер КГБ, возглавляющий группу сотрудников «Двойки». Вместе с двумя помощниками он сидел на самом верхнем ряду трибуны, скрытый от посторонних глаз ослепительными прожекторами, освещающими каток.

– Может быть, просто болельщики хоккея, – пробормотал один из сотрудников с фотоаппаратом в руках. – Черт побери, интересный матч, а мы даже посмотреть на него как следует не можем. Взгляните на охрану Язова – эти кретины глаз ото льда не отрывают! Если бы мне захотелось убить министра...

– Насколько я понимаю, не такая уж плохая мысль, – заметил третий. – Председатель...

– Это не наше дело, – прервал его старший, и разговор стих.

– Эдди! Давай, Эдди! – крикнула Мэри-Пэт, как только начался второй период. Смущенный мальчик посмотрел в ее сторону – мать всегда так волнуется, подумал он.

– Кто это? – спросил Филитов, стоявший в пяти метрах.

– Вон там – тощая такая, мы ведь встречались с ней, помните, Михаил Семенович? – спросил Язов.

– А-а, болельщица, – заметил полковник, наблюдая за тем, как сражение на льду переместилось к противоположным воротам. Пожалуйста, товарищ маршал, ну пожалуйста, сделайте это... – мысленно взмолился Филитов. И его желание исполнилось.

– Давайте подойдем и поздороваемся, – сказал Язов. Толпа расступилась перед ними, и маршал встал рядом с американкой, слева от нее.

– Если я не ошибаюсь, миссис Фоули?

Женщина быстро обернулась, по ее лицу промелькнула мгновенная улыбка.

– Здравствуйте, генерал.

– Вообще-то мое воинское звание маршал. Это ваш сын – номер двенадцатый?

– Да. Вы заметили, как голкипер прямо-таки обокрал моего мальчика?

– Вратарь сыграл превосходно, – заметил Язов.

– Пусть играет превосходно с кем-нибудь другим! – разгоряченно воскликнула Мэри-Пэт, наблюдая за тем, как игра начала смещаться к воротам команды Эдди.

– Неужели все американские болельщики походят на вас? – спросил Филитов.

Она снова повернулась, и на ее лице отразилось смущение.

– Правда ужасно, а? Родители должны вести себя...

– Как родители? – рассмеялся Язов.

– Действительно, я превращаюсь в типичную маму хоккеиста детской команды, – призналась Мэри-Пэт. Затем ей пришлось объяснить, что она имеет в виду.

– Достаточно того, что мы сделали из вашего сына отличного крайнего хоккейной команды.

– Да, будем надеяться, что через несколько лет Эдди окажется в составе олимпийской сборной, – ответила Мэри-Пэт с насмешливой и одновременно задорной улыбкой. Язов рассмеялся. Это удивило ее. По слухам, министр обороны – жестокий и требовательный сукин сын.

– Кто эта женщина?

– Американка. Муж у нее – пресс-атташе посольства США. В команде играет ее сын. У нас досье на нее и на мужа. Ничего особенного.

– Привлекательная. Я и не знал, что Язов такой бабник.

– Ты считаешь, что он пытается завербовать ее? – высказал предположение фотограф, делая один снимок за другим.

– Я и сам бы не прочь.

В матче неожиданно наступил момент, когда шайба не покидала центра поля. У детей не было еще отшлифованной техники, необходимой для точных пасов, характерных для советского хоккея, и игроки обеих команд получили указание не увлекаться жесткой игрой. Несмотря на защитную амуницию, они оставались детьми, кости которых еще не успели окрепнуть. Это был хороший урок русских американцам, подумала Мэри-Пэт. Русские всегда проявляли большую заботу о своих детях. В этой стране жизнь трудна для взрослых, так что по крайней мере пусть дети проживут счастливо.

Наконец в третьем периоде ситуация резко изменилась. Вратарь преградил путь шайбе, и она отскочила в поле. Центр нападения подхватил ее и устремился прямо к противоположным воротам, а наравне с ним, футах в двадцати по правому флангу, мчался Эдди. Центральный нападающий успел отдать ему пас за мгновение до того, как был остановлен защитником, и Эдди прошел в угол площадки. Оттуда он не мог бросить по воротам, а приблизиться к ним ему мешал надвигающийся защитник.

– Отдай в центр! – изо всех сил крикнула его мать. Мальчик не услышал крика, но ему и не требовалась подсказка. Центральный нападающий успел занять свое место, и Эдди отпасовал ему шайбу. Юный центр нападения остановил ее коньком, замахнулся и мощным броском послал шайбу между ног вратаря. За воротами вспыхнул сигнал, и вверх поднялись клюшки игроков.

– Отличный пас в центр, – заметил Язов с искренним восхищением и ворчливым голосом продолжил:

– Теперь вы понимаете, что ваш сын владеет важной государственной тайной и мы не можем позволить ему выезд из России.

Глаза Мэри-Пэт на мгновение тревожно расширились, подтверждая мнение Язова, что она действительно пустоголовая иностранка, хотя, по-видимому, неплохой партнер в постели. Жаль, что мне никогда не удастся выяснить это, подумал маршал.

– Вы шутите? – растерянно спросила она. Оба военных расхохотались.

– Разумеется, товарищ маршал просто шутит, – через мгновение подтвердил Филитов.

– Я так и думала, – заметила Мэри-Пэт без должной уверенности в голосе и повернулась к катку. – Отлично, забивай еще!

На звук ее пронзительного голоса с улыбками на лицах обернулись стоящие рядом зрители. Эта американка всегда вызывала у них смех. Эмоции американцев казались русским такими забавными.

– Если она шпионка, я согласен съесть свою камеру.

– Думай, о чем говоришь, дружище, – прошептал офицер, руководивший группой. Веселье в голосе шутника мгновенно исчезло. Подумай о том, что тебе только что сказано, напомнил он себе. Ее муж, Эдвард Фоули, является, по мнению американских журналистов, просто олухом, не способным исполнять обязанности хорошего репортера, и, уж конечно, он не может работать в редакции «Нью-Йорк таймс». Дело заключалось, однако, в том, что о таком прикрытии мечтает каждый разведчик, и все-таки на подобных должностях служат олухи, которых почему-то притягивает правительственная служба всех стран мира. Офицер, к примеру, ничуть не сомневался, что его двоюродный брат – кретин, а его взяли в Министерство иностранных дел!

– Ты уверен что у тебя хватит пленки?

До конца матча оставалось сорок секунд, и Эдди получил наконец долгожданную возможность. Защитник бросился под шайбу, и она запрыгала по льду, катясь к центральному кругу. Нападающий отпасовал ее направо в тот момент, когда ход игры вдруг изменился. Команда противника собиралась снять вратаря и заменить его полевым игроком, так что мальчик, стоявший в воротах, уже катился к своей скамейке. Эдди принял шайбу от своего центрального нападающего и устремился к воротам, обходя вратаря по его левому флангу, развернулся и бросил шайбу за спиной уже беспомощного голкипера.

Шайба ударила о стойку и покатила по линии ворот, медленно пересекая ее.

– Г-о-о-л! – завизжала Мэри-Пэт, прыгая от восторга. В следующее мгновение она обняла маршала Язова, приведя в замешательство его телохранителей. На лице министра обороны появилась улыбка, ставшая тут же натянутой, когда он вспомнил, что теперь ему придется завтра утром написать отчет о контакте с иностранкой. Ничего страшного, Михаил Семенович будет свидетелем, что мы не обсуждали ничего серьезного. Затем она обняла Филитова.

– Я ведь говорила, что вы приносите удачу!

– Господи, неужели все американские болельщики похожи на вас? – спросил Филитов, освобождаясь от объятий. Ее рука коснулась его руки на какую-то долю секунды, и три крошечных кассеты оказались внутри перчатки полковника. Он почувствовал их и был поражен, что все было сделано так искусно. Неужели она еще и профессиональный фокусник?

– А почему все русские всегда такие мрачные – разве вы никогда не веселитесь?

– Может быть, нам не помешало бы больше общаться с американцами, – согласился маршал Язов. Хорошо бы моя жена была такой темпераментной, промелькнула у него мысль. – У вас хороший сын, и, если он будет играть против нас на Олимпиаде, я прощу его. – Сияющая улыбка была ему ответом.

– Как это любезно с вашей стороны, – ответила Мэри-Пэт. Надеюсь, мой Эдди загонит ваших игроков обратно в Москву пинками по их коммунистическим задницам, подумала она. Чего-чего, а снисходительного отношения Мэри-Пэт не выносила. – Сегодня Эдди набрал еще два очка, а этот «иван» – как его там – не набрал ни одного!

– Вы всегда относитесь с таким пылом к спорту, даже когда играют дети? – спросил маршал Язов.

И тут Мэри-Пэт допустила ошибку, ответив настолько быстро, что не успела проконтролировать свои слова:

– Покажите мне человека, умеющего проигрывать, и я покажу вам человека, всегда проигрывающего. – Она сделала паузу и тут же исправила оговорку:

– Так говорил Вине Ломбарди, знаменитый американский тренер. Извините, но вы, наверно, считаете меня плохо воспитанной. Вы правы, это всего лишь детская игра. – Она широко улыбнулась. Вот тебе!

– Ты что-нибудь заметил?
– Просто глупая женщина, излишне экспансивная, – ответил фотограф.
– Сколько времени понадобится тебе, чтобы проявить пленку?
– Два часа.
– Принимайся за работу, – скомандовал старший группы.
– А вы заметили что-то? – спросил у своего начальника оставшийся сотрудник «Двойки».
– Вроде ничего. Мы следили за ней почти два часа, и она вела себя как типичная американская мать, слишком увлеченная игрой своего сына в спортивном матче. Дело, однако, в том, что ее поведение привлекло внимание министра обороны и его помощника, которого подозревают в измене Родине. Мне кажется, этого достаточно, правда? – Какая интересная игра разворачивается...

Два часа спустя на столе офицера КГБ, руководившего группой наблюдения, лежало больше тысячи черно-белых фотографий. Съемка велась японским фотоаппаратом, который фиксировал в нижней части каждого кадра время экспозиции. Фотограф, работавший на КГБ, ничуть не уступал профессиональному репортеру. Он вел съемку почти непрерывно, останавливаясь только для того, чтобы перезарядить широкоплечные кассеты в автоматической камере. Сначала офицер сказал, что хочет использовать портативную видеокамеру, но фотограф сумел переубедить его. Разрешающая способность и выдержка ее уступают фотоаппарату, который по-прежнему остается лучшим, когда нужно запечатлеть что-то

мгновенное или небольшое, хотя по фотокадрам невозможно прочесть по губам произносимые фразы, тогда как на видеопленке это возможно.

Офицер тратил на каждый отпечаток несколько секунд, внимательно рассматривая его с помощью увеличительного стекла, особенно в тех случаях, когда происходящее интересовало его. Когда в кадрах появилась миссис Фоули, он начал рассматривать снимки еще более тщательно. Он изучал ее одежду, украшения и лицо. Офицер обратил внимание на то, что лицо женщины было особенно невыразительным, как в коммерческой рекламе на западном телевидении, и вспомнил ее крики, заглушающие шум толпы. Почему американцы любят так громко кричать? – еще раз удивился он.

Правда, хорошо одевается, признал офицер. Подобно большинству американок в Москве, она выделялась – как фазан, среди домашней птицы, фыркнул он про себя. Что из того, что американцы тратят больше денег на одежду? Разве одежда имеет такое уж большое значение? Когда я рассматривал ее в бинокль, мне казалось, что у нее куриные мозги, – но почему у меня иное впечатление сейчас, после изучения всех этих фотоснимков... почему?

Из– за глаз, подумал он. На фотографиях ее глаза сверкали из-за чего-то иного, отличного от того, что он видел в бинокль. Странно...

На фотографиях ее глаза – голубые, вспомнил он, – всегда были устремлены куда-то. Черты лица смутно напоминали славянские. Офицер знал, что Фоули – ирландская фамилия, и потому считал ее ирландкой. То, что Америка – страна иммигрантов и что иммигранты брачными узами рассекают этнические связи, мало кому известно в России. Прибавить ей несколько килограммов, изменить прическу и одежду, и эту женщину можно принять за жительницу Москвы... или Ленинграда. Скорее Ленинграда, подумал он. Она больше походит на ленинградку. В ее лице заметно некоторое высокомерие, характерное для жителей этого города. Интересно, откуда родом ее предки?

Офицер продолжал изучать снимки и вспомнил, что супругов Фоули так и не подвергли тщательной проверке. Досье на обоих были совсем тоненькими. Второе главное управление рассматривало их как людей, не заслуживающих внимания. Он инстинктивно почувствовал, что это ошибка, но это чувство было едва осязаемым и никак не могло прорваться на поверхность. Офицер взял последние фотографии и

нетерпеливо взглянул на часы. «Три часа утра!» – проворчал он и налил чашку чаю.

Да, этот снимок сделали, по-видимому, в момент, когда ее сын забросил вторую шайбу. Она прыгает как коза. Впервые он обратил внимание на то, что у нее красивые ноги. Как заметили его коллеги, с которыми он сидел на самом верху трибуны, в постели она будет, наверно, отличной партнершей. Осталось всего несколько снимков до конца игры и... да, вот она обнимает Язова – этого старого козла! – и бросается на шею полковнику Филитову...

Он замер. Мгновенная фотография запечатлела нечто незамеченное им в бинокль. Обнимая Филитова, она смотрит на того из четырех телохранителей, который не следит за игрой. Ее рука, ее левая рука, вовсе не обнимает Филитова, а опущена вниз, рядом с его рукой, и скрыта из виду. Он поспешно перелистнул несколько предыдущих снимков. Перед тем как обнимать военных, она держала левую руку в кармане. Вот она обнимает министра, и рука сжата в кулак. Следующий кадр (после того как американка обняла Филитова): рука уже раскрыта, а глаза по-прежнему устремлены на телохранителя. На лице улыбка – типично русская улыбка, при которой улыбаются одни губы. А вот уже на следующем кадре она превратилась в прежнюю взбалмошную американку. И тут офицер все понял.

Черт меня побери, прошептал он.

Сколько времени семья Фоули находится в Москве? Он напряг усталую память, но так и не вспомнил этого. По крайней мере два года – мы ничего не знали, даже не заподозрили... а вдруг замешана только она? Интересная мысль – она является шпионкой, а ее муж не знает об этом. Он тут же отбросил эту мысль и оказался прав, хотя и по другой причине. Он протянул руку к телефону и позвонил Ватутину домой.

– Слушаю, – голос ответил, прежде чем закончился первый звонок.

– У меня есть нечто интересное, – произнес офицер.

– Высылайте машину.

Через двадцать пять минут приехал полковник Ватутин, небритый и раздраженный. Майор разложил перед ним несколько последних фотографий.

– Мы никогда не подозревали ее, – заметил он, пока полковник рассматривал снимки через увеличительное стекло.

– Отличная маскировка, – мрачно пробормотал Ватутин. Он проспал всего час, когда раздался разбудивший его телефонный звонок. Полковник все привыкал спать, не выпив перед сном несколько стаканов водки, – пытался привыкнуть, поправил он себя. Ватутин положил увеличительное стекло на стол и взглянул на майора.

– Подумать только! Прямо перед министром обороны и четырьмя телохранителями! Это не баба – это конь с яйцами! Кому поручена слежка за ней?

Майор молча передал ему досье. Ватутин перелистал его, нашел соответствующую страницу и фыркнул.

– Этот старый пердун! Да ему нельзя поручить отвести ребенка в школу, не опасаясь, что его арестуют по подозрению в растлении малолетних! Вы только посмотрите – двадцать три года в лейтенантах!

– В посольстве США работает семьсот американцев, товарищ полковник, – напомнил майор. – У нас слишком мало хороших сотрудников...

– Которые следят не за теми, за кем нужно следить. – Ватутин встал и подошел к окну. – Установите наблюдение за ней. И за мужем тоже, – добавил он.

– Я хотел предложить именно это, товарищ полковник. Мне представляется вероятным, что оба работают на ЦРУ.

– Она что-то передала Филитову.

– Наверно, записку, может быть, что-то еще.

Ватутин сел и потер глаза.

– Вы хорошо поработали, товарищ майор.

На границе между Афганистаном и Пакистаном светало. Лучник готовился к возвращению на войну. Его люди укладывали только полученное ими вооружение, а их командир – как-то странно думать

о себе в этом новом звании – обдумывал планы на предстоящие недели. В числе снаряжения, переданного ему Ортизом, был полный комплект тактических карт. Эти карты были составлены на основе спутниковых фотографий, и на них указывались опорные пункты русских и районы, где велось регулярное патрулирование, Теперь у

Лучника был мощный радиоприемник, с помощью которого он мог настраиваться на метеопрогнозы отовсюду, включая русские передачи. Предполагалось отправиться в путь с наступлением темноты.

Он оглянулся вокруг. Некоторые из его людей привезли в это безопасное место свои семьи. Лагерь беженцев был переполнен, отовсюду доносился шум, но это было куда более счастливое место, чем заброшенные деревни и города, разбомбленные русскими. Повсюду Лучник видел детей, и дети были счастливы, потому что рядом находились родители и друзья и здесь была пища. Мальчишки уже играли с игрушечными автоматами, а у тех, что постарше, автоматы были настоящими. Он смотрел на это с сожалением, которое уменьшалось после каждого боевого похода. Моджахеды несли тяжелые потери, и война требовала пополнения, а самые молодые воины – всегда самые храбрые. Если для завоевания свободы требовались жизни юных бойцов – ну что ж, они умирают ради святого дела, и Аллах милосерден к тем, кто погиб ради Него. Мы живем в печальном мире, но по крайней мере здесь у человека может оказаться время для развлечений и отдыха. Его взгляд упал на одного из стрелков отряда, учившего своего первого сына ходить. Малыш не мог сделать и шага без помощи, но всякий раз он смотрел вверх на улыбающееся бородатое лицо отца, которого видел после своего рождения всего лишь дважды. Новый командир отряда вспомнил, как делал то же самое со своим сыном... теперь его учат идти по совершенно иной дороге...

Лучник вернулся к своей работе. Отныне он больше не мог исполнять обязанности ракетчика, но Абдул получил превосходную подготовку под его руководством. Теперь Лучник поведет в бой своих бойцов. Он завоевал это право, но, что еще более важно, воины считали его человеком, приносящим удачу. Это играет немалую роль для боевого духа отряда. Несмотря на то что Лучник за всю жизнь не прочел ни одной книги по военному искусству, он чувствовал, что достаточно хорошо овладел уроками войны.

Все произошло совершенно неожиданно – без малейшего предупреждения. Услышав треск разрывающихся снарядов, выпущенных из авиационной пушки. Лучник мгновенно повернул голову и увидел стреловидные очертания мчащихся к лагерю на бреющем полете самолетов, едва ли больше сотни метров от

поверхности земли. Он не успел схватить автомат, когда увидел, как из балочных бомбодержателей вниз посыпались бомбы. Черные силуэты неустойчиво качались, перед тем как хвостовые стабилизаторы по мере набора скорости направляли их в цель и бомбы по отлогой дуге устремлялись "к земле – медленно, словно при замедленной съемке. Затем нахлынула волна рева истребителей-бомбардировщиков СУ-24, и Лучник повернулся вслед им, вскинув к плечу автомат, но самолеты уже исчезли. Оставалось лишь одно – броситься ничком на землю, и ему казалось, что все происходит медленно, очень медленно. Он почти повис в воздухе, словно земля не хотела принимать его. Бомбы были за спиной Лучника, но он знал, что они где-то там падают вниз. Быстрым взглядом он увидел бегущих людей, своего стрелка, пытающегося прикрыть телом малыша. Лучник успел повернуться, взглянуть вверх и с ужасом увидел, что одна бомба, кажется, летит прямо на него – черный кружок на фоне чистого утреннего неба. Не успел он даже произнести имя Аллаха, как бомба пронеслась над головой, и земля вздрогнула,

Оглушенный и потрясенный взрывом, он встал пошатываясь на ноги. Казалось странным видеть и чувствовать шум, но не слышать его. Он инстинктивно снял автомат с предохранителя и посмотрел вокруг, ожидая появления следующего бомбардировщика, Вот он! Автомат поднялся вверх и словно сам по себе выпустил очередь, но безрезультатно. Следующий СУ-24 сбросил бомбы на сотню метров дальше и скрылся вдали, оставив след из черного дыма. Налет закончился.

Слух возвращался медленно, и звуки казались далекими подобно шуму во сне. Но это не был сон. Место, где находился мужчина со своим малышом, превратилось в воронку. Не осталось никаких следов от моджахеда и его сына, и даже уверенность в том, что оба сейчас стоят перед милосердным Богом, не могла уменьшить ненависти, от которой кровь холодела в жилах. Он вспомнил, как проявил милосердие к русскому, как скорбел при известии о его смерти. Никогда больше, никогда он не проявит милосердия к неверному. Руки, стискивающие автомат, побелели от напряжения.

Слишком поздно по небу пронесся пакистанский Ф-16 – русские уже скрылись за границей, и через минуту, описав пару кругов над лагерем беженцев, истребитель вернулся на базу.

– С вами все в порядке? – Это был Ортиз. Его лицо кровоточило от какого-то осколка, и голос доносился, казалось, издалека.

Ответа не последовало. Лучник сделал жест рукой, сжимающей автомат, глядя на вдову, рыдающую о погибших. Затем оба мужчины отправились на поиски раненых, которых еще можно было спасти. По счастью, медицинская часть лагеря не пострадала. Лучник и сотрудник ЦРУ принесли в госпиталь полдюжины пострадавших. Французский врач ругался, подобно человеку, привыкшему к таким событиям, его руки были уже в крови от начатой работы.

Они обнаружили Абдула во время следующего обхода. Юноша стоял со «Стингером» наготове. Увидев Лучника, он расплакался и признался, что спал в момент начала налета. Лучник похлопал его по плечу и сказал, что Абдул не должен винить себя. Между пакистанскими и советскими властями существовала договоренность, запрещающая налеты на территорию по другую сторону границы. Судя по всему, договоренность оказалась мнимой. Появилась группа французских телевизионщиков, и Ортиз отвел Лучника в сторону, туда, где никто не мог их видеть.

– Шестеро, – заметил Лучник. Он не упомянул потери среди гражданских лиц.

– Такие налеты – признак слабости, мой друг, – ответил Ортиз.

– Убивать женщин и детей – богомерзкое дело!

– Ваши припасы не пострадали? – Для русских это был партизанский лагерь, разумеется, но Ортиз не собирался выражать их точку зрения. Он провел здесь слишком много времени, чтобы быть объективным.

– Всего несколько автоматов. Остальное уже было вынесено за пределы лагеря.

Ортизу больше нечего было говорить. Запас успокоительных замечаний истощился. Его преследовал кошмар – ему казалось, что эта операция по поддержке афганцев оказывает такое же воздействие, как в свое время попытки помочь племени хмонг в Лаосе. Воины племени мужественно сражались с вьетнамскими завоевателями, но были полностью истреблены, несмотря на поддержку Запада. Офицер ЦРУ пытался убедить себя, что здесь ситуация иная, и, объективно говоря, он был прав. Но его истерзанная душа страдала, глядя на то, сколько воинов уходят из лагеря, вооруженные до зубов, и потом сколько

возвращается. Неужели Америка действительно помогает афганцам отвоевать обратно собственную страну, или мы просто подталкиваем их на то, чтобы они убили как можно больше русских, перед тем как их тоже полностью уничтожат?

Какая политика правильная? – спросил он себя и признался, что не может ответить на этот вопрос.

Ортиз не знал, что Лучник только что принял свое решение и выбрал иной политический курс. Его такое молодое и такое старое лицо повернулось на запад, затем на север, и он сказал себе, что воля Аллаха не ограничена государственными границами, равно как и воля Его врагов.

15. Кульминация

– Теперь нам остается только захлопнуть ловушку, – сказал Ватутин своему председателю. Его голос звучал бесстрастно, лицо было равнодушным, когда он показал на доказательства, разложенные на столе Герасимова.

– Отличная работа, полковник! – Председатель КГБ позволил себе улыбнуться. Ватутин заметил, что в его улыбке проявилось больше эмоций, чем требовалось при окончании трудного и запутанного дела. – Какие у вас предложения?

– Принимая во внимание необычайно высокий пост, занимаемый подозреваемым, мне кажется, следует попытаться взять его с поличным во время передачи документов. По-моему, ЦРУ знает, что мы нарушили канал связи, по которому передавались материалы Филитова, и потому предприняло необычный шаг, поручив одному из своих сотрудников осуществить передачу, – учтите, это был акт отчаяния, несмотря на искусство, с которым осуществилась передача. Мне хотелось бы одновременно разоблачить и супругов Фоули. Они, по-видимому, гордятся тем, что водили нас за нос в течение столь длительного времени. Если мы захватим их с поличным, то уничтожим эту гордость и одновременно нанесем серьезный психологический удар по всему ЦРУ.

– Согласен, – кивнул Герасимов. – Вам доверено это расследование, полковник. Действуйте тщательно и без спешки. – Оба понимали, что расследование нужно завершить в пределах недели.

– Спасибо, товарищ председатель. – Ватутин сразу вернулся к себе в кабинет, где дал указания руководителям групп.

Микрофоны были исключительно чувствительными. Подобно большинству людей, Филитов ворочался с боку на бок во сне очень часто, за исключением тех периодов, когда ему снились сны, и магнитная лента, перематывающаяся с одной бобины на другую,

регистрировала шуршание постельного белья и едва различимое бормотание. Наконец послышался другой звук, и человек с наушниками дал знак остальным. Звук походил на разворачивающийся парус, наполняющийся ветром, – это означало, что подозреваемый откинул одеяло.

Затем послышался кашель. У старого полковника были слабые легкие, говорилось в истории болезни. Его постоянно преследовали простуды и заболевания дыхательных путей. Судя по всему, он сейчас плохо себя чувствовал. Филитов высморкался, и сотрудники КГБ улыбнулись, глядя друг на друга, – звучь – напоминал свисток локомотива.

– Я вижу его, – послышался голос сотрудника у телевизионной камеры. – Идет в туалет. – Звуки, которые последовали дальше, были самыми обычными. На два окна квартиры нацелились мощные объективы двух телекамер. Светофильтры позволяли заглядывать в окна, несмотря на отблеск утреннего солнца.

– Знаете, как-то даже неловко поступать так по отношению к кому-то, – заметил один из техников. – Если показать видеопленку, зарегистрировавшую, как любой из нас ведет себя после пробуждения, можно умереть от смущения.

– Этот-то умрет по другой причине, – холодно заметил старший офицер. В том-то и заключалась одна из трудностей подобных расследований. Ты начинаешь отождествлять себя с подозреваемым, и время от времени приходится напоминать себе, как отвратительны предатели родины. Где ты сбился с пути? – спросил себя майор, думая о Филитове. Человек с такой героической биографией! Майор уже задумывался над тем, как будет вестись это дело дальше – Открытый процесс? А кто осмелится вынести на суд народа судьбу такого знаменитого героя войны? Это, сказал он себе, потребует политического решения.

Дверь квартиры открылась и снова закрылась – это значит, Филитов взял газету «Красная звезда», которую каждое утро доставлял ему курьер Министерства обороны. Сотрудники КГБ слышали бульканье кофеварки и переглянулись – этот поддонек пьет хороший кофе каждое утро!

Вот он показался на экране монитора – сидит за маленьким кухонным столом и читает газету. Они обратили внимание на то, что

Филитов любит делать заметки на самой газете или в лежащем рядом блокноте. Когда кофе был готов, он встал, чтобы достать молоко из небольшого холодильника. Перед тем как налить его в кофе, Филитов понюхал, не скисло ли оно. У него оказалось достаточно сливочного масла, чтобы щедро намазать на кусок ржаного хлеба. Они уже знали, что это обычный завтрак старого полковника.

– Все еще ест по-солдатски, – заметил оператор.

– Он был когда-то настоящим солдатом, – заметил другой офицер. – Старый ты дурак, как ты смог пойти на такое?

Завтрак занял немного времени, и они видели, как Филитов пошел в ванную, где он умылся и побрился, затем снова появился на экране и начал одеваться, взял щетку и почистил сапоги. Филитов всегда ходил в сапогах, что было необычным для Министерства обороны, но и три золотые звезды на кителе тоже были необычным зрелищем. Одевшись, он встал перед зеркалом, осматривая себя. Филитов уложил газету в портфель и направился к двери. Последним звуком, который они слышали, был щелчок дверного замка – Майор подошел к телефону.

– Он покинул квартиру. Ничего необычного – Группа наружного наблюдения наготове.

– Хорошо, – ответил Ватутин и положил трубку.

Один из операторов настроил камеру на резкость, чтобы зафиксировать появление Филитова на улице. Полковник подошел к автомобилю, ответил на приветствие водителя и сел в машину. Через несколько мгновений она исчезла из виду. Все сотрудники, наблюдавшие этим утром за Филитовым, пришли к выводу, что все прошло, как обычно, без каких-либо отклонений. Теперь они могли позволить себе не спешить.

Вершины гор на западе были окутаны облаками, накрапывал мелкий дождь. Лучник еще не вышел из лагеря. Нужно было произнести молитвы, успокоить людей. Ортиз отправился в госпиталь – врач должен зашить ему рану на лице. Тем временем его афганский друг просматривал документы сотрудника ЦРУ. Лучник чувствовал себя неловко, испытывая вину, но успокаивал себя, говоря, что всего

лишь ищет материалы, которые сам и принес Ор-тизу. Офицер ЦРУ любил делать заметки и – это было известно Лучнику – собирал карты. Он нашел нужную ему карту именно в том месте, где ожидал. К ней было приколото несколько диаграмм. Лучник скопировал их вручную, быстро и тщательно, затем все аккуратно положил на место.

– Вы, ребята, такие пуритане, – засмеялась Беа Тауссиг.

– Тем более жалко портить сложившийся образ, – ответил Эл, пряча за улыбкой отвращение к гостье. Он никак не мог понять, почему Кэнди нравится эта... особа. Грегори не знал, почему при ее появлении его охватывало тревожное чувство. Причина заключалась не в том, что она не любила его, – Элу было на это наплевать. Его любили семья и невеста, а коллеги по работе уважали, и этого ему было достаточно. Бели кому-то не нравился такой образ армейского офицера, ну и пусть. Но в поведении Беа было что-то такое...

– Ну хорошо, поговорим о делах, – весело заявила гостья, – Из Вашингтона меня спрашивают, как скоро...

– Хорошо бы кто-нибудь сказал этим бюрократам, что подобные вещи не делаются по заказу, – проворчала Кэнди.

– Не больше чем через шесть недель, – усмехнулся Эл. – Может быть, даже меньше.

– Когда? – спросила Кэнди.

– Скоро. Мы еще не прогоняли его через моделирующее устройство, но у меня ощущение, что все в порядке. Вообще-то это идея Боба. Он успел все обдумать и сумел упростить программное обеспечение даже лучше, чем я рассчитывал. Использование ИИ будет самым минимальным, гораздо меньшим, чем предполагалось в моих расчетах.

– Неужели? – Считалось, что использование ИИ – искусственного интеллекта – является критически важным для эффективности зеркал и распознавания целей.

– Да, мы слишком увлеклись инженерным решением проблемы, полагаясь на разум вместо инстинкта. Нам не следовало диктовать компьютеру, как ему надо заниматься своими делами. Мы можем

уменьшить командную нагрузку на двадцать процентов, вводя в программу заранее подготовленные варианты. Оказывается, это быстрее и проще, чем заставлять компьютер выбирать большинство решений из существующего набора.

– Как относительно аномалий? – спросила Тауссиг.

– В этом все дело. Рутинные операции ИИ на самом деле замедляли операции в большей степени, чем мы думали. Мы пытались сделать процедуру настолько гибкой, что в результате она сталкивалась с трудностями в выборе варианта, не знала, как поступать. Эффективность лазера, по нашим расчетам, достаточно велика, и выбор вариантов поражения цели может осуществляться быстрее, чем в состоянии сделать это программа ИИ при решении того, стоит ли начинать прицеливание, – тогда почему не попытаться поразить цель?

– Технические свойства вашей лазерной системы изменились, – заметила Беа.

– Я не имею права говорить об этом.

Еще одна усмешка на лице маленького ублюдка. Тауссиг заставила себя улыбнуться в ответ. По его мнению, он знает что-то, чего не знаю я, так ведь? При одном взгляде на него по ее телу бежали мурашки отвращения, но еще хуже было то, как смотрела на него Кэнди – словно он Пол Ньюмен или еще какой-то красавец из Голливуда! Желто-бледный цвет лица, даже прыщи, а она любит это существо. Беа не знала, смеяться или плакать...

– Ведь нам, труженикам управленческого аппарата, приходится составлять планы на будущее, – сказала Тауссиг.

– Извини, Беа. Ты знакома с правилами секретности.

– Из-за них начинаешь думать, как мы вообще чего-то добиваемся, – Кэнди покачала головой. – Если эти правила станут еще строже, мы с Элом не сможем разговаривать в промежутке между... – Она недвусмысленно посмотрела на возлюбленного.

Эл рассмеялся.

– У меня болит голова.

– Беа, ты ему веришь? – спросила Кэнди.

– Никогда не верила. – Тауссиг откинулась на спинку сиденья.

– Ты когда согласишься на свидание с доктором Раббом? Ты ведь знаешь, он вот уже больше шести месяцев тоскует по тебе.

– Пусть тоскует по мне из автомобиля. Господи, какая ужасная мысль – свидание с доктором Раббом! – Она взглянула на Кэнди, искусно скрыв свои чувства. Тауссиг также догадалась, что переданные ей сведения относительно программного обеспечения оказались неверными. Черт бы побрал этого маленького ублюдка, изменившего программу!

– Там что-то есть. Теперь нужно выяснить – что именно? – Джоунс включил микрофон. – Мостик, докладывает акустик. Обнаружен контакт на пеленге ноль-девять-восемь. Обозначаю этот контакт как «Сьерра-четыре».

– Вы уверены, что это контакт? – спросил молодой старшина.

– Видишь вот это? – Джоунс провел пальцем по экрану. «Водопадный» дисплей был усыпан беспорядочным шумом, поступающим со всех сторон. – Не забудь, что мы ищем данные не случайного происхождения. Эта линия не является случайной. – Он набрал на клавиатуре команду. Компьютер принялся обрабатывать серию дискретных частотных диапазонов. Минуту спустя все стало ясно. По крайней мере для мистера Джоунса, подумал молодой акустик. Полоска света на экране имела не правильные очертания, расширялась вверху и сужалась книзу, закрывая около пяти градусов пеленга. «Технический представитель» посмотрел на экран еще несколько секунд, затем снова склонился к микрофону.

– Мостик, говорит акустик, опознаю цель «Сьерра-четыре» как фрегат класса «Кривак», пеленг ноль-девять-шесть. Судя по оборотам винта, его скорость примерно пятнадцать узлов. – Джоунс повернулся к молодому акустику. Он вспомнил свой первый выход в море. Этот девятнадцатилетний юноша еще не научился отличать дельфинов от кораблей. – Видишь вот это? Это высокочастотная характеристика его турбодвигателей, верный признак, ее слышно издалека в обычной ситуации, потому что у «Кривака» плохая звукоизоляция.

Манкузо спустился в отделение гидролокации. «Даллас» принадлежал к числу первых подлодок класса «688», и на нем не было прямого прохода из рубки управления на гидроакустический пост, как

у субмарин более позднего выпуска. Вместо этого на «Далласе» приходилось идти вперед и, обойдя люк, спускаться вниз. Может быть, во время капитального ремонта это изменят. Капитан показал кофейной кружкой в сторону экрана.

– Где «Кривак»?

– Вот здесь, пеленг не меняется. Вокруг нас хороший звукопроводящий слой. Он, по-видимому, еще далеко.

Шкипер улыбнулся. Джоунс всегда пытался угадать расстояние до пели. Удивительным было то, что за те два года, пока он был на борту подводной лодки под командованием Манкузо, Джоунс чаще бывал прав, чем ошибался. В кормовой части рубки группа слежения уже рассчитывала координаты цели по отношению к известному им курсу и скорости «Далласа», чтобы определить направление движения советского фрегата и расстояние до него.

На морской поверхности почти не было кораблей. Остальные три акустических контакта были торговыми судами с одним винтом у каждого. Несмотря на то что погода была приличной. Балтийское море – по мнению Манкузо, просто большое озеро – зимой редко благоприятствовало плаванию судов. Из разведывательных докладов явствовало, что большинство военных кораблей противной стороны стояло у причалов на ремонте. Это была хорошая новость. Еще лучше было то, что почти не встречалось льда. При действительно холодной погоде поверхность моря могла покрыться сплошным льдом, что могло бы изрядно помешать операции, подумал капитан.

До сих пор о характере операции знал только их гость, Кларк.

– Капитан, мы получили данные по «Сьерре-четыре», – послышался голос лейтенанта из рубки управления. Джоунс сложил листок и передал его Манкузо.

– Говорите.

– Расстояние тридцать шесть тысяч, курс два-девять-ноль.

Манкузо развернул листок и рассмеялся.

– Джоунс, ты по-прежнему чертов колдун! – Он вернул акустику записку и пошел на мостик – предстояло изменить курс субмарины, чтобы обойти советский фрегат.

Молодой старшина, сидящий рядом с Джоунсом, схватил записку и прочитал вслух ее содержание.

– Откуда это стало вам известно? Вы не могли сделать эти расчеты на основании полученных вами данных.

– Практика, мой мальчик, практика и опыт, – ответил Джоунс голосом актера У. К. Филдса. Он заметил, что подводная лодка изменила курс. Джоунс подумал, что подобное поведение не было характерным для Манкузо в прошлом. Раньше шкипер сближался с противником, делал фотоснимки через перископ, рассчитывал торпедные залпы и вообще обращался с советским кораблем, как с настоящей целью в настоящей войне. На этот раз, однако, они уходили от русского фрегата, тихо и незаметно. По мнению Джоунса, Манкузо вряд ли настолько изменился, и потому всерьез задумался над тем, что за операция им предстоит.

Джоунс не встречался с мистером Кларком. Тот проводил львиную часть времени на корме, рядом с машинным отделением, где было оборудовано помещение для физической подготовки команды, – беговая дорожка, перематывающаяся с одного ролика на другой, которую удалось втиснуть между двумя станками. Среди матросов уже ходили слухи, что Кларк предпочитал молчать. При попытке заговорить с ним он только улыбался и продолжал заниматься своими делами. Один из боцманов заметил татуировку на кисти Кларка и шепотом рассказал кое-что о значении этого красного тюленя, о том, что обладатели такой татуировки принадлежали к секретному подразделению командос Военно-морского флота. На борту «Далласа» еще никогда не бывали представители этого подразделения, хотя другим подводным лодкам приходилось с ними встречаться, и слухи тихо циркулировали среди команды, прерываемые время от времени восклицаниями: «Неужели?». Излишне об этом старались не болтать, потому что если подводники и умели делать что-то, так это хранить тайны.

Джоунс встал и прошел в корму. Он решил, что преподавал достаточно уроков для одного дня, а его положение технического представителя позволяло ему расхаживать по подводной лодке. Он заметил, что «Даллас» продвигается вперед медленно, не спеша, направляясь на восток со скоростью в девять узлов. Одного взгляда на навигационную карту было достаточно, чтобы узнать, где они сейчас находятся, а по тому, как штурман постукивал по ней карандашом, стало ясно, сколько им еще осталось плыть. Спускаясь вниз за банкой

кока-колы, Джоунс серьезно задумался о цели похода. Судя по всему, ему предстояло принять участие в настоящем деле.

– Да, господин президент? – ответил судья Мур на телефонный звонок и тревожно нахмурился. Время принять решение?

– То, о чем мы недавно говорили у меня в кабинете...

– Помню, господин президент. – Мур посмотрел на телефонный аппарат. Если не считать трубки, которую он держал в руке, «защищенная» линия связи представляла собой трехфутовый куб, хитроумно спрятанный в письменный стол. Она принимала слова, тут же разбирала их на биты, которые неузнаваемо перемешивала, и посылала в другой такой же аппарат, собиравший биты в первоначальные слова. У такого канала связи было еще одно побочное преимущество – разговор велся без малейших помех, поскольку система кодирования устраняла все случайные шумы на линии.

– Можете приступать. Мы не имеем права – прошлой ночью я принял решение, что мы не имеем права оставлять его на произвол судьбы. – Это был первый телефонный разговор президента этим утром, и в нем ощущался эмоциональный настрой. У судьи Мура мелькнула мысль, что президент, возможно, плохо спал ночью, думая о судьбе этого безымянного агента. Президент был именно таким человеком. Кроме того, приняв решение, он добивался его исполнения и никогда не отказывался от него. Пелт будет пытаться весь день убедить президента изменить решение, но президент передал приказ в восемь утра, и ему придется стоять до конца.

– Спасибо, господин президент, Я приступаю к операции. – Мур связался через две минуты с Бобом Риттером и застал его в кабинете.

– Получено разрешение на проведение операции по эвакуации «Кардинала»!

– Значит, я поступил правильно, голосуя за президента, – удовлетворенно заявил Риттер, ударив кулаком одной руки в ладонь другой. – Через десять дней «Кардинал» будет в безопасности, Боже мой, но ведь только на то, чтобы заслушать отчет о его работе, потребуются годы! – Затем наступила короткая пауза. – Жаль терять

такой источник ценной информации, но это наш долг. К тому же Мэри-Пэт завербовала пару по-настоящему интересных агентов. Прошлым вечером ей удалось передать «кардиналу» кассеты с пленкой. Мне неизвестны подробности, но, насколько я понимаю, пришлось рисковать.

– Она всегда любила опасность.

– Не просто любила, Артур, получала удовольствие от этого. Впрочем, в каждом оперативнике есть что-то от ковбоя. – Оба выходца из Техаса обменялись многозначительными взглядами. – Даже в тех, кто родом из Нью-Йорка.

– И все-таки какая удивительная пара! Можно только удивляться, какими окажутся дети с их генами, – усмехнулся судья Мур. – Итак, Боб, ты получил, что просил. Действуй.

– Слушаюсь, сэр. – Риттер отправился в центр связи, послал шифровку и затем сообщил обо всем адмиралу Гриру.

Телекс прошел через спутник связи и уже через пятнадцать минут оказался в Москве: КОМАНДИРОВКА ОДОБРЕНА. СОХРАНЯЙТЕ СЧЕТА ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО ВОЗМЕЩЕНИЯ ПУТЕВЫХ РАСХОДОВ.

Эд Фоули принес расшифрованный телекс к себе в кабинет. Значит, подумал он, тот бюрократ, у которого возникли опасения, набрался все-таки смелости. Слава Богу.

Осталась всего одна передача! Мы передадим ему сообщение одновременно с получением пакета от «Кардинала». После этого Филитов отправится самолетом в Ленинград, и дальше все пойдет по разработанному сценарию. Достоинством этого плана было то, что «Кардинал» по крайней мере раз в году проверял канал своего спасения. Танковый полк, в котором раньше служил полковник Филитов, был приписан теперь к Ленинградскому военному округу, и русским понятна такая сентиментальная тяга старого офицера. Михаил Семенович на протяжении ряда лет принимал меры, чтобы его полк первым получал новое снаряжение и обучался новым тактическим приемам. После его смерти полк будет переименован в Филитовский

гвардейский – по крайней мере так намеревалась поступить Советская Армия. Как жаль, подумал Фоули, что теперь им придется изменить этот план. С другой стороны, может. ЦРУ сумеет поставить какой-то другой памятник этому человеку...

А пока предстояло осуществить еще одну передачу, и эта операция окажется непростой. Не надо забегать вперед, сказал себе Эд, нужно действовать постепенно, шаг за шагом. Сначала нужно предупредить его.

Через полчаса из здания посольства вышел ничем не выделяющийся сотрудник, занимавший одну из низших должностей. В определенное время он будет стоять на определенном месте. Этот «знак» будет принят другим человеком, не находящимся под наблюдением «Двойки». Этот человек сделает нечто иное. Причина была ему неизвестна, он знал лишь одно – где и как ему следует оставить пометку. Такая процедура разочаровывала его. Ведь разведывательная деятельность должна быть захватывающе интересной, правда?

– Вот наш друг. – Ватутин ехал в автомобиле – ему хотелось убедиться в том, что все делается как надо, Филитов сел в машину, и водитель тронулся с места. Автомобиль Ватутина сопровождал Филитова с полкилометра, затем его заменил другой, ехавший по соседней улице, чтобы не отстать.

Полковник Ватутин следил за развитием событий по радио. Сообщения были деловыми и краткими – шесть автомашин следили за Филитовым, сменяя одна другую, причем одна обычно ехала впереди машины, в которой находился Филитов, а другая сзади. Машина Филитова остановилась у магазина, обслуживающего высокопоставленных руководителей Министерства обороны. Внутри магазина у Ватутина был свой человек – было известно, что Филитов заезжает сюда два или три раза в неделю, – который следил за тем, что покупает полковник и с кем разговаривает.

Ватутин чувствовал, что все идет в соответствии с планом, и немудрено – он лично объяснил каждому сотруднику, принимающему

участие в операции, что сам председатель проявляет интерес к развитию дела. Водитель машины, в которой сидел Ватутин, резко увеличил скорость и высадил полковника у подъезда дома напротив квартиры, находящейся под наблюдением, опередив Филитова. Ватутин вошел в квартиру, в которой обосновались сотрудники «Двойки».

– Как раз вовремя, – заметил старший группы, когда полковник появился в дверях.

Ватутин осторожно выглянул в окно и увидел, что у противоположного подъезда остановилась машина Филитова. Следовавший за ней автомобиль КГБ проскочил мимо, не сбавляя скорость. Старый полковник вошел в свой подъезд

– Подозреваемый только что вошел в здание, – слышался голос специалиста по связи. Внутри здания вместе с Филитовым в лифт войдет женщина с авоськой, полной яблок. На этаже Филитова два сотрудника, настолько молодых, что сойдут за юную пару, пройдут мимо двери лифта в тот момент, когда Филитов выйдет из него, и последуют дальше по коридору, громким шепотом признаваясь друг другу в любви. Установленные там микрофоны успели захватить конец объяснения, когда Филитов открыл дверь своей квартиры.

– Вижу его, – произнес оператор.

– Всем отойти от окон, – скомандовал Ватутин. Эта команда была излишней. Сотрудники с биноклями стояли в глубине квартиры, и, пока свет в ней был выключен – на всякий случай лампочки вывернули из осветительных приборов, – никто не мог догадаться, что в квартире кто-то находится.

В одном отношении сотрудникам Второго главного управления повезло – Филитов никогда не задергивал шторы. Они видели, как он прошел в спальню, снял мундир и переоделся в домашний костюм и тапочки – Затем полковник вернулся в кухню и приготовил себе немудреный ужин. Наблюдатели следили за тем, как он сорвал головку с пол-литровой бутылки водки. Филитов сидел за столом, уставившись в окно.

– Одинокий старик, – заметил один из сотрудников. – Ты полагаешь, все из-за этого и произошло?

– Так или иначе, мы узнаем.

Почему государство предает нас? – спросил Филитов ефрейтора Романова два часа спустя.

Наверно, потому, что мы солдаты. Филитов заметил, что ефрейтор избегает как сути вопроса, так и ответа на него. Понимает ли, о чем его спрашивает капитан?

Но если мы предадим государство?...

Тогда мы умрем, товарищ капитан. Ведь это так просто. Нас будут преследовать ненависть и презрение крестьян и рабочих, и мы умрем. Романов смотрел через пропасть времени в глаза своего капитана. Теперь у ефрейтора возник собственный вопрос. Он не решался задать его, но его глаза, казалось, говорили: что вы наделали, капитан?

В квартире на противоположной стороне улицы связист, сидящий у звукозаписывающей аппаратуры, услышал рыдания и не мог понять, что было их причиной.

– Чем ты занимаешься, милая? – спросил Эд Фоули, и микрофоны услышали его вопрос.

– Начинаю составлять список того, что нам нужно сделать перед отъездом. Нужно запомнить так много. Лучше взяться за это пораньше.

Фоули наклонился через ее плечо. Перед Мэри-Пэт лежали блокнот и карандаш, но она писала фломастером на пластмассовой пластинке. Такие пластинки часто встречаются в холодильниках – написанное на них легко стереть влажной тряпкой.

«Я займусь этим, – написала она. – Мне удалось придумать идеальную зацепку». Мэри-Пэт подняла фотографию хоккейной команды, в которой играл Эдди-младший, и улыбнулась. На фотографиях были автографы всех игроков, а на верхней части снимка Эдди с помощью матери написал размашистыми буквами по-русски: «Человеку, который приносит нам удачу – С благодарностью Эдди Фоули».

Эд нахмурился. Для его жены такое смелое поведение было типично, и он знал, что Мэри-Пэт сумеет с максимальной пользой использовать это прикрытие. Но... он покачал головой. Но что? Единственный человек, способный опознать его в канале связи «Кардинала», ни разу не видел его лица. Эду, может быть, не хватало ее дерзости, но зато он компенсировал это осмотрительностью. Он считал, что способен обнаружить наблюдение за собой лучше жены. Эд признавал, что Мэри-Пэт вносит в работу больше страсти и что она – превосходная актриса, но, черт побери, иногда она действовала очертя голову. Тогда почему ты не скажешь ей об этом? – спросил он себя.

Эд знал, что произойдет, – она подавит его практическими соображениями. Слишком мало времени, чтобы создать промежуточные звенья. Они оба знают, что у нее надежное прикрытие, что ее даже не думают подозревать.

Но... черт побери, это дело представляет собой целую серию непрерывных «но»!

«Хорошо, но прикрой понадежнее свою маленькую задницу!» – написал он на пластиковой пластине. Ее глаза сверкнули озорной искоркой, она стерла его надпись и написала свою: «А теперь давай зададим работу микрофонам и мужикам, которые сидят у них, – пусть завидуют!».

Эд едва не задохнулся, стараясь удержаться от смеха. И так всякий раз перед рискованным делом, подумал он. Не то чтобы он был против. Просто это казалось ему несколько странным.

Десять минут спустя пара русских техников, сидящих в подвале здания с наушниками, увлеченно прислушивались к тому, что доносилось из спальни Фоули, стараясь не пропустить ни звука.

Мэри– Пэт Фоули проснулась, как всегда, в четверть седьмого утра. За окнами было еще темно, и у нее мелькнула мысль о том, какое влияние оказали на формирование характера ее деда холодные и темные русские зимы... да и на ее характер тоже. Как и у большинства американцев, направленных на работу в Москву, мысль о микрофонах,

размешенных в стенах ее квартиры, вызывала у Мэри-Пэт глубокое отвращение. Иногда ей доставляло удовольствие издеваться над теми, кто подслушивает ее, -как это было прошлым вечером, – но ведь нельзя исключить вероятность того, что русские установили микрофон и в туалете. Наверно, установили, подумала она, глядя на себя в зеркало. Первым делом она смерила температуру. Им с мужем хотелось еще одного ребенка, и вот уже несколько месяцев они стремились к этому – по крайней мере сам процесс доставлял большее удовольствие, чем русское телевидение. С профессиональной точки зрения беременность обеспечивала чертовски надежное прикрытие. Три минуты спустя Мэри-Пэт записала температуру на карточку, которую она хранила в шкафчике для лекарств. Нет еще, наверно, подумала она. Может быть, через несколько дней. Она все-таки выбросила в мусорную корзину остатки от комплекта, позволяющего обнаружить ранние признаки беременности.

Теперь пора будить детей. Мэри-Пэт поставила разогреваться завтрак и подняла всех. Когда живешь в квартире, где всего один туалет, совмещенный с ванной, необходима жесткая дисциплина. Как всегда, Эд не упустил возможности поворчать, да и дети ныли и стонали.

Господи, как хорошо, что мы скоро возвращаемся домой, подумала она. Несмотря на то что ей нравилась опасность, связанная с работой в пасти дракона, жизнь в Москве была далеко не райской для детей. Эдди любил свой хоккей, но у него не было настоящего детства в этом холодном и скучном городе. Ничего, скоро все переменится. Она погрузит свою семью на авиалайнер «Пан-Ам», и все отправятся домой, оставив позади Москву если не навсегда, то по крайней мере лет на пять. Они будут жить на берегу в Виргинии, кататься на яхте по Чесапикскому заливу, наслаждаться теплыми зимами. Здесь необходимо кутать детей, как эскимосов на проклятом Севере, подумала она. Постоянно приходится лечить их от простуды.

Мэри- Пэт поставила завтрак на стол как раз в тот момент, когда Эд освободил ванную, предоставив ей возможность принять душ и одеться. По установленному распорядку он сидел за завтраком, затем одевался, пока жена занималась детьми.

Из ванной Мэри-Пэт слышала звуки телевизора и засмеялась у зеркала. Эдди обожал программу утренней гимнастики – женщина,

демонстрировавшая упражнения, походила на портового грузчика, и он называл ее «р-р-работницей». С куда большим удовольствием он смотрел бы по утрам «мультяшки». Она знала, что Эдди будет скучать по своим русским приятелям, но он был американским мальчиком, и ничто этого не изменит. К четверти восьмого все были одеты и готовы к дороге. Мэри-Пэт сунула под мышку обернутый в бумагу пакет.

– Ведь сегодня у нас день уборки? – спросил Эд у жены.

– Я успею вернуться и открою ей, – заверила его Мэри-Пэт.

– Хорошо. – Эд открыл дверь и повел процессию к лифту. Как всегда, его семья вышла первой. Эдди побежал вперед и нажал кнопку вызова лифта, который прибыл в тот момент, когда все остальные подошли к двери. Мальчик влетел внутрь лифта и принялся подпрыгивать в нем, наслаждаясь пружинистыми стальными тросами советского производства. Его матери все время казалось, что проклятая кабина вот-вот рухнет вниз до самого подвала, но Эдди нравилось, когда пол поднимался и опускался на несколько дюймов. Через три минуты все уже сидели в автомобиле. Этим утром за рулем был Эд. При выезде на улицу дети помахали милиционеру – на самом деле сотруднику КГБ, – и тот с улыбкой ответил на их приветствие. Как только машина оказалась на мостовой, он вошел в будку и поднял трубку телефона.

Эд смотрел в зеркало заднего обзора, а Мэри-Пэт повернула наружное зеркало и тоже наблюдала за происходящим сзади. Дети заспорили о чем-то на заднем сиденье, но родители не обращали на это внимания.

– Сегодня будет хорошая погода, – произнес Эд спокойным голосом, что значило: за нами никто не едет.

– Да, похоже на то. – Действительно, никого. В присутствии детей им приходилось выбирать выражения. Эдди легко запоминал их слова и мог повторить что угодно, подобно тому как он повторял фразы героев мультфильмов. Кроме того, нельзя было исключить, что внутри автомобиля установлен микрофон, соединенный с радиопередатчиком.

Сначала Эд заехал в школу, и жена проводила детей внутрь здания. В своих теплых шубах Эдди и Кэти ходили на плюшевых медведях. Когда Мэри-Пэт вернулась к машине, ее лицо было унылым.

– Никки Уогнер позвонила и сказала, что заболела. Меня попросили заменить ее после обеда, – заметила она, садясь в машину.

Эд что-то неразборчиво проворчал. На самом деле все развивалось идеально. Он включил скорость и выехал снова на Ленинский проспект. Теперь за дело.

С этого момента оба смотрели в зеркала очень внимательно.

Ватутин надеялся, что американцам раньше такая мысль не приходила в голову. На московских улицах всегда множество самосвалов, доставляющих материалы то на одну строительную площадку, то на другую. Их высокие кабины обеспечивают превосходную видимость, и сопровождение таких похожих друг на друга машин казалось гораздо менее подозрительным, чем слежка из легковых автомобилей. Сегодня на него работало девять таких самосвалов, и сотрудники «Двойки», сидящие в них, поддерживали контакт друг с другом – по защищенной от прослушивания военной радиосвязи.

Сам Ватутин находился в квартире рядом с квартирой Филитова. Семью, которая жила здесь два года назад, переселили в отель «Москва». Он просмотрел видеоленты с изображением старого полковника, напивающегося до потери сознания, и разместил в квартире еще трех сотрудников «Двойки». Они вогнали штыевые микрофоны в стену, общую с квартирой Филитова, и внимательно прислушивались, как он, спотыкаясь, бродит там, занятый своими утренними делами. Что-то подсказывало Ватутину – все произойдет сегодня.

Это из-за пьянства, решил он, пододвинув к себе чашку чая. По его лицу пробежала улыбка. Наверно, один пьяница может лучше понимать другого. Он был уверен, что Филитов готовится таким образом к чему-то, и вспомнил, что в тот раз, когда впервые увидел полковника рядом с предателем-банщиком, Филитов приехал в «Сандуны» выгонять похмелье точно так же, как и он сам. Да, это похоже на правду, решил он. Филитов был героем, который потом сошел с правильного пути, -однако все-таки оставался героем. Для него было нелегко стать предателем, и, возможно, потому он нуждался в алкоголе, чтобы заглушить угрызения совести. Ватутину нравилось,

что люди мучились из-за этого, поскольку измена Родине по-прежнему была нелегким делом.

– Они направляются в нашу сторону, – доложил связист, склонившийся над радиоаппаратурой.

– Это произойдет вот здесь, – уверенно произнес Ватутин, обращаясь к своим подчиненным. – Все произойдет не больше чем в сотне метров от места, где мы сейчас находимся.

Мэри– Пэт мысленно повторила все, что ей предстояло сделать. Передавая завернутую фотографию, она сможет забрать кассету, которую сунет в перчатку. Затем понадобится передать сигнал -она проведет тыльной стороной ладони, одетой в перчатку, по лбу, словно вытирая пот с лица, и почешет бровь. Это знак опасности, указание на необходимость уходить. Она надеялась, что «Кардинал» проявит внимание, заметит ее жесты. Ей еще ни разу не приходилось передавать этот сигнал, а Эд однажды предложил «Кардиналу» уехать, но тот отклонил предложение, Мэри-Пэт понимала причину отказа куда лучше своего мужа – в конце концов, она сама начала работать на ЦРУ, руководствуясь не столько разумом, сколько чувствами. Но даже она понимала, что «Кардиналу» пора уходить, – всему приходит конец. Этот агент снабжал ценной информацией Запад еще в то время, когда Мэри-Пэт только начинала играть в куклы.

Вот и это здание. Эд повернул к обочине, машина подпрыгнула на выбоине и остановилась. Мэри-Пэт сжала рукой пакет и взялась за ручку дверцы. Муж ободряюще похлопал ее по ноге: удачи.

– Фолеева только что вышла из машины и направляется к боковой двери, – проквало радио. Ватутин улыбнулся, услышав, как один из агентов «наружки» руссифицировал иностранное имя. У него промелькнула мысль, а не выйти ли в коридор с табельным пистолетом в руке, но он тут же от нее отказался. Обе руки должны быть свободны и наготове, да и пистолет может случайно выстрелить. Сейчас не время для того, чтобы испытывать судьбу.

– Как произойдет передача? Есть предположения? – спросил он.

– Я сделал бы это, не останавливаясь, словно мимоходом, – заметил один из его людей.

Ватутин кивнул, соглашаясь. Его беспокоило, что им не удалось установить телекамеру в коридоре, – это оказалось слишком сложно с технической точки зрения. Так часто случалось с трудными расследованиями. Умные и хитрые агенты бывали, как правило, крайне осторожными. Слишком велик риск насторожить их, а Ватутин не сомневался, что американцы уже настороже. И не просто настороже, даже приняли меры – убили одного из своих агентов на товарной станции у автозавода.

К счастью, теперь почти во всех дверях московских квартир устанавливаются глазки. Ватутин мысленно поблагодарил преступный мир города за возросшее число ограблений и квартирных краж, потому что в этой двери уже был установлен глазок и сотрудники технического отдела всего лишь заменили его специальным, позволяющим просматривать весь коридор. Полковник сам встал у глазка.

Надо было бы установить микрофоны на лестничных клетках, сказал он себе. В следующий раз следует позаботиться о микрофонах. Ведь не все вражеские агенты пользуются лифтами.

По части атлетической подготовки Мэри-Пэт уступала своему мужу. Она остановилась на площадке и посмотрела вверх и вниз по лестнице, напряженно прислушиваясь к посторонним звукам, пока ее сердце успокаивалось. Через несколько секунд она взглянула на свои ручные часы. Время.

Она открыла дверь и пошла прямо по середине коридора.

Ну, Михаил Семенович, надеюсь, вы не забыли вчера проверить часы.

Это – последний раз, полковник. Ради Бога, умоляю вас, прислушайтесь на этот раз к сигналу опасности. Тогда вы будете спокойно жить на Ферме, к вам станут приезжать и выслушивать вас, а мой сын сможет познакомиться с настоящим русским героем...

Как бы мне хотелось, чтобы сейчас меня видел дедушка...

Мэри– Пэт никогда не бывала в этом здании, никогда не производила передачу в этом коридоре. Но процедура была знакома ей наизубок, а расположение дверей в коридоре она запомнила наизусть,

двадцать минут изучая план этажа. Дверь квартиры «Кардинала»... вот она!

Время! Ее сердце дрогнуло, когда она увидела, что в тридцати футах открывается дверь.

Вот это профессионал! – подумала Мэри-Пэт. Но дальше произошло событие, вонзившееся в нее как ледяной кинжал.

При раздавшемся звуке глаза Ватутина расширились от ужаса. Засов на двери квартиры, где находился полковник, был установлен с типичным для России качеством и на полмиллиметра не совпадал с гнездом. Когда Ватутин отодвинул его, готовясь выскочить, болт громко щелкнул.

Мэри– Пэт даже не замедлила шаг. Профессиональная подготовка руководила ее телом подобно компьютерной программе. В двери она увидела глазок, который только что был темным и вдруг посветлел. За дверью квартиры кто-то стоит! Этот человек только что шевельнулся! Он отодвинул засов! -пронеслось в мозгу.

Мэри– Пэт сделала полшага вправо и потеряла лоб тыльной стороной кисти. Теперь ей не пришлось притворяться, будто она вытирает пот с лица.

Филитов заметил сигнал и замер на месте. Удивленное выражение сменилось улыбкой, и тут он услышал, как распахнулась дверь соседней квартиры. Он сразу понял, что мужчина, выбежавший из квартиры, – вовсе не его сосед.

– Вы оба арестованы! – крикнул Ватутин и лишь сейчас заметил, что американка и русский стоят на расстоянии метра друг от друга с опущенными руками. Хорошо хоть офицеры «Двойки» у него за спиной не могли видеть озадаченного выражения на лице своего полковника.

– Вы ко мне обращаетесь? – спросила женщина на безупречном русском языке.

– Что это значит? – рявкнул Филитов голосом, на который способен только старый кадровый офицер, страдающий от похмелья.

Однако Ватутин понимал сейчас лишь одно – нужно спасти положение.

– Вы, – он сделал жест в сторону миссис Фоули, – лицом к стене!

– Я – американская гражданка, и вы не имеете права...

– Вы – американская шпионка. – Шагнувший из-за спины Ватутина капитан толкнул ее к стене.

– Что такое? – в ее голосе звучали тревога и паника, ни малейшего намека на профессионализм, подумал капитан и тут же понял, что это может означать. – Что все это значит? Кто вы? – И в следующее мгновение раздался ее пронзительный крик:

– Полиция! На помощь – вызовите полицию! На меня нападают! Помогите!

Ватутин не обратил на ее крики никакого внимания. Он уже схватил Филитова за руку, второй офицер прижал старого полковника к стене, а Ватутин забрал кассету. На мгновение, растянувшееся, казалось, до бесконечности, его потрясла ужасная мысль: а вдруг он все перепутал, вдруг она не из ЦРУ. С кассетой в руке он подавил страх и посмотрел в глаза Филитову.

– Вы арестованы по подозрению в государственной измене, товарищ полковник, – два последних слова Ватутин произнес с издевательской улыбкой. – Уведите его.

Он повернулся и взглянул на американку. Она смотрела на него глазами, полными страха и негодования. И тут он заметил, что двери некоторых квартир приоткрыты, в коридор высунулись головы их обитателей

– Я – полковник Ватутин из Комитета государственной безопасности. – Его голос звучал размеренно и спокойно. – Мы только что арестовали преступников. Закройте двери и занимайтесь своими делами. – Он увидел, что двери мгновенно захлопнулись. Да, Россия остается Россией, подумал Ватутин.

– Доброе утро, миссис Фоули, – обратился он к женщине. Было очевидно, что она пытается взять себя в руки.

– Что здесь происходит? Что вы от меня хотите?

– Советский Союз неодобрительно относится к тем его гостям, которые крадут государственные секреты. Наверно, вам сказали об этом в Вашингтоне – извините меня, в Лэнгли.

Мэри– Пэт заговорила дрожащим голосом:

– Мой муж – аккредитованный сотрудник дипломатической миссии США в вашей стране. Я требую, чтобы мне немедленно дали возможность связаться с американским посольством. Я не имею ни малейшего представления, о чем вы бормочете, но мне известно, что, если в результате ваших действий беременная женщина дипломата потеряет ребенка, у вас будет дипломатический скандал такого масштаба, что о нем заговорят по телевидению! Я не говорила с этим человеком, не прикасалась к нему, и он не прикасался ко мне. Это вам, мистер, хорошо известно. Меня действительно предупреждали в Вашингтоне, что вы, клоуны из КГБ, любите ставить американцев в неловкое положение своими дурацкими шпионскими играми.

Ватутин бесстрастно выслушал это заявление, хотя и обратил внимание на слово «беременная». Со слов горничной, производящей два раза в неделю уборку в квартире семьи Фоули, хозяйка регулярно делала тесты. И если... да, скандал будет из-за этого намного больше, чем он предполагал – Снова вздымается голова политического дракона. По этому вопросу потребуются решение председателя КГБ Герасимова.

– Меня ждет муж.

– Мы сообщим ему, что вас задержали. Нам нужно, чтобы вы ответили на несколько вопросов. Обращаться с вами будут должным образом.

Мэри– Пэт знала это и без объяснений офицера КГБ. Ее ужас от происшедшего сдерживался природной гордостью. Она вела себя великолепно и понимала это. Являясь членом дипломатического корпуса, Мэри-Пэт находилась в безопасности. Ее могут задержать на день, может быть, даже на два, но дальнейшее серьезное нарушение дипломатической неприкосновенности приведет к тому, что из Вашингтона будет выслано полдюжины русских. К тому же она не была беременной.

Все это не относилось к делу. Мэри-Пэт не заплакала, проявила ровно столько эмоций, сколько следовало, вела себя именно так, как ее инструктировали и готовили. Дело было совсем в ином: ее самый лучший, самый ценный агент арестован, раскрыт, и вместе с ним пропали исключительно важные сведения. Ей хотелось плакать, она с трудом удерживалась от слез, но она не доставит этим ублюдкам

такого удовольствия. Время слез придет в самолете, при возвращении домой.

16. Оценка ущерба

– Насколько высоко можно оценить поведение человека, если первое, что он сделал, – это приехал в посольство и послал телекс, – произнес наконец Риттер. – Посол обратился с нотой протеста в их Министерство иностранных дел еще до того, как русские успели сообщить об аресте «за поведение, несовместимое с дипломатическим статусом».

– Да разве это утешение, – мрачно пробормотал Грир.

– Она вернется домой через сутки или даже меньше, – продолжал Риттер. – Их уже объявили нежелательными иностранцами, и они вылетают первым же рейсом «Пан-Ам».

Райан шевельнулся в своем кресле, не скрывая беспокойства. А как дела с «Кардиналом»? Господи, они посвятили меня в деятельность этого суперагента, и неделю спустя... У русских нет Верховного суда, не позволяющего применять смертную казнь без соответствующей процедуры.

– Можно ли надеяться на то, что мы обменяем его? – спросил Джек.

– Шутишь, парень. – Риттер встал и подошел к окну. В три часа утра площадка ЦРУ для стоянки автомобилей была почти пустой, всего лишь несколько машин стояло среди куч еще неубранного снега. – У нас нет даже достаточно крупного русского агента, что позволило бы нам просить о смягчении наказания. Никакой надежды на то, что они отпустят его, даже в обмен на своего резидента, которого у нас тоже нет.

– Значит, он мертв, и сведения пропали вместе с ним.

– Да, именно об этом и идет речь, – согласился судья Мур.

– А если обратиться за помощью к союзникам? – предположил Райан. – У сэра Бэзиля может оказаться что-то полезное.

– Райан, мы ничем не можем ему помочь. – Риттер повернулся, изливая свой гнев на предоставившуюся ближайшую цель. – Он мертв – да, конечно, он все еще дышит, но все равно мертв. Через месяц, два или, может быть, три будет опубликовано сообщение в прессе, мы

сумеет подтвердить его с помощью других источников и тогда откроем бутылку и выпьем за его память.

– Как относительно «Далласа»? – спросил Грир.

– О чем идет речь? – удивился Райан.

– Это вас не касается, – произнес Риттер, благодарный за предоставившуюся наконец возможность как-то облегчить душу. – Пусть возвращается в распоряжение флота.

– Хорошо. – Грир кивнул. – Можно предположить, что нас ждут серьезные неприятности. – Судья Мур бросил на адмирала раздраженный взгляд – это ему придется говорить с президентом.

– А вы как считаете, Райан?

– Вы имеете в виду переговоры по ограничению вооружений? – Джек пожал плечами. – Все зависит от того, какую позицию они выберут. У них есть разные варианты, и, если кто-нибудь скажет вам, что может предсказать вариант, который они выберут, этот человек – обманщик.

– Приятно выслушать точку зрения настоящего эксперта, – заметил Риттер.

– По мнению Бэзиля, Герасимов намерен попытаться занять место на самом вершине. Вообще-то он может воспользоваться этим случаем в своих интересах, – спокойно заметил Райан, – но мне кажется, что сейчас, когда Нармонов сумел провести в состав Политбюро своего четвертого сторонника, его политическое влияние слишком велико. Он может поэтому выбрать путь, направленный на заключение соглашения, и продемонстрировать партии свою силу, стремясь к укреплению мира, или, если он испытывает больше политической неуверенности, чем мне кажется, захочет укрепить свое влияние в партии, заклеив нас как неисправимых врагов социализма. Если существует способ оценить вероятность выбора того или иного варианта – исключая простое гадание, – мне он неизвестен.

– Тогда принимайтесь за работу, – распорядился судья Мур. – Президенту потребуется что-то достаточно определенное, прежде чем Эрнест Аллен начнет переговоры относительно возможности обсуждения стратегической оборонной инициативы.

– Слушаюсь, сэр. – Джек встал. – Судья, мы считаем, что русские опубликуют сообщение об аресте «Кардинала»?

– Это сложный вопрос, – ответил Риттер.

Райан направился к двери и снова остановился.

– Одну минуту, – произнес он.

– Что еще? – спросил Риттер.

– Вы сказали, посол обратился с протестом еще до того, как их Министерство иностранных дел успело опубликовать заявление?

– Да, Фоули действовал очень быстро и сумел опередить их.

– При всем уважении к мистеру Фоули никто не может действовать настолько быстро, – заметил Райан. – Пресс-релиз должен был быть уже отпечатанным еще до ареста.

– Ну и что? – поинтересовался адмирал Грир.

Джек вернулся к месту, где сидели все трое.

– А то, что министр иностранных дел – человек Нармонова, правда? И маршал Язов в Министерстве обороны тоже. Они не знали о происходящем, – пояснил Райан. – Происшедшее захватило их врасплох, так же как и нас.

– Чепуха, – фыркнул Риттер. – Так у них не поступают.

– Это вы так считаете, сэр. – Джек был уверен в своей правоте. – У вас есть доказательства, подтверждающие вашу точку зрения?

Адмирал Грир улыбнулся.

– В настоящее время таких доказательств у нас нет.

– Черт побери, Джеймс, я не сомневаюсь, что он просто...

– Продолжайте, доктор Райан, – произнес судья Мур.

– Если два этих министра не знали, что происходит, происшедшее приобретает иную окраску, верно? – Джек сел на спинку кресла. – Хорошо, предположим, нам понятно, почему Язова не оповестили о предстоящем аресте: «Кардинал» – его ближайший помощник. Но зачем держать в неведении министра иностранных дел? В таких делах при подобных обстоятельствах нужно действовать быстро, сообщить в газеты о сенсационном происшествии – уж наверняка никто не пожелает, чтобы противная сторона первой оповестила мир о случившемся.

– Как ты считаешь. Боб? – повернулся к Риттеру директор Центрального разведывательного управления.

Заместитель директора ЦРУ по оперативной части никогда не испытывал к Райану теплых чувств – по его мнению, Джек продвинулся слишком высоко и слишком быстро, – однако, несмотря

на все это, Боб Риттер был честным человеком. Он сел и отпил глоток кофе.

– В том, что говорит этот молодой человек, есть зерно истины. Нам придется проверить кое-какие детали, но, если они подтвердятся... тогда все это не в меньшей степени политическая операция, чем просто расследование «Двойки».

– Джеймс?

Заместитель директора ЦРУ по разведке согласно кивнул.

– Пугающие возможности открываются в этом случае, – заметил он.

– Вполне вероятно, что речь идет не просто об утрате ценного агента, снабжавшего нас важной информацией, – продолжал Райан, обдумывая происшедшее. – КГБ, возможно, использует этот случай для достижения политических целей. Единственное, что мне непонятно, – на кого Герасимов рассчитывает опереться. У группы Александра три надежных сторонника, тогда как Нармонов может теперь полагаться на поддержку четырех, включая этого нового члена Политбюро – Ванеева...

– Черт побери! – выпалил Риттер. – Мы считали, что когда его дочь арестовали, то либо они не сумели расколоть ее – ведь говорят, что она выглядит нормально, – либо ее отец занимает слишком высокое положение, чтобы...

– Шантаж. – Наступила очередь судьи Мура. – Ты был прав, Боб. А Нармонов даже не подозревает об этом. Нужно отдать должное Герасимову – этот сукин сын умеет смотреть на несколько ходов вперед... Если дело обстоит именно так, то фракция Нармонова в меньшинстве, и он не знает этого. – Мур сделал паузу и нахмурился. – Мы рассуждаем как дилетанты, вот что я вам скажу.

– Зато у нас получился великолепный сценарий. – Райан едва не улыбнулся, придя к логическому выводу. – Может оказаться, что нам удалось свалить первое советское правительство, которое за последние тридцать лет попыталось либерализовать свою собственную страну. – Что станут писать обо всем этом газеты? – задал себе вопрос Джек. Можно не сомневаться, что нам не удастся сохранить это в тайне. Такая сенсация неминуемо просочится и станет достоянием общественности...

– Мы знаем, чем вы занимаетесь, и нам известно, сколько времени вы были вовлечены в это. Вот доказательства. – Капитан бросил на стол пачку фотографий.

– Хорошие снимки, – согласилась Мэри-Пэт. – А где представитель моего посольства?

– Мы не обязаны позволять кому-либо разговаривать с вами. Мы имеем право держать вас у себя столько, сколько пожелаем. Если понадобится, то годы, – зловеще добавил сотрудник КГБ.

– Послушайте, мистер, я ведь американка, понимаете? Мой муж – дипломат. У него дипломатическая неприкосновенность, которая распространяется и на меня. Вы считаете меня пустоголовой домохозяйкой и потому рассчитываете, что со мной можно так бесцеремонно обращаться, что меня удастся запугать и заставить подписать это идиотское признание, будто я какая-то шпионка. Не надейтесь на это. Я не сомневаюсь, что правительство США защитит меня. Что касается этой бумажки, советую намазать на нее горчицу и съесть. Видит Бог – пища здесь настолько плохая, что немного протеина вам не повредит, – заметила она. – И вы еще смеее утверждать, что этот добрый пожилой мужчина, к которому я несла фотографию, тоже арестован? Тогда вы все здесь сошли с ума.

– Нам известно, что вы встречались с ним много раз.

– Два раза. Я видела его однажды во время матча в прошлом году – впрочем, нет, мы встречались на дипломатическом приеме несколько недель назад. Значит, три раза, и всякий раз беседовали о хоккее. Именно поэтому я и несла ему фотографию. Мальчишки в команде моего сына считают, что он приносит им удачу, – спросите их, все они расписались на фотографии, видите? Каждый раз, когда он приходил Л.а матч, мы одерживали важные победы и мой сын забивал шайбы. Вы считаете его шпионом только потому, что он посещал матчи детских команд? Боже мой, да вы видите американских шпионов под каждой кроватью!

Разговор с сотрудником КГБ даже доставлял Мэри-Пэт удовольствие. Обращались с ней хорошо – по-видимому, причиной тому была притворная беременность. Она нарушила еще одно освященное временем правило в профессии разведчиков – как можно

меньше говорить. Вместо этого Мэри-Пэт не переставала болтать подобно любому рассерженному частному лицу – находящемуся под прикрытием дипломатической неприкосновенности, разумеется, – возмущаясь поразительной глупостью русских. Она внимательно следила за реакцией офицера, который вел допрос. Больше всего русские ненавидели снисходительно-презрительное общение, особенно со стороны американцев, по отношению к которым русские испытывали прямо-таки невероятный комплекс неполноценности.

– Мне всегда казалось, что сотрудники службы безопасности в нашем посольстве стараются раздражать нас как можно больше, – произнесла Мэри-Пэт недовольным голосом. – Не делайте того, не делайте этого, будьте осторожны, когда фотографируете. Но я не фотографировала, я несла ему уже готовую фотографию! Да и мальчишки на ней – русские, за исключением Эдди. – Она отвернулась и посмотрела в зеркало. Мэри-Пэт старалась догадаться, придумали ли этот фокус с зеркалом, из-за которого за ней следят, сами русские или скопировали идею из американского полицейского фильма.

– Тот, кто готовил ее, – настоящий профессионал, – заметил Ватутин, наблюдая за сценой допроса из соседней комнаты. – Она знает, что мы смотрим на нее, но не подает виду. Когда мы собираемся ее выпустить?

– Ближе к вечеру, – ответил начальник Второго главного управления. – Держать ее дольше не имеет смысла. Ее муж уже собирает вещи. Жаль, что вы поторопились – следовало подождать несколько секунд, – прибавил генерал.

– Я знаю. – Объяснять, что причиной был плохо сработанный засов, не имело смысла. В КГБ не любят оправданий, даже от полковников. Да и в любом случае это не имело значения – как Ватутин, так и его начальник понимали это. Они сумели поймать Филитова – не совсем в момент передачи, но все-таки им это удалось. Такой была поставленная перед ними задача. Оба понимали, что в этом деле существуют и другие аспекты, но делали вид, что это к ним не

имеет отношения. И для генерала, и для полковника такое поведение являлось самым разумным.

– Где мой помощник? – потребовал ответа Язов.

– В Лефортовской тюрьме, разумеется, – отозвался Герасимов.

– Я хочу немедленно встретиться с ним. – Министр обороны даже не пожелал снять

фуражку. Он стоял перед председателем КГБ – в своей длинной шинели, его щеки пылали от холодного февральского ветра – а может быть. и от гнева, подумал Герасимов. Или даже от страха...

– Это не то место, где можно требовать, Дмитрий Тимофеевич. Я тоже член Политбюро и тоже заседаю в Совете обороны. Кроме того, нельзя исключить, что и вы замешаны в этом расследовании. – Пальцы Герасимова постукивали по папке, лежащей на его столе.

Лицо Язова от этих слов изменилось. Он побледнел, но определенно не от страха. Герасимова удивило, что маршал не потерял самообладания, вместо этого он справился со своими чувствами и произнес, словно обращаясь к новобранцу:

– Немедленно предъявите доказательства – если у вас хватит смелости!

– Раз вы настаиваете – пожалуйста. – Председатель КГБ открыл папку, достал несколько фотографий и передал их министру обороны.

– Вы следили за мной? За МНОЙ?

– Нет, наблюдение велось за Филитовым. Вы случайно оказались в кадре.

Язов презрительно бросил фотографии на стол Герасимова.

– Ну и что? Михаил Семенович пригласил меня на хоккейный матч. Я поехал вместе с ним. Игра была интересной – В одной из команд играет американский мальчик – я познакомился с его матерью на каком-то приеме, – да, это было в Георгиевском зале, когда в Москву для участия в переговорах приезжали американцы. Она тоже присутствовала на хоккейном матче, и мы подошли, чтобы поздороваться с ней. Приятная женщина, только в голове у нее ветер.

На следующее утро я написал отчет о контакте с иностранным гражданином. И Михаил Семенович тоже.

– Если у нее ветер в голове, зачем трудились? – спросил Герасимов.

– Потому что она американка, а муж у нее какой-то дипломат, да и к тому же я допустил глупость и позволил ей коснуться меня. Отчет о контакте сдан в спецотдел. Я пошлю вам копию моего отчета и отчета Михаила Семеновича. – Теперь Язов говорил более уверенно. Герасимов допустил небольшой промах.

– Эта женщина – агент американского ЦРУ.

– В таком случае я уверен, что социализм восторжествует во всем мире, Николай Борисович. Я не знал, что у вас работают такие дураки – до сегодняшнего дня.

Министр обороны Язов заставил себя успокоиться. Несмотря на то что в Москве он появился недавно – до последнего времени маршал командовал Дальневосточным военным округом и там попал в поле зрения Нармонова, – но уже понял, в чем заключается причина разногласий: борьба за власть. Он не верил, не мог верить, что Филитов – предатель; не верил потому, что был знаком с биографией старого полковника, а не мог, не хотел верить по той причине, что подобный скандал положит конец одной из самых тщательно подготовленных карьер профессионального военного в Советской Армии – его собственной.

– Если у вас есть настоящие доказательства предательства моего помощника, пусть с ними познакомится моя служба безопасности. Вы, Николай Борисович, затеяли политические игры и вовлекаете в них мое министерство. Я не потерплю, чтобы КГБ вмешивался в дела армии. Сегодня во второй половине дня сюда приедет представитель ГРУ. Надеюсь, ваши люди согласятся работать с ним – в противном случае я сам обращусь в Политбюро.

Лицо Герасимова оставалось бесстрастным, пока министр обороны не вышел из его кабинета – Он понял, что допустил ошибку при разговоре с Язовым, Он показал ему все свои козыри – вернее, показал их на день раньше, чем следовало. Герасимов рассчитывал, что Язов поддастся давлению, отступит перед предъявленным обвинением и примет предложение, которое еще даже не было сделано.

А все потому, что этот кретин Ватутин не сумел получить убедительных доказательств. Ну почему он не подождал еще пару секунд!

Ничего не поделаешь, остается лишь одно – получить полное признание от Филитова.

Колин Маклинток официально числился сотрудником коммерческого отдела посольства Ее Величества Королевы Великобритании, расположенного на противоположном Кремлю берегу Москва-реки. Особняк достался посольству еще до революции, и это обстоятельство изрядно раздражало советское руководство со времен Сталина. Но и Колин принимал участие в Большой Игре. Он был, по правде говоря, тем сотрудником английской спецслужбы, который поддерживал контакт со Светланой Ванеевой и затем передал ее московскому резиденту ЦРУ для целей, так ему и не объясненных. Однако он подчинился приказу, поступившему непосредственно из Сенчури-Хауса, штаб-квартиры английской секретной службы в Лондоне. Сейчас Колин Маклинток сопровождал группу английских бизнесменов при посещении ими Госплана. Здесь он знакомил их с советскими чиновниками, с которыми англичанам придется вести переговоры о контрактах, касающихся продажи товаров местным варварам. Сам Маклинток был «островитянином» с Уэлсея, у берегов Шотландии, и считал всех живущих к югу от Абердина варварами, хотя и служил в английской секретной службе. Говоря по-английски, он прибегал к певучему акценту и пользовался словами, понятными одним жителям Северной Шотландии. Он говорил и по-русски, правда, понять его было непросто. Впрочем, это являлось для него прекрасным прикрытием. Маклинток мог легко говорить и без акцента – словно щелкал переключателем, а для его слуха акцента не существовало совсем. Обычно считают, что человек, с трудом говорящий на каком-то языке, и понимает его с неменьшим трудом. Маклинток всячески поддерживал это мнение.

Это он встретил Светлану, сообщил в Лондон о ней как о возможном кандидате на вербовку, и высокопоставленный

представитель секретной службы завербовал ее в ресторане «Лангэнс Брассе-ри» на втором этаже здания на Страттон-стрит. С тех пор Маклинток встречался с ней лишь по делам, в присутствии других англичан и русских. Сбором информации Светланы Ванеевой, которую она оставляла в тайных «почтовых ящиках», занимались другие сотрудники английской секретной службы в Москве, хотя руководил ее деятельностью все-таки Маклинток. Вообще-то ее сведения не представляли интереса и лишь иногда использовались для коммерческих целей. Работая с завербованными агентами, приходилось брать у них то, на что они были способны, а Светлана также информировала англичан о слухах и сплетнях, получаемых ею от своего отца.

Но со Светланой Ванеевой что-то произошло. Она исчезла из Госплана и затем вернулась – по мнению ЦРУ, после допросов в Лефортовской тюрьме. Маклинток не понимал этого. Стоило русскому попасть в эту тюрьму, и ему приходилось оставаться там гораздо больше одного или двух дней. С Ванеевой случилось нечто в высшей степени странное, и он подождал неделю, чтобы детально разобраться в происшедшем. Разумеется, ее «почтовые ящики» оставались нетронутыми. Ни один из сотрудников английской секретной службы не станет теперь даже приближаться к ним – разве что проверит, не проявлял ли кто-нибудь интереса к этим тайникам, что делалось с безопасного расстояния.

И вот теперь у Маклинтока выдалась благоприятная возможность, Он вел торговую делегацию через помещение, в котором размещался отдел текстиля. Светлана подняла голову и увидела вошедших иностранцев. Маклинток подал обычный сигнал – знак вопроса. Он не знал, какой ответ ему ждать или что этот ответ будет значить. Ему приходилось исходить из того, что ее сломали на допросах, полностью раскрыли, но он все-таки надеялся на какую-то реакцию. Сигнал состоял в том, что он провел руками, словно поправляя прическу, – жест, такой же естественный, как дыхание. Светлана должна была ответить на этот сигнал, выдвинув ящик стола и достав оттуда карандаш или ручку. Первое означало «все в порядке», тогда как второе предупреждало об опасности. Однако она не сделала ни того ни другого – просто наклонила голову и продолжала читать лежащий перед ней документ. Такое поведение было настолько необычным, что

молодой офицер английской разведки едва не замер, остановив на Светлане взгляд, но вовремя вспомнил, где находится, и отвернулся, осматривая других присутствующих в отделе. Тем временем его руки проделывали нервные жесты, которые могли означать что угодно для тех, кто следил бы за ним.

Больше всего Маклинтока потрясло выражение ее лица. Раньше лицо всегда было оживленным и улыбающимся, а сейчас выглядело бесстрастным, почти тупым. Теперь оно напоминало лица прохожих на московских улицах. Женщина, являющаяся дочерью очень высокопоставленного функционера в партийной иерархии, обладающая значительными привилегиями, резко переменялась. И это не выглядело притворством, он не сомневался в этом – на притворство у Светланы не доставало таланта.

Они сумели сломать ее, подумал Маклинток. Сумели сломать ее и затем отпустили. Он не представлял себе причину такого шага, но этого от него и не требовалось. Час спустя он отвез бизнесменов в гостиницу и вернулся в свой кабинет. Отчет, который он немедленно отправил в Лондон, был коротким – всего три страницы. Маклинток не имел представления, какой шторм он вызовет. Он также не знал, что еще один сотрудник секретной службы послал свой доклад в Лондон, отправленный той же дипломатической почтой.

– Привет, Артур, – послышался голос в телефонной трубке.

– Доброе утро... извини меня, Бэзил, добрый день. Как погода в Лондоне?

– Холодно, сыро и скверно. Вот я и решил прилететь на вашу сторону пруда и погреться на солнце.

– Не забудь заглянуть в нашу контору.

– Так я и сделаю. Сразу с утра?

– Для тебя у меня всегда есть время.

– Тогда до завтра.

– Отлично. До встречи. – Судья Мур положил трубку.

Вот это день у меня, подумал директор Центрального разведывательного управления. Сначала мы теряем «Кардинала»,

затем сэр Бэзил Чарлстон хочет приехать сюда, чтобы поговорить о том, что нельзя доверять даже самой защищенной линии связи в мире! Еще нет полудня, а судья Мур провел в своем кабинете девять часов. Каких еще неприятностей прикажете ждать?

– И вы считаете это доказательствами? – спросил генерал Евгений Игнатъев, начальник отдела контрразведки ГРУ, советской военной разведки. – Моим старым усталым глазам кажется, что ваши люди пытаются ловить рыбу, стоя на очень тонком льду.

Ватутин был потрясен – и вне себя от ярости – тем, что председатель КГБ послал этого человека к нему в кабинет, чтобы проверить, как идет его, Ватутина, расследование.

– Если вам удастся найти разумное объяснение кассете с пленкой, фотоаппарату и дневнику, может быть, вы снизойдете до того, чтобы посвятить меня в это, товарищ генерал.

– Вы говорите, что взяли кассету из его руки, а не из руки женщины. – Это была констатация факта, а не вопрос.

– Мной была допущена ошибка, и я не ищу оправдания, – произнес Ватутин с достоинством, которое показалось генералу несколько странным.

– А фотокамера?

– Мы обнаружили ее в его квартире прикрепленной магнитом к задней панели холодильника.

– Я обратил внимание на то, что, когда вы производили первый обыск квартиры, вам не удалось обнаружить камеру. Кроме того, на ней отсутствуют отпечатки пальцев. И, судя по результатам вашего визуального наблюдения за Филитовым, вы не видели, чтобы он ею пользовался. Таким образом, если он заявит, что вы подсунули ему камеру и пленку, как мне удастся убедить министра, что это он – обманщик?

Ватутина удивил тон заданного вопроса-

– Значит, вы все-таки считаете, что Филитов – шпион?

– То, что я считаю, не имеет значения. Согласен, существование дневника беспокоит меня, но вы просто не поверите, если я расскажу

вам о тех нарушениях правил секретности, с которыми мне приходилось сталкиваться, особенно на высшем уровне руководства. Чем важнее должности, на которых находятся военные, тем небрежнее относятся они к существующим правилам. Вы знаете, кто такой полковник Филитов. Он не просто герой войны, нет. Филитов прославился по всему Советскому Союзу – знаменитый Михаил Семенович Филитов, герой Сталинграда. Он воевал под Вязьмой, под Минском, защищал Москву, когда мы остановили фашистов, сражался, пытаясь предотвратить катастрофу под Харьковом, затем воевал при отступлении к Сталинграду, принимал участие в контратаках...

– Я прочитал его досье, – произнес Ватутин бесстрастным голосом.

– Он является символом всей армии. Нельзя расстрелять символ на основании таких двусмысленных доказательств, как эти, Ватутин. Все, что у вас есть, – это кадры, снятые на пленку, и никаких доказательств, что именно он произвел съемку.

– Мы еще не начинали его допрашивать.

– Неужели вы считаете, что допрашивать Филитова будет просто? – Игнатьев поднял глаза к потолку и засмеялся, словно залаял. – Да вы знаете, насколько крепок этот человек? Он убивал немцев из горящего танка, когда сам горел в нем! Филитов тысячу раз смотрел в глаза смерти и смеялся над ней!

– Я получу от него все сведения, которые мне нужны, – спокойно ответил Ватутин.

– С помощью пыток, верно? Да вы с ума сошли! Не забудьте, что Таманская гвардейская мотострелковая дивизия расквартирована всего в нескольких километрах от Москвы. Неужели вы считаете, что Советская Армия потерпит, что вы мучаете одного из ее героев? Сталин мертв, товарищ полковник, и Берия тоже.

– Мы сможем получить от него нужную информацию, не нанеся ему никакого физического вреда, – заметил Ватутин. Это был один из наиболее ревностно охраняемых секретов КГБ.

– Чепуха!

– В таком случае, что вы предлагаете, товарищ генерал? – спросил Ватутин, уже догадываясь, каким будет ответ.

– Передайте расследование мне. Мы примем меры, чтобы Филитов больше никогда не предавал Родину, можете в этом не

сомневаться, – пообещал Игнатъев.

– И, разумеется, армия выйдет из неловкого положения, в которое она попала.

– Из неловкого положения выйдут все, не в меньшей степени это относится и к вам. товарищ полковник, потому что вы так некомпетентно провели свое так называемое расследование.

Ну что ж, этого я и ожидал. Несколько громких слов, затем угрозы, смешанные с деланным сочувствием и товарищескими советами. Ватутин видел, что ему предложен выход, но обещанная безопасность одновременно кладет конец всем надеждам на повышение. Записка, сделанная рукой председателя КГБ, четко обрисовала ситуацию. Ватутин оказался между двух врагов, и, хотя он все еще мог завоевать расположение одного из них, более высокая цель требовала и большего риска. Он может отступить от подлинной цели своего расследования и до конца жизни оставаться полковником, а может пойти на риск в надежде добиться того, на что надеялся, когда начинал это дело без всяких политических мотивов, мрачно подумал Ватутин. В случае неудачи его ждал позорный конец. Как ни парадоксально, решение оказалось легким. Ватутин был сотрудником «Двойки»...

– Расследование поручено мне. Председатель предоставил мне все полномочия, и я буду вести дело так, как считаю нужным. Спасибо за ценные советы, товарищ генерал.

Игнатъев окинул сидящего перед ним человека оценивающим взглядом, подумал о внутреннем смысле сделанного им заявления. В своей работе ему редко доводилось встречать честных людей, и генералу стало грустно – по какой-то странной, непонятной причине, – что он не может доброжелательно отнестись к человеку, продемонстрировавшему это самое редкое качество. Но для Игнатъева главным оставалась преданность Советской Армии.

– Как хотите. Надеюсь, вы будете постоянно держать меня в курсе дела. – Генерал молча повернулся и вышел.

В течение нескольких минут Ватутин сидел за письменным столом, оценивая создавшееся положение, затем вызвал машину. Через двадцать минут он был уже в Лефортовской тюрьме.

– Это невозможно, – сообщил ему врач еще до того, как полковник успел задать вопрос.

– Что?

– Вы хотите поместить этого мужчину в бассейн, полностью лишив его внешних раздражений и изолировав его органы чувств от окружающего мира?

– Да, конечно.

– Скорее всего он умрет в результате этого. Не думаю, что это является вашей целью, и уж точно не собираюсь подвергать подобному риску судьбу своего проекта.

– Мне поручено это дело, и я буду вести его так...

– Товарищ полковник, речь идет о человеке, которому уже за семьдесят. У меня его медицинская карта. У старика все симптомы сердечно-сосудистого заболевания средней степени тяжести – в его возрасте это нормально, разумеется, – и куча заболеваний дыхательных путей. При наступлении первого периода беспокойства его сердце лопнет, как воздушный шар. Я могу это гарантировать.

– Что вы имеете в виду, когда говорите, что его сердце лопнет?...

– Извините меня, я знаю, что трудно объяснить непосвященному человеку медицинские термины. Его коронарные артерии покрыты слоем бляшек. Это обычное явление, которое происходит у всех нас из-за пищи, которую мы употребляем. Но его артерии уже наших, потому что слой бляшек на стенках толще – ведь он старше нас с вами. Кроме того – тоже из-за возраста, – артерии у него не такие эластичные, как у более молодого человека. Если частота сердечных сокращений станет у него слишком высокой, бляшка оторвется и закупорит сосуд. Это и есть сердечный приступ, полковник, закупорка кровеносного сосуда. В результате этого отмирает часть сердечной мышцы, сердце либо полностью останавливается, либо начинает биться аритмично. И в том и в другом случае оно перестает перекачивать кровь, и пациент умирает. Вам это понятно? При использовании бассейна сердечный приступ у пациента почти неизбежен, и этот приступ будет иметь летальный исход. Даже если он не умрет, наступит паралич. Нет, товарищ полковник, прибегнуть к изоляции этого человека в бассейне мы не можем. Не думаю, что вы захотите убить его, не получив никакой информации.

– А как относительно применения других методов физического воздействия? – тихо спросил Ватутин. Боже мой, подумал он, что, если мне не удастся...

– Раз вы уверены, что он виновен, расстреляйте его и кончайте с этим делом, – заметил врач. – Но любое серьезное физическое воздействие приведет к смертельному исходу.

А все из-за этого проклятого засова, сказал себе полковник Ватутин.

Ракета выглядела безобразно, она походила на детский рисунок или на пиротехническое изделие, выпускаемое для фейерверков, хотя даже ребенок не решился бы поместить ее на самолет сверху вместо надлежащего места – под ним. Однако в данном случае ракета была размещена над фюзеляжем, и это было видно в свете прожекторов, освещающих взлетную дорожку.

Самолет был знаменитым SR-71 «Блэкбёрд», «Черный дрозд», разведывательный самолет компании «Локхид», рассчитанный на троекратную скорость звука. Два дня назад его перегнали с базы ВВС Кадена на западном берегу Тихого океана. Сейчас он разгонялся по взлетной дорожке базы ВВС Неллис в штате Невада, подгоняемый длинными двойными факелами, вырывающимися из реактивных двигателей, работающих в режиме форсажа. Из баков капало топливо – баки «Блэкбёрд» всегда изрядно протекали, – оно тут же воспламенялось, вызывая веселье у персонала, управляющего полетом с вышки аэродрома. Набрав необходимую скорость, пилот взял штурвал на себя, и нос самолета вздернулся кверху. Пилот держал штурвал в этом положении дольше обычного, направляя свою птичку в небо под крутым углом в сорок пять градусов при мощной тяге форсажных двигателей, и через мгновение все, что осталось от него на взлетной дорожке аэродрома, – это оглушительный грохот взлета. Последнее, что увидела в небе аэродромная команда, – две пылающие точки, но скоро и они исчезли в облаках, нависших на высоте двести тысяч футов.

«Блэкбёрд» продолжал набирать высоту. В аэропорту Лас-Вегаса служащие, следившие за безопасностью полетов, увидев светящуюся точку на экранах радиолокаторов, обратили внимание на то, что эта точка почти не смещалась в горизонтальном направлении, тогда как

отметки высоты полета менялись с такой же быстротой, как колеса «одноруких бандитов» в зале отдыха аэропорта. Служащие переглянулись – еще один экспериментальный самолет ВВС – и вернулись к повседневной работе.

Сейчас «Блэкбёрд» набрал высоту в шестьдесят тысяч футов и перешел в горизонтальный полет, направляясь на юго-восток к испытательному полигону «Белые пески». Пилот проверил наличие топлива – больше чем достаточно – и откинулся на спинку кресла, отдыхая после пьянящего подъема. Техники оказались правы – ракета, укрепленная на фюзеляже, никак не повлияла на его полет. К тому времени, когда пилот начал летать на «Блэкбёрде», назначение крепления над фюзеляжем отстало от стремительного развития событий. Это крепление, предназначенное для подъема на большую высоту беспилотного самолета фоторазведки, было снято почти со всех SR-71, однако по причинам, не совсем ясным даже по записям в бортовом журнале технического обслуживания, на этом экземпляре «Блэкбёрда» оно сохранилось. Беспилотный самолет был первоначально спроектирован для проникновения в места, недоступные для самого «Блэкбёрда», но оказался ненужным, потому что выяснилось, что SR-71 может проникнуть куда угодно, что нет мест, куда бы SR-71 не мог совершить безопасный полет, что и было многократно доказано пилотом во время полетов с базы Кадена. Единственным ограничивающим фактором для самолета был запас топлива, а в данном случае этот фактор не имел значения.

– Джульет Виски, вас вызывает Контроль. Как слышно, конец, – произнес в микрофон сержант.

– Контроль, это Джульет Виски. Все системы действуют нормально. Сохраняем номинальное отношение к профилю операции.

– Понятно. Начинайте процедуру подготовки к запуску по моей команде. Пять, четыре, три, два, один – НАЧАЛИ!

В ста милях от бункера управления пилот SR-71 снова нажал на кнопку форсажа и взял штурвал на себя. «Блэкбёрд» повиновался так же послушно, как и раньше, встал на хвост и устремился в небо,

подгоняемый почти сотней тысяч фунтов реактивной тяги. Глаза пилота были прикованы к панели управления, на которой стрелка альтиметра вращалась словно – обезумевшая. Сейчас скорость подъема составляла тысячу триста миль в час и продолжала увеличиваться. SR-71 врезался в небо, демонстрируя презрение к силе земного притяжения.

– Двадцать секунд до разделения, – послышался голос оператора бортовых систем с заднего сиденья. «Блэкбёрд» поднялся уже на сто тысяч футов. Платформа запуска находилась на ста двадцати тысячах. Рычаги действовали непривычно мягко. На высоте, превышающей тридцать километров, воздух был настолько разрежен, что управлять самолетом становилось трудно, и пилот действовал еще осторожнее обычного. Он заметил, что указатель скорости достиг тысячи девятисот миль на несколько секунд раньше, затем услышал:

– Приготовиться к пуску... пуск, ПУСК!

Сразу после отделения ракеты пилот опустил нос самолета и начал плавный поворот налево, во время которого он пролетит над штатом Нью-Мексико, прежде чем направиться обратно к базе Неллис. Вся операция оказалась намного проще полетов вдоль советской границы – а иногда и за нее... У пилота мелькнула мысль, что он еще успеет после посадки съездить в Лас-Вегас и посмотреть новое шоу.

Ракета продолжала лететь вверх после отделения от самолета-носителя, но по какой-то странной причине ее ракетный двигатель не включился. Теперь она превратилась в баллистический объект,двигающийся в соответствии с законами физики. Ее широкие стабилизаторы обеспечивали достаточную аэродинамическую устойчивость, и полет ракеты – даже с неработающим двигателем – проходил в надлежащем положении, носом вперед, по мере того как земное притяжение начало захватывать ее в свои объятия. На высоте ста тридцати тысяч футов ракета начала медленно поворачиваться и неохотно накренилась носом в сторону земли.

И тут включился ее ракетный двигатель, работающий на твердом топливе. Он действовал всего четыре секунды, но этого оказалось достаточно, чтобы разогнать ракету до скорости, которая привела бы в ужас пилота ее самолета-носителя.

– Начали, – произнес армейский офицер. Радиолокационная установка противоракетной обороны перешла из режима ожидания в активный режим и сразу заметила направляющуюся к земле ракету. Она мчалась вниз через атмосферу примерно с такой же скоростью, как и боеголовка межконтинентальной баллистической ракеты. Офицеру не понадобилось отдавать команду. Система противоракетной защиты была полностью автоматизирована. В двухстах ярдах от него взрывные патроны отбросили в сторону фибerglassовую крышку с бетонного колодца, пробуренного в гипсовой почве равнины, и в небо из него устремился СЭЗРС – самонаводящийся экспериментальный зенитный ракетный снаряд. Он больше походил на копье, чем на ракету, и по своему устройству был почти таким же простым. Радиолокационная установка, работающая на волнах миллиметрового диапазона, следила за мчащейся к земле ракетой, и полученные данные тут же обрабатывались бортовым микрокомпьютером. Самым поразительным было то, что все детали СЭЗРС делались не по специальному заказу, а были стандартными.

Наблюдатели следили за происходящим из бункера, защищенного земляным валом. Они увидели устремившуюся вверх полосу желтого света, услышали гром двигателя на твердом топливе, после чего на несколько мгновений наступила тишина.

СЭЗРС мчался к своей цели, чуть изменив направление полета – на несколько долей градуса – с помощью крохотных двигателей управления ориентацией. Затем пиропатрон отбросил носовой защитный конус, и тут же развернулось устройство, которое могло бы показаться стороннему наблюдателю чем-то вроде спиц складного зонтика диаметром около десяти ярдов...

Вспышка напоминала фейерверк в праздник Дня независимости, только бесшумный. Послышались одобрителльные возгласы. Несмотря на то что и стремительно снижающаяся ракета, и летевший навстречу ей СЭЗРС не несли боеголовок, в результате столкновения на такой колоссальной скорости металл и керамические детали мгновенно превратились в облако светящегося газа.

– Четыре из четырех, – произнес майор Грегори, с трудом удерживаясь от зевка. Подобные фейерверки ему уже приходилось видеть не раз.

– Не все перехваты придется на вашу долю, майор, – упрекнул молодого офицера генерал Парке. – Нам все равно будут нужны средства защиты в средней части траектории и в непосредственной близости от объектов.

– Совершенно верно, сэр, но я вам не нужен для этого. Мы все знаем, что эти системы действуют лучшим образом.

При первых трех испытаниях ракеты запускались с истребителей-бомбардировщиков «Фантом», но кое-кто в Вашингтоне выразил точку зрения, что при таких испытаниях недооценивалась трудность перехвата боеголовок, приближающихся к цели. Тогда генерал Парке решил использовать в качестве платформы для запуска ракеты, имитирующей баллистическую боеголовку, «Блэкбёрд» SR-71. При запуске ракеты с большей высоты и при намного более высокой скорости приближения к цели создавались условия, значительно затрудняющие перехват. Данное испытание прошло в ситуации, еще более сложной, чем предполагалось, и тем не менее СЭЗРС сработал идеально. Парке немного побаивался за программное обеспечение системы наведения, но, как заметил Грегори, все прошло превосходно.

– Эл, – сказал генерал, – я начинаю думать, что вся наша программа может оказаться успешной.

– Конечно. Почему бы и нет? – кивнул Грегори. Если еще эти ребята из ЦРУ сумеют добыть нам чертежи русского лазера...

«Кардинал» сидел один в маленькой тюремной камере – полтора метра в ширину и два с половиной в длину. С потолка свисала лампочка, в камере была деревянная койка с ведром под ней, но отсутствовало окно, лишь в ржавой железной двери виднелся глазок для охранника. Сквозь толстые бетонные стены не доносилось ни звука. Он не слышал ни шагов надзирателей в коридоре, ни даже грохота транспорта на улице рядом с тюрьмой. У него забрали китель, пояс и начищенные сапоги, заменив их домашними тапочками. Камера находилась в подвале. Это было все, что он знал, судя по сырому воздуху. И холоду.

Но на сердце у него было холоднее, чем в камере. Чудовищность его преступления еще никогда не казалась ему настолько огромной. Полковник Михаил Семенович Филитов, трижды Герой Советского Союза, оказался теперь наедине с изменой. Он представил себе величественную страну, в которой жил, ее необъятные дали и бесконечные просторы, населенные его соотечественниками – русскими. Всю жизнь он отдал народу, служил ему с гордостью, проливая за него кровь, о чем свидетельствовали его шрамы. Он вспомнил тех, с кем ему довелось воевать, их было так много, и в большинстве своем они погибли, сражаясь под его командой с ним рядом. А как они погибли – дерзко проклиная немецкие танки и пушки, сгорая в своих «тридцатьчетверках», но не сдаваясь, отступая лишь тогда, когда не было другого выхода, предпочитая атаковать, даже сознавая свою обреченность. Филитов вспомнил, как вел свои танки в сотнях боев, вспомнил пьянящую радость, которая сопровождала рев дизельных двигателей, вонючие клубы дыма, решимость, которую могла остановить одна смерть и которую он обманул столько раз.

И он предал все это.

Что бы сказали теперь обо мне мои люди? Он уставился на голую стену напротив койки.

Что бы сказал Романов?

Мне кажется, нам обоим нужно выпить, сказал бы он. Один лишь Романов мог быть веселым и серьезным одновременно. Такие мысли, мой капитан, легче обдумывать за водкой или самогоном.

Тебе известно почему? – спросил Михаил Семенович.

Вы так и не сказали нам этого, товарищ капитан. Тогда он ответил. На это потребовалось всего лишь мгновение.

Оба ваших сына и жена. Скажите мне, товарищ капитан, за что мы погибли?

Филитов не знал этого. Даже во время войны он этого не знал. Он был солдатом, а когда враг вторгается в его страну, солдат сражается, чтобы отразить нашествие. И сражаться намного проще, если враг так жесток, как жестоки были немцы...

Мы защищали Советский Союз, ефрейтор.

Вот как? Припоминаю, что действительно сражался за матушку-Россию, но ведь я сражался за вас, товарищ капитан.

Но...

Солдат сражается за своих товарищей. Я сражался за свою семью. Вы и ваши солдаты были моей единственной семьей. Думаю, что вы тоже защищали свою семью, большую семью – всех нас – и маленькую. Я всегда завидовал вам, товарищ капитан, и гордился тем, что стал членом и той и другой.

Но я убил тебя. Мне не следовало...

У каждого своя судьба, товарищ капитан. Мне было написано на роду умереть под Вязьмой без жены, без детей, но, даже умирая, я оставил семью.

Я отомстил за тебя, Романов. Я взорвал немецкий танк, который убил тебя.

Да, я знаю. Вы отомстили за смерть всех членов своей семьи. Как вы думаете, почему мы так вас любили? Почему мы умирали за вас?

Значит, ты понимаешь? – изумленно спросил Михаил Семенович.

Рабочие и крестьяне, может быть, и не поймут вас, но ваши солдаты – да. Мы теперь понимаем, что такое судьба, а вот вы – еще нет.

Но как поступить?

Капитанов не интересует мнение ефрейторов, засмеялся Романов. Это вы знаете ответы на все наши вопросы.

Голова Филитова дернулась, когда он услышал, как открывают замок на двери его камеры,

Ватутин ожидал найти сломленного человека. Одиночество камеры, унижение арестованного, лишенного личных вещей, утратившего лицо, оставшегося наедине со своими страхами и преступлениями, всегда приводило к желаемому результату. Но Ватутин смотрел на усталого старика, израненного и больного, и видел, как меняются его глаза и лицо.

Спасибо тебе, Романов.

– Доброе утро, сэр Бэзил, – произнес Райан, протягивая руку за чемоданом гостя.

– Привет, Джек! Я не знал, что тебя используют в качестве посыльного.

– Это зависит от того, за кем посылать, как гласит поговорка. Машина вон там. – Джек показал рукой на автомобиль, стоящий в пятидесяти ярдах.

– Констанция передает тебе привет. Как семья?

– Все в порядке, спасибо. Как жизнь в Лондоне?

– Надеюсь, ты еще не забыл, какие у нас зимы?

– Нет, – рассмеялся Джек, открывая дверцу, – равно как и пиво. – Мгновение спустя обе

дверцы были закрыты и заперты.

– Этот автомобиль проверяют каждую неделю, – сказал Джек. – В нем нет подслушивающих устройств. Что случилось?

– Что случилось? Именно по этой причине я и прилетел: выяснить, что происходит и насколько плохо. Одна из ваших операций кончилась неудачей?

– Я отвечу утвердительно на этот вопрос, но все остальное расскажет судья. Извини, но у меня нет допуска ко всей операции, только к части.

– Причем совсем недавно, готов поспорить.

– Да, – кивнул Джек и переключил скорость, выезжая со стоянки аэропорта на шоссе.

– Тогда посмотрим, можешь ли ты все еще правильно оценивать ситуацию, сэр Джон.

Райан улыбнулся и свернул на левую, скоростную, полосу, чтобы обогнать грузовик.

– Я занимался подготовкой доклада о положении с переговорами по ограничению вооружений на основе разведанных, когда меня привлекли к этой операции. Теперь мне поручено проанализировать политическую уязвимость Нармонова, насколько крепко он держится наверху. Если я не ошибаюсь, ты прилетел к нам именно по этой причине.

– А вот, если я не ошибаюсь, ваша операция вызвала нечто исключительно серьезное.

– Ванеев?

– Совершенно точно.

– Господи. – Райан на мгновение отвел взгляд от дороги и посмотрел на главу английской разведки. – Надеюсь, у тебя возникли какие-то мысли, потому что мы не знаем, что делать, черт побери. – Он прибавил скорость до семидесяти пяти миль в час, и через пятнадцать минут автомобиль въехал в Лэнгли. Он поставил машину в подземном гараже и вместе с сэром Бэзилем поднялся в лифте, отведенном для высокопоставленных лиц, на седьмой этаж.

– Привет, Артур, – поздоровался сэр Бэзил Чарлстон с директором Центрального разведывательного управления. – Редкий случай, когда за тобой приезжает шофер в рыцарском звании, даже для Лондона. – Он опустил в кресло, а Райан пошел за начальниками управлений ЦРУ.

– Привет, Бэз, – произнес Грир, входя в кабинет судьи Мура-Риттер только приветственно махнул рукой. Все неприятности были вызваны его операцией. Райан сел в самое неудобное кресло, оставшееся незанятым,

– Мне нужно познакомиться с конкретными обстоятельствами провала, – приступил прямо к делу Чарлстон, не ожидая, пока перед всеми окажутся чашки кофе.

– Арестовали нашего агента. Он занимал высокий пост.

– Именно поэтому сегодня вылетает домой семья Фоули? – улыбнулся Чарлстон. – Я не знаю, чем они занимались, но когда они высылают из такой восхитительной страны, мы обычно приходим к выводу...

– Нам еще неизвестно, чем это вызвано, – заметил Риттер. – Сейчас их самолет совершает посадку во Франкфурте, затем пройдет еще десять часов, прежде чем мы сможем расспросить их. Под их контролем работал наш агент...

– ...являвшийся помощником маршала Язова – полковник М. С. Филитов. Это нам удалось установить. Сколько времени он работал на вас?

– Его завербовал один из наших людей, – ответил судья Мур. – Он тоже был полковником.

– Неужели вы имеете в виду... Олега Пеньковского?... Что за чертовщина! – Чарлстон был явно потрясен, заметил Райан. Такое случалось редко. – С тех самых пор?

– С тех самых, – кивнул Риттер. – Однако его все-таки раскрыли. Он работал слишком долго.

– А эта Ванеева, которую мы переподчинили вам в качестве связной, составляла часть канала...

– Да. Между прочим, в этом канале связи она не выходила ни на один из его концов. Нам известно, что ее, вероятно, арестовали, но теперь она снова вернулась в Госплан, где и служит. Мы еще не занимались ее проверкой, но...

– А мы сделали это, Боб. Наш человек доложил, что она как-то изменилась. Он сообщает, что происшедшие изменения трудно описать, но невозможно не заметить. Напоминает древние легенды о «промывании мозгов», как это говорится у Оруэлла и тому подобное. Наш человек обратил внимание, что она свободна – насколько там это возможно, – и объяснил это влиянием ее отца. Затем мы узнали, что в Министерстве обороны произошел крупный скандал – арестован личный помощник маршала Язова. – Чарлстон сделал паузу и помешал ложечкой кофе. – У нас есть в Кремле источник, который мы всячески оберегаем. Нам стало известно, что председатель КГБ Герасимов на прошлой неделе провел несколько часов, беседуя с Александровым при достаточно необычных обстоятельствах. Этот же источник предупредил нас, что Александров всячески стремится помешать дальнейшему развитию перестройки, которую так поддерживает Нармонов.

– Ну что же, все ясно, правда? – задал риторический вопрос Чарлстон. Действительно, все было ясно для каждого из присутствующих. – Герасимов принудил перейти на свою сторону члена Политбюро, считавшегося лояльным по отношению к Нармонову, сумел по меньшей мере скомпрометировать министра обороны и проводит много времени с человеком, стремящимся сместить Нармонова. Боюсь, ваша операция дала толчок событиям, последствия которых могут оказаться самыми плачевными.

– И не только это, – добавил директор ЦРУ. – Наш агент собирался передать нам сведения по советским исследованиям в области стратегической оборонной инициативы. Не исключено, что русским удалось сделать колоссальный скачок вперед.

– Великолепно, – отозвался Чарлстон. – Нам предстоит возвращение в отнюдь не добрые старые времена, только на этот раз

термин «ракетная пропасть» будет соответствовать действительности, верно? Я слишком стар, чтобы менять свои политические взгляды. Очень жаль. Вам, разумеется, известно об утечке информации из вашей собственной программы исследований?

– Да? – произнес судья Мур с непроницаемым лицом.

– Герасимов сказал об этом Александрову. К сожалению, больше никаких подробностей, за исключением того, что КГБ считает это исключительно важным.

– К нам поступили сигналы. Этим вопросом занимаются, – ответил судья Мур.

– Ну и ладно. Технические проблемы обычно улаживаются сами собой. А вот возникшая политическая проблема изрядно беспокоит премьер-министра. Неприятности возникают даже тогда, когда мы содействуем падению правительства, которое нам хотелось бы свергнуть, но сделать это по чистой случайности...

– Нас тоже тревожат возможные последствия этого скандала, Бэзил, – заметил адмирал Грир. – Но мы не видим, какие меры можно предпринять, чтобы изменить создавшуюся ситуацию.

– Вы могли бы согласиться с предложенными русскими условиями договора, – предложил Чарлстон. – Тогда положение Нармонова настолько укрепитя, что он даст под зад Александрову. Такова, во всяком случае, неофициальная позиция правительства Ее Величества.

Это и является настоящей причиной вашего визита к нам, сэр Бэзил, подумал Райан. Он больше не мог молчать.

– Тогда мы будем вынуждены излишне ограничить наши исследования в области СОИ и сократить число боеголовок, отдавая себе отчет в том, что русские стремительно совершенствуют свою программу звездных войн. Не думаю, что это будет разумным решением проблемы.

– А правительство во главе с Герасимовым является разумным решением проблемы?

– Не исключено, что мы в любом случае будем вынуждены с этим примириться, – ответил Райан. – Я уже закончил составление оценки позиции на переговорах по ограничению вооружений. Моя рекомендация состоит в том, чтобы не делать дополнительных уступок.

– Письменный документ всегда можно изменить, – напомнил Чарлстон.

– Сэр, я придерживаюсь твердого правила: если готовится что-то от моего имени, там излагается моя точка зрения, а не мнение того, кто диктует мне, что следует писать в этом документе, – произнес Райан.

– Не забывайте, господа, что я ваш друг. Будущая судьба советского правительства имеет несравненно большее значение для Запада, чем временное ограничение одной из ваших оборонных программ.

– Президент не согласится, – покачал головой Грир.

– Может быть, у него не будет другого выхода, – заметил судья Мур.

– Но ведь должен же найтись и другой выход, – произнес Райан,

– Только один – если вы сумеете сбросить Герасимова. – Это был голос Риттера. – Мы не сможем оказать Нармонову никакой непосредственной помощи. Даже если предположить, что он прислушивается к нашим предостережениям – а он, наверно, не пойдет на это, – мы только увеличим существующую опасность из-за вмешательства в их внутренние дела. Стоит остальным членам Политбюро заметить что-то неладное... думаю, это приведет к открытому расколу.

– А вдруг мы сможем сделать это? – спросил Райан.

– Что именно? – бросил Риттер.

17. Заговор

Энн снова приехала в «Листья Евы» раньше обычного, заметила хозяйка магазина. С привычной улыбкой на лице она выбрала платье и пошла с ним в примерочную. Уже через минуту она стояла перед высокими, во весь рост, зеркалами и еще равнодушнее обычного выслушивала обычные комплименты относительно того, как хорошо выглядит в этом платье. И на этот раз Энн расплатилась наличными, не забыв обаятельно улыбнуться перед уходом.

Когда она вышла из магазина и села в машину, улыбка исчезла с ее лица. Капитан Бизарина нарушила правила профессии – она вскрыла капсулу и прочитала содержание записки. Тут же последовало короткое, но отвратительное ругательство. Записка была написана на одном листке. Бизарина закурила сигарету от газовой зажигалки, а затем сожгла записку в пепельнице автомобиля.

Сколько работы пропало даром! А ведь ее донесение уже в Москве, с ним уже занимаются, содержащиеся в нем данные анализируют. Она оказалась в глупейшем положении. Но еще неприятнее было то, что ее агент действовала совершенно честно, она передавала материалы, по ее мнению совершенно секретные, и, узнав, что программу отменили, тут же сообщила об этом. Бизарина даже не сможет сорвать на ней злобу, передав хотя бы небольшую часть выговора, который непременно последует из-за напрасной траты ценного времени из Московского центра.

Ничего не поделаешь, они предупреждали меня об этом. Это первый случай, но уж никак не последний. Она поехала домой и сразу после возвращения послала шифровку.

Кэти и Джек Райан не были завсегдатаями вечерних коктейлей, постоянно проводимых то в одном месте Вашингтона, то в другом, но им все же приходилось иногда появляться на приемах. Этот прием был организован для того, чтобы собрать деньги на нужды детской

больницы округа Колумбия, и жена Райана была хорошей знакомой главного хирурга больницы. Гвоздем вечера было выступление знаменитого джазового музыканта. В этой больнице спасли жизнь его внучке, и теперь он согласился в знак благодарности дать бесплатный сольный концерт в «Кэннеди-сентер». Предполагалось, что во время приема высшее общество Вашингтона получит возможность встретиться со знаменитым исполнителем «лицом к лицу» и столичная элита сможет услышать его саксофон в камерной обстановке. На самом деле, как это случается почти на всех приемах для «сильных мира сего», основной целью вечера являлось увидеть друг друга и таким образом подтвердить свою значимость. И подобно тому как это происходит во всем мире, элита считала необходимым хорошо заплатить за такую привилегию. Джек понимал природу этого явления, хотя и считал его абсурдом. К одиннадцати вечера вашингтонская элита сумела доказать, что ее представители умеют вести столь же глупые разговоры на такие же малозначащие темы и напиваются, как и все остальные в мире. Кэти ограничилась одним бокалом белого вина, тогда как Джек получил возможность пить вволю – он выиграл, вытянув жребий, так что машину обратно поведет жена. Этим вечером он воспользовался предоставившимся шансом, пил бокал за бокалом, несмотря на укоризненные взгляды, которые бросала на него Кэти, и чувствовал себя великолепно, все время улыбаясь. В голове у него проносились столь глубокие философские мысли, что Джек даже подумал – а не переигрывает ли он, не хватил ли лишку. И тут же успокаивал себя – все в порядке, не должно быть ни малейших подозрений в том, что это подготовлено и обдумано заранее. Он только надеялся, что предстоящий инцидент пройдет гладко.

Забавным было то, как относились к Райану. Обязанности, которые он исполнял в ЦРУ, всегда выглядели несколько неопределенно. Завязывая разговор, обычно начинали со слов: «Ну как дела в Лэнгли?» – причем, как правило, заговорщицким тоном, а ответ Джека, что ЦРУ представляет собой обычное правительственное учреждение, огромное здание, в котором ходит масса документов из одного отдела в другой, удивлял большинство интересующихся. Считалось, что у ЦРУ повсюду тысячи активно действующих полевых агентов. Реальная цифра оперативников была, разумеется, секретной, но по крайней мере на порядок меньше.

– Мы работаем, как все правительственные учреждения, восемь часов с перерывом на обед, – объяснял Джек хорошо одетой даме со слегка расширенными зрачками. – А вот у меня завтра выходной.

– Неужели?

– Вот именно. Дело в том, что во вторник я прикончил китайского агента и за – это нам всегда предоставляют отгул, – произнес он серьезным тоном и тут же ухмыльнулся.

– Вы шутите!

– Ну конечно, шучу. Никому не говорите, что я рассказал вам об этом, – заметил Райан. Интересно, кто эта великовозрастная красотка? – подумал он,

– А это правда, что вы находитесь под следствием? – послышался чей-то голос.

Джек повернулся и с удивлением посмотрел на любопытного.

– Вы кто такой?

– Скотт Браунинг, «Чикаго трибюн», – Репортер не протянул руку. Итак, игра началась. Репортер не знал, что является одним из участников спектакля, но Райан это знал.

– Вы не могли бы еще раз повторить свой вопрос? – вежливо сказал Джек.

– Мы получили сведения из достоверных источников, что ведется расследование ваших незаконных операций на фондовой бирже.

– Для меня это новость, – ответил Джек.

– Нам известно, что вас допрашивали следователи из Комиссии по ценным бумагам и биржевым операциям, – заявил репортер.

– Если вы знаете об этом, то не можете не знать, что я предоставил все сведения, которые им требовались, и они ушли вполне удовлетворенными.

– Вы уверены в этом?

– Разумеется. Я не совершил ничего противозаконного, и в моем распоряжении имеются документы, доказывающие это, – уверенно произнес Райан, может быть, слишком уверенно, заметил репортер. Он прямо-таки обожал, когда люди, с которыми ему приходится беседовать, пьют слишком много. *In vino veritas.*

– Мои источники, однако, утверждают другое, – продолжал настаивать репортер.

– Ничем не могу помочь! – бросил Райан. На этот раз спокойствие покинуло его и голос прозвучал громче, чем следовало. Стоящие поблизости повернулись к ним, не скрывая любопытства.

– Может быть, из-за таких, как вы, и не действуют должным образом наши спецслужбы, – раздался голос только что подошедшего мужчины.

– А вы кто такой, черт побери? – раздраженно спросил Райан, прежде чем обернуться. Спектакль продолжался. Акт I, сцена 2.

– Это конгрессмен Трент, – сообщил репортер. Трент входил в состав Специального комитета конгресса.

– Мне кажется, вам следовало бы извиниться, – произнес Трент. Он казался пьяным.

– За что? – осведомился Райан.

– Как за что? Да за все идиотские глупости, которые вы творите в своей крепости на том берегу реки.

– В отличие от тех, что творятся на этой стороне? – поинтересовался Джек. Вокруг начала собираться толпа. Здесь развлечение казалось многообещающим.

– Я знаю, что вы попытались только что осуществить и сели голым задом в лужу. Даже не сообщили нам, как этого требует закон. Решили действовать самостоятельно, и теперь я предупреждаю вас, что даром вам это не пройдет. Придется расплачиваться за свою глупость, и дорогой ценой.

– Если нам придется расплачиваться за ваши счета в баре, то действительно это обойдется недешево. – Райан отвернулся, потеряв интерес к дальнейшему разговору.

– Подумаешь, шишка на ровном месте, – произнес Трент за его спиной, – Скоро и на вас найдут управу.

Вокруг собралось человек двадцать, внимательно следящих за происходящим и прислушивающихся к разговору. Они обратили внимание на то, что Джек взял бокал вина у проходившего мимо официанта, и увидели, как у него сжались губы. Некоторые вспомнили, что Джеку Райану приходилось убивать людей, и эта репутация придавала ему ореол таинственности. Он отпил глоток шабли, перед тем как снова взглянуть на конгрессмена.

– О какой управе вы говорите, мистер Трент?

– Это может удивить вас.

– Никакие ваши действия не удивят меня, приятель.

– Может быть, но вот вы удивили нас, доктор Райан. Мы не считали вас мошенником и полагали, что вы достаточно умны, чтобы не принимать участия в этом провале. Теперь вижу, что мы ошибались.

– Вы ошибаетесь во многих вещах, – прошипел Райан.

– Знаете что, Райан? Я вот никак не могу понять, что вы за мужчина.

– В этом нет ничего удивительного.

– Итак, что вы за мужчина? – спросил Трент.

– Знаете, конгрессмен, для меня это может оказаться уникальным событием, – беспечно бросил Райан,

– Что вы хотите этим сказать?

Внезапно лицо Райана изменилось. Его голос прогремел по всему залу:

– Впервые педераст сомневается в том, что я – мужчина! – Извини друг, промелькнула у него мысль...

В зале воцарилась полная тишина. Трент не скрывал своей сексуальной ориентации, объявив об этом шесть лет назад. И все-таки он побледнел. Бокал у него в руке задрожал, вино пролилось на мраморный пол, но конгрессмен взял себя в руки и произнес едва ли не мягким голосом:

– Вы дорого заплатите за это.

– Не торопитесь, миленький. – Райан повернулся и вышел из зала, все время чувствуя тяжесть взглядов у себя на спине. Он не останавливался, пока не увидел автомобили, мчащиеся по Массачусетс-авеню. Джек знал, что выпил слишком много, но холодный воздух начал выветривать винные пары.

– Джек? – Голос жены.

– Да, крошка?

– Что все это значит?

– Не имею права говорить об этом.

– Думаю, тебе пора отправляться домой.

– А я думаю, что ты права. Сейчас схожу за пальто. – Райан вошёл внутрь и передал номерок. Он заметил, как стихли голоса в зале после его возвращения. Чувствовал, что на него смотрят. Джек сунул руки в рукава своего пальто, перекинул меховую шубку жены через руку и

лишь после этого обернулся, встретив устремленные на него взгляды. Его интересовала лишь одна пара глаз. Они смотрели на него.

Михаила Семеновича трудно было удивить, но КГБ это удалось. Он был готов сопротивляться пыткам, жестоким избиениям и оказался... разочарован? – спросил он себя. Нет, это не слишком подходящее слово.

Его держали в той же камере, и, насколько он понимал, во всем блоке больше никого не было. Он, наверно, ошибался, но у него не было доказательств, что кто-то еще находится вблизи него, потому что не было слышно никаких звуков, даже перестукивания по бетонным стенам. Может быть, стены были слишком толстыми для этого. Единственное, что нарушало тишину, – это металлический скрежет открывающегося время от времени глазка в металлической двери. Они полагают, что одиночество должно оказать на меня какое-то воздействие. При этой мысли Филитов улыбнулся. Они думают, что я здесь один. Им ничего не известно о моих товарищах.

Всему этому возможно лишь одно объяснение – этот Ватутин боится, что Филитов может действительно оказаться невиновным. Вот только непонятно почему, подумал Михаил Семенович, ведь этот чекистский ублюдок забрал кассету с пленкой из моей руки.

Филитов пытался разобраться в происходящих событиях, глядя на голую бетонную стену, но так и не сумел.

Однако если они надеются испугать его, то будут разочарованы. Филитов слишком часто обманывал смерть. Что-то в его сознании даже желало смерти. Тогда, может быть, он сможет встретить своих товарищей. Ведь он разговаривал с ними, правда? А вдруг они все еще... ну, если не живы, то хотя бы не совсем мертвы, а? Что такое смерть? Сейчас наступил такой момент в его жизни, что этот вопрос стал чисто философским. Разумеется, рано или поздно он узнает это. Ответ на этот вопрос не раз казался совсем близким, стоит лишь протянуть руку, но всегда ускользал от него...

Щелкнул открывающийся замок, и заскрипели ржавые петли двери.

– Почему вы не смажете их? Все металлические детали работают лучше, если их регулярно смазывать, – сказал он, вставая с койки.

Надзиратель молча жестом указал на выход из камеры – В коридоре стояли два молодых охранника, безбородые мальчишки лет по двадцать, подумал Михаил Семенович, с высокомерным выражением на лице, свойственным всем служащим КГБ. Сорок лет назад он мог бы стереть это высокомерие с их лиц, сказал себе Филитов. В конце концов, они безоружны, а он – кадровый офицер, сражался в бесчисленных боях и для него убивать людей так же естественно, как дышать. Эти парни – ненастоящие солдаты, он определил это с первого взгляда. Гордость и высокомерие – приятные чувства, но солдат должен всегда быть настороже...

Вдруг ответ именно в этом? – внезапно подумал Филитов. Ватутин обращается со мной осторожно, несмотря на то что знает...

Но почему?

– Что все это значит? – спросил Манкузо.

– Трудно ответить на этот вопрос. – отозвался Кларк, – Возможно, какой-нибудь кретин в Вашингтоне никак не может принять решение. Такое часто случается.

Две шифровки прибыли в течение последних двенадцати часов. В первой говорилось, что операция отменяется, и подводной лодке предлагалось немедленно выйти в открытое море, однако вторая шифровка приказывала «Далласу» оставаться в западной части Балтийского моря и ожидать дальнейших указаний.

– Не люблю, когда меня заставляют ждать.

– Это мало кому нравится, капитан.

– А вы как относитесь к этому? – спросил Манкузо.

Кларк выразительно пожал плечами.

– Трудность ожидания главным образом психологическая. Что-то вроде ожидания начала спортивного матча. Лучше всего не думать об этом, капитан. Я обучаю этому искусству – когда сам этим не занимаюсь.

– Часто?

– Не имею права отвечать на такой вопрос, но почти все операции все равно заканчиваются успешно.

– Почти все? А что происходит, когда они не...

– Тогда случаются по-настоящему волнующие события – для всех. – Кларк улыбнулся. – Особенно для меня. Я мог бы рассказать увлекательные истории, но не имею права. У вас тоже наверняка случалось нечто подобное,

– Раз или два. Жаль, что мы не можем говорить об этом, – жизнь становится скучнее, правда?

Они обменялись понимающими взглядами.

Райан ходил по магазинам в одиночку. Приближался день рождения его жены – он выпадал на то время, когда Джек будет в Москве, и потому нужно было купить подарки заранее. Лучше всего начинать с ювелирных магазинов. Кэти все еще носила золотое кольцо, которое Джек подарил ей несколько лет назад, и теперь он искал подходившие к нему серьги. Однако возникла трудность: он никак не мог припомнить точный рисунок... Тяжелая с похмелья голова, а также постоянное ожидание отнюдь не помогали ему в поисках. Что, если они не поддадутся на приманку?

– Привет, доктор Райан! – послышался знакомый голос. Джек удивленно обернулся.

– Я и не знал, что вам разрешено отъезжать так далеко от центра Вашингтона. – Акт II, сцена 1. Сейчас похмелье играло ему на руку.

– Разрешенный нам радиус проходит через середину универмага «Гарфинкельс», если внимательно посмотреть на карту, – пояснил Сергей Платонов. – Ищете подарок жене?

– Не сомневаюсь, что в моем досье, хранящемся у вас, содержится необходимая информация.

– Да, конечно. Ее день рождения. – Платонов взглянул на витрину. – Жаль, что я не могу позволить себе покупку таких дорогих подарков для своей жены.

– Если вы проявите соответствующее желание, наше управление смогло бы, по-видимому, пойти вам навстречу, Сергей Николаевич.

– Боюсь, что дома меня не поймут, – улыбнулся Платонов. – Эта проблема становится знакомой и вам, не так ли?

– Вы удивительно хорошо информированы, – пробормотал Джек.

– Такова моя работа. Кроме того, я проголодался. Может быть, вы согласитесь использовать часть своего состояния на покупку сэндвича русскому дипломату?

Райан с профессиональной осторожностью оглянулся по сторонам.

– Нет, сегодня меня никто не сопровождает, – усмехнулся Платонов, – Мои коллеги... мои товарищи по работе заняты сегодня больше обычного, и я боюсь, что ваше ФБР не располагает достаточным количеством агентов для непрерывной слежки.

– КГБ, разумеется, не сталкивается с такой проблемой, – заметил Райан, когда они отошли от магазина.

– Вот тут вы можете ошибаться. Интересно, почему американцы так уверены в том, что наши спецслужбы отличаются от ваших?

– Если вы имеете в виду, что и ваши спецслужбы совершают столько же ошибок, эта мысль весьма утешительна. Как относительно «хот дог»?

– Если сосиска из кошерного мяса, – ответил Платонов и объяснил:

– Я не еврей, мне просто нравится вкус.

– Вы слишком долго живете в Америке, – попытался улыбнуться Джек.

– Но Вашингтон и его окрестности мне так нравятся.

Они вошли в кафе быстрого обслуживания, специализирующееся на пышках и кофе, но предлагающее и другие блюда. Обслуживание действительно оказалось на высоте, и они разместились за белым пластиковым столом, стоящим в середине широкого прохода. Отлично выбранное место, с одобрением подумал Джек. Посетители будут проходить совсем рядом и сумеют услышать только несколько случайных слов. Но он знал, что Платонов – настоящий профессионал.

– Я слышал, что вы столкнулись с определенными юридическими трудностями. Очень жаль. – Платонов произнес фразу с широкой улыбкой на лице. Со стороны могло показаться, что они беседуют о самых рядовых вещах, подумал Райан. И тут же пришел к выводу, что его русский коллега получает немалое удовольствие от разговора.

– Вы и впрямь поверили тому, что сказал прошлым вечером этот гомик? Знаете, Сергей Николаевич, я иногда восхищаюсь Россией – тем, как там...

– Наказывают за антиобщественное поведение? Да – пять лет в лагере строгого режима. Открытость нашего нового режима не распространяется на половые извращения. Ваш друг Трент во время своей последней поездки в Советский Союз познакомился с молодым... молодым человеком, который сейчас отбывает наказание в таком лагере. – Платонов не упомянул, что этот молодой человек отказался сотрудничать с КГБ и потому был сурово наказан. Зачем запутывать дело? – подумал он.

– Можете забирать к себе и нашего, – проворчал Джек, – У нас и без него таких пруд пруди. – Он чувствовал себя ужасно; ему казалось, что глаза прямо-таки вываливаются из орбит из-за выпитого накануне вина и недостатка сна.

– Я так и понял. Может быть, прихватить с ним и Комиссию по ценным бумагам и биржевым операциям? – спросил Платонов.

– Я ни в чем не виновен! Ни в чем! Получил сведения от приятеля и купил акции. Мне даже не понадобилось искать их, они были в открытой продаже. Ну заработал немного – что из того? Я пишу доклады по разведывательной деятельности для президента! Я – отличный специалист, а они преследуют меня! После всего, что... – Райан замолчал и уставился воспаленными глазами в лицо Платонова. – А вам до этого какое дело?

– С того самого времени, как мы впервые встретились в Джорджтауне несколько лет назад, признаюсь, я восхищался вами. Например, вы блестяще проявили себя в том случае с террористами. Я не согласен с вашими политическими взглядами, и вы не скрываете, что не согласны с моими. Но я считаю, что вы поступили совершенно правильно, убрав из нашего мира этот сброд, отбросы общества. Вы можете сомневаться в том, что я сейчас скажу, но это правда: я выступал против государственной поддержки таких хищников. Подлинные марксисты, стремящиеся освободить свои народы, действительно нуждаются в нашей поддержке, и мы должны помогать им, чем только можем, но террористы – это бандиты и убийцы, они смотрят на нас, только как на источник оружия и денег. Россия ничего не выигрывает, поддерживая таких подлецов. Давайте забудем о

политике – вы мужественный и честный человек. Я уважаю таких людей. Мне очень жаль, что ваша страна придерживается иной точки зрения. Америка выдвигает лучших своих представителей лишь для того, чтобы всякие недоумки использовали их в качестве мишеней.

На мгновение настороженный взгляд на лице Райана сменился пониманием.

– В этом вы правы, – буркнул он.

– Ну и что теперь они сделают с вами, мой друг?

Джек глубоко вздохнул и бросил взгляд вдоль широкого коридора.

– На этой неделе мне придется обратиться к адвокату. Думаю, он знает, как мне поступить. Вообще-то я надеялся, что до этого дело не дойдет. Мне казалось, что я сумею убедить их поверить мне, но... но этот новый ублюдок в Комиссии по ценным бумагам и биржевым операциям, этот педик, которого Трент... – Снова глубокий вздох. – Трент воспользовался своим влиянием, чтобы его назначили на эту должность. Можно биться об заклад, что эти двое... В общем я согласен с вами. Если у человека должны быть враги, пусть это будут враги, которых по крайней мере можно уважать.

– Неужели ЦРУ не может помочь вам?

– У меня там мало друзей – впрочем, вам это хорошо известно. Слишком быстро сделал карьеру, очень богатый, любимец Грира, хорошие отношения с англичанами. Вот так и появляются враги. Иногда мне приходит в голову, что кто-то из них... я не могу доказать этого, но у нас в Лэнгли такая компьютерная сеть, и все мои операции на фондовой бирже находятся в памяти компьютера... И вы знаете что? Компьютерные знаки может изменить тот, кто знаком с кодом... Но вот попробуйте доказать это, приятель. – Джек достал коробочку аспирина и проглотил две

таблетки. – У нас с Риттером плохие отношения еще с давних пор. Несколько лет назад я поставил его в дурацкое положение, а он не из тех, кто забывает обиду. Может быть, это дело рук одного из его людей... у него есть хорошие специалисты. Адмирал хотел бы помочь, но он стар. Судья уходит из ЦРУ, должен был уйти еще год назад, но все еще цепляется за место – он не сможет помочь, даже если захочет.

– Но президенту нравится, как вы работаете. Нам это известно.

– Президент – юрист, прокурор. Стоит ему почуять, что тебя подозревают в нарушении закона, и... просто поразительно, как

быстро ты остаешься в одиночестве. И в Госдепе есть люди, которые будут рады моим неприятностям. А дело всего лишь в том, что у нас разные точки зрения. Нелегко уживаться в этом городе, да еще оставаться честным.

Да, так оно и есть, подумал Платонов. Первое сообщение они получили от Питера Хендерсона – кодовая кличка «Кассиус», – он снабжал КГБ информацией больше десяти лет, сначала будучи специальным помощником сенатора Доналдсона, возглавлявшего Комитет Сената по вопросам разведки, а когда сенатор ушел в отставку, находясь на посту ведущего аналитика Центрального контрольно-ревизионного управления. В КГБ знали о Райане как о молодом сотруднике, звезда которого стремительно поднималась в Центральном разведывательном управлении США. Когда в Московском центре делалась оценка его возможностей, то сначала Райана считали богатым дилетантом, но такое отношение к нему несколько лет назад изменилось. Он сделал что-то, заставившее президента обратить на него внимание, и теперь почти половина специальных докладов, готовящихся на основе разведывательной информации для президента, проходила через него. Именно Райан оценивал международную ситуацию и писал доклады, попадающие затем в Белый дом. От Хендерсона стало известно, что Райан подготовил обширный материал по ситуации в области ограничения стратегических вооружений, который вызвал негодование Государственного департамента, расположенного в той части Вашингтона, что именовалась Туманной долиной – отсюда это название перешло на весь Госдеп. Однако Платонов уже давно имел собственное мнение о Райане. Он превосходно разбирался в людях и с момента первой встречи в «Галерее» считал Райана умным противником и смелым человеком, но слишком привыкшим к привилегированному положению, а оттого излишне легко приходящим в негодование от нападок на него лично. Искушенный, но странно наивный. То, что Платонов увидел во время ленча, лишь подтвердило его впечатление о Райане. По сути своей он был слишком ярким представителем американского народа. Райан видел все вокруг в черных и белых тонах, считал все либо плохим, либо хорошим. Но самым главным сегодня было то, что Райан раньше чувствовал себя

неуязвимым и лишь теперь начал понимать, что это не так. И потому пришел в ярость.

– Сколько работы – и все напрасно, – произнес Райан через несколько секунд. – Они не собираются принимать во внимание мои рекомендации.

– О чем вы говорите?

– Я говорю о том, что проклятый Эрнест Аллен убедил президента сделать вопрос о СОИ предметом переговоров. – Платонову понадобилась вся его профессиональная сдержанность, чтобы не вздрогнуть при этих словах. Райан продолжал:

– Все псу под хвост. Они не согласились с моими доводами – и все из-за идиотской биржевой операции. Управление не поддерживает меня, хотя надо бы. Меня выбрасывают на помойку. А я ничего не могу предпринять, чтобы добиться своего. – Джек сунул в рот последний кусок сэндвича.

– Всегда можно принять меры, – посоветовал Платонов.

– Месть? Я думал об этом. Хотел обратиться в газеты, но «Вашингтон пост» намеревается опубликовать статью относительно расследования, проводимого Комиссией по ценным бумагам и биржевым операциям. Кто-то в Конгрессе настраивает всех против меня. Думаю, это Трент. Наверняка это он натравил вчера на меня репортера, подонок. Если я попытаюсь рассказать правду, кто меня послушает? Боже, Сергей, даже сейчас, сидя и разговаривая с тобой, я очень рискую.

– Почему?

– А как ты думаешь – почему? – Райан позволил себе улыбнуться, но улыбка тут же исчезла с его лица. – Я не пойду в тюрьму, Лучше уж умереть, чем быть опозоренным. Черт побери, я рисковал жизнью, когда этого требовали обстоятельства. Ты знаком с некоторыми из них, но ничего не знаешь об одном. Представляешь, я рисковал жизнью за свою страну, а они хотят отправить меня в тюрьму!

– Может быть, мы сумеем помочь.

Наконец– то, подумал с облегчением Райан.

– Как? Предоставите мне политическое убежище? Хватит шутить! Ты действительно считаешь, что я смогу жить в вашем рабоче-крестьянском раю?

– Нет, но если нас заинтересовать, мы могли бы изменить создавшуюся ситуацию. На суде будут выступать свидетели. С ними могут произойти несчастные случаи...

– Не говори чепухи! – Райан наклонился вперед, – Мы не занимаемся мокрыми делами в вашей стране, а вы – в нашей.

– У всего есть своя цена. Уж ты-то должен знать это лучше меня. – Платонов улыбнулся. – Например, «провал», о котором упомянул вчера мистер Трент. О чем может идти речь?

– Откуда я знаю, на кого ты работаешь? – нервно спросил Райан.

– Что? – Платонов был явно удивлен. Джек заметил это, несмотря на головную боль.

– Ты хочешь, чтобы я заинтересовал вас? Учти, Сергей, я рискую жизнью. И не думай, что это так просто лишь потому, что мне один раз уже угрожала смертельная опасность. У нас есть агент в Московском центре. Занимает очень высокий пост. А теперь твоя очередь – что получу я в обмен на его имя?

– Свободу, – ответил Платонов без колебаний. – Если он действительно такой большой человек, мы пойдем на что угодно. – В течение целой минуты царил тишина. Они смотрели друг на друга, словно во время игры в карты, словно ставкой было все, чем они располагали, – и у Райана, казалось, карты похуже. Платонов не отводил взгляда от глаз американца и с удовлетворением понял, что побеждает.

– В конце недели я вылетаю в Москву – если только эта история с биржей не попадет в газеты, потому что тогда мне конец. Так вот, то, что я тебе рассказал, приятель, не пойдет по обычным каналам. Единственный человек, в котором я уверен, – это сам Герасимов, он не принадлежит к тем, кого я подозреваю. Мои сведения поступают прямо к председателю КГБ, непосредственно на его имя, – в противном случае я ничего не скажу.

– А почему я должен поверить, что тебе известно имя агента? – Платонов давил на Райана, но осторожно.

Теперь настал черед Джека. Его козырная карта оказалась тузом. Он улыбнулся про себя.

– Имя агента мне неизвестно, но я знаком с поступающей от него информацией. После того как я сообщу вам содержание четырех донесений, присланных «Дирижером» – это его кодовая кличка, –

ваши следователи сами справятся с остальным. Если твое донесение будет направлено по обычным каналам, я скорее всего буду убит до того, как поднимусь на борт самолета. Теперь ты понимаешь, какой высокий пост он занимает? Кроме того, откуда я знаю, что ты сдержишь слово?

– В разведывательном сообществе приходится держать данное тобой слово, – заверил его Платонов.

– Тогда передай своему председателю, что я хочу встретиться с ним. Пусть организует встречу. С глаза на глаз, и никаких фокусов.

– Встретиться с председателем КГБ? Председатель не...

– В таком случае я найму лучшего адвоката и пойду на риск попасть под суд. Я не собираюсь идти в тюрьму за государственную измену – такой вариант меня тоже не устраивает. Это мои условия, товарищ Платонов, – закончил Райан. – Счастливого пути.

Джек встал и направился к выходу. Платонов не последовал за ним и остался сидеть. Он оглянулся по сторонам, нашел своего охранника, и тот дал ему знак, что встреча прошла незамеченной.

Теперь Платонову нужно было принять решение. Следует ли верить Райану? «Кассиус» считал, что следует.

Он руководил действиями агента под кличкой «Кассиус» на протяжении трех лет. Информация, поступающая от Питера Хендерсона, всегда оказывалась достоверной. Русские воспользовались этой информацией, чтобы выследить и арестовать полковника Ракетных войск стратегического назначения, работавшего на ЦРУ, получали бесценные стратегические и политические сведения и даже имели доступ к совершенно секретной американской аналитической информации по «Красному Октябрю» в прошлом... нет, в позапрошлом году, да, конечно, в позапрошлом году, незадолго до того, как сенатор Доналдсон ушел в отставку. А теперь «Кассиус» работал в Центральном контрольно-ревизионном управлении и получал сведения сразу из двух источников: он имел прямой доступ к секретной информации, связанной с обороной страны, и сумел сохранить все политические связи в конгрессе. Некоторое время назад «Кассиус» сообщил им, что ведется расследование деятельности Райана на фондовой бирже. В то время это было всего лишь слухом, чего никто не воспринял всерьез. Американцы постоянно ведут расследования друг о друге. Это у них что-то вроде национального

вида спорта. Затем Платонову снова сообщили о том же самом, далее последовал скандал Райана с Трентом. Неужели такое действительно возможно?...

Агент ЦРУ в высшем эшелоне КГБ, подумал Платонов. Разумеется, существовал принятый порядок передачи особо важных данных непосредственно председателю КГБ. В Комитете государственной безопасности были готовы ко всяким неожиданностям. Но после того как Платонов пошлет такую шифровку, она будет поставлена под особый контроль. Всего лишь намек на то, что у ЦРУ имеется агент среди самой верхушки КГБ...

Однако существовало еще одно соображение.

После того как доктор Райан проглотит наживку и вступит в контакт с КГБ, он будет навсегда принадлежать нам. Может быть, он не понимает, что одноразовый обмен информацией невозможен, надеется, что больше никогда... нет, более вероятно, что он находится в таком отчаянном положении, что даже не думает об этом. Какую же информацию мы сможем получить от него?

Специальный помощник заместителя директора ЦРУ по разведке! Почти вся разведывательная информация должна проходить через него! Завербовать столь ценного агента – такого не происходило со времен Филби, а это случилось больше пятидесяти лет назад!

Но достаточно ли это важно, чтобы нарушить правила? – задал себе вопрос Платонов, допивая кофе. На его памяти КГБ не нарушало существующего джентльменского соглашения между двумя спецслужбами – ни разу на территории США не было совершено ни единого акта насилия. Однако насколько прочны эти правила, когда в перспективе маячит такой сказочный приз? Что, если с одним американцем – или с двумя – произойдет автомобильная катастрофа или случится сердечный приступ? Это тоже должно быть одобрено председателем КГБ. Платонов представит свои соображения и поддержит подобные меры. Он не сомневался, что его действия получат одобрение.

Дипломат был аккуратным человеком. Он вытер губы бумажной салфеткой, засунул ее в картонный стаканчик и отнес все к ближайшей урне. На столе не осталось ничего, что говорило бы о его присутствии здесь.

Лучник был уверен, что они сумеют победить. Когда он объявил о предстоящей операции, его подчиненные отреагировали в высшей степени положительно. Мрачные улыбки, одобрителные кивки. Наибольший энтузиазм проявил новый член моджахедов, бывший майор афганской армии. Они собрались в палатке, уже на территории Афганистана, и в течение пяти напряженных часов разработали план операции.

Лучник оценил первый этап, уже совершенный. В распоряжении моджахедов находилось шесть грузовиков и три бронетранспортера БТР-60. Некоторые из них были повреждены, но этого следовало ожидать. С убитых солдат марионеточной армии сняли обмундирование. Одиннадцать человек, оставшихся в живых, подверглись допросу. Они, разумеется, не примут участия в операции, но, если докажут свою лояльность, им позволят вести боевые действия в составе других партизанских отрядов. Что касается остальных...

Бывший офицер афганской армии собрал карты и радиокоды. Он был знаком со всеми правилами, которые так тщательно преподавались русскими их афганским «братьям».

В десяти километрах отсюда, прямо на север, на шоссе, ведущем в Шейхабад, размещался батальонный лагерь. Бывший майор связался с ним по радио, сообщил, что «Подсолнух» отразил нападение душманов, понеся лишь небольшие потери, и движется в направлении лагеря. Командир батальона дал разрешение.

Моджахеды погрузили несколько окровавленных трупов на бронетранспортеры. Хорошо подготовленные бывшие военнослужащие афганской армии заняли места у крупнокалиберных пулеметов на БТР-60, и колонна, соблюдая предписанный строй, двинулась по усыпанному гравием шоссе. Лагерь батальона находился на противоположном берегу реки. Через двадцать минут моджахеды увидели его. Мост был давно уничтожен, но русские саперы насыпали в реку достаточное количество гравия, чтобы образовался брод. У сторожевого поста на восточном берегу реки колонна остановилась. Майор знал пароль, и им было разрешено начать переправу. Один за другим грузовики и бронетранспортеры перебирались на другой берег. Река замерзла, и приходилось следовать по линии вешек, чтобы не

провалиться в глубокие омуты под растрескавшимся льдом. Еще пятьсот метров.

Лагерь размещался на небольшом холме. Его окружали блиндажи из бревен и мешков с песком. В каждом из них недоставало солдат. Лагерь размещался на хорошо выбранном месте, и от блиндажей открывались широкие поля обстрела, но огневые точки были полностью готовы к отражению нападения лишь ночью. В лагере находилась только одна рота стрелков – остальные патрулировали холмы вокруг базы. К тому же колонна прибыла в лагерь во время обеда. От ворот открывался вид на стоянку грузовиков и бронетранспортеров.

Лучник был в первом грузовике. Лишь сейчас он подумал о том, следовало ли ему так доверять бывшему майору, перешедшему на сторону моджахедов, но он сразу понял, что размышлять об этом сейчас поздно.

Командир батальона вышел из своего блиндажа, не успев прожевать пищу. Он смотрел, как с грузовиков спрыгивают солдаты, ждал, когда появится командир подразделения, и с раздражением увидел, как открылась боковая дверца бронетранспортера и оттуда появился человек в форме офицера.

– Кто вы такой, черт побери? – ворчливо спросил он.

– Аллах акбар! – раздался пронзительный крик майора, и длинной очередью из автомата он срезал командира базы. Крупнокалиберные пулеметы на бронетранспортерах загрохотали, убивая афганских солдат, сидящих за обедом, а люди Лучника устремились к блиндажам. Через десять минут сопротивление прекратилось – у защитников базы не было никаких шансов отразить нападение почти сотни хорошо вооруженных моджахедов, сумевших проникнуть внутрь укрепленного лагеря. Двадцать человек было взято в плен. Среди них оказалось трое русских – два лейтенанта и сержант-связист. Их расстреляли на месте. Остальных взяли под стражу, и люди майора бросились к стоянке транспорта.

Они захватили там два бронетранспортера и четыре грузовика. Теперь у моджахедов было достаточно транспортных средств. Все остальное они сожгли. С собой захватили четыре миномета, полдюжины пулеметов и собрали все обмундирование. Затем полностью уничтожили лагерь. В первую очередь – средства связи,

особенно радиооборудование. Его сначала разбили прикладами, потом сожгли. С захваченными в плен солдатами оставили несколько охранников – пленным предоставят возможность присоединиться к моджахедам или умереть, демонстрируя свою преданность неверным.

Отсюда до Кабула оставалось пятьдесят километров. Увеличившаяся колонна быстро продвигалась на север. По пути к ним присоединялись люди Лучника, запрыгивавшие на грузовики и бронетранспортеры. Теперь в его отряде было двести человек, вооруженных и одетых подобно солдатам афганской армии,двигающимся на север на русских транспортных средствах.

Самым опасным врагом сейчас было время. Через полтора часа они достигли окрестностей Кабула и натолкнулись на первый контрольно-пропускной пункт.

При виде такого количества русских солдат по спине Лучника покатился холодный пот. После наступления темноты – ему это было известно – русские возвращались на свои укрепленные базы, доверяя патрулирование ночных улиц афганским солдатам, но даже заходящее солнце не могло убедить Лучника, что он в безопасности. Проверка была более поверхностной, чем он ожидал, и майор сумел провести колонну через все КПП, пользуясь документами и паролями, которые он получил на только что уничтоженной базе батальона. Самым главным, однако, было то, что маршрут колонны пролегал в обход самых строго охраняемых районов столицы. Меньше чем через два часа Кабул остался позади, и моджахеды продолжали движение под покровом спасительной темноты.

Колонна двигалась до тех пор, пока не кончилось топливо. Моджахеды спрыгнули на землю и скатили грузовики и бронетранспортеры с дороги. Европейцы были бы удивлены тому облегчению, с которым моджахеды бросали транспорт, хотя отныне им придется нести оружие и снаряжение на себе. Отдохнув, партизаны двинулись в горы, держась направления на север,

Сегодня у меня одни плохие новости, подумал Герасимов, глядя на полковника Ватутина.

– Что вы хотите сказать, полковник, – арестованный отказывается давать показания?

– Товарищ председатель, наши медики объяснили мне, что любая попытка использовать новую технику допроса или иного физического принуждения – слово «пытка» больше не употреблялось в штаб-квартире КГБ – может привести к смерти арестованного. Поскольку вы настаиваете на его признании, нам приходится прибегать к... примитивным методам допроса. Арестованный оказался крепким человеком. Психологически он намного выносливее, чем мы ожидали, – произнес Ватутин, стараясь сохранять спокойствие. В это мгновение он был готов на убийство ради стакана водки.

– А все потому, что вы не сумели должным образом произвести его арест! – холодно заметил Герасимов. – Я так надеялся на вас, полковник. Мне казалось, что вы далеко пойдете, что вам пора присвоить следующее звание. Вы полагаете, я ошибался, товарищ полковник? – спросил он.

– Вы поручили мне расследование этого дела, товарищ председатель, чтобы я разоблачил предателя нашей родины. – Потребовалось все самообладание Ватутина, чтобы сдержаться и не вздрогнуть, услышав слова Герасимова. – По моему мнению, я уже сделал это. Нам известно, что он совершил измену, передавая врагу секретные сведения. У нас есть доказательства...

– Язов считает, что этого недостаточно,

– Контрразведкой занимается КГБ, а не Министерство обороны.

– Попробуйте объяснить это нашему генеральному секретарю, – пробормотал Герасимов, гнев которого зашел слишком далеко. – Полковник Ватутин, я должен получить это признание.

Герасимов надеялся, что сегодня добьется еще одного успеха на поприще разведки, но шифровка «молния», поступившая из Америки, положила конец этим надеждам. Но, что еще хуже, теперь он узнал, что разведывательная информация, поступившая накануне и уже переданная им по назначению, является неверной. В шифровке говорилось, что агент «Ливия» извиняется, но компьютерная программа, высланная в адрес Московского центра через капитана Бизарину, оказалась, к сожалению, устаревшей. Таким образом, сведения, имеющиеся в распоряжении Герасимова, с помощью которых он надеялся уладить отношения между КГБ и новым

многообещающим проектом Министерства обороны, теперь бесполезны.

Ему нужно, позарез нужно получить признание от Филитова, и это признание не должно быть получено с помощью пыток. Всем известно, что, прибегнув к пыткам, легко получить что угодно – все, что требуется ведущим допрос, большинство пытаемых сообщают без промедления. Но Герасимову нужно было достоверное признание, которое он сможет продемонстрировать в Политбюро, потому что его члены больше не испытывали безграничного страха перед КГБ и не поверят Герасимову на слово.

– Ватутин, мне нужно признание, и как можно скорее. Сколько времени вам потребуется для этого?

– С использованием методов, которые теперь нам приходится применять, – не больше двух недель. Мы можем лишить его сна. Для этого потребуется время, потому что старики нуждаются в сне меньше молодежи. Он постепенно утратит связь с действительным миром и сломается. Принимая во внимание то, что мы знаем об этом человеке, можно предположить, что он будет сопротивляться изо всех сил, собрав все свое мужество – а в мужестве ему не откажешь. И все-таки он всего лишь человек. Да, нам потребуется две недели, – закончил Ватутин, зная, что десяти дней будет достаточно. Но лучше уж сообщить об успехе раньше, чем позже.

– Хорошо. – Герасимов сделал паузу. Теперь надо подбодрить полковника:

– Ватутин, честно говоря, вы образцово вели расследование, несмотря на неудачное завершение последнего этапа. Ожидать идеального хода расследования во всех его фазах было бы неразумно, а политические последствия не имеют к вам отношения, и вас нельзя винить в них. Если вы сумеете добиться успеха и выполнить мое поручение, награда будет соответствовать важности поставленной задачи. Продолжайте работу.

– Спасибо, товарищ председатель.

Герасимов смотрел вслед уходящему полковнику, пока за ним не закрылись двери, и затем вызвал свою машину.

Председатель Комитета государственной безопасности никогда не ездит в одиночку. Его личный автомобиль – «ЗИЛ» ручной сборки, похожий на огромную американскую машину, которыми пользовались

тридцать лет назад, – всегда сопровождала еще более безобразная внешне «Волга», полная телохранителей, которых отбирали для этой службы за искусство владения оружием, умение сражаться в рукопашной схватке и беспредельную преданность председателю. Герасимов, разместившись на середине заднего сиденья, следил за тем, как мимо окон автомашины мелькают московские здания. «ЗИЛ» мчался по центральной разграничительной полосе широких улиц. Скоро он выехал за пределы города, направляясь в сторону лесов, где в 1941 году остановили немцев.

Многие из военнопленных – те, что остались в живых после эпидемии тифа и плохой пищи, – строили эти дачи. Несмотря на то что русские по-прежнему ненавидели немцев, «номенклатура» – правящий класс этого бесклассового общества – высоко ценила мастерство немецких рабочих. Непременным украшением домов русской элиты являлись электроника «Сименса», бытовая техника фирмы «Блаупункт», причем не в меньшей степени, чем газета «Правда» и служебные экземпляры белого «ТАСС» с новостями, не проходящими через цензуру. Деревянные дома, расположенные в сосновых лесах к западу от Москвы, были выстроены ничуть не хуже, чем те, которые возводились в царское время. Герасимову часто приходила в голову мысль: а что случилось потом с теми немецкими солдатами, трудом которых возводились эти дома? Впрочем, это не имело никакого значения.

Служебная дача академика Михаила Петровича Александрова ничем не отличалась от остальных – два этажа, деревянные стены выкрашены в кремовый цвет, крутая крыша, как у домов в германском Черном лесу. Подъездная дорога представляла собой извилистую узкую полосу, усыпанную гравием, проходящую среди деревьев. У дома стоял лишь один автомобиль. Александров был вдовцом и в силу возраста уже не стремился к обществу молодых жен-шин. Герасимов сам открыл дверцу машины, оглянулся по сторонам, чтобы убедиться, что его телохранители занимают места за деревьями. Охранники лишь на короткое время сгрудились у багажника «Волги» – достать оттуда теплые белые куртки на меху и сапоги, чтобы не замерзнуть на снегу.

– Николай Борисович! – Александров сам открыл гостю дверь. Академика обслуживала прислуга, две женщины, занимавшиеся уборкой и приготовлением пищи, но они знали, когда их присутствие

является лишним, и приезд председателя КГБ относился к одному из таких случаев. Александров взял пальто Герасимова и повесил его у двери.

– Спасибо, Михаил Петрович.

– Заходите. Хотите чаю?

– С удовольствием. На улице так холодно, – признался Герасимов, Хозяин и его гость опустились в старинные удобные кресла по разные стороны стола. Александрову нравилось принимать гостей – по крайней мере когда гостями были равные ему и разделявшие его точку зрения. Он налил чай, затем положил в блюдо вишневое варенье. Чай пили в традиционно-русской манере: сначала клали в рот ложку варенья, затем запивали чаем. Разговаривать при этом было не очень удобно, зато все это было по-русски. Александрову нравились старые традиции. Хотя он и строго исповедовал идеалы марксизма, в обыденной жизни главный идеолог партии придерживался обычаев своей молодости.

– Что нового?

– Этот шпион Филитов оказался крепким орешком, – не без раздражения отозвался Герасимов. – Понадобится неделя или две, чтобы получить от него признание.

– Вам следовало расстрелять этого полковника, который...

Председатель КГБ отрицательно покачал головой.

– Нет. Нужно подходить к делу объективно. Полковник Ватутин отлично провел расследование. Ему надо было бы доверить сам арест более молодому офицеру, но я сказал ему, что расследование поручено лично ему, и потому Ватутин воспринял мои слова слишком буквально. В остальном дело проведено почти идеально.

– Вы становитесь слишком великодушным, Николай Борисович. Время для этого еще не настало, – заметил Александров. – Неужели так трудно застать врасплох семидесятилетнего старика?

– Только не этого. Американский агент – женщина – оказалась хорошо подготовленной, как этого и следовало ожидать. У хороших оперативников превосходная реакция. Не будь американские агенты такими искусными, социализм уже давно восторжествовал бы во всем мире, – небрежно произнес Герасимов. Председатель КГБ знал, что Александров живет в своем узком идеологическом мире и имеет самое

поверхностное представление о мире реальном. Трудно уважать такого человека, зато нетрудно бояться.

– Неделю-другую можно и подождать, – проворчал Александров. – Меня беспокоит только то, что мы будем заниматься этим, пока в Москве находится американская делегация...

– Мы примемся за дело, когда они уже уедут. Если удастся заключить договор, мы ничего не потеряем.

– Но сокращение вооружения – это безумие! – воскликнул Александров. Главный партийный идеолог все еще считал, что ядерное оружие – это что-то вроде танков и пушек: чем его больше, тем лучше. Подобно большинству политических теоретиков, он не потрудился овладеть фактами.

– Мы сохраним самые лучшие, новейшие ракеты, – терпеливо объяснил ему Герасимов. – Но что гораздо важнее – проект «Яркая звезда» успешно приближается к завершению. Используя открытия наших ученых и то, что нам удастся узнать из американской программы, лет через десять мы создадим непроницаемый щит.

– У вас хорошие источники внутри американской программы?

– Слишком хорошие, – ответил Герасимов, опуская чашку на блюдце. – Оказалось, что недавняя информация, присланная нам, была получена там раньше, чем следовало. Часть американской компьютерной программы, попавшей в руки наших агентов, была настолько свежей, что еще не прошла у них окончательную проверку, и в результате была заменена другой. Неприятно, но если уж приходится встречаться с неприятностями, пусть лучше они происходят от излишней активности, чем от недостаточной.

Александров сделал жест, словно отмахиваясь от пустяков,

– Вчера я говорил с Ваневым, – сказал он.

– Ну и что?

– Он согласен действовать с нами. Мысль о том, что его милая дочь – эта потаскуха – окажется в тюрьме, для него невыносима. Я объяснил, что от него требуется. Все было очень просто. Как только вы получите признание этого ублюдка Филитова, сразу начнем действовать. Лучше не терять времени и добиться всего одновременно. – Академик кивнул в подкрепление своим доводам. В политических интригах он был настоящим мастером.

– Меня беспокоит возможная реакция Запада... – осторожно заметил Герасимов.

Александров улыбнулся хитрой улыбкой, глядя в чашку.

– У Нармонова случится инфаркт. Возраст для этого как раз подходящий. Не смертельный, нет, но ему придется уйти в отставку. Мы заверим Запад в неизменности нашей политической линии – если уж вы так настаиваете, Николай Борисович, я готов даже согласиться на сокращение вооружений. – Он помолчал. – Не следует без надобности тревожить политиков на Западе. Все, о чем я думаю, – это первостепенная роль нашей партии.

– Разумеется. – Герасимов знал, что последует дальше, и откинулся на спинку кресла, чтобы выслушать очередную тираду.

– Если мы не остановим Нармонова, партия обречена! Глупец, он пытается отбросить все, ради чего мы боролись. Не будь во главе государства нашей партии, в этом доме жил бы немец! Без Сталина, который железной рукой вел нас вперед, где бы мы были сейчас? А Нармонов смеет осуждать нашего величайшего вождя – после Ленина, конечно, – поспешно добавил академик. – Наша страна нуждается в сильной руке, одной сильной руке, а не в тысяче слабых! Наш народ понимает это, он хочет этого.

Герасимов согласно кивнул. Однако его не покидало удивление: ну почему этот слабоумный болтливый старик всякий раз повторяет одно и то же? Партии не требовалась одна сильная рука, как бы ни хотелось этого Александрову. Партия сама состояла из тысячи маленьких, жадных, хапающих рук: членов Центрального комитета, местных аппаратчиков, собирающих партийные взносы и твердящих лозунги, участвующих в еженедельных собраниях, которые всем смертельно надоели, но продолжающих свою деятельность, потому что она означала привилегии. Ну а привилегии в свою очередь – это машина, поездка в Сочи и... и бытовая техника фирмы «Блаупункт».

У всех есть уязвимые места, Герасимов знал это. Уязвимым местом Александрова было то, что в партию верили сейчас слишком немногие. Герасимов тоже не верил в провозглашенные ею цели. Однако именно партия руководила страной. Партия породила честолюбивые устремления. Власть оправдывала все возможные средства для ее достижения, и для Герасимова партия была дорогой к власти. Всю свою жизнь он защищал партию от тех, кто пытался

изменить соотношение власти. Теперь, являясь председателем КГБ, олицетворявшего «щит и меч» партии, Герасимов достиг того положения, когда может взять в свои руки бразды правления партией и страной. Александров был бы изумлен и глубоко потрясен, если бы узнал, что его молодой ученик видел во власти свою единственную цель и стремился всеми силами сохранить status quo. Советский Союз будет продолжать медленно тащиться вперед, укрывшись от внешней опасности за своими границами, стараясь распространить свою форму правления на любую страну, где только представится такая возможность. Развитие не прекратится – оно будет вызвано отчасти внутренними переменами, отчасти тем, что удастся получить на Западе, но так, чтобы не слишком увеличивать ожидания, как собирался это сделать Нармонов. Самое лучшее, однако, будет заключаться в том, что власть окажется в руках Герасимова. Опираясь на мощь КГБ, он может не бояться за собственную безопасность – особенно после того, как подчинит себе Министерство обороны. Поэтому он терпеливо сидел и выслушивал напыщенные речи Александрова о партийной идеологии, кивая, когда это требовалось. Постороннему наблюдателю могло показаться, что сцена напоминает тысячи старых картин – насквозь фальшивых, – изображающих Сталина, увлеченно прислушивающегося к словам Ленина, и, подобно Сталину, Герасимов использует эти слова для собственной выгоды. Герасимов верил только в Герасимова.

18. Преимущества

– Но меня только что кормили! – возразил Михаил Семенович.

– Ерунда, – отозвался надзиратель и сунул под нос Филитову свои часы. – Посмотри, сколько сейчас времени, глупый старик. Ешь, скоро тебя вызовут на допрос. – Он наклонился к полковнику. – Почему ты отказываешься рассказать то, что им нужно?

– Я не предатель! Не предатель!

– Как хочешь. Ешь. – Дверь камеры захлопнулась с металлическим лязгом.

– Я не предатель, – произнес Филитов, глядя в закрытую дверь. – Не предатель, – услышал микрофон. – Не предатель.

– Прогресс очевиден, – заметил Ватутин.

То, что происходило с Филитовым, в конечном итоге мало отличалось от того, что делал врач в своем бассейне, полностью отрезая пациента от окружающего мира. Арестованный терял связь с действительностью, хотя и гораздо медленнее, чем это происходило с Ванеевой. Его камера находилась во внутренней части тюрьмы, и потому заключенный не мог видеть смены дня и ночи. Единственная голая лампочка, висящая под потолком, никогда не выключалась. Через несколько дней Филитов потерял счет времени. Затем отправления организма утратили регулярность. Далее надсмотрщики начали менять интервалы между приемами пищи. Бго тело чувствовало, что здесь что-то не так, однако за последнее время изменилось столь многое и организм Филитова столь безуспешно пытался справиться с потерянной ориентацией во времени, что происходящее с ним фактически мало отличалось от психического расстройства. Такая техника была классической, и редко кто мог выдержать ее больше двух недель. Но даже в этом случае позже выяснялось, что счастливец ориентировался на какой-то внешний знак, о существовании которого не подозревали следователи, такой, например, как грохот утреннего транспорта или шум воды в канализации – звуки, следующие определенному регулярному расписанию. Постепенно «Двойка» научилась изолировать арестованного от всякого постороннего влияния. Новый корпус специальных камер был полностью защищен

от внешних звуков, от остального мира. Чтобы изолировать заключенного от кухонных запахов, пища готовилась на другом этаже. Короче говоря, при постройке этой части Лефортовской тюрьмы использовался многолетний опыт, накопленный психиатрами и направленный на ломку человеческого духа.

Такое обращение действует лучше пыток, подумал Ватутин. Пытки неизменно влияли и на мучителей. В этом заключалась проблема. Как только мужчина – или в редких случаях женщина – становился особенно искусным в этой области, разум такого человека менялся. Мучитель постепенно терял рассудок, результатом чего становилось получение данных, на которые нельзя положиться, к тому же бесполезный офицер КГБ требовал замены, а порой и больничной койки. В тридцатые годы таких офицеров просто расстреливали, как только их политические повелители сознавали, какое чудовище было ими создано, и тут же заменяли другими. Наконец для допросов потребовались более хитроумные, более утонченные методы. Да, так лучше для всех, понимал полковник Ватутин. Новые методы, даже те, которые требовали физического насилия, не наносили допрашиваемым постоянного ущерба. Теперь могло показаться, что здесь лечат психические заболевания, тут и возникшие, и врачи, работавшие бок о бок с офицерами КГБ, с уверенностью заявляли, что измена родине уже сама по себе является симптомом серьезного

психического заболевания, требовавшего радикального медицинского вмешательства. После этого все, кто принимал участие в работе, чувствовали себя лучше. Тогда как, причиняя боль мужественному противнику, можно испытывать чувство вины.

А вот этот страдает куда более серьезным заболеванием, чем остальные, мрачно ухмыльнулся Ватутин. Полковник оставался слишком большим циником, чтобы верить всей этой чепухе, которой учили новое поколение офицеров «Двойки» на курсах усовершенствования. Он вспоминал полные ностальгии рассказы тех, кто учил его почти тридцать лет назад, о добрых, славных временах при Берии... Хотя у него мурашки бежали по телу, когда он слушал истории, рассказываемые этими безумцами, но они честно делали свое дело. И хотя Ватутин был благодарен судьбе, сделавшей его непохожим на них, он не пытался обманывать себя мыслью, будто Филитов – психически больной. По правде говоря, Филитов был

мужественным человеком, добровольно пожелавшим изменить своей стране. Отвратительный поступок, разумеется. Филитов нарушил законы воспитавшего его общества, но тем не менее был достойным противником. С помощью световода, установленного в потолке камеры, Ватутин наблюдал за Филитовым, а чувствительный микрофон позволял прислушиваться к звукам, доносившимся из камеры.

Сколько времени он работал на американцев? С момента гибели семьи? Так долго? Почти тридцать лет... Неужели это возможно? – думал полковник Второго главного управления. Неслыханно длительный отрезок времени. Киму Филби далеко до него, да и карьера Рихарда Зорге, пусть и блестящая, оказалась короткой.

Однако все это объяснимо и понятно. Кроме того, следует отдать должное Олегу Пеньковскому, полковнику-предателю из ГРУ, разоблачение которого считалось одним из двух особых достижений «Двойки», – но как болезненна мысль, что Пеньковский использовал собственную смерть для того, чтобы помочь деятельности еще более опасного, более высокопоставленного шпиона, им же, по-видимому, и завербованного. Вот это мужество, думал Ватутин. Почему такие великие достоинства людей используются для предательства родины! – пронеслась у него в голове негодующая мысль. Почему они не любят родину так, как люблю ее я? Полковник КГБ покачал головой. Марксизм требовал объективности от своих последователей, но это уж слишком. Всегда возникает опасность слишком близкого отождествления самого себя с предметом расследования. У Ватутина такая проблема возникала редко, но ведь никогда раньше ему не приходилось вести подобное дело. Трижды Герой Советского Союза! Подлинный национальный символ, фотография которого красовалась на обложках журналов и книг. Осмелимся ли мы когда-нибудь сообщить народу о том, чем он занимался? Какова будет реакция советских людей, когда они узнают, что старый Филитов, герой Сталинграда, один из самых бесстрашных воинов Красной Армии... изменил родине? Нужно принять во внимание и воздействие этого на дух нации.

Это не моя забота, напомнил себе Ватутин. Он следил за старым офицером с помощью новейших достижений высокой технологии, Филитов пытался есть, не будучи полностью уверенным, что

наступило время еды, но не зная, что его завтрак – по очевидным причинам всякий раз ему подавали пищу, по которой нельзя было определить, обед ли это, ужин или завтрак, – принесли всего девяносто минут назад.

Ватутин встал и потянулся, стараясь избавиться от боли в пояснице. Побочным результатом подобного метода являлось то, что нарушался жизненный цикл самих следователей. По крайней мере привычное расписание Ватутина нарушилось. Сейчас едва минула полночь, и за последние тридцать шесть часов он спал всего семь. Однако он по крайней мере точно знал время дня, день недели и время года, тогда как Филитов – в этом Ватутин не сомневался – этого не знал. Наклонившись, он наблюдал за тем, как арестованный ел кашу из миски.

– Приведите его, – распорядился полковник Ватутин. Он прошел в туалет и плеснул себе в лицо холодной водой, посмотрел в зеркало и пришел к выводу, что можно обойтись без бритвы. Затем полковник убедился, что мундир в полном порядке. Единственным постоянным фактором в нарушенном ритме жизни заключенного должны быть лицо и облик следователя. Ватутин даже проверил выражение лица в зеркале: надменное, высокомерное, но одновременно сочувственное. Увиденное удовлетворило его. Да, я профессионал, сказал он своему отражению. Не варвар, не дегенерат, а всего лишь мастер своего дела, исполняющий трудную, но необходимую работу.

Когда привели арестованного, Ватутин, как всегда, уже сидел в комнате для допросов. Он всякий раз делал вид, что чем-то занят, когда открывалась дверь, и всякий раз поднимал голову, будто удивляясь, что его отрывают от работы, словно говоря: неужели опять время допроса? Он закрыл папку и положил ее в портфель. Филитов сел напротив него. Отлично, заметил Ватутин, не поднимая головы. Арестованному уже не приходится говорить, как ему следует поступать. Его мысли должны быть сконцентрированы только на одной реальности, оставшейся в его жизни: на Ватутине.

– Надеюсь, вы хорошо выспались, – сказал он, обращаясь к Филитову.

– Так себе, – последовал ответ. Глаза старика были мутными. Синева в них больше не сверкала тем блеском, которым восхищался Ватутин во время первого допроса.

– Вас хорошо кормят?

– Бывало, я ел и лучше. – По лицу пробежала холодная улыбка, за которой все еще скрывались какая-то гордость и вызов, но уже намного меньше, чем это казалось Филитову. – Однако приходилось питаться и хуже.

Ватутин бесстрастно оценивал силу Филитова – она, несомненно, уменьшилась. Вы ведь знаете, подумал полковник КГБ, вы не можете не знать, что проиграете в этой схватке. Вы понимаете, что это всего лишь вопрос времени. Я отчетливо вижу это, говорили глаза Ватутина, смотревшие на арестованного, ищущие и находившие слабость. Филитов пытался сохранить стойкость, не поддаться напряжению, но устои уже подкосились, и прямо на глазах Ватутина что-то еще слабело и поддавалось. Вы знаете, что не сможете устоять, Филитов.

Зачем это тебе, Михаил Семенович, шептал какой-то внутренний голос. У него есть время – этот чекист контролирует время. Он потратит столько времени, чтобы сломать тебя, сколько для этого потребуется. Он побеждает. Ты ведь знаешь это, говорило в нем отчаяние.

Скажите мне, товарищ капитан, почему вы задаете такие глупые вопросы? Почему вы считаете, что должны объяснять себе, что являетесь мужчиной? – спросил Филитова знакомый голос. Отступая от Брест-Литовска до Вязьмы, мы знали, что терпим поражение, но я никогда не прекратил сопротивления и вы тоже. Если вы смогли бросить вызов немецкой армии, то устоять против этого слизняка-чекиста вы уж точно сумеете!

Спасибо тебе, Романов.

Как это вы вообще обходитесь без меня, товарищ капитан? – слышал Филитов насмешливый голос. Несмотря на всю свою мудрость, иногда вы ведете себя просто глупо.

Ватутин заметил, как что-то изменилось. Мать исчезла из глаз старого офицера, они снова стали ясными, и измученная спина выпрямилась.

Что поддерживает его? Ненависть? Неужели вы так ненавидите государство за то, что произошло с вашей семьей... или причина в чем-то совершенно ином?

– Скажите мне, – сказал Ватутин. – Скажите, почему вы ненавидите родину?

– Вы ошибаетесь, – ответил Филитов. – Я люблю родину. Я убивал ради нее, проливал ради нее кровь, я горел ради нее. Но я делал все это не ради таких, как вы. – Несмотря на очевидную слабость, в его глазах пылал огонь ненависти. Ватутин даже не шевельнулся – он не поддавался на эмоции.

Я был так близок к успеху, но что-то изменилось. Если мне удастся выяснить причину, Филитов, вы окажетесь у меня в руках! Что-то подсказало Ватутину, что он уже получил все, что ему требовалось. Нужно только узнать, что именно.

Допрос продолжался. Несмотря на то что Филитову удастся успешно противостоять вопросам следователя – и на этот раз, и на следующий, и даже еще в течение нескольких дней, – Ватутин подрывал физическую и эмоциональную силу старого офицера. Это понимали оба – и следователь и арестованный. Всего лишь вопрос времени, разумеется. Однако тут оба ошибались. Они думали, что Ватутин контролирует течение времени, тогда как именно время является хозяином человека и распоряжается им по своему усмотрению.

Герасимов был удивлен, получив еще одну шифровку «молния» из Америки, на этот раз от Платонова. Она прибыла в виде телеграммы, уведомляя председателя КГБ о том, что дипломатической почтой ему направлена депеша с уровнем секретности «Лично председателю». Это было в высшей степени необычно. Комитет государственной безопасности больше любых других спецслужб мира полагался на одноразовые системы шифровки. Такие коды являлись надежными,

они не поддавались расшифровке даже теоретически – если, разумеется, ключ к коду этого дня не попадал в руки противника. Правда, этот канал связи действовал медленно, но он был надежным, а КГБ больше всего стремился к надежности. Однако помимо метода связи существовал и определенный протокол. В каждой крупной резидентуре имеется специальный шифр. У него нет даже своего названия, но им кодируются документы, пересылаемые от резидента лично председателю. Платонов занимал более важный пост, чем даже подозревало ЦРУ, – он был резидентом в Вашингтоне, главой станции.

Когда донесение прибыло, его доставили прямо в кабинет председателя. Герасимов на этот раз не вызывал своего личного шифровальщика, капитана, в чьей преданности ничуть не сомневался. Председатель расшифровал первое предложение сам и обнаружил, что в донесении содержалось предупреждение о «кроте». В КГБ не существует принятого термина для обозначения скрытого предателя в своих рядах, но высокопоставленные офицеры спецслужб знакомы с западным словом.

Донесение было длинным, и Герасимову потребовалось для его расшифровки больше часа. Проклиная свою неопытность в этом деле, он занимался декодированием тридцати трех букв русского алфавита, расположенных в самых случайных комбинациях.

Значит, американский агент в святая святых КГБ? – с удивлением понял Герасимов, Насколько высокий пост он занимает? Председатель вызвал своего личного секретаря и приказал доставить досье на агента «Кассиуса» и Джека П. Райана из ЦРУ. Как всегда, его распоряжение было выполнено молниеносно. Герасимов на время отложил в сторону досье «Кассиуса» и открыл папку, в которой содержались сведения о Райане.

Внутри находилась биография на шести страницах, обновленная всего шесть месяцев назад, а также вырезки из американских газет и переводы. В переводах Герасимов не нуждался – он свободно владел английским языком, бегло говорил, хотя и с акцентом. Итак. Райан. Тридцать пять лет, отлично зарекомендовал себя в деловом мире, а затем и в ученом сообществе и, наконец, в разведслужбе, Быстро продвигался по служебной лестнице ЦРУ. Был назначен специальным офицером связи в Лондоне. Первая характеристика, данная ему на площади Дзержинского, явно носила отпечаток личной точки зрения

писавшего ее аналитика, это стало очевидным для Герасимова сразу. Богатый утонченный дилетант. Нет, это неверно. Карьера Райана в ЦРУ была слишком быстрой для этого. Разве что получал поддержку от влиятельного политического деятеля, но указания на это в характеристике отсутствовали. Судя по всему, умен – Герасимов заметил, что Райан является автором двух книг, экземпляры которых имеются в московских библиотеках. Несомненно, самолюбивый и гордый человек, привыкший к комфорту и привилегиям.

Итак, вы нарушили американские законы, касающиеся биржевых операций? Председатель КГБ легко мог поверить в это. Коррупция – путь к богатству и власти в любом обществе. У Райана, как и у всех людей, нашлось уязвимое место. Герасимов знал, что его собственная слабость заключалась в жажде власти, но, по его мнению, такое стремление является лишь достоинством, потому что отсутствие желания выдвинуться – удел глупцов. Он снова взял донесение Платонова.

"Выводы, – гласил текст. – Поведение объекта, его мотивация не диктуются ни идеологическими, ни финансовыми соображениями, а основываются на гнев и самолюбии. Он по-настоящему боится тюрьмы, но еще больше испуган личным позором. Райан, по всей вероятности, обладает той информацией, о которой говорил. Если у ЦРУ есть свой агент в Московском центре, занимающий очень высокий пост, по всей видимости, Райан действительно имеет доступ к поступающей от него информации, хотя вряд ли знает его имя или лицо. По этим сведениям мы сумеем опознать источник утечки.

Рекомендация: предложение следует принять по двум причинам. Во-первых, чтобы опознать американского агента. Во-вторых, мы получим возможность и в будущем прибегать к помощи Райана. Возникшая у нас уникальная возможность имеет два аспекта. Если нам удастся устранить свидетелей, Райан будет у нас в долгу. Если же наши действия, направленные на их устранение, будут обнаружены, можно обвинить в них ЦРУ, и расследование, которое последует, нанесет серьезный ущерб американской разведывательной службе".

– Гм... – пробормотал Герасимов, откладывая досье в сторону.

Папка агента «Кассиуса» была намного толще. Он становился сейчас одним из лучших источников информации для КГБ в Вашингтоне, Герасимов уже читал это досье несколько раз и теперь

просто просматривал его в поисках последних донесений. Два месяца назад деятельность Райана подверглась расследованию, подробности неизвестны – «Кассиус» сообщил об этом как о неподтвержденных сплетнях. Это говорит в его пользу, подумал председатель КГБ. Это также свидетельствовало о том, что Райан никак не пытался связать свой разговор с Платоновым с более ранними событиями...

Может быть, Филитов?

Что, если агент ЦРУ, занимающий высокий пост, которого мог опознать Райан, и есть тот человек, что нами только что арестован?

Нет, Райан занимает слишком высокую должность в ЦРУ, чтобы перепутать два департамента. Опасность, однако, заключалась в том, что обнаружение американского агента среди руководства КГБ в данный момент принесет Герасимову только вред. Плохо уже то, что существует утечка информации, но если об этом узнают за пределами штаб-квартиры КГБ... это катастрофа. Стоит только начать настоящее расследование, и об этом станет известно. Если же мы не обнаружим шпиона в наших рядах... и если он действительно занимает высокий пост. как утверждает Райан... что, если ЦРУ узнает о наших планах, об Александрове, обо мне...

Какой путь они выберут?

Что, если это?...

Герасимов улыбнулся и посмотрел в окно. Ему будет не хватать этого кабинета. Он будет скучать по игре. У каждого факта по крайней мере три стороны, а у каждой мысли – шесть. Нет, если он поверит в это, то ему придется сделать вывод, что «Кассиус» работает под контролем ЦРУ, и тогда все это было запланировано до ареста Филитова. Такое невозможно, это совершенно очевидно.

Председатель Комитета государственной безопасности проверил по календарю день прибытия в Москву американской делегации. На этот раз будет проводиться больше приемов и развлечений. Если американцы действительно собираются сделать свои системы звездных войн предметом переговоров, генеральный секретарь Нармонов будет хорошо выглядеть в глазах общественности, но как повлияет такое решение на распределение голосов в Политбюро? Почти никак, если мне удастся держать под контролем упрямство Александрова, А если мне удастся продемонстрировать, что я завербовал собственного "агента в руководстве ЦРУ... если я сумею

предсказать, что американцы готовы на сокращение своих оборонных программ, то смогу опередить Нармонова в его стремлении к миру и перехвачу инициативу.

Решение было принято.

Однако Герасимов не относился к импульсивным людям. Он послал Платонову шифровку, в которой распорядился проверить кое-какие детали через агента «Кассиуса». Эта шифровка пошла по спутниковой связи.

Шифровка прибыла в Вашингтон через час. Ее текст был должным образом принят со спутника связи «Радуга-19» как в советском посольстве, так и в американском Агентстве национальной безопасности, где его записали на компьютерную ленту вместе с тысячами других советских радиограмм, которые АНБ расшифровывало, работая круглые сутки.

Для русских все обстояло проще. Текст шифровки был доставлен в секретную часть посольства, где лейтенант КГБ превратил его из кодированного в понятный для чтения, затем запер в строго охраняемый сейф до приезда Платонова, до утра.

Платонов приехал в посольство в половине седьмого. На его столе уже лежали утренние газеты. Американская пресса была очень полезной для КГБ, по мнению Платонова. Сама мысль о свободной прессе казалась ему настолько чуждой, что он не пытался даже понять ее подлинное назначение. Но сначала Платонов занялся более срочными делами. В шесть сорок прибыл дежурный офицер и проинформировал его о событиях предыдущей ночи, а также передал шифровки, поступившие из Москвы, где сейчас был уже день. Поверх пачки донесений лежала записка, информирующая Платонова о прибывшей шифровке с пометкой «лично, только резиденту». Платонов знал, о чем в ней идет речь, и сразу направился к сейфу. Молодой сотрудник КГБ, охраняющий эту часть посольства, тщательно проверил документы Платонова – его предшественник был уволен за то, что самоуверенно решил, что знает резидента в лицо после каких-то девяти месяцев службы в Вашингтоне. Шифровка

находилась в должным образом запечатанном конверте, лежала в соответствующем отделении, и Платонов сунул ее в кармин, прежде чем открыть и запереть сейф.

Станция КГБ в Вашингтоне была больше, чем у ЦРУ в Москве, хотя, по мнению Платонова, недостаточно большая, поскольку число служащих посольства недавно ограничили в соответствии с числом служащих в американском посольстве в Москве, чего американцы добивались в течение ряда лет. Обычно Платонов собирал начальников секций в половине восьмого для утреннего совещания, однако сегодня он вызвал одного из них раньше обычного.

– Доброе утро, товарищ полковник, – официально поздоровался с ним офицер. В КГБ не одобряли фамильярного обращения.

– Мне нужно получить кое-какую информацию от «Кассиуса» по делу Райана. Необходимо как можно быстрее подтвердить его затруднения с биржевыми операциями. Это значит, что встречу следует провести сегодня – если вам удастся.

– Сегодня? – в замешательстве переспросил офицер, получая от Платонова письменные указания. – Организуя встречу так быстро, мы подвергаем «Кассиуса» опасности.

– Председателю это хорошо известно, – сухо заметил Платонов.

– Ясно. Значит, сегодня, – отозвался офицер.

Резидент КГБ позволил себе улыбнуться, глядя вслед уходящему сотруднику. Раньше тот не проявлял столько эмоций за целый месяц, подумал Платонов. Этот молодой офицер далеко пойдет.

– Вот и Бутч, – заметил сотрудник ФБР, увидев человека, вышедшего из дверей советского посольства. Они знали его настоящее имя, разумеется, однако когда за ним только начинали следить, первый агент ФБР заметил, что он походит на Бутча из знаменитого фильма «Бутч Кэссиди энд Сандэнс Кид», и кличка прилипла к русскому. Внешне его обязанности заключались в том, чтобы утром отпереть кабинеты дипломатов и сделать уборку перед их приходом на работу в девять часов. Это означало, что русский завтракал в соседнем кафе, покупал несколько газет и журналов, а также нередко оставлял тайный

знак – или несколько – в одном из условных мест. Как это обычно случается в большинстве контрразведывательных операций, самым трудным было подобрать ключ к его поведению, понять, что и почему он делает. После этого наступала очередь рутинной полицейской слежки. Агентам ФБР удалось впервые подобрать такой ключ полтора года назад.

Бутч прошел четыре квартала, отделяющие посольство от кафе. Сотрудники ФБР обратили внимание на то, что он тепло одет – по-видимому, зима в Вашингтоне кажется ему не очень теплой, решили они, – и вошел в кафе точно в назначенное время. Как обычно в большинстве таких кафе, здесь была постоянная клиентура. Тремя завсегдатаями этого кафе являлись агенты ФБР. Один из них – женщина, она была одета по-деловому и уже читала свой «Уолт-стрит джорнэл», сидя за столиком в углу. Два других выглядели как строительные рабочие – в комбинезонах, с инструментами, пристегнутыми к поясам, – и подходили к стойке или до прихода русского, или сразу после него. Сегодня они пришли раньше и ждали его появления. Разумеется, так бывает не всякий раз. Женщина – специальный агент Хэйзел Люмис – перемежала свои визиты в кафе с настоящей работой и следила за тем, чтобы не бывать здесь по выходным. Приходилось идти на риск, но тщательная слежка, как бы хорошо ее ни планировали, не должна быть постоянной. Все трое посещали кафе и в те дни, когда не ожидалось прихода Бутча, не меняя своего расписания, стараясь, чтобы никто не заметил их интереса к русскому.

Агент Люмис пометила время его прихода на полях газеты – она постоянно что-то писала там, – а рабочие следили за ним в зеркале на стене, жадно проглатывая жареную картошку с мясом и обмениваясь грубыми шутками. Как всегда, Бутч взял со стойки у входа в кафе четыре разные газеты. Журналы, которые он покупал, выходили по вторникам. Официантка налила ему кофе, не ожидая заказа. Бутч закурил – он курил «Марлборо», самый популярный сорт сигарет среди русских, – и взял чашку кофе, просматривая первую страницу «Вашингтон пост», которая была его любимой газетой.

Кофе подавалось здесь бесплатно, и вторая чашка появилась перед ним, как только опустела первая. На все ему потребовалось шесть минут – более или менее нормально, решили агенты. Закончив, Бутч

встал, забрал газеты и оставил деньги. Когда он отодвинул тарелку, они заметили, что смятая в комок бумажная салфетка лежит на блюде рядом с пустой чашкой от кофе.

Предстоит работа, тут же подумала Люмис, Бутч отнес счет в кассу у конца стойки, расплатился и вышел – Да, ведет он себя хорошо, еще раз отметила она. Люмис знала, где и как он оставляет записку, но все еще редко замечала, как он это делает.

Пришел еще один постоянный посетитель. Это был водитель такси, заходивший сюда, чтобы выпить чашку кофе перед началом рабочего дня. Он сидел в одиночестве у края стойки. Открыв принесенную с собой газету на спортивной странице, он окинул, как обычно, взглядом кафе и сразу заметил смятую салфетку на блюде. Водитель уступал в мастерстве Бутчу, Положив газету на колени, таксист сунул руку под прилавок, достал прикрепленную там записку и вложил ее между страницами газеты в раздел мод.

После этого все было просто. Люмис расплатилась, вышла из кафе, села в свой «форд-эскорт» и поехала в Уотергейт. У нее был ключ от квартиры Хендерсона.

– Сегодня вы получите записку от Бутча, – сообщила она агенту «Кассиусу».

– О'кей. – Хендерсон поднял голову от стола, за которым завтракал. Ему совсем не нравилось, что его действиями как двойного агента руководит женщина. Еще хуже было то, что она получила это задание из-за своей внешности, потому что «крышей» для них служила любовная связь. Несмотря на всю ее доброту и женственность, мягкий южный акцент – и удивительную красоту! – раздраженно подумал Хендерсон, – он отлично знал, что Люмис рассматривает его как существо едва ли выше микроба. «Никогда не забывайте, – сказала она однажды, – что для вас готова камера». Она имела в виду федеральную тюрьму – не исправительный лагерь – в городе Марион, штат Иллинойс, которая заменила Алькатрац как место пребывания самых опасных преступников. Для выпускника Гарвардского университета такая тюрьма – место отнюдь не подходящее. Но она сказала это лишь один раз, а в остальном вела себя очень вежливо, даже иногда брала его за руку на виду у всех. От этого положение делалось только хуже.

– Хотите услышать хорошие новости? – спросила Люмис.

– Разумеется.

– Если эта операция пройдет так успешно, как мы рассчитываем, с вас будет снято обвинение. Полностью. – Такого она не говорила еще никогда.

– Что мне нужно для этого сделать? – с интересом спросил агент «Кассиус».

– В ЦРУ есть сотрудник по имени Райан...

– Да, я слышал, что Комиссия по ценным бумагам и биржевым операциям ведет расследование его деятельности. По крайней мере вела несколько месяцев назад. Вы хотите, чтобы я рассказал об этом русским...

– Он замаран по макушку. Нарушил законы, заработал полмиллиона долларов, пользуясь конфиденциальной информацией, и через две недели состоится заседание Большого жюри, на котором ему здорово прижгут задницу, в полном объеме. – Грубость ее слов резала ухо еще больше из-за того, что сопровождалась нежной улыбкой и мягким говором южной красотки. – ЦРУ не собирается принимать никаких мер по его защите. Никто не придет ему на помощь. Риттер ненавидит его. Вы не знаете почему, но слышали это от помощника сенатора Фреденбурга. У вас создалось впечатление, что из него хотят сделать козла отпущения за провал какой-то операции, но вы не знаете подробностей. Что-то случившееся несколько месяцев назад в Центральной Европе, может быть, но это все. Кое-что из этого вы сообщите немедленно, остальное пусть подождут до вечера сегодняшнего дня. И вот еще что: до вас дошел слух, что проблема СОИ может стать объектом переговоров. Вы считаете, что эта информация ненадежна, но слышали, как один сенатор говорил об этом. Понятно?

– Да, – кивнул Хендерсон.

– Отлично. – Люмис скрылась в туалете. В любимом Бутча подавали блюда, слишком жирные для ее желудка,

Хендерсон прошел в спальню и выбрал галстук. Значит, положению, в котором он находился? – подумал он, завязывая галстук, и тут же передумал. Если она говорит правду – он был вынужден признать, что она никогда его не обманывала. Считала меня хуже грязи под ногами – это я знаю, – но не обманывала. Значит, я могу обрести спокойствие?... И что тогда? – спросил он себя. А имеет ли это

значение? Имеет, решил он, но еще важнее выбраться из этого положения.

– Красный галстук нравится мне больше, – заметила Люмис, стоя в дверях. На ее лице появилась нежная улыбка. – Мне кажется, сегодня лучше надеть галстук, демонстрирующий силу.

Хендерсон послушно протянул руку за красным галстуком. Ему даже не приходило в голову возражать.

– Вы не могли бы сказать мне...

– Я не знаю – да и все равно не сказала бы. Но мне не поручили бы передать вам то, что я передала, если бы, по их мнению, вы почти не расплатились за свое прошлое, мистер Хендерсон.

– Неужели вы не можете назвать меня Питером, хотя бы раз? – спросил он.

– Мой отец был двадцать девятым летчиком, сбитым над Северным Вьетнамом. Его захватили в плен живым – мы видели его фотографии, – но он так и не вернулся,

– Я не знал этою.

Она продолжала разговор бесстрастным голосом, словно говорила о погоде.

– Вы не знали очень многое, мистер Хендерсон. Мне не позволили управлять самолетом, как это делал папа, но, работая в Бюро, я стараюсь сделать жизнь для ублюдков как можно хуже. Они позволяют мне это. Я только надеюсь, что причиняю им такую же боль, как они причинили мне. – Она снова улыбнулась. – Вы считаете такое поведение недостаточно профессиональным, верно?

– Извините. Боюсь, что я просто не знаю, что сказать.

– Знаете. Вы скажете вашему контактеру все, что я рассказала вам. – Она бросила ему в руки миниатюрный магнитофон. В него были вмонтированы специальный таймер и устройство, не позволяющее нарушать его работу. Находясь в такси, Хендерсон будет под постоянным контролем. Если он попытается каким-то образом предупредить связника, существовала вероятность – большая или маленькая, он не знал, – что это будет обнаружено. Он не нравился им, и они не верили ему. Он знал, что ему никогда не удастся завоевать их расположение, а тем более доверие, но ему хотелось лишь одного – выйти из игры.

Хендерсон вышел из своей квартиры через несколько минут и спустился вниз по лестнице. Мимо квартала проезжало немало такси, но он не поднимал руку и просто ждал, когда такси само подъедет к нему. Они молчали, пока машина не затерялась в потоке транспорта на Виргиния-авеню.

Такси отвезло его к зданию Центрального контрольно-ревизионного управления в северо-западной части города, на улице «Джи». Войдя внутрь, он передал магнитофон ожидавшему его агенту ФБР. Хендерсон подозревал, что в магнитофон был вмонтирован и радиопередатчик, хотя на самом деле передатчика не было. Магнитофон быстро доставили в здание Гувера – штаб-квартиру ФБР. Люмис была уже там. Ленту тут же перемотали и прослушали.

– На этот раз ЦРУ нигде не дало осечки, – сказала она своему начальнику. В кабинете присутствовал еще один человек, занимавший высокое положение. Значит, дело более важное, чем я подозревала, подумала Люмис.

– Да, конечно: Такой источник, как Райан, редко попадает к ним в руки. Хендерсон рассказал все очень убедительно.

– Я предупредила его, что в случае успешного завершения дела он будет отпущен. – Ее голос звучал куда выразительнее слов.

– Вы не согласны с этим? – спросил заместитель директора ФБР. Он руководил всеми контрразведывательными операциями.

– Он не расплатился в достаточной мере – за то, что сделал.

– Мисс Люмис, после того как все закончится, я объясню, почему вы ошибаетесь. А пока не будем поднимать этот вопрос, хорошо? Вы блестяще справились с работой. Постарайтесь не испортить операцию на ее заключительной стадии.

– Что будет с ним дальше?

– Как всегда, мы передадим его программе по защите свидетелей. После того как с ним закончат, Хендерсон окажется где-нибудь в Биллингсе, штат Монтана, хозяином маленького кафе. – Заместитель директора равнодушно пожал плечами. – Меня это мало интересует. Вы получаете назначение на более высокую должность и переезжаете в Нью-Йорк, будете работать в региональном отделении. Мы приготовили вам новую работу. Там есть дипломат, служащий в ООН, которому требуется надежное руководство. Нам кажется, что вы готовы к этому.

– Спасибо. – Улыбка на лице Люмис была на этот раз совершенно естественной.

– Они проглотили приманку, – сказал Риттер Райану. – Проглотили вместе с крючком и поплавком. Надеюсь, вы справитесь со своей частью задания, приятель.

– В ней нет ничего опасного. – Джек развел руками. – Все пройдет вполне цивилизованно -

Если бы ты знал, что может случиться, подумал Риттер.

– Райан, вы все еще дилетант в полевых операциях. Не забываете этого.

– Чтобы справиться со своим заданием, я и должен быть дилетантом, – напомнил ему Джек.

– Если боги хотят кого-то уничтожить, сначала они делают его самонадеянным, – заметил заместитель директора ЦРУ по оперативной работе.

– Изречение Софокла звучит не совсем так, – усмехнулся Джек.

– Мой вариант намного лучше, Я даже распорядился, чтобы эту фразу написали на стене, и все, кто проходит обучение на Ферме, читают ее-

Первоначальный замысел Райана был очень простым – слишком простым. Сотрудники Риттера в течение десяти часов усовершенствовали его, превратив в настоящую операцию. План был несложен, но при его исполнении могли возникнуть трудности. При исполнении всех планов неизбежно возникали трудности, однако Риттеру это не нравилось.

Барт Манкузо давно привык к мысли, что сон не является одной из функций, разрешенных шкиперам подводных лодок, но его особенно раздражало, когда стук в дверь раздавался через пятнадцать минут после того, как он ложился в койку.

– Войдите! – И умрите! – не прибавил он.

– Шифровка «молния» лично для капитана, – произнес лейтенант извиняющимся голосом.

– Надеюсь, в ней содержится что-то действительно серьезное! – рывкнул Манкузо, отбрасывая одеяло и спуская ноги с койки. Он вышел из каюты и направился на корму в одном нижнем белье – там на левом борту, за боевой рубкой, находился центр связи. Через десять минут он вышел оттуда и передал штурману листок бумаги.

– Мне нужно, чтобы через десять часов мы находились вот здесь.

– Будет исполнено, капитан.

– И пусть тот, кто придет будить меня в следующий раз, имеет в виду, что я разрешаю это лишь в случае неминуемой опасности, угрожающей Соединенным Штатам! – Он направился к себе в каюту, ступая по палубе босыми ногами.

– Я все передал, – сообщил Хендерсон, сидя в ресторане за ужином напротив Люмис.

– Что-нибудь еще? – спросила она. Сидим тут при свечах и слушаем музыку, недовольно подумала она.

– Просто хотел передать, что выполнил задание. Им не требовалась новая информация, всего лишь подтверждение сведений, которые они получили из других источников. По крайней мере мне так показалось. У меня есть для них еще одно донесение.

– Какое?

– Новый обзор системы противовоздушной обороны. Не представляю себе, почему им это потребовалось. До конца месяца они смогут прочесть его в журнале «Авиэйшн».

– Давайте не будем нарушать установившийся порядок, мистер Хендерсон.

На этот раз донесение прибыло по обычным каналам, как и подобает разведывательной информации. Его доставят лично председателю, потому что в нем содержались сведения о высокопоставленном представителе спецслужбы противника. В высших эшелонах КГБ знали, что Герасимов проявляет немалый интерес к слухам как в России, так и в странах Запада,

Когда он прибыл к себе в кабинет на следующее утро, донесение ждало его. Председателя КГБ раздражала восьмичасовая разница во времени между Москвой и Вашингтоном – это чертовски затрудняло работу! Если Московскому центру требовалось отдать приказ о немедленных действиях, он автоматически ставил под угрозу прикрытие своих оперативников в Америке, потому что их деятельность становилась необычной и могла вызвать подозрение. В результате распоряжения с пометкой «немедленное исполнение» редко посылались за океан. Председателя КГБ оскорбляло, что его могущество нарушалось чем-то прозаическим вроде разных меридианов.

"Деятельность объекта Р., – говорилось в донесении, – является в настоящее время предметом секретного расследования, не имеющего отношения к вопросам разведки. Подозревают, однако, что интерес к Р. является политически мотивированным, представляя собой скорее всего желание со стороны прогрессивных элементов конгресса подвергнуть критике ЦРУ из-за не известного нам провала в проведении какой-то операции, возможно, в Центральной Европе, однако у нас нет, повторяю, нет данных, подтверждающих это. Уголовное преследование Р. нанесет значительный ущерб руководству ЦРУ из-за того, что он занимает там высокий пост. По нашему мнению, надежность этой информации соответствует степени "А". В данный момент три независимых источника подтверждают предположения, высказанные мной в донесении 88(В)531-С/ЕОС. Подробности следуют дипломатической почтой. Считаем, необходимо принять соответствующие меры. Резидент. Вашингтон. Конец".

Герасимов положил донесение в ящик стола.

Ну что ж, пробормотал про себя председатель КГБ. Он взглянул на часы. Через два часа ему нужно быть на еженедельном заседании Политбюро, которое проводится утром каждого четверга. Как пройдет заседание? Одно он знал заранее: оно будет интересным. Герасимов

планировал использовать новый вариант в своей игре – силовой гамбит.

На этот раз утреннее совещание с руководителями управлений длилось дольше обычного. Он знал, что членам Политбюро будет интересно услышать безвредные, но интересные новости из мира разведки. Его коллеги по Политбюро были людьми, для которых заговоры и конспирации воспринимались так же естественно, как дыхание. В двадцатом столетии не было в мире правительства, чьи руководители не выслушивали бы с удовольствием рассказы о тайных операциях. Герасимов делал кое-какие пометки, старательно выбирая лишь ту информацию, которую он мог обсуждать, не раскрывая сути наиболее важных дел. В назначенное время прибыл его автомобиль, председатель КГБ спустился к нему и в сопровождении «Волги», полной вооруженных телохранителей, поехал в Кремль.

Герасимов никогда не приезжал первым и никогда не оказывался последним. На этот раз он вошел в зал заседаний одновременно с министром обороны.

– Доброе утро, Дмитрий Тимофеевич, – поздоровался председатель КГБ без улыбки, но достаточно благожелательно.

– И вам желаю того же, Николай Борисович, – недоверчиво отозвался маршал Язов. Оба сели у длинного стола. У Язова были все основания для недоверия. Помимо того что арестованный Филитов висел над его головой как дамоклов меч, маршал был всего лишь кандидатом в члены Политбюро и не принимал участия в голосовании, тогда как Герасимов имел такое право. Это давало КГБ большее политическое влияние, чем имела армия, однако за последнее время в этом зале имели право голоса лишь те министры обороны, которые являлись в первую очередь партийными деятелями подобно Устинову. Язов был прежде всего кадровым военным. Он являлся убежденным членом партии, но, несмотря на все это, мундир маршала не был для него маскарадным костюмом, как для Устинова. Язов знал, что никогда не станет полноправным членом Политбюро.

Энергичными шагами вошел в зал Андрей Ильич Нармонов. Из всех членов Политбюро один лишь председатель КГБ был моложе его, и Нармонов считал необходимым демонстрировать энергию и бодрость всякий раз, когда появлялся перед более пожилыми коллегами, сидящими сейчас за длинным столом. И все-таки было

видно, что напряжение сказывается и на нем. Все видели это. Шпика густых черных волос быстро седела и, казалось, сдвигалась к затылку. Но для человека, которому еще не было и шестидесяти, "я о обычное явление. Нармонов жестом пригласил всех садиться.

– Доброе утро, товарищи, – по-деловому произнес генеральный секретарь. – Начнем с вопроса о прибытии американской делегации для переговоров.

– У меня есть хорошие новости, – тут же отозвался Герасимов.

– Вот как? – произнес Александров, опередив генерального секретаря и подчеркнув этим свое влияние.

– У нас есть сведения о том, что американцы в принципе готовы сделать предметом переговоров свою программу стратегической обороны, – сообщил председатель КГБ. – Нам неизвестно, какие уступки потребуют они за это, равно как нам неизвестен и размер уступок, на которые они согласятся пойти, но все-таки это изменение в позиции их делегации.

– Мне трудно в это поверить, – усомнился Язов. – Их программа развивается вполне успешно – вы сами говорили нам об этом на прошлой неделе, Николай Борисович.

– Внутри американского правительства существуют расхождения по политическим вопросам, а в ЦРУ в настоящее время, по-видимому, происходит борьба за власть. Как бы то ни было, такова информация, которую мы получили, и мы находим ее достаточно надежной.

– Это вызывает у меня удивление. – Головы присутствующих повернулись в сторону министра иностранных дел. На его лице застыло скептическое выражение. – По этому вопросу американцы занимали абсолютно твердую позицию. Вы говорите об источнике информации как о «достаточно надежном», но не как о совершенно точно заслуживающем доверия?

– Источник занимает высокий пост, но его информация еще не получила достаточного подтверждения. К концу недели нам будет известно больше.

Сидящие вокруг стола закивали головами. Американская делегация прибывает в полдень субботы, и переговоры не начнутся до понедельника. Членам делегации будет предоставлено тридцать шесть часов, чтобы привыкнуть к разнице во времени, велел за этим

состоится обед в новом здании гостиницы Академии наук, и больше ничего.

– Такая информация, несомненно, представляет огромный интерес для моей группы, которая примет участие в переговорах, но мне все это кажется крайне удивительным, особенно в свете тех объяснений, что мы получили здесь по проблеме нашей программы «Яркая звезда» и ее американского эквивалента.

– У нас есть основания полагать, что американцы узнали о программе «Яркая звезда», – убедительно сообщил Герасимов. – Не исключено, что достигнутый нами прогресс отрезвил их.

– В «Яркой звезде» работает американский агент? – с удивлением спросил кто-то из членов Политбюро. – Каким образом?

– Этого мы еще не знаем. Ведем расследование, – ответил Герасимов, стараясь не смотреть в сторону Язова. Ваш ход, товарищ министр.

– Итак, американцы могут быть больше заинтересованы в прекращении нашей программы, чем в сокращении собственной, – заметил Александров.

– И, по их мнению, наши усилия будут диаметрально противоположны, – фыркнул министр иностранных дел. Как бы мне хотелось сообщить своим людям, каким образом обстоят дела на самом деле!

– Ваше мнение, маршал Язов? – спросил Нармонов. Он не подозревал, в сколь трудное положение ставит своего сторонника этим вопросом.

До настоящего момента Герасимов не был уверен в Язове, не знал, на чью сторону он встанет, не решит ли маршал обратиться к своему патрону с вопросом о Филитове, чувствуя свою политическую уязвимость. Сейчас председатель КГБ получит ответ на этот вопрос. Язов опасается вероятности – нет, он не может не знать, поправил себя Герасимов, что в наших силах уволить его с поста министра, причем не просто, а с позором. Он также опасается, что Нармонов не захочет рисковать своим политическим будущим, пытаясь спасти его – Неужели теперь мне удалось привлечь на свою сторону и Ванеева и Язова? Если дело обстоит именно так, может быть, следует оставить Язова на посту министра, после того как я займу место генерального секретаря... Принимайте решение, Язов.

– Нам удалось решить проблему мощности выходного импульса лазерного луча. Осталась проблема компьютерного обеспечения. В этом мы заметно отстаем от американцев из-за превосходства их компьютерной промышленности. Всего лишь на прошлой неделе товарищ Герасимов предоставил в наше распоряжение часть американской программы компьютерного обеспечения, но мы даже не успели начать ее изучение, как узнали, что она устарела и американцы пользуются другой, еще более совершенной программой. Разумеется, я не критикую КГБ...

Вот! В это мгновение Герасимов убедился в своей правоте. Он пытается заручиться моей поддержкой. Но самое главное заключается в том, что ни один из присутствующих в зале, даже Александров, не подозревает, что произошло у них на глазах.

– ...более того, это еще ярче иллюстрирует стоящую перед нами техническую проблему. Но это всего лишь техническая проблема, товарищи. Она тоже будет преодолена. Я считаю, что мы опережаем американцев. Если им это известно, они будут бояться нас. До сих пор наша позиция на переговорах заключалась в том, что мы возражали только против программ развертывания в космосе, поскольку мы никогда не сомневались, что наши наземные системы превосходят американские. Не исключено, что изменение в позиции американцев подтверждает это. Если дело обстоит именно так, я рекомендую не вести переговоры, касающиеся «Яркой звезды», ни при каких условиях.

– Это разумная точка зрения, – заметил Герасимов. – Дмитрий Тимофеевич поднял важный вопрос – – Сидящие вокруг стола закивали – со знанием дела, думали все, но все ошибались намного больше, чем можно было предположить. Председатель Комитета государственной безопасности и министр обороны подтвердили только что заключенный союз, обменявшись взглядами.

Герасимов повернулся и посмотрел на председательствующего, не обращая внимания на ведущуюся дискуссию. Генеральный секретарь Нармонов внимательно прислушивался к выступающим, делал пометки и не замечал пристального взгляда председателя КГБ.

Интересно, его кресло удобнее моего? – подумал Герасимов.

19. Путешественники

Райан с удовлетворением обратил внимание на то, что даже 89-е военно-транспортное авиакрыло обращает серьезное внимание на безопасность. Часовые, охраняющие «Президентское авиакрыло» на базе ВВС Эндрюз, держали наготове заряженные автоматы и выглядели весьма внушительно, что производило немалое впечатление на «видных посетителей» – Военно-Воздушные Силы США избегают термина «весьма важные лица». Вооруженная охрана вместе с обычной аэродромной путаницей чрезвычайно затрудняла задачу тех, кто захочет похитить самолет и улететь на нем в... Москву, например. Им этого не требовалось. В Москву их доставит опытный экипаж.

Перед вылетом в голове Райана всегда шевелилась одна и та же мысль. Ожидая своей очереди перед металлодетектором, выглядящим как дверной проем, он думал о том, что кто-нибудь вполне мог бы выгравировать на притолоке надпись: «Оставь надежду всяк сюда входящий». Ему уже удалось преодолеть страх перед полетами; теперь предметом его беспокойства было совсем иное, говорил он себе. Ничего из этого не получилось. Выходя из здания и направляясь к самолету, он обнаружил, что страх обладает кумулятивным воздействием и накапливается в организме.

Им предстояло лететь на том же самом самолете, что и в прошлый раз. На хвосте красовался номер – 86971. Это был «Боинг-707», построенный на заводе компании в Сиэтле в 1958 году и модифицированный в конфигурацию VC-137. Он являлся более комфортабельным, чем VC-135, и к тому же у него были окна. Больше всего Райан ненавидел полеты в самолете без окон. К их самолету не была подсоединена выдвигающаяся кишка коридора, и всем членам делегации пришлось подниматься по старомодному трапу, подкатившемуся на колесах. Внутри самолета бросалась в глаза странная смесь стандартного и уникального оснащения. Передний туалет находился на обычном месте, прямо напротив двери первого класса, зато следующее по направлению к хвосту отделение представляло собой центр связи, обеспечивающий мгновенную надежную связь через космические спутники с любой точкой земной

поверхности. Далее следовали относительно удобные каюты для экипажа и камбуз. Кормили на борту этого самолета очень хорошо. Место, отведенное Райану, находилось в секции для «почти весьма важных персон», на одной из двух кушеток, установленных по обеим сторонам фюзеляжа, перед помещением, где стояло шесть кресел для действительно весьма важных пассажиров. Еще дальше в сторону хвоста виднелись ряды по пять кресел для репортеров, сотрудников Секретной службы и остальных лиц, которых считали не слишком важными те, кто занимался подобной градацией. Во время этого перелета хвостовое помещение будет практически пустым, разве что младшие члены делегации станут прогуливаться здесь, разминая затекшие от сидения ноги.

Самым большим недостатком VC-137 была ограниченная дальность полета. Он не мог лететь из Вашингтона прямо в Москву и обычно совершал посадку для дозаправки в Шэнноне, откуда и отправлялся на заключительный этап перелета. Президентский самолет – вообще-то их было два, два самолета ВВС-1, – основывался на магистральном варианте 707-320 и скоро будет заменен ультрасовременным «Боингом-747». Военно-воздушные силы стремились получить в свое распоряжение президентский самолет, который по возрасту будет моложе, чем большинство обслуживающего экипажа, Райан тоже питал на это немалые надежды. Самолет, на котором им предстояло сейчас лететь, выкатили из ворот завода в Сиэтле, когда он еще учился во втором классе начальной школы, и это обстоятельство казалось ему несколько странным.

Интересно, можно ли предсказать судьбу? Можно ли предсказать... В первый момент эта мысль показалась ему забавной, но тут же на Джека словно пахнуло ледяным ветром.

Твоя профессия заключается в предсказании будущего, но почему ты думаешь, что действительно способен на это? В каком предсказании ты ошибся на этот раз, Джек?

Проклятье! – рассердился он на себя. Всякий раз, когда я поднимаюсь на борт этого окаянного самолета... Он пристегнул ремни, глядя на какого-то технического эксперта сидевшего на противоположном диванчике, который, судя по его улыбке, обожал полеты.

Минуту спустя загудели турбины, и, наконец, самолет двинулся с места. Объявления по трансляции мало отличались от тех, что делают на борту рейсового авиалайнера, хотя пассажиры сразу понимали, что находятся не в обычном пассажирском самолете. Джек понял это еще раньше, когда увидел у «стюардессы» пышные усы. Можно было и посмеяться, пока самолет катился по рулежной дорожке к взлетной полосе 1 – левой,

Ветер дул с северного направления, и VC-137 взлетел навстречу ему. Уже через минуту он начал правый поворот. Джек наклонился к окну, глядя на шоссе 50 – по этой дороге он ездил к себе домой в Аннаполис. Самолет выровнялся, и шоссе пропало из виду. Теперь они летели в облаках, в безликой белой вуали, которая часто кажется восхитительным занавесом, но сейчас... сейчас он скрыл путь домой. Ничего не поделаешь. Весь диванчик был в распоряжении Райана, и он решил воспользоваться этим – сбросил ботинки и вытянулся, чтобы немного подремать, В России будет не до отдыха. В этом он не сомневался.

Когда в прошлый раз «Даллас» всплыл на поверхность для сеанса связи, капитану сообщили об изменениях в планах. И вот теперь подводная лодка всплыла снов?. Манкузо первым поднялся по трапу к мостику на вершине боевой рубки. За ним последовали один из офицеров и два впередсмотрящих. Перископ был уже поднят и обшаривал горизонт в поисках кого-нибудь. Ночь была спокойной и ясной. Такое небо можно увидеть только в море – усыпанное звездами подобно драгоценным камням на куске черного бархата.

- Мостик, вызывает рубка.
- Мостик слушает, – ответил Манкузо, нажав на кнопку.
- Радиолокационный пост сообщает: обнаружен самолетный радар на пеленге один-четыре-ноль, пеленг не меняется.
- Хорошо. – Капитан повернулся к офицеру. – Включите ходовые огни.
- По правому борту чисто, – доложил первый впередсмотрящий.
- По левому борту чисто, – донесся голос второго.

– Радиолокационный пост сообщает: пеленг все еще один-четыре-ноль. Мощность принимаемого сигнала увеличивается.

– На раковине левого борта, почти по курсу, по-видимому, вертолет, – доложил впередсмотрящий.

Манкузо поднял к глазам бинокль и принялся обшаривать темноту. Если там и был вертолет, то летел он без опознавательных огней... и тут капитан увидел, как исчезли несколько звезд, заслоненные чем-то от его взгляда...

– Вижу. Молодец, Эверли! А-а, вот и его опознавательные огни.

– Мостик, вызывает рубка.

– Подключите мостик, – тут же отозвался Манкузо.

– Исполнено, сэр.

– Эхо-Гольф-Девять, вас вызывает Альфа-Виски-Пять.

– Альфа-Виски-Пять, это Эхо-Гольф-Девять. Слышу вас хорошо.

Подтвердите прием.

– Bravo-Дельта-Отель.

– Понятно, спасибо. Прибыли в назначенные координаты. Штиль. – Манкузо наклонился и включил освещение панели управления. В этом не было нужды – управление субмариной все еще осуществлялось из рубки, – но свет на мостике позволит пилоту вертолета правильно сориентироваться в темноте.

Они услышали его приближение через несколько секунд – сначала шум лопастей, бьющих воздух, затем рев авиационных турбин. Меньше чем через минуту они почувствовали мощный поток воздуха, когда вертолет дважды сделал круг над «Далласом», Интересно, подумал Манкузо, включит пилот посадочные прожектора... или решит действовать в темноте.

Пилот решил действовать без посадочных огней или, вернее, вести себя в точности так, как и следовало при тайной операции по высадке человека, – как в боевых условиях. Он сориентировался по освещенной панели управления на мостике и завис в пятидесяти ярдах от левого борта. Затем снизился и позволил вертолету соскользнуть к субмарине. На мостике увидели, как в хвостовой части открылся люк, показалась рука, которая схватила крюк на конце троса и втянула его внутрь.

– Всем приготовиться, – скомандовал Манкузо. – Мы проделывали это уже много раз. Проверить страховочные тросы.

Старайтесь быть повнимательней.

Поток воздуха от ротора грозил сдуть моряков вниз по трапу прямо в боевую рубку. Винтокрылая машина зависла почти над мостиком. На глазах Манкузо из грузового люка появились очертания человеческой фигуры, опускающейся на тросе. Тридцать футов, казалось, никогда не кончатся. Фигура снижалась к мостику, вращаясь от скручивания стального троса. Один из матросов протянул руки, схватил человека за ногу и потянул к себе. Тут же капитан ухватил его за руку, и вдвоем они опустили человека на палубу.

– Все в порядке, вы в безопасности, – произнес Манкузо. Незнакомец выскользнул из страховочного крепления, и трос исчез из виду.

– Привет, Манкузо!

– Черт побери! – воскликнул капитан.

– Разве так встречают товарища?

Но дело прежде всего. Манкузо поднял голову. Вертолет был уже на высоте двухсот футов. Он протянул руку и трижды мигнул ходовыми огнями «Далласа»: **ВЫСАДКА ЗАКОНЧЕНА**. Вертолет мгновенно опустил нос и устремился в сторону немецкого берега.

– А теперь спустимся вниз, – рассмеялся Барт. – Впередсмотрящие, вниз. Очистить мостик. – Черт побери, пробормотал он про себя. Капитан следил за тем, как спустились вниз его люди, выключил внутреннее освещение на мостике, внимательно огляделся вокруг, проверяя, не забыли ли чего подчиненные, и направился по трапу вслед за ними. Минуту спустя он был внутри боевой рубки.

– А теперь мне можно попросить разрешения сойти на берег вашего судна, капитан? – поинтересовался Марк Рамиус.

– Штурман?

– Все системы проверены. Мы готовы к погружению, – доложил штурман. Манкузо автоматически повернулся и взглянул на контрольную панель, где горели одни зеленые огни.

– Хорошо. Начать погружение. Глубина сто футов, курс ноль-семь-один, машины вперед на одну треть. – Лишь теперь он взглянул на гостя. – Добро пожаловать на борт, капитан.

– Благодарю вас, капитан. – Рамиус схватил Манкузо в медвежьи объятия и поцеловал в щеку, затем сбросил с себя рюкзак. – Здесь

можно говорить?

– Пройдем на нос.

– Первый раз на борту вашей подлодки, – заметил Рамиус. Мгновение спустя из гидролокационной рубки высунулась голова.

– Капитан Рамиус! Мне показалось, что я узнал ваш голос! – Джоунс взглянул на Манкузо. – Извините, сэр. Только установили контакт, пеленг ноль-восемь-один. Судя по звуку – торговое судно. Один винт, его вращают низкооборотные дизели. По-видимому, далеко от нас. Докладываем в боевую рубку, сэр.

– Спасибо, Джоунси. – Манкузо пригласил Рамиуса в свою каюту и закрыл дверь.

– Что это там такое? – спросил молодой акустик Джоунса,

– К нам только что прибыл гость.

– У него вроде какой-то акцент, верно?

– Похоже на то. – Джоунс сделал жест в сторону гидролокационного дисплея. – У этого контакта тоже какой-то акцент. Посмотрим, насколько быстро тебе удастся определить, что это за купец.

Это было опасно, но вся жизнь соткана из опасностей, подумал Лучник. Советско-афганская граница проходила по фарватеру быстрой горной реки, питаемой тающими снегами и извивающейся подобно змее через ущелья, прорезанные ею в скалах. Граница находилась под усиленной охраной. Преимуществом было то, что его люди одеты в обмундирование афганской армии, мало отличающееся от советского. Русские уже давно одевали своих солдат в незамысловатое, зато теплое обмундирование, пригодное для зимы. Моджахеды были одеты главным образом в сливающиеся с окружающим их снегом белые комбинезоны с рассеянными на них здесь и там зелено-коричневыми полосами и пятнами, которые мешали увидеть очертания человеческих тел. Теперь требовалось одно – терпение. Лучник лежал у самого хребта горного кряжа и просматривал в русский бинокль раскинувшуюся перед ним местность. Его люди отдыхали в нескольких метрах позади и ниже. Он знал, что мог обратиться за

помощью к руководителю местного партизанского отряда, но зашел слишком далеко и не хотел рисковать. Некоторые из северных племен оказывали поддержку русским – по крайней мере так ему сообщили. Верно это или нет – подвергать свою операцию опасности он не решился.

Впереди него в шести километрах слева, на вершине горы, находился русский сторожевой пост. Большой и хорошо укрепленный, с гарнизоном в целый взвод, его солдаты патрулировали этот сектор границы. Сама граница была усилена заграждениями и минными полями. Русские обожали минные поля... но от сильного мороза земля превратилась в камень, а советские мины ненадежны в замерзшем грунте, хотя иногда при замерзании грунта, смещающего слои земли, они взрывались сами.

Лучник выбрал место перехода границы после тщательного изучения местности. Граница выглядела практически неприступной – но это на карте. Контрабандисты, однако, пересекали ее на протяжении столетий. На противоположном берегу реки виднелось извилистое ущелье, вырезанное в горном массиве талыми водами. Крутое и скользкое, оно представляло собой настоящий каньон, спрятанный от посторонних взглядов – если только наблюдатель не находился прямо над ним. Разумеется, русские могут установить там постоянный пост и следить за этим ущельем – в таком случае оно превратится в смертельную ловушку. Ничего не поделаешь, на все воля Аллаха, сказал он себе и заранее примирился с судьбой. Пора.

Сначала он увидел вспышки. Огонь вели десять моджахедов с тяжелым пулеметом и одним из его драгоценных минометов. Трассирующие пули летели через границу в лагерь русских пограничников. У него на глазах пули рикошетом отскакивали от валунов, прочерчивая замысловатые линии в бархатном небе. Затем русские открыли ответный огонь. Скоро Лучник услышал и звуки выстрелов. Он надеялся, что его людям удастся уйти, но сейчас его внимание было устремлено на другое – он повернулся и подал знак.

Они побежали вниз по крутому горному склону, не обращая внимания на опасность. Им повезло – ветер сдул снег с камней и ноги не скользили на скалах. Лучник повел свой отряд к реке. Несмотря на мороз, она не замерзла из-за быстрого течения по крутому уклону. Вот и сигнальная проволока. Молодой моджахед перекусил кусачками

проводе, освобождая проход для остальных, и Лучник повел их дальше. Теперь его глаза привыкли к темноте, и он двигался медленнее, глядя на грунт в поисках небольших кочек, означающих мины в замерзшей земле. Моджахеды понимали его без слов и двигались вереницей, один за другим, всякий раз стараясь попасть ногой на выступающие камни. Теперь слева от них небо освещалось ракетами, но стрельба несколько утихла.

Им потребовалось больше часа, но, наконец, Лучник перевел всех своих людей через реку в ущелье, на тропу контрабандистов. Двое останутся здесь, на пригорке, откуда открывается вид на место переправы. Молодой сапер, перерезавший проволоку, остановился на несколько минут, чтобы восстановить контакт и скрыть место проникновения на советскую территорию, затем тоже исчез в темноте,

Отряд Лучника не останавливался до наступления рассвета, и лишь тогда сделали передышку на несколько часов, чтобы поесть и отдохнуть. Командиры сообщили ему, что все идет хорошо, даже лучше, чем они полагали.

Остановка в Шэнноне была недолгой – здесь они только заправились и приняли на борт советского летчика, который должен был вести переговоры с авиадиспетчерами в русском воздушном пространстве. Когда самолет приземлился, Джек проснулся и решил было выйти размять ноги, затем передумал – «Дьюти-фри шопс» могут подождать до обратного рейса. Русский занял свободное кресло в кокпите, и самолет снова взлетел.

Наступила ночь. Летчик был в хорошем настроении. Вся Европа, объявил он, наслаждается ясной холодной погодой. Джек следил в окно, как внизу проплывали оранжево-желтые огни английских городов. Внутри самолета нарастало напряжение, нет, скорее ожидание, подумал он, прислушиваясь к изменившемуся тону голосов вокруг – они стали более высокими, хотя не такими громкими. Нельзя лететь в Советский Союз и не чувствовать себя кем-то вроде заговорщика. Скоро все говорящие перешли на хриплый шепот. Джек мрачно улыбнулся, глядя в плексиглас иллюминатора, и его отражение

спросило: а что здесь смешного? Под самолетом показалась водная поверхность – они летели через Северное море к Дании.

За ним раскинулось Балтийское море. Сразу было заметно, где встречаются Запад и Восток. К югу виднелись весело освещенные немецкие города, каждый в ярком ореоле огней. На другой стороне – стены из колючей проволоки, защищенной минными полями, обстановка казалась совершенно иной. Все, кто находился на борту, тоже заметили разницу, и разговор стал более приглушенным.

Самолет летел по воздушному коридору G-24; штурман, сидящий впереди, держал перед собой на столике полуразвернутую карту Джеппесена. Еще одним различием между Западом и Востоком являлась ограниченность в последнем из воздушных коридоров. Ну что ж, напомнил себе Джек, здесь летает не так много легких одномоторных самолетов – правда, одна «Сессна» сумела тут пролететь...

– Начинаем поворот, Переходим на новый курс ноль-семь-восемь и входим в советское воздушное пространство.

– Ясно, – отозвался через мгновение пилот – командир самолета. Он устал. Позади длинный перелет. Они уже поднялись на уровень полета 381 – это значило 38 тысяч 100 футов, или 11 тысяч шестьсот метров, как предпочитали называть высоту русские. Пилоту не нравилось измерение высоты в метрах, хотя приборы на панели управления градуировались в двух системах измерения. Закончив поворот, они пролетели еще шестьдесят миль и пересекли советскую границу у Вентспилса.

– Вот мы и д-о-о-ма! – раздался чей-то возглас в нескольких футах от Райана. С высоты советская территория ночью выглядела настолько темной, что по сравнению с ней Восточная Германия казалась утопающей в праздничных огнях подобно весеннему празднику Марди Грае в Новом Орлеане. Он вспомнил спутниковые фотографии, сделанные ночью. В темноте так легко опознать колонии ГУЛАГа – редкие освещенные квадраты на темном фоне... какая мрачная страна, где ярко освещаются только тюрьмы...

Для пилота место пересечения границы было всего лишь отметкой на карте. Еще восемьдесят пять минут полета при таких погоде и ветре. Этот воздушный коридор над советской территорией, именуемый теперь G-3, был единственным, где авиадиспетчеры

говорят по-английски. Вообще-то летчику для полета в Москву не нужен был русский, что расположился в кокпите. Он, разумеется, был сотрудником спецслужбы ВВС и мог оказать помощь только в случае какого-нибудь происшествия. Русским вообще была по душе мысль о позитивном контроле. Указания по высоте полета и курсу, которые давал сейчас русский летчик, были намного точнее команд, получаемых от авиадиспетчеров в американском воздушном пространстве, словно он не имел представления, что делать без указаний, поступающих от какого-то кретина на земле. Конечно, и здесь не обошлось без чего-то забавного. Американского пилота звали Пауль фон Эйк. Предки полковника переселились в Америку из Пруссии сто лет назад, но их потомки так и не сумели отказаться от приставки «фон», которая когда-то была такой важной для семейного прошлого. Кое-кто из этих предков воевал здесь, подумал полковник фон Эйк, на покрытых снегом русских равнинах. И уж конечно, кто-то из родственников не так давно сражался тут и похоронен в русской земле, над которой он мчится сейчас со скоростью шестьсот миль в час. Интересно, что подумали бы они о нем сейчас, пронеслось у него в голове, пока его светло-голубые глаза обшаривали горизонт в поисках огней других самолетов.

Подобно большинству пассажиров, Райан мог определить, высоту полета лишь визуально, глядя вниз на далекую землю, но сейчас он не мог сделать этого из-за темноты и отсутствия огней на советской земле. Он понял, что подлетают к месту назначения, лишь когда самолет начал широкий поворот влево. Послышался визг сервомоторов, опускающих закрылки, и Джек заметил, что рев турбин стал не таким громким. Скоро он начал различать отдельные деревья, проносящиеся внизу. Раздался голос пилота, предупреждающий курильщиков о необходимости погасить сигареты, и тут же на табло зажглась надпись: «Пристегните ремни». Через пять минут они совершили посадку в аэропорту Шереметьево. Несмотря на то что все аэропорты мира похожи один на другой, Райан сразу узнал Шереметьево – рулежная дорожка была самой неровной.

Теперь разговор в самолете оживился. Нарастало возбуждение, после того как пассажиры увидели, что члены экипажа выходят из кабины. Дальше все происходило словно во сне. Эрни Аллена встретила группа соответствующего уровня, и его тут же увезли в

посольском лимузине. Всех остальных разместили в автобусе. Райан сидел один, глядя на панораму, проносящуюся за окнами автобуса, сделанного в Германии.

Клюнет ли Герасимов на приманку – по-настоящему?

Что, если нет?

А что, если клюнет? – спросил себя Райан с улыбкой.

В Вашингтоне все представлялось простым и ясным, но здесь, в пяти тысячах миль от дома... ситуация качалась иной. Ну, утром все прояснится. Сначала он поспит, прибегнув к помощи красной таблетки, выдаваемой правительственной службой. Завтра он побеседует кое с кем в посольстве. Остальное будет развиваться своим путем.

20. Ключ судьбы

Жужжание наручных часов разбудило Райана. В комнате было ужасно холодно. Даже в десять утра на окнах виднелся иней, и он с опозданием понял, что забыл проверить, действует ли отопление в его комнате. Первым осмысленным действием было надеть теплые носки. Комната Райана на седьмом этаже посольства – официально она называлась малогабаритной квартирой – выходила окнами во двор. Затянутое облаками небо казалось свинцово-серым. Похоже было, что вот-вот начнется снегопад.

Великолепно, заметил про себя Джек, направляясь в туалет. Он знал, что все могло быть куда хуже. Ему удалось разместиться в этой квартире только потому, что ее постоянный обитатель, сотрудник посольства, находился в отпуске. По крайней мере Джек убедился, что туалет действует, а заглянув в шкафчик на стене, обнаружил записку, в которой его просили не оставлять за собой беспорядок, как это сделал предыдущий гость. Затем Джек заглянул в маленький холодильник. Пусто, Добро пожаловать в Москву. Он вернулся в ванную, умылся и побрился. Выйдя из комнаты, Джек столкнулся с еще одной необычной странностью здания посольства: чтобы спуститься вниз с седьмого этажа, сначала нужно было подняться на девятый и лишь после этого, на другом лифте, попасть на первый. Входя в столовую, Джек все еще недоуменно качал головой по этому поводу,

– Ну как вам нравится смена часовых поясов? – приветствовал его другой член делегации. – Кофе вон там.

– Я называю это «шоком путешественника», – ответил Райан, нашел чашку и вернулся к столику. – По крайней мере кофе здесь вполне приличный. А где все остальные?

– Спят, наверно. Даже дядя Эрн. Мне удалось поспать несколько часов во время полета, и благодарение Господу за ту таблетку, что всем нам выдали.

– Да, я тоже поспал, – засмеялся Райан. – К ужину, похоже, стану чувствовать себя по-человечески.

– Не хотите прогуляться? Мне не терпится походить по городу, но...

– Да, я помню, – кивнул Райан. – Гулять по Москве только парами. Обычно это правило распространялось лишь на участников переговоров по разоружению. Но эта фаза переговоров являлась важной, и потому более строгие, чем обычно, правила поведения распространялись на всю делегацию. – Может быть, попозднее. У меня кое-какие дела.

– Единственная возможность – это сегодня и завтра, – напомнил ему дипломат.

– Знаю, – заверил его Райан. Он встал, посмотрел на часы и решил, что с едой можно подождать до обеда. Организм уже разобрался со сном, который почти перешел на московский цикл, но у желудка оставались сомнения. Джек вернулся в служебные помещения. Коридоры казались пустыми. По ним прохаживались патрули морских пехотинцев. Парни выглядели очень серьезно после всех неприятностей, происшедших в посольстве за последнее время. Джек не заметил в это субботнее утро никаких признаков деловой активности. Он подошел к соответствующей двери и постучал, зная, что она заперта.

– Райан?

– Да. – Дверь открылась, затем ее закрыли и снова заперли.

– Садитесь. – Его звали Тони Кандела. – Ну, что произошло?

– Мы проводим операцию.

– Это что-то новое – вы из разведывательного управления, а не из оперативного, – возразил Кандела.

– Это верно. Ивану тоже об этом известно. Слушайте, вам мои объяснения могут показаться несколько странными. – В течение пяти минут Райан изложил суть предстоящей операции.

– И это, по-вашему, «несколько странно»? – Кандела молитвенно поднял взгляд к потолку.

– На определенном этапе операции мне потребуется охранник. Кроме того, нужны кое-какие телефоны, а также колеса в тот момент, когда это потребуется.

– Мне понадобится привлечь своих агентов.

– Мы знаем об этом.

– Разумеется, если все пройдет удачно...

– Совершенно верно. Мы готовы приложить все усилия к тому.

– Муж и жена Фоули ознакомлены?

– Боюсь, что нет.

– Жаль. Мэри-Пэт это понравилось бы. Она любит риск. Э.и больше занимается планированием. Значит, вы надеетесь, что он клюнет вечером понедельника или вторника?

– Таков план.

– Хотите, я скажу вам, что думаю относительно планов? – предложил Кандела.

Они позволили ему спать. Врачи снова предупредили полковника Ватутина. Как тут добьешься чего-то, когда они постоянно...

– И опять то же самое имя, – устало произнес человек с наушниками. – Романов. Если уж он говорит во сне, почему бы не признаться?...

– Может быть, он разговаривает с призраком последнего императора, – пошутил другой офицер. Ватутин поднял голову.

– Или с кем-нибудь еще. – Полковник покачал головой. Он едва не заснул. Романов, фамилия исчезнувшей династии императоров России, была достаточно распространенной – даже когда-то один из членов Политбюро был Романовым. – Где его досье?

– Вот оно. – Шутник достал папку из ящика стола и протянул ее Ватутину. Она весила больше шести килограммов и состояла из нескольких разделов. Ватутин знал почти все материалы наизусть, но сосредоточил внимание на двух последних разделах. Теперь он

Открыл первый.

– Романов, – пробормотал он про себя. – Где я видел эту фамилию? Ему понадобилось пятнадцать минут, чтобы максимально быстро перелистать истрепанные страницы, стараясь их не порвать.

– Вот! – торжественно воскликнул Ватутин. Это было упоминание об отрывке из наградного листа, написанное карандашом на полях. – Ефрейтор А. И. Романов, погиб в бою 6 октября 1941 года... бесстрашно заслонил своим танком подбитый танк командира, позволив тем самым капитану Филитову спасти раненых членов своего экипажа... – Да, конечно, ведь я сам читал об этом в книге. Михаил Семенович уложил раненых на броню моторного отсека другого танка,

влез внутрь и уничтожил немецкий танк, от выстрела которого сгорел танк Романова. Ефрейтор спас жизнь Михаила Семеновича и был посмертно награжден орденом Красного Знамени... – Ватутин замолчал, внезапно заметив, что зовет Филитова по имени и отчеству.

– Почти пятьдесят лет назад?

– Они воевали вместе. Этот Романов служил в экипаже Филитова первые месяцы войны. Да, он был героем, погиб в бою за родину, защищая жизнь своего командира, – заметил полковник. И Михаил Семенович все еще разговаривает с ним во сне...

Все, Филитов, ты у меня в руках.

– Может быть, разбудить его и...

– Где врач? – прервал офицера Ватутин.

Оказалось, что врач собирался уходить домой, и вызов не привел его в восторг, однако спорить с полковником Ватутиным он не решался.

– Как вести себя с ним? – спросил полковник, рассказав о ефрейторе Романове.

– Он должен быть усталым, но бодрствовать. Это делается очень легко.

– Значит, нам нужно разбудить его и...

– Нет, только не сейчас, – покачал головой врач, – Не во время периода БДГ.

– Что?

– Сон при быстрых движениях глаз – так называется период, когда пациенту снятся сны. Всегда заметно, что пациенту снится сон, – по движениям глаз, независимо от того, говорит он во сне или нет.

– Но ведь нам отсюда не видно этого, – возразил один из офицеров КГБ.

– Да, пожалуй, следует подумать о том, как перестроить систему наблюдения, – задумчиво произнес врач. – Впрочем, это не имеет особого значения. Во время периода БДГ его тело фактически парализовано. Видите, он совсем не двигается, правда? Это делается для того, чтобы обезопасить тело от движений во время сна. Как только он опять начнет шевелиться, значит, сон закончился.

– Это долго? – спросил Ватутин. – Нам не нужно, чтобы он проснулся слишком уж отдохнувшим.

– Это зависит от пациента – у каждого индивидуально, – но не следует особенно беспокоиться. Поручите надзирателю приготовить завтрак, и, как только он начнет двигаться, разбудите его и накормите.

– Да, конечно, – улыбнулся Ватутин.

– После этого мы не дадим ему уснуть в течение... ну, скажем, восьми часов или даже больше. Да, этого достаточно. Вам хватит восьми часов?

– Вполне, – заявил полковник с большей уверенностью, чем следовало. Он встал и взглянул на часы, затем позвонил в центр и отдал несколько распоряжений. Его тело отчаянно требовало сна, и Ватутин прошел в комнату, где его ждала приготовленная удобная постель. Ему хотелось хорошо отдохнуть и подготовиться к моменту, когда потребуется полное напряжение умственных сил. Полковник разделся и приказал, чтобы за время отдыха почистили сапоги и выгладили мундир. Он чувствовал себя настолько усталым, что пропало даже желание выпить.

– Теперь ты у меня в руках, – пробормотал он засыпая.

– До свиданья, Беа, – громко произнесла Кэнди с крыльца, глядя на машину, в которую садилась ее подруга. Тауссиг повернулась и в последний раз махнула рукой. Кэнди и Элан не видели той ярости, с которой она воткнула ключ в замок зажигания. Она проехала всего половину квартала, свернула за угол к обочине и остановилась, глядя в ночь невидящими глазами.

Они уже занимаются этим, подумала она. В течение всего ужина он так смотрел на нее, а она – на него! Эти потные маленькие руки уже расстегивают пуговицы на ее блузке...

Она закурила сигарету и откинулась на спинку сиденья, рисуя в своем воображении красочные картины, а ее желудок сжался в тугой болезненный узел. Прыщавое лицо и Кэнди. Ей пришлось выдержать три часа этой пытки. Превосходный, как всегда, ужин, приготовленный руками Кэнди. В течение двадцати минут, пока хозяйка занималась последними приготовлениями, ей пришлось сидеть в гостиной с ним, слушать идиотские шутки, заставляя себя улыбаться ему. Было

очевидно, что и Элану она тоже не нравится, но раз она была подружкой Кэнди, он чувствовал себя обязанным быть вежливым с ней, вежливым с бедной Беа, о которой он думал как о старой деве или как это теперь называют, – она видела, о чем он думает по его глупым глазам. Плохо, когда относятся к тебе снисходительно, но стать предметом жалости...

И вот теперь он касается ее, целует, слушает ее шепот, сам шепчет глупые, отвратительные нежные слова – и Кэнди это нравится! Как это может быть?

Тауссиг знала, что Кэнди не просто прелестна, у нее свободный дух. У нее ум первооткрывателя и теплая чувствительная душа. Она способна на глубокие чувства. Она такая женственная, а красота ее начинается в сердце и выходит наружу через очаровательную теплую улыбку.

А сейчас она отдается этому... этому уроду! Он, наверно, уже делает это. Этот урод не имеет представления о том, что нельзя спешить, нужно проявить подлинную любовь и чувства. Готова поспорить, он просто делает это, пуская слюни и хихикая, как какой-нибудь пятнадцатилетний дебил-футболист. Как она могла!

– О, Кэнди! – Голос Беа дрогнул. Ее охватил приступ тошноты, и она с трудом справилась с собой. Затем она сидела в автомобиле еще двадцать минут, содрогаясь от молчаливых рыданий, прежде чем смогла ехать дальше-

– Как твое мнение?

– По-моему, она лесбиянка, – ответила агент Дженнингс после недолгого размышления.

– Но в ее досье ни слова об этом, Пегги, – заметил Уилл Перкинс.

– То, как она смотрит на доктора Лонг, как ведет себя в присутствии Грегори... я чувствую это инстинктивно.

– Но...

– Совершенно верно – что нам делать? – согласилась Маргарет Дженнингс, отъезжая от обочины. На мгновение у нее мелькнула мысль о том, чтобы последовать за Тауссиг, но они провели длинный и утомительный день, наблюдая за ней. – У нас нет никаких

доказательств, и, даже если нам удастся получить их и начать действовать, разразится грандиозный скандал.

– Ты не допускаешь вероятности, что они втроем...

– Уилл, ты опять заглядываешь в эти журналы, – засмеялась Дженнингс, и на мгновение уныние исчезло. Перкинс был мормоном и питал отвращение к порнографии. – Эти двое настолько влюблены друг в друга, что не замечают окружающего их мира – только работу. Готова биться об заклад, что даже их разговоры в постели засекречены. Дело в том, Уилл, что Тауссиг выброшена из личной жизни своей подруги и ревнует. Такова действительность, ничего не поделаешь.

– Что мы напишем в своем отчете?

– Ничего. У нас нет на то оснований – одни домыслы. – Им поручили этим вечером проверить сообщения о том, что вблизи дома, где проживают Грегори и Лонг, иногда появляются чужие автомобили. Основанием для этих слухов, решила агент Дженнингс, является недовольство какого-нибудь местного ханжи тем, что двое молодых людей живут вместе, не оформив должным образом свои отношения. Дженнингс сама была несколько старомодной в этом отношении, но совместная жизнь не является основанием подозревать Грегори и Лонг в нарушении правил секретности. С другой стороны...

– Нам все-таки следует проверить эту Тауссиг.

– Она живет одна.

– Уж в этом можно не сомневаться. – Понадобится немало времени, чтобы подвергнуть проверке каждого сотрудника проекта «Чайный клипер», но при проведении такого расследования спешить нельзя.

– Тебе не надо было приезжать сюда, – сразу заметила Таня. Лицо Бизариной скрывало кипевшую у нее внутри ярость. Она взяла Тауссиг за руку и ввела в дом.

– Энн, но все это так ужасно!

– Садись вот сюда. За тобой не было слезки? – Идиотка! Извращенка! Бизарина только что приняла душ; на ней были лишь халат и полотенце вокруг головы.

– Нет, я смотрела внимательно.

Да, конечно, подумала Бизарина. Ее очень удивило бы, узнай она, что это правда. Несмотря на плохо соблюдаемые правила безопасности на проекте «Чайный клипер» – подумать только, они взяли на работу такую, как Тауссиг! – ее агент нарушила все законы разведки, приехав к ней на дом.

– Тебе нельзя здесь долго оставаться.

– Я знаю. – Тауссиг высморкалась. – Они только что закончили разработку первого варианта новой программы. Прыщавый урод сократил ее до восьмидесяти тысяч строчек кодированной информации – тут ему очень пригодилось, что удалось выбросить все лишнее. Понимаешь, мне кажется, он запомнил всю новую информацию, – я знаю, что это невозможно даже для него, но все-таки...

– Когда тебе удастся...

– Не знаю. – По лицу Тауссиг пробежала улыбка. – Вот если бы тебе удалось привлечь его к работе. Мне кажется, только он один по-настоящему понимает всю программу – я имею в виду весь проект.

К сожалению, в нашем распоряжении лишь ты, подумала Бизарина, но не произнесла этого вслух. На следующий шаг ей понадобилось все напряжение воли – она взяла руку Тауссиг.

У той снова потекли слезы. Тауссиг прямо-таки упала в объятия Тани. Русский капитан прижала ее к груди, стараясь вызвать в себе сочувствие к своему агенту. В школе КГБ было много уроков, направленных на то, чтобы научить офицеров, как обращаться с агентами. Сочувствие и жестокость – вот что самое главное, именно такая комбинация, хотя и в разной степени в каждом индивидуальном случае. С ними надо обращаться как с избалованными детьми, чередуя выговоры и похвалу, чтобы принудить их к правильным действиям. А агент «Ливия» была важнее других.

Бизариной было нелегко заставить себя повернуть голову к голове Тауссиг, покоящейся на плече, и поцеловать щеку, соленую от слез. Поняв, что большего от нее не потребуется, Бизарина вздохнула с облегчением. От нее еще никогда не требовалось большего, но она жила в постоянном страхе, ожидая, что наступит день, когда «Ливия» потребует этого от нее, – такое несомненно случится, если Тауссиг поймет, что та, кого она выбрала в качестве своей возлюбленной, не проявляет к ее ухаживаниям ни малейшего интереса. Это приводило

Бизарину в изумление. Беатрис Тауссиг обладала блестящим в своем роде умом и, несомненно, по интеллекту превосходила ее, офицера КГБ, которой было поручено заниматься его, но она так плохо разбиралась в людях. Верхом иронии являлось то обстоятельство, что она очень походила на Элана Грегори – мужчину, вызывавшего у нее отвращение. Тауссиг была красива, более утонченна, но ей не хватало способности коснуться сердечных струн другого человека. Грегори, по-видимому, сделал это только один раз в своей жизни, и в этом заключалась разница между ним и ею. Ему первому удалось завоевать сердце Кэнди, потому что у Беатрис не хватило смелости. Впрочем, это даже к лучшему, подумала Бизарина. Отказ уничтожил бы ее.

Было бы интересно узнать, что представляет собой Грегори, подумала Бизарина. Наверно, еще один ученый сухарь – как зовут таких англичане? Умник, не от мира сего. Блестящий умник – впрочем, все ученые, работающие над проектом «Чайный клипсер», блестящие в своем роде. Это пугало ее. В общем-то Беатрис гордилась своим участием в таком грандиозном проекте, но она считала его угрозой миру, и в этом вопросе Бизарина соглашалась с ней. Грегори был «умником», стремящимся перестроить мир. Бизариной было понятно его стремление. Она тоже хотела перестроить мир, только совсем по-другому. Грегори и «Чайный клипер» угрожали этому. Она не испытывала ненависти к нему. Раз уж зашла речь об этом, он скорее всего понравится ей. Однако личные чувства не имели никакого отношения к разведывательной работе.

– Теперь тебе лучше? – спросила Бизарина, когда поток слез стих.

– Мне нужно ехать.

– Ты уверена, что справишься?

– Да. Я не знаю, когда смогу...

– Понимаю. – Таня проводила ее к двери. По крайней мере у нее хватило ума поставить машину в другом квартале, заметила «Энн». Она ждала, стоя у приоткрытой двери, пока не раздался характерный рев мотора спортивного автомобиля. Закрыв двери, Бизарина посмотрела на руки и направилась в ванную, чтобы вымыть их.

Ночь рано опустилась на Москву, солнце скрылось за облаками, из которых посыпался очередной заряд снега. Члены делегации собрались в вестибюле посольства, а потом вышли все вместе, чтобы разместиться в выделенных автомобилях для поездки на торжественный ужин. Райан оказался в машине номер три – определенное продвижение вперед по сравнению с предыдущим визитом, заметил он про себя не без улыбки. Едва кавалькада машин тронулась в путь, он вспомнил замечание шофера, сделанное им еще в прошлый приезд: названия улиц в Москве существуют главным образом для того, чтобы можно было выделять коллекции выбоин на каждой из них. Автомобиль то и дело подпрыгивал на ухабах, направляясь на восток по полупустым улицам. Они пересекли реку – слева открылся вид на Кремль – и проехали мимо входа в парк имени Горького. Райан заметил ярко освещенный лед, на котором было много катающихся – их не остановил снегопад. Ему было приятно видеть, как веселятся люди. Даже Москва, напомнил он себе, полна обычных людей, ведущих обычную жизнь. Об этом легко забыть, если постоянно приходится думать о небольшой группе врагов.

Машина свернула на Октябрьскую площадь и после нескольких поворотов остановилась у гостиницы Академии наук – здания псевдосовременной конструкции, которое в Америке можно было бы принять за одно из зданий делового центра. Между серой бетонной стеной гостиницы и тротуаром торчала вереница поникших березок, в отчаянии протянувших ветки к усыпанному звездами небу – Райан покачал головой. Несколько часов снегопада – и глазам предстанет иная, прекрасная картина. Температура приближалась к нулю – Райан оценивал ее по Фаренгейту, по Цельсию сейчас градусов пятнадцать мороза – и почти безветренно. Направляясь ко входу в гостиницу, он ощущал вокруг тяжелый и холодный воздух.

Внутри, как в большинстве русских домов, было удушающе жарко. Джек снял пальто и оставил его в раздевалке. Советская делегация уже выстроилась, чтобы приветствовать американских коллег, и американцы пошли вдоль ряда советских дипломатов, пожимая им руки, и оказались у стола, уставленного бутылками. Здесь каждый брал, что ему нравилось. Девяносто минут отводилось на аперитив и дружеские беседы перед началом собственно ужина. Добро пожаловать в Москву. Райану понравился замысел. После

достаточного количества алкоголя любая пища покажется роскошной, и до сих пор ему не удавалось попробовать русские блюда, поднимающиеся над уровнем заурядных. Зал был тускло освещен, и каждый мог наблюдать, как падает снег за огромными оконными стеклами.

– Рад снова приветствовать вас, доктор Райан, – послышался знакомый голос.

– Сергей Николаевич! Надеюсь, вы сегодня не за рулем, – заметил Джек, делая жест своим бокалом в сторону стакана Головки, полного водки. Щеки советского полковника уже покраснели, а синие глаза сверкали пьяным весельем.

– Как вам понравился вчерашний перелет? – спросил полковник из ГРУ. Он рассмеялся еще до того, как Райан успел ответить. – Вы все еще боитесь летать?

– Летать – ничуть. Меня пугает удар о землю, – усмехнулся Джек. Он всегда относился к собственным страхам с юмором.

– Ах да, вы повредили спину во время катастрофы с вертолетом. Могу вам только посочувствовать.

– Сколько снегу ожидается сегодня? – Райан махнул в сторону окна.

– Порядочно. Однажды выпало с полметра. Это не слишком серьезный снегопад, завтра подморозит, небо очистится и город покроется сверкающим белым одеялом. – Головки говорил почти как поэт, вдохновленный русской зимой.

Ужин еще не начался, а он уже пьян, подумал Райан. Ну что ж, сегодняшней вечер посвящен веселому времяпрепровождению и ничему больше, а русские умеют быть чертовски гостеприимными, когда им этого хочется.

– Как семья? – спросил Головки, не обращая внимания на стоящего рядом другого американского делегата.

– Хорошо, спасибо. А ваша?

Головки жестом пригласил Райана к столу с бутылками. Официанты еще не принялись за работу. Офицер русской разведки выбрал еще один стакан с прозрачной жидкостью, – У них все в порядке. – На его лице появилась широкая улыбка. Сергей Николаевич прямо-таки олицетворял собою русское гостеприимство.

Улыбающееся лицо ничуть не изменилось, когда он задал свой следующий вопрос:

– Насколько я понимаю, вы хотите встретиться с председателем Герасимовым?

Боже мой! Сердце Райана замерло, однако лицо выразило удивление.

– Вот как? Откуда вам пришла в голову такая мысль?

– Я не из ГРУ, Райан, откровенно говоря. Раньше я служил в Третьем главном управлении, но теперь занимаюсь другими проблемами, – объяснил он и снова рассмеялся. Этот смех был совершенно искренним. Он только что доказал, насколько неверным является досье ЦРУ, касающееся его деятельности, и опроверг мнение Райана о себе. Головка протянул руку и похлопал его по плечу. – Сейчас я уйду. Через пять минут пройдите через вон ту дверь позади вас и поверните налево, словно ищете мужской туалет, После этого вам покажут дорогу. Понятно? – Он снова похлопал Райана по плечу.

– Да.

– Сегодня мы больше не увидимся. – Они пожали руки, и Головка отошел в сторону.

Черт побери, ругнулся про себя Райан.

В зал вошла группа скрипачей. Они заиграли цыганские мелодии, расхаживая по залу. По-видимому, у музыкантов превосходная сыгранность, потому что играли они удивительно согласованно, несмотря на полумрак в зале и свои непрерывные перемещения по нему. Пока музыканты ходят по залу, в котором царит относительная темнота, понял Джек, трудно будет различить отдельные фигуры. Все сделано весьма профессионально и облегчает его задачу. Теперь он сумеет незаметно уйти из зала и затем вернуться.

– Здравствуйте, доктор, – послышался незнакомый голос. Это был молодой советский дипломат, ведущий записи и выполняющий поручения наиболее высокопоставленных сотрудников МИД. Теперь Джек понял, что и он служит в КГБ. По-видимому, Герасимов считал, что одного сюрприза недостаточно. Он решил поразить Райана

всемогуществом своего комитета. Ну что ж, посмотрим, подумал Джек, однако для него самого подобная бравада показалась пустой, какой-то несерьезной. Все происходит слишком быстро, подумал он.

– Добрый вечер – не помню, чтобы мы встречались. – Джек сунул руку в карман и убедился, что цепочка с ключами на месте. Он не забыл взять их с собой.

– Меня зовут Виталий. Ваше отсутствие в зале останется незамеченным. Туалет вон там. – Он показал рукой. Джек передал ему свой бокал и направился к двери. Открыв ее, он едва не остановился. Никто в зале не мог знать о происходящем, но простирающийся перед ним коридор был пуст – за исключением мужской фигуры в дальнем конце. Мужчина сделал жест, приглашая Райана подойти. Райан направился к нему.

Вот, начинается.

Это был атлетического сложения молодой человек не старше тридцати. И хотя его фигура скрывалась под теплым зимним пальто, двигался он точно и размеренно, а лицо и пронизательные глаза выдавали в нем телохранителя. Тут Райану пришла в голову мысль, что неплохо показать, будто он нервничает. Для этого не требовалось особенного таланта. Мужчина завел его за угол и передал русское пальто и меховую шапку, затем односложно бросил:

– Пошли.

Он провел Райана по служебному коридору, через входную дверь, и они оказались в холодном воздухе переулка. Там их ждал другой мужчина. Он молча кивнул сопровождающему Райана, который повернулся и сделал знак, призывая его поспешить. Переулок выходил на Шаболовку, и они повернули направо. Джек заметил, что эта часть города выглядела старой, здания были главным образом дореволюционной постройки. По середине улицы шли трамвайные рельсы, уложенные в булыжной мостовой, а над головой виднелись провода контактной сети, снабжающие трамваи электроэнергией. Тут же мимо прогрохотал трамвай – вообще-то их было два, соединенные вместе, оба красно-белые. Райан со своим сопровождающим перебежал улицу по скользкой мостовой – красному кирпичному зданию с крышей, похожей на металлическую. Райан не знал, что это такое, пока они не повернули за угол.

Трамвайное депо, понял он, вспомнив похожие сооружения, которые видел в детстве в Балтиморе. Трамвайные пути заворачивали в него, затем расходились на несколько линий, ведущих в разные стороны. Он остановился на мгновение, но его спутник махнул рукой, призывая продолжать движение, и направился к крайнему входу слева. Внутри стояли трамваи, застывшие в темноте, подобно спящему скоту. Райан с удивлением заметил, что внутри царит полная тишина. Здесь должны были бы раздаваться стук молотков, скрежет электрических инструментов, голоса рабочих, но сейчас было тихо. У Райана бешено колотилось сердце, когда он проходил мимо двух неподвижных вагонов. Его сопровождающий остановился у третьего. Двери вагона были открыты, оттуда вышел еще один телохранитель, подошел к Райану, быстро и профессионально обыскал его и, не найдя оружия, указал большим пальцем руки на вход в вагон.

Судя по всему, вагон только въехал в депо, потому что на ступеньках все еще лежал снег. Райан поскользнулся и едва не упал, но один из сотрудников КГБ подхватил его. Он взглянул Райану в лицо с выражением, которое на Западе сопровождалось бы улыбкой, но русские редко улыбаются, за исключением тех случаев, когда им этого хочется. Райан поднялся внутрь трамвая, держась рукой за поручень.

Все, что мне нужно, – это...

– Добрый вечер, – раздался голос. Он не был громким, но в тишине звучал отчетливо и ясно. Райан, прищурившись, посмотрел в темноту и увидел оранжевый огонек сигареты. Он глубоко вздохнул и пошел на огонек.

– Председатель Герасимов, полагаю?

– Вы меня не узнаете? – Еле слышный смешок. Мужчина щелкнул сделанной на Западе зажигалкой, и маленькое пламя осветило его лицо. Это был Николай Борисович Герасимов. В пляшущем свете пламени зажигалки его лицо вырисовывалось в точном соответствии с репутацией. Князь Тьмы, собственной персоной...

– Теперь узнаю, – ответил Джек, стараясь говорить как можно спокойнее.

– Мне сообщили, что вы хотите поговорить со мной. Итак, чем могу служить? – спросил он вежливым голосом, так странно звучащим в подобной обстановке.

Джек повернулся и сделал жест в сторону двух телохранителей, стоящих у входа в вагон. Ему не пришлось ничего говорить вслух. Герасимов произнес лишь одно слово по-русски, и охранники вышли наружу.

– Извините их. Они обязаны охранять председателя КГБ, и мои люди очень серьезно относятся к своим обязанностям. – Он указал на сиденье напротив. Райан сел.

– Я не знал, что вы так хорошо говорите по-английски.

– Спасибо. – Вежливый кивок, за которым последовало короткое замечание:

– Предупреждаю, у нас мало времени. У вас есть какие-то сведения для меня?

– Да, есть. – Джек сунул руку в карман. Герасимов на мгновение замер и тут же взял себя в руки. Только сумасшедший может попытаться убить председателя КГБ, и Герасимов знал из досье Райана, что американец не относится к их числу. – Я хочу кое-что вам показать, – сказал Джек.

– Вот как? – вопрос прозвучал нетерпеливо. Герасимов не относился к числу людей, которые любят ждать. Он следил за тем, как руки Райана теребят что-то, и с удивлением услышал скрежет металла о металл. Неловкость Райана исчезла, когда он сумел снять ключ с кольца. Теперь он говорил как человек, сумевший в последнюю минуту отобрать у соперника крупный выигрыш.

– Вот. – Райан протянул руку с зажатым в ней предметом.

– Что это? – с подозрением спросил Герасимов. Произошло нечто действительно серьезное, на что он никак не рассчитывал, и голос выдал его беспокойство.

Райан не заставил его ждать. Его голос звучал именно так, как на протяжении прошлой недели, когда он отработывал эти фразы.

– Это, председатель Герасимов, ключ, с помощью которого боеголовки приводятся в боевую готовность. Он с советского подводного ракетносца «Красный Октябрь». Когда капитан первого ранга Марк Александрович Рамиус попросил в Америке политическое убежище, он передал его мне. Вам будет приятно узнать, что ему нравится новая жизнь в Америке, и не только ему, но и всем его офицерам.

– Эта подводная лодка...

Райан прервал его. В вагоне было темно, и все-таки он увидел, как изменилось выражение лица Герасимова.

– Потоплена своими подрывными зарядами? Нет. Ваш агент, находившийся на борту «Красного Октября» под прикрытием должности кока – по-моему, его фамилия Судец, – он... Ну зачем скрывать? Я убил его. Этим нечего гордиться, но иначе он убил бы меня. Говоря по правде, он оказался очень смелым молодым человеком, – сказал Джек, вспоминая ужасные десять минут в ракетном отсеке субмарины. – В вашем досье на меня ничего не говорится о моем участии в операциях, верно?

– Но...

Джек снова прервал его. Время для вежливости еще не наступило. Герасимова нужно потрясти, лишить самообладания.

– Господин Герасимов, вы должны выполнить то, что я вам скажу.

– Чепуха. Наш разговор окончен. – Однако председатель КГБ не спешил встать, и Райан на этот раз заставил его ждать несколько секунд.

– Нам нужно, чтобы вы передали нам полковника Филитова. В вашем докладе на Политбюро об инциденте с «Красным Октябрем» говорится, что подводная лодка была несомненно уничтожена и что попытка найти в Америке политическое убежище, по всей вероятности, не планировалась, что была нарушена безопасность ГРУ, командование субмарины получило фальшивые приказы, после того как ее двигатель оказался выведен из строя в результате саботажа. Эти сведения вы получили от агента «Кассиуса». Он работает на нас, – объяснил Джек. – Вы воспользовались этим инцидентом, чтобы избавиться от адмирала Горшкова и усилить свой контроль над внутренней безопасностью Вооруженных Сил СССР. Они так и не простили вам этого, правда? Итак, если вы не передадите нам полковника Филитова, на будущей неделе в Вашингтоне будет организована утечка информации для опубликования в воскресных выпусках газет. Там приведут некоторые подробности операции и появится фотография подводной лодки в крытом сухом доке в Норфолке, штат Виргиния. Затем мы представим репортерам капитана первого ранга Рамиуса. Он скажет, что заместитель командира по политчасти – это один из офицеров вашего Третьего главного управления – принимал активное участие в побеге и тоже обращался с

просьбой о политическом убежище. К сожалению, скажет Рамиус, вскоре после прибытия в Америку Путин умер от сердечного приступа. Это, разумеется, ложь, но попытайтесь опровергнуть ее.

– Вам не удастся шантажировать меня, Райан! – Голос председателя КГБ звучал теперь совсем неубедительно.

– И вот что еще. СОИ – стратегическая оборонная инициатива – не станет предметом переговоров. Вы, наверно, уже сообщили членам Политбюро, что американцы готовы на это? – спросил Джек. – Вам конец, господин Герасимов. В наших силах уничтожить и опозорить вас, и вы оказались слишком хорошей целью, чтобы упустить ее. Если вы не вернете нам Филитова, мы огласим немало других вещей. Некоторые будут подтверждены, но те,

что по–настоящему серьезны, мы станем категорически отрицать. ФБР немедленно начнет расследование, стараясь определить источник утечки секретной информации.

– Вы делаете все это не ради Филитова, – произнес Герасимов. Ему удалось справиться с волнением.

– Не только ради него. – И снова Райан заставил его ждать. – Мы хотим, чтобы вы тоже перебрались к нам.

Пять минут спустя Джек вышел из трамвая. Сопровождающий проводил его обратно в гостиницу. На Райана произвела немалое впечатление организация беседы с председателем КГБ, охватывающая самые незначительные детали. Прежде чем он вошел в зал, ему насухо вытерли ботинки. Оказавшись в зале, Райан сразу направился к столу с бутылками и обнаружил, что он пуст. Тогда Джек снял первый попавшийся бокал с подноса проходящего мимо официанта и обнаружил, что там водка. Тем не менее он проглотил обжигающую жидкость одним глотком и протянул руку за вторым. Покончив и с ним, Джек впервые подумал: а где действительно находится туалет? Оказалось, что туалет расположен именно там, где говорил Головко. Джек едва успел вбежать туда.

Напряжение, царившее здесь, никогда не ощущалось раньше при компьютерном моделировании. Подобное еще никогда не проводилось;

конечно, в этом и заключалась цель испытания. Наземный компьютер не знал, что он делает, равно как и все остальные. В один из них была заложена программа, в соответствии с которой он сообщал о серии далеких радиолокационных контактов. В него всего лишь поступали различные сигналы, подобные тем, что исходили от спутника «Летящее облако», обращающегося вокруг Земли, инициированные в свою очередь одним из спутников связи, расположенных на высоте геоцентрической орбиты. Компьютер передавал эту информацию на компьютер наземного контроля, который сравнил полученные данные с заложенными в него критериями, указывающими на необходимость принятия мер против обнаружения оружия, и пришел к выводу, что весомость полученной информации достаточна. Для приведения лазеров в рабочее состояние потребовалось несколько секунд, и по прошествии этих секунд по – ступил доклад о готовности. То, что на самом деле никаких лазеров не существовало, не относилось к делу. А вот наземное зеркало имело к испытанию самое непосредственное отношение, и оно тут же отреагировало на команду компьютера, послав воображаемый лазерный луч на релейное зеркало, находящееся в восьмистах километрах над поверхностью Земли. Это зеркало, еще совсем недавно находившееся на борту космического корабля многоцелевого использования и теперь хранящееся в Калифорнии, получило адресованную ему команду и соответствующим образом изменило свою конфигурацию, направив лазерный луч на боевое зеркало. Последнее находилось не в космосе, а на заводе фирмы «Локхид», и команды поступали туда по наземной линии связи. Самым точным образом регистрировались как азимут, так и постоянно меняющееся фокусное расстояние у всех трех зеркал. Эти сведения переправлялись в компьютер центра управления проекта «Чайный клипер», ведущий счет.

Было несколько причин, диктовавших необходимость проведения испытания несколько недель назад, при котором присутствовал Райан. Подтвердив правильность построения системы, они получили также бесценную эмпирическую информацию по фактическим характеристикам технического обеспечения. В результате у них появилась возможность моделировать реальные испытания на земле с почти абсолютной уверенностью в данных, полученных теоретическим путем.

Грегори катал между ладоней шариковую ручку, глядя на данные, появляющиеся на экране терминала. Он только что перестал жевать ее, опасаясь, что паста попадет в рот.

– О'кей, вот последний залп, – заметил инженер. – Окончательный результат...

– Вы только посмотрите! – воскликнул Грегори. – Девяносто шесть из ста! Какова длительность цикла?

– Ноль запятая один шесть, – ответил эксперт по компьютерному обеспечению. – Это на ноль-ноль-четыре сотых меньше номинального – мы можем еще раз проверить каждую команду по прицеливанию, пока лазер завершает цикл...

– И это уже само по себе увеличивает Pk на тридцать процентов, – произнес Грегори. – Мы даже можем попробовать систему «выстрелили-посмотрели-выстрелили» вместо «выстрелили-выстрелили-посмотрели», и у нас в конце еще останется время. – Он вскочил на ноги. – Ребята, мы добились своего! Отработка программного обеспечения завершена! На четыре месяца раньше, чем обещали!

В комнате послышались громкие приветственные крики, причину которых не мог понять никто, кроме группы из тридцати человек.

– Теперь дело за вами, мудозвоны-лазерщики! – воскликнул кто-то. – Принимайтесь за работу и создавайте свой луч смерти!

– Но-но, ты поаккуратнее с мудозвонами-лазерщиками, – засмеялся Грегори. – Я тоже работаю с ними.

В это время Беатрис Тауссиг проходила по коридору мимо двери, направляясь на совещание администрации проекта. Она не могла войти в лабораторию – на двери был кодовый замок с неизвестной ей комбинацией, – но этого и не требовалось. Тот эксперимент, на который они намекали во время ужина прошлым вечером, только что закончился. Его результат был очевиден. Кэнди находилась там, за дверью, не иначе держа за руку прыщавого уроды, подумала Беа. Она прошла мимо, не останавливаясь.

– Слава Богу, что мало льда, – заметил Манкузо, глядя в перископ. – Думаю, два фута, может быть, три.

– Здесь должен быть очищенный канал. Ледоколы постоянно работают, чтобы поддерживать порты в открытом состоянии, – сказал Рамиус.

– Опустить перископ, – скомандовал капитан и подошел к прокладочному столику. – Переместимся на две тысячи ярдов к югу и ляжем на дно. Там мы окажемся под надежным ледяным покровом, вне досягаемости «Гриш» и «Мирков».

– Слушаюсь, капитан, – ответил помощник.

– Пошли выпьем кофе, – пригласил Манкузо Рамиуса и Кларка. Он провел их по трапу на нижнюю палубу, затем по коридору правого борта в кают-компанию. Несмотря на то что за последние четыре года он занимался подобными операциями уже не раз, Манкузо нервничал. Сейчас они находились в районе, где глубина меньше двухсот футов, в пределах видимости с советского берега. Если их обнаружит советский военный корабль, на них нападут. Такое случалось и раньше. И хотя пока еще ни одна западная подводная лодка не понесла сколько-нибудь серьезного ущерба, все могло случиться в первый раз, особенно если проявить недостаточную бдительность и принимать все как само собой разумеющееся, подумал капитан американской субмарины «Даллас». Два фута льда – это слишком много для патрульных кораблей класса «Гриша» с тонкой обшивкой корпуса, они не смогут пробиться через такой лед, а их главное противолодочное оружие, многоствольный ракетный бомбомет, известный как RBU-600, бесполезен при ледяной поверхности, но «Гриша» может вызвать на помощь подводную лодку. Здесь базировались русские субмарины. Американцы накануне слышали шумы двух из них.

– Кофе, сэр? – спросил матрос, обслуживающий офицерскую кают-компанию. Капитан кивнул, и матрос принес кофейник и чашки.

– Вы уверены, что мы находимся достаточно близко? – обратился Манкузо к Кларку.

– Да, я смогу высадиться и вернуться обратно.

– Думаю, это будет не слишком просто, – заметил капитан.

Кларк усмехнулся.

– Именно поэтому мне и платят так много. Я...

На мгновение разговор прекратился. Корпус подводной лодки, опустившейся на дно Балтийского моря, едва слышно потрескивал. Лодка чуть накренилась. Манкузо посмотрел на кофе в своей чашке и пришел к выводу, что крен составляет шесть или семь градусов. Гордость подводника не позволяла ему проявлять внутренние чувства при посторонних, но ему еще никогда не приходилось проделывать такой маневр, по крайней мере не на «Далласе». Всего лишь несколько подводных лодок в Военно-Морском Флоте США были оборудованы для проведения подобных операций. Специалисты узнают лодки такого типа с первого взгляда по расположению деталей на корпусе, но «Даллас» не относился к их числу.

– Интересно, сколько времени потребуется на по? – спросил Манкузо, глядя в потолок.

– Вполне возможно, что операция совсем не состоится, – заметил Кларк. – Почти половина подобных операций отменяется на заключительном этапе. Однажды мне пришлось сидеть и ждать команды в течение... сейчас припомню – да, двенадцати дней. Казалось, что время тянется бесконечно. В конце концов ее отменили.

– Вы не можете сказать, сколько раз так случилось? – поинтересовался Рамиус.

– Нет, сэр, извините, – покачал головой Кларк.

– Знаете, когда я был мальчишкой, – в голосе Рамиуса прозвучали ностальгические нотки, – то ловил вот здесь рыбу. Прямо на месте, где мы сейчас находимся, много раз. Нам и в голову не приходило, что вы, американцы, тоже будете ловить здесь рыбу.

– Мы живем в безумном мире, – согласился Кларк. – Хорошо ловилось?

– Летом – очень хорошо. Дядя Саша брал меня на своем баркасе. Так я познакомился с морем и стал моряком.

– Этот район патрулируется? – спросил Манкузо, опуская всех на землю.

– Да, но при невысоком уровне боеготовности. Ваши дипломаты находятся в Москве, так что вероятность военного конфликта мала. Надводные корабли, патрулирующие этот район, принадлежат главным образом КГБ. Они охраняют границу от контрабандистов – и шпионов. – Он сделал жест в сторону Кларка. – Малоэффективны против подводных лодок, но, когда я уходил в последнее плавание,

ситуация уже менялась. Увеличилось число противолодочных кораблей на Северном флоте и, как я слышал, на Балтийском. Однако этот район очень труден для обнаружения подлодок. Сюда поступает слишком много пресной воды из рек, да и лед – все это создает плохие условия для гидролокации.

Звучит обнадеживающе, подумал Манкузо. Его корабль находился в состоянии повышенной боевой готовности. Гидролокационное оборудование функционировало непрерывно и будет действовать до тех пор, пока не получит сигнал отбоя. Он может двинуть вперед «Даллас» меньше чем через две минуты после приема шифровки, и этого больше чем достаточно, решил капитан.

Для Герасимова тоже пришло время принятия решений. Он сидел в своем кабинете, один. Герасимов был человеком, умеющим сдерживать эмоции железной хваткой, даже когда вблизи никого не было, отличаясь тем самым от большинства русских. Немногие могут рассматривать проблему собственной гибели с полной объективностью.

Председатель Комитета государственной безопасности оценивал свое положение так же тщательно и бесстрастно, как он привык оценивать различные аспекты возложенных на него обязанностей. «Красный Октябрь». Все исходит именно отсюда. Герасимов воспользовался инцидентом с «Красным Октябрем», чтобы сличала подчинить себе адмирала Горшкова, а затем избавиться от него совсем; благодаря этому инциденту он также усилил влияние Третьего главного управления. За последнее время военные начали было сами заниматься собственной безопасностью, но Герасимов сумел, сославшись на доклад своего агента «Кассиуса», убедить Политбюро в том, что только КГБ в состоянии обеспечить лояльность и безопасность советских военных. В результате эти действия вызвали крайнее неудовольствие Министерства обороны. Герасимов доложил руководителям страны, опять-таки на основе сведений от «Кассиуса», что «Красный Октябрь» уничтожен. «Кассиус» сообщил КГБ, что Райан находится под следствием и...

И мы – я! – попали в ловушку.

Как объяснить случившееся Политбюро? Один из его лучших агентов оказался перевербованным – но когда? Ему зададут этот вопрос, а он не знает ответа на него; поэтому все материалы, полученные от «Кассиуса», будут под подозрением. Несмотря на то что от этого агента поступила ценная информация, сообщение о том, что он был перевербован, а когда – неизвестно, поставит под сомнение все. А следовательно, сведения Герасимова о политической ситуации на Западе, которые пользовались таким весом, не стоят теперь ничего.

Он ошибочно проинформировал Политбюро, что экипаж подводной лодки не обратился с просьбой о политическом убежище, и ему не удалось раскрыть ошибку. Американцы сумели добиться огромного успеха в своей разведывательной деятельности, но КГБ даже не подозревал об этом. Проморгало и ГРУ, однако это слабое утешение.

Наконец, Герасимов доложил, что американцы коренным образом меняют свой подход к переговорам по ограничению вооружений, – и это тоже оказалось неверным.

Сможет ли он перенести все три промаха одновременно? – спросил себя Герасимов.

Вряд ли.

В прежнее время его могли расстрелять, и тогда решение было бы намного проще. Ни один человек не выбирает смерть, по крайней мере разумный человек, а Герасимов обладал незаурядным ледяным интеллектом, опираясь на него во всех своих поступках. Но такое теперь не случается. Его сместят с поста председателя КГБ и поручат работу на уровне заместителя министра в каком-нибудь второразрядном министерстве, где он будет перекладывать бумаги. Его контакты в КГБ потеряют всякий смысл, за исключением таких унижительных привилегий, как доступ к закрытым магазинам. Прохожие будут смотреть на улице ему прямо в лицо, не испытывая страха перед его прежней властью, будут указывать на него и смеяться за его спиной. Служащие в его новом департаменте постепенно утратят всякое уважение, начнут пререкаться и даже кричать на него, когда узнают, что вся его власть навсегда исчезла. Нет, сказал он себе, мне не выдержать такого.

Значит, попросить политическое убежище? Из одного из самых могущественных людей в мире превратиться в наемника, попрошайку, променявшего то, что он знает, на деньги и комфорт? Герасимов понимал, его жизнь станет удобнее в чисто материальном плане, – но потерять власть!

В конце концов, проблема заключалась именно в этом. Независимо от того, покинет он свою страну или останется в ней, стать другим, обычным человеком... ведь это подобно смерти, не так ли?

Тогда как ему поступить?

Нужно изменить свою позицию, изменить правила игры, сделать что-то радикальное... но что?

Выбирать предстоит между позором и бегством. Неужели ему придется потерять все, ради чего он трудился, когда цель совсем рядом, и оказаться перед таким выбором?

Россия не является страной азартных игроков. Ее национальная стратегия всегда отражала страсть всех русских к шахматам, игре, состоящей из серии осторожных, продуманных ходов, не подвергающих опасности собственную позицию, всегда защищающих ее путем завоевания небольшого, постепенно растущего преимущества, как только возникала такая возможность. Именно так действовало и Политбюро. Оно состояло главным образом из похожих людей. Больше половины из них были аппаратчиками, говорящими нужные фразы, совершающими маневры" которых от них ожидали, используя малейшую возможность. Они завоевали продвижение по иерархической лестнице терпением и бесстрашием, и наградой им стало место вокруг стола заседаний в Кремле. Однако целью этих людей было сдерживать тех, кто стремится к власти, азартных игроков. Нармонов принадлежал к их числу, и Герасимов тоже. Он вел собственную игру, в ходе которой заключил союз с Александровым, доказав тем самым свою идеологическую чистоту, шантажировал Ванеева и Язова, заставляя их предать своего покровителя.

Подобная игра была слишком пьянящей, чтобы так легко отказаться от нее. Да, ему придется изменить правила игры, но вообще-то у нее не было каких-то определенных правил, кроме одного: оказаться победителем.

Если он одержит верх, позор ведь не будет иметь никакого значения, верно?

Герасимов достал из кармана ключ и впервые посмотрел на него при свете настольной лампы. Ничего необычного. Однако если использовать его так, как предписано, он сделает возможной гибель... пятидесяти миллионов? Ста? Или того больше? Сотрудники Третьего главного управления на подводных ракетносцах и пусковых установках наземного базирования обладали такой властью – замполит, офицер занимающийся идеологическим воспитанием военнослужащих, один обладал правом привести боеголовки в боевое состояние, без чего ракеты представляют собой всего лишь впечатляющий фейерверк. Стоит повернуть этот ключ должным образом в должное время – Герасимов знал это, – и ракеты превратятся в самое ужасное оружие уничтожения, когда-либо созданное человеком. Как только произведен запуск, их уже не остановишь...

Но правила игры нужно изменить, правда?

Что можно отдать за то, чтобы стать человеком, способным на такой поступок?

– Ну конечно! – Герасимов улыбнулся. За это можно отдать что угодно, все остальные правила игры, вместе взятые, и тут он вспомнил, что американцы уже нарушили правила игры, убив своего связника на железнодорожной станции автозавода «Москвич». Он поднял телефонную трубку и вызвал офицера связи. На этот раз расстояние в меридианах будет благоприятствовать председателю КГБ.

Доктор Тауссиг очень удивилась, увидев оставленный для нее знак. В одном можно было положиться на «Энн» – она никогда не меняла установленный порядок. Несмотря на то что Беа так импульсивно приехала домой к «ведущему» ее офицеру КГБ, на этот раз она следовала своему обычному субботнему распорядку и направилась в торговый центр. Она поставила «датсун» относительно далеко, на всякий случай, опасаясь, что какой-нибудь кретин в своем «шевроле» ударит дверцей по ее спортивной машине. Подходя к торговому центру, Беа увидела «вольво», принадлежащий «Энн».

Солнцезащитный козырек на стороне водителя был опущен. Она взглянула на часы и поспешила к входу. Войдя внутрь, повернула налево.

Пегги Дженнингс работала сегодня одна. У них было слишком мало людей, чтобы выполнить задание в тот срок, который был отпущен им Вашингтоном. Но разве в этом есть что-то новое? Обстановка была одновременно и простой и сложной. Она без труда следовала за своим объектом до торгового центра, но, оказавшись внутри, практически невозможно уследить за ним, разве что с помощью целой группы хорошо подготовленных агентов. Пегги подоспела к входной двери всего минутой позже Тауссиг, уже догадываясь, что потеряла ее. Ну что ж, это всего лишь предварительная проверка. Ничего страшного, сказала себе Дженнингс, открывая дверь.

В просторном холле торгового центра сотрудница ФБР посмотрела сначала налево, потом направо и не увидела объекта. Нахмурившись, она не спеша пошла по коридору, заглядывая то в один магазин, то в другой, посматривая на витрины и думая о том, что Тауссиг вполне могла пойти в кино.

– Привет, Энн!

– Беа, здравствуй! – ответила Бизарина из «Листьев Евы». – Как поживаешь?

– Слишком много работы, – недовольно пожаловалась доктор Тауссиг. Она сняла костюм с ближайшей вешалки и подошла с ним к зеркалу. Костюм был строгого покроя и в точности соответствовал ее настроению. – Можно мне примерить его?

– Ну конечно! – с готовностью откликнулась хозяйка магазина. Это был трехсотдолларовый костюм.

– Тебе помочь? – предложила «Энн».

– Да, конечно, – попутно расскажешь, как у тебя дела.

Обе женщины вошли в примерочную. Задернув занавеску, они принялись весело болтать, обсуждая всякие мелочи, – такие темы разговора мало отличаются у мужчин и у женщин. Бизарина передала листок бумаги, и Тауссиг быстро прочитала написанное. Она запнулась в разговоре и через мгновение кивнула. Ее лицо отразило целую гамму чувств – от потрясения до согласия, а затем появилось нечто, вовсе не понравившееся Бизариной, – но в КГБ платят не за то, что тебе нравится работа.

Когда они вышли из примерочной кабины, хозяйка заметила, что костюм пришелся покупательнице точно по фигуре. Тауссиг расплатилась подобно большинству покупателей – кредитной карточкой. «Энн» махнула ей рукой на прощание и направилась мимо оружейного магазина к выходу из торгового центра.

Дженнингс увидела через несколько минут, как объект вышла в коридор с прозрачным пластмассовым пакетом. Значит, вот в чем дело, сказала она себе. Поскольку прошлым вечером ее что-то беспокоило, сегодня Тауссиг прошла по магазинам, чтобы улучшить настроение, и купила себе еще один костюм. Дженнингс следила за ней еще час, прежде чем закончить. Напрасная работа.

– Он – удивительно хладнокровный парень, – сказал Райан Канделу. – Я не рассчитывал, конечно, что он бросится мне на шею и поблагодарит за предложение, но ожидал, что он все-таки как-то отреагирует!

– По крайней мере теперь мы знаем, что если он проглотит приманку, то сумеет без труда сообщить вам об этом.

– Это верно.

21. Ход валетом

Лучник попытался убедить себя, что погода не является ничьим союзником, но понимал, что это не так. Небо было чистым, северо-восточный ветер, дующий из холодного центра Сибири, обжигал ледяным прикосновением. Лучник мечтал об облаках. Теперь моджахеды могли двигаться только в темноте. Ввиду этого продвижение было медленным, и, чем дольше они находились на советской территории, тем больше была вероятность, что их кто-то заметит, а после того как заметят...

Думать о последствиях этого не имело смысла. Достаточно было поднять голову и увидеть бронетранспортеры на шоссе, ведущем в Дангару. Там размещался по крайней мере батальон, скорее полк, мотопехоты, непрерывно патрулирующий шоссе и соседние дороги. Отряд Лучника был большим и хорошо вооруженным – по стандартам моджахедов, – но в бою против русского мотострелкового полка на советской территории спасти моджахедов мог только Аллах. А может быть, и Он будет бессилен? – подумал Лучник и тут же упрекнул себя в невысказанном богохульстве.

Его сын находился где-то здесь, поблизости, может быть, на расстоянии меньше того, что они уже прошли, – но где? Это место ему никогда не найти. В этом Лучник не сомневался. Надежда покинула его уже давно. Его сын будет воспитан по чужим обычаям неверных, и отцу оставалось лишь молиться за него, просить Аллаха, чтобы он вернул к себе мальчика еще до того, как станет слишком поздно. Красть детей – это, несомненно, самое отвратительное из всех преступлений. Лишить их родителей, веры... не стоит думать об этом.

Каждый из его бойцов имел достаточно оснований, чтобы ненавидеть русских. У одних погибли семьи, у других уничтожены дома во время бомбежек, родственники рассеяны по свету. Его люди не знали, что такова современная война. Будучи «примитивными варварами», они полагали, что в битвах принимают участие одни воины. Лучник знал, что ситуация переменилась задолго до того, как любой из них появился на свет. Он не понимал, почему «цивилизованные» нации мира решили изменить это разумное

правило, но ему было известно лишь то, что правила ведения войны изменились. После познания этого к нему пришло понимание того, что его судьба не та, которую он выбрал для себя. Интересно, подумал Лучник, а может ли человек действительно выбирать свою судьбу или это находится в более могущественных руках, чем те, что держат книгу или винтовку? Но это была еще одна сложная и бесполезная мысль, поскольку для Лучника и его людей мир являлся упрощенным до нескольких элементарных истин и нескольких объектов глубокой ненависти. Возможно, это когда-нибудь изменится, но для моджахедов мир был ограничен тем, что они могли видеть и чувствовать сейчас. Приниматься за более глубокие поиски означало потерять из виду самое важное, а это влекло за собой смерть. Единственная великая мысль, которая объединяла его людей, – это вера, и пока этого было достаточно.

Последний бронетранспортер колонны исчез за поворотом шоссе. Лучник покачал головой. Хватит думать об этом. Русские, за которыми он только что следил, сидели внутри своих гусеничных бронетранспортеров, где их согревали батареи боевых машин; находясь внутри, они не могли внимательно наблюдать за происходящим вокруг. Это было на пользу моджахедам. Он поднял голову, взглянул на своих людей, одетых в русские камуфляжные комбинезоны; они прятались за камнями, в расщелинах, распределенные попарно, что позволяло одному спать, пока другой, подобно их командиру, бодрствовал и нес охрану.

Лучник поднял голову к небу и увидел, что солнце близится к закату. Скоро оно соскользнет за горные хребты, и отряд сможет возобновить движение на север. Он заметил солнечный блик на алюминиевой обшивке самолета, совершающего поворот высоко над их головами.

Полковник Бондаренко сидел у окна и смотрел вниз на грозные вершины. Он вспомнил свое непродолжительное пребывание в Афганистане, бесконечные, убийственно трудные переходы по горам, где можно пройти целый круг и все время вверх. Полковник тряхнул

головой. По крайней мере это осталось позади. Он отслужил свое время, испытал вкус боя и теперь мог снова заниматься прикладной наукой, которая являлась, в конце концов, его первой любовью. Боевые операции – это игра для молодых людей, а Геннадия Иосифовичу уже за сорок. Однажды доказав, что может карабкаться по скалам не хуже молодых солдат, Бондаренко решил никогда больше не повторять этого. К тому же сейчас его беспокоило нечто совсем другое.

Что происходит с Михаилом Семеновичем? – спросил он себя. Когда тот исчез из Министерства обороны, Бондаренко, вполне естественно, предположил, что старый полковник заболел. Когда прошло несколько дней и Филитов не появился на работе, он пришел к выводу, что болезнь оказалась серьезной, и даже обратился к министру, чтобы узнать, не положили ли Филитова в больницу. Он получил успокоительный ответ, но теперь сомнения вернулись. Ответ маршала Язова был слишком поспешным – и затем Бондаренко получил приказ вернуться на объект «Яркая звезда» и провести там детальную инспекцию. Полковнику показалось, что его хотят временно убрать, чтобы он не мешал, – но почему? Неужели такой оказалась реакция министра на его самый естественный вопрос о здоровье Филитова? Да и слежка, которую он заметил. А вдруг эти вещи связаны между собой? Их взаимосвязь была настолько очевидной, что Бондаренко отбросил ее, даже не задумавшись. Совершенно немисливо считать Михаила Семеновича объектом расследования и уж еще более невероятно предположить, что в результате такого расследования могли обнаружить убедительные доказательства темных дел. Наиболее вероятно, сделал вывод Бондаренко, что маршал Язов послал полковника Филитова в какую-то совершенно секретную командировку. Он и в прошлом часто выполнял подобные поручения министра. Бондаренко посмотрел вниз на массивную плотину Нурекской ГЭС. Вторая линия электропередач уже почти протянута, заметил он. Авиалайнер выпустил закрылки и колеса для посадки в аэропорту Душанбе. Сразу после приземления Бондаренко встал, пошел к выходу и первым спустился с 'трапа.

– Добро пожаловать, Геннадий Иосифович!

– Здравствуйте, товарищ генерал! – удивленно поздоровался Бондаренко. Он не ожидал, что в аэропорт приедет сам Покрышкин.

– Пойдемте, – пригласил его тот, ответив на приветствие полковника. – Зачем вам трястись в этом старом автобусе? – Он сделал знак своему сержанту, тут же подхватившему чемодан Бондаренко.

– Мне как-то неловко, что вы сами приехали в аэропорт.

– Чепуха. – Генерал возглавил процессию, направившуюся к его личному вертолету, несущий ротор которого уже набирал обороты. – Надеюсь, мне когда-нибудь удастся прочитать отчет, написанный вами. Вчера на объект приезжали сразу три – да-да, три! – министра. Теперь все понимают, насколько важен наш проект. Финансирование увеличили на двадцать пять процентов. Хотелось бы мне уметь писать такие доклады!

– Но ведь я...

– Полковник, не хочу слышать возражений. Вы увидели подлинное положение вещей и сумели донести это до других. Теперь вы являетесь частью нашей семьи, одним из тех, на кого возлагает свои надежды «Яркая звезда». Я попрошу вас серьезно подумать о том, чтобы перебраться к нам сразу после окончания срока службы в Москве. Судя по вашему досье, у вас блестящее техническое образование и хорошие административные способности. Мне нужен заместитель, на которого я мог бы положиться. – Он повернулся к Бондаренко с заговорщицким видом. – Как вы считаете, мне не удастся уговорить вас перейти в ВВС?

– Товарищ генерал, я...

– Знаю, знаю. Офицер Советской Армии всегда останется офицером Советской Армии, Мы не будем рассматривать это как недостаток, К тому же вы поможете мне справиться с офицерами КГБ, солдаты которых охраняют наружное ограждение по периметру объекта. Они хвастают своим опытом перед старым летчиком-истребителем, но этот фокус не пройдет, когда им придется говорить с боевым офицером, награжденным орденом Красного Знамени за бои в Афганистане. – Генерал жестом дал команду пилоту взлетать. Бондаренко удивило, что в кресле пилота не сидит сам генерал. – Уверяю вас, Геннадий Иосифович, через несколько лет у нас появится совершенно новый род войск – войска космической обороны, может быть, их назовут именно так. Появится возможность сделать блистательную карьеру и продвинуться очень высоко – Прошу вас, подумайте о моем предложении самым серьезным образом. Генералом

вы станете, наверно, и так через три-четыре юла, но я вам гарантирую, что здесь вы получите больше звезд на погонах, чем в армии.

– А чем мы станем заниматься в ближайшее время? – Бондаренко решил обдумать предложение Покрышкина, но не в кабине вертолета.

– Сейчас мы изучаем материалы по зеркалам и компьютерам, которыми пользуются американцы. Руководитель нашей группы зеркал полагает, что ему удастся адаптировать эти планы к имеющейся у нас технике. По его мнению, на разработку материалов потребуется примерно год, но ему неизвестно, сколько времени займет работа над самой техникой. Тем временем мы собираем резервные лазеры и стараемся упростить их конструкцию, чтобы облегчить техническое обслуживание.

– На это потребуется еще два года, – заметил Бондаренко.

– По меньшей мере, – согласился генерал Покрышкин. – Я уже не застаю окончательное завершение программы. Это неизбежно, Если нам удастся провести еще одно успешное испытание, меня отзовут в Москву, где я буду поставлен во главе министерства, и в лучшем случае системы не вступят в действие до того, как я уйду на пенсию. – Он печально покачал головой. – Трудно представить себе, сколько времени требуется для этих проектов. Вот почему вы нужны мне здесь. Мне нужен молодой офицер, способный довести до полного завершения все работы. Я познакомился с досье многих офицеров. Вы, Геннадий Иосифович, лучший из них. Я хочу, чтобы вы заменили меня, когда придет время.

Бондаренко был потрясен. Покрышкин выбрал его, предпочел армейского офицера многим кандидатам из своего рода войск!

– Но вы знаете меня недостаточно хорошо...

– Я получил генеральское звание не за то, что плохо разбираюсь в людях, У вас есть те качества, которые мне нужны. К тому же сейчас вы достигли именно того момента в своей карьере, когда обрели способность к самостоятельной работе. Цвет вашего мундира для меня не так важен, как достоинства человека, который его носит. Я уже послал телекс министру обороны с соответствующей просьбой.

Ясно. Бондаренко был слишком удивлен, чтобы почувствовать удовлетворение. Подумать только, и все это из-за того, что старый Михаил Семенович решил, что я лучше других справлюсь с инспекционной поездкой. Надеюсь, он не слишком серьезно болен.

– Вы дали ему больше девяти часов, – произнес один из офицеров, обращаясь к Ватутину чуть ли не с упреком. Полковник наклонился и заглянул в камеру по линии световода, наблюдая несколько минут за находящимся там человеком. Сначала он лежал, ворочаясь с боку на бок и пытаясь уснуть, однако все попытки были обречены на неудачу. Затем последовали приступы тошноты и поноса от кофеина; с помощью которого ему не давали уснуть. Наконец он встал и принялся расхаживать по камере и так продолжал ходить уже несколько часов, стараясь утомить свое тело и заставить его уснуть. Часть его организма требовала этого, тогда как другая часть протестовала.

– Приведите его сюда через двадцать минут, – приказал полковник КГБ. Он посмотрел на своего подчиненного с покровительственной улыбкой. Ватутин спал всего семь часов, после чего потратил еще два, проверяя, как выполнены отданные им перед сном распоряжения. Затем он принял душ и побрился. Посланный им сотрудник привез из его квартиры новый мундир, а ординарец до зеркального блеска вычистил сапоги. Ватутин позавтракал и с удовольствием выпил чашку кофе, принесенную из буфета для старших офицеров. Он не обращал внимания на взгляды остальных членов своей группы, даже загадочно не улыбался, чтобы показать – он знает, что делает. Если они до сих пор не поняли этого, ну и черт с ними. Закончив, он вытер рот салфеткой и прошел в комнату, отведенную для допросов.

Подобно оборудованию большинства таких комнат, стоящий здесь голый стол был на

самом деле не так прост, как казалось на первый взгляд. Под его краем, где столешница нависла над ножками, находилось несколько кнопок, которые он мог нажимать, не привлекая к себе внимания. В стенах располагались микрофоны, и единственное украшение на одной стене – зеркало – было таковым только с одной стороны. С противоположной стороны, из соседней комнаты, оно представляло собой прозрачное стекло и позволяло следить за объектом и фотографировать его.

Ватутин сел и раскрыл перед собой папку, которую он отложит, когда приведут Филитова. Он мысленно повторил все, что ему

предстоит сделать. Разумеется, все было тщательно рассчитано, в том числе и формулировка его устного доклада председателю КГБ. Ватутин взглянул на часы, кивнул в зеркало и провел несколько минут, собираясь с мыслями и готовясь к тому, что ему предстояло сделать. Филитов вошел в комнату точно вовремя.

Да, он выглядит сильным, но очень усталым, сразу заметил полковник КГБ. Это из-за кофеина, обильно добавленного ему в пищу. Уверенность, с которой Филитов смотрел на Ватутина, была на самом деле хрупкой и нестойкой. На лице старого полковника проступила гримаса раздражения, тогда как раньше оно отражало только решительность.

– Доброе утро, Филитов, – произнес Ватутин, не поднимая головы.

– Извольте обращаться ко мне «полковник Филитов». Итак, когда закончится этот спектакль?

А ведь он, наверно, верит в это, подумал Ватутин. Арестованный так часто повторял, что Ватутин сунул ему в руку кассету с пленкой, что почти убедил в этом самого себя. Такое случалось нередко. Он опустил на стул, не спрашивая разрешения у Ватутина, и тот сделал знак надсмотрщику, чтобы он ушел.

– Когда вы решили предать родину? – задал Ватутин свой первый вопрос.

– А когда вы перестали совращать малолетних? – сердито буркнул старик.

– Филитов – извините меня, полковник Филитов, – вы знаете, что вас арестовали с кассетой в руке, в двух метрах от американского разведчика. На микрофильме, находящемся в кассете, содержались сведения о совершенно секретном оборонном объекте. Кроме того, вы передавали американцам и другую секретную информацию на протяжении ряда лет. Если вы забыли, напоминаю: у нас нет в этом ни малейших сомнений, – терпеливо объяснил Ватутин. – Меня интересует одно – сколько лет вы занимались разведывательной деятельностью?

– Не говорите глупостей, – произнес Филитов, и Ватутин заметил в его голосе легкую дрожь. – Я – трижды Герой Советского Союза. Я убивал врагов нашей страны задолго до того, как вы начали пиццать в яйцах своего отца, и у вас хватает наглости называть меня предателем?

– Знаете, когда я учился в начальной школе, я зачитывался книгами про вас. Михаил Семенович Филитов, прогнавший фашистов от ворот Москвы. Филитов – бесстрашный танкист, герой Сталинграда, убивающий немцев. Капитан Филитов во главе контратаки на Курской луге. И вот наконец Михаил Семенович Филитов, – закончил Ватутин, – предатель родины.

Старый полковник махнул рукой, с раздражением заметив, как она дрожит.

– Я никогда не любил чекистов. Когда я вел в атаку свои танки, они тоже были там – позади нас. Они проявили удивительную эффективность при расстрелах пленных, которых захватывали в плен настоящие солдаты. У них также неплохо получалось, когда нужно было стрелять в отступающие войска – вынужденные отступить под натиском подавляющих сил противника. Я помню случай, когда ваш лейтенант взял на себя командование группой танков и завел их в болото. По крайней мере немцы, которых я убивал, были солдатами, воюющими против нас. Я ненавидел их, но уважал в них мужество и стойкость. А вот свиньи, подобные вам, с другой стороны... может быть, мы, простые солдаты, так и не поняли, кто наш враг. Иногда мне приходит в голову мысль: кто убил больше русских – немцы или такие, как вы?

Ватутин сохранял полное спокойствие.

– Вас завербовал предатель Пеньковский, верно?

– Чепуха! Это я раскрыл Пеньковского и сообщил о нем. – Филитов пожал плечами. Он был удивлен своим поведением, но уже не мог остановиться. – Пожалуй, такие, как вы, тоже нужны. Олег Пеньковский был несчастным, не видящим выхода человеком, и его заставили платить своей жизнью, как обычно заставляют платить таких людей.

– И вас тоже, – сказал Ватутин.

– Я не могу помешать вам убить меня, но мне приходилось видеть смерть много раз. Она забрала мою жену и сыновей. Смерть отняла у меня многих товарищей, да и мне самому часто приходилось смотреть ей в лицо. Рано или поздно смерть настигнет меня – от вас ли она придет или от кого-нибудь еще. Я уже забыл, что такое страх смерти.

– Скажите мне, чего вы боитесь?

– Не вас. – Он произнес это не с улыбкой, а с холодным презрением во взгляде.

– Но все люди чего-то боятся, – заметил Ватутин. – В бою вы не испытывали страха? – Ага, Михаил Семенович, вы разговорились – и даже не замечаете этого, сказал себе Ватутин.

– Сначала боялся. Первый раз, когда в мой Т-34 попал снаряд, я напустил в штаны. Но только в первый раз – После этого я понял, что танковая броня отразит большинство попаданий. Человек может привыкнуть к физической опасности, а будучи офицером, вы часто слишком заняты, и вам не до страха. Вы боитесь потерпеть неудачу, выполняя боевое задание, потому что от вас зависят жизни других. Страх перед болью испытываешь всегда, именно не перед смертью, а перед болью. – Филитов действительно сам удивлялся, понимая, что слишком уж разговорился, но он устал от этого слизняка из КГБ. Его охватило волнение, похожее на волнение боя. Это и походило на бой: он сидит в этой камере и сражается с этим человеком.

– Я читал, что все люди испытывают страх в бою, но поддерживает их дух чувство самоуважения. Они знают, что не должны уронить свою репутацию в глазах товарищей. Таким образом, мужчины боятся трусости больше, чем опасности. Они боятся подвести самих себя и своих боевых товарищей. – Михаил Семенович кивнул. Ватутин нажал одну из кнопок под столом. – Филитов, вы предали своих людей. Неужели вы не понимаете этого? Разве вам не ясно, что, передав противнику оборонные тайны, вы предали всех тех, кто служил с вами?

– Потребуется нечто больше, чем ваши слова, чтобы...

Беззвучно открылась дверь. Молодой человек, вошедший в комнату, был одет в грязный промасленный комбинезон, голову его покрывал шлем танкиста. Не были упущены самые мелкие детали: сзади тащился провод от танкового интерфона и вместе с молодым человеком в комнату ворвался запах пороха. Комбинезон выглядел порванным и обожженным, лицо и руки танкиста была забинтованы. Из-под бинта, закрывающего один глаз, сочилась кровь, оставляя след на грязной щеке. Это был двойник Алексея Ильича Романова, ефрейтора Красной Армии, или по крайней мере человек, настолько похожий на него, насколько КГБ удалось сделать это в течение нескольких лихорадочных часов этой ночью.

Филитов не слышал, как открылась дверь, но повернулся, почувствовав запах пороха. Рот у него открылся от изумления.

– Скажите мне, Филитов, – произнес Ватутин. – Как, по-вашему, отнесутся ваши люди, если они узнают, что вы сделали?

Молодой человек – вообще-то он был ефрейтором и служил в Третьем главном управлении – не произнес ни слова. Химический раздражитель в его правом глазу заставил глаз слезоточить, парень старался удержаться от причиняемой этим болезненной гримасы, и слезы текли у него по щекам. Филитов не знал, что ему в пищу подкладывали наркотики. От своего безвременного пребывания в Лефортовской тюрьме он утратил всякую ориентацию и уже не мог понять, что с ним здесь делают. Доза кофеина оказывала ни него воздействие, диаметрально противоположное состоянию алкогольного опьянения. Он остро ощущал все происходящее вокруг, словно в бою, все его органы чувств искали раздражения, замечали каждую мелочь – однако на протяжении всей ночи зарегистрировать было нечего – Не получая данных для последующей передачи мозгу, его органы чувств начали создавать воображаемые явления, и, когда охранники пришли за Филитовым, его окружали галлюцинации. В полковнике Ватутине он видел цель, на которую устремил свой интерес, излил душу. Но Михаил Семенович также безумно устал, был измучен процедурой, которой подвергли его, и сочетание бодрствования и невероятной, безумной усталости привело его и состояние, при котором он больше не мог отличить воображаемые вещи от действительно происходящих.

– Повернитесь ко мне, Филитов! – рявкнул Ватутин. – Смотрите на меня, когда я разговариваю с вами. Я задал вопрос: что подумают люди, служившие вместе с вами?

– Кто?

– Кто? Солдаты, воевавшие под вашим командованием, старый глупец!

– Но... – Филитов снова обернулся. Фигура исчезла.

– Я просматривал ваше досье, все эти наградные листы, которые вы писали на своих людей – и не только на командиров. Там были и Иваненко, и Пухов, и этот ефрейтор Романов. Эти люди, которые лишились жизни за вас, что подумают они теперь?

– Они поймут меня! – упрямо повторил Филитов, чувствуя, как гнев охватывает его, побеждая все остальное.

– Что они поймут? Скажите мне, что они должны понять?

– Их убили такие, как вы, – не я, не немцы, но люди, подобные вам!

– И ваших сыновей тоже?

– Да! Обоих моих сыновей, моих смелых мальчиков, они пошли по моим стопам и...

– Значит, мы убили и вашу жену?

– Конечно! – яростно выкрикнул Филитов. Он наклонился вперед, глядя на Ватутина. – Вы отняли у меня все, чекистские ублюдки, а теперь удивляетесь, почему я решил бороться с вами? Никто не служил государству лучше меня, и чем оно отплатило мне, какую благодарность получил я от партии? Все, что было моим миром, вы забрали у меня. а теперь утверждаете, что я предал родину, да? Это вы предали ее и предали меня!

– Значит, из-за всего этого Пеньковский завербовал вас и вы снабжали Запад информацией – вы обманывали нас все эти годы!

– Невелика заслуга обманывать таких дураков! – Филитов стукнул кулаком по столу. – Тридцать лет, Ватутин, тридцать лет я... – Он замолчал, и на его лице появился удивленный взгляд. Филитов понял, что он только что сказал.

Ватутин сделал паузу, прежде чем ответить, и, когда он заговорил, его голос был мягким и спокойным:

– Спасибо, товарищ полковник. Пока этого достаточно. Позднее мы поговорим о том, какие сведения конкретно вы передавали на Запад. Я презираю вас, Михаил Семенович, за то, что вы совершили. Я не могу понять или простить предательство, но вы – самый бесстрашный человек, которого мне доводилось встречать. Надеюсь, вы сумеете прожить остаток своей жизни с таким же мужеством. Сейчас очень важно, чтобы вы смотрели в лицо себе и своим преступлениям так же бесстрашно, как вы смотрели в лицо фашистам. Это позволит вам закончить свою жизнь с такой же гордостью, с какой вы прожили ее. – Ватутин нажал на кнопку, и дверь открылась. Охранники увели Филитова, который с изумлением несколько раз оглянулся на Ватутина. Михаил Семенович был действительно изумлен тем, как легко его заманили в ловушку. Он так и не поймет, как это было сделано, но такие, как Филитов, редко понимали тонкости допроса, сказал себе полковник из Второго главного управления. Он

тоже встал, по-деловому собрал бумаги со стола, вышел из комнаты и поднялся вверх.

– Из вас вышел бы хороший психиатр, – сразу заметил врач. Ватутин повернулся к техникам.

– Надеюсь, вы все записали, – полувопросительно сказал он.

– На все три магнитофона, и к тому же сделали видеозапись, – доложил старший техник.

– Он оказался самым крепким орешком, который когда-либо мне попадался, – заметил майор.

– Да, это волевой и смелый человек. Не какой-нибудь авантюрист или диссидент. Филитов – патриот, или по крайней мере этот бедняга так о себе думает. Он стремился спасти страну от партии. – Ватутин удивленно покачал головой. – Откуда у них берутся такие идеи?

Наш председатель, тут же напомнил он себе, наоборот – хочет спасти страну для партии, а если быть более точным – то для самого себя. Ватутин прислонился к стене, пытаюсь понять, насколько похожими – или насколько разными – являются эти два побудительных мотива. Он быстро пришел к выводу, что не дело простому офицеру-контрразведчику заниматься такими проблемами. По крайней мере еще не время, Филитовым овладели эти идеи из-за того, как жестоко поступила партия по отношению к его семье. Несмотря на то что партия утверждает, что никогда не совершает ошибок, мы знаем – это не правда. Как жаль, что Михаил Семенович оказался таким непримиримым. В конце концов, у нас нет ничего, кроме партии.

– Доктор, примите меры, чтобы он отдохнул, – сказал полковник Ватутин, направляясь к выходу. Внизу его ждал автомобиль.

Ватутин сощурил глаза от дневного света и с удивлением увидел, что сейчас утро. Он сконцентрировал свои душевные и физические силы на том, чтобы получить признание от Филитова. и последние два дня не обращал внимания ни на что другое, и ему казалось, что сейчас должна быть ночь. Тем лучше, подумал Ватутин, он сможет встретиться с председателем прямо сейчас. Самым поразительным было то, что полковник оказался теперь в более или менее нормальном распорядке дня. Вечером он может поехать домой и выспаться, снова увидеть семью, посидеть у телевизора. Ватутин улыбнулся. Помимо всего прочего, он может предвкушать и более высокую должность, и

новое звание. В конце концов ему удалось сломить Филитова быстрее, чем он обещал. Председатель будет им доволен.

Ватутину удалось застать Герасимова в промежутке между совещаниями. Председатель стоял у окна и задумчиво смотрел на поток машин, несущихся по площади Дзержинского.

– Товарищ председатель, я получил признание, – громко заявил Ватутин, едва войдя в кабинет.

Герасимов обернулся.

– Филитов признался?

– Да, конечно, товарищ председатель. – На лице Ватутина отразилось изумление.

Через мгновение Герасимов улыбнулся.

– Извините меня, полковник. Я думал о предстоящей операции. Значит, вам удалось добиться от него признания?

– Пока ничего конкретного, конечно, но он признался, что переправлял на Запад секретные сведения и делал это в течение тридцати лет.

– Тридцать лет... И столько времени мы не сумели разоблачить его, – тихо заметил Герасимов,

– Совершенно верно, – кивнул Ватутин. – Но теперь мы арестовали его, он у нас в руках, и мы потратим недели, выясняя, какие именно сведения он посылал противнику. Думаю, мы узнаем, что занимаемое им положение и оперативные методы, которыми он пользовался, затрудняли его бегство, но из этого случая мы извлечем немало полезного опыта, как делали это в прошлом. Как бы то ни было, вы потребовали признания, и мы его получили.

– Превосходно, – ответил председатель КГБ. – Когда будет готов письменный доклад?

– Завтра, – произнес Ватутин не задумываясь. Он тут же внутренне сжался, ожидая резкого выговора, но Герасимов задумался лишь на мгновение, прежде чем кивнуть в знак согласия.

– Да, меня это устраивает. Спасибо, товарищ полковник. Можете идти.

Ватутин вытянулся, поднес руку к козырьку фуражки и только после этого вышел из кабинета.

Завтра? – спросил он себя, оказавшись в коридоре. После всего этого он готов ждать до завтра?

Что происходит, черт побери? Нечто необычное. Но у Ватутина не было объяснения происходящему, и ему требовалось подготовить доклад. Полковник прошел в свой кабинет, положил перед собой блокнот и начал писать черновик отчета о допросе.

– Это и есть то самое место? – спросил Райан.

– Да. Раньше прямо напротив находился магазин детских игрушек. Назывался «Детский мир», можете себе представить? Думаю, кому-то наконец пришло в голову, насколько безумно такое соседство, и магазин перевели в другое место. Памятник в центре площади – статуя Феликса Дзержинского. Это был хладнокровный палач; по сравнению с ним Генрих Гимлер кажется прямо-таки ребенком.

– Гимлер не был таким умным, – заметил Джек.

– Это верно. Феликсу удалось раскрыть по крайней мере три попытки свергнуть Ленина, и одна из них едва не оказалась успешной. Правдивый отчет об этом так и не был опубликован, но можете не сомневаться, что все документы хранятся именно здесь, – убежденно произнес шофер. Он был австралийцем, входил в состав группы охранников, присланных в Москву фирмой, с которой был заключен контракт о внешней охране посольства, и раньше служил в австралийских войсках специального назначения. Он никогда не привлекался к разведывательной деятельности – по крайней мере в пользу Америки, – но часто выполнял различные поручения, делая странные вещи. Он научился замечать слежку и избавляться от нее, и потому русские сделали вывод, что он из ЦРУ или какой-то другой спецслужбы. И он являлся превосходным гидом.

– Наши друзья по-прежнему следуют за нами, – сказал он, глянув в зеркало. – Вы не ожидаете чего-нибудь серьезного?

– Нет, не думаю. – Джек обернулся. Они даже не пытались вести скрытое наблюдение, но Джек и не думал, что русские пойдут на такие ухищрения с ним. – А где улица Фрунзе?

– К югу от посольства, приятель. Вам следовало бы сказать об этом раньше, мы сначала поехали бы туда. – Он развернулся на улице в разрешенном месте, пока Райан смотрел назад. Да, конечно,

следующий за ними автомобиль – «Жигули», выглядящий как «фиат» старой модели, – тоже развернулся и поехал следом, не отставая и не приближаясь, словно преданный пес. Они проехали мимо американского посольства еще раз, миновали бывшую церковь, которую посольские остряки называли «Церковь Богоматери с Микросхемами» – столько приборов наблюдения за посольством в ней находилось.

– А чем вообще мы сейчас занимаемся? – спросил водитель.

– Просто разъезжаем по городу. В прошлый раз, когда я был в Москве, все, что я увидел, была дорога в Министерство иностранных дел и обратно, а также внутреннее убранство какого-то дворца.

– Что, если наши друзья захотят приблизиться?

– Ну что ж, раз им захочется поговорить со мной, думаю, мне следует пойти навстречу их желанию, – ответил Райан.

– Вы серьезно? – Он знал, что Райан из ЦРУ.

– Можете не сомневаться, – усмехнулся Джек.

– Вы понимаете, что я обязан представить письменный доклад о подобных происшествиях?

– У вас своя работа, у меня своя. – Они ездили по городу еще час, но ничего не случилось, к разочарованию Райана и облегчению шофера.

Они приехали, как все. Пункты пересечения границы постоянно менялись, и их автомобиль – на этот раз это был «плимут», выпущенный четыре года назад, с номерными знаками штата Оклахома – остановился у пограничного поста – В машине сидели трое мужчин, один из них дремал, и его пришлось будить.

– Добрый вечер, – сказал пограничник, – Попрошу документы, удостоверяющие личность, пожалуйста. – Каждый из сидящих в машине достал и протянул водительское удостоверение с фотографией. – Есть что-нибудь, облагаемое налогом?

– Только спиртное. Две кварты – то есть две литровые бутылки – у каждого из нас. – Водитель с интересом смотрел, как собака

обнюхивает автомобиль. – Может быть, отъехать в сторону и открыть багажник?

– Цель вашей поездки в Мексику?

– Мы представляем компанию, занимающуюся трубопроводами и нефтеперегонным оборудованием «Каммингс-Оклахома», – объяснил водитель. – Компания производит главным образом вентили и клапаны большого диаметра. В эту поездку вели переговоры с мексиканской компанией «Пемэкс». Образцы в багажнике.

– Ну и как – успешно? – спросил пограничник.

– Это всего лишь первая встреча. Потребуется еще несколько. Обычно так все и происходит.

Проводник собаки отрицательно покачал головой. Его Лабрадор не проявил к автомобилю никакого интереса. Значит, ни малейшего запаха наркотиков или взрывчатки. Да и люди в машине не походили на контрабандистов. Они выглядели более или менее аккуратно одетыми, но не слишком, и не выбрали более напряженное время суток для проезда через пограничный пост.

– Добро пожаловать домой, – сказал пограничник. – Счастливого пути в Оклахома-

– Спасибо, сэр. – Водитель кивнул и включил первую скорость, – До встречи.

– В это трудно поверить, – произнес сидящий на заднем сиденье, когда они были в сотне метров от пограничного поста. Он говорил по-английски. – Они не имеют ни малейшего представления о бдительности.

– Мой брат – майор, служит в пограничных войсках. У него случился бы сердечный приступ, если бы он увидел, как это просто, – заметил водитель. Он не засмеялся. Самым трудным будет выехать из страны, и к тому же с этого момента они находились на вражеской территории. Он вел машину, строго соблюдая разрешенную скорость, даже не глядя на обгоняющие их автомобили местных жителей. Ему нравились американские автомашины. Он еще никогда не водил машину с двигателем, имеющим больше четырех цилиндров, и потому сразу заметил разницу. В прошлом он уже четыре раза бывал в Соединенных Штатах, но еще ни разу не принимал участие в такой поспешно подготовленной операции.

Все трое говорили на безупречном английском – американском – языке с гнусавым выговором Среднего Запада, совпадающим с документами, удостоверяющими их личность, – именно так думали они о водительских удостоверениях и карточках социального страхования, хотя их вряд ли можно назвать настоящими «документами». Станным было то, что водителю действительно нравилась Америка, в особенности доступность недорогой питательной пищи. Он подумал, что сделает остановку в закусочной по дороге к Санта-Фе, лучше всего в закусочной фирмы «Бургер-кинг», где он сможет удовлетворить свою любовь к гамбургерам, жаренным на углях и поданным с салатом-латуком, помидорами и майонезом. Это одна из сторон жизни, которая изумляет русских в Америке, – возможность хорошо поесть, не выстояв сначала в очереди длиной в квартал. Как правило, это была вкусная и недорогая пища. Интересно, подумал водитель, почему американцы умеют производить и готовить пищу, что совсем непросто, и в то же самое время неспособны организовать такую элементарную вещь, как безопасность собственных границ? Это совершенно непонятно, даже глупо, но было бы грубой ошибкой презирать их за это. Русский понимал, что занимать такую позицию не правильно. Американцы играли по настолько отличающимся правилам, что игра становилась непонятной – в ней было слишком много произвольных элементов. Это пугало сотрудника КГБ, нарушало веру в фундаментальные основы. Невозможно предсказать поведение американцев, подобно тому как нельзя предсказать поведение водителя на шоссе. Именно такая непредсказуемость постоянно напоминала ему, что сейчас он на вражеской территории. Самое главное теперь быть осторожными, строго выполнять все, чему их учили. Потеря бдительности, расслабленность на вражеской территории – верный путь к гибели, так им говорили в академии. Слишком много случайностей, которые невозможно предвидеть заранее. КГБ не в состоянии предугадать действия американского правительства, и уж тем более его сотрудники не могут предсказать индивидуальные действия более двухсот миллионов людей, принимающих то одно решение, то другое.

В этом все дело, подумал он. Им приходится принимать так много решений каждый день. Какие продукты купить, по какому шоссе ехать, какой автомобиль выбрать. Как бы отреагировали его

соотечественники, выпади на их долго ежедневно принимать столько решений? Да, конечно, это ввергло бы их в хаос. Хаос приведет к анархии, а этого русские всегда боялись больше всего.

– Жаль, что у нас дома нет таких дорог, – сказал сидящий рядом мужчина. Третий, на заднем сиденье, заснул, на этот раз по-настоящему. Для обоих это был первый приезд в Америку. Подготовка операции велась в крайней спешке. Олег отлично проявил себя в Южной Америке, всякий раз действуя под маской американского бизнесмена. Он был москвичом и хорошо помнил, что стоит чуть отъехать от кольцевой автодороги, как все шоссе превращаются в проселочные или даже грунтовые дороги. В России не было ни одного шоссе, которое бы проходило от одной границы к другой.

Водитель – его звали Леонид – задумался.

– Где на это взять деньги? – качнул он головой.

– Что верно, то верно, – согласился устало Олег. Они ехали в машине уже десять часов. – Если не такие, как здесь, то хотя бы, как в Мексике.

Леонид хмыкнул. Но ведь тогда люди захотят ехать куда угодно, подумал он, только по своему желанию, а этому их никто не потрудился научить. Он посмотрел на часы. Еще шесть часов езды, может быть, семь.

Капитан Татьяна Бизарина пришла к тому же заключению, взглянув на часы в щитке своего «вольво». Подготовленный для них «безопасный дом» – место укрытия – был в данном случае вовсе не домом, а представлял собой старый трейлер, который больше походил на передвижную контору на колесах, используемую обычно при строительстве. Этот трейлер начинал жизнь как ломик для жилья во время путешествий и теперь заканчивал ее в качестве передвижной конторы, и то брошенной несколько лет назад строительной фирмой, которая не завершила и половины работ нулевого цикла в холмах к югу от Санта-Фе. Прокладка водопровода и канализации для нового жилого района так и не была закончена. У строительной фирмы иссяк источник финансирования, и право собственности на участок земли

все еще оспаривалось в суде. Расположение участка было идеальным – рядом с шоссе, неподалеку от города, укрытое за небольшим холмом. О его существовании напоминала только грунтовая дорога, что вела от шоссе. Место было настолько удачно спрятано, что даже здешняя молодежь еще не успела обнаружить его и использовать для любовных утех после танцев.

Укромное расположение трейлера имело свои достоинства и недостатки. Невысокие сосны, скрывая его от посторонних взглядов, одновременно позволяли скрытно приблизиться к нему. Придется выставлять наружную охрану, решила Бизарина. Ничего не поделаешь – во всем есть какой-нибудь изъян. Она подъехала к трейлеру с выключенными фарами, удачно рассчитав момент подъезда к грунтовой дороге, когда шоссе опустело. Из багажника «вольво» она достала два пакета с продуктами. В трейлере не было электричества, поэтому еду придется покупать часто – иначе она будет портиться. А пока вместо мяса она привезла колбасу в вакуумной упаковке и дюжину банок сардин. Русские любят сардины. Управившись с продуктами, она достала из машины небольшой чемодан и поставила его в крохотном туалете рядом с двумя канистрами воды.

Она хотела было повесить на окна занавески, однако сочла опасным изменять внешний вид трейлера – Да и стоящая рядом с ним машина тоже могла привлечь нежелательный интерес. После того как прибудет группа оперативников, они найдут место дальше по грунтовой дороге, где лес погуще, и будут ставить автомобиль там. Это тоже было не слишком удобно, но с этим приходилось мириться. Вообще подготовка мест для проживания оперативников совсем непростое дело, намного сложнее, чем кажется на первый взгляд, даже в такой открытой стране, как Америка. Все прошло бы гораздо проще, если бы ее предупредили заблаговременно, однако операцию подготовили буквально за ночь, и единственным подходящим местом, где она могла разместить приезжающих агентов, было это. Обнаружив этот трейлер вскоре после своего прибытия в Америку, она рассчитывала укрыться здесь в случае крайней необходимости или в случае надобности спрятать тут на несколько дней своего агента. Для настоящей операции трейлер совсем не подходил, но другого выхода просто не было – оставалось только разместить их у себя дома, а это было исключено. У нее мелькнула мысль, что ее могут наказать за то,

что она не позаботилась о другом укрытии. Это исключено, решила она, я всегда точно выполняла все поручения и на этот раз тоже поступила самым оптимальным образом.

Внутри трейлера была кое-какая мебель, простая и довольно грязная. Поскольку делать все равно было нечего, она немного прибралась. Во главе группы стоит старший офицер КГБ. Она не знала его имени, никогда с ним не встречалась раньше, но догадывалась, что руководить такой операцией поручат сотруднику званием старше ее. После того как в трейлере стало почище и единственный диванчик уже не выглядел отталкивающе грязным, она вытянулась на нем и решила немного вздремнуть, поставив предварительно будильник, чтобы не проспять больше пары часов. Казалось, она едва успела уснуть, как звонок будильника поднял ее с подушек.

Они приехали за час до рассвета. Придорожные знаки на обочине шоссе облегчили поиски трейлера, и к тому же Леонид запомнил дорогу наизусть. Проехав пять миль по главному шоссе, он свернул на асфальтированную дорогу, ведущую направо. Затем, сразу после щита с рекламой какого-то сорта сигарет, показалась грунтовая дорога, заканчивающаяся на первый взгляд тупиком. Леонид выключил фары, затем двигатель, и автомобиль беззвучно подкатил к трейлеру, остановившись у входа, причем водитель постарался не нажимать на педаль тормоза, чтобы яркий свет тормозных фонарей не выдал появление машины в темноте среди деревьев. Дорога уходила дальше вниз и сворачивала вправо. У трейлера стоял «вольво» и рядом с ним – женская фигура.

Первые несколько секунд всегда были тревожными. Леониду предстояло встретиться с другим офицером КГБ, но он знал случаи, когда все проходило далеко не так успешно. Он затянул ручной тормоз и вышел из машины.

- Заблудились? – послышался голос из темноты.
- Я ищу «Маунтин вью», – ответил Леонид.
- Это на другой стороне города, – произнесла Бизарина.

– Господи, я, наверно, слишком рано повернул с шоссе. – Он заметил, что напряжение покинуло женщину.

– Здравствуйте. Я – Таня Бизарина. Зовите меня Энн.

– А я – Боб, – ответил Леонид. – В машине – Билл и Пенни.

– Устали?

– Мы едем со вчерашнего рассвета, уже сутки, – заметил Леонид – он же Боб.

– Выспитесь в трейлере. Я оставила вам продукты и воду. К сожалению, ни электричества, ни водопровода. Там два фонаря и бензиновый примус – на нем вы сможете приготовить кофе.

– Когда операция?

– Сегодня вечером. Пусть ваши люди заходят внутрь, а я покажу вам, где поставить машину.

– Как относительно обратного пути?

– Еще неизвестно. То, что предстоит сделать сегодня вечером, уже само по себе достаточно сложно. – И Бизарина начала рассказывать об операции. Ее сразу удивил – хотя этого следовало ожидать – профессионализм всех трех оперативников. Каждый из них, несомненно, думал о том, каковы планы Московского центра, давшего команду на проведение операции, которая была безумной сама по себе, даже если не принимать во внимание крайней спешки при ее подготовке. И тем не менее ни один из четырех не допускал, чтобы личные чувства помешали проведению операции. Приказ о ней был отдан Московским центром, и Москва знала, что делает. Так говорилось в наставлениях, и офицеры-оперативники верили им, хотя и понимали, что делать этого не следовало.

Беатрис Тауссиг проснулась часом позже. Дни становились длиннее, и теперь солнце уже не светило ей прямо в лицо, когда она ехала на работу. Вместо этого оно сияло прямо в окно ее спальни подобно персту обвиняющего судии. Сегодня, напомнила она себе, рассвет отмечает начало совершенно нового дня, меняющего ее судьбу к лучшему, и Беа приготовилась встретить его должным образом. Начала она с душа и затем высушила волосы феном, Кофеварка была

уже включена, и она выпила первую чашку, раздумывая, что лучше надеть. Сегодняшнее решение, сказала она себе, слишком важно, чтобы ограничиться чашкой кофе с булочкой на завтрак. Потребуется энергия, и Беа приготовила яичницу. Надо не забыть, напомнила она себе, взамен ограничиться легким ленчем. Она следила за своим весом на протяжении последних четырех лет, стремясь сохранить фигуру, и не без успеха.

Итак, что надеть? Что-нибудь с кружевами, решила она. У нее было немного таких туалетов, но, может быть. синий... Сев завтракать, она включила телевизор и успела выслушать новости Си-эн-эн, где речь шла о переговорах по ограничению вооружений, проходивших в Москве. Может быть, мир действительно станет безопаснее. Приятно работать, когда знаешь, что стремишься к какой-то нужной цели. Будучи опрятной, она уложила грязную посуду в раковину, прежде чем вернуться в спальню. Синий костюм вышел из моды еще год назад, но кто из сотрудников проекта заметит это? Разве что секретарши – впрочем, их мнение ее не интересовало. К костюму она добавила пестрый шарф, чтобы показать, что Беа остается Беа.

Она поставила машину в отведенном для нее в обычное время месте. Затем достала из сумочки специальный пропуск, повесила его на шею – он был на золотой цепочке – и прошла через контрольно-пропускной пункт.

– Доброе утро, доктор, – поздоровался с ней один из охранников. Такая вежливость вызвана, несомненно, синим костюмом и шарфом, подумала Беа. Она все-таки заставила себя улыбнуться, что для обоих было в высшей степени необычно, но не ответила на его приветствие – не хватало еще разговаривать с человеком, не

сумевшим закончить даже среднюю школу.

Как всегда, она приехала на работу первой. Это позволило включить кофеварку на такой режим, чтобы получить самый крепкий кофе, как ей нравилось. Пока слышалось бульканье, она открыла свой сейф и достала оттуда папку с документами, которыми занималась накануне.

Удивительно, но утро прошло гораздо быстрее, чем она ожидала. Работа способствовала тому, что время мчалось с необычной быстротой. К концу месяца нужно было представить предварительную смету стоимости работ по проекту «Чайный клипер», и потому ей

приходилось просматривать множество документов, большинство которых она уже сфотографировала и передала Энн. Так удобно иметь свой собственный кабинет с дверью и секретаршей, которая стучала, прежде чем войти. Секретарше это не нравилось, но Беа не обращала на ее недовольство внимания – сухая дура, подумала она, для такой предел радости – распевать церковные гимны. Ну что ж, скоро все переменится, напомнила она себе. Все начнется сегодня. Она уже заметила, подъезжая утром, что «вольво» стоит в условленном месте.

– Ты бы только посмотрел, какие костюмы покупает эта лесбиянка, – заметила Пегги Дженнингс.

– А вдруг это простая эксцентричность? – Уилл Перкинс отличался терпимостью. – Ты видишь в ней что-то, чего я не вижу, Пег. К тому же я посмотрел сегодня на нее, когда она приехала на работу, – вполне приличная одежда, разве что шарф...

– А ты не заметил чего-нибудь необычного? – спросила Дженнингс, забыв о своей личной неприязни к Тауссиг.

– Нет. Она очень рано встает, но ей, может быть, по утрам требуется время, чтобы втянуться... Не вижу никаких оснований продолжать наблюдение за ней. – Список сотрудников «Чайного клипера», подлежащих проверке, был длинным, а число сотрудников ФБР, выделенных для этого, небольшим. – Я знаю, Пег, ты испытываешь неприязнь к сексуальным меньшинствам, но ведь в данном случае у тебя даже нет никаких доказательств – по крайней мере пока нет. Может, она просто тебе не нравится... – предположил он.

– Этот объект резко выделяется своей необычной манерой поведения, но в то же время носит строгие костюмы. По многим проблемам откровенно выражает свое мнение, но никогда не говорит о своей работе. Она вся состоит из противоречий. – А это в точности соответствует психологическому профилю, подумала про себя Дженнингс. Впрочем, Уилл Перкинс тоже знал об этом.

– А вдруг она не говорит о работе лишь потому, что им это вообще запрещено – об этом им постоянно твердят сотрудники службы

безопасности. Манера водить автомобиль – типичная для жителей восточного побережья, вечно спешит, зато одевается скромно – может быть, ей нравится, как она выглядит в строгих костюмах? Пег, ведь нельзя подозревать всех!

– Мне казалось, что именно в этом и заключается наша работа, – недовольно фыркнула Дженнингс. – Тогда объясни мне, что мы видели в тот вечер.

– Этого я не могу объяснить, но ты придаешь случившемуся какое-то особое значение. У нас нет никаких доказательств, Пег, даже для того, чтобы ужесточить наблюдение за ней. Слушай, давай поступим так: после того как проверим всех, кто имеется в нашем списке, посмотрим на нее еще раз.

– Но это безумие, Уилл. Нам поручено отыскать, где происходит утечка сведений из совершенно секретного исследовательского проекта, а мы ходим вокруг да около, словно боимся обидеть кого-то. – Агент Дженнингс встала и на мгновение подошла к своему столу. Он был тут же, рядом, – местное отделение ФБР запрудили приехавшие сюда сотрудники контрразведывательной службы, и им отвели обеденное помещение. Рабочие столы тут заменяли самые обычные столики, за которыми раньше обедали.

– Ну хорошо, давай поступим так – отберем всех специалистов, которые имели доступ к информации, попавшей в руки вражеского агента, и посадим в ящик. – «Посадить в ящик» означало подвергнуть проверке на детекторе лжи. Когда сотрудники ФБР попытались сделать такое в прошлый раз, в «Чайном клипере» едва не произошла революция. Ученые и инженеры не имели представления, что иногда это необходимо в целях безопасности, и сочли проверку на детекторе лжи оскорблением их патриотических чувств. А для некоторых из них это превратилось в игру: один из специалистов, занимавшийся компьютерным обеспечением программы, даже прибегнул к методам обратной биосвязи, чтобы запутать полученные результаты. Главным результатом этой попытки, проведенной полтора года назад, стало убедительное доказательство, что персонал проекта испытывает глубокую враждебность по отношению к службе безопасности. Впрочем, это никого не удивило. Но окончательно программа проверки была остановлена после того, как в ФБР поступило письмо разгневанного ведущего ученого, который указал на несколько

моментов, когда он намеренно солгал, а детектор лжи не сумел этого обнаружить. Это, а также серьезные нарушения деятельности различных лабораторий «Чайного клипера» прервали программу еще до ее завершения.

– В прошлый раз Тауссиг не подвергалась проверке на детекторе лжи, – напомнила Дженнингс, ознакомившаяся с материалами, – как и ни один из представителей управленческого аппарата. Мятаж научного персонала нарушил программу проверки. Она была одной из тех, кто...

– Это потому, что именно к ней обратились со своей жалобой программисты из группы компьютерного обеспечения. Она ведь является одним из администраторов, и, не забудь, в ее обязанности входит заботиться о благополучии ученых. – Перкинс тоже ознакомился с материалами. – Послушай, если тебе действительно так этого хочется, давай вернемся к ней позже. Сам я ничего не заметил, но полагаюсь на твои инстинктивные подозрения. А пока нам нужно заняться проверкой остальных.

Маргарет Дженнингс согласно кивнула. В конце концов, Перкинс прав. У них против Тауссиг не было ничего конкретного. Она всего лишь исходила из какого-то неопределенного интуитивного недоверия. По ее мнению, Тауссиг – лесбиянка, но теперь в этом не было ничего особенного – таково было заключение судебных инстанций во многих случаях, – к тому же необоснованные подозрения – всего лишь подозрения, она знала это. Три года назад, как раз перед тем как ее перевели в управление контрразведки, Дженнингс занималась розыском ребенка, которого похитили двое...

Дженнингс понимала также, что Перкинс ведет себя в данном случае с большим профессионализмом. Он был мормоном и честнейшим человеком и никогда не допускал, чтобы его личные чувства мешали работе. И все-таки она не могла отделаться от инстинктивного ощущения, что, несмотря на все то, что говорили ей логика и опыт, она права. Но права она или ошибается, им с Уиллом нужно составить шесть отчетов, прежде чем они смогут снова заняться оперативной работой. Теперь на нее приходилось не больше половины рабочего времени каждого оперативного агента, а вторая половина ухалила на писание за столом – или, как здесь, за обеденным столом –

отчетов о том, чем вы занимались в тот промежуток времени, когда удавалось от этого стола оторваться.

– Эл, это Беа. Ты не мог бы прийти ко мне в кабинет?

– Конечно. Через пять минут.

– Отлично. Спасибо. – Тауссиг повесила трубку. Даже она восхищалась пунктуальностью Грегори.

Он вошел в кабинет ровно через пять минут.

– Надеюсь, я не оторвала тебя от чего-то важного?

– Нет, ничуть. Они моделируют еще одно устройство наведения, но мое присутствие там необязательно. Итак, в чем дело? – спросил майор Грегори и тут же добавил:

– Мне нравится твой костюм, Беа.

– Спасибо, Эл. Мне понадобится твоя помощь.

– В чем?

– Я имею в виду подарок Кэнди ко дню рождения. Сегодня после работы я поеду за ним, и кто-то должен мне помочь.

– А верно! Ведь у нее день рождения через три недели?

Тауссиг улыбнулась, глядя на Грегори. Этот урод к тому же еще и рассеянный.

– Тебе придется запоминать такие вещи.

– Ну и что ты хочешь ей подарить? – Он ухмыльнулся как ребенок.

– Это – сюрприз, Эл. – Она сделала паузу. – Одна вещь, которая пригодится Кэнди. Сам увидишь. Кэнди приехала сюда сама?

– Да, она собиралась после работы к зубному врачу.

– И не говори ей об этом, ладно? Пусть это будет для нее сюрпризом, – объяснила Беа.

Грегори увидел, что она с трудом удерживается от улыбки.

– Хорошо, Беа, – усмехнулся он. – Встретимся в пять.

Они проснулись после полудня. «Боб» пошел было в туалет и тут вспомнил, что в трейлере нет водопровода. Он выглянул в окно, убедился, что поблизости никого нет, и вышел наружу. К моменту его возвращения остальные уже готовили кофе. Бизарина оставила им

только растворимый, зато это оказался неплохой сорт, трое оперативников съели типичный американский завтрак с большим количеством сахара. Они знали, что сегодня им это понадобится. Закончив эту утреннюю процедуру, они достали карты и все остальное, что понадобится для проведения операции, и еще раз обсудили детали. На протяжении трех часов они повторяли самые мельчайшие подробности, пока не убедились, что каждый из них знает совершенно точно, что ему предстоит.

Вот он, наконец, сказал себе Лучник. В горах отличная видимость, и с их вершин открывается великолепная панорама. В данном случае до цели придется идти еще двое суток, хотя они уже воочию видели ее. Пока его командиры распределяли боевиков по укрытиям, Лучник положил бинокль на скалу и принялся вглядываться в объект, находящийся на расстоянии... двадцати пяти километров? – подумал он и проверил по карте. Отряду нужно спуститься по склону горы, пересечь небольшую бурную речку, затем подняться вверх по убийственно крутому склону. На последнюю ночевку они остановятся... вот тут. Лучник направил бинокль на выбранное им место. В пяти километрах от объекта, скрытое горами от посторонних взглядов... Снова придется подниматься по крутому склону. Но выбора не было. Перед штурмом он даст своим людям час отдыха. Пока они отдыхают, он объяснит им – каждому из них, – какие задачи будут решаться, и они смогут помолиться. Он снова принялся изучать объект.

Строительство, несомненно, еще не было завершено, но тут оно никогда и не закончится... Очень удачно, что штурм состоится именно сейчас, потому что через несколько лет объект превратится в неприступную крепость. А пока...

Лучник напряг глаза, всматриваясь в цель и стараясь разглядеть детали. Даже с помощью бинокля он не мог различить ничего меньшего по размерам, чем сторожевые вышки. В первых лучах рассвета были видны отдельные возвышения – это здания. Придется подобраться поближе, чтобы все получше рассмотреть и наметить все

летали штурма, но в данный момент его интересовали общее расположение объекта и близлежащая местность. Откуда лучше всего приблизиться к цели? Как использовать соседнюю гору с выгодой для себя? Если объект охраняют войска КГБ, как говорилось о документах ЦРУ, которые ему удалось просмотреть, то он знал, что их состав так же жесток, как и ленив.

Сторожевые вышки – три с северной стороны. Там должно быть и заграждение. А минное поле? – подумал он. Есть мины или нет, первым делом придется уничтожить вышки. На них располагаются крупнокалиберные пулеметы, и оттуда открывается обзор всей окружающей местности. Как сделать это лучше всего?

– Значит, это и есть наша цель? – К Лучнику подошел бывший майор афганской армии и остановился рядом.

– Как наши люди?

– Все в укрытии, – ответил майор и около минуты молча рассматривал объект. – Помните рассказы о замке асасинов в Сирии?

– Замок асасинов? – Лучник резко повернулся к майору. Так вот о чем напоминает майору этот объект! – Ну, и как же захватили этот замок?

Майор улыбнулся, продолжая рассматривать цель.

– У них больше возможностей, чем у нас, мой друг... Если они когда-нибудь укрепятся на всей вершине, потребуется целый полк с воздушной поддержкой только для того, чтобы проникнуть за наружное заграждение. Итак, как вы предполагаете организовать штурм?

– Разделимся на две группы.

– Правильно. – На самом деле майор не был согласен ни с одной стороной предстоящей операции. На основе полготовки – полученной им от русских – он считал безумием штурмовать такой объект со столь малочисленным отрядом, но прежде чем возражать человеку, подобному Лучнику, ему нужно продемонстрировать свой боевой опыт и мужество. А это значит, что придется пойти на невероятный риск. И майор решил приложить все силы, чтобы подтолкнуть Лучника в правильном направлении при обсуждении тактики штурма.

– Промышленные объекты на северном склоне. Жилые помещения – на холме к югу. – На объекте показались светящиеся огни фар – от одной вышки к другой передвигались автобусы. Смена

караула. Лучник подумал об этом, но он знал, что атака начнется в темноте и должна закончиться до наступления утра – иначе никто из нападающих не останется в живых.

– Если нам удастся подобраться вплотную незаметно... вы позволите мне высказать предложение? – тихо спросил майор.

– Продолжайте.

– Собрать всех на возвышенности в центре и затем сверху штурмовать обе цели.

– Это рискованно, – тут же возразил Лучник. – И с той и с другой стороны до цели придется бежать по открытой местности.

– Зато легче незаметно занять исходную позицию. Труднее заметить приближение одной группы, чем двух. Если установить наше тяжелое вооружение на возвышенности, оно сможет контролировать и поддерживать огнем обе штурмовые группы.

Действительно, признал Лучник, существует немалая разница между воином, который руководствуется одной интуицией, и профессиональным военным. Майор лучше его понимал, как следует сравнивать различные опасности и выбирать наименьшую.

– Что мы будем делать со сторожевыми вышками, как вы считаете?

– Надо подумать. Я... – Майор резким движением прижал голову своего командира к земле. Через мгновение вдоль долины промчался самолет.

– Это МиГ-21, разведывательный вариант истребителя. Нам противостоят совсем не дураки. – Он оглянулся и увидел, что все бойцы находятся в укрытии. – Не исключено, что нас успели сфотографировать.

– Вы думаете, что...

– Я не знаю. Нам придется положиться в этом на волю Аллаха, мой друг. Вряд ли он позволил проникнуть так далеко только затем, чтобы погубить нас в последний момент, – ответил майор, не осознавая, правду ли говорит он или нет.

– И куда мы направляемся? – спросил Грегори, когда они с Беа вышли на стоянку.

– Давай встретимся у торгового центра, с южной стороны, ладно? Я надеюсь, что мой сюрприз поместится в машине.

– Хорошо, я подожду тебя там, – Грегори сел в машину и уехал.

Беа подождала несколько минут, прежде чем последовать за ним. Будет лучше, если никто не заметит, что они поехали вместе. Ее охватило волнение. Стараясь справиться с ним, она ехала медленно, но это оказалось так необычно для нее, что волнение всего лишь усилилось, и, словно по собственной воле, «датсун» менял скорости и переходил с одной полосы на другую. Через двадцать минут ее машина была на стоянке у торгового центра.

Эл поставил свою машину позади чьего-то фургона, далеко от входа в ближайший магазин. Он даже выбрал совсем неплохое место, подумала Тауссиг. Она остановилась рядом и вышла из автомобиля.

– Что это ты так долго? – спросил Грегори.

– А куда спешить?

– Ну, и что теперь?

Этого Беа не знала. Ей сообщили, что должно здесь произойти, но подробности ей были неизвестны – она даже не имела представления, сколько человек примет участие в операции. Может быть, Энн собирается справиться с делом в одиночку. Беа засмеялась, стараясь скрыть растерянность.

– Пошли, – сказала она и сделала знак, приглашая Грегори следовать за ней.

– Представляю, что это за подарок... – пробормотал Эл. Он заметил, что сзади выезжает какой-то автомобиль.

Беа обратила внимание, что огромная площадка, отведенная для стоянки автомобилей, заполнена машинами, но на ней совсем нет людей. Дневные посетители торгового центра разъехались по домам на ужин, а вечерние еще не успели приехать. Посетители кинотеатров начнут собираться только через час. Несмотря на это, она нервно оглядывалась по сторонам. Ей нужно быть вблизи входа в кинотеатр. Время совпадало. Если что-то сорвется – Беа едва удержалась от нервного смеха, – ей придется найти какой-нибудь большой тяжелый подарок. Впрочем нет, теперь этого не понадобится. Навстречу ей шла Энн. В руках у нее не было ничего, кроме сумочки.

– Привет, Энн! – воскликнула Тауссиг.

– Привет, Беа... О-о, да ведь это майор Грегори!

– Привет, – произнес Эл, стараясь припомнить, знает ли он эту женщину. У него была плохая память на лица – он использовал свой мозг для математических вычислений.

– Мы встречались прошлым летом, – заметила Энн, еще больше запутав Грегори.

– Как ты здесь оказалась? – спросила Тауссиг офицера КГБ.

– Да вот понадобилось кое-что купить. У меня сегодня вечером свидание, вот я и решила... подожди, сейчас покажу. – Она сунула руку в сумку и достала оттуда предмет, походивший, по мнению Грегори, на баллончик духов – или как там называются эти разбрызгивающие штуки, подумал он, остановившись рядом. Ему нравилось, что Кэнди подобные вещи не интересовали. Энн вроде побрызгала себе на кисть и поднесла к носу Беа как раз в тот момент, когда появился автомобиль, направляющийся в их сторону.

– Кэнди это очень понравится – как ты считаешь? – спросила Беа, и баллончик оказался у его лица.

– Что? – успел спросить он, и в это мгновение прямо ему в лицо брызнула струя нервно-паралитического газа.

Энн идеально рассчитала момент и направила на него струю в то самое мгновение, когда он начал вдох, и затем тут же направила газ под очки в глаза. Грегори показалось, что у него вспыхнуло лицо, и легкие пронизала ужасная боль. В следующее мгновение он упал на колени, прижимая руки к лицу. Он не мог дышать, не мог издать ни звука и не заметил, что рядом остановилась машина. Открылась дверца, и водителю понадобилось всего лишь наклониться, чтобы ребром ладони нанести ему удар по шее.

Беа увидела, как он опустился на асфальт, будто тряпочная кукла. Открылась задняя дверца, его схватили за плечи. Беа и Энн помогли затолкать в машину ноги. В то самое мгновение, когда задняя дверца захлопнулась, через открытое окно вылетела связка ключей, и «плимут» рванулся вперед, таким образом, он даже толком не остановился.

Энн тут же огляделась вокруг. Никто не заметил случившегося. Она была уверена в этом. Вместе с Беа они направились от магазинов туда, где стояли автомобили.

- Что с ним будет? – спросила Беа.
- А тебе разве не все равно? – быстро ответила Бизарина.
- Но вы не собираетесь...
- Нет, мы не уьем его. – Энн тут же подумала, что это может оказаться ложью. Она не знала, но полагала, что убийство не входит в планы оперативной группы. Они и без того нарушили до сего времени нерушимое правило. Этого было достаточно,

22. Активные меры

Леонид, выступающий сейчас под именем «Боб», направил автомобиль к дальнему выезду со стоянки. Если принять во внимание, что операция была спланирована и подготовлена так поспешно, ее самая опасная часть прошла весьма удачно. Ленни, сидевший на заднем сиденье, удерживал похищенного ими американского офицера. Очень сильный физически, Ленни служил раньше в советских войсках специального назначения, в так называемом «спецназе». Билл, находившийся рядом, был включен в состав группы как причастный к научной разведке; то, что он являлся специалистом в области химического машиностроения, для Московского центра не имело значения. Для проведения операции требовался научный эксперт, и Билл оказался ближе всех.

Майор Грегори шевельнулся и застонал. Удар из арсенала карате был предназначен лишь для того, чтобы временно оглушить его, не причинив серьезных повреждений. Они потратили столько усилий вовсе не для того, чтобы убить человека, которого им поручили захватить, хотя в прошлом такое случалось не раз. По той же самой причине было решено обойтись без наркотиков. Их применение с целью временно усыпить человека гораздо более опасно, чем считают многие. Однажды от введенной дозы наркотика случайно погиб советский гражданин, пытавшийся найти на Западе политическое убежище, и в результате сотрудники Второго главного управления так и не сумели допросить его. Ленни казалось, что Грегори ничем не отличается от ребенка, приходящего в себя после продолжительного сна. Запах газа внутри машины был настолько сильным, что пришлось опустить все стекла в окнах, чтобы сами оперативники КГБ не пострадали от него. Им хотелось связать своего пленника, но если кто-то, заглянув внутрь машины, обнаружил бы такие узы, объяснить это было бы непросто. Ленни, разумеется, без труда удерживал американца. Желание связать его было вызвано всего лишь осторожностью, рожденной профессиональным опытом, учившим их ни к чему не относиться как к само собой разумеющемуся. А вдруг хобби Грегори – одно из боевых восточных единоборств? В конце

концов, случались и более странные вещи. Когда американец начал приходить в себя, первое, что он увидел, – это глушитель автоматического пистолета, прижатый к его щеке.

– Майор Григорий, – произнес Ленни, намеренно по-русски произнося американскую фамилию, – мы знаем, что вы – умный молодой человек и, по-видимому, вовсе не трус. Если вы будете сопротивляться, вас убьют, – солгал он. – У меня в этом деле большой опыт. Не двигайтесь и сохраняйте полное молчание. Если вы будете вести себя так, как от вас требуется, с вами ничего не случится. Вы понимаете меня? Если понимаете – кивните головой.

Грегори полностью пришел в сознание. Впрочем, он и не терял его – сильный удар всего лишь оглушил майора, и в результате голова казалась ему надутым воздушным шаром. Слезы из глаз текли, как из неисправного водопроводного крана, и при каждом вдохе в груди словно вспыхивал огонь. Он попытался сопротивляться, когда его заталкивали в машину, но непослушное тело отказалось повиноваться отчаянным приказам сознания, хотя мозг отдавал яростные команды. И в это мгновение у него в голове мелькнула мысль: так вот почему я ненавижу Беа! Совсем не из-за ее высокомерного поведения и странной манеры одеваться. Но Грегори тут же прогнал эту мысль – сейчас нужно беспокоиться о более важных вещах, и его мозг работал с такой лихорадочной быстротой, с какой ему прежде работать не приходилось. Он кивнул.

– Отлично, – произнес голос, сильные руки подняли его с пола и посадили на заднее сиденье. Дуло пистолета упиралось теперь ему в грудь, а сам пистолет скрывался под левой рукой мужчины.

– Действие раздражающего газа пройдет примерно через час, – оказал ему Билл. – Без всяких последствий.

– Кто вы? – спросил Эл. Его голос звучал как едва слышный шепот, а голосовые связки он ощущал, словно наждачную бумагу.

– Ленин сказал, чтобы вы молчали, – ответил водитель. – К тому же такому умному человеку, как вы, совсем нетрудно догадаться. Разве я не прав? – Боб посмотрел в зеркало заднего обзора и увидел, как Грегори снова кивнул.

Русские! – подумал Эл, изумленный и уверенный одновременно. Русские здесь, в Америке, совершают такое преступление... Что им от меня нужно? Может быть, они собираются меня убить? Он wan, что не

должен верить ни единому их слову. Они будут говорить что угодно, чтобы заставить его подчиниться их воле. Он чувствовал себя последним дураком. От него ожидают мужского поведения, ведь он – офицер, а сейчас он беспомощнее четырехлетней девочки, и к тому же плачет как ребенок, понял Эл, ненавидя себя за каждую слезу, что катилась из глаз. Еще никогда в жизни его не охватывала такая ослепляющая ярость. Грегори посмотрел направо и увидел, что у него нет никаких шансов на спасение. Мужчина с пистолетом в руке почти вдвое больше его, и к тому же дуло пистолета упирается прямо в грудь. Глаза Эла мигали сейчас почти с такой же быстротой, как двигаются дворники на ветровом стекле автомобиля. Слезы мешали ему смотреть, но он видел, что мужчина с пистолетом наблюдает за ним с чисто клиническим интересом, без всяких эмоций. Это действительно профессионал во всем, что требует применения силы, наверно, прошел «спецназ», сразу подумал Грегори, Он глубоко вздохнул – вернее, попытался вздохнуть – и тут же зашелся в приступе кашля.

– Не дышите глубоко, – предостерег мужчина, сидящий на переднем сиденье. – Делайте неглубокие вдохи. Со временем последствия исчезнут. – Удивительная штука этот нервно-паралитический газ, подумал Билл. И в Америке его может купить кто угодно. Поразительно.

Боб уже вывел машину с огромной стоянки и направился теперь к месту, где находилось их укрытие. Разумеется, он хорошо запомнил дорогу, хотя его не покидали кое-какие сомнения. Ему не довелось ездить по этому пути прежде, не было времени и попрактиковаться на этом отрезке, чтобы рассчитать время и познакомиться с другими маршрутами. Но он достаточно пробыл в Америке, чтобы знать, что нужно соблюдать правила дорожного движения и все время быть настороже. Ездить Здесь было легче, чем на Северо-Западе, – за исключением автострад, проходящих через несколько штатов, где каждый житель полагал, что обладает правом ездить как сумасшедший и это право дано ему свыше. Но сейчас Боб ехал по местному шоссе, и по его четырем полосам транспорт двигался спокойно и размеренно от одного светофора к другому. Только теперь он понял, что проявил излишний оптимизм, когда рассчитывал, сколько времени понадобится ему на обратный путь. Впрочем, это не имело значения. Ленни без труда справится с захваченным американцем. Уже стемнело, шоссе

освещали редкие фонари, и их автомобиль терялся среди множества машин, принадлежащих людям, которые возвращались домой с работы.

Бизарина в этот момент находилась уже в пяти милях от места захвата, направляясь в противоположную сторону. Автомобиль Грегори внутри оказался намного хуже, чем она ожидала. Будучи сама очень опрятным человеком, она с отвращением увидела, что молодой офицер буквально усыпал все какими-то пластмассовыми обертками. Она даже удивилась, почему в этом «шевроле» не завелись муравьи. При мысли о них по ее телу пробежали мурашки. Бизарина посмотрела в зеркало и убедилась, что Тауссиг следует за ней. Десять минут спустя она въехала в район, где проживали семьи рабочих. У каждого дома был гараж, но даже здесь многие семьи имели больше одной машины, и те, что не помещались в гаражах, были припаркованы на улице. Бизарина нашла свободное место недалеко от перекрестка и поставила машину у обочины. Затем рядом с «шевроле» остановился «датсун» Тауссиг, и она села в ее машину, оставив машину Грегори на улице. Ничего необычного, всего лишь еще одна неприметная машина, стоящая на обочине. Когда Тауссиг остановилась у следующего светофора, Бизарина опустила стекло и выбросила ключи Грегори в решетку канализации. На этом завершилась самая опасная для нее часть операции. Тауссиг, не ожидая указаний, поехала обратно к стоянке у торгового центра, чтобы Бизарина пересела в свой «вольво».

– Ты уверена, что они не убьют его? – спросила Тауссиг после минуты молчания.

– Совершенно уверена, Беа, – ответила Энн. Почему это у Тауссиг неожиданно появилось такое милосердие? – промелькнула у нее мысль. – Насколько я понимаю, ему даже могут предоставить возможность продолжать свою научную работу... в другом месте. Если он не будет упрямиться, с ним будут обращаться очень хорошо.

– Вы даже найдете ему девушку, правда?

– Да, это один из способов сделать его довольным, – признала Бизарина. – Счастливые люди работают более успешно.

– Очень хорошо, – изрядно удивив этим офицера КГБ, ответила Тауссиг. Затем она объяснила:

– Я не хочу, чтобы ему причиняли боль. Его знания помогут сделать мир безопасным для обеих сторон. – И к тому же он перестанет мешать мне! – подумала Беа, но не сказала этого вслух.

– Он слишком ценный человек, чтобы мы причинили ему боль, – заметила Энн. Если только ситуация не изменится к худшему – в этом случае придется исполнить другие приказы...

Боб с удивлением обратил внимание на то, что едущие впереди автомобили сбавили скорость и начали тормозить. Его «плимут» остановился за мини-фургоном. Как и большинство водителей. Боб не любил такие машины, потому что они закрывали обзор. Он выдвинул пепельницу и нажал на кнопку электрической зажигалки, мрачно глядя по сторонам. Билл, сидящий рядом, тоже приготовил сигарету. По крайней мере табачный дым поможет замаскировать едкий запах слезоточивого газа, все еще удерживающийся внутри машины. Боб решил, что надо будет оставить на ночь все окна открытыми, чтобы запах выветрился окончательно. Теперь, когда «плимут» остановился и встречный поток воздуха стих, его глаза тоже начали слезиться. Он едва не почувствовал мукам пленника, получившего изрядную порцию газа прямо в лицо. Но газ, который временно лишил его возможности двигаться, все-таки намного лучше, чем доза наркотика, способная вызвать остановку сердца, или сильный удар, от которого могла сломаться его тонкая шея. По крайней мере этот Грегори ведет себя спокойно. Если все будет развиваться в соответствии с планом, в конце недели он будет уже в Москве. Они переждут день-другой тут, а затем направятся в Мексику. На этот раз пересекать границу придется в другом месте; понадобится какой-то отвлекающий маневр, пока еще не подготовленный, чтобы обеспечить переезд в эту дружественную страну, откуда можно вылететь самолетом на Кубу, а оттуда – прямой рейс в Москву. После этого их оперативной группе, относящейся к

Первому главному управлению, предоставят месячный отпуск. Как хорошо, подумал Боб, снова увидеть семью. За границей всегда чувствуешь себя одиноко, настолько одиноко, что он даже пару раз изменил жене, а это недозволенное нарушение правил поведения сотрудников КГБ. Не слишком серьезное, многие смотрят на это сквозь пальцы, но и гордиться этим тоже не приходится. Может быть, его назначат преподавать в академии КГБ. У него достаточная выслуга лет, а после успешного проведения столь сложной операции...

Машины стали снова двигаться вперед. Боб удивился, заметив, что у фургона замигали сигнальные огни. Через две минуты он с ужасом увидел причину – Огромный грузовой автомобиль с прицепом перегородил все шоссе, а из-под его передних колес виднелась маленькая смятая легковая машина. Рядом стояли машины «скорой помощи» и с десятков полицейских автомобилей с включенными мигалками, освещающих пожарных и полицейских, которые пытались извлечь из сплющенного импортного автомобиля тела сидящих в нем пассажиров. Боб не мог разобрать марку автомобиля, но, подобно всем остальным водителям, невольно уставился на сцену дорожной катастрофы и лишь спустя несколько секунд вспомнил, кто он и где находится. Одетый в черное полицейский расставлял по мостовой мигалки, ограждающие место, где велись работы, и взмахами руки направлял поток транспорта,двигающегося на юг, в объезд. Наконец Боб снова превратился в офицера разведки, принимающего участие в операции на чужой территории. Он подождал, когда возле полицейского образовалось свободное пространство, и, нажав на педаль газа, проскочил мимо него. Полицейский успел взглянуть на Боба разъяренным взглядом, но не успел отреагировать. Однако еще более важным было то, что, взглянув на водителя, он не обратил внимания на сам автомобиль. Боб помчался вверх по склону холма и лишь теперь понял, что еще одним последствием его колебания явилась утрата ориентировки – он не заметил, куда двинулся транспортный поток, направленный в объезд. И дорожную карту не захватил, тут же вспомнил он. Боб уничтожил карту, по которой ориентировался, направляясь к трейлеру, потому что на ней были пометки, сделанные его рукой. Более того, в машине вообще не было никаких карт. Карты – вещь опасная, способная с головой выдать владельца, к тому же он умел запоминать всю информацию,

необходимую для проведения операции. Но в этом районе он находился совсем недолго и недостаточно хорошо познакомился с ним, изучив всего лишь один маршрут, ведущий обратно к трейлеру.

Черт бы побрал эти операции, которые проводятся по приказу «исполнение немедленное»!

На первом же перекрестке он свернул налево и оказался на улице, ведущей в жилой район. Ему потребовалось несколько минут, чтобы понять, что в такой холмистой местности все дороги извилистые и он не знает, куда направляется. Впервые он стал терять самообладание, но только на мгновение. Мысленно выругавшись на своем родном языке, тут же напомнил себе, что не имеет права даже думать по-русски. Закурив новую сигарету, он медленно поехал вперед, стараясь сориентироваться. То, что у него от газа продолжали слезиться глаза, шло отнюдь не на пользу.

Водитель заблудился, в следующее мгновение понял Грегори. Он прочитал немало шпионских романов и знал, что его везут или в надежное укрытие, или собираются пересадить в другой автомобиль, который отвезет его... куда? А может быть, на какой-нибудь тайный аэродром? Но как только Эл увидел, что они проезжают мимо той же машины, которую миновали несколько минут назад, он с трудом удержался от улыбки. Они

действительно где-то серьезно ошиблись. После следующего поворота дорога шла под юру, и подозрение Грегори переросло в уверенность – впереди видно лишь вращающиеся мигалки на месте катастрофы. Он услышал ругательства водителя, вынужденного развернуться и снова подняться на вершину холма.

Все, что русским не нравится в Америке, заполнило сознание Боба. Слишком много дорог, слишком много автомобилей – какой-то кретин проехал на перекрестке на красный свет и столкнулся с грузовиком – надеюсь, этот сукин сын погиб! – он проклинал все, проезжая мимо сплошных рядов машин, припаркованных вдоль улиц. Надеюсь, перед смертью он кричал от мучений. Подумав про это, он почувствовал облегчение.

А что теперь?

Он выбрал другую улицу, проехал по дороге, ведущей через гребень холма, оттуда посмотрел по сторонам и увидел еще одно шоссе. Может быть, если он поедет по нему на юг, оно где-то

соединится с тем, по которому они ехали раньше... Пожалуй, стоит попробовать. Билл, сидящий справа, вопросительно посмотрел на него, только Ленни, сидевший сзади, был слишком занят пленником и ничего не заметил. По крайней мере теперь, когда скорость увеличилась, воздушный поток, врывающийся в окна, освободил машину от газа, и глаза перестали слезиться. Внизу, у подножия холма, виднелся светофор, но там же был знак – «поворот налево запрещен».

Проклятье! – подумал Боб и повернул направо. На этом шоссе в каждую сторону вело по две полосы.

Надо было внимательней отнестись к знакомству с дорожными картами. Больше того – следовало выбрать несколько часов и поехать по этому району. Но теперь было слишком поздно, и он знал, что должен спешить. Сейчас они ехали на север. Боб взглянул на ручные часы, позабыв о том, что на панели управления есть циферблат электрических часов. Он потерял уже пятнадцать минут. Сейчас они находятся вдали от укрытия, уязвимы для противника, на чужой территории. Что, если кто-то заметил, как они заталкивали американца в машину у торгового центра? Вдруг полицейский у места катастрофы записал номер их машины?

Но Боб не поддался панике. Он прошел превосходную подготовку и умел сохранять самообладание. Он заставил себя сделать глубокий вдох и попытаться вспомнить все карты этого района, которые видел раньше. Сейчас они к западу от главного шоссе, идущего к границе штата. Только бы найти это шоссе, он все еще помнил поворот, где свернул сегодня рано утром – неужели это было сегодня? – а уж оттуда сумеет добраться до трейлера с завязанными глазами. А если он к западу от магистрального шоссе, ему придется найти дорогу, ведущую на восток. Итак, где восток? Ясно, вон там. Еще один глубокий вдох. Теперь он поедет на север до тех пор, пока не увидит шоссе, идущее в широтном направлении, и повернет направо. О'кей.

Бобу понадобилось почти пять минут, но наконец он подъехал к широкому шоссе, протянувшемуся с запада на восток. Название его не интересовало. Еще через пять минут он с облегчением увидел красно-бело-синий щит, указывающий на то, что впереди магистральное шоссе, всего в полумиле. Теперь он мог вздохнуть свободно,

– В чем дело? – услышался голос Ленни с заднего сиденья. Боб ответил по-русски:

– Пришлось ехать в объезд, – сказал он облегченно, намного спокойнее, чем чувствовал себя несколько минут назад. Отвечая Ленни, он на мгновение отвел взгляд от дороги, по которой ехал, и не заметил дорожный знак. Перед ним была транспортная развязка. Зеленые знаки указывали, что можно ехать в северном или южном направлении. Ему нужно ехать на юг, и выезд будет...

Он вел в противоположную сторону. Боб правильно подъехал к шоссе, но выезд сворачивал налево и находился всего в пятидесяти метрах. Не размышляя, Боб пересек шоссе. Водитель «ауди», едущий позади него, резко затормозил и с негодованием нажал на клаксон. Боб не обратил на это никакого внимания и повернул налево, снова въехав на транспортную развязку. Нужная ему полоса вела вверх и плавно изгибалась, выходя на магистральное шоссе. Боб следил за транспортом на нем, выбирая момент, чтобы выехать на шоссе, и в это мгновение ярко вспыхнули фары черного автомобиля, следующего за ними. Боб мгновенно понял, что это значит.

Сохраняй спокойствие, сказал он себе. Сейчас не время разговаривать с товарищами, сидящими в машине. Бобу даже в голову не пришло пытаться скрыться, увеличив скорость. В Москве их учили и этому. Американские полицейские вежливы и ведут себя весьма профессионально. Они не требуют уплаты штрафа прямо на месте, как это принято у московских сотрудников ГАИ. Кроме того, ему было известно, что у них на вооружении крупнокалиберные револьверы «магнум».

Боб свернул на обочину и остановился. Он увидел в зеркале, что полицейский автомобиль остановился позади него, чуть левее. Полицейский вышел из машины с блокнотом в левой руке. Значит, правая рука свободна, тут же понял Боб, чтобы в случае необходимости выхватить револьвер. На заднем сиденье Ленни предупредил пленника, что случится, если он издаст малейший звук.

– Добрый вечер, сэр, – сказал полицейский, обращаясь к Бобу. – Я не знаком с правилами дорожного движения в Оклахоме, но у нас не принято менять полосы движения, как это сделали вы. Предъявите водительское удостоверение и технический паспорт, пожалуйста. – Его черный мундир с серебряным кантом напомнил Леониду немецких эсэсовцев, но он знал, что сейчас не время думать о таких вещах. Нужно проявить вежливость, решил он, признать ошибку, взять из рук

полицейского уведомление о штрафе и ехать дальше. Он передал полицейскому свои документы и увидел, что тот начал заполнять бланк штрафа. Может быть, стоит извиниться?

– Мне очень жаль, что так получилось, я подумал, что выезд на правой стороне, и потому...

– Именно по этой причине мы и тратим столько денег на дорожные знаки, мистер Тейлор. Здесь указан ваш теперешний адрес?

– Да, сэр. Как я уже сказал, я сожалею о случившемся. Если вы оштрафуете меня, поступите правильно. Я это заслужил.

– Далеко не все нарушители правил дорожного движения признаются в этом, – с одобрением заметил полицейский. Вообще-то такой вежливый нарушитель попался ему впервые, и он решил посмотреть, как выглядит этот воспитанный человек. Полицейский взглянул на фотографию на водительском удостоверении и наклонился, глядя в окно, чтобы убедиться, что это тот же мужчина. Он осветил фонариком лицо Боба. Лицо то же самое, но... что за странный запах в машине?

Слезоточивый газ, понял полицейский через мгновение и обвел лучом фонаря сидящих внутри. Обычные люди, двое впереди и двое сзади, но у одного из последних что-то похожее на военный мундир...

Грегори подумал, что его жизни может угрожать опасность, и мысленно вознес молитву, надеясь, что полицейский проявит бдительность.

Полицейский вдруг заметил, что один из сидящих сзади – тот, что в военном мундире, – беззвучно произнес одно слово: «Помогите!» Он не встревожился, просто заинтересовался, но мужчина на переднем правом сиденье неожиданно шевельнулся. Полицейский мгновенно насторожился. Его правая рука скользнула к револьверу и расстегнула кобуру.

– Всем выйти из машины, по одному – быстро!

Он с ужасом увидел пистолет. Тот появился, словно по мановению волшебной палочки, в руке мужчины в правом углу заднего сиденья, и, прежде чем он успел достать свой револьвер...

Рука майора Грегори метнулась вверх, опоздала, но он успел ударить локтем и не дал Ленни прицелиться.

Полицейский удивился, что ничего не услышал, кроме возгласа на непонятном ему языке, но, когда он осознал это, его челюсть уже

разлетелась в белом облачке, которое он скорее услышал, чем почувствовал. Он упал на спину, рука с револьвером, вырвавшая его из кобуры, поднялась вверх, и палец инстинктивно, помимо его воли, нажал на спусковой крючок.

Боб съезжился, нажал на газ, и машина рванулась вперед. Передние колеса мгновение впустую вращались на гравии, наконец схватили грунт, и «плимут» поехал, как ему показалось, слишком медленно, удаляясь от звуков выстрелов. На заднем сиденье Ленни, успевший сделать этот единственный выстрел, ударил Грегори рукояткой пистолета по голове. Он идеально наводил ствол, и пуля должна была попасть в сердце полицейского, но вместо этого попала ему в лицо, и он не знал, насколько удачным оказался выстрел. Ленни что-то выкрикнул, но Боб не обратил внимания.

Через три минуты «плимут» съехал с магистрального шоссе. За пределами того места, где произошла дорожная катастрофа, шоссе оказалось относительно свободным. Боб съехал с него на грунтовую дорогу, выключил фары и остановился у трейлера еще до того, как пленник пришел в сознание.

Водитель следовавшего позади них автомобиля, увидел полицейского на обочине и остановился, чтобы оказать помощь. Полицейский испытывал страшные муки. У него была разбита челюсть, выбиты зубы, и все лицо залито кровью. Водитель подбежал к стоящей недалеко полицейской машине и связался по рации с участком. Потребовалась минута, пока диспетчер понял, что случилось, но уже через три минуты второй полицейский автомобиль прибыл на место происшествия, а еще через три минуты здесь было уже пять машин. Раненый полицейский не мог говорить, но сумел указать на свой блокнот, в котором были записаны марка автомобиля и номерной знак. Кроме того, у него осталось водительское удостоверение «Боба Тейлора». Для полиции этого было достаточно. По всем полицейским частотам немедленно передали сигнал тревоги – кто-то стрелял в полицейского. Полиция не знала, что преступление

было гораздо серьезней, да и знай это, не проявила бы особого интереса,

Кэнди удивилась, не застав Эла дома. Ее челюсть все еще ныла от заморозки, и потому из еды она выбрала суп. Но где все-таки Эл? Может быть, ему пришлось задержаться на работе? Кэнди знала, что может позвонить туда, но это было не так уж важно, да и рот болел так, что говорить ей не слишком хотелось.

В полицейском участке на Керриллос-роуд компьютеры трудились вовсю. Уже был послан телекс в Оклахому, где сослуживцы-полицейские сразу оценили серьезность совершенного преступления и обратились к собственным компьютерам. И сразу узнали, что Роберту Дж. Тейлору, проживающему по адресу: 1353, Северо-Запад, 108-я улица, Оклахома-Сити, никогда не выдавалось водительское удостоверение ОК 73210, а также что автомобиля «Плимут-рилайент» с номерным знаком XSW-498 не существует. Больше того, не существует и такого номерного знака. Сержант, возглавлявший компьютерно-регистрационный отдел, был крайне озадачен. Когда компьютеры выдали информацию, что номерного знака XSW-498 не существует, он не слишком удивился, такое бывало и раньше, но чтобы совпало все сразу – несуществующий номерной знак, невыдававшееся водительское удостоверение и покушение на жизнь полицейского, – это уж выходило за пределы теории вероятностей. Он снял телефонную трубку и позвонил оперативному дежурному офицеру.

– Капитан, в связи с ранением патрульного Мендозы у нас тут выяснились совершенно непонятные вещи, – сообщил он.

В штате Нью-Мехико расположено множество федеральных территорий, где издавна ведутся в высшей степени секретные работы. Капитан не знал, что случилось на самом деле, но ему было ясно одно

– это не рядовое дорожное происшествие. Минуту спустя он говорил по телефону с местным отделением ФБР.

Дженнингс и Перкинс приехали в больницу еще до того, как полицейского Мендозу привезли из операционной. В приемном зале собралось столько полицейских, что врачи благословляли небо, что в больнице нет других пациентов, нуждающихся в хирургическом вмешательстве. Здесь были капитан полиции, возглавивший расследование, а также капеллан из полиции штата, полдюжины других полицейских чинов, работавших в той же смене, что и Мендоза, а еще и миссис Мендоза – на седьмом месяце беременности. Наконец, к ним вышел врач и объявил, что раненый находится в удовлетворительном состоянии. Единственный крупный кровеносный сосуд, поврежденный пулей, оказалось легко восстановить. Больше всего пострадали зубы и челюсть полицейского, но через день-другой этим займется специалист по челюстно-лицевой хирургии. Жена Мендозы поплакала, затем ее провели на пару минут к мужу и отвезли домой. А потом пришло время приниматься за работу.

– Он, должно быть, держал пистолет у спины этого парня, – с трудом произнес Мендоза. Проволока, скрепляющая разбитую челюсть, мешала ему говорить. Он уже отказался от болеутоляющего укола, потому что хотел как можно скорее рассказать о происшедшем и был готов ради этого терпеть боль. Раненый был в ярости. – Только в этом случае он мог выстрелить так быстро.

– Фотография на водительском удостоверении соответствует личности ее владельца? – спросила агент Дженнингс.

– Да, мадам. – Пит Мендоза был молодым полицейским и таким ответом невольно дал Дженнингс почувствовать ее возраст. Затем он постарался описать тех двоих, что сидели в машине, и перешел к пленнику.

– Лет тридцати, худой, в очках. На нем форменная куртка – что-то вроде офицерского кителя. Я не заметил знаков отличия, но я не разглядывал его. Прическа, похоже, как у военного. Цвета глаз не скажу, вот только... его глаза странно блестели... Ну конечно, это из-за

газа. В машине пахло газом. Может, они брызнули ему в лицо газ «си-эс». Он молчал, только двигал губами, как говорил, понимаете? Мне это показалось необычным, но тот, что сидел справа от водителя, отреагировал... А я вот не успел. Нужно было действовать побыстрее.

– Вы говорите, один из них что-то произнес? – спросил Перкинс.

– Да, тот сукин сын, который стрелял в меня. Я не знаю, что это было. Не по-английски и не по-испански. Только запомнил последнее слово – что-то вроде «мать».

Перкинс кивнул.

– Что это значит? – удивленно спросил капитан.

– Одно из самых крепких русских ругательств, – объяснил Перкинс, взглянув на Дженнингс.

– Господи! – воскликнула она. – Нужно немедленно сообщить в Вашингтон.

– Нам необходимо опознать этого... одну минуту! Грегори! – произнес Перкинс. – Господи! Звони в Вашингтон, Пег. Я свяжусь с директором проекта.

Оказалось, что полиция штата действует быстрее всех. Кэнди открыла дверь, когда в нее постучали, и с удивлением обнаружила за ней полицейского. Он вежливо попросил разрешения встретиться с майором Элом Грегори, и открывшая ему дверь молодая женщина ответила, что его нет дома. Едва обезболивающий препарат «отпустил» ее челюсть, как окружающий мир рухнул. Только она успела выслушать страшную новость, как появился начальник службы безопасности «Чайного клипера». В ее присутствии была отдана команда бросить все силы на поиски автомобиля Грегори. Кэнди была так потрясена случившимся, что даже не заплакала.

Фотографию мнимого Боба Тейлора с водительского
удостоверения передали в Вашингтон. Специалисты

контрразведывательной службы ФБР изучили ее, но не обнаружили этого человека в своем каталоге советских разведчиков. Старший оперативный дежурный вызвал заместителя директора ФБР по контрразведке из его дома в Александрии, пригороде американской столицы. Тот в свою очередь оповестил директора Бюро Эмиля Джейкобса, который прибыл в здание Гувера в два часа ночи. Им с трудом верилось, но раненый полицейский опознал без колебаний фотографию майора Элана Т. Грегори. В прошлом русские никогда не совершали актов насилия на территории Соединенных Штатов. Это правило утвердилось настолько прочно, что самые известные советские граждане, обратившиеся с просьбой о политическом убежище в США, могли, если им этого хотелось, жить здесь совершенно свободно и без охраны. Однако то, что было совершено сейчас, являлось чем-то гораздо худшим, чем устранение человека, который в соответствии с советскими законами был предателем, приговоренным к смерти. На этот раз похитили американского гражданина, а для ФБР похищение человека представляет собой не менее серьезное преступление, чем убийство.

Разумеется, все действовало в соответствии с планом. Несмотря на то что такого еще никогда не случалось, эксперты давно разработали оперативный план – в их обязанности входило быть готовыми даже к самому немыслимому. Таким образом, существовала определенная последовательность предпринимаемых мер. Еще до рассвета тридцать опытных агентов ФБР вылетели с базы ВВС Эндрюз. В их составе были члены отборной группы по борьбе с терроризмом. Агенты полевых отделов на всем Юго-Западе на всякий случай сообщили служащим пограничной охраны.

Леонид – он же Боб – сидел в одиночестве и пил остывший кофе. Ну почему, думал он, я просто не продолжал ехать вперед и не развернул машину в первом же удобном месте? Зачем понадобилась такая спешка? Почему я волновался, хотя волноваться совсем не следовало?

Вот сейчас пришло время волноваться. В его автомобиле виднелись три пулевые пробоины – две с левой стороны и одна в багажнике. Его водительское удостоверение находилось в руках полиции, а на нем была его фотография.

Да, товарищ, за такие проступки не получить должности преподавателя в академии, решил он. По лицу Боба пробежала мрачная улыбка.

В данный момент он находился в надежном укрытии. Это было все-таки каким-то утешением. Здесь они в безопасности – на один или два дня. Это укрытие, несомненно, было выбрано капитаном Бизариной на случай крайней необходимости – если ей придется скрываться и бежать из страны. Потому здесь не было телефона, и Боб не мог связаться с местным резидентом КГБ. Что, если она больше не приедет? Тогда он будет знать, как поступить, – ему придется пойти на риск и ехать в машине с номерным знаком, известным полиции, – и пулевыми пробоинами! – чтобы украсть достаточно далеко от трейлера другой автомобиль. Он вообразил тысячи полицейских, патрулирующих окрестные дороги с одной лишь целью: найти маньяка, стрелявшего в одного из их товарищей. Как он мог допустить, чтобы все зашло так далеко, пошло под откос!

Он услышал шум приближающегося автомобиля. Ленни по-прежнему сторожил пленника. Боб и Билл взяли пистолеты и выглянули через край единственного окна, выходящего на грунтовую дорогу. Оба с облегчением вздохнули, когда увидели, что это «вольво» Бизариной. Она вышла из машины и сделала несколько условных жестов, показывая, что за ней нет слежки, затем направилась к трейлеру, держа большую сумку в руке.

– Поздравляю: о вас передают во всех телевизионных новостях, – сообщила она. Идиоты – было невысказанным продолжением ее тирады, но это повисло в воздухе подобно грозовому облаку.

– Все не так просто, – ответил Леонид, зная, что лжет.

– Не сомневаюсь. – Бизарина положила сумку на стол. – Завтра я арендую для вас другой автомобиль. Ваш даже отгонять куда-то слишком опасно. Где вы его...

– В двух сотнях метров отсюда, дальше по дороге. Мы загнали его в самую чашу и замаскировали ветками. Его будет трудно заметить даже с воздуха.

– Вот именно, все время имейте это в виду. У полиции здесь имеются вертолеты. Берите. – Она бросила Бобу черный парик. Затем на столе появились две пары очков – одна с простыми линзами, не искажающими изображение, и вторая – с зеркальными. – Вы не испытываете аллергии к гриму?

– Что?

– К гриму, кретин.

– Капитан... – возмущенно начал Боб и тут же замолчал, увидев взгляд Бизариной.

– У вас бледные лица. Если вы не заметили, обращаю ваше внимание на то, что в этом районе многие жители испанского происхождения. Сейчас вы находитесь на моей территории и будете поступать так, как я скажу. – Она сделала короткую паузу. – Я помогу вам уехать отсюда.

– Но эта американка, она знает вас в лицо...

– Разумеется. По-видимому, вы собираетесь устранить ее? В конце концов, мы нарушили одно правило, почему не нарушить и другое? Какой безумец отдал приказ на проведение этой операции?

– Указание поступило из высоких инстанций, – ответил Леонид.

– Насколько высоких? – резко бросила она и поняла все по высоко поднятым бровям. – Шутите!

– Природа приказа, уровень исполнения – «Немедленно», кто, по-вашему, мог отдать такой приказ?

– По-моему, наши карьеры рухнули, и это означает, что мы – да, мы – все исполним. Но я не согласна с убийством своего агента. Пока мы никого еще не убили и не думаю, что в нашем приказе...

– Вы совершенно правы, – громко произнес Боб и одновременно выразительно из стороны в сторону покачал головой. Рот Бизариной приоткрылся от изумления.

– Но это может привести к войне, – тихо заметила она, уже по-русски. Она имела в виду не настоящую войну, а нечто почти такое же страшное – открытый конфликт между агентами КГБ и ЦРУ, чего еще никогда не происходило, даже в странах третьего мира, где обычно наемники одного ведомства убивали наемников другого, причем даже не зная почему. Причина была очевидной. Назначением разведывательных служб является сбор информации, и насилие, без

слов признали обе стороны, мешает этой работе. Но если спецслужбы двух стран примутся убивать сотрудников друг друга...

– Напрасно вы не отказались от выполнения такого приказа, – заметила Бизарина после короткого молчания.

– Да, конечно, – кивнул Боб. – В это время года на Колыме природа просто очаровательна – все вокруг сверкает снежным ковром. – Жителю Запапа показалось бы странным, что ни один из офицеров КГБ даже не подумал о том, чтобы обратиться к американским властям с просьбой о предоставлении политического убежища и защиты. Это решило бы проблему их личной безопасности. но одновременно означало измену родине.

– Вы можете поступать, как вам хочется, но я отказываюсь убивать своего агента, – заявила резидент и на этом закончила обсуждение проблемы. – Но вас я сумею вывезти из Соединенных Штатов.

– Каким образом?

– Еще не знаю. Скорее всего на автомобиле, но мне придется придумать что-то новое. Может быть, не на автомобиле, а на грузовике, – Бизарина думала вслух. Она знала, что здесь много грузовиков, и женщина за рулем не вызовет ни малейшего удивления. Пожалуй, можно переехать границу в фургоне? Фургоне, нагруженном ящиками... Грегори в одном из них, усыпленный или с заткнутым ртом... может быть, спрятать всех в ящики... нужно выяснить, какова таможенная процедура. Ей еще никогда не приходилось заниматься такими вещами. Получив сообщение о предстоящей операции хотя бы за неделю до ее начала, она сумела бы ответить на многие вопросы.

Не спеши, сказала она себе. Спешка уже причинила нам немало неприятностей.

– Мне понадобятся два дня, может быть, три.

– Это очень много, – заметил Леонид,

– Столько времени необходимо, чтобы оценить принятые против нас меры. А пока не брейтесь.

Боб кивнул после недолгого раздумья.

– Мы на вашей территории.

– По возвращении домой сможете написать в отчете, что полевые операции требуют соответствующей подготовки, – сказала Бизарина. – Вам нужно что-нибудь еще?

– Нет.

– Хорошо. Тогда увидимся завтра вечером.

– Нет, – ответила Беатрис Тауссиг агентам ФБР. – Я видела Эла сегодня вечером. Я... – Она посмотрела на Кэнди и заколебалась. – Я хотела, чтобы он помог мне... видите ли, нам нужно было забрать подарок ко дню рождения Кэнди. Я видела его последний раз на стоянке у торгового центра. Вы действительно считаете, что русские?...

– Да, похоже на это, – ответила Дженнингс.

– Боже мой!

– Скажите, а майор Грегори действительно знает достаточно много, чтобы его... – начала Дженнингс и с удивлением заметила, что на ее вопрос отвечает не доктор Лонг, а Тауссиг.

– Да. Он – единственный человек, который подробно знаком со всем проектом. Эл – очень умный человек. И хороший друг, – добавила она, получив за это теплую улыбку от Кэнди. На глазах Беа теперь выступили настоящие слезы. Ей было больно видеть, как страдает ее подруга, даже когда это происходило ради ее же блага.

– Смотрите, Райан, вас это очень заинтересует. – Джек только что вернулся после очередного дня переговоров в здании Министерства иностранных дел – тридцатипятиэтажного свадебного торта на Смоленском бульваре. Кандела передал ему текст шифровки.

– Вот сукин сын! – выдохнул Райан.

– Вы действительно рассчитывали, что он примет ваше предложение? – с сарказмом спросил Кандела и тут же почувствовал себя неловко. – Извините, доктор. Я тоже не ожидал такого.

– Мы с ним знакомы. Я ездил с ним по Вашингтону, когда он приезжал, чтобы объяснить нам кое-что. – Это все твоя вина, Джек,

подумал Райан. Разве не ты предъявил ультиматум Герасимову и дал толчок развитию событий? Он задал Канделе несколько вопросов.

– Да, в этом можно не сомневаться, – кивнул тот. – Похоже, что они сорвали операцию. Судя по всему, она готовилась поспешно. Видите ли, доктор Райан, сотрудники КГБ тоже не супермены, но им приходится выполнять приказы, как и нам.

– У вас есть предложения?

– Отсюда мы вряд ли сможем что-нибудь предпринять. Остается надеяться, что местные полицейские справятся.

– Но если это станет достоянием общественности...

– А вы покажите мне доказательства. Нельзя обвинять в чем-то суверенное правительство, особенно в подобном преступлении, без весомых доказательств. Черт побери, да за последние два года левые террористы убили в Европе с полдюжины специалистов, чья работа в той или иной степени соприкасалась с программой СОИ, не говоря о нескольких так называемых «самоубийствах». Мы и это скрыли от прессы.

– Но ведь эта операция КГБ нарушает правила!

– Если уж говорить открыто, доктор, в нашей деятельности существует лишь одно правило – одержать победу.

– У Информационного агентства США все еще идет эта глобальная телевизионная программа?

– Вы имеете в виду «Уорлднет»? Да, конечно. Она пользуется огромным успехом.

– Если нам не вернут похищенного, я лично выступлю по телевидению и оглашу историю с «Красным Октябрем». А потом пусть делают, что хотят, – мне плевать на последствия! – выругался Райан. – Даже если это погубит мою карьеру, все равно выступлю.

– «Красный Октябрь»? – переспросил Кандела, не знавший истории с советской подводной лодкой.

– Можете мне поверить, скандал будет колоссальный.

– А вы сообщите об этом своим друзьям из КГБ – Не исключено, что они сделают все возможное, чтобы избежать такого скандала.

– Пусть даже они не сделают этого. – Райан чуть успокоился. И все-таки ты виноват, Джек. Кандела был согласен с ним – Джек видел это по его лицу.

Пресса, однако, не сумела докопаться до сути дела, таково было мнение полицейских. Как только прибыла группа следователей из ФБР, были установлены новые правила. Расследовалось якобы только покушение на жизнь полицейского. Участие федеральных властей сохранялось в тайне, а в случае если все-таки это просочится, выпустят сообщение, что проводится операция по задержанию международного торговца наркотиками и полиция штата обратилась за помощью к ФБР. Власти Оклахомы известят всех любопытных журналистов, что участие федералов заключалось лишь в опознании преступника – обычное содействие ФБР, оказываемое местной полицией. Тем временем Федеральное бюро расследований приняло на себя всю работу и заполнило район своими агентами. Местным жителям сообщили, что на ближайших военных базах проводятся обычные учения, связанные с поиском и спасением людей, чем и объясняется шум вертолетов, постоянно снующих над головами. Сотрудникам проекта «Чайный клипер» рассказали, что произошло на самом деле, и посоветовали хранить этот секрет наравне с теми, которыми они уже владеют.

Понадобилось несколько часов, чтобы отыскать автомобиль Грегори. В нем не было обнаружено никаких отпечатков пальцев – Бизарина, разумеется, надевала перчатки, – хотя, судя по тому месту, куда отогнали машину, похитители майора Грегори действовали весьма профессионально.

Исчезновение Грегори подняло на ноги в Вашингтоне куда более важных лиц, чем Райан. Президент сразу вызвал к себе генерала Билла Паркса, директора ФБР Эмиля Джейкобса и судью Мура.

– Что нового? – спросил он у Джейкобса.

– Для расследования требуется время, господин президент. Я послал туда лучших следователей, но если подгонять их, стоя за спиной, это только помешает.

– Билл, – повернулся президент к генералу Парксу, – насколько важен этот молодой человек?

– Ему цены нет, – просто ответил Парке. – Это один из трех ведущих ученых проекта. Таким людям трудно найти замену.

Президент внимательно выслушал руководителя проекта и взглянул на судью Мура.

– Это вызвано нашими действиями?

– Да, господин президент, можно сказать и так. По-видимому, мы нанесли очень чувствительный удар Герасимову. Я согласен с генералом Парксом. Русские хотят узнать то, что известно Грегори. Герасимов считает, наверно, что, если ему удастся получить информацию такой огромной важности, он сумеет преодолеть политические последствия, связанные с разоблачением дела о «Красном Октябре». Нам, конечно, трудно предсказывать события с противоположного берега океана, но у него, несомненно, немалые шансы на успех.

– Я ведь чувствовал, что не следует идти на такой шаг, – тихо произнес президент. – Однако ничего не поделаешь, я взял на себя ответственность. Если об этом станет известно прессе...

– Сэр, если репортеры пронюхают, можете не сомневаться. они узнают это не от ЦРУ. К тому же мы всегда можем заявить, что это была отчаянная – пожалуй, я сказал бы, «решительная» – попытка спасти жизнь нашего агента. В дальнейшие разъяснения можно и не вдаваться, потому что подобных шагов ожидают от разведывательных служб. Русские прилагают все силы для спасения своих агентов – и мы тоже. Таково одно из правил игры.

– Какое место в этих правилах отводится майору Грегори? – спросил Паркс. – А если они подумают, что у нас есть шанс освободить его?

– Не знаю, – признался Мур. – Если Герасимову удастся удержаться на своем посту, он наверняка сообщит нам, что это мы заставили его пойти на такой шаг, что он извиняется и обещает, что это не повторится. Он не будет возражать против наших ответных мер – мы устраним одного или двух агентов КГБ, – но, по-видимому, все этим и кончится, потому что ни КГБ, ни ЦРУ не хотят начинать открытую войну. Что касается прямого ответа на ваш вопрос, генерал,

то, по моему мнению, у похитителей есть приказ в случае опасности покончить с ним.

– Вы хотите сказать – убить его? – спросил президент.

– Нельзя исключать такую вероятность. Судя по всему, Герасимов отдал распоряжение о проведении этой операции в крайней спешке. Люди, находящиеся в отчаянном положении, способны на отчаянные меры. С нашей стороны будет очень опасно не принимать это во внимание.

Президент задумался, откинулся на спинку кресла и поднес к губам чашку кофе.

– Эмиль, если нам удастся найти, где его удерживают?... – спросил он наконец.

– Группа по борьбе с террористами наготове. Ее люди уже на месте. Все их снаряжение было переправлено туда самолетом ВВС, но пока им остается только ждать.

– А если они вступят в дело, насколько велика вероятность спасения Грегори?

– Вероятность этого весьма велика, господин президент, – ответил Джейкобс.

– Такой ответ не может удовлетворить нас, – слышался голос Паркса. – Если русские получили приказ устранить его...

– У меня лучшие в мире специалисты, – прервал его директор ФБР.

– Какими указаниями они руководствуются, вступая в дело? – спросил Паркс.

– Они имеют право стрелять на поражение, защищая себя и всех, кроме преступников. Если кто-то, по их мнению, угрожает заложнику, смерть этого человека неминуема,

– Этого мало, – тут же произнес Паркс.

– Что вы хотите сказать, генерал? – спросил президент.

– Сколько времени нужно человеку, чтобы повернуться и выстрелить в кого-то, находящегося рядом? Что, если они готовы умереть, но выполнить поставленную перед ними задачу? Ведь от наших людей мы ожидаем того же, верно?

– Артур? – президент взглянул на судью Мура.

– Мне трудно предсказать, насколько велика самоотверженность русских. – пожал плечами директор ЦРУ. – Возможно ли это? Да,

пожалуй. Но можно ли за это поручиться? Не знаю. Этого не знает никто.

– Я был летчиком-истребителем, – сказал генерал Паркс. – Я знаю, насколько мгновенной бывает человеческая реакция. Если кто-то решит повернуться и выстрелить, даже когда ваш снайпер держит его на мушке, у снайпера может не оказаться времени, чтобы опередить его и спасти Грегори.

– Тогда что вы от меня хотите? Чтобы я отдал приказ своим людям убивать всех, кто окажется в их поле зрения? – бросил Джейкобс. – Мы не занимаемся этим. Мы не можем заниматься этим.

Паркс повернулся к президенту.

– Сэр, даже если русские не получают Грегори и ничего от него не узнают, а мы потеряем его, – это победа русских. Могут уйти годы, прежде чем удастся его заменить. По моему мнению, господин президент, люди из ФБР способны бороться с преступниками, но не с такими профессионалами и не в такой ситуации. Прошу вас, сэр, поручить операцию группе «Дельта» из Форт-Брэгга.

– Они не имеют права действовать на американской территории, – тут же возразил Джейкобс.

– Зато подготовлены должным образом, – ответил генерал.

Снова наступило молчание.

– Эмиль, ваши люди повинуются приказам? – спросил президент.

– Они исполнят любое ваше распоряжение, сэр. Но это должен быть письменный приказ.

– Я могу поговорить с ними?

– Да, господин президент. – Джейкобс снял трубку телефона и его переключили через штаб-квартиру ФБР в здании Гувера. Оттуда связь осуществлялась по защищенной скремблером линии.

– Позовите к телефону агента Вернера... Агент Вернер, это директор ФБР Джейкобс. У меня есть для вас специальное задание. Выслушайте его внимательно. – Он передал трубку президенту. – Его зовут Гэс Вернер. Он руководит группой по борьбе с терроризмом пять лет, отказался от более высокого назначения и остался на этом посту.

– Мистер Вернер, с вами говорит президент. Вы узнаете мой голос? Отлично. Теперь слушайте. В случае если вам представится малейшая возможность спасти майора Грегори, его спасение будет вашей единственной задачей. Все остальные соображения отступают

на второй план. Задержание преступников не является, повторяю, не является вашей задачей. Это понятно? Да, вероятность угрозы жизни заложника достаточна, чтобы стрелять на поражение. Майор Грегори является незаменимым национальным достоянием. Перед вами ставится задача спасти его и только его. Я составлю сейчас письменное распоряжение по этому поводу и передам его директору Джейкобсу. Спасибо. Желаю удачи. – Президент положил трубку. – Он говорит, что уже рассматривал такую возможность.

– Не сомневаюсь, – кивнул Джейкобс. – У Гэса хорошее воображение. А теперь – письменный приказ, сэр.

Президент взял со стола лист писчей бумаги и написал несколько строк, сделав свое распоряжение официальным. Он понял, что сделал, лишь закончив писать, – это был смертный приговор, подписанный им с удручающей легкостью.

– Теперь вы довольны, генерал?

– Надеюсь, эти люди действительно такие хорошие специалисты, как утверждает директор ФБР, – коротко ответил Паркс.

– Судья, вы ожидаете каких-нибудь последствий с другой стороны?

– Нет, господин президент. Наши советские коллеги понимают необходимость подобных шагов.

– Тогда все. И пусть, все милостивый Господь будет нашим судьей.

Никто не спал. Кэнди, разумеется, не пошла на работу. После прибытия следователей из Вашингтона Дженнингс и Перкинс остались в доме, чтобы охранять ее. Нельзя было исключить возможности, какой бы малой она ни была, что Грегори сумеет ускользнуть от похитителей, и в этом случае ожидали его звонка Кэнди. Была, конечно, еще одна причина, но агенты ФБР не говорили о ней.

Беа Тауссиг являла собой настоящий ураган энергии. Она потратила ночь, приводя в порядок дом и готовя ко

Только через несколько часов Дженнингс обратила внимание, что на Тауссиг не свойственный ей достаточно женственный костюм.

Более того, накануне она явно приложила немало усилий, чтобы хорошо выглядеть. За ночь от всех этих усилий почти не осталось и следа. Раз или два она поплакала вместе с Кэнди, и по лицу ее, еще недавно приукрашенному косметикой, пролегли дорожки высохших слез. Костюм был помят, а яркий шарф висел в шкафу на одной вешалке с пальто. Однако самым интересным, подумала Дженнингс, сидя в своем кресле, было психическое состояние Тауссиг. В ней ощущалась какая-то напряженность. Ураганная активность, проявленная во время длинной ночи, отчасти сняла ее, но... в ней чувствовалось что-то иное, кроме желания помочь, отметила Дженнингс, но не сказала этого Перкинсу.

Тауссиг не заметила пристального внимания агента ФБР, да это ее и не интересовало. Она взглянула в окно, ожидая уже во второй раз с того момента, как спала, увидеть поднимающееся солнце, и удивилась собственной энергии. Может быть, все дело в кофе, внутренне улыбнулась она, – всегда смешно, когда пытаешься обманывать себя. Промелькнула мысль об угрожающей ей опасности, но Беа тут же отбросила ее. Она целиком полагалась на профессионализм Энн. Почти с самого начала второй карьеры ей было сказано, что ее защитят, даже от смерти. Такие обещания всегда выполняются, сказала ей Энн, иначе практическая работа невозможна, Для подобной работы требовались настоящие профессионалы, и Беа чувствовала уверенность – они знали свое дело. Худшее, что может произойти, – это если полиция и ФБР сумеют спасти Эла, но те, кто похитил его, по-видимому, уже далеко, подумала она. А может быть, они убьют его, несмотря на то что сказала ей Энн прошлым вечером. Если такое случится, очень жаль. Беа хотела, чтобы он не стоял на ее пути. Но не убивать его, просто убрать, чтобы не мешал. Она вспомнила разговоры со служащими проекта, что нескольких немецких, итальянских и английских ученых, как-то связанных с проектами, касающимися СОИ, постигла смерть при таинственных обстоятельствах. Так что прецеденты уже были, верно? А если Эл вернется живым... ну что ж, ничего не поделаешь, правда? Ей нужно полагаться на офицера, с которым она работает. Все равно сейчас слишком поздно. Она повернулась к подруге.

Кэнди смотрела на дальнюю стену невидящими глазами. Там висела картина – сделанное лазерным лучом изображение

космического шаттла, взлетающего с мыса Канаверал. Не то чтобы это была настоящая картина, скорее, красивое украшение, которое Эл получил в подарок от какого-то подрядчика и водрузил на стену. Беа взглянула на Кэнди. Ее глаза распухли от слез.

– Тебе нужно поспать, – сказала она ей. Кэнди даже не повернула голову, словно не слышала, но Беа обняла ее за плечи и помогла встать.

– Пошли.

Кэнди двигалась будто во сне, и Беа провела ее через гостиную и помогла подняться по лестнице в спальню. Войдя внутрь, она закрыла дверь.

– Почему, Беа? Почему они сделали это? – спросила Кэнди, сидя на кровати и снова невидящим взглядом уставившись на другую стену.

– Я не знаю, – ответила Беа, и ее ответ был более честным, чем она думала. Тауссиг действительно не знала причины и к тому же ей это было все равно.

Снова хлынули слезы, Кэнди задыхалась от рыданий, из носа у нее потекло. Тауссиг смотрела на подругу, мир которой рухнул, потому что в нем стало одним человеком меньше. На мгновение ее охватило чувство вины – ведь она была одной из тех, кто разрушил этот мир, но она знала, что сумеет восстановить его, и рядом с Кэнди появится еще один человек. Несмотря на внешне вызывающее поведение, Беа была робкой по натуре и нашла в себе неожиданную храбрость, когда согласилась работать на иностранную державу, и еще большую храбрость, оказав им помощь в том, на что она не надеялась. Осталось сделать последний шаг. Она села поближе к подруге и склонила ее голову к себе на плечо. Для Беа это было так трудно. Все ее предыдущие контакты еще в колледже были мимолетными связями. Она пыталась попробовать нечто иное, но мужчины, с которыми встречалась, не удовлетворяли ее. Первый раз она попала в грубые лапы юноши-футболиста, и все было просто ужасно... но она не собиралась заниматься психоанализом. С незнакомками ли, с теми ли, с кем у нее знакомство было мимолетным, все происходило иначе, но сейчас от нее требовалось посмотреть на себя, увидеть собственное отражение в глазах подруги, причем страдающей подруги. Кэнди нуждается в ней, напомнила она себе, нуждается в подруге, холодно подумала Беа, которая ее предала. Нельзя сказать, что сейчас она меньше ненавидела Грегори, но нельзя упускать из виду и того, что он

немало значил для ее подруги и в этом смысле все еще стоял между ними, даже здесь, вот в этой спальне. Эта уродливая карикатура на человека, который на этой самой кровати...

Сможешь ли ты заменить его? – спросила себя Беа.

Сможешь ли ты хотя бы попробовать?

Если ты взяла на себя труд устранить его и этим причинить боль подруге, а затем даже не рискнешь... кем ты станешь тогда?

Беа крепко обняла подругу и почувствовала, как та прижалась к ней. Кэнди всего лишь старалась удержать свой разваливающийся мир, но Беа не знала этого. Она поцеловала подругу в щеку, и та прижалась к ней еще крепче.

Я нужна ей.

От Беа потребовалась вся ее храбрость. Ее сердце уже билось, словно в лихорадке, и она издевалась над собой, как делала это годами. Уверенная в себе Беа, решительная и грубая, огрызающаяся на всех, Беа, которая водит свой автомобиль так, как ей этого хочется, носит строгие костюмы и плюет на то, что о ней думают остальные. Беатрусиха, которая все поставила на карту и не решается теперь протянуть руки к единственному в мире человеку, так много значащему для нее. Еще один робкий шаг. Она снова поцеловала подругу, почувствовав соль ее слез и ощущая страсть в собственных руках, крепко обнимавших ее. Тауссиг глубоко вздохнула и положила руку на грудь подруги.

Дженнингс и Перкинс вбежали в спальню меньше чем через пять секунд после того, как услышали крик. На лице Кэнди был невыразимый ужас.

23. Самые лучшие планы

– Позиция правительства Соединенных Штатов состоит в том, – произнес Эрнест Аллен со своей стороны длинного стола, – что системы, предназначенные для защиты гражданского населения от оружия массового поражения, ничем не угрожают и не оказывают дестабилизирующего влияния, поэтому вводить ограничения на разработку таких систем не имеет смысла. Мы неизменно отстаивали эту позицию на протяжении восьми лет и не видим абсолютно никакой необходимости вносить в нее изменения. Мы приветствуем инициативу правительства Союза Советских Социалистических Республик, направленную на сокращение наступательных вооружений на пятьдесят процентов, с интересом изучим в подробностях это предложение, но по-прежнему считаем, что сокращение наступательных вооружений никак не связано с оборонительным оружием, тем более что оно не является предметом переговоров, за исключением его соответствия уже существующим соглашениям между двумя нашими странами.

Что касается вопроса инспекции на местах, мы с разочарованием замечаем, что поразительный прогресс, достигнутый за последнее время, подвергается...

Нельзя не восхищаться этим человеком, подумал Райан. Сам он не был согласен с тем, что говорил, но такова была позиция его страны, и Эрнест Аллен был не тем человеком, чтобы выпускать свои личные чувства из того секретного ящика, куда запирали их перед началом заседаний.

После выступления Аллена, в котором он уже третий раз сегодня выражал точку зрения США, заседание закончилось, и его участники обменялись обычными любезностями. Райан пожал руку своему советскому коллеге. В момент рукопожатия он передал ему записку, как учили Джека в Лэнгли. Головка никак не отреагировал, почувствовав записку у себя в руке, и Райан в награду за это любезно ему улыбнулся. У Джека не было выбора – ему приходилось продолжать действовать по отработанному плану. Он знал, что в ближайшие несколько дней станет ясно, насколько азартным игроком

является Герасимов. Председатель КГБ пошел на риск стать мишенью разоблачений Центрального разведывательного управления, причем последствия этого могли стать еще более эффективными, чем обещал Райан. И все-таки Джек не испытывал к нему должного уважения. По его мнению, Герасимов был главным бандитом в основной бандитской организации страны, допустившей к власти преступников. Он понимал, что такая точка зрения чрезмерно упрощена и потому опасна, но Джек не был оперативником, хотя и действовал сейчас как таковой, а следовательно, еще не узнал, что мир, на который он смотрит из безопасного уюта своего кабинета на седьмом этаже здания ЦРУ, не делится только на черное и белое, как это говорилось в его собственных обзорах. Он ожидал, что Герасимов сдастся под угрозой разоблачения – после того, разумеется, как тщательно оценит свое положение, но все-таки сдастся.

Райану пришло в голову, что он мыслит, как шахматный мастер, потому что ожидал от председателя КГБ именно такого подхода, тогда как перед ним оказался человек, готовый на азартную игру в кости, как это любят делать американцы. Ирония происшедшего должна была показаться ему забавной, подумал Райан, стоя в мраморном вестибюле советского Министерства иностранных дел.

Но почему-то ничего забавного в этом он не обнаружил.

Дженнингс еще не приходилось видеть настолько подавленного человека, каким была Беатрис Тауссиг. Под жесткой, но хрупкой внешней оболочкой билось, в конце концов, сердце одинокого человека, снедаемого яростью против мира, который обошелся с ней так плохо. Пегги едва не пожалела женщину в наручниках, но сочувствие не распространяется на предателей, и уж тем более тогда, когда совершается похищение – самое отвратительное преступление в профессиональном пантеоне ФБР.

Упадок моральных сил у Тауссиг оказался полным, что пришлось весьма кстати и позволило Дженнингсу и Уиллу Перкинсу получить от нее необходимую информацию. Когда Тауссиг повели к стоящему у входа автомобилю ФБР, было еще темно. Ее «датсун» решили не трогать, чтобы создать впечатление, что она по-прежнему в доме.

Спустя пятнадцать минут Тауссиг вошла в боковой вход здания, в котором размещалось отделение ФБР в Санта-Фе, и повторила нужную информацию недавно прибывшим из Вашингтона следователям. Эти

сведения не были особенно подробными и сводились к имени, адресу и типу автомобиля, но это положило начало, в котором так нуждались агенты Бюро. Вскоре к дому по указанному Тауссиг адресу подъехала машина с агентами, и они убедились, что «вольво» по-прежнему на месте. Затем после перекрестно! о сравнения телефонных номеров с адресами они смогли позвонить семье, живущей в доме прямо напротив, и предупредить, что ровно через минуту в дверь черного хода постучатся сотрудники ФБР. Агенты тут же разместились в гостиной, что одновременно показалось и пугающим и волнующим для молодой пары, живущей здесь. Они сообщили агентам, что Энн – ее знали под этим именем – ведет тихую жизнь; чем она занимается, не известно ни мужу, ни жене, но она не причиняет соседям неприятностей, хотя нередко уезжает и возвращается в самое неожиданное время подобно многим одиноким людям. Вчера, например, вернулась домой очень поздно, заметил муж, за двадцать минут до конца шоу Карсона. Он еще подумал, что свидание у нее затянулось. Что еще странно, они ни разу не видели, чтобы к ней кто-то приезжал...

– Она встала. Включила свет. – Один из агентов вооружился биноклем – явно лишним, когда находишься так близко. Второй агент держал в руках фотоаппарат с длиннофокусным объективом и высокочувствительной пленкой. Пока ничего не было видно – только тень,двигающаяся за задернутыми шторами. Снаружи мимо автомобиля Энн на спортивном велосипеде проехал мужчина в шлеме, совершающий утреннюю прогулку. С высоты гостиной они заметили, как он поместил миниатюрное радиосигнальное устройство на внутреннюю поверхность заднего бампера «вольво», но только потому, что ожидали этого.

– Кто учил их делать это так ловко? – поинтересовался агент с камерой. – Давид Копперфилд?

– Стэн – не помню фамилию – он работает в Квантико. Я однажды играл с ним в карты, – усмехнулся второй агент. – Он вернул мне выигранные деньги и показал, как это делается. С тех пор я не играю в покер на деньги.

– Вы не можете сказать нам, что происходит? – спросил хозяин дома.

– Нет, извините. Вы сами узнаете об этом, но не сейчас. Вот она!

- Вижу. – Камера начала щелкать, пленка перематываться.
- Едва не опоздали! – Агент с биноклем поднес к губам приемопередатчик. – Объект вышел, садится в машину.
- Мы наготове, – послышался ответ.
- Поехала, направляется на юг, сейчас потеряем с ней визуальный контакт. Все. Теперь вы принимаете ее на себя.
- Понятно. Мы видим ее. Конец связи.

Не меньше одиннадцати автомобилей и грузовиков было задействовано для слежки, но более важную роль играли вертолеты, находившиеся на высоте четырех тысяч футов. Еще один вертолет стоял наготове на базе ВВС в Киртленде, УН-1N, двухмоторный вариант почтенного «Хьюи», так хорошо проявившего себя во Вьетнаме; его взяли на время у ВВС и теперь спешно оснащали тросами для быстрого спуска.

Энн вела свой «вольво» – казалось наблюдателям – самым обычным образом, но ее глаза, скрытые темными очками, каждые несколько секунд посматривали в зеркало заднего обзора. Теперь она нуждалась во всем своем опыте, всей профессиональной подготовке, и, хотя спала она всего пять часов, ей это удавалось. На сиденье рядом с ней находился термос с кофе. Она уже выпила две чашки, а остальное передаст своим трем коллегам.

Боб тоже вышел из трейлера. Одетый в рабочий комбинезон и сапоги, он бежал трусцой по пересеченной местности через лес, останавливаясь лишь для того, чтобы во время своей двухмильной пробежки между соснами взглянуть на компас. По его расчетам ему понадобится сорок минут, чтобы добраться до намеченной точки. Скоро он понял, что даже этого времени может не хватить. Разреженный воздух на такой высоте заставил часто дышать еще до того, как он начал взбираться по склону холма. Он постарался забыть все взаимные упреки. Главным сейчас стало завершение операции. И раньше бывало, что оперативники попадали в нелегкое положение, правда, с ним такого не случалось, и лучшим качеством настоящего офицера-оперативника является способность справиться с

трудностями и успешно выполнить порученное ему задание. В десять минут восьмого он увидел дорогу, на ближней стороне которой находился магазин с товарами повседневного спроса. Он остановился в двадцати ярдах от опушки и стал ждать.

Маршрут, по которому ехала Энн, был, казалось, выбран наугад. Она дважды съезжала с магистрального шоссе и возвращалась на него, пока не подъехала к заключительной части маршрута. В четверть восьмого она остановилась на стоянке у маленького магазина и вошла в него.

Из всех следовавших за объектом наблюдения автомобилей ФБР сейчас остались только два, настолько искусно она старалась оторваться от слежки. При каждом неожиданном повороте из этих машин приходилось выводить одну – исходили из того, что она может опознать автомобиль, если видела его больше одного раза, – и потому было послано отчаянное требование о выделении дополнительных машин. Даже магазин, торгующий товарами повседневного спроса, она выбрала отнюдь не случайно. За ним нельзя следить со стороны самой дороги – этому помешает поток транспорта. Машина № 10 въехала на ту же стоянку. Один агент ФБР вошел в магазин, другой остался в автомобиле.

Тот, что вошел внутрь, был первым из сотрудников ФБР, сумевшим увидеть Энн и рассмотреть ее по-настоящему, пока она покупала пончики, еще она решила купить кофе в больших стаканах из стирофома, а также прохладительные напитки, причем все это содержало немалое количество кофеина, хотя агент и не обратил на то внимания. Он стоял следом за ней в кассу и расплатился за два стакана кофе и взятую им газету. Агент наблюдал, как Энн вышла из магазина, и увидел, что к ней подошел мужчина, который сел в ее машину, словно жених женщины, предпочитающей самой сидеть за рулем. Он поспешно направился к своему автомобилю и, пока садился в него, торопливо захлопнув дверцу, едва не потерял Энн.

– Вот, смотри. – Энн передала Бобу газету. Его фотография красовалась на первой странице. Ее напечатали в цветном

изображении, хотя качество оказалось не слишком хорошим, поскольку клише пришлось увеличивать с крошечного снимка на водительском удостоверении. – Хорошо хоть, что вы не забыли надеть парик, – заметила она.

– Что будем делать дальше? – спросил Леонид.

– Прежде всего я арендую для вас машину, на которой вы вернетесь в укрытие. Затем куплю косметику, чтобы все вы могли изменить свою внешность. После этого, думаю, мы приобретем небольшой грузовик для пересечения границы. Кроме того, нам понадобятся ящики. О них я еще толком не думала, но к концу дня займусь и этим.

– А сам переезд границы?

– Завтра, Выезжаем до полудня и пересечем границу во время ужина.

– Так скоро? – удивился он.

– Да. Мне кажется, что, если мы будем медлить, им удастся заполнить весь район своими агентами. – Остаток пути прошел в молчании. Энн вернулась в город и поставила свой автомобиль на платной стоянке, Леонид остался в машине. Сама она пересекла улицу, прошла половину квартала к агентству, занимающемуся прокатом автомобилей, – оно находилось рядом с большим отелем. Меньше чем за пятнадцать минут Энн выполнила необходимую процедуру и скоро поставила «форд» рядом со своим «вольво». Там она передала Леониду ключи от зажигания и сказала, чтобы он следовал за ней до магистрального шоссе, а уж оттуда добирался сам.

К тому моменту, когда эти две машины выехали на шоссе, у ФБР почти не осталось автомобилей. Необходимо было принять решение, и агент, сделавший это, не ошибся. Неприметный автомобиль полиции штата последовал за «вольво», а последняя машина ФБР поехала по шоссе за «фордом». Тем временем пять автомобилей, принимавших участие в первой фазе слежки за Энн, устремились вперед, чтобы догнать мужчину в «форде». Три из них свернули с магистрального шоссе на обычное, ведущее к грунтовой дороге и трейлеру. Поскольку мужчина строго соблюдал предписанную скорость движения, двум машинам пришлось обогнать его, однако третьей удалось сохранить свою позицию позади «форда» – до тех пор пока «форд» неожиданно не остановился на обочине. На этом участке шоссе было прямым как

стрела в обоих направлениях на расстоянии более мили, и Боб остановился в самой середине этого отрезка.

– Я вижу его, я вижу его, – доложил наблюдатель из вертолета, с расстояния в три мили следивший за автомобилем мужчины через закрепленный на подставке бинокль. Он увидел его крошечную фигурку, которая открыла капот «форда». Мужчина наклонился над двигателем и подождал несколько минут, прежде чем снова закрыл крышку, сел в машину и поехал дальше.

– Этот парень – настоящий профессионал, – заметил наблюдатель, повернувшись к пилоту,

Только недостаточно хороший, подумал пилот, глядя на отдаленную белую точку. Он увидел, как «форд» свернул с шоссе на грунтовую дорогу, исчезающую между деревьям.

– Вот они!

Агенты ФБР и раньше предполагали, что укрытие находится в уединенном месте. Сама география района располагала к этому. Как только было обнаружено место пребывания преступников, с базы ВВС в Бергстроме, штат Техас, взлетел самолет RF-4C «Фантом» из 67-го авиакрыла тактической разведки. Команде самолета, состоящей из двух человек, порученное задание показалось похожим на шутку, но они не стали возражать против полета, на который затратили меньше часа. Как операция этот полет был настолько простым, что с ним мог справиться кто угодно. «Фантом» четырежды на большой высоте пролетел над указанным районом, потратил несколько сотен футов пленки на аэрофотосъемку своими многочисленными фотокамерами и совершил посадку на базе ВВС в Киртленде, недалеко от Альбукерке. Несколькими часами раньше сюда прибыл транспортный самолет, доставивший специалистов и необходимое оборудование. Пока пилот выключал двигатели «Фантома», два техника из наземной службы извлекли кассеты с пленкой и отвезли их к трейлеру, служившему передвижной фотолабораторией. Автоматическое снаряжение позволило дешифровальщикам взяться за еще влажные

аэрофотоснимки уже через полчаса после того, как истребитель совершил посадку.

– Великолепные фотографии, – сказал пилот, увидев первый снимок. – Да и немудрено – условия были хорошими: холодная погода, никакой облачности, невысокая влажность, солнце удачно располагалось по отношению к направлению съемки. Мы даже не оставили никаких инверсионных следов.

– Спасибо, майор, – сказал сержант, рассматривая пленку в своей панорамной камере КА-91. – Похоже, что вот здесь у нас грунтовая дорога отходит от шоссе, идет извиваясь через этот холмик... а это выглядит как трейлер, в пятидесяти ярдах стоит автомобиль – вот еще один, скрытый ветками. Хорошо, что еще?...

– Минуту – я не вижу второго автомобиля, – произнес агент.

– Вот он, сэр. Солнечные лучи отражаются от чего-то, и отражение слишком большое для бутылки кока-колы. Скорее всего это ветровое стекло автомобиля. Не исключено, это заднее стекло, но скорее оно в передней части машины.

– Почему вы так думаете? – спросил агент. Ему просто хотелось узнать, чем руководствуется дешифровальщица.

Она ответила, не поднимая головы:

– Видите ли, сэр, если бы мне понадобилось спрятать автомобиль, я загнала бы его задним ходом в чащу, чтобы было просто выехать оттуда в случае необходимости, не теряя времени, понимаете?

Агент с трудом удержался от улыбки.

– Да, вы правы, сержант.

Она повернула ручку, и на экране появился другой кадр.

– Вот видите – солнечный блик от бампера, а это, наверно, никелированный радиатор. Обратите внимание на то, как они спрятали его. Посмотрите на трейлер. Может быть, это человек, скрывающийся в тени... – Новый кадр. – Да, это человек. – Сержант увидела мужчину футов шести ростом, атлетического телосложения, с темными волосами и тенью на щеках, говорящей о том, что он сегодня не брился. Пистолета не было видно.

Всего выделили тридцать пригодных для изучения кадров трейлера и его окрестностей. Восемь кадров увеличили до размеров плаката. Их послали в ангар, где велась работа над UN-1N. Гэс Вернер тоже находился там. Поспешность при подготовке операции нравилась

ему ничуть не больше, чем людям в трейлере, но у него не было выбора, как не было выбора и у них.

– Итак, полковник Филитов, переходим к тысяча девятьсот семьдесят шестому году.

– Когда Дмитрий Федорович стал министром обороны, он взял меня с собой. Это, разумеется, упростило положение.

– И увеличило предоставившиеся вам возможности, – заметил Ватутин.

– Да, конечно.

Не было взаимных обвинений, замечаний, комментариев по поводу преступления, совершенного Михаилом Семеновичем. Пока все это осталось в прошлом. Сначала было признание, как всегда, и признание было непростым, как всегда, но после этого удавалось добиться его путем жесткого нажима или с помощью ухищрения, как в этом случае, тогда все шло гораздо легче. Допрос мог продолжаться в течение многих недель, и Ватутин не имел представления, когда он закончится. На первом этапе требовалось дать представление о том, что совершил Михаил Семенович. Далее последует подробное изучение каждого эпизода, однако природа допроса, состоящая из двух этапов, была совершенно необходима для создания индекса перекрестных ссылок, чтобы не позволить объекту на более позднем этапе пытаться изменить показания или совсем отказаться от некоторых из них. Но даже на этой фазе, когда приходилось пропускать детали и переходить дальше, Ватутин и его люди приходили в ужас. Полковник Филитов передавал на Запад самые сокровенные тайны. Технические характеристики каждого танка и артиллерийского орудия, принятого на вооружение в Советской Армии, включая модификации, не переданные арабам – это было равносильно передаче их израильтянам, а потому и американцам – и не поступающие в армии стран Варшавского договора, попали на Запад еще до того, как закончилось испытание прототипов и началось серийное производство. Характеристики боевых самолетов, самых разнообразных обычных и ядерных боеголовок. Цифры,

определяющие надежность стратегических ракет. Внутренние разногласия в Министерстве обороны, а когда наступило время и Устинов стал полноправным членом Политбюро, и политические разногласия на высшем уровне. Наибольший ущерб причинило то, что Филитов передал Западу все, что ему было известно о советской стратегии, – а он действительно знал все. Являясь доверенным лицом Дмитрия Федоровича Устинова и будучи легендарным военным героем, Михаил Семенович превратился в окуляр, через который министр, занимающий такой высокий пост в партийной иерархии, смотрел на мир практических военных действий.

«Скажите, Михаил Семенович, что вы думаете на этот счет?…» – должно быть, тысячи раз спрашивал Устинов, понял Ватутин, но ведь он не подозревал…

– Что за человек был Устинов? – поинтересовался полковник из «Двойки».

– Блестящий ум, – тут же ответил Филитов. – Его административные способности были уникальными, никто не мог сравниться с ним. У него существовало инстинктивное понимание производственных процессов, которого мне никогда ни у кого не приходилось видеть. Он мог приехать на завод и сразу определить, хорошо здесь ведутся работы или нет. Устинов умел заглянуть на пять лет вперед и определить, какое вооружение будет нужно, а какое – нет. Единственная его слабость заключалась в том, что он не знал, как это вооружение применяется на поле боя, и потому мы иногда спорили. Я пытался изменить тот или иной проект, чтобы вооружением было легче пользоваться в бою. Видите ли, я стремился сделать оружие более удобным для применения, тогда как он старался улучшить методы производства этого оружия для ускорения его выпуска. Обычно я убеждал его, но иногда мне это не удавалось.

Поразительно, думал Ватутин, делая заметки. Михаил Семенович продолжал бороться за то, чтобы сделать вооружение Советской Армии лучше, эффективнее, и одновременно передавал все на Запад… почему? Но он пока не мог задать этот вопрос и не сможет задать его в течение еще долгого времени. Он не мог позволить Филитову увидеть себя как патриота до тех пор, пока не будут документально зарегистрированы все его преступные действия. Теперь он знал, что выяснение подробностей потребует не один месяц.

– Сколько сейчас времени в Вашингтоне? – спросил Райан у Канделы.

– Около десяти утра. Сегодня ваше заседание длилось недолго.

– Да. Другая сторона захотела пораньше закончить переговоры – по какой-то причине. По поводу Грегори нет сообщений из Вашингтона?

– Нет. – Мрачно покачал головой Кандела.

– Вы говорили нам, что американцы сделают предметом переговоров свои системы стратегической обороны, – произнес Нармонов, обращаясь к председателю КГБ. Генеральный секретарь только что получил информацию от министра иностранных дел, что позиция американцев совершенно иная. Вообще-то русские узнали об этом накануне, но лишь теперь полностью убедились, что это не уловка. Советская сторона намекнула, что может отказаться от того раздела соглашения, где говорилось об инспекции на местах, уже согласованной в принципе, надеясь, что это заставит американцев хоть немного отступить в вопросе о СОИ. Этот шаг, однако, натолкнулся на каменную стену.

– По-видимому, наш источник ошибся, – признался Герасимов. – Или на ожидание уступки потребуется больше времени.

– Они не изменили свою позицию и не изменят ее в будущем. Вас ввели в заблуждение, Николай Борисович, – заявил министр иностранных дел, определив свою принадлежность к лагерю твердых сторонников

генерального секретаря.

– Это действительно так? – спросил Александров у Герасимова.

– Одна из сложностей при получении разведывательной информации от американцев заключается в том, что они сами часто не знают, какова их позиция. Мы получили эти сведения из хорошо информированного источника, и его сообщение совпало с

информацией от другого агента. Возможно, Аллен хотел так поступить, но ему запретили.

– Вполне возможно, – согласился министр иностранных дел, предпочитая не оказывать на Герасимова излишнего давления. – Я давно замечал, что у Аллена своя точка зрения на этот вопрос. Но сейчас это не имеет значения. Нам придется изменить свою линию поведения. А не может ли это означать, что американцы находятся на пороге нового технического прорыва?

– Не исключено. Сейчас мы этим занимаемся. В Америке у меня находится группа, пытающаяся вывезти оттуда некоторые важные материалы – Герасимов не решился вдаваться в подробности. Его операция по захвату американского майора была еще более отчаянным шагом, чем предполагал даже Райан. Если это станет известно, его обвинят на Политбюро в попытке саботировать важные переговоры, причем не посоветовавшись с соратниками. Даже члены Политбюро обязаны обсуждать важные шаги перед их осуществлением, но Герасимов не мог пойти на это. Александров, его союзник, наверняка захочет узнать причину, и Герасимов не сможет сделать этого, потому что тогда он признает, в какую сложную ловушку попал. С другой стороны, он не сомневался, что американцы тоже не захотят сделать похищение Грегори достоянием гласности. Для них это угрожает той же опасностью – политические элементы в Вашингтоне попытаются обвинить консерваторов в стремлении использовать этот инцидент для подрыва ведущихся переговоров по каким-то своим причинам. Игра шла на высоком уровне, и риск, угрожавший Герасимову, только добавлял ей остроту. Осторожничать сейчас уже слишком поздно. Он переступил все границы, и, хотя поставил на карту собственную жизнь, масштабы борьбы были достойны ее цели.

– Нам ведь неизвестно, что он здесь, правда? – спросил Полсон. Он был старшим снайпером в группе борьбы с террористами, Полсон состоял в клубе «Четверть дюйма» Федерального бюро расследований и мог всадить три прицельные пули в кружок диаметром меньше

полудюйма с расстояния в двести ярдов – и из этого полудюйма 0, 308 являлось калибром самой пули.

– Нет, но это все, что мы знаем, – признал Гэс Вернер. – Всего здесь трое русских. Нам точно известно, что двое из них там. Они вряд ли оставят одного человека охранять заложника, пока остальные находятся где-то в другом месте. Это непрофессионально.

– Пожалуй, ты прав, Гэс, – согласился Полсон. – Но ведь точно мы не знаем. Тогда придется исходить из этого. – Это не было вопросом.

– Да, и побыстрее.

– О'кей. – Полсон повернулся и посмотрел на стену. Они размещались в помещении летчиков, готовых к немедленному вылету. Пробковая обшивка стен, предохраняющая от шума, одновременно была очень удобной для закрепления карт и фотографий. Трейлер, видели они, был дешевым. Всего пара окон, из первоначально имевшихся двух дверей одна была заколочена. Они пришли к выводу, что комната рядом с оставшейся занята агентами противника, тогда как во второй находится заложник. У операции была и своя положительная сторона – их противники являлись профессионалами, и потому их поведение было предсказуемым. В большинстве случаев они будут поступать разумно – в отличие от обычных преступников, действующих, как им заблагорассудится,

Полсон посмотрел на другую фотографию, затем перевел взгляд на топографическую карту и стал выбирать маршрут приближения к трейлеру. Эти фотографии с высокой разрешающей способностью явились воистину даром небес. На одной из них виднелся мужчина, стоящий у трейлера и следящий за дорогой, за наиболее вероятным путем подъезда. Он, наверно, будет ходить и вокруг трейлера, подумал Полсон, но станет следить главным образом за дорогой. Поэтому группа, состоящая из наблюдателя и снайпера, приблизится с противоположной стороны.

– Ты думаешь, это горожане? – спросил он Вернера.

– Наверно.

– Тогда мы пойдем так. Марти и я сумеем подойти ярдов на четыреста позади этого холмика, затем спустимся вот здесь, параллельно трейлеру.

– Где будет огневая позиция?

– Вот тут. – Полсон указал точку на лучшем из фотоснимков. – Думаю, нам нужно захватить с собой пулемет, – сказал он, объяснил почему, и все согласились.

– Еще одно изменение, – объявил Вернер. – Мы получили новое указание относительно открытия огня. Если у кого-нибудь возникнет подозрение, что жизнь заложника может находиться в опасности, стреляем на поражение. Полсон, если ты увидишь, что кто-то стоит рядом с заложником, когда мы начнем штурм, ты убиваешь его первым же выстрелом – неважно, есть у него оружие или нет,

– Одну минуту, Гэс, – возразил Полсон. – Это чертовски похоже на...

– Жизнь заложника исключительно важна, и есть основания считать, что любая попытка спасти заложника приведет к его гибели.

– Отдавший такой приказ смотрел слишком много фильмов о шпионах, – заметил кто-то из членов группы.

– Так кто дал приказ? – настойчиво повторил свой вопрос Полсон голосом, не терпящим возражений.

– Президент. Сначала со мной говорил по телефону директор Джейкобс, потом трубку взял президент. Он передал письменное распоряжение директору ФБР.

– Мне это не нравится, – покачал головой снайпер. – Рядом с ним наверняка будет находиться охранник, и ты хочешь, чтобы я застрелил его независимо от того, угрожает он жизни заложника или нет.

– Совершенно верно, – согласился Вернер. – Если ты не готов исполнить это, скажи прямо сейчас.

– Мне нужно знать почему, Гэс.

– Президент назвал заложника бесценным национальным достоянием. Он играет ключевую роль в настолько важном проекте, что докладывает лично президенту. Именно поэтому его и похитили, и есть мнение, что, если русские увидят, что им не удастся заполучить его, они сделают все, чтобы и нас лишить его. Ты ведь знаешь, что они уже совершили, – закончил руководитель группы.

Полсон задумался на мгновение, кивнул и повернулся к своему номеру два в стрелковой паре. Марти тоже кивнул.

– Хорошо. Придется стрелять через окно. Потребуется две винтовки,

Вернер подошел к черной доске на стене и мелом нарисовал план штурма в самых подробных деталях. Внутреннее расположение комнат в трейлере не было известно, и потому многое будет зависеть от сведений, которые Полсон соберет в последнюю минуту, когда начнет вести наблюдение с помощью десятикратного оптического прицела. Штурм трейлера ничем не отличался от военной операции. Вернер начал с того, что установил цепь подчинения – все были с ней знакомы, однако он уточнил ее окончательно. Затем наступила очередь состава штурмовых групп и их конкретных задач. Врачи и машины «скорой помощи» будут наготове, так же как и группа по сбору вещественных доказательств. На составление плана потратили целый час, и все-таки не удалось отработать его так, чтобы он удовлетворял их требованиям. Впрочем, при их подготовке и это принималось во внимание. После начала операции ее исход будет зависеть от опыта и решений, индивидуально принимаемых членами группы, однако, в конце концов, так всегда и происходит. Закончив планирование, они начали погрузку в машины.

Она остановила свой выбор на небольшом фургоне для доставки мелких партий товаров. Более крупный грузовик, подумала она, будет труднее загрузить ящиками, и на это потребуются много времени. Ящики Энн купила час спустя на складе, носящем название «Бокс Барн». Никогда прежде она этим не занималась – раньше ее делом была передача информации с помощью кассет, которые свободно помещались в кармане, – но сейчас она легко решила эту задачу, открыв «желтые страницы» в телефонном справочнике и сделав несколько телефонных звонков. Она приобрела десять разборных ящичков с деревянными краями и картонными, покрытыми пластиком, боками, причем все в разобранном состоянии. В том же месте она купила наклейки, указывающие, что находится внутри, и полистироловые уплотнители для предохранения хрупкого груза при транспортировке – продавщица особенно рекомендовала это. Бизарина наблюдала за тем, как два грузчика положили все это в кузов грузовичка, и затем уехала в нем.

– Как ты думаешь, зачем все это? – спросил один агент.

– Похоже, она собирается что-то куда-то отвезти. – Водитель следовал за ней на расстоянии в несколько сотен ярдов, а его партнер связался с отделом ФБР и попросил направить в «Бокс Барн» агентов, чтобы расспросить продавца. Следить за фургоном было намного легче, чем за «вольво».

Полсон и трое агентов вышли из «шевроле» на дальнем краю жилого района примерно в двух тысячах футов от места, где находился трейлер. Маленький мальчик во дворе одного из домов с удивлением смотрел на мужчин, и было из-за чего – двое несли винтовки, а третий – пулемет М-60. Они сразу углубились в лес. После того как «шевроле» уехал, в жилом районе остались две полицейские автомашины – приехавшие в них полицейские начали ходить по домам, стучать в двери и просить жителей ни с кем не обсуждать, что они только что видели или в большинстве случаев даже не видели.

Преимуществом сосен, подумал Полсон, пройдя первые сто ярдов по лесу, было то, что с них сыпались мягкие иголки, а не листья, что характерно для холмов Западной Виргинии, которые высыхали, затрудняя бесшумное передвижение. В Западной Виргинии он каждую осень во время отпуска охотился на оленей. Правда, в этом году ему не удалось вернуться с добычей. Ему представились две благоприятные возможности, но попавшиеся олени были меньше тех, что он обычно приносил домой, и он решил оставить их до следующего года, рассчитывая, что шанс от него не уйдет, чего, однако, так и не случилось.

Полсон был лесным жителем – он родился в Теннесси – и чувствовал себя дома лишь в одиночестве зарослей, пробираясь неслышным шагом среди деревьев, осторожно ступая на землю, покрытую мягким ковром из упавших листьев. Сейчас он шел во главе группы из четырех человек, стараясь передвигаться осторожно, не спеша, не поднимая шума – подобно налоговым инспекторам,

сумевшим, наконец, убедить его деда прекратить производство самогона, которым тот занимался в уединенном месте в горах. За пятнадцать лет службы в группе по борьбе с терроризмом Полсону еще ни разу не приходилось убивать. В этой группе были собраны лучшие снайперы мира, но они никогда не применяли свое искусство на практике. Сам он был близок к этому с полдюжины раз, но в последний момент всегда возникала причина, не делающая этого необходимым. Сегодня все изменится. Он был почти уверен в этом и потому чувствовал себя как-то по-иному. Совсем другое дело, когда приступаешь к операции, зная, что может возникнуть необходимость в стрельбе на поражение. При службе в Бюро такая вероятность всегда существовала. Ты готовишься к ней, одновременно надеясь, что этого не потребуются, – Полсон слишком хорошо знал, что происходит, после того как полицейский убивает кого-то, – кошмары, депрессия – все, что редко появляется на экранах телевидения, когда показывают детективные кинофильмы. Сейчас сюда уже вылетел доктор, подумал он. В Бюро служил по совместительству врач-психиатр, помогающий агентам преодолеть тяжелое время, наступающее после убийства преступника, потому что даже в том случае, когда ты знаешь, что у тебя нет выбора, человеческая психика содрогается при мысли о неестественной смерти и наказывает человека тяжелыми страданиями за то, что он жив, тогда как его жертва мертва. Это – цена прогресса, подумал Полсон. Так было не всегда, а у преступников до сих пор ничего не изменилось. В этом разница между одним сообществом и другим. Но к какому сообществу принадлежит его жертва? Преступному? Нет, русские – отлично подготовленные профессионалы, своего рода патриоты страны, в которой родились. Люди, исполняющие порученное им дело. Как и я.

Он услышал посторонний звук. Его левая рука поднялась вверх, и все четверо мгновенно укрылись. Что-то двигалось... там, слева. Источник шума продолжал двигаться в левую сторону, удаляясь от маршрута группы. Наверно, мальчишка, играющий в лесу, подумал Полсон, Он подождал, чтобы убедиться, что звук удаляется от них, затем подал знак продолжать движение. Группа стрелков была одета в обычное камуфлированное обмундирование военного образца поверх пуленепробиваемого снаряжения, и зелено-коричневые пятна

камуфляжа отлично скрывали их в лесу. Через полчаса Полсон взглянул на карту.

– Контрольный пункт номер один, – произнес он в приемопередатчик.

– Хорошо, – послышался голос Вернера, находящегося за три мили. – Есть трудности?

– Нет. Начинаем пересекать вершину первого холма. Через пятнадцать минут увидим цель.

– Ясно. Продолжайте движение,

– Конец связи. – Полсон и его группа выстроились в шеренгу, направляясь к первому холму. Он был невысок, за ним, на расстоянии в двести ярдов, виднелся второй холм. Оттуда они увидят трейлер. Теперь движение замедлилось. Полсон передал винтовку четвертому агенту, а сам пошел вперед, глядя под ноги, выбирая дорогу, по которой можно двигаться бесшумно. Нужно было всего лишь выбирать, куда ступить, не важно как, и это являлось именно тем, чего часто не понимали жители городов, считающие, что пространство между деревьями в лесу обязательно представляет собой место, предательски выдающее человеческие шаги. Полсон беззвучно пробирался между многочисленными валунами и достиг вершины второго холма через пять минут. Там он прижался к дереву и достал бинокль – даже бинокли у них были покрыты тонким слоем зеленого пластика.

– Добрый вечер, ребята, – пробормотал он. Пока Полсон никого не видел – трейлер закрывал место, где должен был находиться наружный охранник, да и множество деревьев мешали видимости. Он оглядел ближайшие окрестности. В течение нескольких минут он смотрел и прислушивался и лишь затем махнул рукой, давая знак остальным агентам двигаться вперед. Им потребовалось на это десять минут. Полсон взглянул на часы. Они провели в лесу уже полтора часа и немного опережали график.

– Заметил кого-нибудь? – спросил второй снайпер, опускаясь на землю рядом с Полсоном.

– Нет еще.

– Господи, надеюсь, они еще не уехали, – произнес Марти. – Что теперь?

– Передвинемся влево, затем по оврагу вон туда. Это и есть огневая точка, – указал Полсон.

– Да, в точности как на фотоснимках.

– Все готовы? – спросил Полсон. Он решил подождать пару минут, перед тем как отправляться в путь, чтобы дать каждому возможность выпить воды. Воздух здесь был разреженным и сухим, потому в горле быстро пересыхало. На последнем отрезке кашлять было опасно. Капли от кашля, подумал старший снайпер. Нужно включить их в список снаряжения...

Понадобилось еще полчаса, чтобы добраться до огневой позиции. Полсон выбрал сырое место рядом с гранитным валуном, оставленным здесь последним ледником, побывавшим в этом районе. Он находился примерно на двенадцать футов выше трейлера, близко к той позиции, что ему хотелось занять, и почти под прямым углом к нему. Прямо перед ним виднелось большое окно на торце. Если Грегори находился внутри, то, по их мнению, он должен был содержаться именно там. Пора выяснить точно. Полсон установил сошки своей винтовки, снял чехол с оптического прицела и прильнул к нему. Тут же схватил приемопередатчик и сунул в ухо наушник. Он заговорил голосом, который был тише шума ветра в ветках сосен над головой,

– Говорит Полсон. Заняли позицию, осматриваем трейлер. Сообщим результаты.

– Принято, – донесся ответ.

– Боже мой, – произнес Марти. – Вот он. Слева.

Эл Грегори сидел в кресле. У него не было свободы выбора. Кисти, скованные наручниками, лежали на коленях – на эту уступку пошли ради его удобства, – однако плечи и ноги были привязаны к спинке и ножкам кресла. У него забрали очки; и потому все предметы казались ему теперь нечеткими и расплывчатыми. Это относилось и к человеку, зовущему себя Биллом. Охраняли его поочередно. Билл сидел в дальнем конце комнаты, недалеко от окна. У него за пояс был заткнут автоматический пистолет, но Грегори не мог рассмотреть, какой именно, он просто различал знакомые угловатые очертания.

– Что...

– ... мы собираемся сделать с вами? – закончил вопрос Билл. – Если бы я знал, майор. Думаю, есть люди, которые проявляют интерес к вашей работе.

– Я никогда...

– Не сомневаюсь, – с улыбкой ответил Билл. – А теперь – мы говорили вам, что нужно молчать, а то снова придется заткнуть вам рот. Спокойно, молодой человек, не волнуйтесь.

– Она вам сказала, для чего ей потребуются ящики? – спросил агент.

– Она объяснила, что ее компания перевозит пару статуй. Какой-то местный скульптор, сказала она, организует выставку в Сан-Франциско.

В Сан-Франциско есть советское консульство, тут же подумал агент. Но они не могут пойти на это... или все-таки?...

– Ящики в человеческий рост, вы сказали?

– В большие можно легко поместить и двоих, и там было еще несколько маленьких.

– Сколько времени понадобится на сборку?

– Для этого не нужно никаких специальных инструментов. Не больше получаса.

Полчаса? – подумал агент и вышел из комнаты, чтобы позвонить. Полученную информацию тут же передали по радио в Вашингтон,

– Всем приготовиться, – слышалось в наушнике. – Небольшой фургон свернул с шоссе.

– Мы не видим его отсюда, – недовольно проворчал Полсон, обращаясь к Марти, расположившемуся слева от него. Недостатком их огневой позиции было то, что они не могли видеть весь трейлер и в поле их зрения находились лишь отдельные участки грунтовой дороги,

ведущей к нему. Деревья были слишком толстыми. Чтобы улучшить видимость, следовало передвинуться вперед, но это было рискованно и они не хотели рисковать. Лазерный дальномер определил расстояние, до трейлера в шестьсот одиннадцать футов. Винтовки заранее подготовили для ведения стрельбы с оптимального расстояния в двести ярдов, а камуфлированное обмундирование делало их невидимыми, пока они лежали неподвижно. Даже когда они смотрели в бинокль, деревья настолько мешали видимости, что глаз просто не мог сосредоточиться на чем-то.

И тут Полсон услышал приближающийся грузовик. Неисправен глушитель, подумал он. Затем хлопнула металлическая дверца и скрипнула еще одна, открывающаяся. Послышались человеческие голоса, но, хотя Полсон слышал их, разобрать слов он не мог.

– Эти должны быть достаточно большими, – сказала Леониду капитан Бизарина. – Их у меня два и три поменьше. Маленькие мы положим наверх.

– Что мы перевозим?

– Скульптуры. Через три дня проводится художественная выставка, и мы даже собираемся пересечь границу в пункте, самом ближнем к ней. Если уедем отсюда через два часа, то окажемся на границе в удобное время.

– Вы уверены...

– Они обыскивают машины, направляющиеся на север, а не на юг, – заверила его Бизарина.

– Хорошо. Будем собирать ящики внутри трейлера. Попросите Олега выйти сюда.

Бизарина вошла в трейлер. Ленни находился снаружи, поскольку он был более других знаком с несением охраны в сельской местности. Пока Олег и Леонид вносили разобранные ящики внутрь, Бизарина вошла в заднюю комнату трейлера, чтобы проверить состояние Грегори.

– Привет, майор. Вам достаточно удобно?

– Я заметил еще одного, – произнес Полсон в тот момент, когда она появилась в его поле зрения. – Женщина, та, что на фотографиях, ездит на «вольво», – сказал он в микрофон. – Разговаривает с заложником.

– Видим трех мужчин, – донеслось из наушника. Еще один агент расположился так, чтобы следить за дальним торцом трейлера. – Они переносят ящики внутрь трейлера. Повторяю еще раз – трое мужчин. Женщина находится внутри, и ее не видно.

– Значит, все объекты собрались у трейлера. Теперь расскажите мне про ящики. – Вернер стоял на поле возле вертолета в нескольких милях от укрытия, держа в руках план трейлера.

– Ящики разобраны, их предстоит собрать. Думаю, они сейчас займутся этим.

– Нам известно только о четырех русских, – обратился Вернер к своим людям. – И в трейлере заложник...

– Для сбора ящиков понадобятся, по-видимому, двое. Они будут заняты этим. Из оставшихся двух один снаружи, другой внутри с заложником,. Мне кажется, Гэс, ситуация благоприятная.

– Внимание, говорит Вернер. Мы вылетаем. Всем приготовиться. – Он дал знак пилоту вертолета, который принялся за подготовку к взлету. Руководитель группы по борьбе с террористами мысленно проверил собственную подготовку, пока его люди поднимались внутрь вертолета. Если русские попытаются увезти Грегори, агенты ФБР постараются перехватить их в пути, но в таком фургоне окна имеются только для водителя и сидящего рядом пассажира... Это означает, что двое или трое русских будут вне поля зрения и, возможно, успеют убить заложника до того, как люди Вернера сумеют предотвратить это. Да, инстинктивное решение Вернера было верным: приступить к штурму немедленно. Грузовой «шевроле» с четырьмя агентами выехал на шоссе, ведущее к месту расположения трейлера.

Полсон снял свою винтовку с предохранителя, и Марти последовал его примеру. Они уже договорились, как действовать

дальше. В десяти футах от них пулеметчик и его заряжающий медленно готовили к бою свое оружие, стараясь максимально приглушить звуки ударяющихся друг о друга металлических деталей.

– Не помню, чтобы когда-нибудь все шло по плану, – тихо заметил второй снайпер.

– Именно поэтому нас и готовят так тщательно, – ответил Полсон, наводя на цель перекрестье своего прицела. Это было непросто, потому что стекло отражало солнечный свет. Он с трудом видел голову, но это была, без сомнения, женщина, и это ее опознали для Полсона как цель. По его оценке ветер дул справа со скоростью узлов в десять. На расстоянии примерно в двести ярдов это сместит посланную им пулю на две дюйма влево, что придется принять во внимание. Даже в поле зрения оптического прицела с десятикратным увеличением человеческая голова не является такой уж большой целью на расстоянии в двести ярдов, и Полсону приходилось чуть поворачивать винтовку на сошках, чтобы удержать ее в поле зрения, когда женщина ходила по комнате. Он следил не столько за целью, сколько стремился удержать перекрестье в ее центре. Все движения снайпера были автоматическими. Он следил за своим дыханием, хорошенько оперся на локти и прижал винтовку к плечу.

– Кто вы? – спросил Грегори.

– Таня Бизарина. – Она прохаживалась по комнате, чтобы размять ноги.

– Вам приказали убить меня? – Таню восхитило то, как он спросил об этом. Грегори не был в ее глазах идеалом солдата, но наиболее важные качества всегда скрыты от постороннего взгляда.

– Нет, майор. Мы собираемся совершить небольшое путешествие.

– Вижу фургон, – произнес Вернер. Шестьдесят секунд пути от поворота до трейлера. Он поднес к губам микрофон. – Приступаем,

ПРИСТУПАЕМ! – крикнул он. Двери по бортам вертолета откатились, приготовили собранные в бухты веревки. Рука Вернера опустилась на плечо пилота с такой силой, что в другое время тот поморщился бы от боли, но сейчас он был слишком занят и не заметил этого. Пилот толкнул от себя рычаг управления, и вертолет нырнул к трейлеру, находившемуся меньше чем в миле от него.

Они услышали это раньше, чем увидели, – звук вертолетных лопастей, бьющих по воздуху. Последние часы в этом районе постоянно летали вертолеты, поэтому они не сразу осознали угрожающую им опасность. Один из охранников – тот, что находился снаружи, – подошел к углу трейлера и посмотрел на вершины деревьев, затем повернулся, когда ему показалось, что он слышит звук мотора приближающегося автомобиля. Внутри трейлера Леонид и Олег прервали работу, которой они занимались – они собирали ящики, – испытывая скорее раздражение, чем беспокойство, но это чувство изменилось уже в следующее мгновение, когда отдаленный шум вертолета превратился в оглушительный рев – машина повисла прямо над трейлером. Бизарина подошла к окну и увидела вертолет. Это было последнее, что ей довелось увидеть.

- Цель на перекрестье, – произнес Полсон.
- На перекрестье, – согласился второй стрелок.
- Огонь!

Они выстрелили почти одновременно, но Полсон знал, что пуля второго снайпера вылетела на мгновение раньше. Она разбила толстое стекло в окне, при этом чуть изменив направление полета. Вторая пуля с впадиной в головке влетела в образовавшееся отверстие и ударила в середину лица Бизариной. Полсон видел это, но на секунду замер, глядя в прицел и не отводя перекрестья от цели, Пулеметчик, расположившийся слева от них, уже открыл огонь, когда Полсон громко произнес:

- Цель поражена в середину головы.
- Цель поражена, – произнес второй снайпер в микрофон. – Повторяю, женщина убита. Видим заложника. – Оба тут же

перезарядили винтовки и начали поиск новых целей.

Из дверей вертолета были выброшены вниз веревки с грузами на концах, и четверо агентов скользнули по ним вниз. Вернер оказался первым и сумел спрыгнуть через разбитое окно внутрь трейлера, держа в руке автомат МР-5. В комнате сидел Грегори и что-то кричал. Тут же через окно внутрь трейлера нырнул еще один агент, он отбросил кресло с привязанным к нему майором в сторону и встал перед ним на колени, телом отгородив его от остального помещения. Тут же к ним присоединился третий агент, и все они направили автоматы в сторону, противоположную окну.

В тот самый момент, когда один из офицеров КГБ открыл огонь из пистолета по агенту ФБР, опустившемуся на крышу трейлера, возле него остановился «шевроле». Агент запутался в чем-то и не мог отстреливаться. Два агента ФБР выпрыгнули из машины, и каждый выпустил по короткой очереди, убив русского офицера. Агент на крыше трейлера освободился и взмахнул рукой.

Внутри трейлера Леонид и Олег схватились за оружие. Один из них оглянулся назад и увидел, что непрерывный поток пулеметных пуль пробивает металлические стенки трейлера, лишая русских возможности приблизиться к Грегори. Но они обязаны выполнить приказ.

– Заложник в безопасности, заложник в безопасности. Женщина убита, – доложил по радио Вернер.

– Наружная цель ликвидирована, – послышался голос другого агента ФБР, стоящего у входа в трейлер. Он следил за тем, как еще один агент положил у порога двери небольшую взрывную шашку.

– Готово! – произнес он и отошел в сторону.

– Пулеметчику – прекратить огонь, прекратить огонь, – приказал Вернер.

Оба офицера КГБ, находившиеся внутри трейлера, услышали, как прекратился поток пуль, и бросились ко второй комнате. В это мгновение раздался взрыв, и дверь слетела с петель. Сила взрыва была рассчитана таким образом, чтобы открыть вход в трейлер и оглушить находящихся внутри него офицеров КГБ, но те оказались превосходно подготовленными. Олег обернулся ко входу и вытянул в двух руках пистолет, прикрывая Леонида. Первого же фэбээровца, ворвавшегося в образовавшийся проход, встретил выстрел, ранивший его в руку. Агент

упал, все еще пытаюсь прицелиться, но промахнулся, хотя и отвлек этим внимание Олега. Тут же в дверном проеме появился второй агент с автоматом МР-5 в руках. Он дал короткую очередь. Последним впечатлением Олега было удивление – звука выстрелов не было слышно. Так вот зачем эти утолщения на конце ствола, похожие на консервные банки, промелькнуло в его меркнущем сознании.

– Один агент ранен, противник убит. Еще один направляется ко второй комнате. – Агент с автоматом, только что убивший Олега, бросился следом, но споткнулся о разбросанные ящики и упал.

Они дали ему войти в дверь. Один агент в пуленепробиваемом жилете прикрывал заложника. Теперь они могли пойти и на риск. Вернер сразу понял – это тот русский, что уехал в арендованном женщиной автомобиле. Пистолет в его руке не был направлен ни на кого. Увидев трех агентов в черных комбинезонах из «номекса», судя по всему защищенных пуленепробиваемыми жилетами, русский на мгновение заколебался.

– Брось пистолет! – крикнул ему Вернер. – Не стре...

Леонид увидел Грегори и вспомнил приказ. Пистолет в его руке начал опускаться.

Вернер неожиданно для себя поступил так, как запрещал поступать своим подчиненным, и потом не смог даже объяснить причину своего поступка. Он выпустил очередь из шести патронов, целясь в руку, сжимавшую пистолет, и каким-то чудом попал в цель. Рука с пистолетом дернулась, и пистолет, залитый кровью, отлетел в сторону. Вернер прыгнул вперед, сбив Леонида с ног, и приставил к его лбу дуло автомата с глушителем.

– Третий объект взят! Заложник в безопасности! Членам группы – доложить обстановку!

– Снаружи – объект номер один убит!

– Трейлер – объект номер два убит! Один агент ранен в руку, легко.

– Женщина убита, – сообщил Вернер. – Объект номер три ранен и захвачен. Оцепить район! Машины «скорой помощи» – быстро сюда!

С того момента, как раздались первые выстрелы снайперов, прошло двадцать девять секунд.

У окна, через которое внутрь трейлера проникли Вернер и еще двое, появились трое агентов. Один из агентов, находящихся внутри,

достал нож, перерезал веревки, связывавшие Грегори, затем буквально выбросил его наружу. Там его подхватили, как ватную куклу, другие агенты и унесли, Грегори положили внутрь автомобиля и увезли. На шоссе совершил посадку вертолет ВВС. Как только машина подъехала к нему, Грегори перенесли из машины, и вертолет взлетел.

Все члены группы по борьбе с террористами прошли медицинскую подготовку, а двое из них были фельдшерами. Один был ранен в руку, и под его наблюдением агент, застреливший Олега, сделал перевязку. Другой вошел в заднюю комнату и склонился над Леонидом.

– Выживет, – заметил он, бинтуя рану. – Понадобится операция – перебиты локтевая и лучевая кости, босс.

– Вам следовало бы бросить пистолет, – укоризненно произнес Вернер, обращаясь к Леониду. – У вас не было ни малейшей надежды на успех.

– Боже мой! – Это был Полсон. Он стоял у окна и смотрел на то, что сделала его единственная пуля. Агент обыскивал тело женщины в поисках оружия. Встав, он отрицательно покачал головой. По этому движению снайпер понял то, чего он предпочел бы не знать. С этого момента ему стало ясно, что никогда больше он не будет охотиться. Пуля попала в лицо под самым левым глазом. Почти вся задняя часть головы была на стене напротив окна. Полсон пожалел, что решил посмотреть. После пяти долгих секунд он отвернулся и разрядил винтовку.

Вертолет доставил Грегори прямо на территорию проекта. Когда винтокрылая машина совершила посадку, шесть вооруженных охранников тут же окружили Грегори и проводили внутрь здания. Эл удивился, заметив, что его фотографируют. Кто-то бросил ему банку кока-колы, и он обрызгался газированным напитком, открывая ее. Сделав несколько глотков, он спросил:

– Так что же случилось, черт побери?

– Мы сами еще не совсем знаем, – ответил начальник службы безопасности. Прошло несколько секунд, прежде чем мозг Грегори

постиг, что произошло. И только после этого Эла охватила дрожь.

Вернер и его люди стояли у трейлера, пока группа по сбору доказательств занималась своей работой. Здесь же находилась дюжина полицейских штата Нью-Мехико. Раненого агента ФБР и раненого офицера КГБ погрузили в одну и ту же машину «скорой помощи», хотя последний был прикован наручниками к носилкам и старался не кричать от боли в перебитых костях руки.

– Куда вы его везете? – спросил капитан полиции.

– В госпиталь на базе ВВС в Киртленде – обоих, – ответил Вернер.

– Неблизкий путь.

– Поступил приказ хранить все случившееся в тайне. Можно предположить, что парень, выстреливший в вашего полицейского, лежит вон на тех носилках – судя по описанию, это действительно он.

– Меня удивляет, что вам удалось захватить его живым. – Вернер с любопытством взглянул на капитана. – Я хочу сказать, ведь все они были вооружены, правда?

– В самом деле, – согласился Вернер. По его лицу пробежала странная улыбка. – Меня это тоже удивило.

24. Правила игры

Самым поразительным было то, что о происшедшем не узнали средства массовой информации. Во время штурма было произведено всего несколько выстрелов из оружия без глушителей, а звуки стрельбы отнюдь не редкость на американском Западе. На вопрос, направленный управлению полиции штата Нью-Мехико, поступил ответ, что ведется расследование покушения на жизнь полицейского Мендозы и в ближайшее время ожидается арест преступника, а частые появления вертолетов объясняются учениями по поиску и спасению людей, проводимыми совместно полицией штата и Военно-воздушными силами. Объяснение звучало не слишком убедительно, но на день-другой сумеет удержать репортеров от нового всплеска любопытства.

Группа по сбору вещественных доказательств осмотрела трейлер и ничуть не удивилась, обнаружив очень мало интересного. Полицейский фотограф сделал снимки всех убитых – сам он называл себя профессиональным вурдалаком – и передал кассету с пленкой старшему агенту ФБР. Тела были уложены в резиновые мешки и отвезены в Киртленд. Оттуда их отправили на базу ВВС в Дувре, где располагался приемный центр, укомплектованный судебно-медицинскими экспертами. Проявленные фотографии офицеров КГБ послали факсом в Вашингтон. Местная полиция и агенты ФБР принялись обсуждать, как будет вестись дело против уцелевшего офицера КГБ. Они пришли к выводу, что он нарушил по крайней мере дюжину законов, в равной степени относящихся как к сфере действия федеральных властей, так и властей штата, и потому этим придется заниматься многим юристам, хотя они знали, что окончательное решение будет принято в Вашингтоне. Тем не менее они ошиблись. Часть этой проблемы будет решаться в другом месте.

В четыре часа утра Райан почувствовал чью-то руку у себя на плече. Он повернулся и увидел, что Кандела включает свет на тумбочке рядом с кроватью.

– В чем дело? – постарался как можно разборчивее пробормотать Райан.

– Бюро сумело успешно провести эту операцию. Они спасли Грегори, и он в полном порядке, – сказал Кандела. Он передал Райану несколько снимков. Джек пару раз мигнул, а затем его глаза расширились от удивления.

– Чертовски приятно просыпаться рано утром таким образом, – произнес он, еще не посмотрев на фотоснимок того, что случилось с Татьяной Бизариной. – Всемиловый Господь! – Он уронил снимки на одеяло и бросился в ванную. Кандела услышал шум текущей воды, вскоре появился Райан и направился к холодильнику. Достав банку содовой, он открыл ее.

– Извините меня. Хотите? Там есть еще. – Джек указал на холодильник.

– Для меня слишком рано. Вы передали записку Головко?

– Да. Заседание возобновится сегодня после обеда. Я хочу встретиться с нашим другом часов в восемь. Собирался встать в половине шестого.

– Я решил, что вы захотите увидеть эти снимки без промедления, – заметил Кандела и услышал в ответ негромкое ругательство.

– Да, конечно. Такое куда интереснее утренней газеты... Теперь он у нас в руках, – ответил Райан, глядя на ковер. – Если только...

– Если только он действительно не хочет умереть, – согласился офицер ЦРУ.

– Как относительно его жены и дочери? – спросил Джек. – Если у вас есть предложения, мне хотелось бы выслушать их.

– Встреча там, где я предложил?

– Да.

– Надавите на него как можно жестче. – Кандела собрал снимки с кровати и уложил их в конверт. – И пусть он обязательно посмотрит на фотографии. Они вряд ли беспокоят его совесть, но, вне всякого сомнения, покажут, насколько серьезно мы настроены. А теперь, – он ухмыльнулся, – мне кажется, вы уже достаточно рассержены. Вернусь, когда вы окончательно проснетесь.

Райан кивнул и проводил его глазами, прежде чем направиться в ванную. Вода в душе была горячей, и Джек не спешил расставаться с горячим дождем, отчего крохотная комнатка наполнилась паром и ему пришлось вытереть зеркало перед бритьём. Завершая свой туалет,

он намеренно смотрел на щеки и подбородок, избегая смотреть в глаза. Сейчас не время для сомнений.

За окнами его квартиры было темно. Москва не освещается ночью подобно американским городам, поэтому кажется опустевшей. Возможно, это объясняется почти полным отсутствием автомашин на улицах в это время суток. В Вашингтоне всегда холят люди, всегда чувствуется бессознательная уверенность в том, что где-то они бодрствуют и занимаются своими делами – какими бы они ни были. Здесь подобное представление отсутствовало. Точно так же, как слова одного языка никогда не соответствуют полностью словам другого, так и Москва в представлении Райана очень походила на другие крупные города, где ему приходилось бывать, и одновременно казалась разительно чужой в своих отличиях. Здесь люди не занимаются своими делами – главным образом они занимаются делами, порученными им кем-то другим. Ирония судьбы заключалась в том, что он сам скоро будет человеком, отдающим приказы тому, кто уже давно забыл, как их исполнять.

Утро наступало в Москве медленно. Шум троллейбусов и низкий рев дизельных грузовиков казались приглушенными из-за слоя снега, покрывавшего улицы, а окно комнаты Райана выходило не на восток, и потому первые лучи утренней зари не освещали его. То, что раньше было серым, начало постепенно обретать цвет, словно ребенок играл с ручками управления цветного телевизора. Джек выпил третью чашку кофе и отложил книгу, которую читал. Половина восьмого. В таких случаях, предупредил его Кандела, точность играет решающую роль. Джек еще раз зашел в туалет и оделся для утренней прогулки,

Тротуары были уже очищены от выпавшего ночью снега, хотя у обочин все еще возвышались снежные кучи. Райан кивнул охранникам – австралийцам, американцам и русским, – затем повернул на север, на улицу Чайковского. Холодный северный ветер обжигал лицо, и на глазах выступили слезы. Поправив шарф, Джек направился к площади Восстания. В этом районе Москвы размещалось много иностранных посольств. Прошлым утром он повернул направо на дальней стороне площади и увидел полдюжины посольств, расположившихся неподалеку друг от друга, но этим утром Джек пошел налево по Кудринскому переулку – у русских существует не меньше девяти

способов произносить слово «улица», хотя он так и не постиг все эти тонкости, – потом направо и снова налево по Баррикадной.

Здесь Джек несколько изменил свой маршрут, стараясь идти как можно ближе к стенам зданий. Приблизившись к назначенному месту, он, как и ожидал, увидел, что рядом открылась дверь, и вошел туда. Снова его обыскали. К его великому облегчению, телохранитель, хотя и нашел у него в кармане запечатанный конверт, не заглянул внутрь.

– Пошли. – То же самое, что он сказал в прошлый раз, заметил Джек. Наверно, у него ограниченный запас слов.

Герасимов сидел в кресле у прохода. Огромный зал кинотеатра был пуст. Председатель КГБ уверенно смотрел перед собой и даже не обернулся на звук шагов Райана, спускающегося к нему.

– Доброе утро, – произнес Джек, глядя ему в затылок.

– Как вам нравится наша погода? – спросил Герасимов, жестом отпуская охранника. Он встал и повел Джека к экрану.

– Там, где я вырос, не так холодно.

– Вам следовало бы носить шапку. Большинство американцев предпочитает ходить без головного убора, но здесь это необходимо.

– В штате Нью-Мехико тоже холодно, – заметил Райан.

– Да, мне говорили. Неужели вы думали, что я ничего не предприму? – спросил председатель КГБ. Он произнес это без всяких эмоций подобно учителю, разговаривающему с тупым студентом, Райан решил, что даст ему на мгновение насладиться триумфом.

– Выходит, мне придется вести с вами переговоры об условиях освобождения майора Грегори? – поинтересовался Джек, стараясь, чтобы его голос звучал как можно бесстрастнее. Впрочем, лишняя чашка кофе, выпитая утром, помешала этому,

– Как вам угодно, – ответил Герасимов.

– Мне кажется, что вот это может показаться вам интересным, – и Джек передал конверт председателю КГБ.

Герасимов вскрыл конверт и достал фотографии. Его лицо не изменилось, пока он смотрел на три снимка, но когда он повернулся к Райану, выражение его глаз было таким, что холодный зимний ветер показался Джеку дыханием весны.

– Один захвачен живым, – сообщил Райан. – Он ранен, но легко. У меня нет его фотографии. Кто-то напутал у нас, когда высылали снимки. Грегори остался цел и невредим.

– Понятно, – кивнул Герасимов.

– Теперь вы также понимаете, что выбор у вас еще более ограничен, чем во время нашего разговора в прошлый раз. Мне нужно знать, что вы решили.

– Это очевидно, правда?

– Изучая вашу страну, я понял, что у вас ничто не бывает очевидным, – заметил Райан, и по лицу Герасимова пробежало что-то почти похожее на улыбку.

– Как будут со мной обращаться?

– Очень хороню. – Гораздо лучше, чем вы заслуживаете, подумал Райан.

– Как с моей семьей?

– Мы им тоже дадим убежище.

– Каким образом вы собираетесь вывезти нас троих отсюда?

– Насколько я помню, ваша жена родилась в Эстонии и часто навещает эту республику. Пусть они приедут туда в пятницу вечером. – сказал Джек и сообщил некоторые детали.

– Конкретно, как...

– Вам не обязательно знать это, господин Герасимов.

– Райан, вы не можете...

– Могу, сэр, – прервал его Джек и тут же удивился, почему произнес «сэр».

– А как я? – спросил председатель КГБ, и Райан объяснил ему, что он должен сделать. Герасимов кивнул. – У меня есть вопрос, – сказал он.

– Да?

– Каким образом вам удалось одурачить Платонова? Это умный и проницательный человек.

– Вообще-то Комиссия по биржевым операциям и ценным бумагам действительно подняла шум, который быстро стих, но главное не в этом. – Райан приготовился уходить. – Без вас мы не смогли бы осуществить это. Нам было необходимо устроить настоящий скандал, причем такой, который невозможно сфабриковать. Конгрессмен Трент был в Москве полгода назад и встретил здесь парня по имени Валерий. Они стали очень близки. После возвращения в Америку он узнал, что вы посадили Валерия на пять лет в тюрьму за «антиобщественное поведение». Короче говоря, Трент захотел расквитаться. Мы

обратились к нему за помощью, и он с готовностью согласился. Таким образом, можно сказать, что мы использовали ваши предрассудки против вас самих.

– Как, по-вашему, мы должны поступать с такими людьми, Райан? – гневно бросил Герасимов.

– Я не законодатель, господин Герасимов. – Райан встал и направился к выходу. Как приятно, подумал он, возвращаясь в посольство, что теперь ветер дует в спину,

– Доброе утро, товарищ генеральный секретарь.

– Ну зачем же так официально, Илья Аркадьевич. В Политбюро есть люди постарше вас, которые не имеют права решающего голоса, а мы были друзьями – вы и я – так долго. Что случилось? – с любопытством спросил Нармонов. Он видел страдание в глазах своего коллеги. Они собирались обсудить проблему озимых, но...

– Андрей Ильич, я не знаю, с чего начать, – с трудом выдавил Ванеев, и по его щекам потекли слезы. – Речь идет о моей дочери... – ив течение десяти минут он рассказал о случившемся.

– И что дальше? – спросил Нармонов, когда ему показалось, что Ванеев закончил, наконец, рассказ, и в то же время понимая, что это еще не все. И Ванеев продолжил.

– Значит, Александров и Герасимов. – Нармонов откинулся на спинку кресла и устремил взгляд на стену. – Чтобы поступить так, как поступили вы, мой друг, требуется незаурядное мужество.

– Я не могу допустить, чтобы они... даже если это разрушит мою карьеру, Андрей Ильич. Нельзя, чтобы они помешали вам. Вам нужно сделать так много, изменить все коренным образом. Я должен уйти, это мне ясно. Но вы должны остаться, Андрей Ильич. Вы нужны народу. Без вас не удастся закончить уже начатое.

Примечательно, что он сказал «народу», а не «партии», подумал Нармонов. Времена действительно меняются. Нет, еще рано говорить об этом, покачал головой Нармонов. Ему удалось всего лишь добиться создания атмосферы, при которой времена смогут меняться. Ванеев относился к числу людей, понимающих, что главное сейчас не цели, а

процесс, ведущий к их достижению. Каждый член Политбюро понимал, что требуются перемены, причем понимал это уже давно. Не удавалось достигнуть согласия относительно пути перестройки. Создалась ситуация, при которой государственный корабль нужно повернуть на другой курс, подумал Нармонов, но ведь при этом может сломаться руль. Продолжать движение прежним курсом – значило рисковать натолкнуться на... на что? Куда направляется Советский Союз? Они не знали даже этого. Но чтобы изменить курс, требовалось пойти на риск, и, если выйдет из строя руль – если партия утратит власть, – наступит хаос. Таков был выбор, на который не мог пойти ни один разумный человек, но неизбежность этого шага ни один разумный человек не мог отрицать.

Нам даже неизвестно, что происходит в нашей стране, подумал Нармонов. На протяжении последних восьми лет – по крайней мере восьми – все статистические данные, касающиеся экономики, искажались в ту или иную сторону, причем каждый год новые цифры, основанные на уже искаженных старых, все больше отрывались от реального положения вещей, так что теперь экономические прогнозы, создаваемые Госпланом, стали столь же лживыми, как и перечисление добродетелей Сталина. Государственный корабль, на мостике которого он стоит, погружается все глубже и глубже в туман лжи, распространяемой чиновниками, деятельность которых станет ненужной, когда восторжествует правда. Именно с такой позиции выступал Нармонов на еженедельных заседаниях Политбюро. Сорок лет розовых мечтаний и оптимистических прогнозов привели к тому, что корабль затерялся среди рифов бессмысленной карты. Даже само Политбюро не знало, что происходит внутри Советского Союза, – об этом обстоятельстве на Западе и не подозревали.

Альтернатива? Не в этом ли вся загвоздка? В приступах отчаяния Нармонов думал о том, удастся ли ему – или кому-нибудь другому – изменить положение. Целью всей его политической жизни являлось достижение поста, который он теперь занимает, и лишь сейчас Нармонов осознал – полностью осознал, – насколько ограниченной является его власть. Поднимаясь по партийной иерархической лестнице, он смотрел вокруг и замечал все, что нужно изменить, не отдавая себе отчета в том, сколь трудным станет этот процесс. Власть, находящаяся в его руках, не была такой, как у Сталина, об этом

позаботились его недавние предшественники. Теперь Советский Союз был не кораблем, нуждающимся в управлении, нет, он превратился в огромную пружину, которая поглощала и рассеивала энергию и колебалась лишь в пределах своей собственной неэффективной частоты. Если не изменить создавшееся положение... Запад мчался сейчас в новый промышленный век, тогда как Советский Союз не мог прокормить себя. Китай воспринимал экономические уроки Японии и мог превратиться через два поколения в третью сильнейшую державу мира: миллиард людей с мощной, стремительно развивающейся экономикой на самой границе Советского Союза, нуждающийся в расширении территории, ненавидящий русских с такой силой, что фашистские полчища Гитлера могли показаться по сравнению с ними просто уличными хулиганами, Вот где таилась стратегическая угроза его стране, по сравнению с которой опасность ядерных арсеналов Америки и НАТО бледнела в воображении Нармонова. И все-таки партийная бюрократия не понимала, что перемены необходимы, если партия не хочет стать собственным могильщиком!

Кто– то должен сделать попытку, и этот кто-то -я.

Но для того чтобы попытаться, сначала нужно уцелеть, удержаться на этом посту достаточно долго, чтобы распространить свое видение национальных целей сначала в партии, а затем и среди всего народа – а может быть, в обратной последовательности? Нармонов не питал иллюзий – ни первое, ни второе не просто. Партия обладает установившимися традициями, плохо поддается переменам, тогда как народ – люди, населяющие страну, – не обращал теперь никакого внимания на то, что хотят сообщить им партия и ее вождь. Какая ирония судьбы! Запад – враг его народа – ценил его больше, чем собственные соотечественники.

Так что это значит? – спросил он себя. Если они враги, означает ли это, что я двигаюсь правильным путем – правильным путем для кого? Неужели и американский президент чувствует себя так же одиноко, подумал Нармонов. Но еще до того, как взяться за осуществление этой невероятно трудной задачи, ему по-прежнему предстояло решать каждодневные тактические проблемы личного выживания. Даже в данное мгновение, от руки доверенного единомышленника. Нармонов вздохнул. Это был чисто русский вздох.

– Итак, Илья, что ты собираешься предпринять? – спросил он человека, не способного на предательство, еще более отвратительное, чем поступок его дочери.

– Я буду поддерживать тебя, даже если результатом станет мой личный позор. Светлане придется примириться с последствиями ее действий. – Ванеев выпрямился и вытер глаза. Он походил на человека, которого должны повести на расстрел, и он собирал остатки своего мужества, чтобы вести себя достойно до самого конца.

– Не исключено, что мне самому придется выступить против тебя, – заметил Нармонов.

– Я понимаю это, Андрей, – с достоинством ответил Ванеев.

– Но мне не хотелось бы этого. Ты нужен мне, Илья. Мне нужны твои советы. Если мне удастся отстоять тебя, я сделаю это.

– Большого я не мог бы у тебя просить.

Теперь нужно подбодрить человека. Нармонов встал, обошел вокруг стола и взял руку друга.

– Что они не скажут тебе, соглашайся без колебаний. Когда наступит время, ты покажешь им, что ты – настоящий мужчина.

– И ты тоже, Андрей.

Нармонов проводил его до двери. До прихода следующего посетителя было пять минут. День Нармонова был заполнен экономическими проблемами, решениями, которые приходилось принимать самому, потому что чиновники на министерских постах не решались сделать это и обращались за его благословением, словно к сельскому священнику... Будто у меня мало своих неприятностей, подумал генеральный секретарь. Эти пять минут он потратил на подсчет голосов. Для него это должно было быть проще, чем для американского президента, – в Советском Союзе только члены Политбюро имеют право голоса, и таких было всего тринадцать, но каждый из них представлял множество интересов, а Нармонов требовал от них, чтобы они совершали шаг, о котором никто раньше даже не задумывался. В конце концов, власть является самым мощным магнитом, напомнил он себе, и он все еще мог рассчитывать на министра обороны маршала Язова.

– Думаю, что вам здесь понравится, – сказал генерал Покрышкин, когда они обходили внешнее ограждение, проходившее по периметру объекта. Часовые из роты КГБ вытягивались при их приближении и отдавали честь, и Покрышкин с Бондаренко отвечали на их небрежные приветствия. Собак больше не было, и Геннадий Иосифович подумал, что это ошибочное решение, независимо от трудностей в снабжении продуктами.

– А вот моей жене – нет, – ответил Бондаренко. – Она следовала за мной из одной воинской части в другую на протяжении почти двадцати лет и наконец оказалась в Москве. Там ей нравится. – Он повернулся, взглянул за ограждение и улыбнулся. Разве может такое зрелище когда-нибудь надоест человеку? Но что скажет жена, когда я расскажу ей об этом? Однако он знал, что советскому офицеру редко представляется такой выбор, и она поймет это, верно?

– Может быть, генеральские звезды на ваших погонах изменят ее точку зрения. Кроме того, мы стараемся сделать жизнь здесь более комфортной. Вы даже не можете представить себе, как мне пришлось бороться за это! Наконец я сказал им, что мои ученые вроде балетных танцоров и, чтобы требовать от них хорошей работы, нужно сделать их счастливыми. Мне показалось, что член ЦК, занимавшийся этим вопросом, – большой любитель Большого театра, и тут он, наконец, согласился со мной. Именно тогда было получено разрешение на строительство театра и мы начали получать свежие продукты. К следующему лету будет завершено строительство школы, и сюда приедут дети работающих здесь. Разумеется, – он рассмеялся, – нам придется выстроить еще одно многоквартирное здание, и тому, кто сменит меня на посту начальника «Яркой звезды», придется исполнять обязанности и директора школы.

– Через пять лет у нас может не оказаться места для лазеров. Впрочем, я заметил, что вы оставили для них пространство на вершине холма.

– Да, споры об этом продолжались девять месяцев. Удалось убелить их. что когда-нибудь нам может понадобиться построить более мощную усановку, чем та, которой мы располагаем сейчас.

– Настоящую «Яркую звезду», – заметил Бондаренко.

– И строить ее придется вам, Геннадий Иосифович.

– Да, товарищ генерал. Я построю ее. Я принимаю ваше предложение, если вы еще не изменили свою точку зрения. – Бондаренко повернулся и осмотрел местность. Наступит время, и все это будет моим...

– Такова воля Аллаха, – пожал плечами майор.

Лучник устал выслушивать это. Его терпение и даже его вера подвергались испытанию, вызванному вынужденным изменением планов. В течение последних тридцати шести часов Советы то и дело перемещали свои войска по долине. Лучнику удалось перебросить на ту сторону половину своих людей, перед тем как это началось, и он переживал за то, что его люди разделены. Каждая половина следила за проносящимися грузовиками и бронетранспортерами. Их не оставляла мысль, что вдруг русские захотят остановиться, вылезут из машин, поднимутся на холм и обнаружат непрошенных гостей. Если они сделают это, начнется кровопролитная схватка. в которой погибнет много русских, – но Лучник находился здесь не просто для того, чтобы их убивать. Он прибыл сюда, чтобы нанести такой удар, от которого они не оправятся, и простая потеря солдат – ничто по сравнению со штурмом объекта.

Но прежде им предстояло подняться на гору, и Лучник знал, что он сильно отстает от графика, а единственное утешение, которое он слышал от своих людей, состояло в том, что это воля Аллаха. Где был Аллах, когда на мою жену и дочь падали бомбы? Где был Аллах, когда неверные забирали моего сына? Где был Аллах, когда русские бомбили лагерь беженцев? Почему жизнь так жестока?

– Трудно ждать, правда? – заметил майор. – Это самое трудное – ждать. Уму нечем заняться, и тогда приходят сомнения, приходят вопросы.

– А какие у вас вопросы?

– Когда закончится война? Ходят слухи... но они ходят уже не первый год. Я устал от этой войны.

– Вы провели почти всю войну на стороне врагов...

Голова майора резко повернулась.

– Не смейте говорить этого! Я передавал сведения вашему отряду несколько лет! Разве ваш бывший командир не рассказал об этом?

– Нет. Мы знали, что он получал какую-то информацию, но...

– Он был хорошим человеком и старался защитить меня. Знаете ли вы, сколько раз я посылал своих солдат в бесполезные патрули для того, чтобы они не столкнулись с вами, сколько раз в меня стреляли мои же солдаты? Вы знаете, что такое, когда тебя хотят убить, когда проклинают твое имя?! – Внезапная эмоциональная вспышка потрясла обоих. – Наконец, моим силам пришел конец. Тех солдат, которые хотели сотрудничать с русскими, мне удавалось посылать в ваши засады, но это было так трудно, так мучило меня. Знаете ли вы, мой друг, сколько моих солдат – хороших солдат – я посылал на смерть от ваших рук? Те, что остались со мной, были преданы мне и преданы Аллаху, и вот пришло время присоединиться к борцам за свободу раз и навсегда. Да простит меня Аллах за всех тех, кто не дожил до этого момента.

Да, каждый человек может рассказать свою историю, историю своей жизни, но через все эти рассказы красной нитью проходит одна мысль: жизнь так тяжела, подумал Лучник.

– Положение тех, кто находится на вершине горы, станет еще труднее. – Майор оглянулся по сторонам. – Погода меняется. Ветер повернул на юг. Облака принесут с собой влагу. Может быть, Аллах все-таки не покинул нас, позволит нам продолжить операцию. Наверно, мы являемся орудием Его воли и Он покажет им через нас, что они должны-покинуть нашу страну, иначе мы придем к ним.

Лучник что-то проворчал и посмотрел на горную вершину. Он больше не видел цели операции, но это не имело значения, потому что в отличие от майора не видел он и конца войне.

– Сегодня ночью мы переправим на другую сторону остальных.

– Да. Они хорошо отдохнут, мой друг.

– Мистер Кларк? – Он тренировался на бегущей дорожке в течение почти часа. Манкузо видел это по поту, который Кларк смахнул, выключая дорожку.

– Да, капитан? – Кларк снял наушники.

– Какую музыку вы слушаете?

– Парень из гидролокационного поста – Джоунс – дал мне свой аппарат. У него только записи Баха, но и это дает пищу мозгу.

– Вам шифровка. – Манкузо передал ему лист бумаги, на котором было всего шесть слов. Это были кодированные слова, не иначе, потому что они ничего не значили.

– Сигнал к началу операции.

– Когда?

– Здесь этого не говорится. О времени сообщат в следующей шифровке.

– Думаю, пора вам сообщить мне, как все будет проходить, – заметил капитан,

– Только не здесь, – тихо произнес Кларк.

– Вон там моя каюта, – показал Манкузо. Они направились вперед, прошли через турбинный отсек, затем миновали реакторный с его раздражающе тяжелой дверью и наконец через боевую рубку попали в каюту Манкузо. Это была самая продолжительная прогулка по субмарине. Капитан бросил Кларку полотенце, чтобы тот мог вытереть пот с лица.

– Надеюсь, вы не измучаете себя преждевременно, – заметил он.

– Это из-за скуки. У всех ваших людей есть чем заниматься. А вот мне приходится только сидеть и ждать. Ожидание утомляет человека больше всего. А где капитан Рамиус?

– Спит. Ведь ему не нужно принимать участие в операции с самого ее начала?

– Не нужно, – согласился Кларк.

– Итак, в чем конкретно заключается операция? Вы можете теперь рассказать мне об этом?

– Я должен вывезти с берега двух человек, – просто ответил Кларк.

– Двух русских? Не какой-нибудь предмет? Двух человек?

– Совершенно верно.

– И вы хотите сказать, что все время занимаетесь этим? – спросил Манкузо.

– Вообще-то не все время, – признался Кларк. – Я участвовал в такой операции три года назад, и еще раз – в прошлом году. Еще две

операции не состоялись, и я так и не узнал причины. Мы работаем по принципу «знать лишь то, что требуется для работы», понимаете?

– Я слышал эту фразу и раньше.

– Забавно, – произнес Кларк, словно размышляя вслух. – Готов поспорить, что те, кто принимает подобные решения, никогда не оказывались в трудном положении, когда все зависело от одного приказа...

– А те люди, которых вы забираете, – они знают?

– Нет. Им известно, что они должны быть в определенное время в определенном месте. Меня беспокоит лишь то, что их может окружать охрана КГБ, ничем не уступающая нашему спецназу. – Кларк поднял радио. – Ваша задача проста. Если я не сообщу вам соответствующую фразу соответствующим образом в соответствующее время, вам со своей подлодкой надлежит немедленно убратъся отсюда.

– И бросить вас. – Это не было вопросом.

– Если только вам не захочется присоединиться ко мне в Лефортовской тюрьме. Вместе с остальным экипажем, разумеется. В прессе это раздут в сенсацию, капитан.

– Вы тоже показались мне здравомыслящим человеком.

– Об этом слишком долго рассказывать, – рассмеялся Кларк.

– Полковник Эйк?

– Фон Эйк, – поправил Джека пилот. – Мои предки – выходцы из Пруссии. Вы доктор Райан? Чем могу быть полезен? – Джек опустил на стул. Они сидели в кабинете военно-воздушного атташе. Сам атташе, генерал ВВС, предоставил свой кабинет в их распоряжение.

– Вы знаете, на кого я работаю?

– Вроде припоминаю, что вы один из сотрудников разведки, но ко мне все это не имеет отношения. Я всего лишь шофер, верно? Важными вещами занимаются люди в гражданской одежде, – закончил полковник.

– Это в прошлом. У меня есть для вас работа,

– Что вы хотите сказать этим – работа?

– Вам она понравится, – улыбнулся Джек. Он ошибся. Работа не понравилась фон Эйку.

Ему было трудно сосредоточиться на выполнении своих официальных обязанностей. Отчасти это объяснялось невыразимой скукой самого процесса переговоров, однако главной причиной было пьянящее вино его неофициального поручения, и ум Райана сосредоточивался на нем, пока он тербил наушник, чтобы лучше услышать синхронный перевод второго выступления советского делегата, повторяющего свое предложение. Проскочивший вчера намек на то, что инспекции на местах могут быть проведены в более ограниченном объеме, чем гласила предыдущая договоренность, теперь исчез. Теперь русские просили о предоставлении более широких возможностей по инспектированию американских объектов. Военные в Пентагоне будут счастливы, подумал Райан с

затаенной улыбкой. Он представил себе картину: русские офицеры-разведчики обшаривают военные заводы и спускаются в подземные пусковые шахты, чтобы взглянуть на американские ракеты, – и все это под бдительным взглядом американских контрразведчиков и службы охраны Стратегических военно-воздушных сил, нервно держащих пальцы на спусковых крючках своих новых пистолетов «беретта». А парни из подводного флота, нередко относящиеся к остальной части собственного военно-морского флота как к потенциальному противнику, что подумают они, когда к ним на борт станут подниматься русские офицеры? Похоже, их не пустят дальше палубы, тогда как техники, находящиеся внутри, будут открывать крышки торпедных аппаратов под бдительными взглядами экипажа подлодок и морских пехотинцев, охраняющих базы подводных ракетносцев. То же самое произойдет на советской стороне. Каждый офицер, включенный в состав инспекционных групп, будет сотрудником разведки, за редким исключением кадровых военных, наблюдающих за тем, что может заметить лишь специалист. Поистине поразительно! После тридцати лет непрерывных требований со стороны американцев Советы наконец согласились с предложением,

что обе стороны начнут официально шпионить друг за другом. Когда это произошло во время переговоров по ограничению оружия средней дальности, американцы отреагировали на соглашение с нескрываемым недоверием: почему это русские принимают наши условия, в чем истинная причина этого?

Однако когда привыкаешь к такой мысли, понимаешь, что это прогресс. Обе стороны получают возможность узнать, чем занимается противоположная сторона и чем располагает. Ни одна из сторон не будет доверять другой. Об этом позаботятся разведывательные институты обеих сторон. Шпионы будут по-прежнему вести свою работу, разыскивая указания на то, что другая сторона старается обмануть их, собирает ракеты на секретном заводе, скрывает собранные ракеты в тайных местах для нанесения неожиданного удара. Они обнаружат такие указания, составят предварительные тревожные отчеты и попытаются уточнить полученные сведения. Профессиональная паранойя продлится дольше, чем существование самого оружия. Заключенные договоры не изменят этого, несмотря на эйфорию в прессе. Джек перевел взгляд на советского дипломата, продолжавшего говорить.

Почему? Почему вы передумали? Вы знаете, что я написал в своем обзоре национальной позиции, основанной на разведывательных данных? Пока эти сведения еще не попали в газеты, но вы могли познакомиться с ними. Там я писал, что вы поняли наконец: 1) как дорого обходятся эти проклятые железки, 2) что десяти тысяч боеголовок хватит, чтобы сжечь всю Америку восемь раз, тогда как трех или четырех раз вполне достаточно, и 3) что вы сэкономите массу денег, пустив на металлолом все свои старые ракеты, те, что вы все равно не можете поддерживать в боевой готовности. Это всего лишь деловые соображения, сказал я им, а не перемена в вашей позиции. Ах да, и еще: 4) это производит отличное впечатление на общественное мнение, а вы так любите заниматься пропагандой, хотя и всякий раз терпите неудачу.

Впрочем, против этого мы не возражаем.

Как только будет заключено соглашение – а Джек считал, что так и случится, – обе стороны сэкономят примерно три процента средств, выделяемых на оборону, а для русских даже пять процентов – из-за их более разнообразных ракетных систем, но проверить это трудно.

Крошечная часть всех расходов на оборону, но русским этого будет достаточно, чтобы финансировать строительство нескольких новых заводов или, может быть, проложить хорошие дороги – именно в этом они больше всего нуждаются. Как распорядятся они сбереженными деньгами? И, между прочим, для чего использует их Америка? Предполагалось, что и по этому вопросу Джек должен составить обзор национальной позиции. Несколько высокопарно звучащее название, которое, в конце концов, представляет собой всего лишь официальный прогноз, а в настоящий момент Райан даже не знал, с чего начать.

Выступление русского дипломата завершилось, и был объявлен перерыв на кофе. Райан закрыл свою папку, обтянутую кожей, и вышел из зала вместе с остальными участниками заседания. Он взял стакан чая – чтобы не походить на остальных – и положил на блюде кое-какие сладости.

– Итак, Райан, каково ваше мнение? – послышался голос Головки.

– Вопрос касается деловой стороны переговоров или это просто для соблюдения приличий? – спросил Джек.

– Если хотите, просто для соблюдения приличий.

Джек подошел к ближайшему окну и посмотрел на улицу. Придет день, пообещал он себе, и я осматрю Москву как следует. Наверняка здесь есть что-то, заслуживающее того, чтобы это запечатлеть на пленку. Может быть, когда-нибудь разразится мир, и я смогу приехать сюда с семьей... Он повернулся. Но не сегодня, не в этом году и не на следующий. Очень жаль.

– Сергей Николаевич, если бы в мире господствовал здравый смысл, мы с вами сели бы за стол и уладили бы все разногласия за два или три дня. Черт побери, да ведь мы оба знаем, что СССР и США хотят уменьшить свой ракетно-ядерный арсенал вдвое. На протяжении всей недели мы спорили о том, за сколько часов будет предупреждена принимающая сторона о прибытии группы для проведения неплановой инспекции, но потому, что ни одна сторона" не готова принять решение по этому вопросу, мы обсуждаем проблемы, по которым уже давно достигнуто согласие, вместо того чтобы двигаться вперед. Если бы переговоры велись между мной и вами, я бы сказал – один час, вы ответили бы – восемь, и в конце концов мы согласились бы на трех или четырех...

– Четырех или пяти, – засмеялся Головка.

– Ну хорошо, четырех, – засмеялся и Джек. – Вот видите? Мы способны решить такой сложный вопрос, не так ли?

– Но ведь мы не дипломаты, – напомнил Головко. – Мы знаем, как заключать соглашения, однако не общепринятым дипломатическим способом. Мы просто решаем проблемы – вы и я – на практическом уровне. А, Иван Эмметович, мы еще сделаем из вас русского. – Он только что русифицировал имя Джека. Иван Эмметович. Джон, сын Эммета.

Снова деловой разговор, подумал Райан. Он сменил тему и решил дернуть своего собеседника за узду.

– Нет, не думаю. Здесь бывает слишком холодно. Давайте поступим следующим образом – вы идите к своему главному дипломату, ведущему переговоры, а я отправлюсь к дяде Эрни, и мы скажем им, что сумели договориться о том, что принимающая сторона получает предупреждение о неплановой инспекции за четыре часа. Прямо сейчас. Ну?

Джек увидел, что сумел потрясти Головко. На мгновение ему показалось, что Райан сделал серьезное предложение. Тут же полковник ГРУ/КГБ взял себя в руки, и даже Джек едва успел заметить, как изменилось выражение его лица. Улыбка оставалась, словно приклеенная, и, хотя губы продолжали улыбаться, веселье исчезло из его глаз и тут же вернулось. Джек не знал, насколько серьезную ошибку он только что совершил.

Почему вы не нервничаете, Иван Эмметович? – подумал Головко. Почему? Раньше вы не были таким спокойным. На приеме вы были настолько напряжены, что, казалось, вот-вот не выдержите. А вчера, когда вы передавали записку, я почувствовал пот на вашей ладони. Но сегодня вы спокойны, улыбаетесь и шутите, пытаетесь подтрунивать надо мной. Почему вы так изменились, Райан? Вы не оперативник. Ваше нервное поведение на приеме продемонстрировало это, однако сейчас вы хладнокровны, как настоящий оперативник. Почему? – спрашивал себя Головко, глядя, как участники переговоров возвращаются в зал. Все расселись вокруг длинного стола, готовые выслушивать новую серию монологов. Головко не сводил взгляда с американца.

Да, Райан совсем не нервничал, хотя в понедельник и вторник едва владел собой. Теперь он просто выглядел усталым, словно ему,

как и всем, это надоело. А ведь вам, Райан, надо бы проявить неуверенность в себе, подумал Головка.

Зачем понадобилась Райану встреча с Герасимовым? И не одна – две! Почему он так нервничал перед первой встречей и после нее... а также перед второй встречей, но после второй к нему вернулось спокойствие...

Совершенно непонятно. Головка слушал жужжащие слова в своем наушнике – теперь наступила очередь американца говорить о вещах, которые уже давно согласованы, – однако думал он о другом. Перед мысленным взором Головка открылось досье Райана, хранящееся в КГБ. Райан, Джон Патрик. Сын Эммета Уилльяма Райана и Кэтрин Берк Райан, родители умерли. Женат, двое детей. Научные степени в области экономики и истории. Имеет крупное состояние. Недолго служил в корпусе морской пехоты США. Бывший биржевой брокер и преподаватель истории. Четыре года назад стал работать в ЦРУ, сначала нештатным сотрудником, после того как за год до этого был консультантом. Вскоре стал штатным сотрудником ЦРУ. Никогда не проходил обучения в оперативной школе ЦРУ в Кэмп-Пири, штат Виргиния. Райан оказывался вовлеченным в два столкновения, связанные с применением оружия, и оба раза проявил себя с лучшей стороны – это следствие подготовки в морской пехоте, решил Головка, плюс врожденные способности Райана как мужчины, что вызывало уважение у русского. Умный, храбрый, когда в этом возникает необходимость, – опасный противник. Райан служил непосредственно под руководством заместителя директора ЦРУ по разведке; известно, что он готовил немало исследовательских обзоров и оценок, основанных на разведданных... Но проведение самостоятельной разведывательной операции? У него нет для этого необходимой подготовки. К тому же его психологический профиль не соответствует такой операции. Слишком прямой, подумал Головка, не любит обманывать и хитрить. Если он пытается скрыть что-то, вы не сумеете узнать, что он скрывает, но у вас не будет сомнения, что он скрывает что-то...

Вы что-то скрывали раньше, но не теперь, верно? Так что все это значит, Иван Эмметович? И, черт побери, что это за имя Эм-мет, подумал Головка без всякой связи с происходящим.

Джек заметил, что Головки смотрит на него, и увидел вопрос в его взгляде. Этот человек далеко не глуп, подумал Джек, слушая, как Эрнест Аллен говорит о каком-то техническом аспекте проблемы. Мы думали, что он и) ГРУ, а он оказался сотрудником КГБ – или, поправился Джек, у нас создалось такое впечатление. А вдруг в нем есть что-то еще, о чем нам неизвестно?

На стоянке в аэропорту Шереметьево – место номер девять – полковник фон Эйк переминался у задней двери самолета. Перед ним работал сержант, он занимался герметической изоляцией; рядом было разложено большое количество инструментов. Эта дверь, как обычно на авиалайнерах, открывалась наружу только после того, как чуть смещалась внутрь, позволяя герметической изоляции сдвинуться в сторону. Неисправные двери приводили к гибели самолетов, причем наиболее впечатляющей катастрофой была гибель авиалайнера DC-10 под Парижем десять лет назад. Под ними, внизу, стоял охранник КГБ с автоматом. Экипаж самолета, которым командовал полковник, был вынужден проходить через контрольно-пропускные пункты. Все русские крайне серьезно относятся к проблеме безопасности, а уж сотрудники КГБ тут являются просто фанатиками.

– Не могу понять, полковник, почему вспыхивает аварийная лампочка, – заметил сержант после двадцати минут работы. – Герметизация идеальная, переключатель у лампочки в хорошем, по-видимому, состоянии – короче говоря, с дверью все в порядке. Сейчас я проверю контрольную панель в кокпите.

Тебе понятно? – хотел спросить Пауль фон Эйк у охранника КГБ, стоящего в пятнадцати футах внизу, но не мог.

Экипаж уже готовил самолет к перелету домой. Им дали пару дней, чтобы погулять по Москве. На этот раз их повезли в старинный монастырь, расположенный в сорока милях от города, причем последние десять миль проходили по тому, что в летнее время называется здесь грунтовой дорогой, но сейчас превратилось в смесь глины и снега. Для них уже была организована прогулка по Москве с гидом и охраной, и теперь члены экипажа были готовы лететь обратно.

Он еще не сообщил своим людям о том, что сказал ему Райан. Время для этого наступит завтра вечером. Интересно, подумал фон Эйк, какой будет их реакция.

Заседание закончилось по графику, и советская сторона намекнула, что завтра будет в состоянии обсудить время подготовки к инспекционным поездкам. Им придется обсуждать эту проблему очень поспешно, подумал Райан, потому что американская делегация улетала завтра вечером и ей нужно вернуться домой с чем-то ощутимым после этого этапа переговоров. В конце концов, уже была достигнута неофициальная договоренность о времени проведения встречи на высшем уровне. Она состоится в Москве, весной. Какая она, Москва, будет этой весной? – подумал Райан. Интересно, возьмут ли меня в Москву для участия в церемонии подписания договора? А будет ли вообще готов договор для подписания? Нужно приложить все усилия к этому, решил Райан.

Головко наблюдал за тем, как американцы покидали здание Министерства иностранных дел, затем подождал свой автомобиль, который доставил его в штаб-квартиру КГБ. Там он прошел прямо в кабинет председателя.

– Ну и что уступили сегодня наши дипломаты американцам? – спросил Герасимов, не тратя времени попусту.

– Думаю, завтра мы положим на стол переговоров наше предложение о сроках оповещения при неплановых инспекционных поездках. – Полковник сделал паузу, прежде чем продолжил:

– Сегодня я говорил с Райаном. Его поведение заметно изменилось, и я решил, что должен сообщить об этом.

– Слушаю вас, – сказал председатель КГБ.

– Товарищ председатель, я не знаю, о чем вы говорили с ним, но он изменился настолько разительно, что вам следует знать это. –

Головко рассказал о том, что увидел.

– Да, конечно. Я не могу посвятить вас в тему нашего разговора – у вас нет допуска к этой проблеме, но на вашем месте я бы не стал беспокоиться, полковник. Этим вопросом занимаюсь я лично. Спасибо, что сочли нужным поделиться со мной своими наблюдениями. Райану придется многому научиться, в частности как лучше контролировать свои эмоции. Может быть, для этого у них нет русского самообладания. – Герасимов редко шутил, но это было исключением. – Еще что-нибудь о переговорах?

– Я составлю письменный отчет и положу его вам на стол завтра утром.

– Хорошо. Можете идти. – Герасимов следил за Головко, пока тот не исчез за дверью. Проигрывать всегда неприятно, но проиграть непрофессионалу – неприятно вдвойне. Однако он проиграл, и, напомнил Герасимов себе, он ведь тоже не профессионал, а всего лишь партийный деятель, отдающий распоряжения. Принятое тогда решение уже в прошлом. Конечно, жаль, что его офицеры, принимавшие участие в операции, проводившейся в... – как там называется этот штат? – потерпели неудачу и потому получили по заслугам. Он поднял телефонную трубку и распорядился, чтобы личный секретарь организовал отправку самолетом его жены и дочери в Таллинн, столицу Эстонской Советской Социалистической Республики, следующим утром. Да, им понадобится машина с водителем. Нет, водитель будет одновременно исполнять обязанности охранника. Мало кто знает в Таллинне, какой пост занимает ее муж, да и поездка в Эстонию не была запланирована заранее, просто навестить старых друзей. Очень хорошо. Герасимов положил трубку и огляделся по сторонам. Ему будет не хватать этого – нет, не самого кабинета, а власти. Но он знал, что в случае неудачи ему будет не хватать в жизни еще большего.

– А этот полковник Бондаренко? – спросил Ватутин.
– Способный молодой офицер. Очень умный. Когда придет время, из него получится отличный генерал.

Ватутин не был уверен, как следует коснуться этой проблемы в своем окончательном докладе. Против полковника Бондаренко не было никаких подозрений, за исключением совместной работы с Филитовым. Но ведь и против Филитова в свое время не было ни малейших подозрений, несмотря на его связь с Олегом Пеньковским. Полковник Ватутин изумленно покачал головой. Об этом деле будут говорить в Академии госбезопасности на протяжении жизни целого поколения. Почему никто не заметил этого? – будут спрашивать молодые офицеры, проходящие обучение. Как можно было оказаться настолько глупым и близоруким? Ответ прост; лишь самые надежные, многократно проверенные люди становятся шпионами – секретная информация не доверяется людям, которым не доверяют. Урок из этого происшествия прежний; не доверять никому. Если Бондаренко является преданным и исключительно способным офицером, как это кажется, следствие по делу Филитова не затронет его. Но – всегда возникает это «но», правда? – нужно задать кое-какие дополнительные вопросы, и Ватутин взглянул в нижнюю часть страницы. Первоначальный доклад о результатах допроса должен оказаться на столе Герасимова уже на другой день.

Они поднимались на гору всю ночь в полной темноте. Облака, принесенные ветром с юга, закрыли луну и звезды, и единственным, что позволяло что-то различать, являлся свет прожекторов наружного ограждения, окружающего объект по периметру, отражающийся от облаков. Теперь они находились в пределах видимости объекта. Перед штурмом им все еще придется пройти немалое расстояние, но сейчас они могли разглядеть отдельные здания и принять решение о задачах, предстоящих каждому. Лучник выбрал для себя возвышенность, положил бинокль на выступающую скалу и осмотрел объект. Только две группы строений были окружены ограждениями, хотя у третьей виднелись сложенные столбы и свернутые бухты колючей проволоки, видные в оранжево-белом свете прожектора, установленного на пилоне, – такое освещение применялось на улицах города. Его изумил размах строительства. Построить все это – на горной вершине!

Насколько важным должен быть такой объект, чтобы на него потратили столько сил, столько средств? Нечто посылающее луч лазера в небо – для чего? Американцы спрашивали его, не видел ли он, в какую цель попал световой луч. Выходит, они знали, что луч попал во что-то? Что-то в небе. Что бы это ни было, оно испугало американцев, испугало тех самых людей, которые изготовили ракеты, убившие так много русских летчиков... Что же может напугать таких умных людей? Лучник видел объект, но в нем не было ничего пугающего, за исключением сторожевых вышек с расположенными там пулеметами. В одном из зданий размещались вооруженные солдаты, и в их распоряжении находилось, по-видимому, тяжелое оружие. Этого следовало опасаться. Но в каком? Ему нужно было выяснить это, потому что первый улар будет нанесен по этому зданию. Минометы сконцентрируют на нем свой оуень. Но как его обнаружить?

Что потом? Он разделит своих людей на две группы по сотне боевиков в каждой. Майор возглавит одну и пойдет с ней налево. Сам Лучник отправится направо со второй. Он выбрал цель атаки, еще когда осматривал вершину горы. Да, он нанесет удар вон по тому зданию, где живут русские. Не солдаты, а те, кого они охраняют. В доме светилось несколько окон. Жилой дом с множеством квартир, построенный на вершине горы, подумал он. Что это за люди, ради которых русские выстроили дом, какие обычно возводят лишь в городах? Это люди, привыкшие жить в комфорте, которых нужно оберегать. Люди, работающие над чем-то, чего боятся американцы. Вот их-то и нужно безжалостно уничтожить, подумал Лучник.

Майор лег рядом с ним.

– Наши люди в укрытии, – сказал он и направил на объект собственный бинокль. Было так темно, что Лучник едва видел очертания его фигуры, только светлое пятно лица и торчащие усы. – Когда мы рассматривали объект с дальней горы, то ошибочно оценили расстояние на местности. Для подхода к наружному заграждению потребуется три часа.

– Скорее четыре, на мой взгляд.

– И мне не нравятся эти караульные вышки, – заметил майор Оба дрожали от холода. Ветер усилился, и массив горы больше не защищал их. – В каждой по одному или по два пулемета. Нас могут просто смести со склона горы в самом начале штурма.

– Проекторов нет, – напомнил Лучник.

– Значит, у часовых есть приборы ночного видения. Мне самому доводилось пользоваться ими.

– И что же, они эффективны?

– Дальность видимости у них ограниченная. На большом расстоянии можно различать крупные предметы – к примеру, грузовик. Человека на резко пересеченной местности, такой, как эта... можно увидеть километра за три. Для часовых этого достаточно, мой друг. Мы должны прежде всего уничтожить вышки. Может быть, минометным огнем?

– Нет, – покачал головой Лучник. – У нас меньше сотни мин. Минометы мы нацелим на казармы. Если нам удастся уничтожить всех спящих солдат, будет намного легче вести бой внутри объекта.

– А если часовые на караульных вышках заметят нас, половина наших людей погибнет еще до того, как проснутся солдаты, – заметил майор.

Лучник мрачно кивнул. Его соратник прав. Две вышки были расположены таким образом, что позволяли вести по горному склону, где собирались подниматься моджахеды, перекрестный огонь. Он мог противопоставить пулеметному огню с вышек огонь своих пулеметов, однако дуэли такого рода обычно заканчиваются победой тех, кто обороняется. Дунул особенно сильный порыв ледящего ветра, и Лучник понял, что им нужно искать укрытие, чтобы не обморозиться.

– Черт бы побрал этот холод! – выругался майор.

– Как ты считаешь, часовым на башнях тоже холодно? – спросил Лучник после недолгого раздумья.

– Еще холоднее, чем нам. Там уж ветер гуляет вовсю.

– Как одеты русские солдаты?

– Так же, как и мы, – усмехнулся майор, – в конце концов, разве все мы не носим их обмундирование?

Лучник кивнул, стараясь не упустить все время ускользающую мысль. Наконец ему удалось удержать ее в своем онемевшем от холода мозгу, и он спустился с вершины гребня, попросив майора оставаться на месте. Через пару минут он вернулся, держа в руках пусковую установку ракеты «Стингер». Пальцы прилипали к металлу, когда Лучник собирал ее. Приборы поиска и наведения его люди хранили под одеждой, чтобы защитить чувствительные батареи от холода.

Несмотря на темноту, Лучник быстро собрал установку, включил систему поиска и, приложив щеку к холодной металлической трубе, нацелил ракету на ближайшую вышку...

– Послушай, – сказал он и передал пусковую установку майору. Тот взял пусковую трубу и тоже направил на вышку.

– Понятно! – Его белые зубы сверкнули в темноте ночи.

Кларк тоже был занят. Манкузо, сам человек осторожный, следил за тем, как он раскладывал и проверял все свое снаряжение. Его одежда выглядела самым обычным образом, хотя была поношенной и плохо сшитой.

– Куплена в Киеве, – объяснил Кларк. – Вряд ли можно приехать в Россию в наряде от лучших портных и походить на местного жителя. – Кроме того, у Кларка был камуфляжный комбинезон, который он намерен был надеть сверху. В его распоряжении имелись все необходимые документы – на русском языке, которого Манкузо не знал, – и небольшой пистолет, едва ли не меньше глушителя, лежащего рядом.

– Никогда не видел такого. – Капитан указал на глушитель.

– Это глушитель с шайбами системы «Куал-А-Тех», снабженный внутренними гасителями звука и боковым замком, вделанным в трубку, – объяснил Кларк.

– Что...

Мистер Кларк усмехнулся.

– Вы, подводники, с того самого момента, как я ступил на борт вашей подлодки, говорили со мной на новоязе. Теперь моя очередь, шкипер.

Манкузо взял пистолет.

– Но ведь это только двадцать второй калибр!

– Капитан, полностью заглушить выстрел из пистолета крупного калибра практически невозможно, если только не снарядить его глушителем длиной в руку подобно тем, что насаживают на свое оружие парни из ФБР. А вот мне нужно что-то, уместяющееся в

кармане. Вот Микки и изготовил для меня это, а лучше Микки нет специалиста в этом деле.

– Кто?

– Микки Финн. Между прочим, это его настоящее имя. Он спроектировал глушитель системы «Куал-А-Тех», и я никогда не воспользуюсь глушителем другой системы. Видите ли, капитан, наша работа не имеет ничего общего со шпионскими сериалами на телевидении. Чтобы глушитель выполнил поставленную перед ним задачу, необходимо использовать пистолет малого калибра со скоростью полета пули ниже звуковой и закрытым затвором. И конечно, лучше, если выстрел произведен на открытом воздухе. Внутри помещения – как здесь у вас – вы услышите выстрел, несмотря на глушитель, потому что звук отразится от стальных переборок. На открытом воздухе вам покажется, что вы слышали какой-то звук, если выстрел произведен на расстоянии тридцати футов, но вы не поймете, что это за звук. Глушитель надевается на конец ствола вот так, поворачивается – Кларк продемонстрировал простую операцию, – и перед вами однозарядный пистолет. При надевании глушителя полуавтоматическое действие пистолета прекращается. Чтобы снова зарядить пистолет, необходимо вручную перевернуть затвор.

– Вы хотите сказать, что отправляетесь на операцию с однозарядным пистолетом двадцать второго калибра?

– Именно так и осуществляется операция, капитан.

– Вам приходилось когда-нибудь...

– Капитан, вы не должны задавать такие вопросы. К тому же я не имею права отвечать на них. – Кларк усмехнулся, – Даже у меня нет допуска такой степени секретности. Если вам так уж хочется, скажу – да, иногда мне бывает страшно, но мне платят за такую работу.

– Но если...

– В этом случае вы немедленно уходите из этого района. Не забудьте, капитан, что мне дано право отдать вам такой приказ. До сих пор подобного еще не происходило. Не стоит беспокоиться об этом – у меня хватит тревог на нас обоих.

25. Сближение

Мария и Катя Герасимовы всегда путешествовали с максимальным комфортом, как и надлежит ближайшим родственникам члена Политбюро. На машине КГБ их отвезли из восьмикомнатной квартиры на Кутузовском проспекте, находящейся под круглосуточной охраной, в аэропорт Внуково, используемый главным образом для внутренних авиалиний, и провели в удобную гостиную, предназначенную для высокопоставленных лиц. Здесь находилось больше персонала, чем требовалось для обслуживания даже многочисленных делегаций, а этим утром остальные избранные, находившиеся здесь, старались держаться в стороне. Один служитель помог им снять пальто и шляпки, другой провел к роскошному дивану, тогда как третий спросил, что им принести. Обе женщины заказали только по чашке кофе. Обслуживающий персонал – особенно женщины – с завистью поглядывали на их одежду. В гардеробной служительница провела рукой по шелковистой глади мехов, и ей неожиданно пришло в голову, что в прошлом ее предки, наверно, с такой же завистью, какую она испытывала по отношению к этим двоим, разглядывали царскую знать.

Мать и дочь сидели отдельно от всех остальных подобно королевам, рядом находились только телохранители. Они пили кофе, глядя через огромные окна на стоящие поблизости авиалайнеры.

Мария Ивановна Герасимова, хотя и родилась в Эстонии пятьдесят лет назад, не была эстонкой. Все ее предки были русскими, поскольку это маленькое балтийское государство составляло часть Российской империи, управляемой царем, и испытало всего лишь кратковременное «освобождение» – так называли этот период смутяны – между двумя мировыми войнами. В течение этого периода эстонские националисты приложили немало усилий, чтобы сделать жизнь для этнических русских, проживавших в Эстонии, не слишком приятной. Ее детские воспоминания о жизни в Таллинне были полны горечи, но она, подобно всем детям, имела там друзей, которые остались друзьями навечно. Эта дружба выдержала даже ее замужество, когда она вышла за молодого партийного чиновника,

ставшего, ко всеобщему изумлению – и больше всех оказалась изумленной именно она, – во главе самой ненавистной организации советского правительства. Но что еще хуже, он сделал карьеру на подавлении диссидентов. То, что детская дружба выдержала такие испытания, явилось наглядным доказательством ее интеллекта. Несколько человек были спасены от трудовых лагерей, а несколько – переведены из тюрем строгого режима в обычные колонии благодаря ее заступничеству. Мария Ивановна помогла детям ее друзей поступить в университеты. Хуже пришлось тем, кто в детстве насмеялся над ее русским именем, хотя и в этом случае она помогла одному из насмешников, проявив тем самым еще и милосердие. В результате она все еще оставалась частицей небольшого пригорода столицы Эстонии, хотя уже давно переехала в Москву. Немалое значение имело и то, что ее муж только один раз сопровождал жену на родину, в дом, где она провела детство – Она не была злопамятной и представляла собой человека, привыкшего к уважению, являющемуся следствием власти, подобно принцессе в былые времена, вела себя деспотично, но не обижая окружающих. На лице ее застыла маска высокомерия, что соответствовало образу. Прелестная девушка двадцать пять лет назад, она и сейчас оставалась красивой, хотя и казалась слишком серьезной. В свете официального положения, которое занимал ее муж, она вынуждена была играть свою роль в этой игре – не в такой степени как жена западного политического деятеля, разумеется, но ее поведение по крайней мере должно было быть выше подозрений. Теперь у нее накопился немалый опыт. Те, кто следил за ней, никогда не смогли бы догадаться, о чем она думает.

Мария Ивановна не могла понять, что происходит. Ей было ясно лишь одно – все это исключительно серьезно. Муж попросил ее быть в определенном месте в определенное время, не задавать ему никаких вопросов и только пообещать, что она поступит в точности, как ей скажут, невзирая на последствия. Эти слова, произнесенные спокойным, бесстрастным тоном на фоне шума воды, текущей из крана на кухне их квартиры, напугали ее не меньше, чем грохот немецких танков на мостовых Таллинна в 1941 году. Но пребывание в немецкой оккупации научило ее одному – она поняла, насколько важно выжить.

Ее дочь не знала, что происходит. На ее поведение нельзя положиться. Катя – их единственный ребенок – никогда не сталкивалась в своей жизни с опасностью, только с редкими неприятностями. Она училась на первом курсе МГУ, на экономическом факультете, а досуг проводила в кругу отпрысков таких же сановных родителей, как и ее. Она уже была членом партии – восемнадцати лет достаточно для приема в ее ряды – и тоже играла уже выделенную ей роль. Прошлой осенью вместе с однокашниками она трудилась на полевых работах по уборке урожая – главным образом ради фотографии на второй странице «Комсомольской правды». Нельзя сказать, что ей это особенно нравилось, но в соответствии с новыми веяниями детям могущественных родителей «советовали» по крайней мере делать вид, что они трудятся наравне с другими. Ну что ж, могло быть и куда хуже. После испытания уборочной страдой она вернулась с новым приятелем, и ее мать не покидало подозрение, что между ними существуют интимные отношения. Или все-таки молодого человека сумели отпугнуть телохранители и то, кем является ее отец? А может быть, он увидел в этом шанс стать сотрудником КГБ и сделать там быструю карьеру? Или он принадлежал к новому поколению, которому просто на все наплевать? Ее дочь являлась одним из его представителей. В партию вступали, чтобы укрепить свое положение в обществе, а высокий пост отца давал ей широкие возможности при выборе интересной и хорошо оплачиваемой работы. Сейчас она сидела рядом с матерью, листая западногерманский журнал мод, который продавали теперь в Советском Союзе, и думала о том, каким туалетом поразить однокурсников по возвращении из Таллинна. Ей придется многому научиться, думала мать, вспоминая, что в восемнадцать лет мир представляет собой место, где горизонт может быть очень близок, а может быть и очень далек – в зависимости от настроения.

Едва они успели выпить кофе, как объявили о начале посадки на самолет. Но мать и дочь не спешили. Без них самолет не взлетит. Наконец, когда было объявлено о том, что посадка закончена, один служитель принес их пальто и шляпки, а другой вместе с телохранителями проводил к ожидающему у входа автомобилю. Остальных пассажиров доставили к самолету на автобусе – у русских еще не всюду установлены пассажирские коридоры, к которым подают самолеты. Когда машина остановилась у трапа, мать и дочь поднялись

прямо в передний салон. Стюардесса проводила их к креслам первого класса. Сам салон не назывался, разумеется, первым классом, но кресла здесь были шире, расстояние между ними больше и места зарезервированы заранее. Авиалайнер взлетел в десять утра по московскому времени, совершил промежуточную посадку в Ленинграде и полетел в Таллинн, где и приземлился чуть позже часа дня.

– Итак, полковник, у вас готово резюме о деятельности вашего подследственного? – небрежно спросил Герасимов. Кажется, он думает о чем-то другом, тут же отметил Ватутин. Можно было предположить, что председатель КГБ проявит больше интереса к этому материалу, особенно если учесть, что до начала заседания Политбюро остается один час.

– Об этом будут писать книги, товарищ председатель. Филитов имел доступ ко всем нашим оборонным тайнам. Более того, он принимал участие в создании нашей оборонной политики. Мне понадобилось тридцать страниц машинописного текста лишь для того, чтобы составить краткое описание его преступной деятельности. Для полного расследования понадобится несколько месяцев.

– Тщательность важнее, чем быстрота, – небрежно заметил Герасимов.

Ватутин даже не моргнул.

– Как вам угодно, товарищ председатель.

– А теперь извините меня, сегодня утром заседание Политбюро.

Полковник Ватутин вытянулся, сделал поворот кругом и вышел из кабинета, в приемной он столкнулся с Головко. Они были знакомы, хотя и недостаточно близко, закончили академию КГБ почти в одно время – с разницей в один год, – и карьеры их продвигались более или менее схоже.

– Полковник Головко, – раздался голос секретаря. – Председатель вынужден ехать и просит вас зайти к нему завтра в десять.

– Но...

– Он уже уезжает, – повторил секретарь,

– Слушаюсь, – ответил Головко и встал. Вместе с Ватутиным они вышли в коридор.

– Председатель занят, – заметил Ватутин.

– А мы не заняты? – бросил Головко, закрывая дверь. – Мне казалось, что он хочет поговорить со мной. Я приехал сюда в четыре часа утра, чтобы подготовить этот проклятый отчет! Ну что ж, пойду позавтракаю. Как дела в «Двойке», Климентий Владимирович?

– Заняты с утра до вечера – мы не расходует народныe деньги на безделье. – Ватутин тоже приехал на Лубянку очень рано, чтобы окончательно оформить отчет, и при воспоминании о завтраке его желудок сжался в болезненном спазме.

– Вы, наверно, тоже проголодались. Пошли вместе?

Ватутин кивнул, и оба полковника направились в столовую. Для старших офицеров – полковников и выше по званию – имелся отдельный зал, где их обслуживали официанты в белом. Зал никогда не пустовал. КГБ работал круглые сутки, а необычные рабочие часы влекут за собой беспорядочное посещение столовой. К тому же здесь хорошо кормили, особенно в зале для старших офицеров. Тут царил тишина. Всякие разговоры – даже о футболе – велись шепотом.

– Разве вы не в составе делегации по переговорам о сокращении вооружений? – спросил Ватутин, отпивая глоток чая.

– В составе – присматриваю за дипломатами. Американцы считают, что я из ГРУ, – ухмыльнулся Головко, изумленно подняв брови – отчасти, чтобы показать, насколько глупы эти американцы, а отчасти – чтобы продемонстрировать своему коллеге, насколько важной является его легенда.

– Вот как? – удивился Ватутин. – Мне казалось, что они лучше информированы – по крайней мере... – Он пожал плечами, показывая, что не имеет права продолжать. И у меня есть секреты, которые я не могу обсуждать с посторонними, Сергей Николаевич, сказал он себе.

– Думаю, председатель занят предстоящим заседанием Политбюро. Ходят слухи...

– Он еще не готов к этому, – перебил его Ватутин со спокойной уверенностью человека, посвященного в дворцовые тайны.

– Вы уверены?

– Совершенно.

– Вы на чьей стороне? – спросил Головко.

– А вы на чьей? – ответил Ватутин. Они обменялись улыбками, и тут же Головкин стал серьезным.

– Нармонову нужно представить возможность проявить себя. Соглашение об ограничении вооружений – если дипломаты когда-нибудь доведут его до конца – благоприятно повлияет на его авторитет,

– Вы действительно так считаете? – Ватутин не думал о результатах переговоров.

– Да, конечно. Мне пришлось стать экспертом по оружию, которым владеют обе стороны. Мне известно, что есть у нас, и я знаю, что есть у них. Достаточно у обеих сторон. После того как человек мертв, нет смысла стрелять в него еще несколько раз. Существуют более оптимальные способы траты денег. Нужно изменить создавшееся положение.

– Говорите об этом поосторожней, – предостерег Ватутин. По его мнению, Головкин слишком часто ездил за границу. Он повидал Запад, а многие офицеры КГБ, возвращаясь оттуда, начинают вести разговоры о том, что, вот если бы Советский Союз сделал то-то, или то-то, или еще что-нибудь... Ватутин инстинктивно чувствовал справедливость этих высказываний, но по своей природе был куда более осторожным. К тому же он являлся сотрудником «Двойки», в задачи которой входило искать нарушения и опасные проступки, тогда как Головкин, относящийся к ПГУ – Первому главному управлению, внешней разведке, искал благоприятные возможности.

– Но разве мы не стражи? Если мы не можем говорить, то кто может? – спросил Головкин и тут же добавил, чтобы создать правильное впечатление:

– Осторожно, разумеется, всегда под руководством партии – но сейчас даже партия стремится к переменам. – В этом у них не было разногласий. Каждая советская газета печатала призывы к новым подходам, и каждый такой призыв должен был предварительно получить чье-то высочайшее одобрение, исходящее от человека безукоризненной партийной чистоты, главным образом идеологической. Оба знали, что партия не может ошибаться, но за последнее время ее коллективное мировоззрение, несомненно, заметно изменилось.

– Жаль, что партия не понимает необходимости предоставления отдыха своим стражам. Усталые люди совершают ошибки, Сергей

Николаевич.

Головко уставился на свою яичницу невидящим взглядом, затем произнес еще более тихим, почти неслышным голосом:

– Климентий, предположим на мгновение, мне известно, что старший офицер КГБ встречается со старшим офицером ЦРУ.

– Что значит – старший офицер КГБ? Насколько старший?

– Занимающий должность выше начальника Главного управления, – ответил Головко, безошибочно давая понять Ватутину, о ком идет речь, причем не называя ни имени, ни должности. – Предположим, что я организовал эти встречи, а затем этот старший офицер говорит мне, что я не должен знать, о чем там идет речь. Наконец, давай предположим, что этот старший офицер ведет себя... как-то странно. Что, по-твоему, я должен предпринять?

– Ты должен написать доклад и отправить его во Второе главное управление, разумеется.

Головко едва не подавился своим завтраком.

– Блестящая мысль. И сразу после этого перерезать себе горло бритвой, чтобы избавить всех от усилий, затраченных на мой допрос, и сберечь время. Некоторые люди выше подозрения – или обладают такой властью, что никто не решается подозревать их.

– Сергей, если я что-то узнал за последние несколько недель, так это то, что такого понятия, как быть «выше подозрений», не существует. Мы занимались делом предателя, занимавшего такой высокий пост в министерстве обороны... ты не поверишь. Я и сам не совсем верю. – Ватутин сделал знак официанту, чтобы тот принес еще один чайник. Образовалась пауза, и Головко получил возможность подумать. Он был детально знаком с этим министерством из-за своей работы на переговорах по ограничению стратегических вооружений. Кто может быть этим человеком? В Министерстве обороны не так уж много людей, кого КГБ не в состоянии подозревать, потому что оно относилось к этому министерству с крайним подозрением. Но...

– Филитов?

Ватутин побледнел и тут же допустил ошибку:

– От кого ты узнал это?

– Господи, в прошлом году он инструктировал меня по ракетному оружию средней дальности. Я слышал, что он заболел. Скажи, Климентий, ты не шутишь?

– В этом деле не до шуток. Я не имею права вдаваться в подробности и прошу тебя, это не должно выйти за пределы этого стола, но... Да, Филитов работал на... другую страну. Он полностью признался, и первая фаза допросов завершена.

– Но ведь ему все известно! Нужно немедленно сообщить об этом делегации, принимающей участие в переговорах! Это меняет всю основу переговоров, – произнес Головко.

Ватутин не задумывался над этим – в его обязанности не входило принятие политических решений. В конце концов, он был всего лишь полицейским с конкретным кругом обязанностей. Головко, возможно, и прав в своей оценке случившегося, но правила есть правила.

– Пока эта информация является совершенно секретной, Сергей Николаевич. Не забывай этого.

– Разграничение сфер, допускающих ознакомление с информацией, может работать как в нашу пользу, так и против нас, Климентий, – предостерег его Головко, думая о том, следует ли ему предупредить участников переговоров.

– Это верно, – согласился Ватутин.

– Когда был произведен арест? – спросил Головко, Ватутин ответил. Расчет времени... Головко вздохнул и выбросил из головы мысли о переговорах. – Председатель встретился со старшим офицером ЦРУ по крайней мере дважды...

– Когда и с кем?

– Вечером в воскресенье и вчера утром. Имя сотрудника ЦРУ – Райан. В американской делегации он занимает такое же положение, как и я – в советской, но он разведчик, а не оперативник, которым я был когда-то. Тебе это что-то говорит?

– Ты уверен, что он не оперативник?

– Абсолютно. Могу даже сообщить тебе, в какой комнате он работает. Здесь не может быть никаких сомнений. Он – аналитик, один из лучших, проводит время за письменным столом. Является специальным помощником заместителя директора ЦРУ по разведке, а до этого был офицером связи, осуществляемой на высоком уровне, в Лондоне. Никогда не действовал в поле.

Ватутин допил чай и налил новую чашку, затем намазал маслом кусок хлеба. У него была отличная возможность отложить ответ на этот вопрос, но...

– Пока все, что мы видим, – необычная активность. Может быть, председатель занят чем-то настолько секретным...

– Да – или пытается создать такое впечатление, – заметил Головко.

– Для сотрудника ПГУ у тебя самостоятельный образ мышления, Сергей. Ну хорошо. При обычных обстоятельствах – такой случай отнюдь не относится к такому разряду, но ты понимаешь, что я хочу сказать: мы собираем сведения и передаем их начальнику Второго главного управления. У председателя есть телохранители. Их опросят по-одному. Но делать это нужно осторожно, крайне осторожно. Моему начальнику придется обратиться – к кому? – задал риторический вопрос Ватутин. – К члену Политбюро, пожалуй, или к секретарю Центрального Комитета, но... дело Филитова расследуется в обстановке крайней секретности. Мне представляется, что председатель намеревается использовать его для политического шантажа против министра обороны и Ванеева...

– Кого?

– Дочь Ванеева действовала как член шпионской организации, работавшей на Запад. Мы сломали ее, и...

– Но почему это не стало известно?

– По приказу председателя она вернулась на прежнее место работы, – ответил Ватутин.

– Климентий, ты имеешь представление о том, что здесь происходит?

– Нет, теперь все смешалось. Я предполагал, что председатель старался укрепить свое политическое положение, но встречи с офицером ЦРУ... скажи, ты уверен в этом?

– Я сам организовывал эти встречи, – повторил Головко. – Первая была обговорена еще до прибытия американцев в Москву, и я занимался лишь деталями. Затем Райан потребовал второй встречи. Он передал мне записку – с искусством новичка, обучающегося в школе КГБ. Они встретились вчера утром в кинотеатре «Баррикады» – я ведь говорил тебе об этом. Климентий, происходит что-то очень странное.

– Да, мне тоже так кажется – Но у нас нет никаких доказательств...

– Что ты хочешь этим сказать?

– Сергей, моя профессия – расследование. В нашем распоряжении всего лишь отрывочные куски информации, которые могут иметь

очень простое объяснение. Ничто не приносит такого вреда следствию, как попытка действовать слишком быстро. Перед тем как приступить к делу, нужно собрать воедино все, что у нас есть, и проанализировать. Затем пойдем к моему начальнику, и он даст разрешение на дальнейшие действия. Неужели ты считаешь, что два полковника могут начать такое расследование, не заручившись поддержкой более высокого начальства? Ты должен написать все, что стало тебе известно, и принести мне. Сколько времени тебе понадобится?

– Мне нужно присутствовать на переговорах в... – он взглянул на часы, – через два часа. Сессия будет длиться до четырех вечера, затем прием. Американцы улетают в десять вечера.

– Ты не мог бы отказаться от приема?

– Будет неловко, но придется.

– Тогда приходи ко мне в кабинет в половине пятого, – сказал Ватутин официально. Головка, который был старше по выслуге на год, впервые улыбнулся.

– Ваше приказание, товарищ полковник, будет исполнено.

– Маршал Язов, какова позиция министерства? – спросил Нармонов.

– Не меньше шести часов, – сказал министр обороны. – За это время мы сумеем скрыть наиболее секретные приборы и снаряжение. Как вам известно, мы предпочли бы, чтобы наши объекты совсем не подвергались инспекции, хотя осмотр американских объектов дает определенное преимущество – с точки зрения получения разведывательных материалов.

Министр иностранных дел кивнул.

– Американцы захотят более короткий срок, но, мне кажется, мы сумеем договориться о шести часах.

– Я не согласен. – Головы членов Политбюро повернулись в сторону кресла, где сидел Александров. Лицо главного идеолога партии покраснело от гнева. – Плохо уже то, что мы согласились на сокращение наших арсеналов, но позволить американцам осматривать военные заводы, вынюхивать наши тайны – это безумие!

– Михаил Петрович, мы уже обсуждали это, – терпеливо заметил генеральный секретарь. – Кто еще хочет выступить? – Нармонов обвел взглядом сидящих за столом. Все кивнули, соглашаясь с ним. Генеральный секретарь вычеркнул пункт из повестки дня и повернулся в сторону министра иностранных дел:

– Шесть часов, и не меньше.

Министр иностранных дел прошептал инструкции на ухо помощнику, который тут же вышел из комнаты, чтобы сообщить о принятом решении главе делегации на переговорах с американцами. Затем он наклонился вперед.

– Теперь у нас остался лишь один вопрос: какие виды вооружений будут уничтожены. Разумеется, это самый сложный вопрос. Для его решения потребуется еще одно совещание, причем продолжительное,

– У нас намечена встреча на высшем уровне через три месяца, – напомнил Нармонов.

– Да. К этому времени вопрос должен быть решен. Предварительное обсуждение не встретило сколько-нибудь серьезных возражений;

– Как с американской системой противоракетной обороны? – спросил Александров. – Как дела с этой проблемой? – Снова головы членов Политбюро повернулись, на этот раз в сторону председателя КГБ.

– Мы продолжаем деятельность, направленную на то, чтобы проникнуть внутрь американской программы «Чайный клипер». Как вам известно, эта программа напоминает наш проект «Яркая звезда», хотя есть сведения, что в наиболее важных аспектах этого проекта мы продвинулись дальше американцев, – ответил Герасимов, не поднимая взгляда от блокнота.

– Мы сокращаем наши ракетные вооружения вдвое, тогда как американцы разрабатывают средства сбивать наши ракеты, – проворчал Александров.

– Они тоже сокращают свои ракетные вооружения вдвое, а мы разрабатываем способы уничтожать их ракеты, – заметил Нармонов. – Михаил Петрович, мы занимались этой проблемой на протяжении более тридцати лет и вкладывали в противоракетную оборону намного больше сил и средств, чем они.

– Не говоря о том, что нам удалось дальше их продвинуться в испытании нашей системы, – напомнил Язов. – И...

– Американцам это известно, – вмешался Герасимов. Он имел в виду испытание, за ходом которого наблюдали американцы со своего самолета «Кобра-Белл», но Язову это не было известно, и даже КГБ не знал, каким образом американцам удалось обнаружить испытание. Известно было одно – американцы знали о нем. – Не забудьте, у них тоже есть разведслужбы.

– Но они никак не упомянули об этом, – произнес Нармонов.

– Иногда американцы предпочитают хранить молчание о том, что им становится известно. Они обращают наше внимание на определенные аспекты нашей деятельности в области стратегической обороны, но не на все, не желая раскрывать свои методы получения такой информации, – небрежно объяснил Герасимов, – Не исключено, что и они провели аналогичные испытания, хотя нам об этом неизвестно. И американцы умеют хранить тайны. – Таус-сиг так и не удалось получить сведения по этому вопросу. Герасимов откинулся на спинку кресла, давая возможность высказаться остальным.

– Иными словами, обе стороны будут продолжать вести работы, как и раньше, – сделал вывод Нармонов; •

– Если нам не удастся добиться от них уступок, – сказал министр иностранных дел – – Впрочем, это маловероятно. Кто-нибудь из сидящих вокруг этого стола хочет, чтобы мы ограничились своими исследовательскими программами, направленными на создание противоракетной обороны? – Присутствующие ответили на этот вопрос молчанием. – Тогда почему мы рассчитываем, что американцы пойдут на это?

– А вдруг им удастся опередить нас? – резко бросил Александров.

– Отличный вопрос, Михаил Петрович, – тут же воспользовался предоставившейся возможностью Нармонов. – Почему американцам все время удается опережать нас? – обратился он к руководителям страны, собравшимся в зале. – Им удастся это не потому, что они кудесники, а всего лишь по той причине, что мы предоставляем им такую возможность, потому что наша экономика не функционирует с достаточной эффективностью. Из-за этого у маршала Язова не хватает вооружений, в которых нуждается его армия, из-за этого нашему народу не хватает хороших товаров, позволяющих им повесить свой

жизненный уровень, и это лишает нас возможности смотреть на западные страны как на равные нам.

– Наше вооружение делает нас равными! – возразил Александров.

– Но в этом у нас нет никакого превосходства, потому что и у Запада есть вооружение, правда? Кто из вас удовлетворен тем, что мы всего лишь равны Западу? Да, наши ракеты делают нас равными, – согласился Нармонов, – но величие нации не ограничивается способностью убивать. Если мы хотим превзойти Запад, не следует полагаться на ядерные боеголовки – если только вы не хотите, чтобы хозяевами на Земле стали китайцы. – Нармонов сделал паузу. – Товарищи, если мы действительно хотим одержать победу, нужно оживить нашу экономику!

– Она и так действует, – заметил Александров.

– Действует? Но как? Может кто-нибудь объяснить мне это? – спросил Ванеев,

В течение нескольких минут дискуссия шла весьма оживленно и затем превратилась в обмен мнениями, как это обычно принято на Политбюро. Нармонов воспользовался этим, чтобы оценить силу оппозиции. По его мнению, фракция, поддерживающая реформы, казалась более сильной, чем оппозиция. Ванеев еще не продемонстрировал, куда он склонится, – Александров рассчитывал, что Ванеев до последнего момента будет делать вид, что поддерживает генерального секретаря. А на стороне Нармонова все еще был Язов. Кроме того, Нармонов воспользовался заседанием для того, чтобы разрядить политические аспекты экономического положения своей страны. Он объяснил нужду в проведении реформ как средство укрепления военной мощи государства, – это было, разумеется, совершенно верно, и к тому же фракция Александра не могла выступить против такой формулировки вопроса о реформах. Захватив в свои руки инициативу, Нармонов считал, что еще раз сумеет оценить силу оппозиции, а открытое обсуждение этой проблемы заставит противника обороняться, хотя бы временно. Пока ему больше не на что было надеяться. Вот, сумел удержаться у власти в течение еще одного дня, сказал себе Нармонов. Как только будет подписан договор об ограничении стратегических вооружений, его власть у этого стола возрастет еще больше. Это пойдет на пользу народу – впервые в истории советского государства мнение народа начало приобретать

решающее значение. Как только будет принято решение о том, какие виды вооружений подлежат уничтожению, и будет согласован график, станет известно, сколько средств можно будет выделить для иных целей. Нармонов будет руководить этой дискуссией, сидя в кресле председателя, и сумеет воспользоваться проблемой дополнительных средств в качестве оружия для укрепления своего влияния в Политбюро, члены которого будут соперничать друг с другом относительно финансирования проектов их интересующих, Александров не сможет вмешаться в эту дискуссию, потому что его сила основывается на идеологии и к экономике не имеет отношения. И тут Нармонову пришло в голову, что он действительно может одержать победу. При поддержке министра обороны и с помощью Ванеева генеральный секретарь сумеет победить конфронтацию, сломит всемогущество КГБ и подчинит его своей воле, а затем вытеснит Александра из Политбюро, отправив на заслуженный отдых. Нужно всего лишь выбрать момент для нанесения решающего удара. В первую очередь необходимо подписать договор о сокращении вооружений, и Нармонов готов на небольшие уступки, лишь бы обеспечить свое надежное положение дома. Это вызовет удивление Запада, но придет время, и Запад удивится еще больше, увидев жизнеспособную экономику, готовую соперничать с основными конкурентами, А сейчас Нармонову необходимо укрепить свою политическую власть. После этого наступит очередь вдохнуть новую жизнь в задыхающуюся экономику. Существовала еще одна цель, оставшаяся неизменной на протяжении жизни трех поколений, хотя Западу всякий раз удавалось не обращать на нее внимания. Сейчас Нармонов не стремился к ее достижению, но она по-прежнему требовала решения.

Последнее заседание, подумал Райан. Слава Богу. Он опять начал нервничать, Джек не видел причин, почему намеченный план мог сорваться – странным было лишь то, что Райан не знал судьбы семьи Герасимова. Принцип «знать лишь то, что требуется для работы», снова поднял свою изрядно надоевшую голову, однако способ

спасения из СССР «Кардинала» и вместе с ним Герасимова оказался настолько захватывающе прост, что сам Джек никогда бы не додумался до этого. Автором этой части плана был Риттер, и он еще раз доказал, что у него – пусть и считают его ворчливым старым сукиным сыном – осталось превосходное воображение-

На этот раз первыми выступали русские, и уже через пять минут после начала выступления было высказано предложение по времени оповещения о предстоящем неплановом приезде инспекционной группы. Джек предпочел бы нулевой срок оповещения, но отстаивать это было неразумно. Необязательно заглядывать внутрь птичек, как бы интересно это ни было, достаточно сосчитать пусковые установки и боеголовки, и любое время оповещения менее десяти часов позволяло решить эту задачу – особенно если неожиданные визиты инспекционных групп будут скоординированы с пролетами разведывательных спутников, объективы которых сумеют запечатлеть попытки обмануть инспекторов, если таковые будут иметь место. Сначала русские предложили десять часов в качестве оптимального срока предварительного оповещения о предстоящем приезде группы. Эрнест Аллен в свою очередь предложил три часа. Два часа спустя позиции сблизилась соответственно до семи и пяти. Еще через два часа после этого американцы, ко всеобщему изумлению, назвали цифру шесть, и глава русской делегации кивнул соглашаясь. Джек был рад, что торговля подошла наконец к концу, но сам бы он отстаивал пять часов. Руководители делегаций встали и через стол пожали руки.

Четыре с половиной часа лишь на то, чтобы договориться об одной цифре, подумал Джек. И это еще рекордно короткий срок. Рукопожатие даже сопровождалось аплодисментами, все поднялись, и Джек встал в очередь, направляющуюся в туалет. Через несколько минут он вернулся в зал. Там его уже ждал Головки.

– На этот раз ваши парни не слишком давили на нас, – заметил полковник КГБ.

– Вам просто повезло, что переговоры по этому вопросу поручили не мне, – согласился Джек. – Мы потратили чертовски много времени для решения таких незначительных вопросов.

– Вы считаете их незначительными?

– В масштабе всей Вселенной... ну, они имеют значение, но не слишком большое. Для меня важно уже то, что теперь мы можем

отправляться домой, – произнес Джек, и в его голосе проскользнула нотка неуверенности. Нет, еще не все позади.

– Вы действительно хотите побыстрее улететь? – спросил Головко.

– Не то чтобы уж очень, но все-таки. – На этот раз не сам перелет заставляет меня нервничать, приятель, подумал он.

Экипаж самолета остановился в гостинице «Украина» на излучине Москва-реки, жили по двое в огромных номерах, делали покупки в валютном магазине «Сувениры» и вообще старались увидеть как можно больше, не забывая о том, чтобы охранять свой «Боинг». И вот теперь они расплатились за гостиницу и туристским автобусом, рассчитанным на пятьдесят пассажиров, поехали в аэропорт – через мост, затем на восток, налево по Садовому кольцу и далее на север – полчаса езды по почти пустынным улицам.

Когда полковник фон Эйк подошел к «Боингу», наземная команда обслуживания из компании «Бритиш Эйруэйз» заканчивала заправку самолета под бдительным взглядом механика – главного мастер-сержанта, которому этот самолет «принадлежал», – и капитана, занимающего место второго пилота в правом кресле VC-137. Члены экипажа прошли через контрольно-пропускной пункт, на котором офицеры КГБ тщательно сверили их лица с фотографиями на документах. После окончания проверки экипаж поднялся внутрь самолета, где каждый уложил свои вещи. Затем они принялись за подготовку модернизированного «Боинга-707» к перелету через океан домой, на базу ВВС Эндрюз. Пилот собрал в кокпите пять членов экипажа и под прикрытием чьего-то грохочущего магнитофона сообщил, что сегодня вечером порядок действий будет несколько иным.

– Господи, сэр, – произнес механик, выслушав объяснения полковника, – вы называете это «несколько иным»?

– Что такое жизнь без приключений? – отозвался фон Эйк. – Всем понятны обязанности? – Он обвел взглядом присутствующих. Все кивнули. – Тогда за дело, парни. – Пилот и второй пилот взяли перечни

операций, проводимых при подготовке к полету, и в сопровождении механика спустились вниз. Хорошо бы поскорее вернуться домой – таким было единодушное мнение, – если только удастся сдвинуть шины шасси, словно приросшие к бетонному покрытию. Холодно, заметил механик, как у ведьмы за пазухой. Одеты теперь в альпаковые костюмы, которыми снабжаются все военные летчики, с теплыми перчатками на руках, они не спеша обошли огромный самолет. 89-е военно-транспортное авиакрыло:ордилось тем, что перебрасывало «видных персон» по всему миру без единой аварии. Им удалось добиться такого завидного постоянства в результате самой тщательной проверки малейших деталей, Медленно обходя самолет, полковник фон Эйк думал о том, что 700 тысяч часов летнего времени без единой аварии могут закончиться сегодня вечером.

Райан уже уложил вещи. В аэропорт они поедут прямо после прощального приема. Он решил еще раз побриться и почистить зубы, прежде чем уложить туалетные принадлежности в один из карманов своего чемодана, рассчитанного на два костюма. На этот раз Джек надел один из английских костюмов, почти теплый для здешнего климата, но пообещал себе, что в свой следующий визит в Москву непременно захватит теплые кальсоны – если визит состоится зимой. Он уже было собрался идти, как в дверь постучали. Это был Тони Кандела.

– Ну что ж, счастливого пути домой, – сказал он.

– Будем надеяться, – ухмыльнулся Райан.

– Вот зашел помочь с вещами. – Кандела подхватил чемодан, и Джеку оставалось только взять потфель. Они направились к лифту, который поднял их с седьмого на девятый этаж, и там стали А', тать другой лифт, чтобы спуститься вниз.

– Вам неизвестно имя человека, проектировавшего это здание?

– У него несомненно было незаурядное чувство юмора, – ответил Кандела. – Потому они поручили этому парню проектные работы по строительству нового здания посольства. – Райан и Кандела рассмеялись. История со строительством нового здания американского

посольства в Москве была достойна голливудского фильма эпических катастроф. В стенах, перекрытиях и потолках этого здания было столько электроники для подслушивания, что хватило бы на несколько универсальных компьютеров. Минуту спустя подошел лифт, и они спустились в вестибюль. Кандела передал Райану его чемодан.

– Ни пуха ни пера, – пожелал он и удалился.

Джек подошел к тому месту, где их ждали автомобили, и положил чемодан в открытый багажник. Вечернее небо было чистым и сияло звездами, а в северной его части виднелось полярное сияние. Джек слышал, что это явление природы иногда наблюдают и в Москве, но впервые видел его.

Через десять минут вереница автомашин тронулась с места и направилась к югу, в сторону Министерства иностранных дел, снопа повторяя маршрут, от которого у Райана едва не кружилась голова и который ничуть не улучшил его удручающего знакомства с городом восьми миллионов душ. Одна за другой машины въезжали на полукруглый пандус перед входом, и выходявших из них гостей провожали внутрь здания. Этот прием был явно менее роскошен, чем предыдущий в Кремле, но и результаты переговоров оказались намного скромнее. Следующий раунд переговоров будет особенно напряженным, потому что приближался срок встречи на высшем уровне, зато проводиться эти переговоры будут в Вашингтоне. В зале их уже ждали репортеры, главным образом газетчики, но виднелось и несколько телевизионных камер. Кто-то подошел к Джеку, едва тот успел снять пальто.

– Доктор Райан?

– Да? – Он повернулся.

– Майк Пэстер, из «Вашингтон пост». В Вашингтоне объявлено, что ваши затруднения с Комиссией по биржевым операциям и ценным бумагам урегулированы.

– Господи, до чего приятно говорить о чем-то, кроме проблемы вооружений! – рассмеялся Джек. – Я ведь говорил и раньше, что не совершил ничего дурного. Думаю, эти болваны – только не цитируйте меня, – эти люди наконец разобрались в сути дела. Отлично. Мне не хотелось нанимать адвоката.

– Ходят слухи, что ЦРУ замешано... – Но Райан тут же прервал репортера.

– Я вот что вам предлагаю, – сказал он. – Сообщите в редакцию газеты, что, если они дадут мне пару дней отойти от всего этого дела, я покажу им все, что может их заинтересовать. Все мои сделки записаны на жесткие диски, потому что я занимался бизнесом с помощью компьютера. Согласны?

– Конечно – но тогда почему...

– Ни имею ни малейшего представления, – ответил Джек, протягивая руку за бокалом белого вина на подносе у проходившего мимо официанта. Ему хотелось выпить, но сегодня этот бокал будет единственным. – Может быть, кто-то в Вашингтоне захотел расквитаться с ЦРУ из-за чего-то. Ради всего святого, не цитируйте меня в своей статье!

– Как прошли переговоры? – спросил далее репортер.

– Подробности вам лучше узнать от Эрни, но если не для печати, то очень хорошо. Не так хорошо, как в прошлый раз, и еще осталось немало нерешенных вопросов, но мы согласовали сложные проблемы, и это больше, чем мы ожидали от этой поездки.

– Будет ли соглашение заключено до начала встречи в верхах? – спросил Пэстер.

– Не для печати, – тут же ответил Джек. Репортер кивнул. – На мой взгляд, шансы даже лучше, чем два из трех.

– Какую позицию занимает ЦРУ?

– Но ведь мы не должны заниматься политическими вопросами, верно? С технической точки зрения сокращение стратегических вооружений на пятьдесят процентов хотя и ничего не изменит, но все-таки как-то успокаивает. В этом я не сомневаюсь.

– Как мне написать, чьи слова я цитирую? – тут же поинтересовался Пэстер.

– Назовите меня самым младшим участником делегации, – улыбнулся Джек. – Согласны? Дядя Эрни может говорить от имени правительства, но мне это не разрешают.

– Какое воздействие окажет заключение этого договора на то, что Нармонов останется у власти?

– Это не моя область деятельности, – убедительно солгал Райан. – Моя точка зрения по этому вопросу личная, а не профессиональная.

– Тогда...

– Тогда спросите кого-нибудь другого об этом, – предложил Джек. – Спрашивайте меня о действительно важных проблемах, например кого должен взять к себе «Редскинс» в первом драфте;

– Олсона, конечно, трехчетвертного из «Бэйлора», – тут же ответил репортер.

– Мне тоже нравится этот крайний защитник из «Пенсильвания стейт», но, по-моему, ему еще рано.

– Счастливого пути, – сказал репортер, закрывая блокнот,

– Спасибо, а вам приятно перезимовать здесь, приятель. – Репортер начал было уходить и вдруг остановился. – Вы не могли бы сказать что-нибудь, полностью не для печати, по поводу мужа и жены Фоули, которых русские выслали на прошлой...

– Кого? А-а, тех, кого они обвинили в шпионаже? Не для печати и вы никогда не слышали этого от меня – все это чепуха, от начала и до конца. По всему остальному – без комментариев.

– Ясно. – Репортер ушел улыбаясь.

Джек оказался в одиночестве. Он оглянулся вокруг, пытаясь увидеть Головку, но его нигде не было. Джек почувствовал себя разочарованным. Неважно, враг он или нет, но с ним всегда можно поговорить, и Райан привык получать удовольствие от этих разговоров. В зал вошел министр иностранных дел, затем Нармонов. Все остальное было, как и следовало: скрипичный ансамбль, столы с закусками, расхаживающие по залу официанты, несущие серебряные подносы с водкой, вином и шампанским. Сотрудники Государственного департамента оживленно беседовали со своими коллегами из Министерства иностранных дел, дядя Эрн над чем-то смеялся со своим партнером по переговорам из русской делегации. Только Джек стоял в одиночестве, и это никуда не годилось, Он подошел к ближайшей группе и остановился поблизости. Никто не обращал на него внимания, и он время от времени посматривал на часы и делал глоток вина.

– Время, – сказал Кларк.

Непросто было даже добраться до этого места. Снаряжение Кларка уже находилось в водонепроницаемой шахте, ведущей из боевой рубки к вершине «паруса» субмарины. На обоих концах шахты были люки, и она была герметичной в отличие от остального «паруса», который заполнялся водой. Один из матросов вызвался отправиться с ним, затем донный люк был закрыт и задраен. Манкузо поднял трубку телефона.

– Проверка связи.

– Слышу вас хорошо, сэр, – ответил Кларк. – Готов и жду команды.

– Не касайтесь люка, пока я не скажу.

– Слушаюсь, капитан. Манкузо обернулся.

– Принимаю командование на себя, – объявил он.

– Капитан принял на себя командование лодкой, – согласился вахтенный офицер.

– Откачать три тысячи фунтов. Я поднимаю лодку со дна. Машинное отделение, приготовиться.

– Слушаюсь. – Офицер, управляющий глубиной погружения. он же чиф лодки, отдал необходимые распоряжения. Электрические насосы, следящие за креном и дифферентом, вытолкнули из цистерн полторы тонны соленой воды, и «Даллас» медленно выровнялся. Манкузо посмотрел по сторонам. Команда находилась на своих постах, как при боевой тревоге. Группа ведения огня наготове. Рамиус стоит рядом со штурманом. Панель управления бортовым вооружением освещена, и у нее расположился обслуживающий персонал. Внизу, в торпедном отсеке, все четыре торпедных аппарата заряжены, а в один из них пущена вода и открыт наружный люк.

– Пост гидролокации, говорит капитан. Есть что-то новое? – спросил Манкузо.

– Нет, сэр.

– Очень хорошо. Чиф, поднимитесь на глубину девять-ноль футов.

– Слушаюсь, девять-ноль футов.

Прежде чем субмарина сможет двигаться вперед, ей нужно подняться со дна. Манкузо следил за тем, как медленно менялся указатель глубины, в то время как чиф искусно выравнивал лодку.

– Глубина девять-ноль футов, сэр. Удерживать ее на этой глубине очень трудно.

– Машинное отделение, обороты машины для скорости в пять узлов. Рулевой, перо руля на пятнадцать градусов вправо, переходим на новый курс ноль-три-восемь.

– Руль вправо пятнадцать градусов, переходим на новый курс ноль-три-восемь, – репетовал рулевой. – Сэр, руль повернут вправо на пятнадцать градусов.

– Очень хорошо. – Манкузо следил по гирокомпасу, как курс лодки переходил на северо-восточный. Потребовалось пять минут, чтобы выйти из-под льда. Капитан отдал приказ подвсплыть на перископную глубину. Еще минута.

– Поднять перископ! – скомандовал капитан. Боцман повернул колесо управления, и капитан схватился за ручки перископа, как только окуляр поднялся пал уровнем палубы. – Стоп!

Перископ остановился в футах от поверхности воды. Манкузо прильнул к окуляру, стараясь рассмотреть тени и, может быть, юл. но не увидел ничего.

– Еще два фута. – Сейчас он стоял на коленях. – Два фута еще и остановитесь.

Манкузо пользовался тонким боевым телескопом, а не более массивным поисковым. У поисковую телескопа было более широкое поле зрения и намного лучше освещенное поле обзора, но капитану не хотелось рисковать, поднимая его, поскольку он хорошо заметен на экране радиолокатора. Последние двенадцать часов внутри подводной лодки пользовались исключительно красным освещением. Пища при этом каралась какой-то странной, зато глаза приобретали способность видеть в темноте. Манкузо осмотрел горизонт. Кроме дрейфующего льда, на поверхности ничего не было видно.

– Все в порядке, – объявил он наконец. – Никого в поле видимости. Поднять мачту с электронными сенсорами. – Раздалось шипение гидравлики, и мачта ЭСМ поднялась над водой. Тонкая трость, сделанная из фибerglassа, имела всего лишь полдюйма в толщину и была практически невидима на радиолокационном экране. – Опустить перископ.

– Обнаружил надводный радар, пеленг ноль-три-восемь. Сигнал очень слабый, – сообщил техник электронщик и назвал частоту и характеристику пульса.

– Ну, за работу, парни. – Манкузо поднял трубку телефона. – Готовы?

– Да, сэр, – швегил Кларк.

– Приступаем, Желаю удачи. – Капитан положил трубку и повернулся. – Всплываем на поверхность. Выть наготове для немедленного погружения.

На все потребовалось четыре минуты. Верхняя часть черной рубки – или «паруса», как называют ее подводники. – появилась на поверхности, своей узкой частью направленная на ближайшую советскую РЛС, чтобы максимально уменьшить вероятность обнаружения. Удерживать «Даллас» в таком положении было нелегко.

– Кларк, вперед!

– Слушаюсь.

Поскольку вся поверхность Финского залива покрыта дрейфующим льдом, подумал Манкузо, на экране этого радиолокатора будет только серая мешанина. Он не сводил глаз с указателя индикатора люка, изменившегося с " – ", что означало «люк закрыт и задраен» на "О" – «люк открыт».

Ящик Кларка находился теперь на платформе в нескольких футах ниже самой рубки. Кларк открыл люк и вылез на палубу. Затем он с помощью матроса извлек надувной плот. Находясь теперь один на крошечном мостике субмарины – пост управления в верхней части «паруса», – он положил плот поперек рубки и потянул за трос. Визг воздуха, врывающегося внутрь плота и надувающего его, наполнил, казалось, все вокруг, и Кларк поморщился от пронзительного шума. Как только резиновый плот был надут и стал тугим, он крикнул матросу, чтобы тот закрыл люк, и схватил телефонную трубку.

– У меня все готово. Люк задраен. Увидимся через пару часов.

– Хорошо, Желаю удачи, – снова повторил Манкузо.

Кларк, находившийся на вершине «паруса», забрался внутрь резинового плота. Субмарина погрузилась в воду, и плотик закачался на морской поверхности. Кларк включил электрический мотор. В подводной лодке нижний люк рубки на мгновение открылся, матрос проскользнул внутрь, затем вместе с капитаном задраил люк.

– Люки закрыты и задраены, лодка готова к погружению, – доложил чиф, когда последняя индикаторная лампочка изменилась с "О" на " – ".

– Ну все, – вздохнул Манкузо. – Мистер Гудмэн, принимайте командование, вы знаете, что делать.

– Принимаю командование, – ответил вахтенный офицер, и капитан направился в гидролокационный пост. Лейтенант Гудмэн тут же заставил лодку нырнуть ко дну.

Все как в старые добрые времена, подумал Манкузо, когда Джоунс был старшим гидролокаторщиком. Лодка замерла, вытянув носовые гидролокационные устройства в направлении, в котором двигался Кларк. Через минуту пришел Рамиус и остановился, чтобы посмотреть,

– Почему вы не захотели взглянуть в перископ? – спросил Манкузо,

– Тяжело смотреть на собственный дом и знать, что ты не можешь...

– Вот он! – постучал по экрану Джоунс. – Развивает скорость узлов в восемнадцать. Для подвесного мотора что-то очень тихо. Он у него электрический, верно?

– Да.

– . Надеюсь, батареи выдержат, шкипер.

– Я уже спросил. Аккумуляторные батареи с вращающимся литиевым анодом.

– Здорово! – хмыкнул Джоунс. Он щелчком выбил сигарету из пачки и предложил капитану, который снова на мгновение забыл, что бросил курить. Джоунс поднес огонь к сигарете, и на его лице появилось задумчивое выражение.

– Знаете, сэр, теперь я припоминаю, почему решил списаться на берег... – Его голос стих, а взгляд не отрывался от дисплея, на котором исчезал вдали гидролокационный след. В кормовом отсеке группа контроля за ведением огня вела непрерывные расчеты расстояния до мчащегося плотика – больше им нечего было делать. Джоунс вытянул шею и прислушался. «Даллас» затаился, в нем воцарилось полное молчание, а воздух наполнило напряжение, более осязаемое, чем табачный дым.

Кларк лежал в своей резиновой лодке плашмя. Лодка, сделанная из прорезиненного нейлона, была окрашена зелеными и серыми полосами и потому мало отличалась от поверхности моря. Сначала решили было нанести и белые пятна из-за льда, плавающего зимой в воде, но затем поняли, что судоходный канал поддерживается свободным ото льда и быстродвигающаяся белая точка на темной поверхности может привлечь к себе внимание. Больше всего беспокоил Кларка радар. «Парус» подводной лодки, может быть, и не обнаружат на фоне мешанины из снега, льда и воды, но если русские радиолокаторы способны обнаруживать быстро перемещающиеся цели, то простой компьютер, ведущий наблюдение за отраженными сигналами, может запросто замкнуться на предмете, двигающемся со скоростью двадцать миль в час. Сама резиновая лодка едва ли на фут выступала из воды, мотор возвышался еще на фут и был покрыт составом, поглощающим лучи радиолокатора. Кларк старался не поднимать голову выше верхней части мотора, и в который раз ему приходила в голову мысль, что полдюжины металлических предметов, украшающих его тело, могут оказаться достаточно большими, чтобы появиться на экране радара. Он понимал, что эти опасения вряд ли имеют под собой почву – даже при прохождении металлодетектора в аэропортах их не обнаруживали, – однако, попадая в одиночку в опасные ситуации, люди часто становятся мнительными. Впрочем, напомнил себе он, это лучше, чем быть глупым. Лишь интеллект позволяет понимать, насколько опасными являются подобные операции. После их завершения, после того, как дрожь покинет тело, выйдя из теплого душа, ты начинаешь купаться в лучах славы, думая о том, каким умным и храбрым проявил себя, но не сейчас. Сейчас это казалось слишком опасным, чтобы не сказать безумным – подумать только, согласиться на такое!

Уже отчетливо виднелась береговая черта – ряд точек, покрывающих видимый горизонт. Она казалась самой обычной, но там лежала вражеская территория, и мысль об этом леденила тело сильнее холодного ночного воздуха.

По крайней мере море спокойно, сказал он себе. Вообще-то небольшое волнение в несколько футов более надежно укрыло бы его от радиолокационного обнаружения, но зато гладкая поверхность моря позволяла развивать максимальную скорость, а он на большой

скорости всегда чувствовал себя лучше. Кларк посмотрел назад. За кормой лодки тянулась едва заметная кильватерная струя; когда, приблизившись к берегу, он сбавит скорость, она еще уменьшится.

Терпение, в который раз напомнил он себе. Но ему претила сама мысль о терпении. Кому нравится ждать? – спросил себя Кларк. Если что-то должно случиться, то пусть случится поскорее, и на этом конец. Это далеко не лучший способ бросаться вперед очертя голову, но по крайней мере когда ты двигаешься, ты что-то делаешь. Однако когда Кларк учил молодых агентов, как вести себя в подобной ситуации, – а это было его самым обычным занятием, – он всегда убеждал их, что нужно проявлять терпение. Проклятый лицемер! – упрекнул он себя.

По портовым буям он определил расстояние до берега, сбросил скорость до десяти узлов, потом до пяти и наконец до трех. Электрический мотор еле слышно гудел. Кларк повернул рукоятку и направил лодку к полуразвалившемуся пирсу. Он был очень старым: его сваи расщепились и были избиты бесчисленными льдинами, приплывающими в гавань. Двигаясь очень медленно и осторожно, Кларк достал прибор ночного видения и огляделся вокруг. Нигде ни малейшего движения. С берега теперь доносились звуки транспорта, движущегося по прибрежному шоссе и отчетливо слышимого над водной поверхностью, а также музыка. В конце концов, сегодня пятница, и даже в Советском Союзе в ресторанах кипит веселье, танцуют пары. В общем-то успех операции зависел от шумной ночной жизни – в Эстонии она более оживленна, чем в большинстве уголков страны, – но пирс был заброшенным, как сообщили ему при инструктаже. Кларк подобрался поближе, привязал лодку к свае, проявив максимальную тщательность, – если трос развяжется и лодку унесет, возникнут серьезные проблемы. Рядом со сваей к пирсу была прикреплена лестница. Кларк расстегнул комбинезон, сбросил его и с пистолетом в руке вскарабкался по ней. Лишь сейчас он почувствовал запах порта. Он мало отличался от американского – смесь грязной воды, которой промывали трюмы, с гниющей древесиной причалов. К северу виднелась дюжина судов, пришвартованных к другому пирсу. – судя по всему, рыбачьих. К югу был расположен еще один причал со стоящим у него судном, груженным древесиной. Значит, шла реконструкция гавани. Это объясняло состояние пирса, у которого он остановился, подумал Кларк. Он взглянул на часы – потертый русский

«Полет» – и оглянулся по сторонам в поисках места, где можно было бы переждать. Ему предстоит начинать операцию через сорок минут. Отправляясь в плавание от «Далласа», он рассчитывал на более бурное море и потому прибыл к берегу раньше намеченного времени. Теперь ему оставалось одно – ждать и думать о том, каким нужно быть безумцем, чтобы согласиться принять участие в еще одной операции по вывозу людей.

Борис Филиппович Морозов, проходя вдоль дома, где он жил, посмотрел вверх. Освещенная территория «Яркой звезды» превратила небо в перистый купол снижающихся снежинок. Он любил такую погоду.

– Кто вы? – послышался властный голос.

– Морозов, – ответил молодой инженер, и из снежной пелены появилась фигура. Он сразу узнал фуражку старшего армейского офицера.

– Добрый вечер, товарищ инженер. Если не ошибаюсь, вы работаете в группе управления зеркалами? – спросил полковник Бондаренко.

– Мы раньше встречались?

– Нет. – Полковник покачал головой. – Вы знаете меня?

– Да, товарищ полковник. Бондаренко указал на небо.

– Красиво, не правда ли? Уже одно это заставляет тебя смириться с тем, что находишься так далеко от цивилизации.

– Нет, товарищ полковник, мы идем во главе цивилизации, а за нами следуют остальные. Сейчас мы накануне очень важного открытия, – напомнил Морозов.

– Рад слышать это! И все члены вашей группы так же уверены в успехе?

– Да, товарищ полковник. Я сам попросился сюда.

– Вот как? Откуда вы узнали о существовании этого объекта? – удивленно спросил полковник.

– Прошлой осенью я работал здесь с комсомольской бригадой. Мы помогали в строительных работах – в частности, размещали

основания для зеркал. Я специализировался в университете по лазерам, а потому сразу догадался, что представляет собой программа «Яркая звезда». Разумеется, я никому не сказал об этом, – поспешил добавить Морозов, – но сразу понял, что это место словно создано для меня.

Бондаренко посмотрел на молодого инженера с нескрываемым одобрением-

– Ну, и как продвигается работа?

– Я надеялся принять участие в деятельности группы лазерщиков, но мой шеф едва ли не насильно заставил меня работать в его группе, – засмеялся Морозов.

– И вам это не нравится?

– Нет, что вы. Как раз наоборот. Вы просто меня не поняли. Раньше я даже не подозревал, насколько важны зеркала в этом проекте. Теперь я многому научился. Мы стараемся, чтобы зеркала управлялись с помощью компьютеров. Кстати, меня собираются назначить заместителем руководителя группы, – с гордостью заметил Морозов. – Видите ли, я неплохо разбираюсь в системах управления.

– Кто ваш руководитель – Говоров?

– Совершенно верно. Он – блестящий инженер. Разрешите задать вопрос?

– Конечно.

– Говорят, что вы тот самый армейский полковник, о которое ходит столько слухов. Это правда? Я слышал, что вас собирают назначить заместителем начальника проекта,

– В этих слухах есть некоторая доля правды, – признался Бондаренко.

– Тогда разрешите высказать предложение, товарищ полковник?

– Высказывайте.

– Среди персонала много молодых неженатых мужчин.,

– И недостаточно молодых незамужних женщин?

– Мы испытываем острую нужду в лаборантках.

– Ваше предложение принято во внимание, товарищ инженер, – с улыбкой ответил Бондаренко. – Кроме того, мы собираемся построить еще один многоквартирный жилой дом, чтобы сделать жизнь ученых и инженеров более удобной. Как вы живете в общежитии?

– Обстановка товарищеская, даже теплая. Кружки по астрономии и шахматам пользуются большой популярностью.

– Вот как. Уже давно мне не доводилось играть с серьезными противниками. Как соперничество? – спросил полковник с интересом, Молодой инженер рассмеялся.

– Свирепое – даже убийственное.

В пяти тысячах метров от них Лучник благословил имя Аллаха. Пошел снег, и падающие снежинки придавали воздуху ту магическую прелесть, которую так любят поэты... и солдаты. Можно было слышать – даже чувствовать – приглушенную тишину, потом, что падающий снег подавлял все звуки. Вокруг них, вниз и вверх по склону, насколько хватает глаз виднелась белая завеса, уменьшающая видимость до двухсот метров. Лучник собрал своих командиров и объяснил план предстоящего штурма. Через несколько мину. они вернулись к своим подразделениям. Он сам пойдет вместе с передовым отрядом первой роты, а майор, его заместитель, останется со второй.

Идти было удивительно удобно, совсем не скользко. Русские сбросили сюда массу щебенки после взрывных работ, проведенных во всем этом районе, и скальные осколки, хотя и покрытые снегом ничуть не скользили под ногами. Это было очень кстати, потому что тропа проходила вплотную к отвесной стене высотой не меньше сотни метров. Гораздо труднее оказалось найти правильное направление. Лучник вел своих людей по памяти, но он много раз изучал объект и был знаком с каждым изгибом горы – или так по крайней мере ему казалось. Как всегда, его охватили сомнения, и понадобилась полная сосредоточенность, чтобы думать только о предстоящей операции. Перед тем как отправиться в путь, он наметил несколько контрольных точек у себя в памяти: валун вот здесь, лощина – там, вот здесь то место, где тропа поворачивает направо, а вот тут – налево. Сначала продвижение вперед казалось угнетающе медленным, но чем ближе они подходили к цели, тем быстрее становились шаги. И все время они ориентировались по свечению прожекторов. Как уверены русские в

своей силе, подумал он, что освещают всю местность прожекторами! Он заметил даже двигающиеся огоньки – фары автобуса, судя по звуку мотора, решил Лучник. Да, конечно, это автобус с включенными фарами. Сквозь окутывающее все вокруг снежное облако пробивались маленькие двигающиеся точки света. Часовые, несущие службу внутри большой световой сферы, находятся сейчас в трудном положении. При обычных условиях яркий свет прожекторов, направленных в сторону от караульных вышек, должен был ослеплять нарушителей, однако сейчас ситуация была обратной. Свет прожекторов не проникал сквозь пелену падающего снега и отражался от него, ослепляя вооруженных часовых. Наконец передовой отряд достиг исходной позиции. Лучник распределил своих людей и стал ждать, пока подойдут остальные. На это потребовалось полчаса. Они разошлись по линии предстоящего штурма группами по три или четыре человека. Лучник дал время моджахедам выпить воды и помолиться Аллаху, вручив ему свои судьбы, подготовиться к битве и ее возможным последствиям. Их судьба была судьбой воинов. Их враг являлся одновременно врагом их Бога. Чтобы они ни сделали с этими людьми, которые прогневали Аллаху, это зачтется им как заслуга, и каждый из бойцов Лучника вспомнил о родственниках и друзьях, погибших от руки русских.

– Это просто поразительно, – прошептал майор, оказавшийся рядом с ним.

– Аллах с нами, мой друг, – ответил Лучник.

– Да, несомненно. – Они находились всего в пятистах метрах от объекта, и их все еще не обнаружили. Да ведь мы действительно можем уцелеть...

– Насколько ближе сможем мы...

– На сто метров. Приборы ночного видения, которыми снабжены часовые, видят в таком снегопаде метров на четыреста. Ближайшая вышка в шестистах метрах вон там. – Майор показал направление, чего совсем не требовалось. Лучник точно знал, где находится эта вышка и где через двести метров стоит следующая.

Майор посмотрел на часы и задумался.

– Если график такой же, как в Кабуле, то через час – смена караула. Те, кто несет службу сейчас, устали и замерзли, а сменившие

их еще не до конца проснулись. Лучше всего нанести удар именно в это время.

– Желаю удачи, – просто сказал Лучник. Они обнялись.

– ... Почему должны мы избегать битвы во имя Аллаха, когда нас и наших детей изгнали из наших жилищ?

– И когда они показались перед Джалуитом и его войсками, то сказали: «Господи наш! Пролей на нас терпение, и укрепи наши стопы, и помоги нам против людей неверных!»

Это была цитата из Корана, и ни одному из них не показалось странным, что отрывок на самом деле говорит о битве между израильтянами и филистимлянами. Мусульмане были знакомы с Давидом и Саулом и делом, за которое они сражались. Майор еще раз улыбнулся и вернулся к своим людям.

Лучник повернулся и дал знак группе ракетчиков. Двое положили на плечи «Стингеры» и последовали за своим командиром, который начал взбираться по горному склону. Еще одна возвышенность, и теперь они смотрели на караульные вышки сверху вниз. Лучника удивило, что с этой позиции были видны сразу три вышки, и он распорядился, чтобы сюда доставили третий «Стингер». Он проинструктировал каждого ракетчика и вернулся к главной группе. В руках ракетчиков искатели цели на трубах «Стингеров» уже пели свою смертоносную песню. Караульные вышки обогреваются внутри – а «Стингеры» ищут только тепло.

Далее Лучник распорядился передвинуть поближе минометы – ближе, чем ему хотелось бы, но плохая видимость играла на руку не только моджахедам. Он следил за тем, как рота под руководством майора начала спускаться налево, растворяясь в снежной завесе. Они нанесут удар по самой лазерной установке, тогда как Лучник и его восемьдесят человек обрушатся на жилые здания. Теперь наступила их очередь. Лучник прошел с ними вперед и остановился, когда риск стал слишком велик, у того самого места, где свет прожекторов уже проникал сквозь снежную пелену. Он поднял голову и увидел закутанного в шубу часового с вырывающимися изо рта белыми облачками пара. Еще десять минут. Лучник достал рацию. У них было всего четыре рации, и до сего момента они не решались пользоваться ими, опасаясь, что русские могут обнаружить их.

Нам не следовало отказываться от собак, подумал Бондаренко. После того как я обоснуюсь здесь, первое, что я сделаю, – это верну собак. Он обходил территорию объекта, наслаждаясь морозной погодой, падающим снегом и стараясь привести в порядок свои мысли в спокойной атмосфере высокогорья. Да, здесь понадобится многое изменить. Нельзя преуменьшать роль настоящего солдата. Генерал Покрышкин слишком полагался на разработанную для него систему охраны, а войска КГБ слишком ленивы. Например, по ночам они не патрулируют территорию. Слишком опасно на такой местности, заявил их командир, наши дневные патрули обнаружат всех, кто пытается слишком приблизиться к объекту, караульные вышки оборудованы приборами ночного видения, а остальная территория объекта освещается прожекторами. Но приборы ночного видения теряют восемьдесят процентов своей эффективности при такой, как сегодня, погоде. Что, если сейчас на нас готовится напасть группа афганцев? Первое, что я сделаю, твердо решил Бондаренко, свяжусь с полковником Николаевым в штаб-квартире спецназа и сам проведу учебный штурм этого объекта, чтобы показать идиотам из КГБ, насколько они уязвимы. Он посмотрел на холм. Там стоял часовой из войск КГБ с автоматом, перекинутым через плечо, он размахивал руками, чтобы не замерзнуть, – ему понадобится четыре секунды, чтобы снять с плеча автомат, поставить его на боевой взвод и прицелиться. Четыре секунды, и последние три он будет уже мертв, если там, в снежной пелене, скрываются достаточно опытные боевики... Ну что ж, ничего не поделаешь, заместитель начальника любого объекта должен быть настоящим сукиным сыном, не проявляя ни малейшей жалости к подчиненным, и, если эти чекисты хотят играть в солдат, пусть действуют как солдаты, черт побери! Полковник повернулся и пошел обратно к жилому зданию.

Автомобиль Герасимова остановился у служебного входа Лефортовской тюрьмы. Водитель остался в машине, а телохранитель

последовал за председателем КГБ. Герасимов показал свое удостоверение личности часовому у входа и пошел дальше, даже не остановившись. Сотрудники КГБ строго соблюдали правила безопасности и бдительно несли службу, но они знали в лицо своего председателя и еще лучше знали, какую власть он собой представляет. Герасимов повернул налево и направился в служебные помещения. Директора тюрьмы на месте, конечно, не было, но здесь находился один из его заместителей. Герасимов застал его в момент, когда тот заполнял бланки.

– Добрый вечер. – Глаза заместителя директора не вывалились из орбит лишь потому, что он носил очки.

– Товарищ председатель! Меня не преду...

– Вас и не должны были предупреждать.

– Готов выполнить любое ваше распоряжение.

– Немедленно приведите сюда арестованного Филитова, – резко бросил Герасимов. – Немедленно, – повторил он.

– Слушаюсь! – Заместитель директора тюрьмы вскочил и выбежал в соседнюю комнату. Меньше чем через минуту он вернулся. – Для этого понадобится пять минут.

– Позаботьтесь, чтобы он был должным образом одет, – напомнил Герасимов.

– В свой мундир? – недоуменно спросил заместитель директора.

– Нет, идиот! – взорвался Герасимов. – В гражданскую одежду. Он должен хорошо выглядеть. Ведь у вас здесь хранятся все его личные вещи?

– Да, товарищ председатель, но...

– Я не могу сидеть здесь с вами всю ночь, – тихо произнес он. Не бывает ничего более опасного, чем спокойный председатель КГБ, Заместитель начальника тюрьмы буквально вылетел из комнаты. Герасимов повернулся к своему телохранителю, на лице которого сияла довольная улыбка. Тюремщики не нравятся никому. – Как ты думаешь, сколько времени им потребуется?

– Меньше десяти минут, товарищ председатель, хотя им придется искать его одежду. В конце концов, это ничтожество понимает, какое здесь теплое место и как славно тут служить. Я знаю его

– Вот как?

– Сначала он служил в ПГУ, но плохо проявил себя в первой же операции и с тех пор служит в тюрьме. – Телохранитель взглянул на часы.

На всю операцию потребовалось восемь минут. Филитов появился одетый в свой костюм, хотя рубашка не была застегнута, а галстук просто накинут на шею. Заместитель начальника тюрьмы держал в руках поношенное пальто. Филитов редко покупал штатскую одежду. Он был полковником Советской Армии и неуютно чувствовал себя, когда на нем не было мундира. На лице старого полковника было замешательство, и тут он увидел Герасимова.

– В чем дело? – спросил он.

– Вы поедете со мной, Филитов. Застегните рубашку. Попытайтесь по крайней мере выглядеть как мужчина!

Михаил Семенович едва не выругался в ответ, но сумел сдержаться. Взгляд, который он бросил на-председателя КГБ, был по дон такой ярости, что телохранитель Герасимова опустил руку па кобуру пистолета. Филитов застегнул рубашку, поправил воротник и аккуратно завязал галстук. Поскольку здесь не было зеркала, галстук оказался сдвинутым в сторону.

– Теперь, товарищ председатель, прошу вас расписаться...

– Вы передаете мне такого опасного преступника просто так?

– Не понимаю, товарищ...

– Наручники! – рявкнул Герасимов.

В том, что наручники лежали в столе заместителя начальника тюрьмы, не было ничего удивительного. Он защелкнул их на кистях Филитова и собрался было положить ключ в карман, когда увидел протянутую руку Герасимова.

– Вот так. Завтра вечером я привезу его обратно.

– Но вы должны расписаться... – И заместитель начальника замолчал, увидев, что говорит в сторону удаляющейся спины председателя КГБ.

– Подумать только, в моем подчинении служит столько людей, – заметил Герасимов, обращаясь к телохранителю, – и попадаются вот такие...

– Вы правы, товарищ председатель. – Сорокадвухлетний телохранитель обладал невероятной физической силой, бывший оперативник и эксперт во всех видах боевых единоборств как с

оружием, так и без него. Филитов сразу понял это по железной хватке его руки.

– Филитов, – заметил председатель КГБ, обращаясь через плечо к старому полковнику, – сейчас мы прокатимся на машине, а затем совершим небольшой полет. Вам не будет причинено никакого, вреда. Если вы будете себя хорошо вести, то вас даже прилично покормят. Если же станете сопротивляться, Василий заставит вас раскаяться в этом. Вам все ясно?

– Все, товарищ чекист.

Часовой у выхода вытянулся и тут же открыл дверь. Наружные часовые тоже вытянулись, и Герасимов кивнул им. Водитель стоял у открытой задней дверцы автомобиля. Герасимов остановился у машины и повернулся к телохранителю.

– Усади его рядом со мной на заднем сиденье, Василий. Ты и с переднего сиденья сможешь присматривать за ним.

– Как прикажете, товарищ председатель.

– Шереметьево, – сказал Герасимов водителю. – Грузовой терминал на южной стороне.

Вот и аэропорт, подумал Райан. Он неожиданно рыгнул и почувствовал неприятный запах сардин и вина. Вереница автомобилей начала подниматься по пандусу наверх, затем неожиданно свернула в сторону от входа и направилась к месту стоянки. Да, заметил Райан, служба безопасности не теряет бдительности. Русские прямо-таки одержимы этим. Куда ни посмотри, всюду вооруженные автоматами солдаты в форме КГБ. Автомобиль проехал мимо главного здания, мимо недавно построенного сооружения, похожего на инопланетный корабль из фильма Спилберга «Звездные встречи». Райан уже давно хотел спросить кого-нибудь, почему это сооружение построено, но так и не используется. Может быть, в следующий раз, подумал он.

Члены американской делегации попрощались со своими русскими коллегами в Министерстве иностранных дел. Несколько дипломатов стояло у трапа «Боинга», чтобы пожать руки отъезжающим, но никому не хотелось выходить из теплого комфорта лимузинов, и в результате

посадка шла медленно. Наконец машина, в которой сидел Райан, продвинулась вперед, остановилась, сидящий рядом с ним американец открыл дверцу, а водитель поднял крышку багажника. Райану тоже не хотелось выходить наружу. Лишь к концу поездки автомобиль как следует нагрелся. Наконец Джек заставил себя выйти из машины. Он взял свой чемодан, кейс и направился к трапу.

– Надеюсь, вам понравилось пребывание в нашей стране, – произнес один из провожающих.

– Мне хотелось бы приехать еще раз и осмотреть город, – ответил Джек, пожимая протянутую руку.

– Мы будем очень рады.

Да уж конечно, подумал Джек, поднимаясь по трапу. Войдя в салон, он посмотрел вперед. В кокпите на откидном сиденье расположился русский летчик, который полетит вместе с ними, чтобы помочь в переговорах с авиадиспетчерами. Его глаза были устремлены на аппаратуру связи, отгороженную занавеской. Райан кивнул американскому пилоту через открытую дверь, и тот подмигнул ему в ответ.

– Меня пугает политическая ситуация вокруг этого дела, – сказал Ватутин. Они с Головко сидели в здании № 2 на площади Дзержинского и сравнивали отчеты.

– Сейчас другое время. Нас не расстреляют за то, что мы выполняем свои обязанности.

– Ты так считаешь? А что, если Филитов действовал с согласия председателя?

– Чепуха, – фыркнул Головко.

– Вот как? Что, если деятельность Герасимова против диссидентов вывела его на разведывательные организации Запала? Нам известно, что он принимал личное участие в некоторых делах – главным образом в тех, где были замешаны диссиденты из балтийских республик, но ведь были и другие.

– Сейчас ты действительно рассуждаешь как сотрудник «Двойки».

– А ты сам подумай. Мы арестовываем Филитова, и сразу после этого председатель встречается один на один с представителем ЦРУ. Ты помнишь, чтобы такое когда-нибудь случалось?

– Я слышал рассказы про Филби, но... нет, это было лишь после того, как он перебежал к нам.

– Поразительное совпадение. – заметил Ватутин, потирая глаза. – Нас готовят не для того, чтобы мы верили в случайные стечения обстоятельств...

– ...твою мать! – воскликнул Головко. Ватутин с раздражением посмотрел на него и увидел, как тот поднял взгляд к потолку. – В прошлый приезд американцев на переговоры – как я позабыл об этом! – Райан разговаривал с Филитовым – они столкнулись как бы случайно, и...

Ватутин поднял трубку своего телефона и набрал номер.

– Позовите к телефону ночного дежурного... Это полковник Ватутин. Разбудите арестованного Филитова. Я должен допросить его минут через сорок... Что вы сказали? Кто? Хорошо. Спасибо. – Полковник из Второго главного управления встал. – Председатель КГБ Герасимов увез Филитова из Лефортовской тюрьмы пятнадцать минут назад. Он сказал, что отправляется с ним в специальную поездку.

– Где твоя машина?

– Я могу вызвать...

– Нет, – произнес Головко. – Твоя личная машина.

26. Черные операции

Пока можно было не спешить. Члены экипажа усаживали делегацию в салонах самолета, а полковник фон Эйк еще раз пробежал взглядом предполетные инструкции. VC-137 был подключен к генератору, размещенному в кузове грузовика, и этот же генератор позволит им запустить двигатели самолета намного проще, чем с помощью бортовых систем. Он взглянул на часы и еще раз подумал о том, как было бы хорошо, если бы все прошло по плану.

Райан направился к хвосту самолета, прошел мимо своего обычного места, миновал кабину Эрни Аллена, размещающуюся в центральной части «Боинга», и сел в кресло в последнем ряду хвостового салона. Здесь все выглядело, почти как в обычном авиалайнере, хотя кресел в ряду было пять вместо шести. Тут размещались те «видные личности», которым не хватило места в передних салонах. Джек выбрал кресло на левой стороне самолета, там, где кресла стояли парами. Затем в салон вошли еще с десятков пассажиров, пожелавших сидеть в самом хвосте, где, как им посоветовал один из членов экипажа, полет не так ощутим. Механик будет сидеть по другую сторону прохода, справа от Райана, вместо отведенного ему места впереди. Джек хотел, чтобы здесь присутствовал еще один член экипажа, который мог бы прийти на помощь в случае необходимости, но это бы слишком уж бросалось в глаза. На борту самолета находился советский летчик. Такова была установленная процедура, и отступать от нее не следовало. Вся идея заключалась в том, что каждый, кто находился на борту самолета, должен быть уверен, что все идет именно так, как и следовало.

В кокпите первый пилот закончил проверку приборов и механизмов.

- Все на борту?
- Так точно, сэр. Готовы закрывать двери.
- Обратите внимание на индикаторную лампочку над служебным входом. С ней происходит что-то странное, – произнес фон Эйк, обращаясь к бортинженеру.

– Неисправность? – спросил советский летчик с откидного сиденья. Внезапная разгерметизация в полете заставляет беспокоиться всех пилотов.

– Каждый раз, когда мы проверяем эту дверь, с ней все в порядке, Скорее всего неисправно реле на панели управления, но нам пока не удалось его обнаружить. Я сам проверил эту проклятую дверь. – заверил он русского летчика. – Что-то в электрическом контуре.

– Готовы к старту, – послышался голос бортинженера.

– Хорошо. – Пилот взглянул в иллюминатор, чтобы убедиться, что трап откатали от самолета, и летчики надели шлемы с наушниками. – С левой стороны все чисто.

– Все чисто с правой, – раздался голос второго пилота.

– Проворачиваем первый. – Кнопки нажаты, переключатели включены, и крайний левый двигатель начал вращать лопатки своей турбины. Стрелки на приборах задвигались и скоро остановились на режиме холостого хода. Теперь, когда самолет получил возможность снабжать самого себя электроэнергией, грузовик с генератором уехал.

– Проворачиваем четвертый, – сказал пилот. Он переключил свой микрофон на радиосистему салона. – Дамы и господа, говорит полковник фон Эйк. Мы включаем двигатели и через пять минут начинаем рулежку. Пристегните ремни, и те из вас, кто курит, пусть потерпит несколько минут.

Райан, сидевший в своем кресле заднего ряда, был готов на что угодно ради сигареты. Механик взглянул на него и улыбнулся. Да, он достаточно крепок, чтобы справиться с этим, подумал Джек. Возраст главного сержанта ВВС приближался к пятидесяти, но выглядел сержант так, что запросто мог преподать хорошие манеры нападающему лучшей команды по американскому футболу. На его огромных кистях были надеты кожаные рабочие перчатки с затянутыми ремнями.

– Вы готовы? – спросил Джек, Подслушать их было невозможно – гул двигателей разрывал барабанные перепонки.

– По первой же вашей команде, сэр.

– Вы сами увидите, без команды.

– Гм, – хмыкнул Герасимов. – Еще не прибыли. – Грузовой терминал был закрыт, и в нем не было огней, за исключением прожекторов вдоль периметра, которыми пользовалась охрана.

– Может быть. позвонить? – спросил водитель.

– Не стоит. Спешить некуда. Что... – Охранник в форме солдата КГБ дал знак, чтобы они остановились. Они уже проехали через один контрольно-пропускной пункт. – А-а, понятно. Американский самолет готовится к взлету. Из-за этого и задержка.

Охранник подошел к окну водителя и потребовал предъявить припуск. Водитель небрежно махнул рукой в сторону заднего сиденья.

– Добрый вечер, ефрейтор, – сказал Герасимов и показал свое удостоверение. Ефрейтор вытянулся. – Через несколько минут сюда прилетит самолет – это за мной. По-видимому, задержка произошла из-за американской делегации. Обеспечена их безопасность?

– Так точно, товарищ председатель! Задействована целая рота.

– Ну что ж, пока мы здесь, почему бы не провести проверку. Кто ваш командир?

– Майор Зарудин, товарищ...

– Что здесь происходит, черт побери? – К машине подошел лейтенант. Лишь остановившись рядом с ефрейтором, он разглядел сидящих в машине.

– Лейтенант, где сейчас майор Зарудин?

– В башне управления полетами, товарищ председатель. Оттуда лучше всего...

– Ничуть не сомневаюсь. Свяжитесь с ним по радио и сообщите, что я решил проверить внешнюю цепь охраны, затем приеду к нему и сообщу свое мнение. Поехали, – бросил он водителю. – Направо.

– Башня управления полетами Шереметьево, номер девять-семь-один запрашивает разрешение, чтобы вырुлить на взлетную дорожку – правую, номер два-пять.

– Девять-семь-один, разрешаю. Поверните налево на главную рулежную дорожку один. Направление ветра два-восемь-один, сила – сорок километров.

– Принято, конец связи, – ответил пилот. – О'кей, птичка, поехали.

Второй пилот увеличил газ всех четырех двигателей, и самолет двинулся с места. По бетонке прямо перед ними шел человек с двумя светящимися жезлами и без всякой надобности указывал им направление к рулежной дорожке, но русские вообще считают, что всем следует давать указания, как действовать. Фон Эйк съехал с парковочной площадки и направился к югу по рулежной дорожке девять, затем повернул налево. Небольшое колесо в носу самолета направляющее его движение, как всегда, немного заедало, и самолет двигался медленно. Полковник вообще предпочитал тут двигаться медленно. Рулежные дорожки были здесь настолько неровными, что всегда существовала опасность что-то повредить. Ему совсем не хотелось, чтобы это произошло именно сегодня. До конца главной рулежной дорожки номер один было больше полумили, и от непрерывных толчков и кренов могла наступить морская болезнь. Наконец фон Эйк повернул направо на рулежную дорожку номер пять.

– Похоже, все часовые несут службу бдительно, – заметил Василий, когда они пересекли дорожку номер двадцать пять. Водитель вел машину с выключенными фарами и прижимался к краю аэродрома. Самолет выруливал на взлет, и оба – водитель и телохранитель – внимательно следили за этой опасностью. Они не заметили, как Герасимов достал из кармана ключ и снял наручники с изумленного Филитова. Затем председатель КГБ извлек из наплечной кобуры автоматический пистолет.

– Проклятье – вон там автомобиль, – выругался полковник фон Эйк. – Как он здесь оказался, черт побери?

– Мы легко обойдем его, – заметил второй пилот. – Он на краю дорожки.

– Просто великолепно. – Пилот снова повернул направо в конец рулежной дорожки. – Черт бы побрал этих автомобилистов, ездят тут, как на уик-энд.

– Эта новость тоже вам не понравится, полковник, – заметил бортинженер, обращаясь к пилоту. – Над задней дверью снова горит лампочка.

– Ну когда кончится вся эта мерзость? – воскликнул фон Эйк в микрофон внутренней связи, затем переключился на систему трансляции, но, прежде чем заговорить, постарался взять себя в руки. – Механик, проверьте заднюю дверь.

– Начинается, – произнес сержант. Райан отстегнул пристяжной ремень и отодвинулся на несколько футов, наблюдая за тем, как сержант тянет за ручку двери.

– Где-то короткое замыкание, – сказал бортинженер, стоя в кокпите. – Только что выключилось освещение хвостовой салона. Сработал рубильник и никак не становится на место.

– Может быть, заменить рубильник? – спросил полковник фон Эйк.

– У меня есть запасной. Можно попробовать, – согласился инженер.

– Действуйте. Я сообщу сидящим в хвостовом салоне, почему у них погас свет. – Это была ложь, но достаточно убедительная, а поскольку все сидели в креслах, пристегнутые ремнями, было непросто повернуться и взглянуть в сторону хвостового салона.

– Где председатель? – спросил у лейтенанта Ватутин.

– Он ведет проверку – а кто вы такой?

– Я – полковник Ватутин, а это – полковник Головки. Где этот проклятый председатель, говори, несчастный молокосос!

У возмущенного лейтенанта изо рта полетели слюни, но он наконец указал направление.

– Извини, Василий, – произнес Герасимов. Телохранитель повернулся к своему председателю и увидел дуло автоматического пистолета. – Дай мне спой пистолет.

– Но...

– Сейчас не время для разговоров. – Герасимов взял пистолет и сунул его в карман. Затем он передал Василию наручники. – Пусть каждый пристегнет одну руку – и через руль.

Водитель был потрясен, но оба поступили так, как приказал Герасимов. Василий защелкнул одно кольцо на своем левом запястье, просунул второе через руль и защелкнул на правой руке водителя. Тем временем Герасимов снял телефонную трубку с радиодинамика и сунул ее в карман.

– Ключи?

Водитель передал их через плечо левой рукой. Ближайший часовой находился в сотне метров, а самолет – в двадцати. Председатель Комитета государственной безопасности сам открыл дверцу автомобиля – впервые за много лет.

– Полковник Филитов, следуйте за мной.

Михаил Семенович был удивлен ничуть не меньше остальных. но послушался. На виду у всех – по крайней мере тех немногих, кто наблюдал за вылетом американского самолета, – Герасимов и Филитов пошли к возвышающемуся над их головами хвосту «Боинга», окрашенному в красный, белый и синий цвета. Как по команде, над ними открылась дверь.

– Торопитесь, парни! – крикнул Райан и бросил вниз веревочную лестницу.

Старые ноги Филитова предали его. От ветра и выхлопных газов реактивных двигателей VC-137 веревочная лестница трепетала как листик, и он, несмотря на помощь Герасимова, никак не мог поставить обе ноги на нижнюю перекладину.

– Господи, смотри! – указал рукой Головкин. – Жми!

Ватулин не произнес ни единого слова. Он выжал до пола педаль газа и включил дальний свет.

– Нас заметили, – произнес механик, когда увидел автомобиль. К ним бежал и солдат с автоматом.

– Ну давай же, папаша! – подбадривал механик старика.

– Проклятье! – выругался Райан, оттолкнул сержанта и спрыгнул вниз. Он приземлился неудачно, подвернув правую лодыжку и порвав на левом колене брюки. Но, преодолевая боль, тут же вскочил. Он схватил Филитова под одну руку, Герасимов – под вторую, и им удалось поднять старика достаточно высоко, так что сержант смог наклониться и втащить его внутрь самолета. Герасимов вскарабкался по лестнице следом – удерживал ее Райан. Наступила очередь Джека – но он столкнулся с той же проблемой, что и Филитов. Его левое колено не сгибалось, а когда он попытался карабкаться на одной правой ноге, то заметил, что правая отказывается работать. Он громко выругался – его голос был слышен сквозь вой ветра и рев авиационных турбин – и попробовал взбираться, перехватывая ступени руками, но промахнулся и упал на бетон аэродрома.

– Стой! Стой! – кричал кто-то с автоматом в руках с расстояния в десять футов. Джек поднял лицо к открытой двери самолета.

– Улетайте! – крикнул он изо всех сил. – Закрывайте проклятую дверь и улетайте!

Механик ни мгновения не колебался. Он протянул руку, чтобы захлопнуть дверь, и Джек заметил, как она за считанные секунды села в герметическое гнездо. Внутри самолета сержант схватил трубку внутренней связи и сообщил пилоту, что задняя дверь закрыта должным образом.

– Башня управления, говорит номер девять-семь-один, начинаем взлет. Конец связи. – И полковник фон Эйк передвинул вперед рукоятки всех четырех двигателей до предела, поскольку для взлета требуется максимальная мощность,

Сила рвущихся из сопел выхлопных газов швырнула всех четверых – автоматчик тоже успел подбежать к месту происшествия – на ледяную поверхность взлетной дорожки, и они покатались к ее концу. Лежа на животе, Джек следил за тем, как мигающий красный огонек на верхней части вертикального руля стремительно удаляется, исчезая вдали. В последний раз Райан увидел свечение инфракрасных

излучателей глушителя, защищающих VC-137 от ракет «земля-воздух». Он едва не рассмеялся, но перевернулся на спину и увидел дуло пистолета у своего лица.

– Привет, Сергей, – сказал Райан полковнику Головко.

– Мы готовы, – услышал по радио Лучник. Он поднял ракетницу и выстрелил R воздух. Ракета разорвалась прямо над одним из производственных корпусов объекта.

Дальше все происходило одновременно. Слева от него расположились трое ракетчиков со «Стингерами», и после длительного ожидания ракеты устремились к караульным вышкам или, точнее, к электрическим обогревательным батареям, находившимся внутри них. Пары часовых, находившихся в каждой из них, едва успели удивиться при виде ракеты, разорвавшейся над территорией объекта, и лишь один из шести заметил мчавшийся к вышке язык желтого пламени, но, конечно, не успел отреагировать. Все три ракеты попали точно в цель – они не могли промахнуться при стрельбе по неподвижной цели, – и в каждом случае трехкилограммовая боеголовка сработала так, как от нее ожидали. Меньше чем через пять секунд после пуска сигнальной ракеты все три караульные вышки были уничтожены, а с ними и пулеметы, защищавшие лазерную установку.

Часовой, стоявший перед Лучником, погиб сразу после этого. У него не было ни малейшей надежды. Сорок автоматов открыли огонь одновременно, и половина выпущенных пуль попала в цель. Затем начали пристрелку минометы, и Лучник корректировал их огонь по радио. Мины падали в районе того, что он считал казармами охраны.

Грохот автоматического огня нельзя спутать ни с чем другим. Полковник Бондаренко только что пришел к выводу, что достаточно надышался холодным горным воздухом и насмотрелся на прекрасную, хотя и ледяную природу, и уже возвращался к своему дому, когда

услышал звук, заставивший его замереть на месте. Первой мыслью было, что кто-то из солдат КГБ случайно нажал на спуск, но это длилось меньше секунды. Он услышал звук взрыва над головой и, подняв голову, увидел разорвавшуюся ракету. Затем послышались взрывы со стороны лазерной установки, и тут, словно у него в голове щелкнули переключателем, он превратился из потрясенного человека в профессионального военного, против которого ведется атака. Казармы роты КГБ находились в двухстах метрах от него, и он кинулся туда.

Он увидел, как мины, пушенные из минометов, падают на новый большой инструментальный цех, расположенный позади казарм. Из распахнутых дверей казарм выскакивали люди, и ему пришлось остановиться и поднять вверх руки, чтобы избежать выстрелов.

– Я – полковник Бондаренко! Где ваш офицер?

– Здесь! – Вперед вышел лейтенант. – Что... – Минометчики исправили свою ошибку: следующая мина упала на крышу задней казармы. Взрыв потряс воздух.

– Следуйте за мной! – выкрикнул Бондаренко, уводя солдат от самой уязвимой цели. Вокруг раздавался треск автоматов – советских автоматов. Полковник тут же понял, что не сможет по звукам их очередей определить, где свои, а где враги. Только этого не хватало! – Соберите своих людей! – приказал он.

– Что здесь...

– На нас напали, лейтенант! Сколько солдат в вашем распоряжении?

Молодой офицер повернулся и начал считать. Бондаренко сделал это гораздо быстрее. Сорок один солдат, все вооружены автоматами, но без тяжелого вооружения и без раций. Без крупнокалиберных пулеметов можно было обойтись, но не без радиосвязи.

Собаки, пронеслась у него в голове глупая теперь мысль, как понадобились бы собаки...

Их тактическое положение было безнадежным, и Бондаренко знал, что оно может только ухудшиться. Взрывы сотрясали воздух.

– Лазеры, мы должны... – пробормотал лейтенант, но полковник схватил его за плечо.

– Мы сможем заново создать аппаратуру, – редко бросил молодому офицеру Бондаренко, – но не сумеем воскресить ученых. Нужно пробиться к жилому дому и удерживать его до тех пор, пока не

прибудет подкрепление. Пошлите надежного сержанта в общежитие для холостяков, и пусть они немедленно перебираются в многоквартирное здание.

– Нет, товарищ полковник! Мне приказано защищать лазерную установку, и я должен...

– Я приказываю вам собрать людей...

– Нет! – пронзительно закричал лейтенант.

Бондаренко сильным ударом опрокинул его на снег, выхватил автомат, снял его с предохранителя и выпустил в грудь лейтенанта короткую очередь. И тут же повернулся.

– Кто из вас лучший сержант?

– Я, товарищ полковник, – дрожащим голосом произнес молодой солдат.

– Я – полковник Бондаренко и принимаю на себя командование обороной! – голос Бондаренко прозвучал словно приказ Всевышнего. – Возьмите четырех человек, бегом – к общежитию холостяков и переведите всех в жилое здание на вершине холма. И быстрее! – Сержант тут же указал на четырех солдат и вместе с ними бросился бежать. – Остальные – за мной! – Он повернулся и направился в пелену падающего снега. Ни у Бондаренко, ни у солдат, последовавших за ним, не было времени раздумывать над тем, что их ожидает. Не успели они пробежать и десяти метров, как на всем объекте погасло освещение.

У ворот лазерной установки стоял «газик» с тяжелым крупнокалиберным пулеметом. Генерал Покрышкин выбежал из центра управления, как только услышал взрывы, и был потрясен, увидев, как пылает то, что осталось от сторожевых вышек. Командир охранной роты КГБ подъехал к нему на своей машине.

– На нас напали, – без всякой надобности сообщил офицер.

– Соберите своих солдат – вот здесь. – Покрышкин оглянулся и увидел бегущих людей. Они были одеты в советское армейское обмундирование, но генерал сразу понял, что это не русские солдаты. Он вскарабкался в кузов «газика» и над головой изумленного офицера КГБ направил на них ствол пулемета. Он нажал на спусковой крючок, но выстрела не последовало, и ему пришлось передернуть затвор. Покрышкин нажал на спусковой крючок во второй раз и теперь с удовлетворением увидел, как трое афганцев рухнули будто

подкошенные. Командиру охранной роты не требовалось дальнейших указаний. Он достал рацию и начал отдавать приказы. И тут же бой превратился в свалку, как это неминуемо должно было произойти, – и атакующие и обороняющиеся были одеты в одинаковое обмундирование и вооружены одинаковыми автоматами. Но афганцев было больше, чем русских.

Морозов и еще несколько холостяков выскочили из общежития, как только услышали грохот взрывов и выстрелы. Большинство из них прошли службу в армии, хотя сам он был освобожден от нее. Впрочем, это не играло роли – никто не имел ни малейшего представления о происходящем. И тут из темноты выбежали пятеро солдат. На них было армейское обмундирование, и в руках они сжимали автоматы.

– Быстрее, бегите за нами! – Рядом послышались звуки автоматных очередей, и двое солдат упали – один замертво, второй – раненый, он успел обернуться и выпустить в темноту длинную очередь. Из-за снежной завесы донесся пронзительный стон и затем крики. Морозов кинулся в общежитие и позвал всех, кто был там, бежать к выходу. Молодым инженерам не нужно было повторять дважды.

– Вверх, к вершине холма, – скомандовал сержант. – К жилому дому! И скорее, скорее! – Четверо солдат КГБ, оставшиеся в живых, подгоняли инженеров, оглядываясь по сторонам в поисках противника, но видели только вспышки выстрелов. Теперь пули летели со всех сторон. Еще один солдат упал с предсмертным стоном, но сержанту удалось застрелить афганца, убившего его. Когда из общежития выбежал последний инженер, сержант и единственный оставшийся в живых солдат подняли автоматы убитых и повели раненого товарища вверх по горному склону.

Это слишком крупная операция для восьмидесяти человек, с опозданием понял Лучник. Слишком велика территория объекта, слишком много зданий, но вокруг было множество неверных, а он привел своих воинов сюда именно по этой причине. На его глазах один из боевиков взорвал противотанковой гранатой РПГ-7 автобус. Он загорелся, съехал с дороги и покатился вниз по склону. Изнутри доносились крики гибнущих русских. Моджахеды со взрывчаткой врывались в здания. Увидев станки, блестящие от смазки, они закладывали заряды и успевали выскочить наружу еще до того, как гремели взрывы и начинался пожар. Лучник поздно понял, в каком здании размещаются казармы охранников, теперь это здание пылало, и он повел туда свою группу, чтобы уничтожить солдат, выбегавших оттуда. Но опоздал. Случайная мина, выпущенная из миномета, перебила электрический кабель, по которому поступала электроэнергия, освещающая территорию объекта, и теперь его люди почти ничего не видели, ослепленные вспышками из своих собственных автоматов.

– Молодец, сержант! – похвалил юношу полковник Бондаренко. Он уже распорядился, чтобы все инженеры поднялись на второй этаж. – Мы окружим это здание и будем оборонять его. Если придется отступить, отойдем и займем круговую оборону на первом этаже. Стены и перекрытия здесь из бетона. Пули они выдержат, а вот противотанковые гранаты – другое дело. Пошлите одного человека внутрь – пусть соберет людей, прошедших военную подготовку. Дайте им эти два автомата – Всякий раз, когда один из наших будет выбывать – раненый или убитый, – передавайте его оружие тому, кто умеет им пользоваться. Я сейчас зайду в здание – может быть, там есть еще действующий телефон...

– В служебном помещении на первом этаже есть радиотелефон, – сообщил сержант. – Радиотелефоны тут во всех зданиях.

– Отлично! Держите оборону, сержант. Через пару минут я вернусь. – Бондаренко вбежал внутрь здания. Радиотелефон висел на стене, и полковник с облегчением увидел, что это аппарат военного

образца, работающий на батарейном питании. Бондаренко снял его с крючка и выбежал наружу.

Нападающие – кто они? – подумал он – плохо организовали штурм объекта. Начать с того, что им не удалось уничтожить казармы охранной роты КГБ до начала штурма; во-вторых, они не сумели быстро атаковать жилой район объекта. Теперь нападающие пытались исправить эту ошибку, но натолкнулись на цепь пограничников, залегших в снегу. Бондаренко знал, что это всего лишь солдаты КГБ, но они прошли должную подготовку и понимали, что здесь, на вершине горы, им некуда отступать. Он уже обратил внимание на молодого сержанта, оказавшегося превосходным командиром. Юноша двигался вокруг здания, сам не стрелял, но подбадривал остальных и говорил, что им следует делать. Полковник включил рацию.

– Внимание! Говорит полковник Бондаренко, заместитель начальника объекта «Яркая звезда». Мы отражаем нападение, повторяю, «Яркая звезда» отражает нападение. Прошу немедленно ответить – кто слышит меня.

– Геннадий, это Покрышкин. Я нахожусь на лазерной установке. Мы защищаемся в центре управления. Какова ситуация?

– Я нахожусь в жилом доме. Все гражданские лица – то есть все, кого нам удалось собрать, – находятся внутри, на втором этаже. У меня сорок солдат, и мы постараемся удержаться. Вы запросили подкрепление?

– Пытаюсь установить связь. Геннадий, мы можем рассчитывать лишь на помощь извне. Вы сможете продержаться?

– Спросите меня снова через двадцать минут, товарищ генерал.

– Самое главное – спасите людей, полковник. Спасите моих людей! – донесся крик Покрышкина,

– Мы будем защищаться до тех пор, пока живы, товарищ генерал. Конец связи. – Бондаренко закрепил на спине лямки рации и взял автомат. – Сержант!

– Я здесь, товарищ полковник. – Перед ним выросла фигура молодого сержанта. – Они пока не атакуют, только делают вылазки то здесь то там...

– Ищут незащищенные места. – Бондаренко снова опустился на колени. Повсюду, казалось, свистели пули, но огонь еще не был концентрированным. Над их головами разбивались окна, и стекла

летели вниз. Пули ударяли в стены из сборного железобетона, и всех осыпало его осколками. – Располагайтесь на углу, противоположном этому. Вы будете возглавлять оборону северной и восточной стен здания. Я возьму на себя две остальные. Прикажите своим людям вести только прицельный огонь...

– Я уже отдал такое распоряжение, товарищ полковник.

– Отлично! – Бондаренко хлопнул сержанта по плечу. – Не отступать с занятых позиций, пока вас не принудят к этому, но сначала сообщите мне об этом. Люди, что в здании, бесценны. Их нужно спасти во что бы то ни стало. Идите! – Полковник смотрел вслед уходящему сержанту. Может быть, и в КГБ умеют неплохо готовить солдат. Он повернулся и подбежал к углу дома.

Сейчас у него было двадцать – нет, уже только восемнадцать – солдат. В камуфляжной форме они были почти невидимы. Бондаренко, согнувшись под тяжестью рации на спине, пробежал от одного солдата к другому, расставляя их в наиболее защищенных местах, объясняя, что нужно беречь патроны. Он едва успел миновать западную стену здания, как из темноты донесся дружный вопль.

– Нас атакуют! – закричал молодой солдат.

– Не стрелять! – рявкнул полковник.

Бегущие фигуры появились перед ними как по мановению волшебной палочки. Только что здесь было пусто, лишь падал снег – и в следующее мгновение из темноты вырвалась цепь людей, с бедра стреляющих из своих «Калашниковых». Бондаренко дал им приблизиться на пятьдесят метров.

– Огонь! – В следующую секунду десяток бегущих рухнули на снег словно подкошенные. Остальные замешкались и отступили, оставив еще два трупа. С противоположной стороны здания тоже слышались автоматные очереди, У Бондаренко мелькнула мысль, удастся ли сержанту отразить атаку, но он не мог заниматься этим. Рядом послышались стоны – его солдаты тоже несли потери. Обходя обороняющихся, он увидел, что один уже не стонет. Теперь у него осталось лишь пятнадцать человек.

Самолет уверенно набирал высоту. В нескольких футах позади полковника фон Эйка на откидном сиденье располагался русский летчик, поглядывавший на панель с электроприборами.

– Как дела с энергоснабжением? – раздраженно спросил пилот.

– Никаких проблем с питанием двигателей. Гидравлика тоже в порядке. Судя по всему, что-то случилось с освещением, – ответил инженер, незаметно выключая ходовые огни на вершине хвостового оперения и на концах крыльев.

– Ну что ж... – Контрольные панели были, разумеется, освещены, и для тех, кто находился в кокпите, дополнительного освещения не требовалось. – Ладно, исправим в Шанноне.

– Полковник, – послышался голос механика в наушниках пилота.

– Говорите, – сказал инженер, убедившись, что наушники в шлеме русского летчика подключены к другому каналу.

– Можете говорить, сержант,

– У нас два наших... два новых пассажира, сэр, но мистер Рай-ан остался на аэродроме.

– Повторите, – сказал полковник фон Эйк.

– Он приказал нам улетать, сэр. К нему подбежали двое с пистолетами, сэр, они... он приказал мне закрыть дверь и уносить ноги, сэр, – повторил механик.

– О'кей, – выдохнул пилот. – Как дела в хвостовом отсеке?

– Я усадил их на кресла заднего ряда. Не думаю, что кто-то обратил на них внимание – шум двигателей и тому подобное.

– Пусть так все и остается.

– Слушаюсь, сэр. Я сказал Фредди, чтобы он перевел пассажиров в носовой салон. Гальюн в хвосте не работает, сэр.

– Ничего не поделаешь, – ухмыльнулся пилот. – Скажи им, пусть ходят в тот, что в носовом салоне, если возникнет надобность.

– Слушаюсь, полковник.

– Семьдесят пять минут, – сообщил штурман.

Боже мой, Райан. Надеюсь, что с тобой ничего не случилось, подумал пилот...

– Мне надо было застрелить вас прямо на месте! – проворчал Головко.

Они сидели в машине председателя КГБ. Райан увидел, что находится в окружении четырех разъяренных офицеров этого ведомства. Разъяренной других был тот, что располагался на правом переднем сиденье. Это телохранитель Герасимова, подумал Райан, тот, что постоянно находился в компании председателя. Он выглядел необычайно сильным физически, и Райан был доволен, что его отделяет от телохранителя спинка кресла. Впрочем, у Джека были более срочные дела. Он посмотрел на Головко и решил, что следует попытаться успокоить его.

– В этом случае, Сергей, разразится небывалый международный скандал, – спокойно произнес Джек. Переговоры, которые последовали дальше, велись по-русски. Он не понимал, о чем идет речь, но эмоциональное содержание было ему ясно. Они просто не знали, что теперь делать. Это вполне устраивало Райана.

Кларк шел по улице в трех кварталах от порта, когда, наконец, увидел их. Часы показывали без четверти двенадцать. Слава Богу, точно вовремя. В этом районе города находились рестораны и, к изумлению Кларка, дискотеки. Когда он заметил их, они как раз выходили из дискотеки. Две женщины, одетые, как ему сообщили, и один мужчина. Телохранитель. Всего один, как и говорилось в приказе. Для Кларка было приятным сюрпризом, что пока все шло в соответствии с планом. Он насчитал на улице с десятков прохожих, некоторые из них шли группами и громко разговаривали, некоторые покачивались в подпитии. Сегодня вечер пятницы, и именно этим занимаются люди во всем мире вечером пятницы. Кларк не выпускал из поля зрения троих интересовавших его людей и постепенно приближался к ним.

Телохранитель был настоящим профессионалом. Он шел справа от женщин, и его правая рука была все время свободна. Он чуть опережал их, но постоянно окидывал взглядом все происходящее вокруг. Кларк поправил шарф на шее и сунул руку в карман, взявшись

за рукоятку пистолета. Он был совсем рядом. Женщины приближались к перекрестку и шли не торопясь. Та, что постарше, осматривала город, показалось Кларку, с интересом. Окружающие здания выглядели древними, но на самом деле это было не так. Вторая мировая война пронеслась через Таллинн двумя сокрушительными волнами, оставив позади себя пустыню сожженных камней. Но тот, кто имел право принимать решения, распорядился восстановить город в точности, каким он был раньше, и потому этот город казался не таким, как русские города, где Кларку довелось побывать. Он напоминал Кларку Германию, хотя ему было неясно почему. Это была его последняя не относящаяся к делу мысль этим вечером. Теперь он был в тридцати футах от них, еще один прохожий, возвращающийся домой холодной февральской ночью, с опущенным лицом, чтобы укрыться от пронизывающего ветра, и надвинутой на лоб меховой шапкой. Он уже слышал их голоса, говорившие по-русски. Пора.

– Русские, – удивленно произнес Кларк с акцентом жителя Москвы. – Неужели не все жители этого города высокомерные эстонцы?

– Это старинный и прекрасный город, товарищ, – упрекнула его та женщина, что постарше. – Нужно уважать местные обычаи.

Теперь за дело... сказал себе Кларк. Он шел заплетающимися шагами пьяного человека.

– Извините меня, леди. Желаю вам счастливо провести вечер, – сказал он, проходя мимо. Он обошел женщин и столкнулся с телохранителем. – Извините меня, товарищ... – Телохранитель поднял голову и увидел дуло пистолета у самую лица. – Повернитесь налево и идите в переулок. Держите руки, чтобы я мог их видеть, товарищ.

Бедняга был так потрясен, что это казалось почти забавным, подумал Кларк и тут же напомнил себе, что перед ним превосходно подготовленный сотрудник КГБ с пистолетом в кармане. Он схватил мужчину за воротник, держа пистолет у его лица.

– Мама... – с тревогой сказала Катя.

– Молчи. Молчи и делай так, как тебе скажет этот человек.

– Но...

– Марш к стене, – скомандовал Кларк. Он не отрывал пистолета от лба телохранителя, сменил руки и затем сильно ударил ребром правой руки по шее мужчины. Потерявший сознание телохранитель

опустился на колени, и Кларк тут же защелкнул наручники на его кистях. После этого он заткнул ему рот и оттащил в самое темное место узкого переулка,

– А теперь, дамы, прошу вас пройти со мной.

– Что здесь происходит? – спросила Катя.

– Я не знаю, – призналась ее мать. – Твой отец сказал мне...

– Мисс, ваш отец решил навестить Америку и выразил желание, чтобы вы и ваша мать присоединились к нему, – произнес Кларк на безупречном русском языке.

Катя не ответила. В переулке царил полумрак, и все-таки Кларк заметил, что лицо ее побледнело. Мать выглядела лишь немногим лучше.

– Но ведь это предательство, – произнесла наконец девушка. – Я не могу в это поверить...

– Он сказал мне... он сказал мне, что мы должны беспрекословно повиноваться этому человеку, – прошептала Мария. – Катя – мы должны.

– Но...

– Катя, – прервала ее мать, – Подумай, что случится с тобой, если твой отец окажется в Америке, а ты останешься здесь? Что будет с твоими друзьями? Что будет с тобой? Они воспользуются тобой, чтобы вернуть его обратно, будут шантажировать его, сделают все возможное, Катюша...

– Нам пора идти. – Кларк взял женщин под руки,

– Но что будет с ним? – Катя сделал жест в сторону лежащего телохранителя.

– С ним все в порядке. Мы не убийцы. Это оказывает плохое влияние на наш бизнес. – Кларк вывел их на улицу и повернул налево к порту.

Майор разделил своих людей на две группы. Та, что поменьше, закладывала подрывные заряды повсюду, где считала нужным, – основание зеркала или фундамент лазера – не имело значения. Основная группа уничтожила почти всех солдат КГБ, попытавшихся

контратаковать их, и теперь окружила командный бункер. Вообще-то это был не бункер, но проектировщик, по-видимому, считал, что контрольный центр должен быть защищен ничуть не хуже, чем ЦУП на Байконуре, не исключено, он предполагал, что по горе, где размещен объект «Яркая звезда», могут нанести ядерный удар. Впрочем, вероятнее всего, существовало указание, что для подобного объекта следует строить такой центр управления, – и все тут. В результате центр управления «Яркой звезды» представлял собой заглубленное в грунт сооружение с железобетонными стенами метровой толщины. Моджахеды из группы майора убили командира охранной роты, захватили его машину с установленным на ней крупнокалиберным пулеметом и теперь поливали огнем амбразуры в стенах бункера. Вообще-то никто не пользовался амбразурами для наблюдения, и пули всего лишь пробивали толстое стекло и разносили вдребезги установленные внутри компьютеры и приборы управления.

Генерал Покрышкин, находившийся в центре управления, был вынужден принять на себя командование обороной. В его распоряжении было около тридцати солдат из охранной роты КГБ, вооруженных лишь стрелковым оружием и тем небольшим количеством боеприпасов, которое было при них на момент штурма. Покрышкин поручил оборону лейтенанту, а сам пытался вызвать по радио подкрепление.

– Понадобится не меньше часа, – сообщил ему командир полка. – Машины уже выезжают,

– Постарайтесь, чтобы они прибыли как можно скорей! – кричал в микрофон генерал Покрышкин. – Мои люди гибнут! – Он уже подумал о том, чтобы запросить вертолеты, но в такую погоду это было бесполезно. Вертолетный десант будет не просто рискованным шагом, а прямо-таки самоубийством. Покрышкин опустил рацию и взял свой табельный пистолет. Он слышал грохот, доносящийся снаружи. Все снаряжение объекта взорвано и разрушено. Впрочем, это можно пережить. Какой огромной ни была потеря, самое главное сейчас сохранить людей. Почти треть инженеров находилась с ним в бункере. В момент начала штурма они заканчивали затянувшееся совещание. Если бы не совещание, инженеры и ученые начали бы расходиться. По крайней мере сейчас у них появился шанс выжить.

С наружной стороны бетонного бункера майор все еще пытался понять, что происходит – Он никак не рассчитывал натолкнуться на такое сооружение. Выпущенные противотанковые гранаты всего лишь откалывали осколки от бетонной плиты, а прицелиться в темноте в узкие амбразуры из гранатомета было практически невозможно. С помощью трассирующих пуль можно попасть очередью в амбразуру, но это не окажет никакого воздействия на тех, кто находился в бункере.

Нужно найти слабое место, подумал он. Не спеши, тщательно все обдумай. Майор приказал своим людям вести непрерывный обстрел бункера, а сам пошел вокруг него. Обороняющиеся также равномерно распределили свое вооружение, но подобные укрепления не могли не иметь ахиллесовой пяты, уязвимого места... Требовалось всего лишь найти его.

– Как дела? – раздался голос в рации.

– Мы убили человек пятьдесят. Остальные скрылись в бункере, и сейчас мы пытаемся пробиться к ним. А ваша цель?

– Жилое здание, – ответил Лучник. – Они все внутри, и мы... – Из рации донесся грохот выстрелов. – Мы скоро слошим оборону и ворвемся внутрь.

– Через тридцать минут нам нужно уходить, мой друг, – напомнил майор.

– Знаю. – Рация замолчала.

Лучник – хороший человек, храбрый воин, подумал майор, осматривая северную сторону бункера, ему бы неделю военной подготовки, и он мог бы воевать с куда большей эффективностью... всего одну неделю для систематизации уже имеющихся у него знаний и приобретения опыта, ради которого проливали кровь столько правоверных...

Вот это место. Вот ахиллесова пята.

Последние мины, выпущенные из миномета, разорвались на крыше жилого здания. Бондаренко наблюдал за этим с улыбкой. Наконец-то противник совершил что-то глупое. Мины из минометов 82-миллиметрового калибра никак не могли пробить бетонные плиты

потолочного перекрытия, но вот если бы противник обстрелял ими периметр здания, полковник потерял бы многих своих солдат. Теперь у него осталось их всего десять, причем двое были ранены. Автоматы погибших солдат уже передали внутрь здания, и инженеры вели огонь из окон второго этажа. Бондаренко насчитал двадцать вражеских трупов, и нападавшие – это были афганцы, теперь он не сомневался в этом – остановились в нерешительности вне пределов видимости, не зная, что предпринять дальше. Впервые Бондаренко понял, что они могут выжить, отразить штурм. Только что генерал сообщил ему, что полк моторизованной пехоты движется из Нурека, и, хотя полковник с ужасом представил себе, что значит гнать боевые машины пехоты по усыпанным снегом горным дорогам, потеря нескольких взводов казалась ничтожной по сравнению с тем объектом, той суммой знаний, которую он старался сейчас защитить.

Автоматный огонь стих, очереди раздавались довольно редко – противник решал, что делать дальше. Если бы у Бондаренко было больше людей, он предпринял бы сейчас контратаку, пытаясь опрокинуть противника, но при сложившейся ситуации полковник был вынужден оставаться на оборонительном рубеже. Он не имел права рисковать, особенно теперь, когда в его распоряжении было всего одно отделение для защиты двух сторон здания.

Может быть. лучше отступить? Чем дальше я удерживаю их вдали от здания, тем лучше, но, может быть, все-таки сейчас лучший момент для отступления? Бондаренко заколебался. Внутри здания его солдаты будут лучше защищены, но тогда он утратит контроль над ними, не сможет управлять их действиями, когда каждый из солдат будет отделен друг от друга внутренними стенами. А если они отступят внутрь здания и перейдут на верхний этаж, у афганских саперов появится возможность подорвать здание взрывными зарядами и обрушить верхний этаж – нет, это шаг, продиктованный отчаянием. Бондаренко прислушался к звукам выстрелов, стонам раненых и умирающих людей и никак не мог принять решение.

Рядом, в двухстах метрах, Лучник собирался принять решение за него. По ошибке сделав вывод, что большие потери, которые он понес на этой стороне здания, означают, что именно здесь сконцентрированы защитники, он перебросил остаток своих воинов на другую сторону. На это ему потребовалось пять минут, а оставленные им моджахеды

вели непрерывный огонь по русскому периметру обороны. У людей Лучника кончились мины, кончились гранаты, которыми стреляли из гранатометов, и помимо автоматов осталось всего несколько ручных гранат и шесть подрывных зарядов. Вокруг пылали пожары, пламя которых взвивалось оранжевыми языками в темноту ночи, растопляя падающий снег. Лучник слышал стоны своих раненых воинов, собирая ударный кулак из пятидесяти человек, способных сражаться. Они бросятся в атаку как один, следуя за тем, кто привел их сюда. Лучник снял с предохранителя свой АК-47 и вспомнил трех первых русских, которых застрелил из него.

Бондаренко резко повернул голову, когда услышал крики, доносящиеся с противоположной стороны здания. Он взглянул назад и увидел, что ничего не случилось. И тут он решил поступить так, как считал правильным: «Всем в здание! Быстрее!» Два из десяти оставшихся у него солдат были ранены, и каждый из них нуждался в помощи. На отступление потребовалось больше минуты, и тишина ночи все время нарушалась автоматными очередями. Бондаренко взял с собой пятерых и побежал с ними по центральному коридору первого этажа. Через несколько мгновений они выскочили на противоположную сторону здания.

Полковник не успел понять, удалось ли афганцам прорваться через линию обороны или это его люди отступали, – ему снова пришлось воздержаться от стрельбы, потому что обе стороны были одеты одинаково. Затем один из бегущих к зданию открыл огонь, полковник опустился на колени и срезал его короткой очередью. Тут же появились другие, и Бондаренко едва не нажал на спусковой крючок, но в это мгновение услышал их крики:

– Свои! Свои! – Полковник насчитал восемь человек. Последним был сержант, раненный в обе ноги.

– Их слишком много, мы не могли...

– Всем внутрь, – крикнул полковник. – Вы можете сражаться?

– Да, черт побери! – Оба оглянулись. Нельзя обороняться, стоя в отдельных комнатах. Вести огонь придется в коридорах и на

лестничных клетках.

– Подкрепление уже в пути. Из Нурека движется сюда целый полк. Нам нужно только продержаться до их прибытия! – сообщил своим людям Бондаренко. Он не сказал им, сколько времени потребуется для этого. Но для солдат это была первая хорошая новость за последние полчаса. По лестнице вниз спустились двое штатских. В руках у них были автоматы.

– Нужна помощь? – спросил Морозов. Он не проходил военного обучения, но только что узнал, что пользоваться автоматом совсем несложно-

– Как дела наверху? – спросил Бондаренко.

– Убили руководителя моего сектора. Я взял у него вот этот автомат. Много раненых, и остальные напуганы, как и я.

– Оставайтесь здесь, с сержантом, – распорядился полковник. – Не теряйте головы, товарищ инженер, и мы сумеем отбиться. Вот-вот прибудет подкрепление.

– Поскорее бы. – Морозов помог раненому сержанту встать – тот был еще моложе инженера, – и они направились в дальний конец коридора.

– Спускайтесь по лестнице. Осторожно, – предупредил Кларк. – У конца лестницы – поперечный брус. На него можно встать.

Мария с отвращением посмотрела на уходящую вниз лестницу, покрытую слизью, и начала спускаться, двигаясь словно во сне. За ней последовала дочь. Кларк обошел женщин и спрыгнул в лодку. Там он отвязал носовой линь и передвинул лодку, отталкиваясь руками от свай, к тому месту, где они его ждали. От поперечного бруса лодку отделяло три фута.

– По одной, вы первая, Катя. Спускайтесь медленно вниз, и я подхватю вас. – Девушка начала спускаться, от страха и неуверенности у нее дрожали колени. Кларк схватил ее за лодыжку и потянул к себе. Она рухнула в лодку с элегантностью мешка, полного картошки. За ней последовала Мария. Кларк точно так же проинструктировал ее, но

Катя, пытаясь помочь матери, оттолкнула лодку от пирса. Руки Марии соскользнули, и она с криком упала в воду.

– Кто там? – донесся окрик с берега.

Кларк не обратил на окрик внимания, схватил барахтающуюся женщину и втащил в лодку. Мария задыхалась от холода, но он ничем не мог ей сейчас помочь. Он включил электрический мотор и направил лодку к выходу из гавани. По пирсу загремели шаги бегущего человека.

– Стой! – раздался крик. Кларк понял, что это портовый охранник – так всегда, в решающую минуту появляется охранник. Он обернулся и увидел свет ручного фонарика. Слабый луч не доставал до лодки, но освещал кильватерную струю, остающуюся позади. Кларк поднял рацию.

– Дядя Джо, говорит Уилли. Возвращаемся. Солнце зашло.

– Их могли заметить, – сообщил офицер-связист капитану.

– Этого только нам не хватало. – Манкузо прошел вперед. – Гудмэн, поворот направо на курс ноль-восемь-пять. Двигайтесь к берегу со скоростью десять узлов.

– Мостик, докладывает гидролокатор. Контакт на пеленге два девять-шесть. Дизельный двигатель, – слышался голос Джоунси. – Два винта.

– По-видимому, патрульный фрегат КГБ – «Гриша», вероятней всего, – заметил Рамиус. – Обычное патрулирование.

Манкузо промолчал, лишь сделав жест в сторону группы управления огнем. Они вычисляют координаты цели, идущей мористее, пока «Даллас» двигается к берегу на перископной глубине, подняв над водой радиоантенну.

– Внимание, девять-семь-один, это центр управления полетом Великие Луки. Поворачивайте направо на новый курс один-ноль-

четыре, – произнес русский голос в наушниках полковника фон Эйка. Пилот сжал выключатель на руле управления.

– Повторите, Луки. Плохо вас слышу.

– Девять-семь-один, вам приказано повернуть направо на новый курс один-ноль-четыре и вернуться в Москву.

– А-а, понятно. Спасибо, Луки, но мы не согласны. Продолжаем полет по курсу два-восемь-шесть в соответствии с полетным планом. Конец связи.

– Девять-семь-один, приказываю немедленно возвращаться в Москву! – настаивал авиадиспетчер.

– Понятно. Спасибо. Конец связи. – Фон Эйк посмотрел на автопилот, чтобы убедиться, что самолет сохраняет заданный курс, и продолжил обзор. Всегда была вероятность появления неопознанных самолетов.

– Но ведь вы не поворачиваете обратно, – сказал русский летчик по системе внутренней связи.

– Нет, конечно. – Фон Эйк посмотрел на него. – Насколько я помню, мы ничего в Москве не забыли. – Так уж и ничего...

– Но вы получили приказ...

– Сынок, я командую этим самолетом, и мой приказ – лететь в Шаннон.

– Но... – Русский отстегнул ремни и начал вставать.

– Сидеть! – Резко скомандовал пилот. – Никто не смеет выходить из кокпита без моего разрешения, мистер! Вы являетесь гостем на борту моего самолета и, клянусь Всевышним, будете вести себя так, как я приказываю! – Черт побери, подумал полковник, все должно было пройти гладко. Он сделал знак инженеру, который повернул еще один выключатель. Теперь свет погас во всех салонах «Боинга». Начиная с данного момента VC-137 не нес ни единого огня. Фон Эйк снова включил радиопередатчик.

– Луки, говорит девять-семь-один. У нас неисправности в электрической сети. Не могу делать резких перемен курса, пока не устраним неисправность. Как слышите? Прием.

– В чем у вас дело? – спросил авиадиспетчер. Пилот не знал, какие указания даны авиадиспетчеру, и потому выдал новую ложь.

– Луки, мы еще сами не знаем. Неожиданно выключились все огни. В настоящее время моя птичка летит безо всяких огней,

повторяю, мы летим без огней. Я очень этим обеспокоен и прошу не отвлекать меня. – После такого заявления молчание длилось две минуты, за которые самолет пролетел двадцать миль.

– Девять-семь-один, я сообщил в Москву о ваших затруднениях. Они советуют немедленно вернуться в Москву. Готовится посадочная дорожка для аварийного приземления, – произнес авиадиспетчер.

– Понятно, спасибо. Луки, я не могу пойти на риск изменения курса в данный момент. Надеюсь, вы меня понимаете. Мы стараемся устранить неисправность. Оставайтесь на связи. Как только у нас будет что-то новое, сообщим. – Полковник фон Эйк взглянул на часы на контрольной панели. Еще тридцать минут до побережья.

– Что? – спросил майор Зарудин. – Кто поднялся на американский самолет?

– Председатель Герасимов и арестованный вражеский шпион, – ответил Ватутин.

– Герасимов поднялся на американский самолет? Вы утверждаете, что председатель КГБ изменил родине и улетает на американском самолете! – Майор Зарудин, начальник службы безопасности аэродрома, взял дело в свои руки, как это предписано приказами. Войдя в свой кабинет, он обнаружил там двух полковников, одного подполковника, водителя и какого-то американца – и услышал самую безумную историю из всех, которые ему приходилось когда-либо слышать. – Мне нужно запросить указания.

– Я старше вас по званию! – бросил Головко.

– Но не старше моего начальника, – напомнил Зарудин, протягивая руку к телефону. Ему удалось убедить авиадиспетчеров попытаться вернуть американский самолет в Москву, но пилот отказался возвращаться, как и следовало ожидать.

Райан сидел, не двигаясь, почти не дыша, даже не шевеля головой. Он сказал себе, что пока они держат себя в руках, ему ничто не угрожает. Головко слишком умен, чтобы предпринять что-то отчаянное. Он знал, что представляет собой Джек Райан, и понимал, что случится, если аккредитованный дипломат из американской

делегации получит даже царапину. Джек, разумеется, уже полу чил царапину – и не одну. Лодыжка отчаянно болела, из разбитого колена сочилась кровь, но все эти повреждения он причинил себе сам. Головка, сидящий в пяти футах от него, не сводил с Райана разъяренным взглядом. Джек не ответил ему тем же. Он подавил страх и постарался выглядеть таким безобидным, каким он являлся в данное время.

– Где его семьи? – спросил Ватутин.

– Жена и дочь вчера вылетели в Таллинн, – ответил потупившись Василий. – Они решили навестить там старых друзей...

Время кончалось у всех. У людей Бондаренко осталось меньше чем по половине автоматного рожка патронов на человека. Еще двое погибли, когда в дом бросили гранаты. На глазах полковника один рядовой бросился на одну из них, накрыл ее своим телом и был разорван буквально в клочья – но спас этим товарищей. Кровь юноши растеклась по полу подобно краске. В углу валялись шестеро мертвых афганцев. Походив на бои в Сталинграде, подумал Бондаренко. Еще никому не удалось превзойти русских солдат в рукопашных схватках. Где этот полк моторизованной пехоты? Час – такое небольшое время. Половина продолжительности фильма... телевизионная программа, прогулка под ночными звездами... такое короткое время – если только в тебя не стреляют. Тогда каждая секунда тянется перед твоими глазами, стрелки часов словно застыли на циферблате, и единственное, что мчится вперед бешеным галопом, – это твое сердце. Вообще-то для полковника это был всего лишь второй бой. После первого его наградили, и он не знал, что случится после второго, – может быть, похоронят. Но он не мог допустить этого, не имел права. На верхних этажах собралось несколько сот человек – инженеры, ученые, их жены и дети, – судьба которых зависела от того, сумеет ли он продержаться меньше часа. до момента прибытия подкреплений.

Уходите, подумал он про афганцев. Неужели вы считаете, что мы по доброй воле приехали в эту кучу скал и валунов, которую вы называете своей страной? Если вам так уж хочется убить тех, кто несет

ответственность за это, отправляйтесь в Москву. Но разве на практике так не бывает? Политики никогда не приезжают посмотреть, что они натворили. Они никогда не делали этого в прошлом, а теперь в их распоряжении ракеты с ядерными боеголовками, и эти ублюдки могут умертвить миллионы, в их руках власть над всем населением планеты. И все-таки у них не хватает мужества своими глазам и. увидеть весь ужас происходящего на поле боя...

Ну что за глупые мысли приходят тебе в такое неподходящее время! – выругал он себя.

Он потерпел неудачу. Его люди доверили ему командование, а он не сумел оправдать их доверие, твердил себе Лучник. Он оглянулся вокруг, увидел мертвые тела, лежащие на снегу, и каждое из них, казалось, смотрит на него укоризненным взглядом. Он мог убивать врагов двоими руками, мог сбивать самолеты, летящие в небе, но так и не научился вести в бой большие группы людей. Может быть, это проклятие Аллаха за то, что он пытал русских летчиков? Нет! Перед ним еще остались враги, которых нужно убить. Он жестом послал своих людей в здание через несколько зияющих окон первого этажа.

Майор вел своих людей за собой, как и ждали от него моджахеды. Вместе с ним к стене бункера подбежало десять боевиков, затем он пол прикрытием огня остальной роты повел их вдоль стены к главному входу. Пока все идет хорошо, подумал он. Потери – пять бойцов, но при такой операции это совсем немного... Спасибо вам, русские друзья, за всю ту подготовку, которую вы мне дали...

Дверь, ведущая внутрь бункера, была стальной. Майор лично установил подрывные заряды у обоих нижних углов. Автоматы русских грохотали у него над головой, но внутри бункера не знали, где он находится. Однако скоро это изменится. Итак, он установил

подрывные заряды, потянул за шнуры, воспламенившие бикфордовы шнуры, и спрятался за угол.

Покрышкин съежился, услышав звук взрыва. Повернувшись, он увидел, как тяжелая стальная дверь пролетела через внутреннее помещение бункера и рухнула на панель управления. Лейтенант КГБ погиб при взрыве, а когда люди Покрышкина бросились к образовавшемуся проему, чтобы защитить брешь, внутрь влетели еще три взрывных заряда, брошенных снаружи. Бежать было некуда. Пограничники вели огонь из автоматов и убили одного моджахеда, но тут взорвались взрывпакеты.

Звук взрыва показался майору каким-то приглушенным. Сила взрыва многократно увеличилась тем, что бетонные стены сконцентрировали взрывную волну внутри бункера. Через секунду майор повел своих людей внутрь. Электрическая проводка коротила, и от нее летели искры, скоро здесь займется пожар. Пока, однако, все в бункере было перевернуто. Его люди двигались внутри, собирая оружие и убивая тех, кто просто потерял сознание. Майор увидел русского офицера с генеральскими звездами на погонах. Из носа и ушей у него текла кровь, но он все-таки пытался поднять пистолет. Майор срезал его короткой очередью. Через минуту все русские были мертвы. Здание быстро наполнялось густым едким дымом. Он приказал своим людям покинуть бункер.

– Мы покончили с ними, – произнес он, поднеся к губам рацию. Ответа не последовало. – Вы меня слышите?

Лучник прижался к стене рядом с полуоткрытой дверью. Его рация была выключена. В коридоре стоял русский солдат. Пора. Лучник распахнул дверь стволом своего автомата и застрелил русского, прежде чем тот успел повернуться. Лучник выкрикнул команду, и из комнат выбежало еще пять человек, но двое были убиты

еще до того, как начали стрелять. Он посмотрел по всей длине коридора и увидел только вспышки автоматных очередей и неясные силуэты бойцов.

Бондаренко, находившийся в пятидесяти метрах, мгновенно отреагировал на новую угрозу – Он громко крикнул, приказав своим солдатам не покидать укрытия, и затем с убийственной точностью принялся опознавать и убиватьдвигающиеся в коридоре цели, пользуясь его аварийным освещением. Коридор в точности напоминал стрелковый тир, и ему удалось двумя короткими очередями уложить двух душманов. Из комнаты выскочил третий, крича что-то неразборчивое и ведя непрерывный огонь. К своему удивлению, Бондаренко промахнулся, но безумца прикончили чьи-то выстрелы. Стрельба не стихала, и грохот выстрелов, отражающихся от бетонных стен коридора, оглушал. И тут он увидел, что в живых остался лишь один афганец. На глазах полковника упали двое его солдат, и выстрелы последнего афганца выбили бетонные осколки из стены всего в нескольких сантиметрах от его лица. Они ужалили щеку, и он отшатнулся от внезапной боли. Полковник отошел от линии огня, перевел ведение стрельбы на автоматическое и выскочил в коридор. Афганец стоял ближе чем в десяти метрах от него.

Мгновение, когда оба подняли свое оружие, растянулось, казалось, на целую вечность. Полковник увидел глаза душмана. Это было молодое лицо, он ясно видел его, потому что афганец стоял прямо под лампочкой аварийного освещения. Ярость в его глазах... невыразимая ненависть едва не заставила Бондаренко дрогнуть. Но он был прежде всего солдатом. Первый выстрел афганца прошел мимо. Очередь Бондаренко попала точно в цель.

Лучник почувствовал шок, но не боль в груди, когда упал. Его мозг послал приказ рукам направить оружие налево, но руки не повиновались ему и выронили автомат. Он падал постепенно, сначала на колени, затем на спину и наконец вытянулся, уставившись в потолок. Теперь все кончилось. Затем русский подошел к нему. У него не жестокое лицо, подумал Лучник. Это был враг, неверный, но разве

он тоже не человек? В его глазах было любопытство. Он хочет знать, кто я такой, и Лучник сказал это своим последним выдохом:

– Аллах акбар! – Бог велик!

Да, пожалуй, это так и есть. мысленно произнес Бондаренко, обращаясь к труп. Эта фраза была хорошо ему знакома. Значит, вы прибыли сюда по этой причине? Он увидел рядом с мертвым телом рацию. Из нее доносились какие-то звуки, и полковник наклонился за ней.

– Ты там? – донеслось через мгновение из рации. Вопрос был задан на пушту, но ответ последовал по-русски.

– Здесь все кончено, – сказал Бондаренко.

На мгновение майор посмотрел на свою рацию, затем поднес к губам свисток и собрал своих людей, оставшихся в живых. Рота Лучника знала, как добраться до сборного пункта, но сейчас самым главным было вернуться домой. Майор сосчитал своих людей, Одиннадцать убитых и шестеро раненых. Если повезет, ему удастся перейти границу еще до того, как кончится снегопад. Пятью минутами позже его люди спускались с вершины.

– Проверить территорию! – приказал Бондаренко шестерым солдатам, оставшимся в живых. – Собрать оружие и раздать его. – Бой, по-видимому, закончился, но окончательно все завершится лишь после того, как сюда прибудет полк мотопехоты.

– Морозов! – крикнул он.

Инженер тут же появился рядом.

– Слушаю вас, товарищ полковник.

– Наверху есть врач?

– Да, несколько – сейчас приведу.

Полковник почувствовал, что вспотел. В здании все еще сохранялось тепло. Он снял армейскую рацию со спины и с изумлением увидел в ней две пулевые пробоины – и еще больше удивился, заметив кровь на ляжках. Его ранило, и он даже не заметил этого. Сержант подошел к полковнику и взглянул на рану.

– Всего лишь царапина, товарищ полковник, как у меня на ногах.

– Помогите мне снять шинель. – Бондаренко стащил с себя длинную, ниже колен, шинель. Правой рукой он снял с груди орден боевого Красного Знамени и прикрепил его к рубашке сержанта. – Вы заслуживаете более высокой награды, сержант, но это все, что я могу сделать сейчас.

– Поднять перископ! – На этот раз Манкузо воспользовался поисковым телескопом, обладающим большой светосилой. – Все еще ничего... – Он повернул телескоп и посмотрел на запад. – Ага, вижу тоновый фонарь на пеленге два-семь-ноль...

– Это и есть наш гидролокационный контакт, – добавил лейтенант Гудмэн без всякой необходимости.

– Гидролокационный пост, говорит мостик, вы еще не опознали контакт? – спросил Манкузо.

– Нет, – ответил Джоунс. – Мы получаем отражательные сигналы ото льда. Акустические условия очень неудачны. Нам известно, что у него дизельная двигательная установка и два винта, но пока ничего больше,

Манкузо включил телевизионную камеру на перископе. Рамиусу понадобилось лишь раз взглянуть.

– Это «Гриша», – сказал он.

Манкузо повернулся к группе слежения.

– Разработано решение?

– Да, – ответил оружейник, – но оно не слишком надежное. Лед сильно мешает, – добавил он. Оружейник имел в виду, что торпеда марки 48 при пуске близко к поверхности может быть сбита с курса плавающим льдом. Он на мгновение задумался. – Сэр, если это «Гриша», почему он не ведет радиолокационного наблюдения?

– Новый контакт! Мостик, докладывает гидролокационный – пункт, новый контакт пеленг ноль-восемь-шесть – похоже на нашего друга, – послышался голос Джоунса. – Что-то еще рядом с этим пеленгом, винт, вращающийся на большой скорости, определенно что-то совершенно новое, сэр... пеленг ноль-восемь-три.

– Еще два фута вверх, – приказал Манкузо боцману. Перископ поднялся вверх. – Вижу его на горизонте... милях в трех. За ним виден свет. – Капитан поднял вверх ручки перископа, который тут же соскользнул вниз. – Пойдем ему навстречу, и побыстрее. Вперед, две трети мощности.

– Вперед, две трети мощности, сэр. – Рулевой передал сигнал в машинное отделение.

Штурман, определяя положение приближающейся лодки, отсчитывал оставшиеся ярды.

Кларк смотрел назад, в сторону берега. Над водой гулял луч прожектора. Кто это? Он не знал, есть ли катера у местных полицейских, но в порту точно имеется подразделение пограничной охраны КГБ, а у них есть свой маленький военно-морской флот и свои маленькие ВВС. Но насколько бдительны они вечером пятницы? Наверно, бдительней, чем в ту ночь, когда немецкий юноша решил лететь в Москву... прямо через этот сектор, вспомнил Кларк. В этом районе, по-видимому, еще не забыли о том эпизоде и постоянно настороже... Ну, где же ты, «Даллас»? Он поднес рацию к губам.

– Дядя Джо, это Уилли. Солнце встает, и мы далеко от дома.

– Он говорит, что уже близко, сэр, – доложил офицер-связист.

– Штурман? – спросил Манкузо.

Штурман поднял голову от прокладочного столика.

– Его скорость пятнадцать узлов. Расстояние между нами сейчас пятьсот ярдов.

– Вперед, одну треть мощности, – скомандовал капитан. – Поднять перископ. – Жирная от смазки стальная труба снова скользнула вверх – до предела.

– Капитан, я принимаю радиолокационные сигналы со стороны кормы, пеленг два-шесть-восемь. Это – «Дон-2», – сказал техник.

– Мостик, говорит гидролокационный пост. Оба объекта увеличили скорость. Судя по числу оборотов, скорость «Гриши» двадцать узлов и продолжает расти, – сообщил Джоунс. – Подтверждаем, что цель – фрегат типа «Гриша». Восточный контакт остается неопознанным, один винт, по-видимому, бензиновый двигатель, обороты винта при скорости около двадцати узлов.

– Расстояние около шести тысяч ярдов, – сообщили из группы управления огнем.

– Вот сейчас начинается веселье, – заметил Манкузо. – Вот они у меня – Пеленг – сейчас!

– Ноль-девять-один.

– Расстояние. – Манкузо нажал на кнопку лазерного измерителя дальности. – Сейчас!

– Шестьсот ярдов.

– Молодец, штурман. Расчет атаки против «Гриши»? – задал он вопрос группе ведения огня.

– Трубы два и четыре готовы к стрельбе. Наружные люки пока закрыты, сэр.

– Пусть остаются закрытыми. – Манкузо подошел к нижнему люку рубки. – Помощник, принимайте командование. Я сам приму участие во встрече прибывших. Чем быстрее это сделаем, тем лучше.

– Стоп машины, – распорядился помощник. Манкузо открыл нижний люк и поднялся по лестнице в боевую рубку. За ним тотчас закрыли нижний люк. Он слышал, как волны бьются о «парус». По системе внутренней связи ему сообщили, что можно открывать наружный люк рубки. Манкузо повернул колесо, заdraивающее люк, и с трудом поднял тяжелый массивный круг. Тут же ему в лицо плеснуло пригоршней холодной морской воды, пахнувшей нефтью, но капитан не обратил на это внимания и поднялся на мостик.

Сначала он взглянул в сторону кормы. Там он увидел «Гришу», с клотиковым огнем низко на горизонте. Затем посмотрел вперед и достал из кармана электрический фонарик. Он направил луч прямо на приближающийся плотик и простучал букву "д" по азбуке Морзе.

– Свет, смотрите, свет! – воскликнула Мария. Кларк повернулся, посмотрел вперед и стал править к огоньку. Затем он увидел что-то еще.

Патрульный катер, преследовавший Кларка, отставал от него на добрых две мили. причем шарил своими поисковыми прожекторами совсем в другом месте. Капитан повернулся на запад, чтобы взглянуть на другую цель. Манкузо смутно припомнил, что у «Гриши» есть прожекторы, но по какой-то причине не принял это во внимание. В конце концов, почему прожекторы должны интересовать капитана подводной лодки? А ведь должны, если субмарина находится на поверхности, напомнил себе Манкузо. Фрегат был слишком далеко, чтобы рассмотреть подводную лодку, с прожекторами или без них, но эта ситуация может быстро измениться. Он наблюдал за тем, как поисковые прожекторы «Гриши» обшаривают морскую поверхность, и слишком поздно понял, что фрегат уже обнаружил «Даллас» на своем радиолокаторе.

– Я здесь, Кларк, поспеши, черт тебя побери! – крикнул он, перекрывая шум бьющихся о «парус» волн и размахивая фонарем влево и вправо. Следующие тридцать секунд растянулись, казалось, до следующего месяца. И вот плотик коснулся рубки.

– Помогите дамам, – произнес Кларк. Он прижимал плотик к рубке субмарины с помощью двигателя. «Даллас» продолжал двигаться, ему приходилось двигаться, чтобы сохранить эту глубину, когда лодка не на поверхности и не погрузилась. Первая из женщин двигается как молодая девушка, подумал шкипер, помогая ей перейти на мостик. Вторая была мокрой и дрожала. Кларк на мгновение задержался на плотике, устанавливая небольшой предмет на двигателе. Манкузо не мог понять, почему предмет не соскальзывает оттуда, и лишь через мгновение сообразил, что он или намагничен, или снабжен клеевой прокладкой.

– Спускайтесь по трапу, – сказал Манкузо женщинам.

Кларк вскарабкался на мостик и что-то сказал – по-видимому, то же самое, но по-русски. К Манкузо он обратился по-английски:

– До взрыва пять минут.

Женщины уже почти спустились. Кларк последовал за ними; глянув на плотик, следом начал спускаться Манкузо. Последнее, что он увидел, – это патрульный катер, направляющийся теперь прямо к ним. Капитан спрыгнул вниз и закрыл за собой тяжелый люк. Затем нажал на кнопку внутренней связи.

– Срочное погружение, и уходим!

Под ними открылся нижний люк, и Манкузо услышал команду помощника:

– Глубина девяносто футов, вперед, две трети мощности, руль до предела налево!

Старшина встретил дам у основания трапа, ведущего из боевой рубки. В любое другое время изумление на его лице было бы смешным. Кларк взял женщин под руки и повел их в каюту. Манкузо прошел в рубку.

– Принимаю командование на себя, – заявил он.

– Капитан принял командование на себя, – повторил помощник. – Радист передает, что слышны разговоры по радио, вблизи, на УВЧ, по-видимому, между «Гришей» и патрульным катером.

– Рулевой, ложимся на новый курс три-пять-ноль. Нужно уйти под лед. Они, похоже, знают, что мы здесь. По крайней мере догадываются, что кто-то есть в этом районе. Штурман, как обстановка на карте?

– Нам придется скоро совершить поворот, – предупредил штурман. – Отмель в восьми тысячах ярдов. Рекомендую курс двадцать-один. – Манкузо тут же распорядился об изменении курса.

– Глубина восемьдесят пять футов, выхолом на ровный киль, – сообщил офицер у глубокомера. – Скорость восемнадцать узлов. – Резкий взрыв объявил об уничтожении плота.

– О'кей, парни, сейчас нам осталось лишь одно – скрыться, – сообщил Манкузо офицерам в центре управления огнем. И тут же послышался пронзительный звук, говорящий о том, что это будет непросто.

– Мостик, докладывает гидролокационный пост. Подвергаемся активной гидролокации. Это луч «Гриши». – сообщил Джоунс, применяя сленговое выражение для русского гидролокатора. – Должно быть, сумел засечь нас.

– Нужно уходить под лед, – заметил штурман.

– Расстояние до цели?

– Чуть меньше четырех тысяч ярдов, – сообщил офицер из группы ведения огня. – Торпедные трубы два и четыре готовы.

Проблема, однако, заключалась в том, что они не имели права открывать огонь. «Даллас» находился в территориальных водах России, и даже в случае, если «Гриша» откроет по ним огонь на поражение, американцы не могли отстреливаться – это уже не самооборона, а ведение боевых действий. Манкузо взглянул на карту. Под килем субмарины было тридцать футов воды и всего двадцать над боевой рубкой – или «парусом», как принято теперь говорить, – минус толщина льда.

– Марк? – спросил капитан,

– Сначала они запросят указания, – решил Рамиус. – Чем больше у них времени, тем вероятнее, что они откроют стрельбу.

– Ясно. Полный вперед, – скомандовал Манкузо. При скорости тридцать узлов они окажутся в международных водах через десять минут.

Капитан прошел вперед в гидролокационный пост.

– «Гриша» проходит на траверзе с левого борта, – сообщил Джоунс.

– И что же? – спросил Манкузо.

– Высокие частоты действуют во льду очень здорово, – ответил Джоунс. – Он ищет повсюду. Знает, что здесь есть что-то, но не может определить место.

Капитан поднял трубку телефона.

– Выпустить пару шумовых пятидюймовок, – распорядился он.

Пара отвлекающих шумовых «торпед», волоча за собой след пены, вырвалась с левого борта субмарины.

– Отлично, Манкузо, – одобрительно отозвался Рамиус. – Его гидролокатор замкнется на них. Ему трудно маневрировать во льду.

– В ближайшую минуту все станет ясно. – И едва капитан закончил эту фразу, как субмарину потрясли мощные взрывы. Из носовой части подлодки донесся женский визг.

– Самый полный вперед!

– Странно, что он выстрелил так быстро, услышав отвлекающий звук, – удивился Рамиус.

– Теряем гидролокационный контакт, шкипер, – сообщил Джоунс. Видеоэкран покрылся зигзагами шума. Манкузо и Рамиус прошли в корму. У штурмана на карте был проложен курс.

– Вот оно что, нам придется пересечь вот это место, где кончается лед. Готов поспорить, он знает об этом. – Манкузо поднял голову. Они все еще слышали звуки активного гидролокирования и по-прежнему не могли вести ответный огонь. И вовсе не исключено, что этому «Грише» может повезти.

– Радио! Манкузо, разрешите мне поговорить по радио! – воскликнул Рамиус.

– Мы так никогда не поступаем, – произнес капитан. – Американская доктрина гласит, что нужно уходить, ни в коем случае не давая понять, что здесь находилась подводная лодка.

– Я знаю это. Но ведь мы не американская субмарина, капитан Манкузо. Мы – советская подлодка, – заявил Рамиус. Барт Манкузо кивнул. Он еще ни разу не прибежал к этому.

– Всплыть на глубину антенны!

Радист настроил передатчик на частоту морской погранохраны, и тонкая антенна УВС показалась надо льдом. Вместе с ней показался перископ.

– Вот он, совсем близко. Опустить перископ!

– Радиолокационный контакт пеленг два-восемь-один, – донеслось из динамика.

Капитан «Гриши» возвращался после недельного патрулирования в Балтийском море с опозданием на шесть часов и заранее предвкушал четверо суток отдыха. И тут из гавани Таллинна поступила радиограмма о неопознанной лодке, вышедшей из порта, за которой следовал катер КГБ, затем были отмечены небольшой взрыв недалеко от катера КГБ и тут же несколько гидролокационных контактов. Двадцатидевятилетний старший лейтенант, всего три месяца назад назначенный командиром фрегата, быстро оценил ситуацию и дал залп по тому месту, где находился гидролокационный контакт, представлявший, по мнению его гидролокаторщика, подводную лодку.

Теперь командир фрегата раздумывал, а не совершил ли он ошибку и насколько ужасной она может оказаться. Он знал лишь одно, что не имеет ни малейшего представления о том, что здесь происходит, но, если он преследовал подлодку, она уходит на запад.

И вот теперь радиолокационный контакт по носу. Тут же заговорил динамик, настроенный на частоту пограничной охраны.

– Прекрати огонь, идиот! – завопил мужской голос, повторив это трижды.

– Опознайте себя! – ответил командир «Гриши».

– Это «Новосибирский комсомолец»! Какого черта вы ведете огонь боевыми снарядами во время маневров! Это вам нужно опознать себя!

Молодой офицер уставился на микрофон и выругался, «Новосибирский комсомолец» был подлодкой, ведущей специальные операции, которая базировалась в Кронштадте, все время занимающейся «спецназовскими» играми...

– «Крепкий».

– Спасибо. Мы обсудим случившееся послезавтра. Конец связи!

Командир посмотрел на личный состав, находящийся на мостике.

– Какие еще маневры?

– Очень жаль, – заметил Марк, вешая микрофон. – Он хорошо вел себя. Теперь ему понадобится несколько минут, чтобы связаться со своей базой, а потом...

– Больше нам ничего не нужно. И они все еще не знают, что произошло. – Манкузо повернулся к штурману. – Каков самый короткий путь?

– Курс два-семь-пять, расстояние одиннадцать тысяч ярдов.

На скорости в тридцать четыре узла это расстояние субмарина прошла очень быстро. Десять минут спустя «Даллас» находился в нейтральных водах. Все, кто был в боевой рубке, почувствовали, как спало напряжение. Манкузо изменил курс в направлении большей глубины, приказал сбавить скорость до одной трети и вернулся к гидролокации.

– Ну вот и все, – объявил он.
– Так все же что случилось, сэр? – поинтересовался Джоунс.
– Просто не знаю. что тебе и сказать,
– Как ее зовут? – со своего места Джоунс видел, что делается в коридоре.
– Я и сам не знаю этого. Пойду спрошу. – Манкузо встал, пересек коридор и постучался в дверь каюты Кларка.
– Кто там?
– Сам догадайся, – ответил Манкузо, Кларк открыл дверь. Капитан увидел молодую женщину, хорошо одетую, но с мокрыми ногами. Затем из гальюна появилась та, что постарше. Она была одета в рубашку и брюки цвета хаки – это обмундирование принадлежало главному механику «Далласа». В руках она держала свою мокрую одежду, которую вручила Манкузо, сопроводив русской фразой:
– Она хочет, чтобы вы высушили и выгладили ее вещи, шкипер, – перевел Кларк и расхохотался. – Это и есть наши новые гости. Госпожа Герасимова и ее дочь Катрин,
– И что же в них особого? – спросил Манкузо.
– Мой отец – глава КГБ! – сообщила Катя.
Капитан едва не выронил переданную ему мокрую одежду.

– Нас сопровождают, – заметил второй пилот. Самолеты приближались справа, на них сверкали проблесковые огни. Пара истребителей-перехватчиков. – Сближаются очень быстро.
– До побережья двадцать минут лета, – сообщил штурман. Пилот уже давно заметил впереди береговую черту.
– Черт побери! – выругался полковник фон Эйк. Истребители промчались меньше чем в двух сотнях ярдов по высоте, чуть больше по горизонтали. Через мгновение VC-137 подбросило на их выхлопных газах.
– Внимание управления воздушно-диспетчерской службы, говорит американский самолет ВВС рейс номер девять-семь-один. Мы едва не столкнулись в воздухе с неопознанными самолетами. Что там происходит, черт побери!

– Дайте мне поговорить с советским офицером! – послышался чей-то голос. Он явно принадлежал не авиадиспетчеру.

– Я являюсь командиром этого самолета и лично веду все переговоры, – ответил полковник фон Эйк. – Мы летим на высоте одиннадцать тысяч шестьсот метров, курс два-восемь-шесть. Это тот курс, который стоит в нашем полетном плане, в выделенном нам воздушном коридоре. У нас неисправна система электропроводки. Нам вовсе ни к чему, чтобы какой-то безумный летчик-истребитель играл с нами в пятнашки. Это американский самолет с дипломатической делегацией на борту. Вы что, хотите начать третью мировую войну? Прием.

– Девять-семь-один, вам было приказано вернуться!

– Нет! У нас неисправна система электропроводки, и мы не можем, повторяю, не можем выполнить приказ. Мой самолет летит без ходовых огней, и эти сумасшедшие МиГи едва не столкнулись с нами. Вы что, пытаетесь убить всех нас? Прием.

– Вы похитили советского гражданина и должны вернуться в Москву!

– Прошу повторить, плохо слышу, – попросил фон Эйк.

Но капитан не мог сделать этого. По профессии истребитель-перехватчик – его поспешно перебросили в Энгури, последний авиадиспетчерский пост на советской территории, проинструктировали и приказали заставить повернуть обратно американский самолет, – он понял, что ему не следовало говорить то, что он только что произнес.

– Но вы обязаны остановить этот самолет! – крикнул генерал КГБ.

– Тогда все просто. Я прикажу своим МиГам сбить его! – ответил капитан таким же тоном. – Вы отдаете мне такой приказ, товарищ генерал?

– У меня нет такой власти. Вы должны остановить этот самолет.

– Это невозможно. Мы можем сбить его, но не можем остановить.

– Хотите, чтобы вас расстреляли? – спросил генерал.

– Где он сейчас? – спросил своего ведомого пилот советского истребителя. Они видели самолет лишь один раз, и то на одно ужасное мгновение. Они могли преследовать вторгшийся самолет – вот только он уходил из советского воздушного пространства и вообще-то не вторгался сюда, это знали оба, – с помощью радиолокатора и могли сбить его ракетами, наводящимися на цель радаром, но сближаться с целью в темноте... Даже при относительно светлой ночи цель продолжала полет без опознавательных огней, и отыскать ее – означало рисковать тем, что американские летчики-истребители в шутку называли «лиса-четыре» – столкновение в воздухе, быстрое и впечатляющее, после которого никто не остается в живых.

– Хаммер Лид, – послышался голос в наушниках летчика. – Это – Тулбокс. Вам приказано сблизиться с целью и заставить ее повернуть обратно. Цель сейчас от вас в направлении на двенадцать часов, на той же высоте, расстояние три тысячи метров.

– Я и сам это знаю, – пробормотал себе под нос летчик. Он видел авиалайнер на экране радиолокатора, но не мог рассмотреть его визуально, а по радару не был в состоянии определить точно расстояние до него, чтобы получить предупреждение о неминуемом столкновении. К тому же ему все время приходилось думать о своем ведомом, висящем у самого крыла.

– Отойди назад, – распорядился летчик, обращаясь к ведомому. – Я займусь им один. – Он слегка подал вперед рычаги газа и чуть сдвинул вправо ручку управления. МиГ-25 был тяжелым, не слишком поворотливым истребителем, и управлять им было нелегко – Под каждым крылом висело по паре ракет «воздух – воздух», и, чтобы остановить авиалайнер, ему нужно было только... Но вместо того чтобы отдать ему приказ поступить так, как его обучали, какой-то осел из КГБ...

Вот. Он не видел сам самолет, но обратил внимание на то, что впереди что-то мелькнуло. Ага! Он потянул на себя ручку управления, поднялся на несколько сот метров и – наконец! – увидел «Боинг» на фоне морской поверхности. Медленно и осторожно он начал обгонять его, пока не оказался на траверзе авиалайнера и в двухстах метрах выше.

– Вижу огни по правому борту, – сообщил второй пилот. – Истребитель, только я не знаю какой.

– Если бы ты был на его месте, как бы ты поступил? – спросил фон Эйк.

– Попросил бы политическое убежище! Или сбил бы нас...

Русский летчик, сидящий позади них на откидном сиденье, был пристегнут и не имел ни малейшего представления, как ему поступить. Он был отрезан от радиоканала, по которому велись переговоры, и имел доступ лишь к системе внутренней связи. Вообще-то его задача заключалась в том, чтобы говорить по-русски в случае неминуемой аварии. Москва потребовала, чтобы он повернул самолет назад. Он не знал почему, но – но что? – спросил он себя.

– Вот он, соскальзывает к нам.

Стараясь действовать как можно осторожнее, пилот МиГа сместился влево. Он хотел расположиться над кокпитом «Боинга» и затем медленно уменьшать высоту, заставляя американский самолет снижаться. Для такого маневра требовалась незаурядная выучка, и летчику оставалось лишь надеяться, что и американский пилот обладает таким же мастерством. Он расположился над кокпитом, стараясь увидеть... но...

Истребитель МиГ-25 спроектирован как перехватчик, и летчик, сидя в кокпите, имел очень ограниченное поле видимости. И вот теперь авиалайнер, над которым он летел, исчез из этого поля. Он посмотрел вперед. Побережье было всего в нескольких километрах впереди. Даже если ему и удастся заставить американский самолет снизиться, это произойдет над Балтийским морем. Летчик взял ручку управления на себя и набрал высоту, разворачиваясь направо.

– Тулбокс, говорит Хаммер Лид, – доложил он. – Американский самолет отказывается менять курс. Я сделал все что мог, но я отказываюсь идти на таран с «Боингом» без четкого и ясного приказа.

Авиадиспетчер следил за тем, как на экране радиолокатора две светящиеся точки слились в одну, и был изумлен, что сердце у него не остановилось. Что за чертовщина? Перед ними американский самолет.

Они не могут заставить его изменить курс, и, если произойдет катастрофа, кого в ней обвинят? Офицер принял решение.

– Возвращайтесь на базу. Конец связи.

– Вы дорого заплатите за это! – пообещал генерал КГБ военному авиадиспетчеру. Он ошибался.

– Слава Богу, – с чувством произнес фон Эйк, когда они пересекли береговую черту, и тут же вызвал к себе старшего стюарда. – Как чувствуют себя гости в хвостовой кабине?

– Почти все спят. У них, должно быть, вчера была изрядная гулянка. А когда у нас восстановится освещение?

– Бортинженер, – произнес пилот. – Вот тут спрашивают насчет освещения.

– Похоже, у нас вышел из строя рубильник, сэр. Мне кажется... да, я заменил его.

Пилот выглянул в окно. Красный опознавательный огонек светился на кончике левого крыла. Опознавательные огни снова горели, и восстановилось освещение во всех салонах, кроме хвостового. Пролетев Вентспилс, они повернули на курс два-пять-девять. Полковник фон Эйк с облегчением вздохнул. Два с половиной часа лета до Шаннона.

– Неплохо бы выпить кофе, – подумал он вслух.

Головку положил трубку и бросил несколько резких слов, непонятных Джеку, хотя их смысл был очевиден.

– Сергей, можно я приведу в порядок поцарапанное колено?

– Что вы здесь натворили, Райан? – спросил офицер КГБ.

– Я вывалился из самолета, и эти подонки улетели без меня. Я требую, чтобы меня отвезли в американское посольство, но сначала хотел бы заняться коленом, оно болит.

Головко и Ватутин посмотрели друг на друга, и у них в голове пронеслись одинаковые мысли. Что на самом деле произошло? Что теперь будет с ними? Как поступить с Райаном?

– Кому бы хоть позвонить? – спросил Головко.

27. В полной тайне

Ватутин решил позвонить начальнику своего главного управления, который позвонил первому заместителю председателя КГБ, тот позвонил кому-то еще и затем перезвонил в аэропорт, где все они сидели и ждали ответа. Ватутин выслушал указания, они прошли к автомобилю Герасимова, водитель получил распоряжения куда ехать, которых Джек не сумел понять. Машина помчалась прямо по пустым московским улицам – было уже далеко за полночь, и те, кто ходил в кино, оперу или балет, находились уже лома. Джек сидел, зажатый между двумя полковниками КГБ, и надеялся, что его везут в посольство. Но машина, не останавливаясь, продолжала нестись вперед, пересекла город на большой скорости, поднялась на Ленинские горы и въехала в леса, окружавшие Москву. Теперь Райана охватил страх. Дипломатическая неприкосновенность казалась куда более надежным прикрытием в аэропорту, чем в густых лесах.

Примерно через час автомобиль сбавил скорость и свернул с асфальтового шоссе на гравий дороги, извивающейся среди деревьев. Повсюду виднелись люди в военном обмундировании, с автоматами в руках. При этом зрелище Джек забыл о боли в лодыжке и колене. Куда его привезли? Зачем? Почему повсюду вооруженные солдаты? И тут у него в памяти промелькнула фраза из гангстерского фильма, зловещая и мрачная: отвезли его на прогулку, а вернулись уже без него...

Нет! Они не решатся на такое, говорил ему здравый смысл. Слишком много людей видели меня живым. Может быть, посол уже сейчас... Нет, посол ничего не знает. Он не был допущен к операции, и если с борта самолета не передали радиограмму... И все-таки они не решатся... Однако в Советском Союзе, говорилось в поговорке, случаются вещи, которые просто не случаются. Дверца открылась. Головка вышел из машины и вытащил Райана за собой, Единственное, в чем он теперь не сомневался, так это в том, что сопротивляться бесполезно.

Перед ним был дом, самый обычный деревянный дом среди деревьев. Освещенные окна

с задернутыми шторами. Райан увидел с десяток людей, стоявших в близости, – все в военной форме, все с автоматами, все смотрят на него с таким же интересом, с каким смотрят на бумажные мишени. Один из них – офицер – подошел к Райану и обыскал его. Когда руки офицера коснулись окровавленного колена, Джек не сумел удержаться от стога. Райан удивился, когда офицер пробормотал что-то похожее на извинение. Затем офицер повернулся к Головке и Ватутину, те сдали свои пистолеты и вошли с Райаном в дом.

В прихожей у них взяли пальто. Еще два человека, стоящие у дверей, были явно полицейскими или из КГБ. На них были расстегнутые куртки, и, судя по тому, как они стояли, у обоих были наготове пистолеты. Джек вежливо кивнул им и не получил никакого ответа – лишь один из них подошел и еще раз тщательно обыскал его, пока второй наблюдал с безопасного расстояния, готовый к стрельбе. Райана поразило, что обоих полковников КГБ тоже обыскали. Когда процедура завершилась, их пригласили войти в гостиную.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Андрей Ильич Нармонов сидел в глубоком кресле перед пылающим камином. Когда четверо вошли в комнату, он встал навстречу и пригласил их сесть на диван напротив своего кресла. Телохранитель встал позади главы советского правительства. Нармонов говорил по-русски, и Головка переводил.

– Кто вы?

– Джон Райан, сэ, – ответил Джек. Генеральный секретарь пригласил его сесть в кресло напротив и заметил, как по лицу американца промелькнула болезненная гримаса.

– Анатолий, – произнес он. Телохранитель подошел к Райану, взял его под руку и прошел вместе с ним в ванную первого этажа. Там он смочил водой полотенце и передал Джеку – В гостиной продолжали говорить, но Райан слишком плохо знал русский, чтобы понять, о чем идет речь. Промыть поцарапанную ногу было приятно, но он увидел, что брюкам конец, а другая смена одежды – Райан взглянул на часы – сейчас где-то в районе Дании. Анатолий не сводил с него глаз. Когда рана была промыта, он достал из шкафчика марлевый бинт, помог Райану перебинтовать колено и затем осторожно, не спеша отвел его обратно в гостиную.

Головка все еще находился там, хотя Ватутина уже не было, и пустое кресло поджидало Райана. Анатолий снова занял место позади

Нармонова.

– Приятно погреться у камина, – сказал Райан. – Спасибо, что вы позволили мне промыть рану.

– Головка сказал, что мы не виноваты в этой ране. Это правда?

Вопрос показался странным Джеку, потому что Головка занимался переводом. Значит, Андрей Ильич говорит по-английски?

– Да, сэр, я упал сам. Со мной обращались без всякого насилия. – Без всякого насилия, это уж точно. Всего лишь до смерти перепугали, подумал Райан. Но ведь я сам виноват.

Нармонов посмотрел на него с интересом, прежде чем заговорил снова:

– Мне не нужна была ваша помощь.

– Не знаю, о чем вы говорите, сэр, – солгал Райан.

– Вы действительно думали, что Герасимов сумеет свергнуть меня?

– Сэр, я не знаю, что вы имеете в виду. Мне было поручено спасти одного из наших агентов. Для этого понадобилось скомпрометировать председателя Герасимова. Понадобилось всего лишь забросить удочку с соответствующей наживкой.

– И ловить соответствующую рыбу. – заметил Нармонов. Удовлетворение, заметное в его голосе, не отразилось на его лице. – И этот ваш агент был полковником Филитовым?

– Да, сэр. Вы знаете это.

– Мне только что сообщили.

Значит, вам известно, что и Язов оказался скомпрометированным. Насколько им удалось приблизиться к поставленной цели, товарищ генеральный секретарь? Райан не сказал этого вслух. Возможно, Нармонов и сам не знает ответа на этот вопрос.

– Вы не можете сказать, почему он стал изменником?

– Нет, сэр. Мне дали инструкции лишь по тем вопросам, которые я должен был знать.

– И поэтому вам ничего не известно о нападении на наш объект «Яркая звезда»?

– Что? – Джек был поражен услышанным, и это отразилось на его лице.

– Не считайте меня дураком, Райан. Это оскорбительно. Вам знакомо название нашего проекта.

– Да, он расположен к юго-востоку от Душанбе. Это я знаю. Но мне неизвестно о нападении на него.

– Я так и полагал. Вы не можете не знать, что такое вооруженное нападение равносильно объявлению войны, – заметил Нармонов. – Оно ничем не было спровоцировано.

– Сэр, офицеры КГБ несколько дней назад похитили американского ученого, работавшего в области Стратегической оборонной инициативы. Это было осуществлено по личному приказу председателя Герасимова. Ученого зовут Элан Грегори. Он является майором американской армии, и его удалось спасти.

– Я не верю этому, – ответил Головко, прежде чем перевести. Это вызвало раздраженную гримасу на лице Нармонова, но слова Райана потрясли его.

– Один из ваших офицеров взят в плен. Он жив. Это правда, сэр, – заверил Нармонова Джек.

Нармонов покачал головой, подошел к камину и подбросил в огонь еще одно полено. Потом взял кочергу и уложил его на соответствующее место.

– Это безумие, понимаете ли, – сказал он, не поворачиваясь от камина. – Сейчас между нами установилась ситуация, взаимно устраивающая обе стороны.

– Извините меня, я не понимаю, – заметил Райан.

– В мире установилась стабильность, не правда ли? И тем не менее ваша страна стремится к изменению создавшегося положения и вынуждает нас предпринимать аналогичные шаги. – То обстоятельство, что полигон ПРО, расположенный в Сары-Шагане, действовал уже больше тридцати лет, в настоящее время не имело значения.

– Господин секретарь, если вы считаете способность превратить каждый город, каждый дом в моей стране в пламя, которое сейчас перед вами...

– И в моей стране тоже, Райан, – прервал его Нармонов.

– Да, сэр, и в вашей стране тоже, и в ряде других. В вашей власти убить почти каждого гражданского человека в моей стране, а мы в состоянии умертвить почти каждого человека в вашей стране через шестьдесят минут или меньше после того, как вы поднимете

телефонную трубку или это сделает мой президент. И как мы называем такое положение? Мы называем его «стабильностью».

– Это и есть стабильность, Райан, – сказал Нармонов.

– Нет, сэр, мы применяем для технической характеристики подобной ситуации аббревиатуру ИКС – истребление конфликтующих сторон. С точки зрения лингвистики это не слишком удачно, зато достаточно точно. Существующая сейчас ситуация характеризуется этим словом, потому что никто не знает, к какому результату она может привести. То, что в ее создании принимали участие умные, интеллигентные люди, не делает ее более разумной.

– Но ведь она действует, верно?

– Сэр, почему мы считаем стабильной ситуацию, при которой несколько сотен миллионов людей находятся меньше чем в часе от смерти? Почему мы считаем оружие, способное защитить их, опасным? Не поставлено ли здесь все вверх ногами?

– Но если мы никогда не прибегнем к этому ужасному оружию... Неужели вы считаете, что я смогу жить, имея на своей совести такое преступление?

– Нет, ни один человек не сможет выдержать этого, но существует вероятность ошибки, недоразумения. Виновник, возможно, через неделю после этого покончит с собой, но для всех нас будет уже поздно. Эти ужасные штуки слишком просты для применения. Нажимаешь кнопку, и они уходят в небо и, вероятнее всего, попадут в цель, потому что им ничто не может помешать. Если что-то не встанет у них на пути, они обязательно сработают. А пока кто-то уверен, что они сработают, слишком легко ими пользоваться.

– Будьте реалистом, Райан. Неужели вы считаете, что мы когда-нибудь избавимся от атомного оружия? – спросил Нармонов.

– Нет, ото всех видов вооружений нам никогда не избавиться. Я понимаю это. У обеих сторон сохранится способность причинить друг другу немалый урон, но в наших силах сделать этот процесс более сложным, чем сейчас. Мы можем предоставить каждому из нас еще одну причину, по которой не следует нажимать на эту кнопку. В этом нет ничего дестабилизирующего, сэр. Это просто здравый смысл, всего лишь дополнительное средство защиты вашей совести.

– Вы говорите подобно своему президенту, – улыбнулся Нармонов.

– Но он прав. – Тоже улыбнулся Райан.

– Достаточно трудно спорить с одним американцем. Спорить со вторым выше моих сил. Как вы поступите с Герасимовым? – спросил генеральный секретарь,

– Все будет проводиться тихо и спокойно по вполне очевидным причинам, – произнес Джек, надеясь, что так и будет.

– Для моего правительства его бегство, если оно станет достоянием общественности, окажется тяжелым ударом. Может быть, удастся сообщить, что он погиб в результате авиакатастрофы...

– Я передам ваше пожелание моему правительству – если мне это позволят. Мы можем также не оглашать имя Филитова. Такие сенсации никогда не приносят пользы, они всего лишь затрудняют отношения между вашей страной и моей. И вам и нам хочется, чтобы договор о сокращении стратегических вооружений был подписан – хотя бы ради экономии средств для обеих сторон.

– Слишком маленькая экономия, – покачал головой Нармонов. – Несколько процентов от ассигнований на оборону.

– У нас в правительстве есть поговорка, сэр. Миллиард здесь, миллиард там – глядишь, скоро наберется порядочная сумма.

Нармонов рассмеялся.

– Вы позволите задать вопрос, сэр?

– Да. конечно.

– Что вы будете делать с деньгами? На нашей стороне от меня захотят рекомендаций.

– Тогда, может быть, вы выскажете мне свои предложения. Почему вам кажется, что я знаю это? – Нармонов встал, и Райан поднялся вместе с ним. – Возвращайтесь в посольство. Передайте своим людям, что для обеих сторон будет лучше сохранить происшедшее в тайне.

Через полчаса Райана высадили у парадной двери посольства. Первым он увидел сержанта морской пехоты. Вторым был Кандела.

VC– 137 совершил посадку в Шанноне на десять минут позже расчетного времени из-за встречного ветра над Северным морем.

Механик и еще один сержант ВВС вывели пассажиров через переднюю дверь, а когда все покинули самолет, вернулись обратно, чтобы закрыть заднюю. Пока в главном здании аэропорта сверкали блицы фотоаппаратов, к хвостовому отсеку «Боинга» подкатили трап, и из самолета вышли четыре человека, одетые в зимние парки сержантов американских ВВС. Они сели в машину, которая доставила их к дальнему концу терминала, где они поднялись в другой самолет 89-го военно-транспортного авиакрыла, VC-20, военный вариант реактивного «Гольфстрима».

– Здравствуйте, Михаил Семенович, – Мэри-Пэт Фоули встретила его у двери и провела вперед. Никогда раньше она не целовала Филитова, но сейчас компенсировала упущенное. – У нас готова еда и выпивка, и мы летим домой на другом самолете. Пошли, Михаил Семенович. – Она взяла старого полковника за руку и проводила его к креслу.

В нескольких футах от них Риттер здоровался с Герасимовым.

– Где моя семья? – спросил последний.

– В безопасности. На борту американского военного корабля. Мы встретимся с ней через два дня.

– Вы ждете от меня благодарности,

– Мы рассчитываем на ваше сотрудничество.

– Вам очень повезло, – заметил Герасимов.

– Да, – согласился Риттер. – Очень.

Посольский лимузин отвез Райана на следующий день в аэропорт Шереметьево, где он отправился рейсовым ПАНАМ-727 во Франкфурт. Ему был приобретен билет туристского класса, но Райан доплатил и полетел первым. Три часа спустя он пересел на «Боинг-747» тоже компании «ПАНАМ», летящий в аэропорт Далласа. Почти все время пути он проспал.

Бондаренко осмотрел кровавое поле битвы. Афганцы оставили сорок семь трупов, но многих унесли с собой. Из лазерных установок объекта уцелели лишь две. Все мастерские были уничтожены вместе с театром и общежитием. Больница пострадала гораздо меньше, и сейчас в ней разместилось множество раненых. Бондаренко очень повезло – ему удалось спасти три четверти инженеров и ученых и почти всех членов их семей. Здесь уже побывали четверо генералов, причем каждый хвалил его за героическое поведение, обещая ордена и повышение в звании, но он уже получил самую важную для него награду. Как только прибыло подкрепление, Бондаренко позаботился, чтобы все оставшиеся в живых оказались в безопасности. Теперь он смотрел на окружающую местность с крыши жилого здания.

– Нам придется здорово потрудиться, – раздался голос. Полковник, готовящийся стать генералом, обернулся.

– А-а, Морозов. У нас все-таки остались два лазера. Мастерские и лаборатории мы восстановим. Через год, может быть полтора, все будет в порядке.

– Да, пожалуй, – согласился молодой инженер. – На изготовление новых зеркал и управление ими потребуется никак не меньше. Товарищ полковник, наши люди хотели поблагодарить вас...

– Это моя работа. К тому же я защищал и себя. Больше подобного не случится. Отныне здесь будет размещаться батальон мотопехоты. Я уже позаботился об этом. К лету этот объект будет самым хорошо защищенным в Советском Союзе.

– Защищенным? Что это значит, товарищ полковник?

– Теперь это моя работа. И ваша, – добавил Бондаренко.

Эпилог. Точка соприкосновения

Ортиза ничуть не удивило, что майор вернулся один. Отчет о происшедшей битве занял час, и снова офицеру ЦРУ было передано несколько рюкзаков со снаряжением. Отряд Лучника сумел пробиться на свою сторону. Из почти двухсот бойцов, вышедших из лагеря беженцев в тот первый день весны, вернулось обратно меньше пятидесяти. Майор немедленно взялся за установление контактов с другими отрядами, и престиж, завоеванный его группой при осуществлении такой сложной и опасной операции, позволил майору вести переговоры со старыми и более могущественными командирами как с равными. Не прошло и недели, как он набрал новых бойцов, стремящихся отомстить неверным, и его отряд снова вырос. Договоренность, заключенная Лучником с Ортизом, оставалась в силе.

– Вы снова уходите в бой? – спросил нового командира офицер ЦРУ.

– Да, конечно. Теперь мы одерживаем победы, – ответил майор с такой уверенностью, объяснить которую даже не мог.

Ортиз следил за тем, как они ушли из лагеря, двигаясь один за другим, длинной цепочкой, маленькие свирепые воины, находящиеся теперь под руководством кадрового военного. Он надеялся, что это принесет им успех.

Герасимов и Филитов больше никогда не встречались. Допросы продолжались неделями и проводились в отдельных помещениях. Филитова увезли в Кэмп-Пири, штат Виргиния, где он встретился с очкастым американским майором и рассказал все, что было ему известно о достигнутом Россией прорыве в области мощности лазеров. Старому полковнику показалось странным, что этот юноша был так взволнован, узнав о вещах, которые он заставил себя запомнить, но так и не понял их смысла.

После этого ему пришлось объяснить подробности своей карьеры, развивавшейся параллельно первой. Целое поколение старших американских офицеров приезжало к нему. Они обедали с ним, совершали прогулки и нередко пили, что беспокоило врачей, но никто не мог запретить этого «Кардиналу». Квартира, где он жил, тщательно охранялась, и в ней даже была установлена аппаратура подслушивания. Техники, занимающиеся подслушиванием, немало удивлялись, что Филитов иногда разговаривает во сне.

Старый офицер ЦРУ, которому до пенсии оставалось всего полгода, отложил в сторону газету, когда снова услышал, как полковник разговаривает во сне. Он улыбнулся этому бормотанию, доносящемуся из наушников, и забыл о статье, где говорилось о визите президента в Москву. Несчастный, одинокий старик, думал он, прислушиваясь к словам Филитова. Почти все его товарищи погибли, и он видит их лишь во сне. Может быть, именно поэтому он и решил работать на нас? Бормотание прекратилось, и охранник «Кардинала», сидящий в соседней комнате, снова поднял газету.

– Товарищ капитан, – сказал Романов.
– Слушаю, ефрейтор? – Этот сон казался Филитову более реальным, чем все предыдущие. Через мгновение он понял почему.

Они провели все четыре дня медового месяца под охраной офицеров службы безопасности – оба, и Эл и Кэнди, не хотели оставлять работу на более длительный срок. Майор Грегори снял трубку телефона, когда услышал звонок.

– Да, я хочу сказать; слушаю вас, сэр, – услышался его голос. Печальный вздох. Едва заметно качнулась голова в темноте. – И даже некуда послать цветы? А может быть, мы с Кэнди... а... понятно. Спасибо, что позвонили, генерал. – – Она услышала, как он положил трубку и еще раз тяжело вздохнул.

- Кэнди. ты не спишь?
- Нет.
- Нашего первого мальчика назовем Майклом.

Среди обязанностей генерал-майора Григория Далматова, военного атташе советского посольства в Вашингтоне, было немало и церемониальных обязанностей, изрядно мешавших исполнению его главной задачи – сбору разведывательных данных. Поэтому он почувствовал легкое раздражение, поговорив по телефону с Пентагоном. Его попросили приехать в штаб-квартиру американского министерства обороны – и, к его полному удивлению, в парадной форме! Автомобиль генерала остановился у того входа в Пентагон, что выходит на Потомак, и встретивший его молодой капитан воздушно-десантных войск проводил русского генерала в кабинет генерала Бена Крофтера, начальника штаба американской армии.

– Могу я поинтересоваться, что здесь происходит? – спросил Далматов.

– Нам хотелось, чтобы ты увидел это собственными глазами, Григорий, – как-то загадочно произнес Крофтер. Они прошли через огромное здание к вертолетной площадке Пентагона и там, к изумлению Далматова, поднялись на борт вертолета морской пехоты, принадлежащего личному авиакрылу президента. «Сикорский» тут же взлетел и направился на северо-запад, в холмы Мэриленда. Через двадцать минут вертолет начал снижаться, и генерал удивился еще больше – они совершили посадку в Кэмп-Дэвиде. У трапа выстроился почетный караул морских пехотинцев в парадной форме, приветствовал их и проводил в соседнюю рощу. Несколько минут спустя они оказались на поляне. Далматов не знал, что здесь растут березы, тут было с пол-акра березовой рощи. Поляна находилась на вершине холма, откуда открывался прекрасный вид на окружающую местность.

И на этом холмике была выкопана в земле прямоугольная яма ровно шести футов глубиной. Казалось странным, что рядом нет

памятника и что дерн аккуратно снят и отложен в сторону, чтобы потом вернуть его на место.

Вокруг поляны Далматов заметил цепь морских пехотинцев в маскировочной одежде и с оружием в руках. Впрочем, нет ничего удивительного, что здесь обращают особое внимание на безопасность, и генералу показалось почему-то успокаивающим, что за последний час тут появился представитель другой державы.

Сначала показался джип. Два морских пехотинца – на этот раз оба в синей форме – подошли к могиле и установили скамейки вокруг нее. Они, должно быть, готовились к этой церемонии, потому что им потребовалось всего три минуты. Затем из-за деревьев показался грузовик, сопровождаемый несколькими джипами. В кузове грузовика лежал полированный дубовый гроб. Грузовик остановился в нескольких метрах от могилы. Рядом выстроился почетный караул.

– Позвольте спросить, почему я оказался здесь? – спросил Далматов у генерала Крофтера, не в силах долее сдерживать любопытство.

– Вы ведь были танкистом, правда?

– Да, генерал Крофтер, так же как и вы.

– Так именно по этой причине.

Шесть морских пехотинцев из почетной охраны установили гроб на доски над могилой. Старший сержант, командующий почетной охраной, снял крышку с гроба. Крофтер подошел к могиле. Далматов не удержался от возгласа удивления, увидев, кто находится внутри.

– Михаил Семенович!

– Вижу, вы были знакомы, – послышался сзади чей-то голос. Далматов обернулся.

– Вы – Райан. – Рядом с ним стояли остальные – Риттер из ЦРУ, генерал Паркс и молодая пара, причем жена была беременна, отметил Далматов. По ее щекам в мягком весеннем ветре текли слезы.

– Да, сэр.

Русский генерал сделал жест в сторону гроба.

– Где... как вам удалось...

– Я только что прилетел из Москвы, Генеральный секретарь проявил благородство и позволил мне захватить с собой парадный мундир полковника и его боевые награды. Он сказал... он сказал, что в данном случае предпочитает помнить те подвиги, за которые он

получил эти Золотые Звезды. Мы надеемся, что вы передадите своему народу, что полковник Михаил Семенович Филитов, трижды Герой Советского Союза, тихо скончался во сне.

Генерал Далматов покраснел.

– Он был изменником... предал свою страну... я не собираюсь стоять здесь...

– Генерал, – резко произнес Райан, – вам должно быть ясно, что генеральный секретарь не согласен с такой точкой зрения. Этот человек проявил себя настоящим героем как по отношению к вашей стране, так и по отношению к нашей. Скажите мне, генерал, сколько битв у вас на счету? Сколько ран получили вы, защищая свою страну? Неужели вы можете, глядя на этого человека, называть его предателем? Как бы то ни было... – Райан сделал знак сержанту, и тот закрыл гроб крышкой. После этого другой морской пехотинец разостлал на крышке гроба советский флаг. Группа стрелков приблизилась к могиле и выстроилась у изголовья. Райан достал из кармана лист бумаги и прочитал описание подвигов советского полковника Филитова, Стрелки подняли винтовки и дали залп. Горнист протрубил отбой.

Далматов вытянулся по стойке смирно и приложил руку к козырьку. Жаль, что эту церемонию пришлось проводить втайне, подумал Райан, но ее простота придавала ей достоинство, и это делало ее торжественной.

– Но почему именно здесь? – спросил Далматов.

– Я предпочел бы похороны на Арлингтонском кладбище, но это могло привлечь внимание. Вон там, за этими холмами, находится поле битвы при Антиэтаме. В этот самый кровавый день нашей Гражданской войны союзные войска отбили первую попытку генерала Ли вторгнуться на Север после отчаянной битвы. Это место показалось подходящим для похорон, – закончил Райан. – Герой должен покоиться в безымянной могиле, и потому ему следует по крайней мере близко находиться к месту, где пали боевые товарищи.

– Товарищи?

– Так или иначе все мы боремся за то, во что верим. Разве это не общая точка соприкосновения? – спросил Райан. Он направился к своей машине, оставив генерала Далматова погруженным в раздумья.